

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

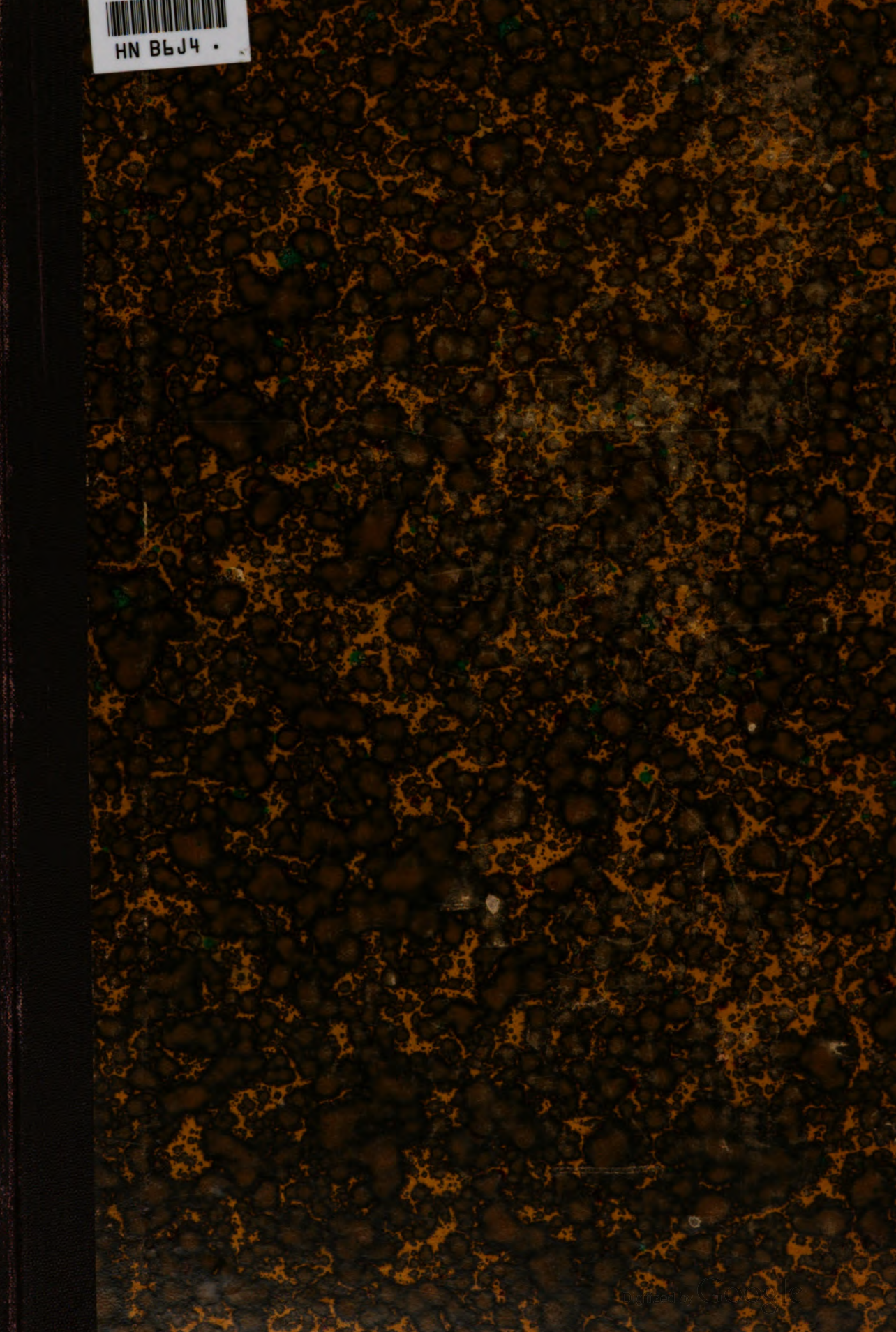
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HN BBJ4 .

OL 46021.5

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF
JOHN HARVEY TREAT
OF LAWRENCE, MASS.
(Class of 1862)

0
A. С. Хахановъ.
А. С. Хахановъ.

ОЧЕРКИ

ПО

ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

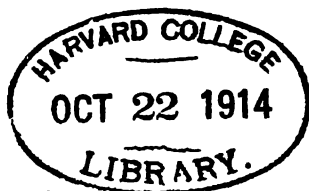
НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ И АПОКРИФЫ.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1895.

OL 46021.5

~~OL 46021.5~~

Great fund

Печатано подъ наблюдениемъ Члена-Соревнователя А. С. Хаханова.

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

Настоящій очеркъ, посвященный народному эпосу и апокрифамъ, является первымъ опытомъ по исторіи грузинской словесности. Какъ всякій опытъ, нашъ трудъ отличается недостаточной полнотой и слабой разработкой тѣхъ вопросовъ, которые въ немъ затронуты. Эта отрицательная сторона преимущественно отразилась на второмъ отдѣлѣ нашего труда, именно на апокрифахъ, впервые извлеченныхъ нами изъ рукописей и напечатанныхъ здѣсь по русски частью въ переводѣ, частью же въ изложеніи. Мы и не ставили себѣ задачей изслѣдовать грузинскіе апокрифы и эпосъ во всѣхъ деталяхъ сравнительно съ однородными памятниками, такъ какъ подобная постановка изученія совершенно нетронутаго литературнагоклада, расширивъ объемъ нашей книги и замедливъ ея появленіе, отклонила бы насъ отъ желанія дать въ ближайшемъ будущемъ возможность специалистамъ ввести грузинскіе устные и письменные памятники въ кругъ литературы вопроса. Однако, мы не могли довольствоваться однимъ переводомъ или изложеніемъ нашихъ памятниковъ. Намъ представлялось неизбѣжнымъ опредѣлить въ извѣстной степени положеніе грузинскаго эпоса среди произведеній другихъ народовъ и указать по доступнымъ источникамъ отношеніе грузинскихъ апокрифовъ къ апокрифамъ греческимъ, славянскимъ, латинскимъ, армянскимъ и др. Мы соединили въ одной части эпосъ и апокрифъ въ виду той связи, которая установлена между ними новыми изслѣдователями. Не ограничиваясь механическимъ расположеніемъ боже о боже этихъ двухъ отдѣловъ словесности, мы дѣлали попытки непосредственно за ними то въ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ (напр. сказанія объ Амиранѣ, духовные стихи, легенды и др.) отмѣтить тѣ наслоенія, которыя отражаютъ вліяніе апокрифовъ. При другихъ условіяхъ возможно было бы открыть иные слѣды взаимодѣйствія эпоса и апокрифовъ, но настоятельная потребность хотя бы въ бѣгломъ обзорѣ памятниковъ грузинской словесности послужила поводомъ къ поспѣшному опубликованію нашего сочиненія. Мы воспользуемся всѣми полезными указаніями для внесенія поправокъ въ первый опытъ очерковъ по грузинской словесности и

вмѣстѣ съ новыми апокрифами, таящимися въ Тифлис. церковномъ музеѣ и Обществѣ распространенія грамотности среди грузинъ приложимъ во второй части задуманной нами работы. Весь обзоръ нашъ рассчитанъ на четыре книги. Содержаніе первой изъ нихъ представлено уже на судъ читателей, во второй мы предполагаемъ обнять исторію письменной словесности до XIII в., т. е. до конца золотой эры грузинской литературы, третью часть посвятимъ памятникамъ съ XIII в. до XVIII в. включительно, а четвертую отведемъ новому періоду грузинской словесности, начавшейся со времени водворенія русскаго владычества на Кавказѣ. Насколько намъ удастся осуществить свой планъ, это дѣло будущаго; теперь же остается пожелать, чтобы наша работа возбудила интересъ къ богатой, но игнорируемой учеными, грузинской литературѣ.

Грузинскій языкъ.

Пространство, на которомъ распространена иверійская или картвельская (грузинская) группа языковъ, извѣстно съ древнихъ временъ подъ именемъ Иверіи, Гурджистана, Георгіи, Géorgie, Грузіи. Въ составъ Грузіи въ лучшую эпоху ея жизни, при царицѣ Тамарѣ въ XII в., входили часть Албаніи, Кахетія, Карталивія, Колхида, Месхетія, Таохія Страбона или грузинскій Таоскари до Трапезунда. На этомъ пространствѣ господствовала иверійская группа языковъ, къ которой относятся языки: грузинскій, мингрельскій, лазскій и сванетскій. Отношеніе иверійской группы языковъ къ установленнымъ семьямъ языковъ до сихъ поръ не опредѣлено. Боппъ и Броссе относили ее къ индо-европейской, Максъ Мюллеръ къ туранской семьѣ языковъ, а Фридрихъ Мюллеръ выдѣлялъ, такъ называемые географическимъ терминомъ, кавказскіе языки въ изолированную группу языковъ. „Кавказскіе языки“ въ свою очередь разбиты на три класса: классъ западно-горскихъ языковъ, классъ восточно-горскихъ языковъ и иверійскій классъ языковъ, причемъ родство между этими отдѣльными подраздѣленіями кавказскихъ языковъ не признается ¹⁾. Въ такомъ положеніи находится вопросъ объ отношеніи грузинскаго языка къ другимъ группамъ языковъ.

Памятники, дошедшіе до насъ на грузинскомъ языкѣ, относятся къ христіанской эпохѣ жизни Грузіи. Наиболѣе древнимъ пока считается Ксанское пергаментное евангеліе VI в., по опредѣленію покой-

¹⁾ *Klaproth. Asia polyglotta et Voyage au Mont Caucase et en Géorgie*, 2 volumes. Paris, 1823. *Die Kaukasische Glieder des Indoeuropischen Sprachstammes von Franz Bopp*. Berlin 1847. *Lettre à M. Bopp sur son rapport relativement aux recherches phil. de M. le docteur Rosen par M. Brosset* (въ *Bul. hist.—phil.*, t. II.) *Max Müller. The Languages of the seat of war in the east*. 2 ed. London, Leipzig, 1855, p. 194). *Fr. Müller Orient und Occident*, Göttingen, 1864 p. II, p. 546. *Цапарем. Грамматическая литература грузинскаго языка*. Спб. 1873. *Моя статья въ Wiener Zeitschrift f. d. Kunde d. Morgenl.* VII B. Ueber den gegenwärtigen Stand der grusinischen Philologie стр. 312, 313.

наго грузинолога Д. Бакрадзе. *) Переводъ Евангелія и вообще церковно-богослужебныхъ книгъ владеть въ Грузіи начало литературному языку, который ближе стоялъ къ древне-грузинскому народному, чѣмъ къ настоящему пеквижному. Развиваясь, правда не особенно сильно, вмѣстѣ съ народомъ, грузинскій языкъ подвергся разнымъ вліяніямъ другихъ народовъ. Одна и та же грузинская рѣчь измѣнялась въ разныхъ областяхъ и разбивалась на областныя нарѣчія: гурійско-имеретинское, варталино-вахетинское, пшаво-хевсурское, месхійское, ингилойское. Самымъ сильнымъ чужеземнымъ вліяніемъ было вліяніе древне-персидское, передавшее грузинскому языку массу культурныхъ словъ. За нимъ слѣдовало вліяніе греческое, усилившееся со времени переводовъ церковно-богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ сочиненій на грузинскій языкъ. Столкновенія и сношенія съ другими восточными и западными народами способствовали внесенію въ нашъ языкъ многихъ иностранныхъ словъ—санскритскихъ, латинскихъ, арабскихъ, армянскихъ, тюркскихъ. Вообще же нужно замѣтить, что западная Грузія испытала больше вліянія со стороны Турціи, а восточная со стороны Персіи. Со времени владычества русскихъ на Кавказѣ и распространенія вѣдшихъ формъ западно-европейской жизни, грузины заимствовали не мало иностранныхъ словъ, относящихся къ наукамъ и искусствамъ, строю военному и административному, быту общественному и частной жизни.

*) Древніе варианты груз. четверо-евангелія. (Труды V археол. съѣзда).

Народная словесность.

Исторія грузинской словесности обнимаетъ произведенія грузинскаго народа, распадающіяся на два вида: на устныя или народныя, письменныя или литературныя. Народная, устная безъискусственная словесность предшествуетъ письменной литературной, искусственной словесности. Между этими видами словесности есть двойное различіе—внѣшнее и внутреннее. Первое различіе заключается въ томъ, что народныя произведенія, не записываясь, передаются устно изъ одного поколѣнія въ другое, а литературныя пишутся обыкновенно при самомъ ихъ возникновеніи. Второе различіе заключается въ томъ, что авторъ устныхъ произведеній—цѣлый народъ; авторъ сочиненій литературныхъ—отдѣльныя личности. Устная поэзія обнимаетъ всѣ интересы народной жизни, литературная служитъ выраженіемъ взглядовъ и чувствованій отдѣльныхъ лицъ. Отсутствіе личности въ народныхъ произведеніяхъ устраняетъ субъективность и преднамѣренность цѣли автора.

Народъ смотритъ на свою поэзію, какъ на драгоценное достояніе, неприкосновенное преданіе, имѣющее смыслъ священной старины. Начало народной словесности восходитъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ, и самый древній ея видъ—пѣсни-молитвы языческимъ богамъ, называемыя обрядовыми пѣснями. Вся же народная поэзія, обнимавшая всѣ стороны первобытной жизни, разбилась на отдѣльныя части, являющіяся „разрозненными членами обширнаго эпическаго преданія“. Главнѣйшіе изъ этихъ членовъ — пѣсни и сказки, менѣе важныя—пословицы, загадки, заговоры. Къ другому отдѣлу народной словесности относятся произведенія, сложившіяся подъ вліяніемъ книжной литературы: духовные стихи и легенды. Что касается до объясненія происхожденія и значенія народныхъ произведеній, то въ настоящее время мифологическая теорія, толкующая всѣ виды устной словесности, какъ символическое олицетвореніе разныхъ силъ и явленій природы, не является исключительно господствующей. Эта теорія, главными представителями которой на западѣ были

Я. Гриммъ, Маннгардтъ, Шварцъ, А. де-Губернатисъ, нашла среди русских ученых горячих послѣдователей. Достаточно назвать покойнаго с.-петербургскаго профессора Ор. Миллера и Аванасьева, почтенный трудъ котораго „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“ является образцомъ объясненія народныхъ сказаній на мифологической почвѣ.

Такое направленіе въ толкованіи народной словесности нашло ограниченіе со стороны представителей теоріи *литературнаго заимствованія*: Бенфея на Западѣ, акад. А. Н. Веселовскаго, Вс. О. Миллера и др. въ Россіи. Въ послѣднее время выступает ограниченіе вліянія древней индійской словесности и богомильской литературы и съ большей рельефностью выдвигается значеніе христіанской канонической и апокрифической литературы, проникавшее на отдаленный Сѣверъ и Востокъ. Извѣстный лингвистъ проф. въ Христіаніи Ссфусъ Бугге попытался даже объяснить саги скандинавской Эдды христіанскими преданіями, занесенными на Сѣверъ проповѣдниками-монахами Британскихъ острововъ. По объясненію Бугге выходитъ, что Локи произошелъ изъ Люцифера, сказаніе о смерти Вальдура—отзвукъ христіанскихъ сказаній о смерти Спасителя и т. д.

Христіанскія вліянія проникли на Востокъ, въ Монголію, Туркестанъ, Китай благодаря несторіанамъ, изгнаннымъ изъ Византійской имперіи за еретическое ученіе. (Докладъ проф. Хвольсона на VIII археол. съѣздѣ). Съ другой стороны, плѣнники христіане, число которыхъ въ XIII в. было достаточно въ столицѣ монгольскихъ хановъ, Каракорумѣ, распространяли христіанскія сказанія: Въ монгольскихъ сказаніяхъ обнаруживаются такіе мотивы, которые должны быть отнесены на счетъ христіанскихъ литературныхъ вліяній. Сказанія грузинъ объ Амиранѣ и *мірозданіи* также ¹⁾ отражаютъ вліяніе сваяч. писанія. Во многихъ сказкахъ сохранилось нѣсколько мотивовъ изъ апокрифовъ о Соломонѣ (сказаніе „Соломонъ и рыболовъ“).

Собираніе произведеній грузинской словесности началось весьма недавно. Первые записи устныхъ произведеній начинается въ семидесятихъ годахъ текущаго столѣтія подъ вліяніемъ живого интереса къ народной поэзіи, возникшаго въ Россіи послѣ появленія сборниковъ Аванасьева, Кирѣевскаго и Рыбникова. Грамотные люди древней Грузіи, воспитываясь на произведеніяхъ духовной словесности, отворачивались отъ народныхъ произведеній, въ которыхъ сохранялись еще

¹⁾ *Веселовскій*. Въ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ, „Этногр. Об.“, кн. V. Вс. *Миллеръ*. Отголоски апокрифовъ въ кавказ. народ. сказаніяхъ. Жур. Мин. Нар. Пр., 1893, № 7, отд. 2.

остатки древнихъ языческихъ суевѣрій и обрядовъ. Издававшіяся съ 1820 годовъ грузинскіе періодическіе органы не давали мѣста народной поэзіи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ 1821 г. вышла первая *Грузинская газета*, посвященная политическимъ и официальнымъ извѣстіямъ. Въ 1832 г. другая газета, *Тифлисскія Вѣдомости*, издававшаяся Соломономъ Додаевымъ, держались высокаго стиля Антонія католикаса, писателя XVIII ст., и потому съ пренебреженіемъ относилась ко всему народному. Въ 1851 г. журналъ вн. Г. Эрстова *Цискари* и *Сакартвелосъ Моамбе* вн. Чавчавадзе въ 1863 г. также исключали изъ своей программы печатаніе народныхъ произведеній и только возникшая въ 1866 г. газета *Дрозба* стала отводить страницы грузинскимъ сказкамъ и пѣснямъ. Наибольшее число народныхъ произведеній появилось въ журналѣ, впоследствии обратившемся въ газету, *Иверія*; печатались пѣсни и легенды также въ газ. *Театръ* въ 1884 г. Въ журналахъ *Нобати* и *Джеджими* появлялись народныя пѣсни, сказки, загадки, поговорки. *Г. Ахпателовымъ* изданы были двѣ сказки „Золотыя дѣти“ и „Ростомела“ (Т., 1887). Нѣсколько пѣсенъ и одна большая сказка, записанная въ Саабошо, изд. *С. Гомадзе* (Тифлисъ, 1892). Пѣсни, сказки, заговоры записаны мною въ различныхъ концахъ Грузіи и пока имѣются только въ рукописи. Груз. сказки, печатались въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа“. Первый сборникъ грузинскихъ сказокъ вышелъ въ 1891 г., изд. *В. Аміашвили*. Сванетскія сказки, собранныя *Вольнымъ сваномъ* (псевдонимъ), появились въ 1893 г. а мингрельскія, числомъ семь, имѣются въ Мингрельскихъ этюдахъ г. *Цагарели* (Спб. 1880).

I. Грузинскія народныя пѣсни.

Сравнительный методъ изученія народныхъ произведеній индоевропейскаго племени привелъ къ заключенію, что самый древній видъ устной поэзіи—пѣсни-молитвы языческимъ богамъ. Такія молитвы въ видѣ отрывковъ, съ примѣсю именъ христіанскихъ святыхъ сохранились и въ Грузіи. Пѣніе ихъ сопровождается совершеніемъ обычаевъ, которые считаются остатками языческихъ обрядовъ. Такія пѣсни называются *обрядовыми*. Эти пѣсни-молитвы имѣютъ цѣлю выпросить у божества счастья и благоденствія, оградить отъ нечистой силы и гнѣва своихъ геніевъ - покровителей. Въ Грузіи лучше сохранились обряды, сопровождавшіе пѣніе молитвы, чѣмъ эти воззванія къ языческимъ богамъ. Съ принятіемъ христіанства молитвы стали забываться и смѣшиваться съ христіанскими прошеніями, а обряды обратились въ

обычай. Языческая религія грузинъ опиралась на борьбу двухъ началъ—свѣтлаго и добраго съ темнымъ и злымъ. Наблюдая смѣны временъ года грузинъ-язычникъ замѣчалъ выдающіеся моменты торжества солнца, свѣта и тепла, и устраивалъ чествованія солнца обрядами и пѣснями. Первый праздникъ былъ приуроченъ къ тому моменту, когда свѣтъ начинаетъ усиливаться, дни прибавляются²⁾. Въ христіанскія времена онъ совпалъ съ праздникомъ Рождества Христова. До настоящаго времени въ Сванетіи связываются съ кануномъ Рождества своеобразные обычаи. Въ остальной Грузіи съ Рождества праздникъ солнца перенесенъ на Новый годъ, извѣстный у гурійцевъ *Каландоба* (рус. Коляда). Праздникъ, приуроченный въ Карталинѣ нынѣ къ Рождеству Христову, носитъ названіе *амло*. Для объясненія этимологіи этого слова сопоставимъ его съ *арало*, ари, арало—приѣвомъ застольныхъ и хоровыхъ пѣсень. Генри Раулинсонъ указываетъ гору Агагу (Араратъ?), по ванскимъ надписямъ *Ugartu*, къ которой были приурочены мѣны объ аралезахъ. Если же сравненіе этого мѣна съ культомъ Истары (Астарты) заслуживаетъ вѣры, то мы въ *Араль* видимъ воззваніе къ богинѣ весны. Изъ *Арало ари* же можно объяснить происхожденіе *амло*.

Карталинцы пекутъ еще наканунѣ Рождества крендели счастья („бедисъ квери“) для животныхъ, а для цѣлаго дома хлѣбъ „басила“

²⁾ Приводимъ одну пѣсню, въ которой передается споръ между двумя небесными свѣтилами—солнцемъ и луной:

„Внимайте всѣ тщательно:
Заспорили солнце и луна.
Послала сказать луна:
„29 дней я работала
На тридцатый же скончалась“.
Въ отвѣтъ же посылаетъ солнце:
„Что ты превозносишься,
Приписывая себѣ всякое добро.
Три дня и три ночи
Не ты ли скрывалась,
А на четвертый день, показавшись
Закуталась туманомъ?
Подняла громъ и молнію
И сгубила созрѣвшую жатву.“

„Иверія“ 1889, 275. По другимъ сказаніямъ споръ этотъ идетъ еще съ тѣхъ временъ, когда солнце проснувшись раньше стало дневнымъ свѣтиломъ, а луна, проспавшая утро, ночнымъ.

съ крестомъ по серединѣ, названный такъ въ честь св. Василя; для пахаря печется плугъ, для быка — ярмо, для коровы — вымя. Толпа мальчиковъ отъ 10 до 12 лѣтнаго возраста, обходитъ каждый домъ съ иконой Божьей Матери и славить Христа. Хозяева ихъ отдариваютъ. Обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ *алило* ¹⁾ и сопровождается пѣсню, выражающей поздравленіе: „Алило и Опоіа (?) я вѣстникъ Рождества, Господь да дастъ вамъ встрѣтить Рождество и Новый годъ“. По другому варианту пѣсня эта поется такъ: „Алило и Рождество! алило! Мы вѣстники Рождества. Алило! Въ Внолесеѣ явилась звѣзда. Алило! Предтеча Рождества. Алило! *Птички съли на заборъ.* Алило! Поемъ, Рождество Христово. Алило! Да дастъ вамъ Господь встрѣтить Рождество. Алило! Рождество и Новый годъ. Алило!“ Воспѣваніе возвращенія весны указывается словами „птички съли на заборъ“.

Новогодніе обычаи у грузинъ представляютъ интересъ по остаткамъ старины и по смѣшенію христіанскихъ понятій съ древнѣйшими языческими ²⁾.

Празднованіе Нового года издревле въ царствующемъ домѣ, по словамъ историка Вахушти, начиналось задолго до восхода утренней зари. Послѣ того, какъ трижды пропѣли пѣтухи, весь высшій военный и гражданскій синклитъ являлся во дворецъ къ царю въ строгомъ іерархическомъ порядкѣ съ поздравленіями и приличными царскому званію подарками. Амилахоръ, т. е. конетабль, обязанъ былъ привести изъ своего табуна лучшаго по красотѣ коня съ золотой сбруей; базиртъ-ухуцесь, старшій распорядитель царской охоты, подносилъ позолоченную голову дикаго кабана, приводилъ въ клѣткѣ быстрого сокола; за нимъ подходили штабъ-офицеры и, поклонившись до земли своему повелителю, въ глубокомъ молчаніи отступали назадъ. Послѣдними приносили поздравленія эриставы, т. е. начальники областей, поднося царю натянутыя стрѣлы, имѣющія символическое значеніе. „Пусть эта стрѣла, — заканчивалъ каждый эриставъ свое привѣтствіе, — пронзятъ безошадно сердце твоего измѣнника, всемогущій царь!“ Поздравленія открывалъ Чкондидели — архіепископъ мартвильскій (мингрельскій), благословлялъ царя крестомъ и образомъ, а царицу угощалъ разными сладостями.

¹⁾ Грузинское *алило* не стоитъ-ли въ связи съ румыно-славянскимъ припѣвомъ колядокъ *o j lelom d'ai Legom...*? Хлѣбъ Василя въ честь и въ образѣ Василя Великаго, тождествененъ съ сербск. васильница. (*Веселовскій*, *op. cit.*, 435).

²⁾ См. подробности въ моей статьѣ „Празднованіе Нового года у грузинъ“ *Этногр. Обзор.*, кн. III, стр. 29—40.

При описаніи празднованія Новаго года у современныхъ грузинъ будемъ имѣть въ виду четыре народа грузинскаго племени, а именно: *ингилойцевъ* въ Закатальскомъ округѣ, *карталинцевъ* въ Горійскомъ уѣздѣ, *ирийцевъ* и имеретинъ въ Кутансской губ. и *джаваховъ* въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ.

Торжество Новаго года у *ингилойцевъ*, какъ и у всѣхъ грузинъ, начинается при закатѣ солнца ружейными выстрѣлами, за которыми слѣдуетъ всеобщій крикъ, шумъ и суетня *). Хозяйка ночью торопливо прядетъ шерсть, а хозяинъ развлекаетъ ее пріятной бесѣдой. Кончивъ работу, оба они подкрадываются въ спящимъ дѣтямъ, вынимаютъ изъ-подъ одеяла ихъ руки, обвиваютъ вокругъ кисти руки пряжу, завязываютъ ея концы и въ такомъ же молчаніи обвязываютъ ниткой всю посуду и главный столбъ „деда-бодзи“ (мать-столбъ), поддерживающій избу. Этой кольцеобразно обвивающей руки и предметы ниткой ингилойцы символически выражаютъ желаніе, чтобы всѣ члены ихъ семейства и ихъ состояніе осталось цѣлымъ и невредимымъ. Съ руки нитка эта не снимается въ теченіе трехъ дней.

На разсвѣтѣ старѣйшины будятъ всѣхъ членовъ семьи. Вдругъ слышится стукъ у дверей; всѣ вмѣстѣ три раза спрашиваютъ: „кто тамъ и что несетъ?“ На это слѣдуетъ трижды отвѣтъ: „счастье и благополучіе приношу моей семьѣ“. Удовлетворенные такимъ отвѣтомъ просятъ его войти, присоединяя пожеланіе, чтобы „стеяз его была стезей ангела въ ихъ домѣ“. Входитъ глава семьи, который незамѣтно исчезъ изъ избы въ то время, когда въ ней началась суматоха при вставаніи со сна членовъ семьи. Тогда же, выходя, онъ взялъ съ собой кувшинъ и перекидные мѣшки съ кормомъ для птицъ. Кувшинъ наполнилъ водой, мѣшокъ съ кормомъ смочилъ въ водѣ, отломалъ нѣсколько вѣтокъ орѣховаго дерева, положилъ ихъ въ другой мѣшокъ и вернулся домой. Вступивъ въ избу, онъ ставитъ кувшинъ въ шкафъ для посуды или на полку (*кортѣ*), орѣховыя вѣтви въ „сакане“ или „бегели“, гдѣ хранится мука и зерно, кормомъ обсыпаетъ всѣ углы дома, взывая: „Господи, Курмухская церковь, дай намъ хлѣба и благоденствія!“.

Послѣ обсыпанія избы для обильнаго урожая, всѣ садятся во-кругъ очага, старшій достаетъ наванушѣ приготовленную связку орѣ-

*) Ингилойцы не знаютъ термина *Каландоба*, известнаго, впрочемъ, только у западныхъ грузинъ подъ вліяніемъ Греціи. Ср. груз. слово, *Каланда* съ болгар. *Калада*, франц. *tsalenda*, *chalendes*, прованс. *calendas*, новогреч. *τά κολιαντα*; бѣлорус. *коляда*.

ховыхъ вѣтвей и даетъ каждому члену по одной вѣтви, потомъ первый самъ кладетъ свою вѣтвь въ огонь. Трескъ вѣтви сопровождается благоговѣйными словами главы семейства: „Господи, размножь насъ и пошли обиліе въ нашъ домъ, будь милостивъ къ намъ!“ Всѣ вѣтви одна за другой дѣлаются жертвой огня, за исключеніемъ двухъ, которыя снова прячутся. Послѣ этого, уже на разсвѣтѣ начинаютъ готовить „табла“—жертву. Кладутъ на поднось (*хонча*) хлѣбъ (*назуки*), лепешки, тарелку меду, масла, кувшинъ вина, красныя и бѣлыя нити и всѣ вмѣстѣ идутъ поздравлять съ новымъ годомъ садъ. Здѣсь они останавливаются предъ виноградной лозой, дающей обильные плоды, обрѣзываютъ ее, землю около нея поливаютъ виномъ и рѣжутъ у корня ея пѣтуха съ красными перьями, которыя потомъ привязываются къ лозѣ. При этомъ священнодѣйствіи произносится обычная молитва: „Господи, Курмухскій св. Георгій, не оставь нашихъ кувшиновъ безъ вина!“ Глава семьи предлагаетъ всѣмъ по кусочку хлѣба съ медомъ и масломъ, даетъ отпить немного вина, и, совершивъ это своеобразное таинство, всѣ направляются въ избу.

Для каждаго члена испечень хлѣбъ, формы котораго аллегорически выражаютъ назначеніе и обязанность каждаго члена семьи: для старѣйшины пекутъ топоръ, для сыновей—серпы, для женщинъ—самопрялки, (ср. у осетинъ), крендель для коровы и одинъ крендель для птицъ небесныхъ. Возвратившись изъ сада домой, каждый уже самъ разламываетъ свой хлѣбъ и съѣдаетъ небольшой кусочекъ. Крендель, назначенный для птицъ, оставляется на крышѣ, а хлѣбъ, испеченный для коровы, несутъ въ хлѣвъ. Здѣсь сначала крендель надѣваютъ коровѣ на рога, потомъ даютъ ей съѣсть, приговаривая: „живи долго и невредимо, да сохранить тебя Курмухскій св. Георгій!“

Къ обѣду ждутъ поздравителя „меквле“ (собственно значить — пролагающій борозду, стезю счастья), который долженъ быть въ глазахъ народа болѣе награжденъ судьбой и осыпанъ ея щедрой благодатью. До его прихода никого не принимаютъ. „Меквле“, поздравивъ всѣхъ съ новымъ годомъ, достаетъ изъ-подъ потолка спрятанныя вѣтви, кладетъ ихъ въ огонь и при трескѣ ихъ выражаетъ пожеланіе, чтобы Богъ даровалъ привѣтствуемымъ имъ членамъ здравіе и обильный урожай. Его угощаютъ сладостями и онъ подноситъ яблоко, утыканное серебрянными монетами ¹⁾. Въ этотъ день никому ничего не даютъ взаймы и не принимаютъ подозрительныхъ людей.

¹⁾ Поднесеніе въ такомъ видѣ яблочка извѣстны и карталинцамъ. Іоаннъ Златоустъ возставалъ противъ и нынѣ господствующаго обычая проводить Новый

Наканунъ же Новаго года приготовленное печенье кладется на поднось вокругъ свиной головы, называемый „абраміани“, т. е. жертва въ честь Авраама, старшій выносить поднось на дворъ, обходитъ трижды домъ, и поздравляетъ коровъ и быковъ. Яйцомъ привасается онъ къ животнымъ, приговаривая: „будьте такъ круглы и полны, какъ это яйцо!“

Входя обратно въ домъ, онъ подходитъ прежде всего къ очагу, беретъ горящую головню, ударяетъ ею по очагу, и когда посыплется искры, онъ шепчетъ: „столько коровъ, быковъ, свиней, столько лѣтъ жизни, столько денегъ“ и т. д. Потомъ угощаетъ всѣхъ медомъ съ пожеланіемъ каждому: „такъ сладко пусть состаришься, какъ сладокъ этотъ медъ!“ „Абраміани“ въ теченіе трехъ дней подается старшему за обѣдомъ и ужиномъ, а по прошествіи трехъ дней вырѣзываютъ крестъ изъ хлѣба „басила“ и бросаютъ его въ амбаръ со словами: „да будетъ неистощимъ и обилень хлѣбъ въ этомъ амбарѣ!“

Въ день Новаго года карталинецъ избѣгаетъ ссоры и непріятностей. Онъ искренно вѣритъ, что происшедшее въ этотъ день знаменуетъ всю предстоящую жизнь человѣка въ теченіе года: кто будетъ плакать въ этотъ день, проплачетъ цѣлый годъ; кто будетъ шить, пришьетъ счастье. Обрѣзать ногти воспрещается, чтобы дьяволъ не завладѣлъ ими. Принимать кого-либо до „меквле“, испытаннаго поздравителя, не принято. „Меквле“ (отъ квали-стея) приноситъ старшей въ домъ красное яблоко, утыканное монетами, а его угощаютъ „гозинаки“—сладостью изъ орѣха и меду.

Въ Гуріи Новый годъ извѣстенъ подъ именъ „Каландоба“ ¹⁾, у абхазцевъ *Каланда* или *Калинда* ²⁾. Къ новому году гурійцы откармливаютъ свинью, куръ, индѣекъ. Наканунъ пекутъ лепешки по числу членовъ, дома какъ и у другихъ грузинъ. Особенность празднованія Новаго года у гурійцевъ представляетъ обычай украшать вѣтвь орѣховаго дерева стружками, изображающими бороду св. Василя (ср. обычай рус. завивать бороду Волосу) и разными плодами Просверливъ дырочки въ вѣткѣ, наз. „чичилаги“, продѣваютъ черезъ нихъ палки; на концахъ палокъ привѣшиваютъ лимоны, апельсины, гранаты, въ большомъ изобиліи произрастающіе въ Гуріи; съ другого конца привѣшиваютъ шелкъ, кошелекъ съ серебряными монетами, гроздь вино-

годъ въ весельи, чтобы до слѣдующаго января не приключилось какое-либо несчастье. Поднесеніе яблока съ серебряными монетами было отмѣчено еще этимъ отцемъ церкви. (*Веселовскій*, *op. cit.*, 102).

¹⁾ *Коляды см. Веселовскій*. Разысканія въ области русскихъ духовныхъ ствховъ. Ср. Новый годъ у осетинъ. *Миллеръ*, этюды. II, 266.

²⁾ *Сборн. свѣд. о Кавказ. горцахъ VII*, 20. Религіоз. вѣрованія абхазцевъ.

града и „деда пури“ (мать — хлѣбъ). Рано утромъ по знаку, данному старшимъ, выбѣгаютъ на дворъ взять „цхомла, — вѣтвь орѣховаго дерева: кто первый успѣетъ захватить ее, тотъ проживетъ дольше всѣхъ. Затѣмъ выносятъ приготовленную „табла“ (жертву) съ свиной головой и кувшиномъ вина. Старшій въ домѣ съ младшимъ членомъ выносятъ ее съ зажженными свѣчами изъ амбара, гдѣ она была оставлена на ночь, и несутъ въ винный подвалъ. Здѣсь старѣйшина, обращаясь къ какому-то богу вина Агуна, въ родѣ Бахуса, приглашаетъ его пройти селенія Бахви и Аскани, извѣстныя лучшими винами въ Гуріи, и прибыть въ его подвалъ: „Агуна переходи къ намъ у насъ много винограда, а у нихъ одни листья!“ Изъ подвала онъ идетъ къ амбару и въ хлѣвъ. Возвращаясь въ избу, они находятъ двери запертыми, и на ихъ стукъ изнутри спрашиваютъ: „что несешь?“ Отвѣтъ гласитъ, что идутъ съ хлѣбомъ, виномъ, шелкомъ, счастьемъ и т. д. Двери растворяются, несущіе „табла“ привѣтствуютъ всѣхъ. Съ радостью подводятъ маленькаго провожатаго ко всѣмъ членамъ семьи и предметамъ, чтобы онъ передалъ имъ здоровье, прочность, счастье и благополучіе. Затѣмъ всѣ выходятъ на дворъ и, обойдя трижды, возвращаются въ избу; здѣсь подходятъ къ очагу, ударяютъ по немъ „цхемла“ (орѣховой вѣткой). У имеретинъ находимъ аналогичныя повѣрья, связанныя съ Новымъ годомъ: тотъ же „меперхе“— (отъ слова *перхи-нога*) поздравитель и „маквліари“ ¹⁾ т. е. *мекяле*.

У *джаваховъ* наканунѣ праздника старшій собираетъ домашнюю рухлядь, такъ какъ обиліе и счастье дома покоится на одномъ какомъ-либо предметѣ, нужномъ для домашняго обихода; оставить такую вещь внѣ дома въ ночь на Новый годъ — значитъ потерять все состояніе. Пекутъ хлѣбъ „цминда Басила“ (св. Василія), „харисъ-кеди (шея быка), „банисъ пуреби“ (хлѣбы крыши), „бедисъ када“ (хлѣбъ счастья), „катыамъ—цицила“ (цыпленокъ—курица). Все это укладывается на новогодній подносъ, центромъ является „Басила“ а вокругъ него размѣщаются разнообразныя по своему символическому значенію печенія. На подносѣ замѣчается здѣсь отсутствіе свиньи. Это объясняется вліяніемъ мусульманской религіи, которая воспрещаетъ ѣсть свинину.

Когда солнце уже зашло, оба старѣйшины отъ мужской и отъ женской половины приступаютъ къ изгнанію бѣсовъ и нечистыхъ силъ, водворившихся въ домѣ. Они ходятъ по всѣмъ угламъ и приговариваютъ: „ангель-покровитель, находящійся здѣсь въ углу нашего

¹⁾ *Сборн. матер. для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа*, вын. XIII, отд. II, стр. 3—8. Бахви—искаженный Вахъ, о почитаніи котораго на Кавказѣ говорятъ Діонисій Періегетъ.

дома, молю тебя, спаси мой домъ отъ искушеній дьявола!“ Нужно произнести это заклинаніе трижды, обходя всѣ углы дома, гдѣ притаились ангелы-хранители.

Старѣйшина беретъ большую желѣзную палку, выходитъ на дворъ и, повернувъ направо, повторяетъ заклинаніе: „Господи, избавь насъ отъ проказы дьявола!“ Онъ обходитъ избу, хлѣвъ и проводитъ желѣзомъ кругъ, противъ нечистой силы, всходитъ на кровлю, откуда чрезъ отверстіе въ крышѣ спускаетъ внизъ кошелекъ на длинной ниткѣ. Семья кладетъ въ кошелекъ нѣсколько рублей, онъ поднимаетъ его и входитъ въ избу съ лѣвой стороны. Значеніе этой процедуры джавахи толкуютъ въ томъ смыслѣ, что въ теченіе года деньги въ домѣ будутъ неистощимы и обиліе во всемъ обеспечивается. Старѣйшина беретъ поднось съ зажженными свѣчами въ правую руку и, выходя изъ избы, произноситъ молитву: „Господи, будь заступникомъ нашимъ и да будетъ стезя моя стезей архангела Михаила и св. Георгія! Пошли моей семьѣ счастливо встрѣтить Новый годъ!“ Окончивъ молитву, онъ сбрасываетъ черезъ отверстіе въ избу хлѣбы съ подноса, кромѣ „хлѣба счастья“ и „Басила“. Раньше другихъ спускается внизъ „хлѣбъ крыши“, далѣе „шея быва“ и наконецъ завернутый въ платокъ „цыпленокъ“. Возвратившись домой, угощаетъ всѣхъ медомъ, идетъ въ хлѣвъ, курятникъ и поздравляетъ скоть и птицъ.

Обращаютъ особенное вниманіе, какъ и гдѣ упали сброшенные печеня. Если „хлѣбъ крыши“ упалъ низомъ къ верху, то говорятъ, что урожай не будетъ; если хлѣбъ покотился къ очагу, то урожай будетъ обильный; если одинъ хлѣбъ повалился къ очагу, а другой къ дверямъ, то урожай будетъ посредственный. „Хлѣбъ счастья“ и „Басила“ хранятся до Крещенія, и вся эта недѣля считается святой. Въ день Крещенія разрѣзываютъ „хлѣбъ счастья“ и „Басила“ на куски, и кому достанется монета, вложенная въ „бедись пури“, тотъ будетъ счастливъ и богатъ. „Басила“ разламывается и раздается всѣмъ, какъ просфора.

Въ день Новаго года джавахи ходятъ съ кувшиномъ за водой, при чемъ нужно итти за ней и вернуться такъ, чтобы ни съ кѣмъ не говорить. Если кто-нибудь съ вечера до утра Новаго года простоитъ на берегу рѣки, теченіе ея остановится, и рѣка повѣдаетъ все, что должно случиться въ предстоящій годъ. До „мевле“, излюбленнаго поздравителя, посѣщеніе котораго было замѣчено какъ благоприятное, никого не принимаютъ, какъ и у другихъ грузинъ.

Дѣлая обобщеніе всего описаннаго нами, можно сказать, что картвелы (грузины) въ разныхъ и исторически разобщенныхъ частяхъ Грузіи

празднуютъ Новый годъ почти одинаково, съ небольшими измѣненіями, которыя объясняются мѣстными условіями и судьбой, испытанной различными провинціями бывшаго грузинскаго царства. Къ измѣненіямъ, между прочимъ, придется отнести отсутствіе центра празднества — свиньи у джаваховъ и ингилойцевъ, принявшихъ нѣкогда мусульманскую вѣру. При празднованіи наглядно выступаетъ значеніе „меквеле“, перваго счастливаго посѣтителя, а новогодія „жертвы“ а обсыпаніе зерномъ имѣютъ одинаковое распространеніе у всѣхъ грузинъ ¹⁾). Нужно затѣмъ отмѣтить обычай печь хлѣбъ, символически выражающій то или другое понятіе, и, наконецъ, важное значеніе очага, съ которымъ связаны благопріятныя предзнаменованія и его традиціонное почитаніе.

Праздникъ весенняго солоноровота сохранился въ нѣкоторыхъ частяхъ Грузіи ²⁾).

Въ субботу, за недѣлю до масляницы, въ Имеретіи празднуютъ *бослобу* или праздникъ буйлятниковъ (погонщиковъ буйволовъ). За нѣсколько дней до этого праздника прекращаются работы. Кого же застанетъ эта недѣля на работѣ вдали отъ дома, тотъ можетъ ее продолжать. Въ эту же недѣлю никто не долженъ плестъ веревокъ, чтобы телята не рождались уродами, не починаютъ сапогъ, чтобы телята не ослѣпли. Земледѣльцы не чешутъ волосъ, чтобы сѣмена не сгнили въ поляхъ. Завѣдующій скотомъ наванунѣ праздника постится цѣлый день. Съ наступленіемъ сумерокъ, старшій въ семьѣ, взваливши на себя дѣтей отъ 4 до 9 лѣтняго возраста, идетъ въ буйлятникъ. „Да дастъ вамъ Господь силу,—говоритъ хозяинъ быкамъ и лошадямъ, коровамъ и кобылицамъ, показывая яйцо,—и да сохранить васъ такими же полными, какъ это яйцо, да вознаградите хозяина рожденіемъ такихъ хорошихъ телятъ и жеребятъ, какъ это яйцо“. Обойдя весь скоть, онъ тихо произноситъ слѣд. молитву: „О, Боже, Творецъ всѣхъ животныхъ, хранитель всѣхъ существъ и веществъ; установитель всѣхъ праздниковъ въ нашемъ краѣ, какъ и въ другихъ! Ты благословилъ насъ встрѣтить этотъ радостный праздникъ, съ этими нашими тружениками, посредствомъ которыхъ мы кормимъ себя, женъ и дѣтей; ниспошли

¹⁾ *Меквеле* (завѣтный гость) отвѣчаетъ сербскому *полажайнику*, обсыпаніе зерномъ такому обряду славянскому и ново греческому. Свинья голова—принадлежность Васильева вечера и Рождественскихъ святокъ у русскихъ, болгаръ, сербовъ, румынъ, въ Сициліи и Англіи, Германіи и Скандинавскихъ земляхъ. См. *Grimm.*, *Deutsche Mythologie*, 4 ausg. 41 — 2, 176 — 8; 1036. *Аванасевъ*. Поэзич. возр. I, 778—81. Ср. *Веселовскій* op. cit. стр. 108, примѣч.

²⁾ *Дубровинъ*. Исторія войны на Кавказъ, т. I, кн. II, 234—6.

благоденствіе на земледѣльцевъ дома сего, на рогатыхъ скотовъ, быковъ, лошадей, коровъ и телятъ и благослови, чтобы были здоровы и имѣли у себя пищу, припасы, чтобы во славу Твою, Творецъ, исполнилась воля Твоя размноженіемъ ихъ; да пошли благословеніе Свое на земледѣліе и растительность, сохрани насъ отъ болѣзней, научи, какъ Тебя любить!“ Возблагодаривъ Господа бокаломъ вина и оставивъ яйцо въ темномъ углу хлѣва, хозяинъ съ дѣтьми возвращаются въ саклю. Онъ стучится въ запертую дверь и заявляетъ вопрошающей извнутри женщинѣ, что идетъ добрый человѣкъ, а не злой духъ, отъ дѣтей — коровъ, телятъ и лошадей. Двери отворяютъ и за порогомъ хозийка бросаетъ ему въ лицо жидко-растворенныя отруби.

Въ то время какъ жители нижней Рачи въ Имеретіи оканчиваютъ празднованіе *бослобы*, у жителей верхней Рачи начинается *иочисъ-хучапати* — четвергъ поросятъ. Праздникъ этотъ наступаетъ за недѣлю до наступленія масляницы. Къ нему готовятъ строгимъ постомъ. Съ разсвѣтомъ желаннаго четверга, хозяинъ семейства идетъ въ церковь и по окончаніи литургіи возвращается съ зажженной свѣчей. Получивъ отчетъ отъ пастуха о числѣ скота, онъ передаетъ свѣчу старшему по немъ члену семьи, который идетъ поздравлять скотъ въ хлѣвъ. Садясь за столъ, обильный яствами, хозяинъ читаетъ молитву: „Мы благодаримъ Бога, что дождались желаннаго дня, который намъ предвѣщаетъ начало весны, а съ нею и благословеніе Божіе на все въ міръ плодящееся, растущееся, — весны, въ которую мы должны забыть лѣнь и отдыхъ зимній и новыми трудами прославить Творца вселенной за его къ намъ милость посылаемую. Въ продолженіе весны и лѣта все переродится, будемъ питаться зеленью сочною и вкусною, а изъ посѣянной пшеницы соберемъ другую ниву“.

Въ связи съ святочною обрядностью стоитъ масляничная ¹⁾. Интересъ изученія грузинской масляницы заключается въ участіи странствующихъ пѣвцовъ — музыкантовъ, вооруженныхъ инструментомъ, похожимъ на волынку и за нѣсколько грошей поющихъ передъ домомъ хвалебную пѣсню его хозяину. По улицамъ ходитъ мальчикъ, наряженный старикомъ и называемый *берика*: онъ пляшетъ и кривляется передъ каждымъ проходящимъ и неотступно выпрашиваетъ денегъ. Этотъ же самый *берика* носить иногда названіе *дато* (медвѣдь), когда принимается въ хороводы женщинъ. Неотъемлемую принадлежность масляницы составляетъ игра въ мячъ и въ чаличи (жгутъ): нѣсколько

¹⁾ Св. *Квами* (груз. еженедѣльн. журналъ), 1893, № 5 *Берикоба*.

человѣкъ въ чертѣ круга получаютъ ловкіе удары жгутомъ отъ находящихся внѣ круга, пока кого-нибудь изъ бьющихъ не задѣнутъ ногою въ чертѣ; тогда противная партія становится въ кругъ.

Въ деревняхъ въ первый день масляницы молодыя грузины наряжаются и ходятъ по улицамъ съ пляскою и пѣніемъ. Партія ряженныхъ состоитъ изъ *берикееби* и *гори*—свиньи, т. е. человѣка, наряженного свиньей. Послѣдній прикрытъ спереди и сзади свиньими шкурами, спитыми въ видѣ чехла, на голову надѣта свинья голова съ огромными зубами. Прийдя въ домъ, толпа ряженныхъ начинаетъ пляску: гори бѣгаетъ вокругъ нихъ и колеть ихъ своими клыками, тѣ бьютъ его деревянными саблями, пока онъ не притворится убитымъ. Берикееби беззапретно пьютъ хозяйское вино, имъ выносятъ въ подарокъ яйца, при этомъ выщипываютъ изъ бороды берика волосъ и кладутъ въ курятникъ, чтобы куры въ предстоящій годъ лучше неслись. (чехи у масляничнаго медвѣдя вытягивать соломенки для гусей). Въ прежнее время въ прощальный вечеръ воскресенья на масляной слуги приходили къ своимъ господамъ съ палахою: палка съ веревкою, слабо натянутою отъ одного конца къ другому. Палка эта надѣвалась на босую ногу осужденнаго къ наказанію по пятамъ. Въ этотъ вечеръ господа обязывались полнымъ повиновеніемъ своимъ слугамъ и чтобы отдѣлаться отъ наказанія палахою, должны были щедро одаривать ¹⁾.

Въ чистый понедѣльникъ у грузинъ бываетъ *кеенаба*, праздникъ установленный въ память побѣды грузинъ надъ персіанами, будто бы при царѣ Теймуразѣ. Въ г. Гори обыкновенно въ этотъ день жители раздѣляются на двѣ партіи, во главѣ которыхъ стоялъ царь и *кеенз* (шахъ). На нихъ надѣваютъ колпакъ, сдѣланный изъ бурки, шубу наизнанку, лицо пачкаютъ сажей, а въ руки даютъ мечъ, конецъ котораго украшенъ яблокомъ. Они сидятъ на ослахъ и объѣзжаютъ городъ, собирая подати — въ видѣ остатковъ говядины, печеній (када), вина и пр. Имъ оказываютъ почтеніе, а провинившихся мажутъ сажей. Къ обѣду партіи сталкиваются и побѣжденный *шахъ* бросается въ воду, а вечеромъ начинается кулачный бой ²⁾. Въ старину толпа народа, нарядившись въ шутовскія платья, верхами во главѣ всадника на ослѣ, изображавшаго шаха въ вывороченной овечьей шубѣ съ вымазаннымъ сажей лицомъ, направлялась къ царскому дворцу съ цеховыми знач-

¹⁾ Повиновеніе господъ слугамъ, какъ и избраніе потѣшнаго царя, лицо котораго пачкаютъ сажею—восходитъ къ обычаямъ сатурналій, перешедшихъ позднѣе въ свѣтоточные.

²⁾ *Кавказъ*, 1889, № 49, *Кеенаба*.

ками и зурной, оглашая криками *кеенсз салами* (подайте за зрѣлище кеена). Цари щедро награждали и шествіе направлялось къ домамъ знатныхъ лицъ.

Другіе весенніе праздники соединились съ Пасхой, Өоминой недѣлей, днемъ св. Георгія. Въ февралѣ мѣсяцѣ соблюдается обычай закликать весну пѣснями: „наступилъ февраль, вода всочилась въ дерево, птицы и пташечки заложили гвѣздышко“. Недовѣріе первымъ весеннимъ днямъ выражается въ пѣснѣ: „февраль дуетъ, мартъ шубу дуетъ, еслибы одинъ день жизни оставался марту и тогда нельзя ему вѣрить“. Въ среду на Страстной недѣлѣ до сихъ поръ господствуетъ обычай, соотвѣтствующій таковому у русскихъ въ день Благовѣщенія: разводять предъ домами огонь ¹⁾ и перепрыгиваютъ черезъ него, съ словами „алули кудіанебса“, т. е. „пламя колдунамъ“, приурочивая къ нему начало весны. Въ первый день Пасхи по народному повѣрію солнышко играетъ съ овечкой (у русскихъ *солнышко играетъ*). Русской пѣснѣ—„солнышко, ведрышко, выгляни въ окошечко!“—соотвѣтствуетъ грузинская пѣсня, нынѣ распѣваемая дѣтьми во время дождливой погоды: „Солнышко, солнышко взойди, зарѣжу я тебѣ барана, жарю, посолю и поставлю тебѣ на блюдѣ“. Едва ли случайна связь между повѣріемъ объ игрѣ солнца съ овечкой въ день Пасхи и упоминаніемъ барана въ приведенной пѣснѣ.

Въ субботу наканунѣ Пасхи обходитъ группа пѣвцовъ всѣ дома въ деревнѣ съ пѣніемъ пѣсни, именуемой *чона*, и собираютъ яйца, при этомъ пѣсня поется слѣдующаго содержанія: „Алата балата (?) свѣшу корзину, жена, вложи одно яйцо, Богъ да дастъ вамъ достатокъ. Господи, награди этотъ домъ своей милостью, миромъ и долгоденствіемъ! Два яйца, два евангелія да и благословятъ его“ ²⁾. На второй день Өоминой недѣли, на второй день Пасхи и въ великую пятницу выходятъ съ красными яйцами на могилы покойниковъ, привѣтствуютъ ихъ съ великимъ праздникомъ и служатъ панихиды. Послѣдній обрядъ, вѣроятно, присоединился впоследствии къ древнему языческому обычаю поздравлять тѣни умершихъ съ наступленіемъ весны.

¹⁾ Воспрещеніе этого обычая см. въ постановленіяхъ VI вселен. собора, переведеннаго съ греческаго Евѣмиемъ при царѣ Багратѣ (980—1008). § 53 этихъ постановленій, гласитъ: противоборствуютъ законамъ тѣ, которые слѣдуютъ чародѣямъ, вудесникамъ, каландѣ, заговорамъ, бросанію ячменя, предсказаніямъ по лопаткѣ и внутренностямъ, зажигаютъ костры для перепрыгиванія. Исторія Грузіи *Вахушти*, стр. 143, прим.

²⁾ Этотъ обычай извѣстенъ и среди грузинъ-мусульманъ Батумской обл. *Иверія* 1894, № 7.

На Оминой недѣлѣ въ Имеретіи извѣстна игра въ мячъ, въ Карталиніи 23 января въ день св. Георгія, покровителя пастуховъ и земледѣльцевъ ¹⁾, впервые выгоняется скотина въ поле, народъ радостно проводитъ этотъ праздникъ въ оградѣ церкви этого высшаго патрона грузинъ, сопровождая обильное угощеніе хороводными пѣснями *перхули*. (отъ слова *перхи-неси*—нога) Круглая форма хороводовъ и ихъ кругообразное движеніе—символь солнечнаго движенія,—показываютъ, что они обязаны своимъ происхожденіемъ празднованію въ честь солнца и первоначально имѣли религіозный характеръ. Припѣвки въ хороводныхъ пѣсняхъ *Дела, дели*, можетъ быть, (ср. съ русскими *Дидь-ладо, лель, моли*) находится въ связи съ грузинскимъ словомъ „дила“ (утро) и представлять прославленіе первыхъ лучей солнца, его появленіе. Связь же хороводныхъ пѣсней съ пробужденіемъ природы послѣ зимнихъ оковъ устанавливается по сохранившимся въ нихъ слѣдамъ:

Сегодня ²⁾ ласточка спустилась.
 Къ намъ щебеча: „весна весна!“
 И вновь надежда возродилась
 И чувствомъ вновь души полна.
 Природа вся въ уборѣ новомъ
 Блестаетъ подъ весны покровомъ,
 И сердце полное мечтанья
 Забыло прошлыя страданья
 Дѣла—дѣла, дѣли—одѣла!
 Дѣла—дѣла, дѣли—одѣла!

Къ обрядовымъ пѣснямъ должны быть отнесены *пѣсни свадебныя*. Въмѣсто прыганія жениха и невѣсты у русскихъ въ свадебныхъ обрядахъ, грузинамъ извѣстно хожденіе новобрачныхъ вокругъ очага, чѣмъ символически выражается къ приобщенію новаго члена къ домашнему культу. Пѣсня, которая поется свитой молодыхъ, выражаетъ радостное чувство и прославленіе жениха и невѣсты („цара“ и „царицы“). „Идемъ и радуемся: веземъ краснаго фазана“—говорится въ пѣснѣ. Быть можетъ фазанъ приносился въ жертву богамъ, какъ пѣтухъ, посвященный Перуну и домашнему очагу, является принадлежностью свадьбы у славянъ ³⁾.

¹⁾ См. мой Грузинскій изводъ о св. Георгіи, М. 1892.

²⁾ См. Этнографическій концертъ въ Москвѣ 11 марта 1893 г. Грузинская пѣсня съ переводомъ, стр. 20—29.

³⁾ *Афанасьевъ*, Поэтич. воззрѣніе славянъ, т. I, стр. 467.

Эта пѣсня у грузинъ месховъ ¹⁾ поется немного пространнѣе:

Идемъ и радуемся—ведемъ красную *бабочку*

Счастлива мать жениха—роза засіяетъ предъ каминомъ

Провожая жениха и невѣсту „макари“ ²⁾ (свита) поетъ:

Увы матери невѣсты! крысы заскребуть предъ каминомъ.

Царь (женихъ), вѣнецъ твой да озарится крестомъ Всевышняго!

Сладость да ждать тебя въ жизни съ твоей новобрачной!

Она даруетъ тебѣ семь сыновей и трехъ солнцеподобныхъ дочерей —

Макарами опять мы будемъ, если твой первенецъ дочь.

Въ Хевсурстїи читается слѣдующая молитва для благословенія новобрачныхъ! „Господи, умоляю тебя, Создателя круглаго неба, золотого трона (солнца?), вѣнцовъ и свѣчь, умоляю І. Христа, установителя браковъ, дай имъ (молодымъ) долгую и счастливую жизнь“. Нѣкоторыя пѣсни связаны съ рожденіемъ ребенка. Убаюкивая младенца мать или няня поетъ: „спи младенецъ, спи роза-фіалка! солнце разрѣшилось отъ бремени и родило луну“. Пѣсня эта вытекаетъ изъ почитанія солнца и луны, вообще небесныхъ свѣтилъ.

Другія пѣсни приурочены къ паханію, сѣянію, къ сбору винограда. Эти пѣсни вмѣстѣ съ свадебными составляютъ отдѣлъ бытовыхъ пѣсенъ. По свадебнымъ пѣснямъ уже можно замѣтить, что бракъ заключился, да и теперь нерѣдко заключается путемъ похищенія. Побѣдная пѣсня: „идемъ и радуемся“... можетъ служить отголоскомъ удачнаго нападенія на извѣстную семью для похищенія невѣсты. Со временемъ, какъ и вездѣ, похищеніе становится не единственной формой заключенія браковъ. Являются посредники между семьями, имѣющими юношу и дѣвицу, которые и принимаютъ на себя обязанность за извѣстное вознагражденіе привести обѣ стороны къ соглашенію о бракѣ подросткаго поколѣнія. Сваты, преимущественно свахи и нынѣ играютъ важную роль въ Грузїи. Дѣвица у грузинъ также, какъ въ русскихъ пѣсняхъ, становится товаромъ, а юноша женихомъ. Дѣвушку *выдаютъ* замужъ, „не смотря на ея слезы и причитанія“. Народъ, впрочемъ, бракъ считаетъ дѣломъ судьбы, прибавляя при этомъ, что „первый бракъ—дѣйствительно судьба, второй—слухъ, третій—катаніе на ослѣ, четвертый уже гонка“. Какъ тяжело женщинѣ въ чужой семьѣ видно изъ слѣдующихъ пѣсенъ.

„Умоляетъ дѣвушка зрѣлая:

Не выдавай меня замужъ, маменька“!

¹⁾ *Мой очеркъ* „Месхи“. Этногр Обзор. кн. X, стр. 20.

²⁾ *Макари*—арабское слово; происходитъ отъ *qegı*—угощать, отсюда *моqagı*—угощающій и названъ такъ, потому что свита жениха угощаетъ присутствующихъ на свадьбѣ.

„Молодая должна быть стройна, какъ тополь, лелѣять свекровь, почитать свекра какъ Бога, къ золовѣ и деверю быть внимательной и всѣмъ услужливой“. Вражда между невѣстой и свекровью отразилась въ пѣснѣ чрезвычайно характерно; невѣстка жалуется: „не ѣмъ—говоришь, что я голодна, ѣмъ—называешь меня грифомъ, тихо хожу—зовешь лѣнливой, тороплюсь—ругаешь каджи (чертовка), сажу—зовешь калѣжкой, стану—обзываешь шестомъ. Что мнѣ дѣлать?!—Какъ угадать злой свекрови своей“ ¹⁾? Какія мысли лелѣютъ дѣвочки, не вышедшія еще замужъ, хорошо обрисовывается въ одной пѣснѣ:

Я бы желала во что-нибудь превратиться—
Превратиться именно въ соловья,
Знать его прекрасный языкъ
И воспѣвать цвѣты садовъ.

Это возвышенное настроеніе женщины въ крестьянской семьѣ не находитъ достойной себѣ обстановки. Женщина обращается не въ поэтессу, а въ работницу.

Когда лезгини взяли меня въ плѣнъ — было начало мая,
Перешли мы девять высокихъ горъ, горъ Кавказскихъ,
Взглянулъ я на равнину, покрытую мглой,
Три дѣвицы косили сѣно,
Въ рукахъ держали серпы съ алмазнымъ лезвіемъ,
Мраморными точилами наостряли серпы,
Всѣ три пѣли, какъ ангелы небесные,
Я изумился, увидавъ женщинъ за работой.

II. Героическія пѣсни.

Героическія пѣсни въ Грузіи дробятся на двѣ группы: въ первой группѣ относятся тѣ пѣсни, въ которыхъ воспѣвается поколѣніе великановъ, предшествовавшее поколѣнію людей, ко второй группѣ относятся пѣсни, сюжеты которыхъ являются заимствованными у другихъ народовъ, преимущественно у персовъ. Первая группа пѣсенъ можетъ быть сосредоточена вокругъ Амираана, вторая вокругъ Ростома. Объ Амиранѣ извѣстны три полныя версіи, а отдѣльные же моменты изъ его дѣяній сохранились во многихъ мѣстахъ Грузіи. Въ полномъ

¹⁾ Ib. стр. 38. См. также *Иверію* 1889, 275. Ср. русскую пѣсню: „Ступишь ли ногой? поглядятъ всѣ за тобой. Махнешь ли рукой? засмѣются надъ тобой. Молвишь ли словечко? передразнивать начнутъ. Сядешь ли за столъ? всѣ куски во рту сочтутъ... *Сахаровъ*. Сказки т. I, кн. II, стр. 149, № 161.

видѣ отъ начала до конца ни одна версія не сохранилась въ формѣ пѣсни, мѣрной рѣчи: во всѣхъ трехъ версіяхъ преобладаетъ прозаическій рассказъ надъ риёмованнымъ.

Начнемъ изложеніе героическихъ пѣсней *объ Амيرانѣ* съ пшавской версіи.

Амиранъ, ¹⁾ младшій сынъ Сулкалмаха и Дарѣджаны, имѣлъ двухъ братьевъ: Бадри и Усипа. Амиранъ родился въ превлонные годы родителей. Мать больше всего любила меньшаго своего сына Амирана, почему его и прозвали Дарѣджанидзэ (Дарѣджановичъ). Кумомъ Амирана былъ Исусъ Христосъ, который, крестному своему сыну даровалъ быстроту съ горы скатившаго бревна, тягу горнаго свѣжнаго обвала, силу 12 паръ быковъ и буйволовъ и походу волка, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлилъ ему бѣдноту въ дѣтствѣ и бранную жизнь въ возмужалости.

Вскорѣ по своемъ крещеніи, Амиранъ лишился отца. Дѣвы напали на сиротъ и опустошили все ихъ достояніе. Перецуганные братья укрылись въ Чабалхэты (?). Мать ихъ Дарѣджана ²⁾ тоже не вынесла горя и скончалась.

Между тѣмъ Амиранъ возросъ, возмужалъ. Отъ давленія неимоверной силы героя подъ нимъ земля содрагалась ³⁾. Герой и ѣду имѣлъ

¹⁾ Изъ *Иверіи* въ газ. „Кавказъ“, 1893, № 244 записана *Θ. Разикашвили въ Пшавіи*.

²⁾ Отъ этого сложнаго имени (Дарѣ-Джанѣ) произошли фамиліи: Дарѣджанашвили (въ Закавказскомъ округѣ), Даруджанашвили и Авсаджанашвили (въ Херсуретіи), Оквро-Джанашвили и Джанашвили (въ Имеретіи и Кахетіи); вѣстный историкъ Горгі Джанидзе иначе назывался также Джанашвили (Исторія Грузіи *Теймураза*, стр. 284).

³⁾ Ср. съ Святогоромъ, погрязшимъ въ землѣ, подобно Амيرانу за похвальбу перевернуть всю землю.—Осетинскаго Мукара, называемый *княземъ скалъ*, проф. Миллеръ сопоставлялъ съ Святогоромъ, находящимся въ связи съ *горами*. (Миллеръ, „Кавказско-руссія параллели“ въ *Этногр. Об.* кн. X.

Въ русской литературѣ въ послѣднее время изслѣдователи эпоса стали обращать вниманіе на параллели между нѣкоторыми типами и сюжетами кавказскихъ нартивныхъ сказаній и русскихъ былинъ. Акад. Веселовскій, проф. Миллеръ, Халанскій, Потанинъ и др. выдвинули значеніе Кавказа, какъ посредника въ передачѣ восточныхъ мотивовъ русской и западно-европейской литературы. І. Халанскій въ своемъ изслѣдованіи „Великорусскія былины Кіевского цѣвля“ попытался даже обосновать нѣкоторыми историческими соображеніями спеціальныя черты родства кавказско-русскихъ сказаній. Сношенія Руси съ Кавказомъ были настолько живы и постоянны, что они должны были отразиться на народ-

необыкновенную: во время обѣда съѣдалъ двухъ буйволовъ, а во время ужина не довольствовался и тремя (ср. Идолище — поганице русской быliny). Его братъ, Бадри былъ похожъ на красивую дѣвушку, Усипъ — на хрустальную башню, а самъ Амиранъ — на черныя тучи, наполненныя парами ливня. Одинъ изъ зубовъ Амирана былъ золотой.

Братья однажды пошли на охоту. Перешедши черезъ девять горъ, они увидѣли десятую гору Алгети. Тутъ стали охотиться. Скоро показался громадный олень съ гигантскими вѣтвистыми рогами. Амиранъ пустилъ въ него стрѣлу и ранилъ. Олень убѣжалъ. Братья погнались за нимъ и вышли на одно мѣсто, гдѣ стояла хрустальная, отовсюду замкнутая, башня. Братья обошли ее, чтобы найти входъ, но нигдѣ не было слѣдовъ дверей. Тогда Амиранъ ударилъ ногой объ стѣну и, чрезъ образовавшуюся брешь, вошли во внутрь. Тамъ увидѣли усопшаго Цамцума, тутъ стоялъ его конь, по правую сторону нашли шапку, по лѣвую — копье, достигающее до небесъ; въ одномъ углу башни — груды золота и серебра; возлѣ усопшаго сидѣла мать его, а у головы жена, проливаемая слезы которой достигали до моря; онъ держалъ въ рукѣ письмо, изъ котораго вычитали: „я впукуъ Усипа. Пока былъ живъ, побилъ всѣхъ своихъ враговъ, за исключе-

номъ творествѣ какъ замѣтны слѣды ихъ влiянiя въ языкѣ, бытѣ, общемъ складѣ русской народности. Позднѣе казачество запорожское и донское было естественнымъ проводникомъ кавказскихъ мотивовъ на Русь. *Лоци сошпипес русскихъ былинъ — шемки шемахинскiе, сьдла черкескiя, черкесь пятшорскiе* объясняются именно живыми сношенiями съ Кавказомъ. Благодаря этимъ связямъ, въ русской литературѣ появляется сказанiе „Слово и дивна повѣсть о дѣвицѣ шверскаго царя дщери Динарѣ-царицѣ“ — о войнѣ царицы Тамары съ персами. Материалы, до сихъ поръ изданные по эпическимъ кавказскимъ сказанiямъ, позволяютъ установить фактъ, что богатырскiя сказанiя сѣверо-кавказскихъ народностей представляютъ собою одинъ эпическiй циклъ, который можно назвать сѣверо-кавказскимъ и который нѣкогда сложился въ степяхъ сѣверо-западнаго Кавказа, а впоследствии зашелъ въ горы, гдѣ главнымъ образомъ и сохранился. Наибольшее число нартскихъ сказанiй сохранились у кабардинцевъ и осетинъ. Въ Кабардѣ нартскiя сказанiя пѣлись бродячими пѣвцами, называвшимися гегуако, которые разъѣзжали по всей Кабардѣ исключительно съ цѣлью присутствовать на народныхъ собранiяхъ, увеселенiяхъ, погребальныхъ и иныхъ процессiяхъ, гдѣ и пѣли свои пѣсни о минувшихъ временахъ. Но съ распространенiемъ ислама гегуако впадаютъ въ немилость у муллъ, какъ ихъ соперники по влiянiю на народъ, и съ теченiемъ времени исчезаютъ. Особенно сильное влiянiе на осетинскiй эпосъ оказали праискiе сюжеты — Рустемъ, Бежанъ, также Дареджанъ, перешедши къ осетинамъ съ юга, отъ грузинъ. (Подробности по этому вопросу см. у *Миллера* — Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892.)

ніемъ одного — неуклюжаго дэви. Кто убьетъ его, тому завѣщаю свою пику, кто объ этомъ мнѣ сообщитъ, тому мою шпагу, кто похоронитъ моихъ родителей, тому всѣ мои деньги, кто выдастъ замужъ моихъ сестеръ, тому все мое золото и серебро, кто похоронитъ меня, тому жену и коня“.

Братья-герои похоронили Цамцума, все имъ завѣщанное забрали и, вышедъ изъ башни и опять замкнувъ ее, отправились искать „неуклюжаго дэви“. Пройдя немного, они встрѣтили этого дэви.

— Куда ты идешь, дэви, спросилъ Амиранъ.

— Иду пожрать Цамцума, внука Усипа, отвѣтилъ дэви.

— Кто-же позволить тебѣ его сожрать, спросилъ Амиранъ.

— Какъ кто? А кто-же можетъ воспрепятствовать мнѣ, вопрсительно отвѣтствовалъ неуклюжій.

Дэви только что произнесъ эти слова, какъ Амиранъ набросился на него. Закипѣла битва гигантовъ. Подъ ногами ихъ вся твердь дрожала, тряслась. Слышанъ былъ подземной гулъ. Наконецъ, Амиранъ одолѣлъ противника. Могучими своими руками схвативъ и поднявъ вверхъ неуклюжаго дэви, Амиранъ изо-всѣхъ силъ размахнулся и ударилъ его объ землю. Отъ этого удара у дэви разбилось плечо; онъ сталъ ревѣть и просить: „Не убивай меня Амиранъ! За моремъ есть дѣвица, называемая Камари; для мытья ея платья необходимо имѣть семь кусковъ мыла и семнадцать кока (ведро) воды, а для сушенія ея платья семь солнечныхъ дней. Дорога туда легкая, но оттуда опасная, полная приключеній. Въ проводники я дамъ тебѣ своего кураера“. Амиранъ умилился было, но братья посовѣтывали не щадить его. Амиранъ принялъ совѣтъ братьевъ и отрубилъ у дэви двѣ головы и когда собирался отрѣзать и третью — послѣднюю, то дэви опять взмолился: „Итакъ, ты убиваешь меня, но вотъ послѣдняя моя просьба: изъ моихъ головъ выйдутъ три червя и ты ихъ пощади“. Когда Амиранъ отрубилъ и послѣднюю голову, то дѣйствительно изъ головы дэви вышло три червя — бѣлый, красный и черный. Братья просили Амирана погубить и ихъ, но онъ не послушался и отпустилъ червей, а самъ съ братьями и съ проводникомъ дэви отправился далѣе искать заморскую красавицу.

Ходили много и, наконецъ, вышли на одно пустынное поле. Оглянулся Амиранъ и видитъ, что тѣ три червя, которымъ онъ далъ свободу, превратились въ драконовъ, идутъ по полю и распѣваютъ пѣсню. Амиранъ бросился на нихъ и мгновенно убилъ бѣлаго и краснаго, но черный одолѣлъ его, проглотилъ живаго и поползъ далѣе, быстро. Тѣмъ временемъ братья Амирана, которые при видѣ драконовъ убѣ-

жали на гору, успѣли спуститься и пошли въ догонку чернаго дракона. Усиць пустиль стрѣлу и угодилъ въ хвостъ. Хвостъ отпалъ, но драконъ продолжалъ путь. Амиранъ, заключенный въ животъ дракона, грызъ и царапалъ сердце и внутренности его. Драконъ, ноя отъ страшныхъ спазмъ и болей, поспѣшилъ къ столбу, на которомъ, взвившись, обыкновенно онъ умерщвлялъ своихъ жертвъ. Но по совѣту Усипа, Бадри сталъ кричать своимъ сильнымъ и порывистымъ голосомъ, напоминая Амирану достать изъ кармана ножъ, распоротъ животъ дракона и выйти вонъ. Голосъ его былъ услышанъ, совѣтъ принять. Амиранъ вылѣзъ изъ чрева дракона живъ и здоровъ, но потерялъ бороду и усы.

Усиць, увидя, что Амиранъ преобразился, началъ насмѣхаться надъ нимъ. Амиранъ разгнѣвался на брата, но Бадри успокоилъ его, говоря: „не сердись, братъ! ты хорошо знаешь, что за человекъ Усиць. Что ты волосы потерялъ—это не бѣда. Пойдемъ къ господину Игри, и онъ тебѣ сдѣлаетъ какіе хочешь волосы“. Пошли—Игри сдѣлалъ Амирану волосы.

Отсюда опять пошли далѣе искать Камари. Искали долго, перенесли много горя и лишеній, но до Камари все-жъ не достигли. Продолжая путь, они наткнулись на домъ девяти дѣвовъ, Амиранъ ворвался въ домъ къ дѣвамъ и сталъ рѣзать ихъ. Уничтожилъ всѣхъ. Кровь дѣвовъ наполнила весь домъ. Амиранъ ударилъ ногой объ стѣну дома, стѣна рухнула и кровь потекла ручьемъ.

Затѣмъ Амиранъ сказалъ братьямъ: „братья помогите мнѣ достать Камари; вы ждите меня по ту сторону моря, я же переплыву море и перевезу ее, солнце-образную“. Братья согласились. Амиранъ сѣлъ на бѣлаго коня, переплылъ море и подѣхалъ къ башнѣ Камари. Она въ это время мыла посуду. Амиранъ упрасиваетъ ее: „Камари, сойди съ башни и поѣзжай со мной!“ Она же отвѣчаетъ: „взойди ты самъ сюда, немножко отдохни, а я тѣмъ временемъ уберу посуду“.

Амиранъ привязываетъ коня къ дереву и поднимается на башню.

Камари вымыла посуду и Амирану сказала уложить ее на полки. При укладкѣ посуды, Амиранъ разбилъ одну чашку, ту именно, которая его не слушалась и не хотѣла стоять на своемъ мѣстѣ. Съ разбитіемъ чашки, раздался оглушительный звонъ всей посуды, которая сразу зашевелилась, тронулась и полетѣла къ небу, къ отцу Камари и стала кричать: „Помогите, Камари похитили!“.

Камари, предвидя печальный исходъ предпріятія Амирана, по совѣтывала ему торопиться въ путь. Амиранъ сѣлъ на коня, посадилъ къ себѣ и Камари и поскакалъ во всю прыть. Но скоро ясное

и безоблачное небо понахмурилось. Подулъ вихрь и пошелъ дождь ливнемъ. Тогда Камари сказала Амирану: „Торопи коня; этотъ вихрь—воинство отца моего, а ливень—слезы матери моей“; затѣмъ она пропѣла:

„Амиранъ, скорѣй, скорѣй!
Хвалить быстроту твоихъ ногъ!
Амбры, Умбры (?) и арабы
Быстро сядутъ на коней,
Быстро-жь догонять тебя
И завяжутъ съ тобой горячій бой“.

Амиранъ ей отвѣчаетъ: „я не фазанъ, чтобы поймали меня соколы, и не заяцъ, чтобы поймали гончими. Придутъ, и я здѣсь. Одинъ пойду на отца твоего“.

Амиранъ, переплывъ море, благополучно прибылъ къ братьямъ. Тѣмъ временемъ и армія врага причалила къ берегу и наполнила все побережье моря. Бороться съ врагомъ сначала вышелъ Усинъ. Онъ перебилъ половину всей арміи и самъ погибъ. Затѣмъ вышелъ Бадри, перебилъ многихъ, но и самъ погибъ. Тогда Камари стала проситься выйти на бой, но Амиранъ не согласился и самъ бросился на враговъ. Рѣзня была страшная. Въ сѣчи погибли всѣ, за исключеніемъ отца Камари и Амирана. Теперь столкнулись эти гиганты. Долго они боролись. Камари издали смотрѣла на ихъ бой и, замѣтивъ, что Амиранъ слабѣетъ въ безуспѣшной борьбѣ, громкимъ голосомъ совѣтуетъ ему: „Амиранъ, ты не искусенъ въ борьбѣ: слона бьютъ не по спинѣ, но ножныя жилы подрѣзываютъ; съ подрѣзываніемъ столбовъ и дворецъ рушится“. Амиранъ ударяетъ мечами по колѣнямъ врага, и онъ падаетъ на землю. Амиранъ отрубаетъ у него голову и затѣмъ, съ обнаженной шпагой въ рукѣ, направляется къ Камари. Идущаго встрѣчаетъ какая-то дѣвица и стыдитъ его словами: „если бы ты былъ героемъ, шпагу вложилъ-бы въ ножны и пошелъ искать погибшихъ братьевъ своихъ“. Амиранъ влагаетъ шпагу въ ножны и идетъ искать братьевъ. Послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ находитъ остывшіе трупы, переноситъ ихъ въ одно мѣсто, садится самъ тутъ же и горько оплакиваетъ погибшихъ братьевъ. Горе по братьямъ еще болѣе усугубляется, когда Амирану ясно представляется его безпомощное положеніе послѣ потери братьевъ. Онъ рѣшается покончить съ собою. Вотъ послѣднія слова героя: „девять братьевъ Мхаргрдзэ-

лэй ') Алгетскую рошу затоптали, Амиранъ-же оставшись безъ братьевъ, безъ дядей, убилъ себя".

Прибѣжавшей Камари только оставалось проливать горячія слезы надъ героемъ и его братьями.

Долго она, безпомощная, плакала и не знала, что предпринять, на что рѣшиться. Вдругъ изъ норы выскочилъ мышенокъ и сталъ лизать кровь Амираана. Камари разгнѣвалась и ударомъ своего башмака разможила голову мышенку. Мать этого мышенка не замедлила выскочить изъ норы. Она начала упрекать Камари: „что ты это сдѣлала? Изъ-за тебя погибли твой отецъ, твой мужъ, твои девери и столько войска, ты еще убиваешь мое дитя?! Или ты думаешь, что и я не люблю свою дочь! Горе тебѣ, что-же касается до меня, то я вылѣчу своего дѣтеныша"! Сказавъ сіе, мышь сорвала какую-то траву, приложила къ ранѣ мышенка и послѣдній ожилъ... Камари обрадовалась: тою-же травой она исцѣлила Амираана и его братьевъ. Встали и пошли домой.

Послѣ этого прошло много времени. Амиранъ всюду побивалъ дэвовъ, драконовъ и уничтожалъ ихъ старинные зародыши. Постоянныя побѣды убѣдили Амираана, что равнаго ему въ силѣ ужъ нѣтъ никого.

Однажды Амиранъ шелъ себѣ по дорогѣ и встрѣтилъ печальное шествіе: на арбѣ везли хоронить умершаго его заклятаго врага Амбріа. Въ арбу хотя запряжено было 12 паръ быковъ и буйволовъ, но и эта сила едва двигала останки героя. Трупъ усопшаго не умѣщался на арбѣ и одно колѣно Амбріа волочилось по землѣ. Мать умершаго, шедшая возлѣ арбы, запримѣтивъ и узнавъ Амираана, попросила его: „Амиранъ Дарѣджанисдзе, будь добръ, подними ногу Амбріа и положи на арбу". Амиранъ сталъ поднимать, но не поднял: колѣно было тяжело и у Амираана силъ не хватило. Видя это, мать Амбріа поетъ:

„Несчастлива та страна,
Гдѣ ты амиранствовалъ,
На голову каску надѣвалъ,
На тѣло латы укрывалъ.
Богъ свидѣтель, ты не равнялся

') Мхаргрдзеги историческая грузинская фамилія сподвижниковъ Тамары. При Тамарѣ Мхаргрдзеги-Саргисъ и Захарія были полководцами. Мхаргрдзеги значить „долгорукій". (См. Additions et éclaircissements. *Броссе*, стр. 266—288 и 358—367.

Съ Амбіріємъ ни въ ѣдѣ, ни въ питіи,
 Ни въ борьбѣ. Какъ-же ты могъ
 Сравниться съ живымъ, когда онъ
 Мертвецъ побѣдилъ тебя!
 Какъ-же враждовалъ съ нимъ,
 Когда его ногу не можешь поднять?"

Амиранъ страшно опечалился.

Онъ, удрученный печалью, заперся въ одну темную комнату и предался горю. Но Богъ пришелъ къ нему на помощь. Онъ прибавилъ ему силу трехъ разбушевавшихся водъ и трехъ горныхъ снѣжныхъ обваловъ. Амиранъ обрадовался и вышелъ дѣйствовать. Теперь ужъ никто не могъ съ нимъ состязаться. Амиранъ возгордился и такъ какъ равнаго ему по силѣ никого не было, то онъ пожелалъ испытать свою силу въ борьбѣ съ своимъ кумомъ, т. е. съ Иисусомъ Христомъ.

Однажды Амиранъ встрѣтилъ Господа и сказалъ ему: „кумъ, ты мнѣ далъ столько силы, что никто со мной не можетъ состязаться. Будь, что будетъ, ужъ ты самъ выходи со мною бороться“. Христосъ отвѣтилъ: „Амиранъ, ты человѣкъ философъ, какъ-же не знаешь и того, что съ кумомъ тебѣ не подобаетъ бороться“? Но Амиранъ все же не отставалъ и требовалъ состязаться съ нимъ. Христосъ, вонзивъ палку въ землю, сказалъ Амирану: „если ее достанешь изъ земли, то побѣда твоя“. Амиранъ потянулъ палку и вытащилъ легко. Христосъ вторично вонзилъ палку. Амиранъ опять досталъ и замѣтилъ Христу: „шутить что-ли со мной? или борись, или отстань!“

Христосъ въ третій разъ вонзилъ палку и повелѣлъ ей пустить корни, обнимающіе всю вселенную, пустить стволъ, достигающій до небесъ, и затѣмъ приказалъ Амирану вытащить палку.

Амиранъ не только не вытащилъ, но шевельнуть ее не сумѣлъ.

Тогда Христосъ проклялъ Амирана и привязалъ къ тому-же дереву, которое выросло изъ палки. Надъ привязаннымъ Амираномъ Господь придвинулъ снѣжно-ледовитыя вершины Мвинвари (гора Казбекъ) и Гергеты, чтобы навсегда лишить его возможности видѣть небо и землю, свѣтъ и радость. Съ тѣхъ поръ Амиранъ томится тамъ. Богъ опредѣлилъ ему на пропитаніе порцію хлѣба и чашку вина въ день. Эту провизию ему доставляетъ воронъ. У Амирана имѣется одинъ пестъ рожденный отъ ворона. Заржавленную цѣпь, которою привязанъ Амиранъ, этотъ пестъ неустанно лижетъ, отчего она тонѣетъ, слабѣетъ. Въ это время душа Амирана наполняется надеж-

дою, что вотъ-вотъ цѣпъ разорвется и онъ получить свободу. Но этой надеждѣ героя не суждено осуществиться, ибо въ утро страстнаго четверга всѣ грузинскіе кузнецы ударяютъ молотами по три-раза о наковальню и цѣпъ доведенная до точки разорванія, отъ этихъ ударовъ опять крѣпнетъ и получаетъ прежнюю прочность. Амиранъ опять ввергается въ уныніе, опять та же печальная участь томленія, лишенія свободы, и свѣта (Ср. удары кузнецовъ у армянъ для укрѣпленія, цѣпей Артавазда).

Въ недалнемъ разстояніи отъ Амирана валяется его шпага, покрытая ржавчиной. И шпага, какъ и ея хозяинъ, оплакиваетъ себя.

Гора Гергеты въ годъ одинъ разъ открываетъ Амирану двери свѣта, но онъ не радъ этому, ибо лучи свѣта еще сильнѣе возжигаютъ въ немъ боли его застывшей тоски и печали.

На горѣ Гергеты есть одинъ окаменѣлый драконъ. Онъ пришелъ сюда пожрать скованнаго Амирана, но Богъ проклялъ и его, отчего и онъ окаменѣлъ. Съ тѣхъ поръ лежитъ тамъ этотъ драконъ, неповрежденный ни силою огня, ни силою солнца, ни силою бури и ледянаго обвала. Онъ позабытъ и небомъ, и землей; ни ледъ, ни снѣгъ никогда его не покрываютъ, дождь не орошаетъ и даже зефиръ не охлаждаетъ его чела; горные туры и козы даже во время злыхъ мятелей и вихрей не заглядываютъ въ его скалистые пріюты. Вся и все бѣжитъ отъ него, сторонится избѣгаетъ его. Вокругъ и около него доносится только гласъ проклятія, запустѣнія, смерти.

Послѣдній судный день есть крайній предѣлъ томленія Амирана. Съ наступленіемъ этого дня и Амиранъ получаетъ свободу. Вотъ тайный гласъ, доносящійся изъ скалы:

„Не радуйтесь, демоны!
Еще разъ увидите Амирана,
Одѣтаго въ броню со шпагою въ рукѣ,
Преслѣдующаго и разящаго васъ
Своею могучею рукою!“

Сванетская версія ¹⁾ о героѣ Амиранѣ. Въ одномъ дремучемъ лѣсу ²⁾, вершины деревьевъ котораго касались неба, возвышалась

¹⁾ „Иверія“ 1887 № 212 *Тависупами свани* (псевдонимъ).

²⁾ По представленію свановъ мѣстѣйской общины, Амиранъ былъ сильный человѣкъ. Когда онъ бросалъ вверхъ жернова мельничіе, то разбиалъ ими потолокъ и крышу и до паденія успѣвалъ выбѣгать наружу и ловилъ ихъ на лету. Когда онъ сдѣлался сильнымъ, дьяволы заключили съ нимъ союзъ, но затѣмъ сами нарушили его, поймавъ и привязавъ его цѣпью противъ того мѣ-

тонкая, но очень высокая гора. Недалеко от этого лѣса жилъ охотникъ. Во время охоты ему случилось близко подойти къ подошвѣ скалы, откуда ему послышался женскій голосъ. Онъ вздумалъ взобраться на скалу, но она оказалась неприступной. Возвратившись домой къ своей хромой женѣ, онъ велѣлъ приготовить къ слѣдующему дню путевую провизію, а самъ отправился къ кузнецу заказать одинъ мѣшовъ (мѣхъ-„гуда“) долота и молота. На другой день съ провизіей и мѣшкомъ этихъ орудій охотникъ вернулся къ скалѣ. Онъ сталъ вбивать долото въ скалу и, дѣлая ступени, постепенно поднимался; когда у него вышли долота, а молотки износились, онъ очутился на вершинѣ скалы ¹⁾. Здѣсь онъ чрезъ отверстіе въ родѣ дверей вошелъ въ пещеру, гдѣ лежала „Дали“ (женщина). Она поразила его своей удивительной красотой и золотистыми кудрями. Достаточно имъ было взглянуть другъ на друга, чтобы влюбиться и броситься въ объятія. Охотникъ провелъ съ нею ночь, и „Дали“, побѣжденная любовью, раздѣлила съ нимъ ложе. Оставшись и вторую ночь у нея, на третью ночь она его уговаривала вернуться домой, чтобы его жена не пришла по его слѣдамъ въ пещеру и не причинила имъ несчастія. Охотникъ успокоивалъ ее тѣмъ, что жена его хромая и дома едва ходитъ. Дѣйствительно, жена беспокоясь о мужѣ, по слѣдамъ его взобралась въ пещеру, гдѣ мужъ ея спалъ съ Дали. Она отыскала ея золотыя ножницы, отрѣзала у нея золотистыя кудри и съ ними вернулась домой. Дали, проснувшись, открыла пропажу ножницъ и кудрей. Считая себя беременной, Дали предложила охотнику разрѣзать ей утробу и вынуть ребенка. „Если будетъ мальчикъ, говоритъ она, назовемъ Амираномъ, а если дѣвочка, какъ хочешь. Сынъ мой будетъ героемъ; жаль, что не пришлось ему больше жить въ утробѣ, тогда бы онъ вступилъ въ со-

ота, гдѣ былъ привязанъ Амираномъ демонъ. Съ тѣхъ поръ всѣ ногти человѣскіе, которые отрѣзываются по средамъ и пятницамъ, прибавляются демону, который достаетъ такимъ образомъ и скребетъ его, всѣ же ногти, которые отрѣзываются въ остальные дни прибавляются Амирану и царапаютъ ими демона. Въ ленджерской церкви съ наружной стороны представленъ Амиранъ, который, будучи поглощенъ китомъ, поразилъ чудовище и вышелъ изъ живота невредимымъ. Въ такомъ барельефѣ можно видѣть отраженіе сказанія о прор. Іовѣ. Амиранъ же верхомъ поражаетъ грузинскаго сказочнаго героя Бакбакъ — дэви. (Поѣздка въ Сванетію *еп. Григорія* стр. 33, 52, Потя, 1893 г.). Въ этомъ изображеніи усматривается перенесеніе на Амирана пораженіе св. Георгіемъ дракона.

¹⁾ Такой же способъ восхожденія на скалу недавно былъ прииѣненъ однимъ крестьяниномъ въ Рачѣ. „*Иверія*“ 1891 г. № 216, 217.

стязаніе даже съ Богомъ“. Она завѣщала держать ребенка три мѣсяца въ брюшной внутренности, потомъ положить въ люльку и поставить ее у источника Ямана ¹⁾; пройдетъ мимо крестный отецъ и скажетъ ему, что необходимо. Охотникъ долго отказывался, но по ея настоянію исполнилъ просьбу. Прохожіе мимо ребенка, спрашивали его, кто его родители и кто его крестилъ. Ребенокъ отвѣчалъ, что родителей не знаетъ, а крестный его отецъ — ангелъ ²⁾. На троекратный вопросъ ангелъ явился, ангела ребенокъ давалъ одинъ и тотъ же вопросъ, далъ ему имя Амиранъ и мотокъ нитокъ, который онъ велѣлъ спрятать въ чевякахъ и воспользоваться имъ при крайней нуждѣ. Благословивъ его, ангелъ объявилъ, что на землѣ не будетъ никого сильнѣе его.

Разъ къ источнику Ямана пришли водовозы и стали смѣяться надъ Амираномъ. Онъ обидѣлся, приподнялся съ колыбели и перебилъ имъ кувшины. Объ этомъ рассказали Яману, и онъ раздраженный такимъ поступкомъ, спустился къ источнику, къ Амирану. Онъ очень обрадовался находкѣ мальчика, говоря: „онъ будетъ братомъ для моего Усуна и Бадри“. Колыбель съ ребенкомъ онъ принесъ женѣ; та также радовалась въ надеждѣ, что Амиранъ будетъ качать люльку Усуна и Бадри. На другой день она, уходя, поставила люльку Амирава между люльками Бадри и Усуна и велѣла качать ихъ, угрожая за ослушаніе наказаніемъ. Амиранъ въ гнѣвѣ всталъ изъ люльки, гдѣ онъ нашель шило, и укололъ имъ дѣтей. Мать слышала плачь дѣтей и разсердилась, какъ онъ осмѣлился обидѣть ее дѣтей, когда на это не дерзнетъ даже сынъ Дали, Амиранъ. Обидчикъ пробормоталъ, что онъ есть Амиранъ. Мать тогда прибѣжала, расцѣловала его, выкупала въ молокѣ и завернула въ священную матерію „кандтхи“. Дѣти стали расти героями: они избивали всѣхъ, идущихъ на востокъ и западъ. Обиженные сдалека только разъ осмѣлились упрекнуть ихъ, что они смѣло бьютъ постороннихъ, а не знаютъ судьбы глаза Ямана. Мать старалась успокоить дѣтей, говоря, что оспа испортила глазъ Яману. Второй разъ мать также отдѣлалась отъ нихъ. Третій разъ дѣти попросили мать

¹⁾ Этотъ эпизодъ Амирава изъ жизни напоминаетъ библейскій рассказъ объ оставленіи Моисея—ребенка его матерью въ корзинѣ на берегу рѣки.

²⁾ Въ X вып. *Сборника для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа отд. II, стр. 6*, помѣщена сказка объ Амиранѣ. Она гораздо короче переводимой мной легенды и начинается съ того, что беременная Дали проситъ мужа своего „Дарчеліана“ вынуть мальчика изъ ея утробы и держать въ животѣ бычка одинъ мѣсяць. Крестный отецъ его не ангелъ, а Христосъ (Ср. пшавскую версію).

испечь ватрушки, Амиранъ и Усупъ взявъ по ватрушкѣ съ огня, положили на груди матери, угрожая припечь ихъ ей, если не скажетъ правды, какъ потерялъ глазъ Ямана. Она сообщила, что какой-то дэви наложилъ подать на Ямана и когда родились Бадри и Усупъ, онъ просилъ или одного изъ нихъ, или правый глазъ Ямана. Послѣдній пожалѣлъ дѣтей и предпочелъ отдать ему свой глазъ ¹⁾).

Дѣти стали готовиться къ борьбѣ съ дэви. Яманъ по ихъ просьбѣ нашелъ имъ желѣзную стрѣлу, Амиранъ подтянулъ, стрѣла разсѣклась на двѣ части. Амиранъ отнесъ въ вѣзнецу 9 ока ²⁾ желѣза для стрѣлы. На другое утро втроемъ отправились на борьбу съ дэви ³⁾. На полѣ встрѣтили одного дэви подъ яблонвымъ деревомъ. Стадо барановъ лежало тутъ же, дэви сказалъ имъ, если они богатыри, то пусть постараются сбить одно яблоко и поднять его снова на дерево. Бадри и Усупи не сумѣли, а Амиранъ бросилъ стрѣлу, всѣ яблоки упали съ одной стороны и поднялись съ другой на дерево. Дэви продолжалъ ихъ испытывать. Онъ предложилъ поднять одного барана и снова уложить его. Бадри и Усупи не могли, а Амиранъ такъ сильно ихъ уложилъ, что чуть все стадо не погибло. Разгнѣванный дэви обхватилъ стадо съ Амираномъ загналъ домой и заперъ двери. Бадри и Усупи остались на дворѣ. На ужинъ онъ приготовилъ себѣ четырехъ барановъ, мясо ихъ съѣдалъ, а кости бросилъ за спиной въ уголь, гдѣ у него на цѣпи была привязана сестра. Поужинавъ дэви прилежъ, говоря, что завтра у него прекрасная закуска — Амиранъ.

Дэви заснул. Амиранъ обращается съ просьбой къ сестрѣ дэви научить его, какъ убить ея брата. Она сказала, что дэви можетъ быть убитъ только собственной саблей ⁴⁾, которую онъ держитъ въ маслѣ. Вытянуть оттуда саблю одному было трудно, поэтому она предложила

¹⁾ Въ „Сборникъ“; стр. 7 представлено дѣло немного иначе.

²⁾ Ока=3¹/₂ фунтовъ. Ср. повтореніе цифры 9 въ сказкахъ: 9 подпругъ, 9 цѣпей...

³⁾ Ср. „Сборникъ“ стр. 8. Предварительное испытаніе сыновей въ ловкости: требовалось раздробить три мельничныхъ жернова.

⁴⁾ Въ нѣкоторыхъ грузинскихъ сказкахъ передается, какъ можно убить дэви. Въ VI кн. 1891 г. *Джеджили*, напечатана сказка о „Царѣ Несмѣянѣ“. Здѣсь царевичъ узнаетъ отъ похищенной дэви жены, что дэви можетъ быть убитъ только тогда, когда снимутъ голову съ извѣстнаго дикаго кабана, вынуть оттуда коробку, гдѣ хранятся три птички: одна изъ нихъ (красная) заключаетъ его силу, другая (бѣлая)—умъ и третья (черная)—душу. Убить же кабана можно собственной дэви стрѣлой изъ стали. Царевичъ воспользовался этимъ указаніемъ и постепенно лишалъ дэви силы, ума и души, убивая одну птичку за другой.

привязать одинъ конецъ „дцема“ (толстый ремень) къ саблѣ, а другой конецъ дать ей. Нанесеніе удара саблей дэви не требовалось—ее нужно было положить ему на шею—сабля сама срѣжетъ голову. Она просила дать ей слово поручителемъ Христа, что онъ ее освободитъ и вреда не причинитъ. Амиранъ далъ слово, и сдѣлалъ все такъ, какъ было сказано. Когда вытянули саблю, раздался страшный шумъ, дэви проснулся, но вскорѣ опять заснулъ. Когда сабля прорѣзала полъ шеи, онъ почувствовалъ ея силу, но спастись было уже поздно. Амиранъ нарушилъ слова Христа тѣмъ, что обезглавилъ и сестру дэви. Кое-что взявъ изъ доставшагося ему состоянія дэви, онъ отправился съ братьями далѣе въ путь. На вершинѣ одной скалы видятъ дэви, прядущаго шерсть. Веретеномъ служить еловое дерево, а самопрялкой—жерновъ. Этотъ дэви и взялъ глазъ Ямани. „Я вижу, говоритъ дэви, три мухи приближаются ко мнѣ, вернитесь назадъ, а то мясо ваше съѣмъ, а кости выглодаю“. Амиранъ вызвалъ его на бой, дэви вступилъ въ борьбу. Амиранъ одну стрѣлу за себя, а двѣ за братьевъ пускаетъ въ дэви. Борцы устали. Дэви приблизился, разинулъ ротъ и проглотилъ Амирана. Когда дэви входилъ во дворъ, его догналъ Бадри и только хвостъ ¹⁾ могъ у него отрѣзать. У дэви заболѣлъ животъ, сталъ тереться объ столбы, но удержаться безъ хвоста не могъ и упалъ на землю ²⁾. Мать спрашиваетъ, не видѣлъ ли онъ кого-нибудь. Дэви отвѣчалъ, что онъ повстрѣчалъ трехъ мухъ и одну изъ нихъ „проглотилъ“.—Горе тебѣ, говоритъ ему мать, если ты сына „Дали“, Амирана проглотилъ! Братья между тѣмъ подошли къ окну и въ пѣснѣ совѣтуютъ брату, чтобы онъ досталъ изъ чевяковъ кинжалъ (хангари?) и употребилъ въ дѣло. Дэви проситъ его не убивать и даетъ слово выпустить его изъ рта или чрезъ задній проходъ. Амиранъ оба пути считаетъ для себя оскорбительными. Дэви предложилъ ему вынуть у него двѣ боковыя кости и чрезъ образовавшееся отверстіе выйти на свѣтъ Божій. Амиранъ вынулъ всѣ боковыя кости и вышелъ, но съ испорченнымъ глазомъ. Дэви, въ виду угрозы Амирана для исцѣленія глаза, предложилъ отрѣзать кусокъ съ его печени и легкихъ и приложить къ глазу. Амиранъ такъ и сдѣлалъ. По просьбѣ дэви Амиранъ ему вставилъ на мѣсто бока деревянный плеть ³⁾. Дэви трудно

¹⁾ Дэви представляется иногда съ хвостомъ. По легендѣ изъ „Сборника“ Висибъ отрѣзалъ ему ногу, стр. 8.

²⁾ Въ „Сборникѣ“ нѣтъ убійства дэви.

³⁾ Если бы Амиранъ не деревянный плеть приставилъ къ боку дэви, то миръ погибъ бы. Затмѣніе солнца объясняется тѣмъ, что дэви проглатываетъ

было разстаться съ глазомъ Ямана, но долженъ былъ указать Амирану столбъ, въ которомъ находилась коробка внутри другой коробки съ глазомъ Ямана. Съ этимъ глазомъ пришли къ отцу и прибыли у него нѣсколько времени.

Амиранъ, собираясь въ путь, не хотѣлъ брать съ собою братьевъ, которые ему въ трудныя минуты скорѣе мѣшали, чѣмъ помогали. Но они его упросили, и втроемъ пошли въ поле, гдѣ повстрѣтили трехъ дэвовъ. Послѣдніе имъ сказали, что Амиранъ сдѣлался бы извѣстнымъ богатыремъ, если бы онъ женился на Кету, дочери кесаря Кеклуды ¹⁾. Узнавъ отъ нихъ, что кесарь Кету держитъ въ башнѣ, прикрѣпленной на цѣпи къ небу, братья пошли ее искать и наткнулись на море. Такъ какъ трудно было переправиться чрезъ море, то попросили встрѣтившуюся имъ женщину-дэви указать другую дорогу къ Кету. Она согласилась ихъ переправить чрезъ море — единственный путь къ царевнѣ, съ условіемъ принять ее къ товарищи. Амиранъ далъ ей въ этомъ Христа поручителемъ. Дэви-женщина срѣзала одну косу, положила мостомъ чрезъ море. Когда братья переправились, то Амиранъ кинжаломъ перерѣзалъ мостъ, когда вступила на него женщина, и она упала въ море. Такъ Амиранъ второй разъ нарушилъ данное во имя Христа слово.

Онъ встрѣтилъ человѣка по имени Андреробъ. Онъ былъ на столько великъ, что 9 паръ быковъ и буйволовъ везли арбу, въ которой онъ лежалъ, пособляли безсѣтное число людей и все же арба съ трудомъ подвигалась. Его везли хоронить, опасаясь, чтобы по смерти, вслѣдствіе тяжести, не остался далеко отъ гроба не погребеннымъ. Съ арбы у него одна нога упала, люди не могли ее поднять, и она, влача по землѣ, образовала рытвины, какъ при проведеніи плуга. Амиранъ, видя это, стрѣлой приподнял ногу великана на арбу. Андреробъ, удивленный силой Амирана, попросилъ у него дать руку. Амиранъ изъ боязни вмѣсто руки подаль ему камень, который онъ сдавилъ до того, что вода изъ него потекла. Вслѣдъ за вторичной просьбой Андрероба Амиранъ далъ ему руку и во имя Христа побратался съ его сыномъ. Съ нимъ Амиранъ ходилъ много, усталъ и прилежъ заснуть. Въ это время сынъ Андрероба поймалъ двухъ оленей ²⁾ и повѣсилъ ихъ на дерево. Амиранъ огорчился, видя это, и убилъ сына

его. Солнце прожигаетъ деревянный бокъ и снова является. Ср. Г. Церетели „Мноы на руз. почвъ“ (*Кавказъ*: 1892, 74 и 74) гдѣ сказанія объ Амиранѣ объясняются исключительно миеологически.

¹⁾ „Иверія“ № 213, 1887 г. *Усуні*. „Царь“ груз. сказокъ въ сванетскихъ наз. „Кесаремъ“.

²⁾ По варианту—двухъ борзыхъ собакъ.

Андрероба, опасаясь, что онъ со временемъ и его побѣдитъ, если въ нѣжномъ возрастѣ совершаетъ такіе подвиги. Такимъ образомъ, Амиранъ третій разъ нарушилъ данное во имя Христа слово.

Амиранъ отправился искать башню Кеклуца-кесаря ³²⁾. Нашедши ее, Амиранъ предложилъ братьямъ подпрыгнуть и саблей достать цѣпь. Они не сумѣли, но Амиранъ подпрыгнувъ, ударилъ кинжаломъ, разсѣвъ цѣпь и башня спустилась на землю. Они вошли въ башню. Амиранъ и Кету посмотрѣли и влюбились въ другъ друга. Узнавъ объ этомъ кесарь, собралъ народъ и осадилъ башню. Усупи вышелъ сразиться съ кесаремъ, уничтожилъ первый рядъ его войска, но кесарь однимъ дуновеніемъ задушилъ его. Такая же судьба постигла Бадри. Тогда самъ Амиранъ выходитъ въ бой. Кету дала ему слѣдующій совѣтъ: отецъ ея носить на головѣ повязку, привязанную къ шеѣ золотымъ нервомъ; нужно разрѣзать этотъ нервъ, повязка спадетъ, шея обнаружится и тогда ударомъ кинжала можно съ нимъ покончить. Амиранъ истребилъ послѣдній третій рядъ войска, отъ дуновенія кесаря палъ на колѣни, но быстро поднялся и срѣзалъ съ него голову. Но Амиранъ не хочетъ безъ братьевъ возвращаться къ старику-отцу. Онъ указываетъ Кету на ихъ примѣтные знаки: на хребтѣ Усупи изображено солнце, а на хребтѣ Бадри луна. Кету утерла ихъ лица своимъ полотепцемъ ^{*}), и они ожили. Съ Кету, братьями и имуществомъ Кеклуца Амиранъ вернулся къ отцу Яману. Послѣ этого онъ братьевъ не бралъ съ собой, такъ какъ они только мѣшали ему.

Амиранъ одинъ совершилъ много подвиговъ. Разъ онъ на землѣ только трехъ дѣвовъ, трехъ кабановъ и три дуба оставилъ безъ истребленія. Въ теченіе своей жизни онъ три раза нарушалъ слово, данное во имя Христа. За это Богъ его наказалъ. Онъ повѣсилъ большую желѣзную цѣпь и привѣшилъ ее къ желѣзному колу. вмѣстѣ съ Амираномъ Богъ привязалъ къ этому колу его собаку, по имени Курша за то, что она пріятныхъ Богу туровъ разодрала. Амиранъ и собака въ теченіе года тянутъ колъ, который все выше изъ подъ земли поднимается и остается только одинъ пріемъ, чтобы его вырвать съ корнемъ, какъ по повелѣнію Бога, прилетаетъ птичка и садится на колъ. Амиранъ въ гнѣвѣ замахивается на нее желѣзной палкой, птичка

³²⁾ Въ *Сборникъ* она названа „Кеклоція“ (стр. 9).

^{*}) Оживляющій платокъ—обыкновенный мотивъ какъ въ груз., такъ и вообще въ индо-европ. сказкахъ.

успѣваетъ улетѣть, ударъ со всей силой наносится колу, который глубоко уходитъ въ землю. Такъ повторяется изъ года въ годъ.

Курша Амирани—щенокъ орла. (ср. выше—песнь, рожденный отъ ворона). По повѣрью сванетовъ въ числѣ своихъ птенцовъ орелъ производитъ на свѣтъ и одного щенка. Орлица поднимаетъ его высоко и бросаетъ на землю, чтобы человекъ не могъ его вырастить. Одного такого щенка нашелъ охотникъ и вырастилъ его. На хребтѣ у него крылья орла, двумя прыжками догоняетъ тура, считая третій скачокъ позорнымъ. Есть пѣсня въ честь этого щенка, въ которой выражается скорбь охотника по утратѣ Курша ²⁴). „Въ полночь исчезла у меня собака. Увы! быть можетъ ее ведетъ купецъ Чортъ укралъ ее у меня. Золотыя уши и губы у тебя, глаза похожи на луну, лай ея напоминаетъ громъ съ небесъ; ноги ея равнялись гумну. Ея скачекъ — поле большое. Пища ея — хлѣбные пирожки, напитокъ ея — вино молодое (сладкое — бадаги). Увы! если теперь пьешь мутную воду! Постель ея — пуховое одѣяло. Курша! поднимаясь вверхъ, ты—левъ, опускаясь внизъ, ты—рябчикъ. На сушѣ ты—герой, на морѣ—корабль. Курша, Курша! Цѣлый годъ плакалъ и горевалъ о тебѣ“ ²⁵). Перейдемъ къ *картаминской версии* сказанія.

Жили три брата: Сулкамахъ ²⁶), Бадри и Усупи по фамилии Даруджанашвили. Усупи имѣлъ одну желѣзную шапку, надѣвалъ ее, поднимался на чинаровое дерево, стоящее во дворѣ, и такъ сильно выкрикивалъ, что дѣвы отъ страха спѣшили принести ему подарки и приношенья. Разъ онъ пошелъ на охоту и открылъ въ скалѣ башню, откуда ему послышался голосъ „красавицы, не выдавшей никогда солнечныхъ лучей“. Онъ вошелъ въ башню и остался тамъ три дня. Уходя, Усупи говоритъ красавицѣ: черезъ три дня я умру, вотъ тебѣ алмазное кольцо. Если у тебя родится дочь, отдай ей это кольцо; а родится мальчикъ, самъ о себѣ позаботится. Усупи умеръ. Дѣвы узнали объ этомъ, захватили въ плѣнъ его братьевъ и поставили ихъ врачими у себя. Красавица родила мальчика, который явился на свѣтъ

²⁴) Оригиналъ пѣсни помѣщенъ въ *Сванецкихъ сказкахъ*, собранныхъ *Тависупами свани* (стр. 100—101).

²⁵) Въ „*Сборникъ*“ вѣтъ конца легенды, какъ Амиранъ былъ привязанъ къ цѣпи.

²⁶) *Иверія* № 145 и 146, 1887 г. *Амиранъ Даруджанашвили. Грузинская легенда, записанная въ сел. Брети Горійск. уѣзда Тифлис. губ., со словъ крестьянина Ваню Чинчаладзе.*

²⁷) Въ сванетской легендѣ Сулкамахъ отсутствуетъ: по этой легендѣ Амиранъ братъ, а не племянникъ Бадри и Усупи.

Божій съ короткой саблей. Его крестилъ самъ Богъ и далъ ему имя Амиранъ. Кто по годамъ растетъ, тотъ же по днямъ, а десяти лѣтъ былъ уже въ состояніи вступить въ опасную борьбу. Разъ онъ выглянулъ изъ окна и видитъ идущую съ кувшиномъ женщину. Амиранъ держитъ пари съ матерью, что разобьетъ у женщины кувшинъ, не причинивъ ей самой боли и вреда. Онъ удачно пустилъ стрѣлу въ кувшинъ. Женщина отказалась проклясть его, какъ единственнаго сына матери, но напомнила, что ему герою болѣе приличествовало бы освободить дядей изъ позорнаго положенія кравчихъ у дэвовъ, чѣмъ обижать ее. Амиранъ впервые узналъ, что у него есть дядя. Попросивъ у матери дать ему грудь, онъ сдавилъ ее зубами и требовалъ отвѣтить, если или пѣтъ у него дяди. Въ началѣ она отказывалась, но страшная боль заставила ее назвать Бадри и Сулкалмаха. Пошелъ Амиранъ искать ихъ. Вскорѣ нашелъ и попросилъ ихъ дать ему ѣсть. Дяди, посмотрѣвъ на него, нашли сходство между нимъ и Усупомъ. Пригласили его въ садъ подъ тѣнь деревьевъ на обѣдъ. Одинъ изъ дэвовъ обратилъ вниманіе на короткую саблю красиваго гостя-юноши, другой замѣтилъ, что не трудно сжарить его на вертелѣ въ видѣ закуски ²⁹⁾ послѣ вина. Амиранъ, услыхавъ это, перебилъ дэвовъ. Обрадованные дяди расцѣловали его. Въ комнатѣ онъ нашелъ шапку Усупи, необходимую для того, чтобы голова отъ сильнаго крива не расцѣлась. Для Амирана шапка была мала, но онъ ее рукой раздвинулъ и надѣлъ, вырвалъ съ корнемъ чинаровое дерево, считая его лишнимъ, и такъ вскрикнулъ, что земля сотряслась. Дэвы испугались, думая, что Усупи воскресъ и приближали съ приношеньями. Послѣ обѣда Амиранъ и дяди (по варіанту съ братьями) его пошли на охоту. Вдругъ поднимается изъ кустовъ олень, рога котораго касаются неба. Амиранъ пустилъ стрѣлу и оросилъ красной кровью ея ребра, и по слѣдамъ ея крови онъ шелъ семь дней и семь ночей, не теряя дороги. Наткнулся на одну башню, до небесъ поднимающуюся, но входа въ нее не было видно; Амиранъ ударилъ ногой и сдѣлалъ себѣ двери чрезъ образовавшуюся брешь. Здѣсь видитъ несчастнаго покойнаго съ письмомъ въ рукахъ, въ которомъ означена личность умершаго (фамилія его): „я не безызвѣстенъ—я племянникъ Усупи по сестрѣ; при жизни истребилъ не мало дэвовъ, но остался Бакбакъ-дэви, и потому я умеръ съ горечью въ сердцѣ.

²⁹⁾ Ср. подобное ироническое отношеніе дэвовъ къ герою въ армянскихъ и мингрельскихъ сказкахъ. *Халатъянцъ*. Общій очеркъ народ. армян. сказокъ, стр. 13. *Цагарели*, Мингр. Этюды, в. I, стр. 14.

Кто его убьет, тотъ пусть возьметъ моего крылатога коня („раши“³⁹⁾), за дверьми мое копье, и это ему по заслугѣ будетъ принадлежать“⁴⁰⁾. Дяди сказали, что они знаютъ Бакбакъ-дэви, но боятся его самого и его матери. Бакбакъ самъ идетъ на встрѣчу къ нимъ. Онъ спѣшитъ выбросить мертваго собакамъ, такъ какъ живого не удалось его осрамить. На вопросъ Амيرانа, кто идетъ, дэви отвѣчаетъ, что имени знать не нужно, а идетъ дэви съѣсть племянника Усупи. „Кто тебѣ позволить съѣсть сына Адама?! Я готовъ бороться съ тобою!“ Началось состязаніе, земля подъ ихъ ногами колебалась. Амيرانъ ударилъ дэви о камень и разбилъ ему плечо. Ему совѣтуютъ дяди не пускать дэви въ живыхъ, ожидая отъ его матери неминуемаго несчастія.—Здоровый не могъ справиться со мной, а тѣмъ болѣе развитый, отвѣчаетъ онъ.—Бакбакъ-дэви отправился съ воємъ къ матери. Она бѣжитъ на встрѣчу и выбрасываетъ изо рта огонь. Амيرانу говорятъ дяди, чтобы онъ приготовилъ мѣхъ меду и золы и на просьбу ея дать ей пищу, влить сначала медъ, а потомъ всыпать ей въ ротъ золу. Амيرانъ далъ ей медъ, потомъ надѣлъ ей мѣхъ съ золой на голову и отрубилъ ее. Амيرانъ похоронилъ ее въ башнѣ и вернулся домой. На дорогѣ нашли трехъ змѣевъ (ср. выше 3 червя). Дяди предлагаютъ ихъ убить, чтобы посторонніе не подумали, что они испугались ихъ. Амيرانъ саблей срѣзалъ двумъ змѣямъ голову, а на одну изъ жабръ третьей змѣя наступилъ онъ ногой, другою рукою сорвалъ, но въ эту минуту змѣя проглотила его. Дяди отрѣзали 9 аршинъ съ хвоста у змѣя, который приходитъ послѣдній къ матери и жалуется на боль въ животѣ. „Можетъ быть, сынъ мой, червяковъ ты съѣлъ или кого нибудь изъ Даруджанавили“⁴¹⁾? Самого Амيرانа проглотилъ, отвѣчаетъ змѣй. Мать испугалась: „если онъ умеръ, то воскреснетъ, говоритъ она, а живъ, тѣмъ хуже—онъ отомститъ; вызови его“. Амيرانъ отказывается выходить черезъ ротъ или бокъ: „буду, говоритъ онъ, харкотинной или кривобокимъ“. Дяди съ кровли ему совѣтуютъ, чтобы онъ вынулъ изъ чевяковъ пожъ и разрѣзалъ ребро змѣю. Амيرانъ выходитъ, но безъ усовъ и бороды. Дядя, смѣясь, сравниваютъ его съ поросенкомъ, другой успокаиваетъ его, говоря, что есть безбородые люди. Амيرانъ умылся на рѣчкѣ, и у него отросли лучшіе усы и борода. По дорогѣ

³⁹⁾ Персидскій Raksch см. *Фирдоуси Шах-Намех*.

⁴⁰⁾ Ср. мой очеркъ о *месхалъ Этногр. Обзор.* кн. X, стр. 32—33.

⁴¹⁾ Ср. съ вышеприведенной сванетской легендой: тамъ дэви съѣдаетъ Амيرانа („муха“), а здѣсь змѣя съѣдаетъ его („червякъ“). Змѣя служитъ зооморфическимъ образомъ дэви.

встрѣчаетъ онъ дѣви, котораго онъ крикомъ оставовилъ и поймалъ. Тотъ просить отпустить его, обѣщаясь за моремъ ему указать красавицу, которую оберегаютъ осель и волкъ. Но достаточно взять барана для волка и конну сѣна для осла, чтобы стражу усыпить и безопасно явиться къ красавицѣ. Амиранъ такъ сдѣлалъ. Красавица разсердилась на стражу, что она пропустила къ ней Амирапа. Волкъ и осель отвѣтили, что она имъ ничего не даетъ ѣсть, а онъ принесъ имъ сѣно и барана.*) Красавица начала мыть посуду, но одна тарелка все вертѣлась и ворочалась. Амиранъ ударилъ о землю и разбилъ ее на части. Осколокъ ея вылетѣлъ изъ окна и понесся быстро съ вѣстью къ родителямъ красавицы. Тѣ явились на помощь къ дочери съ войскомъ. Амиранъ же, посадивъ ее на коня, привезъ къ дѣвамъ. Послѣдніе выслали невѣстку на встрѣчу, чтобы она улыбнулась Амирану, и если послѣдній покажетъ ей стеклянный зубъ, то значить, что гость—Даруджанашвили. Невѣстка такъ и поступила. Амиранъ ей отвѣтилъ въ стихахъ, что онъ сынъ Усупи и ищетъ осла. Невѣстка доложила объ этомъ дѣвамъ, которые съѣли осла. Дѣвы вышли, чтобы съѣсть и Амирапа, но были имъ перебиты. Амиранъ съ красавицей вошелъ въ домъ, который вскорѣ былъ обруженъ войскомъ отца красавицы. Первыми вышли съ нимъ воевать дяди Амирапа, заповѣдавъ знакомъ смерти перваго дяди появленіе птицъ, втораго—явленіе муравьевъ. Появленіе птицъ и муравьевъ Амирапа убѣдило, что дяди уже погибли, и самъ, помолившись Богу, выѣхалъ на конѣ сразиться съ врагомъ, а красавицу посадилъ на гору для наблюденія за ходомъ сраженія. Истребивъ войска, Амиранъ подошелъ къ отцу, стоявшему въ шапкѣ изъ слоновой кости. Удары объ эту шапку вызвали искры огня. Красавица крикнула съ горы, что для убіенія нужно бить ниже отъ шапки. Отецъ, огорченный измѣной дочери, упрекаетъ ее, что она предпочла любовника отцу, вскормившему ее. Она отрицаетъ заботы отца и говоритъ, что ее оставляли въ углу комнаты, гдѣ няня ей пѣла колыбельныя пѣсни ⁴²⁾. Убивъ отца красавицы и кого-то, подыавшагося еще изъ труповъ, Амиранъ возвращался въ башню, какъ вдругъ, подеравшись, неизвѣстное лицо убиваетъ его. Красавица начинаетъ плакать. Богъ прислалъ ворона узнать, что случилось. Воронъ, насытившись на трупахъ, прилетѣлъ къ Богу съ вѣстью, что люди запрягли плугъ. Второй разъ то же самое доложилъ

*) Сюжетъ извѣстный и въ русскихъ сказкахъ.

⁴²⁾ Упрекъ, обратившійся въ поговорку у грузинъ по отношенію къ беззаботнымъ родителямъ.

воронъ. Тогда былъ отправленъ голубь. *) Голубь, спустившись, видитъ много убитыхъ и предъ однимъ изъ нихъ плачущую красавицу. Голубь, намочивъ ноги въ крови, прилетѣлъ къ Богу и разсказалъ, какъ убитаго несправедливо героя оплакиваетъ красавица. Богъ разгнѣвался на ворона и бросилъ горящую головню, и потому онъ сдѣлался такъ черенъ ⁴³⁾, а прежде онъ былъ бѣлаго цвѣта ⁴⁴⁾ Богъ благословилъ голубя и дозволилъ ему употреблять въ пищу и жертвовать для душъ усопшихъ. Богъ послалъ крысу къ красавицѣ. Крыса начала сосать кровь Амираана; красавица бросила въ нее сандалий и убила ее. Мать крысы прибѣжала, побранила красавицу, отыскала потомъ цѣлебную траву, приложила къ крысѣ, и она ожила. Крыса получила строгій наказъ безъ позволенія матери не выходить изъ норы. Красавица поискала эту же цѣлебную траву и воскресила Амираана и дядей его ⁴⁵⁾. Благополучно всѣ вернулись домой.

Разъ съ дядями вышелъ Амиранъ на охоту. Несутъ покойника, у котораго одна рука упала съ саней ⁴⁶⁾. Рука прорѣзывала рывины, какъ бы отъ проведеннаго плуга. Мать покойника ѣхала верхомъ за нимъ съ кнутомъ въ рукахъ. Амиранъ попытался по просьбѣ этой женщины поднять руку на сани, но ея и съ мѣста не могъ сдвинуть. Мать же концомъ кнута безъ труда подняла руку на грудь покойника и сказала Амирану, что она кнутомъ бы его навазала, еслибы она не попросила именемъ его матери. Амиранъ сталъ жаловаться своему крестному отцу Богу, что у него силъ мало. Богъ далъ ему силу

*) Посыланіе Богомъ ворона и голубя—искаженный отголосокъ библейскаго разсказа о Ноѣ.

⁴³⁾ Въ текстѣ различаются два вида ворона: *qvacı* и *qoqanı*; первый получилъ менѣе сильный ударъ, потому онъ менѣе черенъ, а второй, наоборотъ, отъ сильнаго удара отличается большею чернотою.

⁴⁴⁾ По древнему греческому сказанію вороны вѣкогда были бѣлы: черными ихъ сдѣлалъ Аполлонъ въ минуту гнѣва за то, что воронъ принесъ ему неприятную вѣсть о невѣрности возлюбленной его царевны Корнисъ (*De Gubernatis Die Thiere*, 533). Веллкороссы передаютъ, что воронъ, выпущенный изъ кобчега, нависнулъ на пададь и не воротился къ Ною: съ той поры онъ сдѣлался чернымъ и кровожаднымъ. *Проф. Сумцовъ. Этн. Об.* кн. IV. О воронѣ.

⁴⁵⁾ О заимствованіи у мышей искусства врачеванія ст. *проф. Сумцова въ Этнор. Об.* кн. VIII, 64—68. Ср. Сванетскія сказки, собр. *Тависутали свани* (Кутаисъ, 1893 г.), сказка „Царь“, стр. 35—42. См. пшавскую версію.

⁴⁶⁾ Любопытно, что здѣсь названы сани, а не арба. См. *Анучинъ. Конь, сани и ладья Древности.* Труды Моск. археол. общ., т. XIV, 81—226. М. 1890.

9 парь ⁴⁷⁾ буйволовъ. Амиранъ, возвращаясь домой, все ломалъ по дорогѣ. Богъ, опасаясь, что Амиранъ людей всѣхъ перебьетъ, явился къ нему въ образѣ человѣка и вызвалъ его на поединокъ.*) Амиранъ сталъ уже одерживать верхъ, и Богъ былъ близокъ къ пораженію, когда крестный отецъ высвободился изъ рукъ Амираана и говорить ему: я „воткну этотъ посохъ въ землю и будешь героемъ, если его вырвешь“! Амиранъ сталъ вытаскивать посохъ изъ земли, а онъ все грубже въ землю уходилъ. Богъ перекрестилъ Амираана, и онъ привязался къ посоху, надъ которымъ появилась большая гора ⁴⁸⁾.

Амиранъ, по варианту, привязанъ въ лѣсу къ посоху съ своей маленькой собачкой (*ninia*), которая лижетъ цѣпь и доводитъ ее къ концу года до того, что Амирану остается еще немного вытянуть, чтобы она разорвалась. Но въ Великій четвергъ кузнецъ, ударяя три раза молоткомъ о наковальню, восстанавливаетъ ту цѣпь, чтобы снова безъ конца лизала его собака Амираана. Если бы кузнецы забыли исполнить этотъ обрядъ, то Амиранъ разорвалъ бы цѣпь и наказалъ бы всѣхъ кузнецовъ. Въ семь лѣтъ разъ открывается дверь къ Амирану. Разъ маленький пастухъ пасъ стадо на горѣ, вдругъ онъ увидѣлъ открывшійся входъ и заглянулъ туда: предъ нимъ показался огромный человѣкъ, и онъ испугался. Но Амиранъ приласкалъ его, говоря, что онъ христіанинъ(!) и бояться не слѣдуетъ. Амиранъ взялъ хлѣбъ у пастуха, сдавилъ такъ сильно, что три капли крови появи-

⁴⁷⁾ Число девять въ Грузіи имѣетъ особое значеніе. Часто счеты ведутся по 9: 9 хлѣбовъ и пр. (науки, какаланури и пр.). Вообще, нѣкоторыя нечетныя числа уважаются грузинами: три, семь, девять, одиннадцать, тринадцать и пр. Дэви съ 9, 11 или 13 головами въ сказкахъ часто встрѣчается. Римляне и греки также отдавали преимущество нечетному предъ четнымъ. Виргилій говорить: *nunquam deus impare gaudet* (Ecl. VIII, 75). Въ трагедіи Софокла *Эдипъ съ Колонъ* хоръ поетъ Эдипу: ты „положишь съ двухъ сторонъ жертвенника по 3 раза *девять* вѣтвей оливковаго дерева и будешь такъ молиться Евменидамъ“. Данте говорить, что по Птоломею и по христіанскимъ писателямъ оказывается несомнѣннымъ, что число подвижныхъ сферъ 9. См. *Божественная комедія*. Пѣснь II).

*) Отраженіе библейскаго мотива о борьбѣ Іакова съ Богомъ. Библиогр. *Птица—вѣстникъ* см. у Ахад. *Веселовскаго* „Южно-русскія былины“ III—XI, стр. 10, 403—404. (Спб., 1884).

⁴⁸⁾ Преданіе тушицъ тождественно съ этимъ сказаніемъ. На горѣ Амиранской заковалъ въ цѣпи Амиранъ за дерзость противъ Творца. „Вѣрныя его собаки день и ночь грызутъ его цѣпи“.... См. газ. „Кавказъ“ 1850, № 1. „Три удара по наковальнѣ“.

лись на немъ; потомъ давилъ свой хлѣбъ, и потекло молоко. „Вотъ какой хлѣбъ должны вы печь!“ сказалъ Амиранъ пастуху. Амиранъ указалъ на свою саблю и попросилъ передать ему это оружье. Но пастухъ не могъ сдвинуть саблю съ мѣста. Тогда Амиранъ велѣлъ лечь, взять за руку саблю, а самъ потянулъ ее къ себѣ за ноги пастуха, ухватившаго оружіе. Пастухъ сталъ кричать отъ боли въ спинѣ и Амиранъ оставилъ его. Онъ попросилъ его принести ремень изъ дому, наказавъ никому не говорить, куда его несетъ. Однако за пастухомъ погналась пастушка и надоѣла ему вопросомъ, куда онъ несетъ ремень. „Тебѣ какое дѣло, куда я несу!“ вскричалъ пастухъ и при этомъ обернулся къ ней. Когда онъ пришелъ ко входу, то онъ уже былъ запертъ. „Теперь говорятъ, что Амиранъ накажетъ и кузнецовъ и женщинъ, если онъ сброситъ съ себя гору и сорветъ цѣпь. Конецъ этой легенды приводится въ „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“⁴⁹⁾, въ томъ же видѣ, въ какомъ мы изложили: бродилъ одинъ крестьянинъ около горы „Сакорніа“⁵⁰⁾ и увидѣлъ въ разступившемся громадномъ утесѣ прикованнаго цѣпью Амирана. Согнувшись, онъ тщетно старался достать огромный мечъ великана. Амиранъ попросилъ его подойти къ нему, обласкалъ его и сталъ увѣрять, что онъ другъ бѣдныхъ и угнетенныхъ и пр.

Отношеніе Амирана къ помянутому въ сказаніи объ немъ Амбрію выясняется изъ кахетинскаго варианта о породненіи Бога съ человѣкомъ *). Амбрій былъ извѣстный богатырь, котораго рѣшительно никто на свѣтѣ не могъ одолѣть. Амиранъ же былъ крестникомъ Бога и тоже отличался громадною силою и ловкостью, такъ что поборолъ очень многихъ героевъ и сталъ вызываться на борьбу съ самимъ Амбріемъ. Узнавъ объ этомъ намѣреніи крестника, Богъ встревожился будучи увѣренъ, что Амбрій поборетъ Амирана; поэтому, не желая довести своего крестника до позора, послалъ на Амбрія смерть прежде, нежели они могли сойтись и вступить въ единоборство. Когда Амиранъ подходилъ къ мѣсту жительства Амбрія, то послѣдняго уже везли на громадныхъ саняхъ („мархили“) для погребенія. Амиранъ былъ крайне удивленъ и въ недоумѣніи остановился. Въ это время мать мертваго покойнаго богатыря, замѣтивъ, что рука у покойнаго свалилась съ

⁴⁹⁾ *Выпускъ* X, стр. 47 (отдѣлъ III). Объ Амиранѣ, Ростомѣ и Георгіи см. еще Hahn. (Leipzig, 1892) *Aus dem Casacus* 106—116.

⁵⁰⁾ Qoganі значитъ воронъ, отсюда Сакорне-гора вороновъ, а не коршунъ. Находится она въ Пшветіи, въ началѣ Панвисскаго ущелья.

*) „Сбор. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“ в. XVII, отд. II, 136.

груди и стала волочиться по землѣ, попросила Амираана приподнять спущенную руку на грудь мертваго. Амиранъ схватился за руку Амбрія, но она оказалась настолько тяжелою, что не могъ ее приподнять. Тогда мать Амбрія, видя безсиліе Амираана, обратилась къ нему съ насмѣшкою: „И ты ли несчастный, направлялся къ моему сыну на борьбу, когда не можешь приподнять даже одну его мертвую руку“? Амиранъ устыдился своей неудачи и отправился къ своему крестному отцу. Богъ его успокоивалъ тѣмъ, что онъ умертвилъ Амбрія, и нѣтъ уже ни одного богатыря сильнѣе Амираана. Послѣдній возгордившись борется съ Богомъ, но оканчиваетъ жизнь заключеніемъ въ скалу. Амиранъ по шавской версіи сынъ Сулвалмаха, по сванетской—братъ Бадри и Усупи, по карталинской—сынъ Бадри.

Смѣшеніе же Амираана съ женской личностью Рокани имѣемъ въ имеретинскомъ преданіи. Рокани — безобразная старуха съ четырьмя длинными вѣсками, съ волосатымъ хвостомъ, со впалыми щеками, костлявыми руками и ногами. Существо это злое и потому оно *привязано самимъ Богомъ*, посредствомъ толстой желѣзной цѣпи, къ длинному шесту, воткнутому въ землю: этотъ шестъ однимъ концомъ доходитъ до самаго центра земли. Рокани, какъ Амиранъ, старается вырвать изъ земли шестъ и съ этою цѣпью колеблетъ его въ землѣ; но какъ только она доходитъ до цѣпи вдругъ появляется „трясохвостка“ (пташка), садится на шестъ и начинаетъ вертѣть хвостомъ; Рокани замахивается на нее громаднымъ молоткомъ, но она улетаетъ, и ударъ своею тяжестью падаетъ на шестъ, который уходитъ въ землю до самаго ея центра. Такъ она мучится подобно Амирану, изъ года въ годъ. Рокани-Амиранъ и мать его (по картал. версіи), выбрасывающая огонь, напоминаютъ бабу-ягу русскихъ сказокъ *).

*) Сборн. Матер. для опис. племенъ и мѣст. Кавказа, вып. IX, отд. II, стр. 179. Вѣдьма.—Объ Амиранѣ см. еще Сбор. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, вып. II, отд. II, стр. 158—160; вып. VII, отд. VI, стр. 20—23. *Миллеръ*, Осетинскіе этюды, ч. I, стр. 68, 145—7. *Его же* Кавказскія преданія о великанахъ, прикованныхъ къ горамъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCXXV, отд. 2, стр. 110, 116. Газ. „Кавказъ“, 1846, № 35, ст. *Султанъ-Ханъ-Гирей* Мисологія черкесскихъ народовъ; тамъ же статья *Н. Дункель-Веллима* Осетинская легенда о Прометѣе (*Кавказъ*, 1859, № 20). *Дубровинъ*, Исторія войны I, кн. II, стр. 159. *Эмиль*, Моисей Хоренскій и древній армян. эпосъ. М. 1881, стр. 76. et seq. *Мои* очерки: Пшавы, стр. 14 (Этногр. сбор. подъ ред. Миллера в. III), Тушины (Этногр. Обзор., кн. II). Груз. легенда „Тритино“ (сообщ. *Гульбатъ* „Меск. Вѣд.“, 1891, № 82). *Brosset Hist. de la Géorgie* I, 26. *Le livre des Rois*, trad. par *Mohl*, 1838 г., V, 69—113. „Сванетскія сказки“ стр. 83—101.

Схема сказанія объ Амиранѣ по всѣмъ тремъ версіямъ носитъ общія черты. Въ лицѣ его мы имѣемъ два наслоенія, по одному изъ которыхъ Амиранъ—бога добра, а по другому онъ злой демонъ⁵¹⁾. Амиранъ истребляетъ дэвовъ, вступаетъ въ борьбу съ небомъ изъ-за того, что не все на землѣ справедливо и совершенно, стремится людямъ давать хлѣба съ молокомъ, а не съ кровью, и за это прикованъ, какъ Прометей за сообщеніе священнаго огня людямъ, къ скаламъ Саворніа, коршунамъ же велѣно вклевывать его гордое сердце.. Съ другой стороны, въ лицѣ же Амирана сочеталась борьба съ Богомъ, І. Христомъ. Амиранъ хочетъ истребить людей, въ немъ сила такая громадная, что никто не можетъ устоять. Онъ возстаетъ противъ самого Бога и вступаетъ съ нимъ въ состязаніе, въ результатъ котораго онъ прикованъ цѣпью къ желѣзному колу, а надъ нимъ воздвигнута огромная гора. Амиранъ можетъ восполнить отсутствіе бога зла въ грузинской языческой религіи, отличающейся дуалистическимъ характеромъ. Богъ добра—Армази (ср. персидскій Ормуздъ) хорошо извѣстенъ грузинской лѣтописи⁵²⁾, а Ариманъ, повидимому, слился съ Амираномъ въ народномъ представленіи. Служители персидскаго Аримана—ешмаки (Aeshma) играютъ выдающуюся роль въ грузинской языческой религіи, и трудно согласиться съ мнѣніемъ, что самъ глава злыхъ духовъ не былъ усвоенъ грузинами, подобно другимъ возрѣвнѣямъ, заимствованнымъ изъ Персіи. Вліяніе персидской религіи до настоящаго времени сказывается въ міросозерцаніи грузинскаго народа. Литературная обработка сказанія объ Амиранѣ дана въ груз. повѣсти Мосе Хонели (XII в.) въ Амиранъ - Дареджаніани. Сказаніе объ Амиранѣ извѣстно всѣмъ народностямъ не только грузинскаго племени, но и вообще всего Кавказа. Сказаніе осетинъ и черкесовъ о Дарезановыхъ отражаетъ слѣды заимствованія у грузинъ.—Преданіе объ Амиранѣ дополнялось чертами изъ апокрифовъ, какъ мы указывали въ примѣчаніяхъ, и въ свою очередь отлагались на легенды о св. Георгіи, св. Симеонѣ и др. (Мой груз. изводъ сказ. о св. Георгіи). Въ легендѣ о святомъ Симеонѣ мы находимъ наслоеніе одной детали изъ сказанія объ Амиранѣ. Старикъ-охотникъ изъ села Рустави (Ахалкалакскаго уѣзда Тифлис. губ.) пробрался разъ въ пещеру, въ которой увидѣлъ старика предъ иконой Божьей Матери. Отшельникъ спрашиваетъ пришельца, что дѣлается на землѣ, и какъ живутъ люди. Охотникъ подаль старику оставшіяся

⁵¹⁾ „Этногр. Обзор.“ X кн., стр. 33.

⁵²⁾ Hist. de le Géorgie I, 43 ср. Eranische Alterthumskunde. B. I и II Leipzig. 1871—3.

отъ завтрака хлѣбъ. Тотъ сжалъ его и изъ хлѣба *упала капля крови*. Старикъ тяжело вздохнулъ и сказалъ: о сколько зла творится на землѣ. Потомъ онъ взялъ свой хлѣбъ и сжалъ его и оттуда *упала капля молока*. (Сбор. матер. для опис. плем. Кавк. вып., VII).

О *Ростомѣ* полныхъ версій только три, при чемъ онѣ также представляютъ соединеніе пѣсеннаго съ прозаическимъ рассказомъ. По *сванетской* версії, сообщенной въ газ. „Иверія“, (1887 г. № 214). Ростомъ былъ туранецъ (sic) жилъ въ царствѣ Кекевоза (перс. Кей Каусъ) въ „Караи“ (Караязская степь?) и проводилъ жизнь въ борьбѣ съ дѣвами и кабанамъ. Онъ имѣлъ двухъ братьевъ— Гиви и Гургена и одного племянника Бежана, сына Гиви. Кекевозъ дорожилъ Ростомомъ, такъ какъ безъ него дѣви погубили бы его царство. Когда дѣви наводняли царство и похищали у жителей даже дѣтей изъ колыбели, тогда Ростомъ, по просьбѣ Кекевоза, истреблялъ ихъ и очищаль царство. Когда Ростомъ состарился, Кекевозъ собралъ народъ и предложилъ позаботиться о томъ, чтобы Ростомъ оставилъ послѣ себя сыновей, которые продолжали бы дѣло отца и спасали отечество отъ дѣвовъ. Ростомъ, какъ герой, не хотѣлъ имѣть связи съ женщиной. На собраніи была одна женщина, которая вызвалась завлечь богатыря. Царь обѣщаль ей большую награду, если она исполнитъ свое слово. Женщина пригласила Ростомъ на ужинъ, а послѣ ужина уговариваетъ его остаться у нея ночевать. Хозяйка приготовила три постели а на одну изъ нихъ указала Ростому. Когда богатырь заснулъ, она прилегла къ нему. Проснувшись, Ростомъ сильно разсердился на то, какъ осмѣлилась женщина лечь рядомъ съ богатыремъ, которому повелѣно отъ Бога не знать женщинъ, такъ какъ онъ посвятилъ себя исключительно геройскимъ подвигамъ, и перешелъ на другую постель. Но женщина и тутъ не оставила его въ покоѣ; она перешла къ нему, и когда онъ перешелъ на третью постель, снова послѣдовала за нимъ. Когда она наконецъ высказала подозрѣніе, что онъ лишенъ мужской силы, Ростомъ, устыдившись, долженъ былъ исполнить ея желаніе. На другой день, покидая ее, онъ объявилъ, что въ случаѣ рожденія сына, она должна назвать его Зурабомъ. Когда мальчикъ подрастетъ и захочетъ пуститься на геройскіе подвиги, пусть она надѣнетъ ему на шею шарни (гривну) и привяжетъ его шлемъ къ сѣдлу: по этой примѣтѣ Ростомъ узнаетъ сына, если ему придется съ нимъ встрѣтиться. Дѣйствительно, у женщины родился сынъ, прекрасный, какъ звѣзда. Ночью онъ росъ на $\frac{1}{4}$ аршина, днемъ на 4 пальца. Когда онъ подросъ и выходилъ въ поле, то билъ всѣхъ сверстниковъ, не щадя и сыновей

Кекезова. Царевичи однажды упрекали его тѣмъ, что отецъ его пропалъ безъ вѣсти. Тогда Зурабъ отправился отыскивать отца, и мать передъ его отъѣздомъ надѣла на него шарни. На дорогѣ въ Караю Зурабъ встрѣтился съ дѣвломъ, принявшимъ видъ женщины. Эта женщина стала издѣваться надъ юношей, смѣясь надъ его женскимъ украшеніемъ и шлемомъ, привязаннымъ въ сѣдлу. Зурабъ, не обращая на это вниманія, ѣдетъ дальше. Дѣвло въ другомъ видѣ снова встрѣчается ему и повторяетъ свои насмѣшки. Наконецъ, послѣ 3-й встрѣчи съ дѣвломъ, богатырь, выйдя изъ себя, прячетъ шарни въ карманъ и шлемъ подъ сѣдло. Прибывъ въ Караю, гдѣ охотился Ростомъ, Зурабъ до вечера убилъ столько звѣрей, что сдѣлалъ себѣ изъ ихъ костей палатку, гдѣ и расположился на ночлегъ. Замѣтивъ въ полѣ палатку, Ростомъ подѣхалъ къ ней и, не видя на пріѣзжемъ богатыря своихъ примѣтъ, вызываетъ его на поединокъ. Въ первой схваткѣ Ростомъ всадилъ Зураба въ землю до колѣнъ, а Зурабъ Ростому до спины. По обычаю богатырей поединокъ долженъ былъ возобновиться на второй и на третій день. Оставшись побѣжденнымъ вторично, Ростомъ замыслилъ хитростью убить пріѣзжаго богатыря. Онъ заказалъ кузнецу два копья и спряталъ ихъ въ своихъ ноговицахъ. Когда въ третьей схваткѣ Зурабъ повалилъ его, Ростомъ лежа на землѣ, всадилъ оба копья ему въ животъ. Умирая Зурабъ проклинаетъ своего убійцу и грозитъ ему мщеніемъ Ростому, своего славнаго отца: „взойдешь ли ты, говоритъ онъ на скалу, Ростомъ обратится туромъ и догонитъ тебя; пустишься ли въ море, онъ поплыветъ за тобою форелью; взойдешь ли въ землю, онъ обратится въ крысу и не оставитъ мою смерть безъ отмщенья“. Пораженный горемъ, Ростомъ распрашиваетъ сына, и тотъ объясняетъ, почему онъ скрылъ свои примѣты. Ростомъ старается излѣчить раны сына, но напрасно: Зурабъ уже похолодѣлъ. Тогда въ отчаяніи отецъ обращается съ молитвою къ властителю міра и даетъ обѣтъ 12 лѣтъ просидѣть въ ямѣ, не видя солнца, если воскреснетъ Зурабъ. Выкопавъ затѣмъ яму въ 12 сажень глубины, онъ сходитъ въ нее съ трупомъ сына и сидитъ въ ней безъ пищи и питья. Выбѣстѣ съ тѣмъ онъ подзываетъ къ ямѣ дьякона царя Кекезова и посылаетъ его просить у царя для Зураба воды, воскрешающей мертвыхъ. Коварный царь даетъ дьякону чашу воды, но приказываетъ ему, подходя съ нею къ Ростому, нарочно оступиться и пролить воду: иначе, говоритъ онъ, „Ростомъ съ такимъ сыномъ-богатыремъ отниметъ у насъ царство“. Дьяконъ исполнилъ приказаніе царя, но Ростомъ, разгадавъ ихъ хитрость, посылаетъ изъ ямы угрозы дьякону и царю. (Ср. „Сванетскія сказки“, стр. 102—116).

Десять лѣтъ уже сидитъ Ростомъ въ ямѣ. Борода отросла у него до ногъ. Онъ продѣлъ волосы бороды между пальцами Зураба, сдѣлалъ такимъ образомъ „чанури“ (скрипку) и наигрываетъ на ней печальные мотивы, воспѣвая несчастное убійство сына. Между тѣмъ дѣви и кабаны наводнили царство Кекевоза. Братья Ростомъ—Гиви и Гургенъ — неспособны были защитить страну, племянникъ, Бежанъ, былъ совсѣмъ молодъ. Кекевозъ проситъ Гиви послать сына его Бежана противъ враговъ. Гиви исполняетъ просьбу царя и посылаетъ Бежана, давъ ему въ руководители его дядю Гургена. (Далѣе въ сванетскомъ сказаніи слѣдуетъ описаніе походовъ Бежана, которыя мы рассмотримъ позже). Послѣ того, какъ Бежанъ былъ заключенъ царемъ Афросіабомъ въ яму, Кекевозъ возлагаетъ всю надежду на одного Ростомъ и посылаетъ къ нему дьякона съ мольбой о помощи. Дьяконъ, наступивъ на камень, закрывавшій яму Ростомъ, кричитъ ему гревнымъ голосомъ: „встань, старикашка, безъ тебя дѣви и кабаны разорили насъ!“ Ростомъ, выведенный изъ себя этой дерзостью, бросаетъ трупъ Зураба, въ которомъ уже начинали показываться признаки жизни, выходитъ изъ ямы и приказываетъ дьякону достать дратву и осла, навьюченнаго пулями. Дьяконъ исполняетъ приказаніе. Тогда Ростомъ сбрилъ ему бороду и положилъ его подъ осла и сказалъ: „если несправедливо поступилъ со мною дьяконъ, то я разсѣку однимъ ударомъ осла, навьюченнаго пулями, и дьякона, чрезъ котораго я второй разъ убилъ сына“. Дѣйствительно, однимъ ударомъ онъ разсѣкъ осла и дьякона и всадилъ мечъ въ землю на 12 сажень. Затѣмъ онъ идетъ къ царю. Кекевозъ съ двумя сыновьями выходитъ на встрѣчу, но Ростомъ, помня его коварство, раздавилъ царевичамъ головы, чтобы и Кекевозъ почувствовалъ, какъ тяжело потерять сына.

Ишавская версія о Ростомѣ ⁴³⁾). Однажды богатырь Ростомъ увидѣлъ высокую скалу, съ вершины которой капала кровь. Онъ приставилъ въ скалѣ чинаръ, взобрался на вершину и нашелъ тамъ исполнскаго чернаго араба. Великанъ сидѣлъ, всадивъ въ землю между колѣнами кинжалъ, и когда начинать дремать, ударялся лбомъ объ остріе кинжала и тотчасъ просыпался. Ростомъ спросилъ его: „братецъ, зачѣмъ ты такъ дѣлаешь?“ Арабъ открылъ глаза и говоритъ: „счастье твое, что ты называешь меня братомъ, а то ты пострадалъ бы“. Затѣмъ онъ объяснилъ Ростому, что онъ подстерегаетъ краснаго араба, который поднимется съ чудной красавицей съ востока изъ Краснаго моря и пройдетъ мимо скалы. Черный арабъ будетъ биться съ краснымъ изъ-за красавицы

⁴³⁾ „Иверія“ 1889, 82.

и потому подстерегаетъ его, боясь заснуть. Ростомъ предложилъ черному арабу уснуть, обѣщаясь караулить и во-время разбудить его. „Ты меня не разбудишь,—сказалъ ему черный арабъ,—если не ударишь меня кинжаломъ въ босую ногу“. Такъ и сдѣлалъ Ростомъ, когда вскорѣ затѣмъ красный арабъ разлилъ свѣтъ на востокѣ. Ростомъ пожелалъ помочь черному арабу въ борьбѣ съ краснымъ. Черный приказалъ ему вырыть яму и сидѣть въ ней во время борьбы, укрывшись такимъ образомъ отъ ужаснаго вѣтра, который поднимался отъ ногъ борцевъ. Если красный арабъ начнетъ осилывать, пусть Ростомъ выйдетъ изъ ямы и крикнетъ; тогда красный потеряетъ бодрость. Ростомъ исполнилъ все это, и черный арабъ отбилъ у краснаго красавицу, а Ростомъ оставался у побѣдителя въ качествѣ слуги. Это безславное положеніе стало ему наконецъ невыносимо, и онъ задумалъ убить великана. Подкрѣвшись къ нему во время сна, онъ пытается отрубить ему голову его же кинжаломъ, но не можетъ даже поднять оружіе великана. Тогда онъ своимъ кинжаломъ отрубилъ арабу обѣ ноги. Великанъ приподнялся и бросилъ свои отрубленныя ноги такъ сильно, что деревья съ корнями взлетѣли вверхъ. Затѣмъ Ростомъ напалъ на искалѣченнаго араба, убилъ его и хотѣлъ взять съ собою красавицу! Но она убѣжала отъ него и крикнула: „не можетъ быть моимъ мужемъ тотъ, кто измѣной и коварствомъ убилъ араба, а не лицомъ къ лицу, какъ подобаешь герою“. Ростомъ не могъ пустить стрѣлу въ убѣгающую красавицу, такъ какъ герой не можетъ поднять руку на женщину; но онъ взобрался на гору, крикнулъ такимъ громкимъ голосомъ, что красавица упала, и онъ овладѣлъ ею. Повидая красавицу, Ростомъ даетъ ей особый знакъ и велитъ ей пришить его къ одеждѣ будущаго сына, когда онъ вырастетъ и задумаетъ искать отца. Самъ Ростомъ возненавидѣлъ съ этихъ поръ всѣхъ женщинъ и черный цѣпъ.

Зурабъ—такъ назвала красавица сына—былъ такъ силенъ, что еще 6-ти мѣсяцевъ отъ роду, сжимая альчики въ рукѣ, обращалъ ихъ въ порошокъ. Однажды одинъ обиженный имъ мальчикъ сказалъ ему: „если ты ужъ такъ силенъ, то отыщи своего пропавшаго отца⁵⁴⁾“. По настоянію Зураба, мать рассказала ему объ отцѣ, и онъ отправился его разыскивать. Чтобы испытать сына, какъ онъ встрѣтитъ врага, мать одѣлась въ мужское платье, вооружилась и въ видѣ всадника подскакала на пути къ Зурабу, требуя, чтобъ онъ отдалъ ей оружіе.

⁵⁴⁾ Предложеніе такое дается и Амирану: отыскать глаза отца Ямана или дядей, взятыхъ въ плѣнъ дѣвами.

Зурабъ ударилъ копьемъ въ лошадь всадника, шапка съ него упала, и рассыпались женскіе волосы, по которымъ Зурабъ узналъ свою мать. Последняя, довольная мужествомъ сына, благословила его въ дальнѣйшій путь и вернулась домой.

Зурабъ прибылъ въ какой то городъ. Здѣсь одинъ старикъ по „знаку“ призналъ въ немъ сына Ростомъ и, опасаясь, что отецъ съ сыномъ будутъ причинять городу еще больше несчастій, сталъ издѣваться надъ знакомъ Зураба, говоря, что съ нимъ онъ похожъ на женщину. Зурабъ спряталъ знакъ за пазуху. Старикъ разсказалъ въ въ городѣ о пріѣздѣ Зураба и, по его совѣту, горожане отправляются просить Ростомъ сразиться съ пріѣзжимъ богатыремъ. Ростомъ идетъ къ дому, гдѣ остановился Зурабъ, и смотритъ на богатыря чрезъ окно въ крышѣ. Зурабъ подзываетъ его къ двери, но Ростомъ не входитъ и отвѣчаетъ, что завтра они будутъ биться. Въ первой схваткѣ осилилъ Зурабъ. Ростомъ прекратилъ бой. Ночью онъ отточилъ ножъ и утромъ вызвалъ Зураба на вторичный поединокъ. Но Зурабъ снова повалилъ стараго богатыря. Тогда, лежа на землѣ, Ростомъ вонзаетъ неожиданно ножъ въ Зураба. Юноша, смертельно раненный, угрожаетъ противнику мстью своего отца. Пораженный его словами, Ростомъ требуютъ „знака“ и Зурабъ, умирая, указываетъ себѣ за пазуху. Въ надеждѣ воскресить сына, Ростомъ посылаетъ къ кузнецу Кевзу Маханадзе за „живой“ водой. Маханадзе былъ врагъ Ростомъ и не желалъ воскрешенія его сына, но все же послалъ воды съ дьякономъ, которому велѣлъ, приблизившись къ Ростому, споткнуться и пролить воду. Въ отомщеніе за это Ростомъ прибѣжалъ къ Кевзу Маханадзе и убилъ двухъ его сыновей, а самъ бросился въ море, но не могъ тонуть и все плавалъ на поверхности. Городъ обѣщала крупную награду тому, кто выманитъ Ростомъ на берегъ. Одинъ старикъ беретъ за это предпріятіе съ условіемъ, чтобъ его кормили на общественный счетъ, пока онъ живъ, и похоронили, когда умретъ. Онъ идетъ на море и начинаетъ полоскать въ водѣ черную шерсть. Ростомъ не вытерпѣлъ и подошелъ къ старику: „безумецъ, развѣ можетъ воронъ побѣдѣть, хотя бы безъ конца мыть его пескомъ!“ Старикъ отвѣтилъ: „а кто когда либо воскресилъ слезами умершаго?“ Ростомъ вышелъ на берегъ и остался на землѣ, проклиная свою несчастную судьбу.

Все начало приведенной сказки едва ли принадлежитъ къ иранскимъ сказаніямъ о Рустемѣ и противорѣчитъ характеру героя Лицо, служащее у чернаго араба, затѣмъ убивающее его коварнымъ образомъ и отвергаемое красавицей, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ эпическимъ Ростомомъ. Въ пшавскомъ сказаніи свомкано и спу-

тано содержаніе двухъ разныхъ сказокъ, и потому первая часть, до рожденія Зураба, можетъ быть оставлена въ сторонѣ. Замѣтимъ только, что нѣкоторыя черты — черный богатырь (арабъ), красный богатырь и красавица морского происхожденія — встрѣчаются въ грузинскомъ разсказѣ о походахъ героя Бадри Яманисдзе, входящемъ какъ эпизодъ (porte 2-me) въ составъ романа о хожденіяхъ богатырей Дареджановъ (Daredjaniani), во главѣ которыхъ стоитъ популярный въ грузинскихъ сказаніяхъ герой Амиранъ. Остальная часть ишавскаго сказанія довольно близка къ сванетскому. Отмѣтимъ только черты несходныя. Такъ, въ ишавскомъ, встрѣчѣ Зураба съ Рустемомъ предшествуетъ нападеніе на Зураба переодѣтой въ мужскую одежду женщины. Сказаніе видитъ въ ней мать Зураба, желавшую испытать его мужество. Но очевидно этотъ мотивъ представляетъ отголосокъ поединка иранскаго Зураба съ амазонкой Гурдаферидъ, о полѣ которой онъ узнаетъ, такъ же какъ въ сванетской сказкѣ, по волосамъ, рассыпавшимся изъ подъ сорваннаго съ ней шлема. (*Миллеръ*, „Иран. отголоски“).

Въ другой подробности—въ высматриваніи Рустемомъ пріѣзжаго богатыря черезъ отверстіе въ крышѣ—можно видѣть отголосокъ ночного тайнаго посѣщенія иранскимъ Рустемомъ замка, въ которомъ жилъ Зурабъ, причемъ Рустемъ убиваетъ ударомъ кулака Зендэ Резма, замѣтившаго его случайно. Яма, въ которой, по сванетской версіи, нѣсколько лѣтъ сидитъ Ростомъ у трупа сына, замѣнена въ ишавской моремъ, попавшимъ сюда изъ другого сказанія, повидимому принадлежавшаго къ цѣлу походовъ Дареджановъ, отдѣльныя черты которыхъ и въ другихъ кавказскихъ сказкахъ переплетаются съ походами Ростома. Такъ, въ осетинскихъ сказкахъ, Ростомъ принадлежитъ, какъ и Беза (Бежанъ) къ богатырскому роду Дареджановъ. Походженіе Бежана ¹⁾, приводится въ тѣсную связь съ окончаніемъ сказанія объ убіеніи Ростомомъ его сына. Въ то время, когда Ростомъ сидитъ въ ямѣ, говорится въ сванетскомъ разсказѣ, царь Кекевозъ (а не Кей Хосру,

¹⁾ Сказаніе о *Бежанѣ* обращается не только въ народѣ, передающаеъ его устно, но и въ письменной словесности. *Бежаніани*—походженіе Бежана—извлечено изъ *Ростоміани*, представляющаго сокращенный переводъ на груз. яз. Шахъ-Намэ, сдѣланной въ XVII в. Хосро Турманидзе. (*Бежаніани*, изд. 9-ое Тифлисъ, 1890). Письменный груз. памятникъ, вѣроятно, сильно повліялъ на народное сказаніе о Бежанѣ, занесенное, быть можетъ, въ Грузію и устно. Такъ какъ о Ростоміани будемъ имѣть случай касаться во второй части нашихъ очерковъ по грузинской словесности, то теперь мы обойдемъ вопросъ о взаимной связи письменнаго и устнаго сказанія о Ростомѣ и Бежанѣ.

какъ у Фирдоуси) посылаетъ Бежана вмѣстѣ съ Гургеномъ прогнать кабановъ, опустошавшихъ его царство. Бежанъ убилъ столько кабановъ, что ихъ клыками наполнилъ 100 аробъ, Гургенъ же, испугавшись, вѣлъ на дерево и оттуда смотрѣлъ на побойще, по окончаніи котораго помогъ Бежану выдергивать клыки. Затѣмъ онъ предлагаетъ Бежану идти въ иранскому (sic) царю Афросіабу и просить у него дочь красавицу Маруджану. Онъ дѣлаетъ это изъ хитрости: туранцы и иранцы—кровные враги; Бежана убьютъ иранцы, а Гургенъ присвоитъ себѣ убитыхъ кабановъ. Когда Бежанъ отправился овладѣть красавицей, Гургенъ привезъ клыки въ цару Кекевозу и рассказалъ, что самъ перебилъ кабановъ, а Бежанъ, испугавшись ихъ, обратился въ бѣгство, но былъ настигнутъ кабаномъ и убитъ. За такой подвигъ Гургенъ получилъ почетное званіе у царя. Между тѣмъ Бежанъ прибылъ въ башнѣ, въ которой Афросіабъ держитъ свою дочь. Последняя увидѣла Бежана влюбилась въ него и поручила своей служанкѣ ввести его тайкомъ въ башню, гдѣ онъ и остается при ней нѣкоторое время. Узнавъ объ этомъ, Афросіабъ окружаетъ башню войскомъ. Бежанъ перебилъ половину его, а другую обратилъ въ бѣгство. Визирь совѣтуетъ царю прекратить осаду, позволить Бежану жениться на Маруджанѣ, а затѣмъ овладѣть имъ хитростью. Царь послушался совѣтниковъ. Сыграли свадьбу. Когда Бежанъ спалъ ночью, на него наложили оковы, но онъ разорвалъ ихъ какъ нитку. Удивились царь и визирь и рѣшили отъ него же узнать, чѣмъ его можно связать. Уговорили служанку вывѣдать объ этомъ у Бежана, и послѣдній проговорился, что его можно связать только тетивой его собственнаго лука. Такъ ночью и связали его. Царь радуется и глумится надъ Бежаномъ. Бежанъ говоритъ, что еслибъ ему дали лахти (булава изъ металла), онъ перебилъ бы всѣхъ иранцевъ. Афросіабъ хочетъ его убить, но его визирь Шевлохъ, туранецъ по происхожденію, звавшій Ростомъ, отговариваетъ царя и совѣтуетъ ему бросить Бежана въ яму и чтобы Маруджана сама доставляла ему пищу, добывая ее какъ знаетъ. Афросіабъ велѣлъ вырыть въ городѣ своемъ Нарті (который будто бы существуетъ и доннынѣ) яму. Туда посадили Бежана, закрывъ яму громаднымъ камнемъ. Родъ Ростомъ имѣлъ „минутные часы“, (sic) посмотрѣвъ на которые, можно было видѣть весь міръ. По выходѣ изъ ямы, въ которой онъ оплакивалъ Зураба, Ростомъ, взглянувъ на часы, увидѣлъ Бежана въ ямѣ. Тогда онъ взялъ съ собой 12 молодыхъ богатырей, посадилъ ихъ въ мѣшки, которыми нагрузилъ ослѣвъ, и съ такимъ караваномъ отправился въ городъ Афросіаба. Жена Бежана узнаетъ о его прибытіи и сообщаетъ мужу, что пріѣхалъ

человѣкъ очень похожій лицомъ на него. Бежанъ посылаетъ ее въ приѣзжему съ разспросами. Ростомъ въ свою очередь посылаетъ узнику кольцо съ мизинца ¹⁾, письмо и курицу. Изъ письма Бежанъ узнаетъ, что дядя Ростомъ придетъ ночью освободить его съ 12 богатырями. Маруджана разводитъ огонь около [ямы. Никто изъ товарищей Ростоме не можетъ отвалить камня, но онъ бросаетъ его такъ сильно въ башню, что ея вершина обрушивается, а камень летитъ дальше, ударяется въ скалу и затѣмъ падаетъ въ средину города Нарты, разрушивъ его до основанія. Освобожденный Бежанъ и 12 богатырей ѣдутъ домой. Афросіабъ съ войскомъ догоняетъ ихъ, но Ростомъ, отправивъ впередъ Бежана съ дружиной, одинъ остается, чтобы встрѣтить непріятеля. Вырвавъ съ корнемъ громаднѣйшій кедръ и очистивъ его отъ вѣтвей, Ростомъ бросилъ имъ въ Афросіаба и пригвоздилъ его съ конемъ къ землѣ. Затѣмъ онъ догоняетъ товарищей. Бежанъ хотѣлъ убить Гургена, но Ростомъ исходатайствовалъ у племянника прощеніе дядѣ ²⁾.

Отдѣльные моменты изъ жизни Ростоме и сохранились у различныхъ народностей грузинскаго племени.

Имеретинская версія о Ростомѣ ³⁾ оказывается въ ближайшемъ родствѣ съ пшавскимъ. Какъ въ послѣднемъ, такъ и здѣсь, Ростомела случайно видитъ ручей крови. Пойдя по направленію, откуда течетъ кровь, Ростомела увидѣлъ девятиголоваго дэви, опирающагося подбородкомъ на остріе пика и постоянно смотрящаго по одному направленію. Когда же его одолеваетъ дремота, онъ натывается на остріе, сейчасъ же просыпается, а изъ подбородка ручьемъ течетъ кровь. (Въ пшавскомъ разсказѣ вмѣсто дэви является гигантскій черный арабъ, натыкающійся на винжалъ, когда начинаетъ дремать). На вопросъ Ростомелы, кого караулитъ дэви, послѣдній разсказываетъ, что у него отнял жену 12 головъ дэви, который долженъ пройти

¹⁾ Вопросъ объ отношеніи сказанія о Ростомѣ къ персидской поэзіи Шах-Намѣ разсмотрѣнъ проф. *Миллеромъ* въ статьѣ „Иранскіе отголоски на Кавказѣ“ въ „Этногр. Обзор.“ кн. II и перепечатано въ его трудѣ „Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса“. О Вежалѣ отрывки въ *Иверіи* 1890 257 (картал.).

²⁾ Признаніе по кольцу—распространенный сказочный сюжетъ у малорусовъ, цыганъ, англчанъ и др. См. статью проф. *Сумцова* „Мужъ на свадьбѣ своей жены“. „Этногр. Обзор.“ кн. XIX.

³⁾ „Ростомела“ въ *Сборникѣ матер.* для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. IX, отд. II, 167—170. Груз. текстъ изд. *Азпатаелосымъ*, Тифлисъ 1887 г. Отдѣльные отрывки о Ростомѣ приводятся въ „Сбор. пшавскихъ пѣсенъ“, Т. 1887, въ *Карталинскихъ пѣсняхъ* у *Библиашии* и др.

мимо его и съ которымъ онъ хочетъ биться на смерть. (Въ пшавскомъ разсказѣ черный арабъ поджидаетъ краснаго, чтобы отбить у него красавицу). Ростомела обѣщаетъ помочь первому дэви, и когда показался второй, онъ поборолъ его, отрѣзалъ ему головы и возвратилъ сопровождавшую его красавицу ея мужу. (Въ пшавскомъ разсказѣ Ростомъ помогаетъ черному арабу только крикомъ, отнявшимъ бодрость у краснаго). Затѣмъ Ростомела, самъ плѣнившись красавицей, убиваетъ ея мужа и вступаетъ съ нею въ связь. (Въ пшавскомъ разсказѣ Ростомъ совершаетъ это убійство изподтишка, такъ какъ не можетъ справиться съ великаномъ въ открытомъ бою, не можетъ даже поднять его винжала). Проведя одну ночь съ женою дэви, Ростомела на другое утро уходитъ, велитъ ей назвать будущаго сына Абрамомъ, когда онъ вырастетъ нашить ему на плечи двѣ красныя ленточки, по которымъ Ростомела могъ бы узнать сына, если съ нимъ впоследствии встрѣтится. Итакъ, въ имеретинской передачѣ иранское имя сына—Зорабъ замѣнено именемъ Абрамъ, въ которомъ скрывается имя Амиранъ, попавшее и въ другихъ кавказскихъ вариантахъ въ сказанія о Ростомѣ чрезъ контаминацію со сказаніями изъ цыгла Амирана Дареджаніани Сынъ Ростомелы Абрамела (- ела-суффиксъ, придающій имени уменьшительное значеніе) еще трехлѣтнимъ мальчикомъ отличается непоимѣрною силой и вырываетъ съ корнемъ цѣлыя деревья. Дьяволъ въ видѣ женщины, побуждаетъ его сбросить примѣту (ленточки). Неузнанный отцомъ, онъ вступаетъ съ нимъ въ бой, причемъ борцы всаживаютъ другъ друга въ землю. Отецъ, всадивъ сына въ землю по самую шею, отрубаетъ ему голову и затѣмъ замѣчаетъ на его плечѣ остатки ленточекъ. Въ отчаяніи онъ посылаетъ за „живою водой“, но дьяволъ, въ видѣ женщины, отвлекаетъ его отъ намѣренія оживить сына. Женщина начинаетъ предъ Ростомелой мыть черную шерсть и на его вопросъ, неужели она думаетъ, что шерсть побѣлѣетъ, говоритъ: Она также не побѣлѣетъ, какъ не оживетъ и твой сынъ“. (Въ пшавскомъ разсказѣ сходный мотивъ приуроченъ къ тому моменту, когда Ростомъ по убіеніи сына бросился въ море и не хотѣлъ оттуда войти на землю). Наконецъ, Ростомела, бросивъ мысль воскресить сына, сломалъ себѣ самъ руку, которою отрѣзалъ ему голову и выразилъ свое сердце въ слѣдующихъ стихахъ.

„Ростомъ герой, Ростомъ дэви! Ростомъ страшно ошибся: сына онъ собственнаго убилъ и за то руку себѣ изуродовалъ“ (стр. 170).

Имеретинскій вариантъ обѣднѣ деталями, чѣмъ пшавскій, съ которымъ онъ представляетъ наибольшее сходство, но все же не лишены интереса для вопроса о переработкѣ иранскаго сюжета о боѣ

Ростома съ сыномъ на кавказской почвѣ. Имеретинскій своимъ началомъ (борьба двухъ великановъ изъ за женщины) подтверждаетъ, что этотъ эпизодъ, неизвѣстной изъ персидской версiи Фирдоуси, былъ приврѣшенъ къ похождениямъ Ростома, повидимому, на Кавказѣ, но, вѣроятно, еще очень давно. Кажется, что мотивъ овладѣнiя Ростомомъ женою какого-то великана (дэви или чернаго араба) находится въ какомъ-то отношенiи къ мотиву и связи Ильи-Муромца съ женою великана Святогора. Но разъяснить себѣ это отношенiе мы пока не въ состоянiи *).

Удѣлѣвшiй эпизодъ у тушинъ ¹⁾ передаетъ тотъ моментъ борьбы Ростома съ сыномъ Зурабомъ, когда послѣднiй, пораженный отцомъ, испускаетъ духъ.

Ты старецъ, убѣленный сѣдинами
 Зачѣмъ возмилъ ты въ меня мечъ до рукоятки?
 Буда уйдешь ты отъ места отца моего Ростома?
 —Если ты сынъ Ростома, у тебя будетъ знакъ на тѣлѣ.
 О, горе! Сынъ мой, Зурабъ, ты убить рукою отца!
 Не моя вина, виновата твоя мать—
 Кто повѣритъ жинщивѣ, да лишится могилы!

Къ числу героическихъ пѣсенъ должна быть отнесена поэма *Этериани* или пѣсни объ *Абесаломѣ и Этери* ²⁾.

Красавица Этери много терпѣла отъ своей злой мачихи. Разъ мачиха ее послала въ поле стеречь корову, дала ей клубокъ пряжи, веретено, худо испекшiйся хлѣбъ „кути“ и привязала клубокъ весь выпрясть, довольствуясь однимъ „кути“. Въ полѣ охотился царь той страны Абесаломъ. Онъ увидѣлъ въ лохмотьяхъ спящую въ тѣни дерева Этери и полюбилъ ее. Этери отказалась принять его предложенiе, говоря, что она бѣдная сирота, а онъ великiй царь. На другой день Этери отказалась идти въ поле, Абесаломъ же пришелъ къ ней въ хату и снова поклялся ей въ любви именемъ Бога и всѣмъ,

*) Отзвы проф. Миллера о „Сборн. матер. для опис. племенъ и мѣсти. Кавказа“, стр. 98 (Тифлисъ, 1893).

¹⁾ *Мой* очеркъ „Тушины“. „Этногр. Обзор.“, кн. II, стр. 59. Содержанiе Руستمiады въ моемъ очеркѣ „Пшавы“ въ „Этногр. сбор.“ подъ ред. В. Ф. Миллера (М. 1888), вып. III, стр. 94. О Ростомѣ поютъ и мохевцы. („Мохевскiя пѣсни“, Т. 1886). Отдѣльныя четверостишия о Ростомѣ сохранились у месховъ, карталинцевъ и др.

²⁾ Привожу содержанiе по изданной С. Т-ъ поэмѣ (Озуреты, 1892) дополняя ее имѣющимися у меня рукописнымъ вариантомъ. Въ 1869 г. А. I. Элиа-вишвили въ стихахъ съ своими прибавленiями впервые напечаталъ „Этериани“ по распоряженiю журн. „Мнатоби“.

что ему было дорого: пусть свыше Богъ мечеть огни—Абесаломъ устоять подъ ними! Если на войнѣ поднятая сабля по рукояти опустится въ ножны; съ скачущаго коня сорвется пяржа, въ безводномъ пространствѣ море для меня иссушится, для меня семь лѣтъ блуждающему истощится путевая провизія, и тогда кто могъ бы рѣшиться замыслить тебѣ измѣну? Въ знакъ своей вѣрности Абесаломъ далъ ей ножъ, потомъ послалъ ей вѣнчальное платье и устроилъ пышный брачный пиръ. Во время пира царь пожелалъ своего визира Мурмана посадить во главѣ стола, покрытаго златотканной скатертью. Мурманъ посмотрѣлъ на Этери, и пробѣжала по всему его тѣлу сильная дрожь. Образъ Этери поразилъ его, отъ воспламенившагося чувства любви онъ метался, какъ сумасшедшій. Мать посоветовала ему поискать „лѣкарство любви“. Онъ отправился за нимъ и по дорогѣ встрѣтилъ дьявола въ образѣ человѣка. Дьяволъ согласился дать ему лѣкарство любви, если Мурманъ продастъ ему душу своей матери. Тотъ огорченный такимъ требованіемъ, вернулся къ матери, которая изъявила согласіе пожертвовать для сына душой. Мурманъ отдалъ душу матери дьяволу, а послѣдній—одну чашу проса: „обсыпь имъ, говоритъ дьяволъ, Этери и она будетъ твоя“. Мурманъ такъ и сдѣлалъ. Просо обратилось во вшей, и онѣ покрыли тѣло Этери. Царь, выведенный изъ терпѣнія, разстается съ Этери и отдаетъ ее Мурману, пожелавшему ее принять. Какъ только Мурманъ прикоснулся къ Этери, вши оставили ее тѣло. Черезъ двѣ недѣли Абесаломъ пробѣжалъ верхомъ мимо Этери, она стала его укорять, что онъ ее оставилъ и обратилъ ее вѣнецъ въ прахъ.

Абесаломъ опечаленный вернулся домой. Разъ на его вопросъ, какъ поживаетъ Этери, Мурманъ отвѣтилъ: хотя не подобаетъ хвалить свою жену, но скажу, что Этери гордо сидитъ въ высокой башнѣ („тонкая талія, плечи широкія, низкія бедра, лобъ широкій, мелкія брови, красивые виски“ — такъ описываетъ внѣшнія черты Этери), и прядетъ сырецъ—шелкъ: девять оловоевъ робко ей прислуживаютъ, свекровь сидитъ у нея за спиной и плететъ черную косу, девять деверей, какъ острые алмазы, заслоняютъ входъ къ ней, а свекоръ лежитъ на крышѣ, готовый глотать драконовъ.

Абесаломъ отъ тоски и ревности сильно заболѣлъ. Желая погубить Мурмана, чтобы вернуть Этери, посылаетъ его за живой водой. Мурманъ ночь проводитъ съ женой въ горькомъ раздумьѣ о разставаніи: ему нужно обойти горы Коджарскія, подняться на высоту орла. Сестра же Абесалома Марехъ (араб. назв. Арси) идетъ къ Этери и проситъ поспѣшить дворецъ ея брата Темурхана, осмотрѣть атласъ, привезенный

изъ Индіи и исцѣлить Абесалома своимъ лицедрѣніемъ. Этери идетъ. Когда она приблизилась къ дому Абесалома, послѣдній узналъ ея шаги и воззвалъ благодарю за приходъ, но напрасно ты побезпоявилась, а стою у могилы—такъ угодно было Господу. Сестра забѣжала къ нему, чтобъ обрадовать его извѣстіемъ о приходѣ Этери. Онъ велѣлъ ей подать лучшаго воня съ сѣдломъ, усыпаннымъ камнями и жемчугомъ. Этери отвѣчаетъ, что ей не нуженъ конь: я храню твой ножикъ, я заколю себя въ правую грудь, чтобы умереть и быть погребенной съ тобой! Она погибаетъ съ нимъ и ихъ хоронятъ вмѣстѣ въ началѣ проѣзжей дороги. На ихъ могилахъ вырастаетъ роза и распускаетъ ее утрення роса; изъ подъ могилы пробивается родникъ, въ которомъ плаваетъ золотая чаша: всѣ проходящіе мимо утоляютъ жажду, благословляя и завидуя ихъ участи. Мурманъ по возвращеніи изъ путешествія за живой водой зарылъ себя живымъ въ землю. На его могилѣ выросъ тернъ, а изъ подъ нея зародились щенята.*) Фіалка и роза надъ могилами Абесалома и Этери наклонялись другъ къ другу для объятій, но тернъ Мурмана становился посредникъ и разъединялъ ихъ ¹⁾).

Въ Тушетіи сохранились героическія пѣсни о *Торіи Тилисдзе* ²⁾ Вацаде, Гига, Зезва и другихъ героевъ, которые отличились въ борьбѣ съ лезгинцами, вьетинцами, чеченцами.

Гига воспѣвается, какъ охранитель и защитникъ кровной мести. За убійство въ войнѣ своего брата Георгія, Гига уничтожаетъ цѣлый отрядъ лезгинъ и этимъ чувствительнымъ урокомъ ограждаетъ Тушетію отъ повторенія подобныхъ случаевъ вторженія со стороны кистинцевъ и лезгинъ.

¹⁾ Отрывки сказанія объ Этери въ стихахъ поются въ разныхъ концахъ Грузіи (см. напр. *Иверію* № 275, 1889 г.). Литературная обработка этого сказанія, принадлежащая даровитому грузинскому поэту *Важа Пшавела*, напечатана въ *Иверіи* въ №№ 192, 194, 195, 196, и 197 1890 года. П. Умиквашиа по народнымъ пѣснямъ, распѣваемымъ въ Карталинѣ, Бахетіи, Имеретинѣ, Самцхе, Хевсуретіи и гор. Моздокъ издалъ часть въ прозаическомъ, часть въ стихотворномъ изложеніи связанный текстъ поэмы объ Абесаломѣ и Этери. „Этериани“ въ томъ видѣ, въ какомъ обращается въ Пшаветіи, напечатанъ въ *Иверіи* (1888 г. № 274). Бизикскій (сигнахскій) вариантъ этой поэмы записанъ для меня свящ. Натидзе.

²⁾ Сказаніе кончается превращеніемъ, сходнымъ съ метаморфозами Овидія (Ср. Грузинское сказаніе какъ произошли яволга, удождъ и соловей. „В. Евр.“ 1892, апрѣль).

³⁾ Мой очеркъ „Тушины“ въ „Этногр. Обзор“. Кн. 2.

Герой *Зезва* фигурируетъ между прочимъ въ нижеслѣдующемъ сказаніи о взятіи Бахтріонской крѣпости, которое привожу въ изложеніи. Объ этой крѣпости такъ отзывается географъ XVIII в. Вахушта: „Къ востоку отъ рѣки Алазани лежитъ крѣпость Бахтріони *). Нѣкогда она представляла собою сильную твердыню, но теперь брошена“.

Печальныя развалины этой крѣпости, дѣйствительно, слабо напоминаютъ о ея минувшей славѣ. А вотъ что рассказываетъ о ней народное преданіе. Два тушина изъ прикительцевъ, охотясь за дикими козами, вошли на небольшую гору, откуда открылась имъ неизвѣстная до того времени роскошная Кахетія съ ея Алазонскою долиною. Видъ восхитительной картины очаровалъ охотниковъ такъ сильно, что они рѣшили немедленно спуститься внизъ, въ Панкисское ущелье. Здѣсь они встрѣчаютъ татарскую стражу на рѣкѣ Бацарисъ—цвали. Татары нападаютъ на нихъ, захватываютъ въ плѣнъ и, мало того, надругаются надъ ними самымъ позорнымъ образомъ. Народъ, взволнованный этимъ гнуснымъ поступкомъ своихъ враговъ, разсылаетъ гонцовъ къ пшавамъ и хевсурамъ, призывая ихъ къ мести за позоръ, который весь народъ терпитъ въ лицѣ своихъ собратьевъ. Горцы откликнулись, собрались въ Тушетію пшавы, хевсуры, тушины близъ рѣчки, гдѣ обыкновенно рѣшались дѣла, касающіяся всѣхъ общинъ. Ополченіе раздѣлилось на два отряда: одинъ направился въ Панкисское ущелье, гдѣ и скрылся, другой къ Бахтріонской крѣпости. Последнему отряду пришлось переправляться чрезъ рѣку по мосту, усыпанному золой съ тою цѣлью, чтобы по оставшимся на ней слѣдамъ знать направленіе враговъ. Тушины прибѣгли къ хитрости Виттекинда, подковали лошадей обратно и такимъ образомъ ввели въ заблужденіе татаръ относительно принятаго маршрута. Войско „султана“ погналось за ними, но какъ разъ въ другую сторону. Между тѣмъ отрядъ тушинъ, пшавовъ и хевсуровъ приблизился къ Бахтріонской крѣпости, занятой татарами. Ворота крѣпости были заперты и взять ее не было надежды. Но герой *Зезва* заранѣе предвидѣлъ это; онъ заготовилъ колья, (ср. выше сваветскую версію объ Амиранѣ) которые вбилъ въ стѣну, и, взобравшись по нимъ, спустился во внутрь крѣпости. Отворивъ ворота, онъ впустилъ поджидавшихъ соумышленниковъ, а татары, видя ихъ, выбѣжали въ поле. Погнался побѣдоносный отрядъ горцевъ изъ Панкискаго ущелья. Застигнутые въ серединѣ татары всѣ были перебиты, почему Алванское поле и получило названіе *кацхветила* (гацхвета — истреблять). Хевсуры и

*) *Wakhousht. Description géograph: dela Géorgie* (Спб., 1842), стр. 321.

пшавы взяли добычу, а тушины получили Алвани. Этимъ объясняетъ народъ происхождение Алвани, какъ общей собственности всѣхъ тушинъ. Самое названіе Алвани ставится въ связь съ грузинскимъ словомъ али—пламя, такъ какъ дымились потоки крови татаръ, павшихъ на полѣ брани. По другому народному объясненію имя Алвани происходитъ отъ *ал*-господинъ или госпожа по кистински и *ва* здѣсь: Алвани отсюда значитъ: здѣсь мѣстопребываніе царицы (Тамары). Сохранился рассказъ о Зезвѣ и въ пѣснѣ, содержаніе котораго совпадаетъ съ приведеннымъ выше преданіемъ объ его подвигахъ.

Въ Карталиніи и Кахетіи распѣваютъ ¹⁾ пѣсни объ *Арсенѣ*, которыя представляются своего рода грузинской былинной въ томъ смыслѣ, что Арсена является лицомъ, жившимъ въ сравнительно недавнее время и во всякомъ случаѣ при русскомъ владычествѣ на Кавказѣ. Отдѣльные слова русскаго происхожденія могутъ служить подтвержденіемъ этого мнѣнія: „драсти знаком“ (-здравствуй знакомый!); „куда идешь?“ и др. Пѣсни объ Арсенѣ поются странствующими музыкантами подъ акомпаниментъ ствиры (волынки), и со словъ ихъ составилъ цѣлую книжку объ этомъ народномъ любимцѣ П. Умикашвили, выдержавшую уже нѣсколько изданій. Герой этой устной-поэмы—Оделашвили Арсена—крѣпостной человѣкъ кн. Баратова, у котораго онъ похищаетъ одну красивую служанку, послѣ отказа барина ее уступить ему за 120 руб. Князь о похищеніи своей служанки донесъ „губернатору“, который посылаетъ 10—12 казаковъ за Арсеной, укрывшимся въ Триалетскихъ горахъ. Арсена избиваетъ казаковъ и ловко освобождается отъ нападенія. Арсена посвящаетъ себя „служенію интересамъ своихъ собратьевъ“. Онъ предлагаетъ евреямъ, обманывающимъ крестьянокъ, мѣрить товары не аршиномъ, а длинной кизиловой палкой, которую онъ имъ даетъ. За ослушаніе онъ угрожаетъ сбрить съ нихъ бороду и заставить ѣсть свинину. Беретъ у нихъ матерію на архалукъ и благородно возвращаетъ изъ предложенныхъ 150 руб.—100 рублей назадъ. Съ армянина онъ снимаетъ шубу и самъ ее надеваетъ. Узнавъ объ этихъ его похищеніяхъ установили карантинъ („карахтинъ“), чтобы онъ не проникъ въ страну лековъ (лезгинъ), откуда могъ онъ угрожать самому Тифлису. Благодаря измѣнѣ кума—Парсадана Бодбисхевскаго (деревня близъ Сигнаха), Арсена, послѣ обильнаго яствами и напитками ужина, былъ связанъ 12 пастухами Парсадана и доставленъ въ Тифлисъ. Здѣсь восторгались Арсеной

¹⁾ Пѣсни объ Арсенѣ, Тифлисъ, 1889.

грузины, имеретинцы, осетины („хорцу“—хорошо), русскіе („очень хорошій“) и не могли наглядѣться на его красоту. Самъ начальникъ такъ былъ восхищенъ мужественнымъ его видомъ, что выбранилъ Парсадану за задержку блуждающаго героя. Начальникъ допрашиваетъ Арсену. Онъ отвѣчаетъ, что никого не грабилъ: если отнималъ у богатаго, то отдавалъ бѣдному. Однако, его заковали въ цѣпи и присудили къ ссылке въ Сибирь. Разъ онъ пожелалъ изъ крѣпости идти „по привычкѣ“ въ баню: по дорогѣ въ духанѣ (трактирѣ) на одинъ рубль онъ угощаетъ провожающихъ его солдатъ, которые напились отъ рома, подавнаго духанщикомъ вмѣсто водки, а самому Арсенѣ подаютъ напиво. Этимъ орудіемъ онъ распилилъ оковы въ банѣ и выбѣгаетъ, надѣвъ русскую шинель, сапоги и шапку. Онъ не мститъ своему врагу Парсадану, хотя и имѣетъ возможность, гуляетъ на свободѣ 15 лѣтъ, но ничьей крови не проливаетъ, „помогаетъ бѣднымъ и за то Богъ его не оставляетъ“. Умирая отъ хитрости въ Карталинѣ отъ Георгія Кучатвели, онъ предъ смертью завѣщаетъ ему взять 7000 р., спрятанныхъ въ сел. Каспи и раздать бѣднымъ. Похоронили его во Мцхетѣ и поставили надъ его могилой мраморный памятникъ.

Одна поэма о *Солагъ*—героѣ известна лишь месхамъ.*) Мнѣ удалось записать отрывокъ, повидимому, изъ очень длиннаго сказанія. Начинается разсказъ тѣмъ, что Солагъ отправился въ Стамбуль и прибылъ ко дворцу султана. Визирь встрѣтилъ его у дверей и, обнявъ его, спросилъ, зачѣмъ онъ пожаловалъ къ султану. Солагъ не успѣваетъ объяснить причины своего дальняго путешествія, какъ визирь предлагаетъ ему, какъ славящемуся во всей Грузіи борцу, вступить въ единоборство съ арабомъ, обѣщая въ случаѣ побѣды, предоставить ему постъ паши въ Ахалцихѣ. Солагъ отказывается, но визирь настаиваетъ. Борецъ наконецъ соглашается на предложеніе визиря; даютъ ему ковы быстро, сѣдло золотое. Въ пятницу весь городъ выходитъ на площадь. Арабъ летитъ на конѣ. Солагъ ему кланяется низко, но арабъ не терпитъ отлагательства — онъ хочетъ начинать бой. Онъ бросаетъ одно за другимъ три копыя, но Солагъ ловко отражаетъ удары. Тогда Солагъ направляетъ лошадь къ арабу, пускаетъ копье, арабъ падаетъ и умираетъ. Муллы приступаютъ читать коранъ надъ трупомъ. Солага берутъ во дворецъ, хотя онъ и боится за свою жизнь. Султанъ принимаетъ его благосклонно, награждаетъ его золотомъ и обѣщаетъ поручить ему должность паши въ Ахалцихѣ. Солагъ отказы-

*) Мой очеркъ о *месхамъ* (Этногр. Обзор. кн. X).

вается отъ этой чести, предпочитая обладать силой при помощи своей руки, чѣмъ благодаря занимаемой должности. Въ этомъ сязаніи отражаются сношенія между Турціей и Мескетіей, когда послѣдняя съ XVII в. оказалась во власти османовъ.

III. Историческія пѣсни.

Въ историческихъ пѣсняхъ ¹⁾ воспѣвается преимущественно царица Тамара и царь Ираклій II ^{*)} Въ уста Тамары влагается грустное размышленіе о томъ, что она, при всей своей земной славѣ, не смотря на то, что побѣдоносно пронеслась отъ Испагани до Константинополя, наложила дань на Турцію и Персію и была грозною повелительницею полъ-міра,—все таки унесла съ собою въ вѣчную жизнь лишь девять аршинъ грубаго холста.

Царицей была я Тамарой,
Вѣкъ свой въ заботахъ жила.
Построивши прежде Монголисъ,
Въ скалахъ прорубила дороги
И землю вокругъ обошла:
Воздвигнула башни въ моряхъ
И всѣхъ покорила себѣ...
И что-же? виновницу столькихъ дѣяній
Въ Самхорахъ постигла болѣзнь,
А въ Вардцихъ съ жизнью разстиглась;
И девять аршинъ полотна (т. е. саванъ)
Съ собой унесла я въ могилу....

Въ другой пѣснѣ воспѣвается царь Ираклій II, который навелъ такой ужасъ на лезгинъ и вистинцевъ, что они вынуждены были скрыться въ горы и надолго отказаться отъ разграбленія тушинскихъ стадъ.

Ираклій, Карталинскій повелитель,
Божьей волей взялся за мечъ.
Загрѣмѣлъ въ барабанъ, заигралъ въ свирѣли

¹⁾ Историч. пѣсни приводятся въ *Джеджили* 1891, I, стр. 75. *Иверія*, 1889, № 214, ід. 1891, 12 сент. и 19 сент., 1890, 287 (о построеніи Тифлискаго Сіонскаго собора Багратіонами, т. е. династіей Багратидовъ).

^{*)} Мой очеркъ „Тушины“ „Этногр. Об.“ кн. 2.

И собралъ сильный отрядъ.
 Соорудивъ желѣзные телѣги,
 Онъ наполнилъ ихъ оружіемъ;
 На рѣкахъ мосты построилъ,
 Разрушивъ турецкій городъ до основанія,
 Ираклій взялъ много добычи.

Въ трудныя минуты, подѣ натискомъ врага, всегда вспоминали грузины этого героя—царя, сожалея, что онъ не придетъ заступиться за нихъ, придавая себѣ храбрости однимъ воспомананіемъ о немъ:

Возстань, простиись, герой героев!
 Вѣдь ужъ слышится крикъ враговъ!
 Пусть не застанутъ они насъ безпомощными;
 Начнемъ ихъ рубить, какъ прежде рубили!
 Но мы видимъ, что ты медлишь,
 И намъ не вернуться домой!
 Поле и площадь усыпаны жемчугомъ,
 И онъ собирается тѣмъ, кто совершилъ подвигъ,
 Но горе измѣннику отечества на томъ свѣтѣ:
 Будетъ онъ брошенъ въ огонь неугасимый!

Послѣ смерти Ираклія не только Тушетія, но и вся Грузія сдѣлалась ареной кровавыхъ сценъ. „Пали желѣзные врата, погибъ тушинъ, умеръ царь Ираклій—неуязвимая твердыня Грузіи. Царица убивается надъ безжизненнымъ трупомъ супруга; она призываетъ тушинъ, вѣрныхъ воиновъ Ираклія противъ враговъ, уже разсуждающихъ надъ свѣжей могилой царя, кому овладѣть престоломъ.“ Видно, что пѣсня эта сложена женщиной, потому что она оканчивается такимъ восклицаніемъ: „О, еслибъ я была мужчиною, то одѣлась бы въ вольчугу и первая вонзала бы кинжалъ въ сердце ненавистнаго врага!“

Періодъ владычества турокъ въ Ахалцыхѣ далъ много сюжетовъ для народной поэзіи *). Давленіе мусульманъ на населеніе, его преданность христіанской вѣрѣ, борьба грузинскихъ царей съ „хондбаромъ“ (султаномъ) изъ-за Месхетіи давали обильную пищу для поэтического творчества. Нашествіе турокъ смѣнялось вторженіемъ персидскихъ шаховъ, производившихъ не меньше опустошенія, чѣмъ янычары султана. Одна пѣсня сохранила воспоминаніе о послѣдствіяхъ вторженія шахинъ—шаховъ „Двинулся грозно Демуръ—каянъ (шахъ), оставилъ свой городъ Хаворосанъ (Хорасанъ), вступилъ онъ въ пре-

Мой очеркъ „Месхи“ „Этногр. Обзор.“ кн. X. Столкновение съ лезгинами въ Сбор., XIV.

дѣлы Грузин, городъ (Ахалцыхъ) сжегъ, плѣнныхъ угналъ какъ стадо, а жепшиль и дѣвиць роздалъ солдатамъ". Въ другой пѣснѣ, отразилось отношеніе Месхетин къ Высокой Портѣ. „Усупъ-паша, (съ позволеніемъ отца) въ виду опасности, грозившей ему лишеніемъ поста въ Ахалцыхѣ, отиравился къ султану, съѣзъ возлѣ него и сладко воспрошала его: „зачѣмъ, государь лишаешь меня сана? Ты знаешь, владѣтель Кахетин (т. е. царь Ираклій II) ополчается на насъ. Велишь—приведу въ цѣняхъ или, воткнувъ на копье его голову, преподнесу тебѣ".—„Если это ты исполнишь, возстановлю твою власть, одарю тебя халатомъ и дамъ тебѣ весь Гурджистанъ" (Грузію).

Одна надежда ободряла и жителей Месхетин при турецкомъ владычествѣ—это помощь царя Ираклія. Взоры всѣхъ были обращены на него, онъ послужилъ предметомъ восторговъ и поэтическаго воодушевленія. Его славная побѣда надъ турками при Аспиндзѣ *) (недалеко отъ Ахалцыха) вдохновляла не только народныхъ пѣвцовъ—месховъ, но и лирическихъ поэтовъ Восточной Грузіи (кн. Орбелани).

Я перевожу одну изъ любимыхъ распространенныхъ пѣсенъ у месховъ объ аспиндской битвѣ съ турками въ 1770 г.

Небо тучами покрылось,
Дождемъ земля оросилась,
Иракль къ Ациверу стремился.
Онъ семь сутокъ здѣсь остался
У Аспиндзы укрѣпился
И съ врагомъ тутъ вдругъ столкнулся.
Въ битвѣ кровь лилась рѣкой,
Делибашъ разбитъ совсѣмъ,
Царь Ираклій прослезился,
Когда „Русскій" *) повернулся,
Но Богъ далъ Царю побѣду,
Трупы бросилъ онъ въ Буру.

Ираклій—любимый герой народныхъ пѣсенъ. Его имя пользуется всеобщимъ уваженіемъ, въ виду того могучаго отпора, который онъ далъ вторженіямъ лезгинъ въ Грузію. „Трупы убитыхъ тобой, царь, лезгинъ гниють на Аспиндскихъ поляхъ, сдѣлавшись добычей хищныхъ воронъ, жадно выклевывающихъ глаза павшимъ врагамъ Грузіи". Молитвы всѣхъ возносились къ небу о дарованіи долгоденствія „лов-

*) Намекъ на гр. Тотлебена, оставившаго Ираклія II въ критическую минуту безъ поддержки. *Цагарели* „Грамоты, относящіяся къ Грузіи" Сиб. 1891.

кому ѣздоку, неустрашимому воину“. На вопросъ падшихъ „кто такой Ираклій“, народъ описываетъ его, согласно историческимъ даннымъ грузинской лѣтописи: „Ираклій — милый ребенокъ ¹⁾), въ которомъ бьется сердце слона, крѣпокъ, какъ неприступная скала, разрушаетъ крѣпости, какъ подгнившее дерево.“ Самъ онъ вступалъ въ единоборство съ многими изъ враговъ и удачными ударами опрокидывалъ ихъ на землю.

Немало сказаній сохранилось у грузинъ о царицѣ Тамарѣ (XII в.). Съ ея именемъ связана масса легендъ, превратившихъ ее изъ строго—засвидѣтельствованной исторической личности въ полумифическую съ особенностями христіанской святой дѣвы или языческаго божества. У грузинъ-горцевъ она причисляется то къ лику святыхъ, то считается цѣлительницей отъ всѣхъ недуговъ и болѣзней. Нѣтъ сомнѣнія, что популярной царицѣ приписали на Кавказѣ много чертъ ей несвойственныхъ, и немало дѣяній и построекъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ и лицамъ. *) Разнохарактерныя наслоенія, сочетанія противорѣчивыхъ между собою качествъ отразились и на извѣстномъ стихотвореніи Лермонтова: („Въ глубокомъ ущельѣ Дарьяла“ и пр.), который, вѣроятно, согласно съ народными преданіями говорить, что Тамара была „прекрасна, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ—коварна и зла“. Месхи также помнятъ, что визильбашскій владѣтель, очарованный небесной красотой царицы, хотѣлъ ее похитить, но попытки его были неудачны и кончились позорнымъ плѣненіемъ самого хана. Любопытно отмѣтить представленіе грузинъ какъ Тамара успѣвала воздвигать церкви и башни, приписываемыя исключительно ей, если только онѣ красуются на вершинѣ неприступной скалы или теряются въ тѣснинахъ дремучихъ лѣсовъ. Грузины увѣряютъ, что царица разставляла войско такъ, что послѣдній воинъ стоялъ на мѣстѣ постройки, а первый у подошвы горы, на берегу рѣки, около нужнаго для строенія матеріала: такъ передавались изъ рукъ въ руки кирпичи, камни, вода, св. иконы и богослужебные предметы.

Изъ другихъ историческихъ пѣсенъ отмѣчу воспоминаніе о царѣ Арчилѣ. Ему совѣтуется оставить Аліаніи и Чаліани (деревни), уг-

¹⁾ За небольшой ростъ Ираклій прозванъ былъ „патара каха“ (маленькій кахетинецъ). Это не мѣшало ему быть выдающимся полководцемъ, которымъ восторгался Фридрихъ Великій.

*) О Тамарѣ см. „Джеджили“ 1892, VI; Новое Обозрѣніе № 2764; „Иверію“ 1893, № 24. „Сбор. мат. для опис. плем. и мѣст. Кавказа“, в. VII; X, отд. III, стр. 35, 45. Осет. этюды В. О. Миллера, III, 174 — 179.

рожая въ противномъ случаѣ ядомъ. Въ одной пѣснѣ отмѣчается царь Іасе, который окружилъ свой дворець тутовыми деревьями и развелъ прекрасный садъ. Въ пѣснѣ посвященной Вахтангу (Горгаслану?), передается, что Господь его любилъ и давалъ ему слышать звонъ небесный. Подъ его гигантскими шагами содрагался Эльбрусь, съ вершины котораго онъ разогналъ дьяволовъ за 9 горъ. Эпоха феодализма, давленія дворянства на крестьянъ, купля-продажа ихъ дали поводъ излить накипѣвшую горечь въ пѣсняхъ, часто проникнутыхъ глубокой ненавистью къ своимъ господамъ. „Ты, Эривастъ, владѣлецъ горъ и Арагвы, оставь торговать своими крестьянами, ты много уже продалъ дѣвицъ и женъ, украшенныхъ черными волосами и красивыми глазами“^{*)}. Вспоминаются князья Амилахвари Зурабъ, Арагвскій эривастъ и Тумановы, притѣсняющіе своихъ крестьянъ.

Отмѣтимъ въ полномъ видѣ одну пѣснь о Тамарѣ со словъ мествире (пѣвца).

„Это было, когда была и жила царица Тамара, а когда была и жила царица Тамара,—то знаетъ весь крещеный грузинскій людъ!

Пріѣхала Тамара въ Карталицію—и весело стало въ Карталиніи, встрѣчалъ народъ Тамару, миловала народъ Тамара!

Ѣхала ли она черезъ деревню—деревня становилась городомъ—пріѣзжала-ли въ городъ и городъ дѣлался Тифлисомъ.....

И много людей крещеныхъ и некрещеныхъ, ѣхало съ нею: князья и дворяне грузинскіе, агалары и беки татарскіе, паши и аги турецкіе....

Вздумалось царицѣ царей, прекрасной Тамарѣ, — vzdумалось ей поохотиться на звѣрей лѣсныхъ, на птицъ небесныхъ.

И бѣжалъ олень многорогій навстрѣчу ся стрѣлъ, и не смѣла цапля бороться съ соколомъ крѣпко-грудымъ!

На берегу Ліахвы, на самомъ этомъ мѣстѣ, — гдѣ стоимъ мы теперь, христіане, отдыхала (царевна) Тамара, любовалась охотою.

Князья и беки, и паши не щадили рыаныхъ коней и все джигитовали и все гонялись за звѣрьми быстроногими, чтобъ бросила на нихъ свѣтлый взглядъ Тамара, чтобъ похвалила ихъ молодечество.

Но не думала о нихъ царица, не глядѣла на нихъ Тамара — любимый ея ястребъ улетѣлъ и сѣлъ за рѣкою на крутой горѣ, — и не хотѣлъ возвратиться съ добычею къ Тамарѣ.

Рогомъ серебрянымъ созвали князей, сбѣжались беки, прискакали паши—просить ихъ Тамара переплыть воду, принести ей ястреба.

*) Пѣсни относящіяся къ крѣпостному праву, печатались въ *Искри* 1890, № 6, 1891, 20. Отраженіе нар. поэзіи въ лѣтописи *Кар.-Цх.* II, 40 (Зурабъ Эривастъ), 125 (Бахтеріони).

Широко разилась Ліахва, шумить она сильно, бѣжить она быстро—гарцуютъ князья, беки и паши—а воды переплеть не смѣютъ.

Смотрить на нихъ царица, смѣется надъ ними, презираетъ ихъ и сулитъ дать, какую ни попросить награду, смѣльчаку, кто переплыветъ воду, кто возвратитъ ей ястреба.

Смотрить на Тамару юноша съ свѣтлыми глазами, юноша съ черными кудрями—и просится плыть за птицею ослушницею!

Широко и быстро бѣжить Ліахва—но смѣло и сильно переплываетъ ее пѣвецъ молодой, высоко на горѣ сидитъ ястребъ—ловить его чернокудрый охотникъ и несутъ его уже волны рѣки къ Тамарѣ, и скоро попроситъ онъ себѣ награды...

Но тяжелая мысль потемнила свѣтлое лицо царицы—но сжалось ея сердце, и думаетъ она со страхомъ: что если юноша попроситъ себѣ въ награду ея сердце, ея любовь?...

Стала молиться она Божіей Матери Гелатской, стала просить, чтобъ спасла и защитила ее отъ желаній юноши, если захочетъ онъ ея сердца, ея любви...

Изъ Ліахвы уже смотрятъ на нее черные глаза пловца—нетерпѣливо кричитъ птица хищная,—но зашумѣла буря, и Ліахва опрокинула, унесла въ Куру храбреца молодого.

И снова стала молиться Тамара; о чемъ она молилась, то знала только ея грудь бѣлая, да голова многоумная—а сказала она князьямъ, что выстроить на горѣ, гдѣ сидѣла птица непослушная, крѣпость крѣпкую, на память о юношѣ бѣдномъ, что утонулъ ради спасенія души ея чистой! ..

Вотъ, христіане, какъ построилась, церковь, крѣпость въ Гори, вотъ, христіане, что было, когда была и жила царица Тамара?....

Пѣсня эта ¹⁾ въ звучныхъ стихахъ обработана поэтомъ В. Л. Величко „Горійская башня“ въ I т. его „Восточныхъ мотивовъ“.

IV. Лирическія пѣсни.

Лирическія пѣсни ²⁾ отличаются лаконической сжатостью и краткостью и такими особенностями, свойственными грузинскому языку,

¹⁾ Эта же легенда о Тамарѣ приурочена къ Горисджварской церкви. См. статьи въ „Кавказѣ“ 1887 № 117, 118, 134, 139. „Гор. Гори и окрестности“.

²⁾ Помимо отдѣльныхъ народныхъ пѣсенъ, печатавшихся въ *Иверіи*, „Квалі“, „Джеджили“, мы имѣемъ въ настоящее время два печатныхъ сборника, „Моховскихъ“ и „Пшавскихъ“ пѣсенъ (Т. 1886 и 1887). Хевсурскія пѣсни съ комментаріями Н. Урбнели печатались въ *Иверіи*, тушинскія же, собранныя мною, остаются пока въ рукописи.

которыя дѣлаютъ ихъ почти не переводимыми на русскій языкъ. Я приведу нѣсколько образцовъ, чтобы дать представленіе объ этомъ видѣ грузинской поэзи. „Восходящей зарѣ и солнцу говоритъ она—взойди! Насытиться твоимъ созерцаніемъ мнѣ не суждено, такъ вонъ измученная душа!“ Это значитъ, что красавица, возлюбленная страдальцемъ, можетъ соперничать съ утренней зарей по красотѣ, но ему не предопредѣлено считать ее своей подругой, и въ отчаяніи ему остается наложить руку на себя. Въ другой пѣснѣ влюбленный, не пользующійся взаимностью, проклинаетъ день своего рожденія: „я не ждалъ твоей разлуки. Когда вспоминаю тебя, пламенная любовь сжигаетъ мнѣ сердце, и если суждено, было разстаться съ тобой, то къ чему выросила меня бѣдная мать!“ Иногда проявляется поразительная преданность выбранной сердцемъ, рѣдкая готовность пожертвовать за нее жизнь, лишь бы на короткое время насладиться ея дружбой. „Если бы кто-нибудь изрубилъ меня на куски, трупъ бросилъ на сѣденье чернымъ воронамъ, а кровь пролилъ для утоленія жажды свободныхъ оленей,—все это я перенесъ бы легко, лишь бы остался съ тобой вдвоемъ“. Разъ загорѣвшееся чувство любви постепенно возрастаетъ, вытѣсняя всѣ помыслы о другихъ. Измѣна-позоръ, постоянство-достоинство любящихъ сердець. „Съ тѣхъ поръ какъ ты ушелъ,—говоритъ дѣвица своему возлюбленному,—я взора не бросала на другихъ; кровавые ручьи непрерывно текли изъ моихъ глазъ, окрашивая краснымъ цвѣтомъ безбрежное море“.

Особый видъ поэзи составляютъ пѣсни, въ которыхъ отъ имени дѣвицы и ея возлюбленнаго дѣйствуютъ звѣри. Этотъ животный эпосъ очень богатъ и по количеству стихковъ и по внутреннему ихъ содержанию. Символически олень означаетъ влюбленнаго, голубь—влюбленную, лиса — непріятельницу ихъ, медвѣдь — грубую силу и проч.. Женщина служитъ предметомъ поэтического воодушевленія грузинъ и воспѣвается какъ хранительница завѣта предковъ, съ презрительнымъ укоромъ обращающаяся къ самимъ мужчинамъ, потерявшимъ прежній отважный, геройскій духъ. Если теперешній мужъ уже не тотъ безстрашный воинъ, о которомъ прежде мечтала грузинка, за то она та же скромная и вѣрная супруга со всѣми качествами, которыми грузинъ чрезвычайно дорожить. Она воспѣваетъ ся черные глаза, черныя кудри, и, по своей любви къ фигуральнымъ выраженіямъ, сравниваетъ ее носъ съ тонкой свирѣлю, нѣжныя губки съ кожей лука, зубы—съ правильно расположеннымъ бисеромъ, глаза на розовыхъ ланитахъ уюдождаетъ паденію звѣздъ съ небесной высоты, а рыданія съ

грустнымъ напѣвомъ соловья. Или вотъ еще подобнаго уже рода образныя восхваленія:

Скажи мнѣ, дѣвушка, чья ты?
Твои глаза напоминаютъ ежевику;
Лобъ походить на луну,
Появившуюся среди темной ночи;
Лицо же твое подобно утреннему солнцу,
А ростъ тростинку, растущему при морѣ.

Любовью этой красавицы грузинъ очень дорожить и всякая случайная помѣха или интриги злого разлучника повергаютъ его въ уныніе или въ озлобленіе.

Полюбилъ я дѣвицу-красавицу,
Но меня постигло несчастье:
Просилъ ее руки, и мнѣ отказали,
Злой разлучникъ сталъ между нами.
Уймись, недругъ, перестань враждовать,
Укrotи свой змѣнный языкъ!
Вѣдь ты виновникъ нашего разлада.
Тяжкій же грѣхъ ты взялъ на себя!

* *
*

Желалъ бы я быть ястребомъ
И подняться на высокій утесъ.
Бабы догнать мнѣ твоего похитителя
И увидѣть, на чьей рукѣ ты ляжешь!..
Я повѣдаю тебѣ свои мысли,
Если ты отзовешься на стонъ моего сердца.
Я уже покидаю этотъ край,
Иду въ Триалеты (горы) за овцами.
Хоть тогда поплачь обо мнѣ,
Когда насыплютъ надо мною могилу.

Съ своей стороны за измѣну разъ избранной подругѣ грузинъ самъ надъ собою произноситъ неумолимое проклятіе. „Твоего измѣнника,—говоритъ онъ красавицѣ въ пѣснѣ,—пусть караетъ всевышній Богъ, пусть буря—ураганъ застигнетъ на безлюдномъ „салбухекомъ“ послѣ и раздробится на куски поднятый на врага сверкающей кинжалъ!“

Требуя отъ женщины постоянства, онъ и самъ себя обязываетъ остаться неизмѣннымъ другомъ своей возлюбленной. „Кто можетъ соб-

рать разсыпанные зерна кромѣ цыплятъ? Кто сѣумѣеть насъ различить кромѣ смерти?" Нравственныя качества женщины измѣряются и ея хозяйственными способностями: „хорошая жена встанетъ рано утромъ, принесетъ воды, вымоетъ посуду и отнесетъ провизію къ пахарямъ“. Народъ не терпитъ женщины болтуни и живой.

Скажемъ нѣсколько словъ вообще о пѣсняхъ. Грузія въ древности была въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Востокомъ, и вліяніе послѣдняго слишкомъ глубоко отразилось на бытѣ и характерѣ грузинъ. Много поучительныхъ, трогательныхъ и поэтическихъ сценъ совершилось въ 15-ти вѣковой борьбѣ Грузіи, религіозной и политической, подъ гнетомъ непрерывныхъ бѣдствій отъ персовъ и турокъ. Но, къ сожалѣнію, отголоски ея прошедшей жизни и волненій мало высказались въ пѣсняхъ. Угнетенный народъ не имѣлъ, повидимому, ни времени, ни расположенія слагать пѣсни; лишь непоколебимая привязанность къ вѣрѣ осталась ему въ утѣшеніе: въ гимнахъ благоговѣнія выражалъ онъ свои думы о претерпѣваемыхъ ужасахъ. Но не однѣ событія внутренней жизни народа создаютъ характеръ его поэзіи. Грузія, по естественному положенію своему, можетъ назваться счастливѣйшею страной: ея роскошная природа и живописныя вершины горъ и скалъ представляютъ на каждомъ шагѣ поэтическія картины, и, располагая къ пріятнымъ впечатлѣніямъ, невольно вызываютъ порывъ души.

Пѣсни, относящіяся къ полевымъ работамъ ¹⁾, хорошо характеризуютъ народный бытъ:

„Ну буйволъ рогатый,
Я тебѣ товарищъ по ярму;
Но не могу нести его съ тобой:
Меня называютъ еще мальчикомъ!“

Чтобы понять эту пѣсню нужно знать, что въ грузинскихъ деревняхъ у крестьянъ во время уборки хлѣба, на гумнѣ, между работающими крестьянами, есть непременно главный зацѣвало. Начиная пѣсню, онъ обращается къ буйволамъ, запряженнымъ въ плугъ, чтобы они несли ярмо, и что хотя тяжесть эту несутъ и жнецы, но не могутъ раздѣлить ее вполнѣ, такъ какъ они въ сравненіи съ ними (буйволами) безсильны, какъ дѣти. Затѣмъ за каждой фразой слѣдуетъ общій припѣвъ (*a - pa - лало!*) Никто не принималъ говорить въ пѣснѣ на себя обязанностей предъ лицомъ І. Христа кормить крестьянина, одинъ только волъ вызвался начертать на своихъ

¹⁾ „Кавказъ“, 1850, № 64. „Иверія“, 1890, № 6.

рогахъ этотъ трудъ. Бросились къ нему ангелы и поцѣловали его въ глаза и прильпили къ рогамъ пару восковыхъ свѣчей. „Ступай и работай шесть дней, а кто запряжетъ тебя въ праздничные и воскресные дни, того да посѣтитъ проклятіе Божіе“. Волъ жалуется, что его не только заставляетъ работать по празднивамъ, но и самъ погонщикъ садится на ярмо. Ангелъ отвѣчаетъ, что люди объ его завѣтѣ вспомнятъ поздно,—когда съ желѣзнымъ ярмомъ бросятъ ихъ въ адъ. Вотъ еще пѣсня въ подобномъ родѣ:

О плугъ! готовъ я тебѣ пожертвовать собой,
 Люблю я твою дугообразную шею;
 Ты даешь намъ хлѣбъ и вино,
 Человѣкъ, гонимый нуждою—
 Невольно дружится съ тобою.

* *
 *

Въ чему молодцу украшенія свѣта,
 Въ чему пригодятся они?
 Прилична ему: острая шашка,
 Да мощная сила мускулистыхъ рукъ.

* *
 *

Смерть сказала жизни:
 Много я брани терплю отъ тебя,
 Но слухъ мой отъ браней закрыть:
 Не страшны мнѣ твои угрозы!

Въ этихъ народныхъ пѣсняхъ высказываются нравственные и религіозныя воззрѣнія. Въ небольшомъ четверостишіи проводится взглядъ о неизбѣжности судьбы, взглядъ, который извѣстенъ и по нѣсколькимъ сказкамъ: „Доля“, „Судьба“ и др. Въ чемъ заключается назначеніе человѣка, по пониманію народа, видно изъ слѣд. пѣсни: цѣль жизни не въ наслажденіи жизнью, которая обращается въ прахъ со дня смерти, а въ томъ, чтобы „человѣкъ былъ добръ и щедръ, ласковъ и привѣтливъ, сострадателенъ къ несчастнымъ и преданъ Богу. О, превратная вселенная! испытала ты меня тысячу разъ, взростила мою плоть и сгубила душу“¹⁾! Нѣкоторыя пѣсни созданы подъ влияніемъ письменной литературы, въ особенности поэмы Шота Руставели *Барсова кожа*. „Такъ тяжела старость, что камышекъ перевѣшиваетъ ее, ляжешь и не встанешь, лѣнь даже приподняться“! Другое четверостишіе

¹⁾ *Иверія*, 1889, 204.

о равноправности мужчинъ и женщинъ также подсказано Руставели:
„Порожденіе льва— все левъ, все равно какого бы пола оно ни было“.

Таково содержаніе большей части грузинскихъ народныхъ пѣсенъ. Между тѣмъ, грузинъ поэтъ по преимуществу, онъ любитъ пѣть болѣе чѣмъ кто-нибудь: каждый кустъ, каждое дерево, каждое событіе вызываетъ изъ устъ его пѣсню, — если можно назвать импровизацію, изливающуюся бессознательно, отъ избытка сердечныхъ ощущеній.

Народныя пѣсни нынѣшнихъ грузинъ раздѣляются на двѣ категоріи: на собственно народныя грузинскія и получившія народность татарскія, персидскія и армянскія. Характеръ первыхъ болѣе эпическій, послѣднихъ — лирической, первыя рисуютъ какія либо событія изъ жизни народной, преданія старины и картины идиллическія; послѣднія выражаютъ какую либо скорбь сердца объ утраченной любви, воспѣваютъ красоту женщинъ и проникнуты нѣжностью и яростью красокъ. Тѣ и другіе народны въ Грузіи и поются на каждомъ пиршествѣ, смѣсь этихъ пѣсенъ до того обыкновенна, что не рѣдко грузинъ или армянинъ, въ разгарѣ пира, или въ минуты одиночества, заливается отъ души татарскою пѣсню, слушатели, какъ и самъ пѣвецъ, считая себя растроганными до слезъ, не понимаютъ ихъ содержанія. Формы этихъ пѣсенъ различны, — смотря по содержанію и принадлежности. Грузинскія являются подъ названіемъ: *симгера* или *шаири* и *лекси*. Симгера пѣсня обыкновенная, заключающая въ себѣ нѣсколько строкъ въ стихахъ или прозѣ. Лекси — собственно стихотвореніе, пѣсни въ стихахъ. Пѣсни, распѣваемые въ хороводахъ называются *перхули*.

Тебя я люблю, и вижу въ тебѣ
Красоту лучезарнаго солнца;
Сладкимъ кормлю я тебя леденцомъ
И сахаромъ бѣлымъ какъ снѣгъ....
Обо мнѣ жъ не тужи: сытъ я,
Голодный, любуюсь тобою.

* * *

Вотъ этотъ дѣтина пляшетъ не душно:
На пальцы становится ногъ;
Ну, если онъ ногу себѣ повредитъ?
Взвалитъ онъ вину на судьбу! —

* * *

Подъ буркой сладко спитса мнѣ
Отъ полночи глубокой до разсвѣта;

Но въ этомъ безмятежно снѣ—
 Три призрака меня волнуютъ часто
 Одинъ какъ будто не земной,
 Исполненъ красоты и нѣги—
 Другой сіяетъ предо мной,
 Какъ солнца лучъ, какъ звѣзды неба.

А третій призракъ всѣхъ милѣй,
 То призракъ дѣвы черноокой,
 Подруги нѣжной прежнихъ дней.
 Цвѣтокъ влѣбленной любовью...

О, если-бъ мнѣ построить домъ!
 Обвелъ бы я тотъ домъ оградой,
 И поселилъ тогда бы въ немъ
 Моихъ невѣдомыхъ красавицъ!
 Ихъ пѣсни тѣшили-бъ меня,
 Ихъ рѣчи сладкія лились бы въ душу,
 И никогда не спалъ бы я
 Отъ полночи глубокой до разсвѣта!

* *

Заглянулъ я въ садикъ—аралало!
 Увидѣлъ спящую красавицу—аралало!
 Подъ тѣнью цвѣтущей яблони,—
 Яблонь была у ея изголовья,—
 А у ногъ ея пропасть зелени.—
 Я молилъ ея: полюби меня!
 Но она была въ траурѣ,—
 По родномъ братѣ,—
 Отказала мнѣ въ любви...
 Чтобы вѣкъ ей остаться
 Съ такими чувствами,
 Съ какими я оставилъ ея!—

* *

Красавицы вотъ вамъ совѣтъ,
 Послушайте мою пѣсенку.
 Не любите стариковъ:
 Они пресыщены сладостью,
 Покинули ихъ желанія
 И жажды любви нѣтъ въ ихъ груди.
 Не любите льстивыхъ,
 Берегитесь вельможъ,

Чтобъ не увлекло васъ притворство,
 Чтобъ не взманили почести.
 Любите пылкихъ юношей,
 Еще робкихъ и неопытныхъ.
 Чего они не выскажутъ словомъ,
 То прочтете въ ихъ глазахъ.

* *
 *

Когда построили Манглись,
 Обвели его ключевой водой
 И украсили великолѣпными теремами.
 Въ нихъ обитала красавица.
 Повалился къ ней пастухъ изъ Триалеги.
 И носилъ каждый день на блюдѣ сыръ.
 Захотѣлось бѣдняку на ней жениться,
 Онъ высказалъ красавицѣ желаніе.
 „Горемычный, отвѣчала она,—если
 Скрывалъ ты въ сердцѣ подобную мысль,
 Какъ смѣлъ обнаружить ее устамъ,—
 Горе тебѣ; да исчезнетъ все твое стадо!“—
 И уста пастуха тоже огласились карой:
 „Да разрушатся терема твои,
 Да увезутъ тебя въ плѣнъ лезгинны
 Съ плачемъ и стenanіями!
 Чтобъ предсталъ я предъ тобою
 Съ чашей, наполненной серебромъ
 Для твоего выкупа;
 Лишь выкуплю тебя, тогда
 И радость окружить меня и веселье!..“

Изъ мусульманскихъ пѣсенъ поются въ Грузіи только два рода:
 мухамбазъ и баятъ. Мухамбазъ — пѣсня въ стихахъ, имѣющая опре-
 дѣленное содержаніе и собственный напѣвъ. Для примѣра приведемъ
 удачный переводъ „Татарской пѣсни“, напечатанной въ *Закавказ-
 скомъ Вѣстникѣ* (№ 3, 1847 г.).

Она.

Онъ у башни стоялъ подъ стѣной,
 И на немъ былъ чекмень дорогой,
 И мелькала подъ краснымъ сукномъ
 Голубая рубашка на немъ.
 Упрекайте меня,—прикажите судить!—
 Вся вина моя горькая въ томъ,

Что его навсегда мнѣ пришлось полюбить!
 Не бросай въ меня камнями;
 Я и такъ ужъ ранена!
 Весь народъ ходитъ въ праздничныхъ одѣянiяхъ,
 Я одна только въ траурѣ!
 Подъ стѣной сталъ гранатъ поспѣвать:
 Всѣхъ плодовъ мнѣ рукой не достать;
 Всѣхъ прекрасныхъ мужчинъ для чего:
 Стала бы я привораживать! О,
 Приютила бъ я въ сердцу во мракѣ ночей,
 Приглубила бъ только его,—
 И ужъ больше любви мнѣ не нужно ни чьей!
 Не бросай въ меня камнями;
 Я и такъ ужъ ранена!

.....
 Разлучили насъ горы,—холмы
 Эриванскiя; бѣлой зимы
 Вѣчными снѣгомъ покрыты онѣ,
 Говорятъ на чужой сторонѣ
 Дѣвы Грузiн блескомъ своей красоты
 Увлекаютъ сердца,—обо мнѣ,
 Въ той странѣ не забудешь-ли ты?!
 Не бросай въ меня камнями;
 Я и такъ ужъ ранена!

.....
 Говорятъ, вѣсть оттуда пришла,—
 Тамъ кровавая битва была,
 Тамъ засада была!—говорятъ,
 Будто нашихъ Сарбазовъ отрядъ
 Истребленъ ненавистной измѣною... Ахъ,
 По дорогѣ блуждаетъ мой взглядъ,
 Далеко—и шепчу я молитву—Аллахъ!..

Онъ.

Я бъ желалъ или камнемъ быть безчувственнымъ
 Подъ стѣнами у башни лежать,
 Или всякаго, кто ни ѣдетъ къ намъ,
 Кто ни ѣдетъ отъ насъ,—провожать,—
 Лишь бы только узнать, познакомиться
 Помѣняться, какъ съ братомъ, душой,
 Съ тѣмъ, который такую красавицу
 Называетъ родною сестрой.

Подъ стѣнами у башни три дерева,
Три черешни цвѣтутъ, но нѣжнѣй
Чѣмъ плоды поливные, свергающій
Цвѣтъ ланить у Змлейки моей.
Не она ли? я вижу, идетъ ко мнѣ,
Съ непокрытыми персими, ахъ!
На ея ли груди не молиться мнѣ
За нее, и за жизнь—о, Аллахъ!

Баять—пѣсня, нацѣвъ которой заключается въ звонкихъ перекатахъ и значительномъ повышеніи голоса, содержаніе ея обыкновенно двѣ, или не болѣе трехъ строкъ, выражающихъ какую-либо мысль съ приличнымъ сравненіемъ. Пѣвецъ растягиваетъ иногда баять на цѣлый часъ, повторяя одно и тоже.

1.

Всѣ нѣветъ свой предѣлъ:
Корабль не вѣчно остается въ морѣ,
Душа не вѣчно живетъ въ тѣлѣ...
Не страшитъ меня не постоянство жизни,
Не боюсь измѣны твоей любви.

2.

Соловей любить розу, лишь ей
Онъ поетъ сладко звучныя пѣсни;
Та же о, милая,
Никогда не разлучна со мною....
Ахъ научи меня пѣснямъ любви,
Любимецъ красавицы розы.

3.

Могутъ ли когда ослабѣть
Рука собирающая грозды
И нога, выжимающая сокъ винограда!
Этотъ употельный напитокъ
Слаще и употельнѣе,
Чѣмъ голый поцѣлуй юной красавицы
Старое вино дороже всѣхъ удовольствій міра.

Кромѣ этихъ пѣсенъ въ Грузіи употребляются еще пѣсни на армянскомъ языкѣ подъ названіемъ: вичаки *), вродѣ русскихъ

*) Статьи *И. Еллахова* въ „Кавказѣ“ 1850 г. № 64 и др. Ср. *Дубровина*, Ист. войны на Кавказѣ т. I, кн. II, 164—6.

святочныхъ. Самыя ревностныя послѣдователи вичаки — армянки и грузинки. Для этого собираются онѣ ежегодно, на канунѣ Крещенія и Вознесенія, въ ближайшей сосѣдней домъ, куда приносятъ каждая съ собою какія нибудь бездѣлушки: кольца, ключи, ножницы, наперстки и проч. Затѣмъ садятся въ кружокъ и, выбравши изъ среды себя царицу—одну изъ дѣвушекъ, покрываютъ ее флеромъ; передъ нею ставятъ горшокъ, наполненный водою съ принесенными вещичками. Начинается сложенная на этотъ случай пѣсня передъ завѣтнымъ горшкомъ и таинственная жрица сидитъ безмолвно подъ прозрачнымъ покрываломъ, изъ подъ котораго выглядываютъ часто очаровательныя глазки. По окончаніи пѣсни, царица вынимаетъ изъ горшка наудачу вещицу, которая рѣшаетъ, кому предвѣщается жребій по приговору пѣсни. Обрядъ этотъ продолжается до тѣхъ поръ, пока опустѣетъ горшокъ, и увя! разлука съ горшкомъ многимъ изъ нихъ обходится не безъ слезъ...

1.

Яблоко есть у меня
Разукрашенное,
Братъ просилъ, не дала:
Милымъ оно
Мнѣ въ подарокъ дано.

2.

Рѣчка бѣжитъ
Волнуется;
По рѣчкѣ плывутъ
Два яблочка...
Вотъ и милый мой
Возвращается.
Вижу, какъ рукой
Шапкой манить онъ!

3.

У нашего дома цвѣтеть огородъ;
Въ огородѣ томъ трава растетъ—
Нужно траву скосить молодцу,
Нуженъ молодецъ красной дѣвицѣ...

4.

Хлѣбъ я спекла изъ пшена,
Показался ячменнымъ онъ мнѣ...
Ахъ, далеко ты отсюда, мой милый!
Но какъ вернешься съ пути—

Рѣчи польются изъ устъ,
Словно сахаръ сладкія.

5.

Воспѣвая розу, я цвѣты собираю;
Соберу и насыплю цвѣты я въ мѣшокъ,
И мѣшокъ тотъ кругомъ обошью;
И пойду, поброжу съ сагли на сагли,
И лучше тебя я найду
Молодца.

6.

Поднялась я на горку вкрутую,
Мыть бѣлье подвѣнечное,
Мыло было съ позолотомъ;
На глазахъ же слезы горькія...
Ахъ, родные не горюйте вы—
На роду мнѣ такъ написано.

7.

Пошла я подъ камень тяжелый—
И пару лишь платья взяла...
Ахъ, скажите вы роднымъ моимъ
Доля тяжкая мнѣ досталася.

Грузины имѣютъ также свои музыкальные инструменты: ствири (дудка), дапи (въ родѣ барабана), чанги (арфа), буки (труба), горотото (длин. труба), цинцилани (вастапъетикъ), чонгури и чіанури (родъ скрипки). Изъ нихъ самыя древнѣйшія и собственно грузинскія: ствири, горотото, буки, цинцилани и чанги—названія эти встрѣчаются въ „Барсовой кожѣ“ Руставели и весьма часто упоминаются даже въ старинныхъ грузинскихъ сказкахъ. Что касается дапи, чонгури, и чіанури, а въ послѣдствіи еще—зурна, дудки, то эти музыкальные инструменты перешли въ Грузію изъ Персіи. Люди, посвятившіе себя изученію музыкальнаго искусства, въ томъ числѣ и пѣснопѣвцы, называются общимъ именемъ сазандари, но раздѣляются на два рода: мествири и ашуги, о которыхъ мы поговоримъ подробнѣе.

Мествири—это странствующие всюду грузинскіе музыканты, во всякое время года, въ особенности же въ дни масляницы. Они обыкновенно бродятъ по улицамъ, играя на такъ называемой гуда—подобіе волынки. Гуда дѣлается изъ небольшого бурдюка съ двумя ланками; въ одну изъ нихъ вставляется дудочка, а въ другую деревянный рожокъ съ круглыми продушниками. Дудочка и рожокъ уби-

раются для украшенія различными побрякушками, какъ то: змѣйными головками, раковинами и т. п. Самый же бурдюкъ обшивается холстомъ, тикомъ, или чѣмъ нибудь, по состоянію мествире.

Похожденія мествире бываютъ по одиночѣ и вдвоемъ. Въ первомъ случаѣ онъ самъ игрокъ и пѣвецъ; когда же ихъ двое; то одинъ изъ нихъ забавляетъ игрою на родномъ инструментѣ, а другой подъ звуки его поетъ свои фантазіи во славу родинѣ, восхваляя покинутыя дубравы и поля своей Карталиніи; или привѣтствуетъ слушателя палегириками, которые онъ поетъ безъ всякаго къ тому приготовленія. Иногда онъ тѣшитъ толпу кривляніями или пляскою, не рѣдко оканчивающеюся паденіемъ въ грязь. Мествире преимущественно воспѣваетъ о подвигахъ своихъ соотчичей, слышанныхъ по преданію, и минувшихъ бѣдствіяхъ страны во время нашествія Ага-Магометъ-хана, подъ часъ расскажетъ въ пѣсни какія либо сцены изъ священной исторіи, напримѣръ, о смерти Авеля, о потопѣ и Ноѣ, объ Іовѣ, о принесеніи въ жертву Исаака и проч. Какъ истый импровизаторъ и поэтъ, мествире, потупивши глаза и не обращая вниманія на слушателей, разыгрываетъ по своему творческому произволу затѣйливыя въ своемъ родѣ фантазіи; онъ готовъ пѣть нѣсколько часовъ сряду, не нарушая ни избраннаго склада (размѣра), ни рѣмы. Мествири импровизаціи своей почти никогда не помнятъ: онъ ловитъ ее въ каждомъ взглядѣ, воспѣваемого лица, въ каждомъ его движеніи.

Мествире сколько поетъ, столько и скоморохъ; но ашугъ пѣвецъ по призванію, по необходимости. Большая часть ашуговъ армяне—переселенцы изъ Турціи, всѣ они почти слѣпцы отъ природы, и съ дѣтства посвящаютъ себя пѣснопѣнію, какъ единственному средству для добыванія насущнаго пропитанія. Они посѣщаютъ только большіе города, а деревни и мѣста мало населенныя весьма рѣдко—развѣ мимоходомъ. Аккомпанируя пѣсни своей игрою на чонгури (баллалайка) или на скрипкѣ, они не бродятъ, подобно мествире, по улицамъ, и не импровизируютъ безъ приготовленія; но въ дни праздничныя, избравши уголокъ, гдѣ болѣе сборища народа, садятся, поджавши ноги и поютъ предъ окружающею праздною толпою. Предъ ними бываетъ разостланъ платокъ, составляющій кассу,—туда восторженные слушатели и прохожіе бросаютъ деньги, по мѣрѣ щедрости,

Пѣсня ашуга—это пылкій порывъ души, полной избытка чувствъ; то грустно замираетъ она въ его устахъ, подъ звуки акомпонирующаго инструмента, то весело, разгульно вырывается изъ вдохновеннаго сердца.

Любимѣйшія пѣсни ашуговъ—пѣсни о подвигахъ прославленнаго наѣздника Керъ-Оглы, (объ немъ въ „Сборникѣ матер. для описанія Кавказа“, II, 122) и чѣмъ больше ихъ въ запасѣ у ашуга, тѣмъ больше цѣнится его дарованіе. Пѣсни своя ашуги часто приправляютъ неподражаемымъ комизмомъ. Смотри иногда на ихъ веселыя лица во время пѣнія, на ихъ наивныя выходки и гримасы, для большаго развитія слушателей можно подумать, что они считаютъ себя счастливейшими и мало заботятся о лишеніяхъ, на которыя ихъ осудила тяжкая судьба. Случается даже, что въ веселой часъ, подъ звуки чонгури, рассказываютъ они просто какую нибудь сказку, и тѣмъ потѣшаютъ на славу зрячую братью, которая отъ души сочувствуетъ пѣсни убогаго слѣпца, въ слѣдующемъ родѣ:

Взгляните, слѣпецъ я, но жребій завидный
 Мнѣ посланъ на долю: я пѣсни пою,
 И вы, предстоящіе, вы мнѣ не видны,
 Но вижу, какъ любите пѣсню мою,
 Какъ льется она изъ веселаго сердца
 И сладко, и нѣжно какъ трель соловья...
 Не правда ль, заманчива рѣчь пѣснопѣвца,
 Согрѣта любовью и пѣсня моя?
 Мнѣ мрачно, когда озираюсь кругомъ,
 Когда одинокъ и сижу молчаливый,
 Когда жъ предъ вами съ открытымъ челомъ
 Пою беззаботно, веселый, счастливый,—
 Тогда такъ свѣтло на душѣ, такъ легко,
 И горе тогда забываю и бремя,
 И мыслью ношусь, далеко, далеко,
 И мнится какъ мысль невозвратное время.

У ашуговъ есть также много чудныхъ въ своемъ родѣ импровизаціи: послѣднія суть вѣрные оттѣнки ихъ жизни и характера, и вообще пѣсни ашуговъ славятся на всемъ Востокѣ. Грустно и отраднo смотрѣть на ашуговъ: если природа лишила ихъ съ колыбели зрѣнія, то вдохнула въ нихъ въ замѣнъ любовь къ пѣснямъ и необыкновенную способность къ изученію ихъ.

V. С к а з и и.

Самый обильный по количеству и богатый по содержанию отдѣлъ устной словесности составляютъ народныя сказки.

Грузинскія сказки могутъ быть раздѣлены на три класса: 1, сказки мнѣстическія, въ которыхъ преобладаетъ фантастическое, чудес-

ное начало, 2, сказки бытовые, въ которыхъ главное мѣсто занимаетъ изображеніе нравственныхъ доблестей человѣка и 3, сказки о животныхъ или животный эпосъ. Самыя разнообразныя явленія обоготворенной природы и общественной жизни изображаются въ сказкахъ въ формѣ фантастическаго вымысла, изукрашеннаго всевозможными чудесами. Сходство сюжетовъ грузинскихъ сказокъ съ индо-европейскими и тюрскими объясняется, помимо заимствованія мотивовъ, общностью извѣстныхъ психологическихъ представленій. Борьба свѣтлаго и темнаго начала, дня и ночи, лѣта и зимы составляетъ основу мифологическихъ сказокъ у всѣхъ народовъ. Въ грузинскихъ сказкахъ усматриваются слѣды мифическихъ возрѣній того періода когда народомъ были обоготворяемы стихіи и силы природы. Дѣйствующими лицами въ сказкахъ являются—солнце, мѣсяць, дѣви трехъ-и-стоглавыя, рокапи или баба-яга. Сказкѣ народъ въ настоящее время не вѣритъ, считаетъ ея вымысломъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуется начало каждой сказки: „Было и ничего не было“... Съ утратою вѣры въ сказку, какъ въ рассказъ о богахъ и ихъ борьбѣ, сказка утратила и свой прежній стихотворный складъ; теперь сказки повѣствуются въ прозѣ, но слѣды мѣрнаго склада сохранились въ присказкахъ, въ родѣ „была птичка-пѣвичка“..., соответствующихъ русской присказкѣ „и я тамъ былъ, медъ—пиво пилъ...“ или какъ въ грузинскихъ сказкахъ: „съ съ неба упало три яблока—одно слушателямъ, другое мнѣ, а третье безмолвно проходящему“. Въ мингрельскихъ сказкахъ: „Вчера погою я былъ тамъ, сегодня вечеромъ я здѣсь. Три яблока, три граната Богъ да пошлетъ вамъ, созрѣвшіе благодаря вашему уходу“.

Мифологическія сказки въ свою очередь могутъ быть подведены по общности мотивовъ къ нѣсколькимъ группамъ. Первая изъ нихъ обнимаетъ сказки о свѣтилахъ и явленіяхъ природы. По сказкѣ, записанной у сванетовъ, въ началѣ міръ былъ освѣщаемъ планетой, отличной отъ солнца. Когда эта планета была вызвана съ земли на небо Богомъ, то міръ погрузился въ непроницаемый мракъ. Все приуныло и возроптало на свою Творца. Тогда показалась на небѣ планета, которую назвали солнцемъ. Для большаго свѣта была создана и луна. Солнце и луна братья по отцу. Луна меньше своего брата—солнца. Разъ Богъ объявилъ матерямъ солнца и луны, что у нихъ родятся сыновья, изъ которыхъ одинъ будетъ дневнымъ, а другой ночнымъ свѣтиломъ, смотря потому, кто раньше проснется безъ участія матерей. Луна, чтобы встать раньше брата, легла на терновую постель, долго не засыпала и на разсвѣтѣ уснула. Солнце легло рано, встало раньше брата и освѣтило своими лучами всю вселенную. Луна про-

снулась тогда, когда мать мѣсила тѣсто и въ гнѣвѣ ударила ей въ лицо рукой, вымазанной тѣстомъ, отчего появились и сохранились понинѣ пятна. Ночью солнце скрывается въ морѣ, моремъ идетъ на востокъ и утромъ показывается на востокѣ. По представленію кахетинцевъ солнце и луна—сестра и братъ. Солнце, какъ существо женское ходить только днемъ, луна же ходить и днемъ, и ночью. Пятна на лунѣ образовались отъ удара матерью рукою, вымазанной въ тѣстѣ, когда сынъ назойливо требовалъ хлѣба ¹⁾).

Лунныя и солнечныя затмѣнія объясняются тѣмъ, что ихъ поглащаетъ драконъ, вотъ почему для огражденія свѣтила отъ преслѣдованій чудовища грузины стрѣляютъ изъ ружій, дабы заставить его выпустить изъ пасти захваченное свѣтило.

Вся земля покоится на спинѣ чудовищной рыбы (золотой быкъ у татаръ), которая держитъ хвостъ во рту. Скользя хвостъ у нея иногда выскакиваетъ изо рта и вся она приходитъ въ движеніе и съ нею вмѣстѣ колеблется земля, т. е. происходитъ землетрясеніе.

Небо отъ земли, долгое время было такъ близко къ землѣ, что крестьяне погоняя своихъ воловъ, задѣвали концомъ своего кнута за небо. Люди находились въ общеніи съ Богомъ и иногда подымались къ нему на небо. Оно поднялось на настоящую высоту, послѣ того какъ одна женщина вмѣсто тряпки обчистила испачкавагося ребенка лавашемъ (плоскимъ хлѣбомъ). При страшныхъ впервые раздавившихся раскатахъ небо удалилось отъ людей. ²⁾ — Облака — губки, которыя, спускаясь въ море напитываются влаги и потомъ, проносясь по атмосферѣ, выпускаютъ воду въ видѣ дождя. Градъ посылается Богомъ въ гнѣвѣ на людей. Руководитель градобитія Элія (Илья) слѣпъ, не всегда ведетъ тучи по высокимъ горамъ и по внушенію злого духа идетъ на людей. Для предотвращенія града нужно дать знать Эліи какими нибудь знаками: поэтому звонятъ въ церковные колокола, и Элія, понявъ ухищреніе дьявола, долженъ отойти въ сторону. За этими космогоническими сказаніями нужно назвать сказки объ окаменѣніи и чародѣйственномъ усыпленіи.

Въ сказкѣ Два брата ³⁾ передается, что старшій братъ по освобож-

¹⁾ *Иверія* 1887, 37. „Сб. мат. для опис. Кавказа“, XVII, II, 140.

²⁾ Сбор. матер. для опис. плем. Кавказа“, XVII, 140—2; 145. Ср. малорус. сказку о томъ, какъ І. Христосъ съ апостолами попросили, въ видѣ нищихъ, у женщины милостыни, но получили кусокъ хлѣба, которымъ она отерла ребенка. Съ тѣхъ поръ у пшеницы только одинъ колосъ. *Чубынский* I, 156, 84. Легенда о колосѣ у киргизовъ *Этногр. Об.* VII, 263. Латышская сказка, какъ мѣсяцъ потерялъ свѣтъ за оскорбленіе его женщиною *Трейландъ*, 11.

³⁾ *Иверія*, 1888, №№ 235, 236.

деніи цѣлой страны отъ чудовищной птицы, растаскивающей жителей, женился на дочери царя и отправился на охоту, гдѣ встрѣтилъ пестраго оленя. Когда онъ догналъ оленя, послѣдній обратился въ старуху, пригласившую его играть съ ними въ „нарди“ съ условіемъ, если онъ проиграетъ, то будетъ обращенъ въ камень, если же она будетъ побѣждена, то онъ получитъ три палочки, изъ которыхъ одна обладаетъ способностью обращать въ камень, другая—оживлять, третья—исполнять желаніе. Юноша проигралъ и былъ обращенъ ударомъ палочки въ камень. Паденіе его архалуха въ комнатѣ матери юноши служило знакомъ, что со старшимъ и сыномъ приключилось несчастье. (Ср. „Сборникъ матер. для Кавказа“, X, III, 29, Дѣти Кучи) Младшій братъ, обладавшій даромъ сердецѣдѣнія, отправляется на помощь къ брату и по пути останавливается у его жены, которая его принимаетъ за своего мужа, такъ какъ братья были похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. На ложѣ съ нею онъ владетъ межъ нею и собою винжалъ—имъ онъ далъ себѣ слово отрѣзать тотъ членъ, которымъ привоснетъ къ своей невѣсткѣ. (Эта черта вошла въ сказку о Таріемѣ) Подъ утро ему пришлось лишиться большаго пальца на ногѣ согласно съ этой клятвой. По дару сердецѣдѣнія онъ пришелъ къ той же старухѣ, выигралъ у нея „нарди“, по ея указанію среди окаменѣвшихъ нашелъ брата, котораго онъ оживилъ посредствомъ чудодѣйственной палочки. Старуху убили, а ея богатство взяли съ собою. Въ началѣ этой же сказки, представляющей сочетаніе нѣсколькихъ мотивовъ, юноша, отправляясь въ поиски за врачомъ, яблокамъ котораго были обязаны родители появленіемъ двухъ сыновей, встрѣчаетъ по пути стада окаменѣвшихъ свиней, далѣе овецъ и все, что ему попадалось.

Въ другой сказкѣ ¹⁾ говорится, что охотникъ Георгій Гвтисшвили (буквальный перев.—сынъ Бога) обращенъ былъ въ камень перомъ, брошеннымъ ему съ дерева птичкой. Собаки его стали лизать и оживили. Другой его братъ Иванъ подвергся той же участи и вой, поднятый собаками, разжалобилъ Господа, который чрезъ горлицу ²⁾ послалъ платокъ, имъ—то былъ оживленъ окаменѣвшій охотникъ. Другія сказки о цѣломъ окаменѣломъ царствѣ по своимъ мотивамъ сходятся съ таковыми же извѣстными въ русской и нѣмецкой литературѣ.

Миѳическія окаменѣнія, какъ и вездѣ, замѣнились въ Грузіи легендарными сказаніями. Въ Кахетіи я записалъ слѣдующую легенду.

¹⁾ *Мой* сборникъ сказокъ, записанныхъ въ Имеретіи № 4. Въ *Дожджими*, 1891, кн. 6 приводится объ окаменѣлыхъ отрядахъ черныхъ, бѣлыхъ, красныхъ всадниковъ, которые оживаютъ ударомъ вѣвса, даннымъ дѣви юношѣ.

²⁾ Появленіе горлицы отъ Господа см. выше сказаніе объ Амшранѣ стр. 38.

Женщина изъ фамиліи Гоголаани въ деревнѣ Сабузъ была захвачена съ двумя собачками ребенкомъ, въ люлькѣ въ плѣнъ лезгинами. Она воззала къ Богу съ мольбой обратить ее въ камень. Просьба его была услышана и окаменѣвшій ея образъ до сихъ поръ показываютъ по дорогѣ въ Енисели. Съ этимъ камнемъ связаны нѣкоторые повѣрія кахетинцевъ. Если желаютъ дождя, то обращаютъ его лицомъ къ небу, если же погоды, то оборачиваютъ къ землѣ, при чемъ исполненіе ихъ пожеланій требуетъ присутствія одного изъ представителей фамиліи Гоголаани. Слова сородича „поднимись со мною—нуженъ намъ дождь“, или „опустись, нужна намъ погода“, могутъ привести въ желанному исходу ¹⁾. Одна легенда, записанная близъ Манглиса носить характеръ позднѣйшей христіанской формаціи. Героиня легенды дала слово остатъся вѣчной дѣвой—Христовой невѣстой. Родители, однако, безъ ея согласія выбрали жениха и назначили день свадьбы. Невѣсту подвезли къ храму, но оказалось, что она двигаться не можетъ; ее свяли съ арбы окаменѣвшей въ формѣ креста. (*20 сутокъ или дожди, пока ее не уложили*). Въ христіанскую также легенду обратилось сказаніе объ окаменѣвшемъ хлѣбѣ. Въ Шаропанскомъ уѣздѣ (Кутаис. губ. близъ дер. Гореша) указываютъ камень, по формѣ похожій на хлѣбъ. Относительно этого *окаменѣшаго* хлѣба разсказываютъ, что разъ шелъ священникъ, у котораго въ переметной сумочкѣ были хлѣбъ и свинина. Нищій въ лохмотьяхъ встрѣтившійся съ священникомъ, просилъ у него подаванія. Священникъ отказалъ, разгнѣванный же нищій сказалъ: да обратится въ камень твой хлѣбъ и свинина. Съ тѣхъ поръ и лежитъ этотъ камень, при которомъ воздвигнуть нынѣ крестъ: здѣсь оставляются пожертвованія то хлѣбомъ то деньгами ²⁾.

Сказанія о чудовищныхъ змѣяхъ или гвелешапахъ ³⁾ и дѣвахъ составляютъ самый большой отдѣлъ грузинской устной словесности. Драконъ—побѣжденный Ормуздомъ Ариманъ, богъ зла и тьмы является

¹⁾ *Моя памятная книжка* 1892 г. Газ. *Кавказъ* 1879, № 50.

²⁾ *Иверія*, 1886, 268. Ср. армян. сказаніе объ Эрмени-булагъ (статуя-армянинъ). Статуя представляетъ всадника въ полномъ вооруженіи на жеребцѣ. Всадникъ положилъ три пальца правой руки на лобъ какъ будто для того, чтобы перекреститься. Статуя—окаменѣвшій армянинъ. Мусульмане напали на армянина и хотѣли его убить; онъ перекрестившись, просилъ Бога обратить его въ камень. *Сборн. матер. для опис. плем. и мѣст. Кавказа*, вып. II. (См. выше).

³⁾ Гвели-змѣя, вешапи-драконъ, отсюда гвелешапи-змѣя—драконъ. Ср. армянскія сказки о великанахъ у *Хаматянца*. Общій очеркъ народныхъ армянскихъ сказокъ стр. 6—10.

прозорливымъ существомъ, беспощадно истребляющимъ человѣческій родъ. Вишпапъ въ Арменіи еще въ IV в. по Р. Х. поклонялись и приносились въ жертву цѣломудренныя дѣвы ¹⁾). По грузинскимъ сказкамъ они владѣютъ источниками, позволяютъ имъ брать воду, по предоставленіи ему дѣвицъ, и погибаютъ отъ стрѣлъ неожиданно явившагося на помощь героя. Сказанія о гвелешапахъ входятъ въ видѣ эпизодической части въ составъ многочисленныхъ сказокъ. Въ сказкѣ „Соловей“ ²⁾ передается какъ одинъ царевичъ послѣ долгихъ испытаній захватилъ чуднаго соловья и вмѣстѣ съ его красивой обладательницей, обращавшей въ прахъ искателей ея руки, возвращался домой. По дорогѣ измѣнически похитилъ у него красавицу *чонгуристъ-коса* (скрипачъ безбородный), а царевичъ въ поискахъ за ней спустился въ подземный міръ. Сѣвъ на красиваго коня, онъ еще глубже понесся и прибылъ въ царство, гдѣ рѣка была занята дракономъ. Узнавъ отъ старухи, что драконъ за крошечную мѣру воды требуетъ и съѣдаетъ по одной дѣвицѣ, царевичъ взялъ у нея кувшинъ и отправился за водой. На берегу рѣки онъ увидѣлъ одѣтую въ черное платье царевну, плачь которой вызывало слезы даже у земли. Царевичъ старался ее успокоить, говоря, что онъ не отдастъ ея на съѣденіе дракону, а она, называя его братомъ, просила со слезами уйти отъ бѣды, грозящей отъ чудовища обоимъ одинаково. Царевичъ остался ждать дракона и прилежъ спать отъ усталости, предупредивъ ее, чтобы она разбудила его, когда увидитъ дракона. Вдругъ съ страшнымъ ревомъ понесся драконъ, дѣвица стала будить царевича,—но напрасно. Онъ уснулъ очень крѣпко. Она уронила три слезы на его щеку, и онѣ-то разбудили его. Онъ вскочилъ, натянулъ лукъ и стрѣлой разорвалъ его въ воздухѣ на двѣ части. Потомъ онъ бросился кинжаломъ и разрубилъ его такъ, что съ одной стороны образовалась гора изъ мяса и костей дракона, а съ другой, рѣкой понеслась его кровь. Когда вѣсть о гибели дракона дошла до жителей города, то они радостно направились къ рѣкѣ благодарить юношу, но послѣдній незамѣтно исчезъ. Съ цѣлью отыскать его, царь устроилъ пиръ, на который пригласилъ всѣхъ проживающихъ въ городѣ. Царевна обошла гостей, но царевича, своего спасителя, не могла она найти. Царь велѣлъ привести оставшихся дома, и тогда только удалось сыскать освободителя страны отъ дракона. Въ

¹⁾ *Эмизъ*. Очеркъ религіи и вѣрованій языческихъ армянъ, М. 1864, стр. 86—7.

²⁾ *Джеджили* груз. журналъ (*Ниса*), 1891 г., кн. 5. (7) Рукописный сборникъ сказокъ, записанныхъ въ Бахетин, № 7.

награду за благодареніе, оказанное царству, онъ, отказавшись жениться на царевнѣ, выпросилъ содѣйствія для возвращенія на родину. Въ другихъ сказкахъ гвелешани не довольствуются съѣденіемъ живыхъ существъ, онъ вырываетъ мертвецовъ изъ могилъ и пожираетъ, но стрѣла юноши и тутъ является оградою отъ глумленія.

Въ сказаніи о св. Георгій крылатый гвелешапъ играетъ замѣтную роль. Гвелешапъ слетаетъ и осаждастъ храмы во имя этого святаго патрона грузинскаго народа и погибаетъ отъ копья побѣдоносца ¹⁾. Сказка о змѣй-царѣ относится къ распространенному сюжету; змѣй за оказанную ему человѣкомъ услугу даетъ ему способность понимать языкъ всѣхъ животныхъ. Эта способность доставляетъ ему богатство, которое, какъ и жизнь, онъ рискуетъ потерять, если сообщить кому-нибудь свою тайну. Жена надѣдаетъ мужу до такой степени распросами о томъ, какъ онъ приобрѣлъ богатство, что онъ рѣшается рассказать ей все и умереть. Сдѣлавъ приготовленія къ смерти, онъ подслушиваетъ разговоръ домашнихъ животныхъ, осуждающихъ его за поблажку женѣ, передумываетъ и вмѣсто того, чтобы сообщить ей тайну, наказываетъ ее. Съ имеретинской сказкой о змѣй можно сопоставить русскую „Охотникъ и его жена“, нѣмецкую *Die weiſſe Schlange*, бурятскую „Охотникъ“ и др. ²⁾.

Романтическія связи змѣй по славянскимъ, романскимъ, армянскимъ сказкамъ, въ какихъ находятся царицы или царевны, въ грузинскихъ сказкахъ переносятся на дѣвоу съ Змѣя-Горыныча. Въ одной карталинской сказкѣ встрѣчаемъ обычный сказочный сюжетъ, какъ царица, влюбившаяся въ дѣва, желаетъ погубить сына. Она притворяется мнимо больной и для излѣченія посылаетъ сына по совѣту дѣва, за печенкой дикаго кабана, за тремя яблоками на какомъ-то отдаленномъ деревѣ;

¹⁾ „Сборн. матер. для опис. племенъ и мѣстн. Б.“ вып. IX, отд. II, 181—3 *Аванасьева* VI № 47; *Grimm. Kinder-und Hausmärchen*. Бурятскія сказки и повѣрія, собранныя *Н. М. Хаталовымъ*, *О. Н. Затомляевымъ* и др. Иркутскъ, 1889.

²⁾ Съ змѣей связывается вѣрованіе, что она обладаетъ волшебнымъ камнемъ. Этимъ послѣднимъ можно овладѣть, если бросить въ змѣю нижнее бѣлье, наполненное пескомъ. Ср. повѣрье армянъ о томъ, что на Араратѣ живетъ царь-змѣй, украшенный цѣнною короною; ею можно овладѣть, если при видѣ его снять нижнее бѣлье *осеницимы* и бросить ему въ голову, тогда онъ оставитъ свою драгоценную ношу подъ бѣльемъ и убѣжить. *Сборн. матер. для опис. племенъ и мѣстн. Кавказа* вып. II, ст. г. *Земискаго*. „Этногр. очеркъ изъ быта армянъ-переселенцевъ изъ Персіи“.

покорный сынъ съ большою опасностью для своей жизни добывалъ назначаемыя матерью лѣкарства, но больная все не выздоравливала. По ея настоянію, онъ открылъ, что сила его заключается въ трехъ жилахъ правой руки, жизнь его въ одной жилѣ лѣвой руки и двухъ шейныхъ жилахъ. Во время сна она съ дѣвомъ разрѣзала ему жилы и бросила его въ яму, считая его умершимъ, откуда былъ извлеченъ хозяиномъ проѣзжаго каравана, а посредствомъ живой воды убитаго приведенъ въ сознаніе ¹⁾). Дѣви (санскр. дэва, авест. даэва, арм. дѣвъ татар. дивъ) входятъ въ большую часть грузинскихъ сказокъ. У индусовъ дэва является духомъ добрымъ, по Зороастру же даэва-существо злое, служитель Аримана. Вліяніе ученія Зороастра, отразившееся во всемъ міросозерцаніи грузинскаго народа, сказалось и въ области сказокъ. Въ послѣднихъ дѣви представляется не духомъ безтѣлеснымъ, а полудемономъ и получеловѣкомъ, гигантомъ, великаномъ, обладающимъ нѣсколькими головами иногда до ста. Какъ чловѣкъ онъ подлежитъ смерти, даже чловѣкъ можетъ его убить, обмануть, утратить; онъ входитъ въ дружественныя сношенія съ людьми, влюбляется въ женщинъ и не рѣдко женится на нихъ. Онъ живетъ въ пещерахъ, ямахъ, дремучихъ лѣсахъ, а иногда богатыхъ дворцахъ. Онъ располагаетъ неистощимымъ запасомъ золота, серебра, драгоценныхъ камней, чудесныхъ гранатовъ и десятками прекрасныхъ царскихъ дочерей. Обыкновенные смертные въ свою очередь также женятся на сестрахъ дѣви.

Въ одной сказкѣ ²⁾) передается, какъ юноша Караманъ, разыскивая красавицу, сестру девятиглавыхъ дѣви, пришелъ къ нему на домъ. Сестра дѣви поражена появленіемъ прекраснаго юноши, спрашиваетъ, какъ онъ дерзнулъ пробраться сюда, когда ни муравьи на землѣ, ни птицы въ небесахъ не осмѣливаются отъ страха пройти мимо. Потомъ она учитъ, какъ спастись отъ дѣвовъ: они дадутъ желѣзный обрубокъ расколоть восковымъ топоромъ, поднять мизинцамъ громадный котелъ, наполненный застрѣленными звѣрями, взобраться съ тазомъ масла на высокое дерево такъ, чтобы не пролить ни одной капли. Для исполненія первой задачи, она дастъ свой волосъ для прикрѣпленія къ топору и тогда безъ труда разрубить желѣзо; поднять котелъ помогутъ ея ногти, взобраться на дерево ея—кольцо. Послѣ счастливаго исхода

¹⁾ *Мой* карталинскій сборникъ сказокъ № 1. Ср. Сказку изд. *Амнатомли* (стр. 45—7), въ которой мать по наущенію дѣви проситъ для исцѣленія рога оленя и птенца „пашкунджи“. Ср. „Нов. об.“ 2276, „Испытаніе сына“, въ которомъ названы *плачущіе и смѣющіеся гранаты* дѣвовъ.

²⁾ *ib.* № 2. *Джеджими*, 1891, 4. Въ мингрельскихъ сказкахъ три брата дѣви (*деми*) женаты на дочеряхъ одного и того же царя. *Цагарели*. Мингрельскіе этюды ч. I, 14.

всѣхъ предложенныхъ дѣвами испытаній, они согласились выдать за него свою сестру. Убитый дѣвомъ, Карамонъ, былъ оживленъ братомъ, Карапогли, съ помощью чудодѣйственнаго платка. Дѣви хотѣли съѣсть обоихъ братьевъ, но Карапогли выпросилъ три года, три мѣсяца и три дня срока для возвращенія похищенной дѣвомъ невѣстки (жены брата). Карапогли отправляется разыскивать ее и встрѣчаетъ человѣка, который глотаетъ дерны; послѣдній присоединяется къ нему и вмѣстѣ съ священникомъ, несущимъ церковь на спинѣ и съ героемъ осушающимъ море приходитъ къ похитителю; опускается Карапогли въ яму, гдѣ друзья его оставляютъ, поднявъ только освобожденную его невѣстку. Потомъ ему удается выбраться изъ подземнаго царства и перебить вѣроломныхъ товарищей. Извѣстенъ вариантъ этой сказки „Дѣвушка Исрисъ-Мисрисъ“¹⁾, въ которой сохранилась небольшая пѣсня, распѣваемая предъ замкомъ красавицы. „Услышь мои слова, дѣвушка Исрисъ-Мисрисъ, спусти свои волосы, подними меня къ себѣ, посади меня рядомъ съ собою.“

Въ сказку объ Караманѣ внесено нѣсколько сказочныхъ сюжетовъ. Между прочимъ глотающій глыбы и осушающій море должны напомнить объѣдало и опивало славянскихъ и нѣмецкихъ сказокъ. Эти два чудовища вмѣстѣ съ чуткимъ и скороходомъ встрѣчаются и отдѣльно въ грузинскихъ сказкахъ. („Сванет. сказки“, стр. 32).

На ряду съ дѣвами долженъ быть поставленъ Очо-кочи (козель-человѣкъ, т. е. лѣшій) мингрельцевъ, соотвѣтствующій русскому кощею. Очо-кочи длиннородый старикъ, весь обросшій волосами; онъ бродитъ въ лѣсу какъ твиськаци (лѣсной человѣкъ) грузинскихъ сказокъ. Въ одной мингрельской сказкѣ царевичъ Санартія попадаетъ въ замокъ Очо-кочи²⁾, который хочетъ его убить, но юноша его избиваетъ и ставитъ сторожемъ у дверей, чтобы никто не осмѣлился будить царевича. Какъ дѣви утратили исключительное господство надъ людьми, такъ и Очо-кочи становится въ рабское положеніе къ сильному. Сказку о Полифемѣ или Очочо разбираетъ проф. Миллеръ³⁾ въ статьѣ „Кавказскія сказанія о циклопахъ“ („Этногр. Об.“, кн. 4), Изъ четырехъ кавказскихъ разсказовъ объ Одноглазѣ—мингрельскомъ,

¹⁾ *Джеджуми*, 1891 кн. IV.

²⁾ Мингрель. этюды *Цагарети*, стр. 42. Безобразные дѣвы, то глухие, то опасные для людей верѣчаются въ татарскихъ сказкахъ. („Сборникъ матер. для опис. плем. Кавказа“, в. IX.

³⁾ *Отзывы проф. Миллера* „о Сборникѣ матер. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа“, стр. 48 и 89. Тифлисъ, 1893.

дагестанскомъ (зап. Д. Н. Анучинимъ), чеченскомъ и осетинскомъ, первое—мингрельское отличается ббльшею близостью къ сказанію о Полюемѣ. „Ты видишь, рассказываетъ мингрелецъ, что мы всѣ носимъ трауръ, отъ мала до велика. Насъ было восемь братьевъ, и мы всѣ занимались рыболовствомъ. Цѣлые мѣсяцы иногда мы не сходили съ корабля и только разъ въ недѣлю посылали на лодкахъ рыбу. Однажды, закинувъ съ корабля удочки, мы замѣтили, что корабль нашъ сталъ отходить отъ берега и идти въ море. Спустя нѣсколько недѣль, мы увидѣли скалистый берегъ, откуда вытекалъ ручьемъ медъ. Когда мы подплыли ближе къ источнику, то увидѣли, что изъ подъ корабля выплыла большая рыба, у которой ротъ былъ шире сажени. Она начала глотать медъ съ такою жадностью, что почти осушила ручей. Это была самая большая рыба, которая сюда приплыла пить медъ, а въ Анаклию ѣсть кукурузу. Оказалось, къ нашему несчастію, что удочки наши зацѣпились за ея плавники,—она—то насъ и тащила. Здѣсь, когда она пила медъ, мы подкрались и обрубили веревки. Рыба, напившись меду, поплыла назадъ, а нашъ корабль остался. Посоветовавшись другъ съ другомъ, мы порѣшили, набравъ воску и меду, ѣхать все берегомъ, по одному направленію. Когда на утро хотѣли ѣхать, то увидѣли, что къ ручью подходит стадо овецъ и козъ. Сзади стада шелъ человекъ громаднаго роста, Одноглазый. Одноглазъ держалъ въ рукахъ громадную палку, толщиною въ столбъ, и вертѣлъ ею, какъ веретеномъ. Онъ вытаскивалъ нашъ корабль на берегъ, а насъ послалъ со своимъ стадомъ. Мы подошли къ огромному зданію, занимавшему нѣсколько кцевъ (=¼ десятины). Вокругъ его росъ громадный лѣсъ, и деревья были такъ высоки, что взоръ не достигалъ до вершины. Особенно замѣчательны были въ домѣ отдѣленія: для козъ, овецъ, ягнятъ и козлятъ. Здѣсь онъ заперъ насъ и самъ ушелъ со стадомъ. Вечеромъ видимъ, что приходитъ нашъ Одноглазъ съ своимъ стадомъ и, расположивъ его по своимъ мѣстамъ, сталъ разводить огонь. Когда онъ развелъ изъ цѣлыхъ деревьевъ огонь, то взялъ шампуръ (вертелъ) и, выбравъ жирнаго барана, сталъ его, не очистивъ, жарить. Баранъ вертѣлся на шампурѣ до тѣхъ поръ, пока у него глаза не лопнули. Сожравъ цѣликомъ всего барана, онъ растанулся и захрапѣлъ. На другой день онъ сожралъ еще двухъ барановъ и, вечеромъ, когда возвращался со своимъ стадомъ, то, выбравъ изъ насъ самаго полного, насадилъ его на шампуръ и началъ жарить на огнѣ. Братъ вертѣлся и кричалъ намъ: „спасите!“ Но что мы могли, бѣдвые, сдѣлать? Когда у брата лопнули глаза, Одноглазъ оторвалъ одну ногу и бросилъ ее намъ, а самъ сожралъ остальное. Мы тамъ же похоронили эту ногу. Такъ это чудовище

сѣло всѣхъ нашихъ братьевъ, кромѣ меня и младшаго, и мы ничего не могли сдѣлать, находясь въ положеніи ягненка, котораго терзаетъ волкъ. Когда онъ наѣлся въ послѣдній разъ человѣческаго мяса и легъ, по своему обыкновенію, у огня и захрапѣлъ,—мы съ братомъ подошли тихонько къ его шампуру, воткнутому близъ головы, и съ большимъ трудомъ вытащили изъ земли этотъ шампуръ. Затѣмъ положили его въ огонь. Когда шампуръ накалился до-красна, мы всунули прямо въ глазъ Одноглазу. Онъ сбросилъ съ глаза шампуръ, подпрыгнувъ сверху съ такой силой, что мы думали, что онъ разобьетъ потолокъ. Но онъ пробилъ себѣ голову. Съ страшными криками бѣгалъ Одноглазъ по зданію, давя козъ и овецъ, но не могъ насъ розыскать, такъ какъ мы ускользнули у него изъ подъ ногъ. Утромъ овцы и козы подняли крикъ, какъ бы прося хозяина выпустить ихъ на пастбище. Одноглазъ не могъ вытерпеть страданія любимыхъ имъ животныхъ и, ставъ у дверей, началъ пропускать межъ ногъ козъ и овецъ, ощупывая у нихъ хребетъ, животъ и голову. Такимъ образомъ онъ поступалъ до полудня. Затѣмъ, уставши, пересталъ ощупывать со всѣхъ сторонъ, а только гладилъ рукою по хребту. На наше счастье у брата оказался ножикъ, которымъ мы сняли съ двухъ барановъ шкуры и, надѣвъ ихъ, рѣшились пробраться межъ ногъ Одноглаза. Мы тотчасъ же направились къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ нашъ корабль, ища его со страхомъ глазами. Увидѣвъ его, мы укрѣпились въ надеждѣ на спасеніе. Въ это время подходили къ намъ стада нашего мучителя, мы взяли лучшихъ козъ и овецъ и нагрузили ими нашъ корабль. Но только что успѣли мы отрѣзать якорь, какъ увидѣли, что Одноглазъ бѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ нашъ корабль, и сталъ ощупывать—привязанъ ли корабль. Отплывъ немного далѣе, мы стали ему кричать наши имена, гордясь, что сдѣлали ему такой вредъ. Съ яростнымъ воемъ онъ швырнулъ въ насъ свою дубиной такъ сильно, что поднялось волненіе, и нашъ корабль чуть не погибъ. Послѣ долгаго странствованія у берега, претерпѣвъ много лишеній, мы возвратились домой. Проф. Миллеръ приводитъ мингрельскій рассказъ цѣликомъ для того, чтобы читатель могъ судить о его замѣчательной близости къ греческому сказанію о Полифемѣ. Сказанія, сродныя съ греческимъ, какъ извѣстно, оказываются у многихъ еврейскихъ и азіатскихъ народовъ. Они являются и въ арабскомъ сборникѣ сказокъ „Тысяча и одна ночь“ (ночь LXXIX и LXXX), и у финновъ, и у нѣмцевъ, и у огуцевъ, и у сербовъ, и у русскихъ. Мнѣ о Полифемѣ и родственныхъ ему типахъ въ сказаніяхъ другихъ народовъ былъ изслѣдованъ еще въ 1858 году Вильгельмомъ Гриммомъ, а въ

и въ нашей литературѣ появился этюдъ г. Комарова о томъ же циклѣ народныхъ сказаній. Однако до сихъ поръ еще не удалось установить генетической связи между доселѣ извѣстными вариантами—западными и восточными—этого сказанія. Оба вновь записанные кавказскіе варианты—дагестанскій и мингрельскій занимаютъ, говоритъ проф. Миллеръ, среди прочихъ особое положеніе. Между всѣми, доселѣ извѣстными, нѣтъ ни одного, который былъ бы такъ близокъ къ греческой исторіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ припомнить нѣкоторыя спеціальныя черты сходства между греческимъ и кавказскими вариантами.

1) Подобно тому, какъ Полифемъ представляется пастухомъ—скотоводомъ, ухаживающимъ за своими стадами,—такъ и кавказскій Одноглазъ изображаетъ заботливымъ и светолюбивымъ хозяиномъ стада.

2) У Полифема „въ отдѣльныхъ звукахъ заперты были козлята, барашки, по возрастамъ разнымъ въ порядкѣ.

Тамъ размѣщенные, старшіе съ старшими, средніе подлѣ Среднихъ—и съ младшими младшіе

У мингрельскаго Одноглаза въ жилищѣ было 4 отдѣленія для козъ, овецъ, ягнятъ и козлятъ.

3) Дубина Полифема была „свѣжій стволъ изъ обрубленной маслины дикой“. Мингрельскій Одноглазъ держитъ въ рукахъ громадную палку толщиною въ столбъ.

4) Вокругъ жилища Полифема „частымъ заборомъ стояли черноглавыя дубы и сосны“. Вокругъ жилища мингрельскаго Одноглаза „росъ громадный лѣсъ, и деревья были столь высоки, что взоръ не достигалъ до вершины“.

5) Придя въ домъ, Полифемъ прежде всего раскладываетъ „яркій огонь“; то же дѣлаетъ и мингрельскій Одноглазъ.

6) Въ Одиссеѣ описывается, какъ поутру овцы и козы жалко блеяли въ закутахъ, какъ Полифемъ выпускаетъ ихъ и ласкалъ своего любимца—барана. Въ мингрельской сказкѣ упомянута подобная же черта: „утромъ овцы и козы подняли крикъ, какъ бы прося хозяина выпустить ихъ на пастбище, и Одноглазъ не могъ вытерпѣть страданія любимыхъ имъ животныхъ“

Такимъ образомъ, не говоря уже о сходствѣ главнаго мотива процесса ослѣпленія Одноглаза посредствомъ остраго орудія,—кола или шампура,—мы находимъ въ рассматриваемыхъ сказаніяхъ и замѣчательное совпаденіе въ деталяхъ. Это совпаденіе таково, что невольно является мысль, не перешелъ ли греческій рассказъ книжнымъ путемъ къ мингрельцамъ, не рассказалъ ли его какой нибудь книж-

ный человекъ въ своей деревнѣ, откуда любопытный рассказъ пошелъ гулять по другимъ деревнямъ. Мѣстечко Анаклія, гдѣ извѣстенъ рассказъ объ Одноглазѣ—людодѣ, лежитъ на берегу моря, почти на полупути между древними греческими колоніями—Диоскурией на сѣверѣ и Фаресомъ на югѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что вся эта часть побережья была хорошо извѣстна грекамъ, имѣвшимъ здѣсь поселенія и постоянныя сношенія съ туземцами, предками нынѣшняго населенія. Вѣроятно, уже въ тѣмъ отдаленнымъ временамъ слѣдуетъ отнести существованіе въ названныхъ мѣстахъ сказанія объ одноглазомъ людодѣ, хотя оно записано и попало въ печать только въ 1885 году. Вопросъ только въ томъ, заимствовали ли туземцы Мингрелии этотъ рассказъ у грековъ путемъ устнаго общенія, или, наоборотъ, греки у туземцевъ, или наконецъ тѣ и другіе почерпнули его изъ одного источника. Если его заимствовали мингрельцы у грековъ, то во всякомъ случаѣ, въ давнія времена, въ формѣ нѣсколько отличной отъ той, въ которой эта сказка вошла въ редакцію Одиссея. Если заимствовали греки у кавказскихъ туземцевъ⁴, то все таки въ формѣ, нѣсколько отличавшейся отъ современной мингрельской редакціи, и притомъ они (греки) подвигъ ослѣпленія Одноглаза приурочили къ своему популярному герою, хитроумному Одиссею, такъ что пребываніе у Полифема явилось въ дошедшей до насъ редакціи Одиссея однимъ изъ эпизодовъ или приключеній, испытанныхъ героемъ въ теченіе его многолѣтнихъ странствованій. Возможно только предположить, что греками могла быть заимствована (и затѣмъ попасть въ Одиссею) сказка о великомъ людодѣ, которую они приурочили къ своему циклопу Полифему. Нельзя конечно, настаивать на мысли, что эта сказка была завезена греками изъ Кавказъ: могло быть, конечно, и то, что сказка изъ одного источника попала и на Кавказъ, и на родину Одиссея. Но существованіе кавказскихъ сказокъ, весьма близкихъ къ греческой, невольно наводитъ на мысль, что приключеніе Одиссея у Полифема зашло къ грекамъ изъ Азіи, подобно тому, какъ и нѣкоторыя другія сходныя съ азіатскими сказки были указаны Герландомъ въ Одиссеѣ. [Срав., напримѣръ, замѣчательныя черты сходства между феакійцами и индійскими видіадарами (Kidyádhagās)]. Какъ бы то ни было, тѣсная связь между кавказскими и греческою редакціей сказки несомнѣнна и требуетъ объясненія. Нѣсколько не настаивая на высказанныхъ нами догадкахъ, мы желали только, говорить проф. Миллеръ, обратить вниманіе специалистовъ на этотъ интересный вопросъ.

Обычный мотивъ грузинскихъ сказокъ составляетъ „Золотой соловей“. Одна сказка напечатанная въ *Джеджили* совпадаетъ съ армянской сказкой, изложенной г. Халатовымъ ¹⁾. Жилъ былъ царь. У него было три сына. Онъ велитъ имъ по очереди построить такую церковь, которая не представляла бы никакихъ недостатковъ. Старшій сынъ отказался, за нимъ средній, а младшій ихъ братъ изъявилъ готовность исполнить приказаніе отца. Когда церковь была построена, царь собралъ народъ и просилъ указать недостатковъ. Всѣ похвалили, но одинъ старецъ заявилъ, что фундаментъ церкви кривъ. Царь велѣлъ ломать церковь и строить новую, которую также пришлось разрушить, такъ какъ тотъ же старикъ нашелъ, что куполъ кривъ. Третій разъ старикъ заявляетъ, что церковь хороша, но не достаетъ соловья ²⁾. Младшій сынъ получивъ отъ отца крылатога коня (раши) ѣдетъ за соловьемъ. По дорогѣ встрѣтился какой-то старецъ, который научилъ въ трудныя минуты обращаться къ коню съ словами: „теперь нуждаюсь я въ тебѣ, мой хорошій“, и онъ самъ знаетъ, какъ тебѣ помочь. Онъ его перевезетъ чрезъ море къ красавицѣ, которая, обладаетъ соловьемъ. Красавица во время спускаетъ внизъ золотистые волосы съ своего замка, нужно намотать на руку ея волосы и не выпускать, пока небомъ, звѣздами, землей не дастъ слова идти замужъ за него во имя чуднаго слова. Юношѣ велѣно у замка ея спрятаться, чтобы она не обратила его въ вѣтеръ и прахъ. Коса-меченгуре (безволосый скрипачъ) 4 года также ищетъ ее похитить, но не удается. И когда юноша овладѣлъ ею то коса ее отнялъ самого его бросилъ въ яму и, только освободившись изъ подземнаго царства, онъ возвращаетъ себѣ красавицу и ея соловья ³⁾. Грузинская сказка о *соловьѣ*, имѣющая параллели въ нѣмецкой „Der goldene Vogel“ и русской „Жаръ птица“ смѣняется сказками о чудныхъ птицахъ, желаніе овладѣть ⁴⁾ которой встрѣчаетъ крупныя препятствія. Такъ, въ кахетинской сказкѣ „Пухъ“ юноша находитъ перо; „раши“ (конь) ему говоритъ человѣческимъ языкомъ: „возьмешь, будешь каяться, не возьмешь, будешь каяться“. ⁵⁾ Юноша съ пе-

¹⁾ *Халатіанъ*, 16—17. Ср. Армян. сказку „Завѣщаніе оца“ въ „Сб. матер. для Кавказа“, XIII, 116—126.

²⁾ „Айдона и булебули“ не достаетъ айдокъ *αἰδῶν* по гречески, булебулъ по персидски означаетъ соловья.

³⁾ *Джеджили*, 1891 г. кн. 5. Ср. сказку, въ *Иверии* (1889, 144). „Приключенія съ Георгіемъ“, и объ Иванѣ-царевичѣ, въ поискахъ за царь-птицей, *Аванасъевъ*, I, 176.

⁴⁾ *Мой сборникъ кахетинскихъ сказокъ*, № 3.

⁵⁾ Въ аварской сказкѣ, напечатанной въ XIV в. „Сбор.“, стр. 94—102 нахо-

ромъ прибылъ въ городъ и сталъ конюхомъ у царя. Ночью при осмотрѣ коней онъ вынималъ пухъ, который освѣщаль всю конюшню. Замѣтила это красавица и донесла царю. Послѣдній взялъ перо и пожелалъ имѣть и ту птицу, которой принадлежало само перо. Поручается это дѣло конюху. Раши выручаетъ его изъ бѣды. Онъ совѣтуетъ взять у царя 9 подругъ, 9 цѣпей съ желѣзными гвоздями, одного осла и одинъ молотокъ и нужную провизию. Остановились въ полѣ; раши предлагаетъ зарѣзать осла и привязать его девятью цѣпями и гвоздями, а самому взобраться въ утробу осла. Налетитъ масса красивыхъ птицъ, но онъ долженъ схватить ту изъ нихъ, которая съ громомъ и вѣтромъ спустится на трупъ. Два раза она тщетно пытается сорвать осла, а потомъ сядетъ и станетъ ѣсть; въ это время онъ долженъ ее схватить и позвать раши на помощь, который понесетъ юношу къ царю съ птицей. Предъ царемъ птица говоритъ, что не она чудна, а чудна ея воспитательница-красавица—ее можетъ привести тотъ же, кто ее поймалъ. По совѣту раши онъ беретъ у царя два горшка масла, двухъ барановъ и провизию. Остановились опять въ томъ же въ полѣ, онъ топнулъ ногой, отворилась дверь въ подземное царство и показались двѣ собаки, которымъ юноша поставилъ горшки съ масломъ, далѣе двумъ львамъ онъ бросилъ барановъ. Войдя въ домъ, онъ отперъ—что было заперто и обратно, что было сложено—раскрылъ и обратно; въ послѣдней комнатѣ встрѣтилъ красавицу, волосы которой намоталъ на руки и похитилъ ее. Напрасно она обращалась за помощью къ открытому и запертому, разложенному и сложенному; открытое отвѣчало, что поможетъ, когда опять будетъ закрыто, разложенное, когда будетъ сложено, собаки изъявили готовность помочь, когда масло съѣдятъ, львы—когда барановъ съѣдятъ. Привезъ такимъ образомъ къ царю красавицу, но она отказалась стать его женою, пока не выкупятся оба въ молокъ морскихъ коней. Нечего дѣлать, опять этотъ юноша-конюхъ ѣдетъ за ними, взявъ девять буйволовыхъ шкуръ, девять подругъ для раши, масло и провизию. Раши опускается въ море, а юноша поднимается на дерево и опускаетъ по одной каплѣ масла въ море: если покажется красная пѣна, значить раши погибъ, а если бѣлая пѣна,

димъ этотъ же мотивъ освѣщаемся пухъ, вошедшій въ одну изъ версій Александрия. О войнахъ Александра рассказывается, что въ странѣ мрака они захватили камни и комки золота, оказавшіеся чистымъ золотомъ: такъ что тѣ, которые не захватили ничего, жалѣли объ этомъ, а захватившіе жалѣли, что не взяли болѣе. Названная аварская сказка представляетъ близкую параллель къ грузинской сказкѣ. Здѣсь для возвращенія молодости требуется выкупаться въ молокъ чисто-красныхъ коровъ (ср. груз. молоко морскихъ коней).

то онъ живъ и выгнать табунъ морскихъ коней. Въ морѣ съ раши вступила въ борьбу Аджилга, (?) которая при каждомъ нападеніи сдирала съ раши по одной буйволовоу шкурѣ и подпругѣ, наконецъ утонула и была убита. Табунъ былъ пригнанъ, юноша при помощи раши выдоилъ молоко, выкупался въ горячемъ молокѣ, охлажденномъ ржаніемъ раши, царь же сварился въ котлѣ, а юноша женился на красавицѣ.

Такое осложненіе сюжета о свѣтащемся перѣ въ другихъ сказкахъ предшествуетъ времени захвата пуха, а въ приведенной сказкѣ поднятое перо какъ бы мститъ за его присвоеніе и послѣдствія этого факта—цѣлый рядъ трудныхъ порученій, которыя возлагаются на него, связываясь между собою конечнымъ звеномъ съ захватомъ на дорогѣ свѣтащагося пера громадной птицы.

Въ грузинскихъ, какъ и вообще, въ сказкахъ, добывая золотого соловья, юноша попадаетъ къ вѣдьмѣ, которая, почуявъ присутствіе человѣка, приговариваетъ: „духомъ сына Адама (=человѣка) пахнетъ“. Это приговариваніе же слышится изъ устъ „дэвовъ“, по ихъ возвращеніи домой, гдѣ нашелъ пріютъ какой-нибудь царевичъ подѣ покровительствомъ матери дэвовъ. Другое, характерное выраженіе, исходящее отъ этихъ великановъ, относительно случайно оказавшихся въ ихъ присутствіи юноши, такъ же носитъ отгѣнокъ общесказочной иривіи. „Хорошую добычу на шаплыкѣ мы получили“, говорятъ о царевичѣ дэви въ грузинскихъ и мингрельскихъ сказкахъ. „Мы изъ него шиплыкѣ сдѣлаемъ, читаемъ въ армянскихъ сказкахъ ¹⁾“. Однако, юноша обыкновенный смертный перехитритъ и одурачитъ и вѣдьму, и дэви.

Сюжеты о вѣщемъ конѣ, скатерти-самобранкѣ, коврѣ-самолетѣ, шапкѣ-невидимкѣ, волшебныхъ камняхъ, мечяхъ и дубинахъ составляютъ важнѣйшую принадлежность грузинскихъ сказокъ. „Бездѣльникъ“ (*Нацаркекіа*) ²⁾, побратавшись съ дэвами, похищаетъ у нихъ волшебный камень, дающій все, что душѣ угодно. Первая и вторая попытка бѣжать съ камнемъ ночью изъ дому оказались тщетными, такъ какъ двери заскрипѣли и заговорили: „гость камень похитилъ“. Положивъ его на свое мѣсто, *Нацаркекіа* прилежъ и хитростью склонилъ

¹⁾ Армянскія сказки *Халатъяна* стр. 13. Мингрельскіе этюды *Цагарем*, I, 14.

²⁾ *Аниашвили*, Груз. сказки, стр. 20. Ср. Татарскія сказки—*Рыба разноцѣпная*—въ которой обращаетъ на себя вниманіе значеніе ковра-самолета, скатерти-самобранки, дубины и шапки-невидимки (въ „Сбор. матер. для опис. мѣст. и племенъ Кавказа“, вып. IXXIII). Ср. Сванетскія сказки, собран. *Вольнымъ сваномъ*, 53. („Бездѣтный кейсаръ“, стр. 69).

дэвовъ думать, что двери ихъ обманываютъ. Третій разъ они не обратили вниманія на завываніе дверей, и Нацаркакіа исчезъ съ камнемъ. По дорогѣ онъ помѣнялся съ однимъ спутникомъ дубиной, обладающей свойствомъ бить безъ пощады всѣхъ на зовъ— „ура, дубина!“ а потомъ отнял свой камень у него же съ помощью этой же дубины, съ другимъ помѣнялся шашкой, снимающей головы съ 10.000 душъ, съ третьимъ буркой, волосы которой прикрѣпляютъ разрозненные части тѣла и оживляютъ, а при содѣйствіи той же дубины, онъ возвращаетъ свой камень и со всѣми этой чудодѣйственными вещами поселяется въ городѣ. Царь этой страны, приглашенный на обѣдъ въ Нацаркекіа, пожелалъ имѣть этотъ камень, получивъ же отказъ, онъ напускаетъ отрядъ воиновъ на него, которыхъ Нацаркекіа вначалѣ перебиваетъ пущенными въ ходъ шашкой и дубиной, а потомъ оживляетъ ихъ буркой. Отнятый волшебный камень въ другихъ сказкахъ возвращается при помощи мыши. Мышь щекочетъ въ носу хвостомъ, спрятавшій камень во рту чихаетъ и роняетъ похищенный талисманъ, который подхватываетъ и уноситъ мышь ¹⁾. Оживленіе побѣдниковъ происходитъ съ помощью „живой воды“ бурки, или чудеснаго платка, прикосновеніе котораго достаточно, чтобы поднять на ноги окаменѣвшихъ и мертвыхъ. Къ другой группѣ сказокъ принадлежатъ тѣ, въ которыхъ оживленіе происходитъ посредствомъ цѣлебныхъ травъ. Плакующій трутъ видитъ, какъ крыса, напр. накладываетъ какую-то траву и оживляетъ мышенка; (см. выше въ сказаніи объ Амиранѣ отыскиваютъ ту же траву и мертвецъ воскресаетъ). Живую воду часто замѣняютъ гранаты, которымъ соотвѣтствуютъ молодые „яблоки и арбузы“ въ индо-европейскихъ сказкахъ. Былъ одинъ нѣкогда „Царь несмѣянъ“ ²⁾. Сыновья просили отца сказать, почему онъ не смѣется. Старшій, за нимъ средній царевичи, получившіе въ отвѣтъ оплеуху, удалились, а младшій изъявилъ готовность получить три удара съ условіемъ найти удовлетвореніе въ вопросѣ. Царь предложилъ ему принести знаменитые гранаты и обѣщалъ сказать. По дорогѣ къ гранатовому дереву онъ находитъ окаменѣвшіе черные и красные отряды. Сорвалъ четыре граната—одинъ съѣлъ, а три положилъ въ карманъ. Гранатовое дерево оказалось принадлежностью дэви, замокъ котораго оберегался стражей. Проникнувъ туда чрезъ посредство спущенныхъ съ высоты замка волосъ красавицы, онъ выпросилъ у нея узнать отъ дэви,

¹⁾ Въ малорусской сказкѣ такъ добываетъ мышь божью трость, спрятанную во рту у царевны; *Проф. Сумцовъ*. Мышь въ народной словестности. „Этногр. Обзор.“ кн. VIII.

²⁾ *Джеджили*, 1891, VI.

въ чемъ его душа покоится. Дѣви, прибывъ въ замокъ, заявилъ, что чувствуетъ запахъ человѣка. Красавица увѣрила, что онъ самъ принесъ изъ мірскихъ похощеній человѣческой духъ. Относительно же мѣста пребыванія его души, онъ говоритъ, что она покоится то въ метлѣ, то въ столбѣ, которые она украшаетъ цвѣтами, будто бы изъ любви къ дѣви. Потомъ онъ отрываятъ, что душа его покоится въ коробкѣ, хранящейся въ головѣ кабана. Въ этой коробкѣ три птички: одна красная — его сила, бѣлая—его умъ, черная—его душа. Убить этого кабана можно стрѣлой, намоченной въ его урилѣ. Кабанъ же этотъ овладѣлъ рѣкой и давалъ жителямъ глотокъ воды за живую жертву въ видѣ дѣвицы или юноши. Царевичъ у рѣки засталъ приведенную для кабана дѣвицу, которую онъ освобождаетъ отъ чудовища, убивъ его стрѣлой. Перебивъ пташекъ красную и бѣлую, т. е. силу и умъ, онъ съ черной приходитъ къ обезсиленному дѣви. Царевичъ вытребовалъ у него три кнута, посредствомъ которыхъ оживилъ окаменѣвшіе отряды, взялъ большое богатство и, убивъ дѣви ¹⁾, вернулся къ отцу. Но по дорогѣ онъ встрѣтился съ братьями, которые его бросили въ яму и присвоили добытые имъ гранаты. Однако отцу не могли объяснить, что видѣли. Отправилъ царь своихъ приближенныхъ розыскать младшаго царевича, который рассказалъ, что онъ видѣлъ. Красавица помогавшая юношѣ, оказалась женою царя, а окаменѣвшіе отряды—его войскомъ. Узнавъ объ убійствѣ, онъ такъ сильно засмѣялся, что земля треснула и оттуда вышли мѣшки съ драгоцѣнностями. Юноша вернулся въ замокъ, убилъ дѣви и возвратился вмѣстѣ съ плѣненной имъ матерью.

Въ другихъ сказкахъ, юноша, добывшій живую воду или гранаты, вызываетъ зависть въ старшихъ братьяхъ, которые бросаютъ его въ яму. Онъ попадаетъ въ царство мрака, вскочивъ не на того звѣря, который выносить на землю, а погружаетъ въ подземелье. Здѣсь узнаетъ отъ старушки, что рѣку держитъ драконъ, котораго онъ убиваетъ стрѣлой и скрывается, не смотря на желаніе царя вознагражить юношу за освобожденіе страны отъ чудовища. Тѣмъ временемъ онъ убиваетъ змѣя, который пожираетъ птенцовъ одной большой птицы. Пташки указываютъ на юношу, какъ на своего избавителя. Птица

¹⁾ Многоголовныя дѣваши въ латышскихъ сказкахъ соотвѣтствуютъ дьяволы, напр. *девятималый чортъ* въ сказкѣ „о чортовомъ работникѣ“. *Трейландъ*. Латышскія народ. сказки стр. 40 (въ Сборн. матеріаловъ по этнографіи, изд. при Дашковскомъ музеѣ подъ ред. В. Ѳ. Миллера, вып. II, М. 1887). Продѣлки людей съ дѣвами, напоминаютъ таковы же съ чертями въ латышскихъ сказкахъ. Ср. парень и чортъ стр. 55 и Нацарекія и дѣви.

хочетъ услужить ему за это. „Вынеси меня на бѣлый свѣтъ!“ говорить юноша. Для птицы онъ беретъ у царя семь „кока“ вина, семь пудовъ хлѣба, семь пудовъ мяса и подаетъ ему, когда та, неся его на своихъ крыльяхъ, оборачивается къ нему. Когда у него не хватило мяса, то онъ вырѣзалъ икры изъ своихъ ногъ и подаль ей. Она спрятала икры и приложивъ къ ногѣ юноши, когда тотъ сталъ прихрамывать на землѣ. Эту громадную птицу знаютъ и русскія сказки. Въ одномъ изъ варіантовъ сказки о Кошеѣ Безсмертномъ она названа „моголь-птица“.

Сказки объ оборотничествѣ составляютъ богатый отдѣлъ въ грузинской устной словесности. Прекрасная дѣвица въ шкурѣ лягушки, или юноша въ образѣ орла встрѣчаются въ сказкахъ различныхъ народностей грузинскаго племени. Остановимся прежде всего на одной сказкѣ, заключающей въ себѣ цѣлый рядъ оборотничествъ. Какой-то крестьянинъ ¹⁾ искалъ для сына учителя. Въ поискахъ, онъ разъ по пути остановился у источника, напился холодной воды и воскликнулъ: Ахъ, какъ ты хороша („Вахъ-ра каргихаръ“). Изъ глубины источника выскочилъ дьяволъ въ образѣ человѣка и говорилъ *Ваирака* я, что тебѣ нужно?“ крестьянинъ сказалъ, что ищетъ учителя для сына. Дьяволъ взялся учить мальчика и предложилъ отцу въ концѣ года взять его обратно если узнаете своего сына. Когда пришелъ крестьянинъ, дьявола не было дома. Изъ группы учениковъ выдѣлился его сынъ, подошелъ къ отцу и отрекомендовался. Мальчикъ сказалъ, что учитель всѣхъ ихъ при немъ обратитъ въ голубей. При полетѣ онъ поднимется первый и вернется послѣдній,—по этому знаку онъ можетъ назвать своего сына. Такъ какъ отецъ открылъ сына, то дьяволъ долженъ былъ отдать ему мальчика. Идетъ онъ съ отцемъ и видитъ охотятся князя за зайцемъ. „Я обращусь въ гончаго и поймаю зайца“, говоритъ сынъ отцу. Князя пожелаютъ купить меня, ты продай и потомъ я опять вернусь къ тебѣ“. Крестьянинъ такъ и сдѣлалъ. Второй разъ сынъ обратился въ ястреба и снова выгодно проданный князьямъ возвратился къ отцу. Потомъ онъ оборачивается конемъ и наказываетъ отцу продать его кому-угодно, но только не сѣроглазому. Однако, крестьянинъ соблазненный высокой цѣной продалъ именно сѣроглазому своего сына да и узду отдалъ ему. Сѣроглазый оказался его учителемъ-дьяволомъ, который его загналъ въ темную комнату и заперъ

¹⁾ *Амташвили*, Груз. сказки, № 1. Ср. татарскую сказку „Гюль и Сюнейвизъ“, соответствующую типу русскихъ сказокъ „Царевна лягушка“. Въ „Сборн. матер. для опис. племенъ Кавказа“, вып. IX.

ему двери. Разъ мальчикъ замѣтилъ, что въ комнату проникъ солнечный лучъ. Онъ оборотился крысой и выползъ изъ заточенія. Замѣтилъ это учитель оборотился кошкой и погнался за нимъ; ученикъ тогда оборотился рыбой и поплылъ по рѣкѣ, за нимъ учитель бросился неводомъ; ученикъ обратился въ фазана, учитель въ ястреба, первый яблокомъ и бинулся въ подолъ царя, второй ножомъ и очутился въ рукахъ царя; первый въ води ¹⁾ пшеницы и рассыпался, а второй въ насѣдку съ цыплятами и поклевалъ пшеницу, лишь одно оставшееся зерно обращается въ иголку, учитель въ нитку и продѣвается въ иголку, послѣдняя бросилась въ огонь и сгубила нитку.

Другой примѣръ оборотничества изъ грузинскаго сказочнаго эпоса. представляетъ сказка „Охотникъ“, который, перепрыгнувъ черезъ черепъ, сталъ дѣвицей и рождаетъ отъ царевича сына Малхаза. Перешагнувъ черезъ спину оленя, она сдѣлалась кобылицей, рождаетъ жеребца а, перескочивъ черезъ убитаго оленя, сдѣлалась борзой собакой и родила щенятъ. Достаточно было перескочить ей черезъ хвостъ оленя, чтобы снова сдѣлаться мужчиной-охотникомъ. Послѣдній отправляется въ теремъ къ красавицѣ, которой долженъ сказать три такихъ вѣрныхъ мысли, какихъ нието не говорилъ. „Могъ ли я родить Малхаза“? Въ доказательство истинности этой мысли появился по условію огонь подъ котломъ. „А этого жеребца“?.. Вода закипѣла въ котлѣ. „Этихъ щенятъ“?.. Мясо въ котлѣ сварилось ²⁾).

У одного царя родился орелъ ³⁾ вмѣсто сына. Онъ велѣлъ его бросить въ яму, рядомъ съ нимъ въ другую яму дѣвushку, которая бы кормила его, подавая незримо по одному хлѣбу и куску мяса ⁴⁾. Разъ онъ схватилъ ее за руку и долго не пускалъ; она посмотрѣла въ яму и увидѣла тамъ прекраснаго юношу. Они объяснились въ любви и она перешла къ нему въ яму. По желанію царю была наведена справка, что дѣлаетъ орленокъ, и ему донесли, что въ ямѣ увидѣли красиваго юношу съ дѣвushкой. Ихъ велѣли привести, обвинчали и отпраздновали веселую свадьбу.

Грузины знаютъ сказку, параллельную русской о царевнѣ лягушкѣ. Три брата берутъ невѣсть съ тѣхъ мѣстъ, куда падаютъ

¹⁾ Води=8 пудамъ.

²⁾ Сбор. матер. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа X, III, 72—5.

³⁾ Мой сборникъ Бартали. сказокъ № 1. Потанинъ Марья, Лебедь Бѣлая въ былинахъ и сказкахъ. Схема сказки: морская дѣва, дочь морскаго царя, выдана замужъ за человека, царь отбираетъ или собирается отобрать, сказка кончается торжествомъ мужа при помощи совѣтовъ вѣщей жены. „Этн. Об.“ XIII—XIV.

⁴⁾ См. выше сказаніе о Бежайѣ.

пущенныя ими стрѣлы ¹⁾). Стрѣла младшаго брата попадаетъ въ озеро, откуда выходитъ лягушка. Братья не желаютъ жить съ младшимъ, и выдѣляютъ его. Послѣдній замѣтилъ, что въ его отсутствіе, кто-то прибираетъ комнату, готовитъ пищу и скрывается. Онъ подкараулилъ и оказалось, что лягушка сбрасываетъ съ себя шкуру и выходитъ красавицей. Онъ спалилъ ея шкуру, хотя жена предупредила, что за это угрожаютъ ему бѣдствія. Узнавъ помѣщикъ обо всемъ этомъ, велѣлъ своему крестьянину или въ одинъ день засѣять весь амбаръ пшеницы, или отдать ему жену. Жена явилась къ нему на помощь. Она послала къ озеру съ просьбой къ роднымъ одолжить быковъ, которые вспахали и засѣяли поле. Помѣщикъ потомъ велѣлъ собрать всѣ засѣянные зерна. Данные изъ озера галки исполнили порученіе барина. Наконецъ, царь отправляетъ его въ подземное царство взять кольцо у покойной царицы-матери. Изъ озера дали барана, который его понесъ въ подземелье. По дорогѣ онъ встрѣтилъ женщину и мужчину, которые не помѣщаются на шкурѣ буйвола, на рукоятѣ же топора другая такая пара свободно сидятъ; видятъ священника, длинную бороду котораго поѣдаютъ быки. Крестьянину обѣщаютъ всѣ они объяснить свою судьбу, если онъ назадъ вернется. Наконецъ, баранъ его пронесъ чрезъ кипящую смолу и прибылъ къ царицѣ, которая отдала ему шкатулку съ кольцомъ. На обратномъ пути священникъ говоритъ ему, что наказанъ Богомъ за то, что онъ преслѣдуя свои интересы, часто кормилъ своихъ быковъ на счетъ другихъ, а быки послѣднихъ оставались голодными. Свободные размѣщающіеся на рукоятѣ топора жили въ мирѣ и на землѣ а толкающіе другъ друга на шкурѣ постоянно враждовали въ жизни. Принесъ шкатулку царю и когда тотъ открылъ вышелъ оттуда огонь и поглотила барина. Параллельную сказку находимъ въ *Сборникѣ сванетскихъ сказокъ*. Одинъ крестьянинъ, освободивъ молодаго змѣя отъ старой змѣи, получилъ отъ первой кончикъ ея хвоста, который доставилъ ему необыкновенное богатство. Еврей вывѣдалъ чрезъ посредство одной женщины у супруги, въ чемъ заключается сила его богатства, держалъ съ нимъ пари и выигралъ хвостъ. Для возвращенія чудодѣйственнаго хвоста крестьянинъ отправляется съ жалобой въ *солнцу вселенной*. По дорогѣ онъ встрѣчаетъ сучку, которая мучится, но оцѣниться не можетъ. Она поручаетъ крестьянину узнать отъ *солнца* причину ея мукъ. Далѣе онъ срываетъ яблоко, оказав-

¹⁾ Груз. сказки № 4. Ср. Этн. Об. кн. XIII—XIV. *Потанинъ* Марья Лебедь Бѣлая въ былинахъ и сказкахъ.

шееса горькимъ; встрѣчаетъ пастуха, собственное стадо котораго, хотя пасется на лугу, отличается худобой, а порученное стадо, пущенное имъ по голымъ горамъ, все же носить всѣ признаки полноты. Видитъ женщину-прачку у рѣчки, вода до ея ногъ течетъ молокомъ, а подошедши къ ней, обращается въ кровь. Всѣ они просятъ узнать у солнца причину ихъ несчастій. Крестьянинъ не засталъ дома солнца и попросилъ у луны содѣйствія. Луна обратила его въ гребешокъ и положила въ щель. Вернувшись вечеромъ, солнце, какъ дѣви, говоритъ, что чувствуетъ „запахъ сына Адама“. Луна вначалѣ увѣряетъ, что солнце само принесло съ земли запахъ человѣка, а потомъ снова обративъ гребешокъ въ человѣка, проситъ ему помочь. Солнце предлагаетъ крестьянину держать пари съ евреемъ и предложить ему: „если завтра солнце съ востока взойдетъ, то пусть твое состояніе будетъ мое, не взойдетъ, отдамъ тебѣ и свое“. Для спасенія сучки солнце посоветовало сойти съ золотой тахты (дивана) и тогда избавится отъ мукъ. Для услаченія яблони нужно вырыть въ ея корнѣ скрытый кладъ золота ¹⁾. Для пополненія стада слѣдуетъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ одинаково пасти на лугахъ, а женщина пусть хорошо стираетъ бѣлье, и тогда молоко не обратится въ кровь. Солнце взошло съ востока, и еврей проигралъ пари ¹⁾).

Оборачиваніе женщины въ рыбу, змѣя ²⁾, волка, пѣтуха, щепку, тополь нерѣдко встрѣчается въ грузинскихъ сказкахъ. Одинъ крестьянинъ былъ обращенъ невѣрной женой ударомъ палки въ пѣтуха, котораго захотѣли зарѣзать сосѣди. Затѣмъ жена обратила его въ собаку. Последняя побѣжала за проѣзжимъ всадникомъ и съ ними переночевала у пастуховъ, которые выпросили ее у всадника за то, что разогнала напавшихъ на стадо волковъ. Разъ эта собака проникла въ домъ царя, гдѣ лежалъ покойный его сынъ, въ каждую ночь оживляемый нечистой силой. Собака укусила нечистую силу, последняя убѣжала, а царевичъ остался живъ. Нечистая сила встрѣтившись съ собакой, награжденной царемъ золотыми колокольчиками, дала ей палочку, которой онъ себя вернулъ образъ человѣка, а жену обратилъ въ зайца ⁴⁾).

¹⁾ Ср. груз. сказку „Дармоѣдъ“ *Сбор. матер.* для опис. плем. Кавказа X, II, 67. Оборачиваніе см. „Волшебную сказку“ въ кн. *Бебура* „Груз. нар. сказки“.

²⁾ „Сванетскія сказки“, стр. 10. Превращеніе человѣка въ гребень см. въ *Сбор. матер.* X, 191, сказка *Три брата*.

³⁾ Имерет. сборникъ сказокъ № 5. Мингрельская сказка „Старикъ и змѣя“ въ *Сбор. матер.* X, II, 22. Юноша, обратившійся въ змѣя, женится на крестьянкѣ. Сказки о тигрѣ-каци („лѣсной человѣкѣ“) ср. съ чеченскими „алмасами“ *Терскій Сбор.*, III, 115.

⁴⁾ *Джедаджили* 1891, кн. IV. Оборачиваніе красавицы въ золотую рыбу,

Темой оборотничества служатъ преданія о покойникахъ, совершившихъ тяжкія преступленія, или не погребенныхъ по должнымъ обычаямъ. Оборачиваются также дьяволы и нечистыя силы, принимая образъ человѣка, животныхъ или предметовъ. Въ одной сказкѣ съ помощью кольца, выпавшаго изъ зарѣзанной курицы, которую захватилъ царевичъ на могилѣ отца, вызываетъ ермаковъ и каджовъ его обладатель, и при ихъ содѣйствіи для полученія руки царицы, исполняетъ чудеса по требованію царя: изъ-за 12 горъ приноситъ снѣгъ съ землей, изъ чернаго моря городъ. Еврей захватываетъ у царевича кольцо, а послѣдній отправляется сначала къ кошкамъ, а затѣмъ къ крысамъ переправить его чрезъ море: черныя и красныя отказались, а бѣлая крыса вызвалась по приглашенію „кесаря крысъ“ доставить его къ еврею, у котораго кольцо хранилось во рту. Во снѣ она всадила хвостъ въ носъ, онъ чихнулъ и выронилъ кольцо, которое схватила крыса и принесла царевичу ¹⁾. Мотивы оборотничества восходятъ въ отдаленную древность: намеки находятся у Гомера, Овидія, Лукіана.

Обращаемся къ сюжету о вѣдмахъ. Колдуньи, вѣдмы грузинскихъ и армянскихъ сказокъ, рокаши имеретинскихъ и мингрельскихъ, баба-яга русскихъ отличается двойственностью характера. То онѣ добры и оказываютъ помощь героямъ, то злы и поѣдаютъ ихъ. Вѣдмы представляются народомъ съ хвостомъ и живутъ въ темныхъ пещерахъ, развалинахъ мельницъ и башенъ. Въ сказкахъ онѣ выступаютъ съ тѣми же чертами, какими ихъ надѣляетъ народъ въ своихъ повѣртіяхъ. Такъ, одна вѣдма ²⁾ дала бездѣтному царю яблоко, съ условіемъ, чтобы младшій изъ имѣющихся родиться сыновей былъ ей отданъ. Дочери вѣдмы во время ея сна пожелали спасти юношу отъ съѣденія и дали ему по одной волшебной вещи: старшая сестра гребень, средняя ножницы, младшая кусочекъ соли. Чрезъ семь дней проснулась вѣдма и погналась за нимъ; юноша бросилъ назадъ, не оборачиваясь, гребень—и появилась лѣсная чаща; когда вѣдма пробила и снова показала, юноша бросилъ ножницы, породившія скалы, но и тутъ она пробралась. Тогда онъ бросилъ кусокъ соли—развер-

изъ одной косточки которой выростетъ чинаръ, въ ст. проф. *Сумцова* „Этн. Обзор.“ XIII, 143. „Былины о Добрынѣ и Маринѣ и родственныя имъ сказки о женѣ волшебницѣ“ имѣются параллели изъ кабардинскихъ, осетинскихъ и чеченскихъ сказокъ, въ которыхъ жена обращаетъ мужа въ осла.

¹⁾ „Сванет. сказки“ 35—42. Ср. *Сумцова*. Мышь въ народной словесности. *Этн. Об.* VIII, Мышь учить убить дѣви винжаломъ. „Сван. сказки“, 48, III, 49.

²⁾ „Грузин. сказки“, стр. 74, 75, 129, 140.

нулось море, въ которомъ утонула вѣдьма. Юноша останавливается у девяти дѣвовъ, у которыхъ онъ просить дружбы. Тѣ принимаютъ его съ условіемъ стащить платокъ у красавицы на перекресткѣ. Юноша вступилъ съ нею въ бой, отнялъ и платокъ; и золотую туфлю. Размѣнять ее въ городѣ идетъ хромою дѣви, котораго задерживаетъ одинъ богачъ, признавъ въ ней обувь своей жены. Одинъ за другимъ всѣ дѣви идутъ узнать судьбу хромого дѣви и всѣхъ сажаютъ въ тюрьму. Юноша, наконецъ, для оправданія ихъ вызывается доставить и другую, подобную первой, туфлю. Сѣлъ на корабль и поплылъ по морю, по которому гибли судна съ хлѣбомъ отъ какой-то женщины, погружающей ихъ въ глубину волнъ. Юноша схватилъ ее за руку въ тотъ моментъ, когда она зацѣпила снизу корабль, спасъ его и сорвалъ съ ея руки кольцо. Прибылъ въ одинъ городъ, гдѣ одного царевича убила красавица, оживляющая его ночью въ церкви и къ разсвѣту ударомъ палочки убивающая его. Юноша проникъ въ церковь, къ разсвѣту онъ отнялъ у красавицы палочку, и царевичъ остался живъ. Идетъ по дорогѣ, встрѣчаетъ араба съ табуномъ. Юноша спрашиваетъ, чей-то табунъ, а арабъ отвѣчаетъ, какъ его поглотить—съ головы или съ ногъ. Юноша далъ ему оплеуху и загналъ его за 9 горъ, а съ табуномъ прибылъ въ городъ, подошелъ къ дому, гдѣ на тахтѣ оказываются золотыя туфли. Онъ спрятался подъ тахтой (диванъ). Прилетѣли три красавицы, которымъ подаль роскошный обѣдъ арабъ. Первая провозгласила тостъ за того юношу, который отнялъ у нея платокъ и туфлю, вторая за того, который спасъ отъ нея судно и сорвалъ кольцо, третья за того, который вырвалъ у нея волшебную палочку. Юноша вышелъ изъ подъ тахты и сказалъ, что это онъ и представилъ платокъ, туфлю, кольцо и палочку. Онъ получилъ отъ нихъ золотую туфлю, доставилъ ее купцу, освободилъ дѣвовъ, а самъ съ двумя братьями вернулся къ нимъ и женился на нихъ соответственно съ возрастомъ“. Огмѣтимъ, что въ другой сказкѣ вѣдьма сажаетъ въ кувшинъ одну дѣвицу, сама садится туда же и летить, каковую способность приписываютъ вѣдьмѣ всѣ народности грузинскаго племени.

Имеретинскія вѣдьмы—тѣ же люди, исключительно женщины съ тою только разницею, что онѣ обладаютъ сверхъестественными способностями: онѣ могутъ летать на воздухѣ, превращаться въ животныхъ, сглазить, вліять на погоду, урожай, болѣзни, вырывать сердца у людей. Выходятъ онѣ изъ простаго сословія и лишь изрѣдка изъ привилегированнаго класса. Одна изъ главныхъ характерныхъ чертъ имеретинской вѣдьмы, это старость. Чѣмъ старѣе и безобразнѣе женщина, тѣмъ скорѣе народъ сочтетъ ее за вѣдьму. Отъ такой женщи-

ны „съ хвостомъ“ (кудіани) всё сторонятся, внушая ей увѣренность, что дѣйствительно способна вредить своимъ недругамъ: бывали примѣры, что вѣдьмъ ловили на мѣстѣ преступленія и подвергали физическимъ истязаніямъ. Для опредѣленія, вѣдьма ли извѣстная женщина, существуетъ въ Грузіи способъ, отмѣченный еще въ проповѣдяхъ Серапіона ¹⁾, епископа Владимірскаго въ XIII в., замѣченную бросають въ воду и, если она погрузится въ нее, значитъ она не вѣдьма,—ее вытаскивають изъ воды; если же, наоборотъ, нѣсколько секундъ остается на поверхности воды, то она вѣдьма и предоставляютъ собственной участи. Прежде раскаленнымъ желѣзомъ выжигали ей слѣды на лицѣ, рукахъ и ногахъ ²⁾

Для устраненія вліянія вѣдьмъ устраиваются два раза въ течение года въ среду на Страстной недѣлѣ и наканунѣ Успенія заклинанія, заключающіяся въ томъ, что въ означенные дни въ каждомъ дворѣ зажигаютъ большіе костры, берутъ въ руки мѣдный тазъ, мѣдный котелъ или какую-нибудь другую металлическую посуду и, производя по нимъ удары палкою или камешкомъ, бѣгаютъ вокругъ пылающаго костра и, обращаясь къ вѣдьмамъ, говорятъ: „ѣште и пейте свое, а мы свое осѣнили крестомъ, прочь отъ насъ „кудіани“! Послѣ этого производятъ нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, въ которыя иногда кладутся вмѣстѣ съ пулями иголы, чтобы сильнѣе поразить вѣдьму. На ночь каждый членъ прикрѣпляетъ къ волосамъ по восковому кресту противъ нечистой силы; всё отверстія и дыры задѣлываются, чтобы вѣдьма не могла пробраться въ видѣ жучковъ, бабочекъ. Особенный переполохъ производятъ въ эту ночь появленіе чужой кошки, на которой ѣздитъ вѣдьма на поклоненіе къ начальницѣ Ровани, обитающей на Табакелѣ ³⁾.

¹⁾ См. Хрест. Буслаява, стр. 128.

²⁾ Въ Мингреліи появленіе чумы, неурожай, падежъ скота приписывается кудіани. Въ 1856—7 гг. послѣ турецкой войны тамъ распространился падежъ скота. Считая его дѣйствиємъ кудіани, начали ихъ бросать въ рѣку: которая тонула—та не вѣдьма, а которая же тонула—та вѣдьма, послѣднихъ нагими гнали между разложенными кострами, пока онѣ не признали за собою вины въ падежѣ скота. *Зап. Кавказ. отд. II. Р. Г. О. кн. VII.* Брѣпностное состояніе въ Мингреліи.

³⁾ О вѣдьмахъ, въ *Сбор. матер. для опис. мѣстностей и племенъ Кавказа*, вып. IX, отд. II, стр. 175—8. Ср. „Кавказская Старина“ кн. Р. Эрнстова „Путевыя Записки по Мингреліи“, въ которыхъ сообщаетъ о праздниѣ *Мозаквали* (колдуны).

Было время—Табакела ¹⁾ не представляла собой пустыни. Густолиственный лѣсъ шумѣлъ на ея склонахъ, высокія пихты и сосны украшали ея вершину. Все живое—и звѣри, и птицы, гнѣздились на этихъ высотахъ. Увидѣлъ все это царь тьмы, и стало ему больно. Захотѣлось ему уничтожить жизнь на веселой горѣ, обратить рай земной въ мѣсто смерти и ужаса. Онъ собралъ духовъ, гнѣздившихся въ ущельяхъ Кавказа, и послалъ ихъ на Табакелу. Звѣри бѣжали, птицы улетѣли, родники и ручьи ушли въ землю. Человѣку пришлось сойти внизъ и оставить гору на жертву судьбѣ. Съ тѣхъ поръ Табакела стала гнѣздомъ нечистыхъ тварей, царствомъ духовъ, средоточіемъ зла и порока. Косматый, молчаливый *каджи* началъ шагать по уступамъ ея скаль, блестя надгруднымъ топоромъ, стуча алмазными зубами. А али, а чинки? Женщины—ихъ прирожденные враги, и чинки мстятъ имъ съ безумною жестокостью. Онѣ душатъ въ постели, вырѣзываютъ сердце, куски матеріи ихъ платья и заставляютъ чахнуть и изнывать медленною смертью. Есть одинъ способъ приручить чинку. Это—остричь ей волосы и ногти. Тогда она дѣлается смирной и послушной, усердно прислуживая въ домѣ. Но услуги ея продолжаются до тѣхъ поръ, пока она не отыщеть волоса. Тогда она снова превращается въ духа и, отмстивъ поработателю, улетаетъ на Табакелу. Всѣ чинки подвластны парицѣ „Деда-Рукапи“ (деда-мать). Она столь же безобразна, сколько прекрасны подчиненные ей духи. Старая, горбатая, вся въ прыщахъ и язвахъ, Деда-Рукапи вооружена длиннѣйшимъ хвостомъ и большими клыками. На лбу у нея единственный глазъ, который вертится колесомъ и позволяетъ видѣть все и вся. Ей невѣдомы ни милость, ни сожалѣніе. Въ средѣ отживающихъ вѣкъ старухъ у нихъ есть свои адепты, не менѣе страшны, чѣмъ онѣ сами. Это—„вудіанеби“, колдуньи, обладающія сверхъестественной силой. Наканунѣ Успенія ²⁾, вся эта нечисть приходитъ въ движеніе, Табакела содрагается отъ днвой вакханаліи. Съ послѣднимъ лучемъ заходящаго солнца изъ всѣхъ разсѣлинъ горы вылетаютъ духи и разсѣиваются по равнинѣ. Въ каждомъ встрѣчномъ грозитъ опасность столкнуться съ чинкою, въ каждомъ кустѣ найти ея логовище, въ каждый моментъ она можетъ промчатся верхомъ на черной кошкѣ. Отовсюду слышны голоса, выкрикивающіе.

¹⁾ „Нов. Обзорѣніе“ № 2288. Въ мирѣ фантазій. *Ил. Хонели*. Ср. у меня очеркъ „Месхи“ „чинка и али“.

²⁾ „Иверія“, 1886, № 227. Ср. „Кавказъ“, 1894, 30 *Чинки и Каджи*. *А. Никитинъ*. Груз. чинка соотвѣтствуетъ чеченскій *джинъ*. „Религія чеченцевъ“ *Дамата* въ „Терскомъ Сборникѣ“, в. III, стр. 79, 1893. Владикавказъ.

джвари аг'ет, джвари ик'ит!
 т'квени свит'да т'квени тчаиет
 чвенсас джвари дагвитцерет'!

„Да будетъ крестная сила съ нами! Ъшьте свое, пейте свое,— оставьте наше и осѣните его крестомъ!“ Въ домахъ хозяйки тоже заняты дѣломъ. Они льютъ восковыя свѣчи и воскомъ залѣпляютъ пучки волосъ себѣ и дѣтямъ. Это страхованіе отъ опасности. Злые духи не смѣютъ прикасаться къ „мѣченной“, какъ не въ силахъ вредить дому, на которомъ видѣнъ крестъ. Затѣмъ крѣпко на крѣпко запираются кошки, чтобы чинки не ѣздили на нихъ. Съ нарушеніемъ сумерекъ зажигаютъ костры и молодежь прыгаетъ чрезъ нихъ, очищаясь огнемъ. Чинки и кудіанеби обязаны представить Деда-Рукапи подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ за эту ночь. Верхомъ на кошвахъ, на метлахъ, мулахъ съѣзжается нечистая сила во дворъ своей царицы. Она сидитъ на тронѣ изъ гадовъ въ сообществѣ гномовъ и змѣй, еще безобразнѣе, чѣмъ прежде. Блеснетъ наконецъ лучъ десницы, настанетъ праздникъ Успенія, и Табакела замираетъ на одинъ годъ. Чинкамъ посвящается мѣсяцъ октябрь, когда эти духи пребываютъ на землѣ, съ 15 числа по 7 ноября. Чинка представляется ребенкомъ 3—4 лѣтъ съ длинными до земли волосами. Однако она обладаетъ громадной силой, способной поднять на воздухъ цѣлыя дома. Приходъ ея 15 октября или уходъ сопровождается дождемъ. Въ первую ночь ея сошествія на землю нужно запечатлѣть изображеніе креста на камнѣ или кирпичѣ и бросить недалеко отъ винныхъ кувшиновъ или въ хлѣвъ. Привасаясь этимъ камнемъ къ платью, приговариваютъ: „печатъ св. Георгія“. Чинка не можетъ приблизиться къ мѣсту нахождения камня. Родившихся между 15 и 1 ноября необходимо дать имя Георгія и Маріи, иначе имъ угрожаетъ опасность быть уведеннымъ обманомъ чинки въ темное царство. Достаточно произнести имя Маріи или Георгія, чтобы освободиться изъ подъ власти чинки. Въ промежутокъ пребыванія чинки на землѣ во всѣхъ работахъ требуется выдѣлить въ пользу ея извѣстную долю: если вяжутъ чулки, шали, то неизбѣжно въ миניатюрномъ видѣ приготовить такія же вещицы для чинки, чтобы избавиться отъ нанесенія вреда работѣ. 7 ноября является Михаилъ—Гавріилъ-архангелъ, свяжетъ всѣхъ чинковъ вмѣстѣ и броситъ въ рѣку.

Сказка, утрачивая мифическій характеръ о борьбѣ двухъ началъ свѣтлаго съ темнымъ, стала бытовымъ *нравописательнымъ* разсказомъ. Сюда относятся сказки о мачихѣ, падчерицѣ и пасынкахъ, трехъ се-

страхъ и трехъ братьяхъ, изъ которыхъ младшая сестра и младшій братъ являются гонимыми старшими, но остаются побѣдителями подѣ покровительствомъ судьбы. Схема грузинскихъ сказокъ о мачихѣ ничѣмъ не отличается отъ общеизвѣстной. Начинаются такія сказки большею частью съ того, что вдовецъ, имѣющій дочь, женится на вдовѣ, которая за собою приводитъ дочь. Мачиха не любитъ падчерицы и заваливаетъ ее работой. Каждый день, высылая ее пасти скотъ, она задаетъ ей большіе уроки прастъ или ткать. Падчерицу въ нашихъ сказкахъ обыкновенно выручаетъ корова, которая даетъ совѣтъ плачущей дѣвчкѣ. Мачиха, желая извести падчерицу, губитъ свою дочь. Схема сказки о трехъ сестрахъ: онѣ хвалятся предѣ царемъ своимъ искусствомъ первая приготовить коверъ въ одинъ день для всего войска, вторая накормитъ все войско изъ одного яйца, третья родитъ золото-кудраго ребенка. Далѣе слѣдуетъ подмѣна сестрами дитяти, плаваніе матери въ сундукѣ по морю, обличеніе обмана: торжество младшей сестры и наказаніе старшихъ посредствомъ привязыванія къ конскому хресту. Другую группу составляютъ сказки, схема которыхъ можетъ быть представлена въ слѣд. видѣ: мачиха не любитъ падчерицу и обременяетъ работой. Падчерицѣ помогаетъ быкъ или корова. Животное зарѣзали по требованію мачихи, падчерица зарываетъ его кости. На ихъ мѣстѣ вырастаетъ яблоня. Ее срубаютъ, но изъ одной щепки вырастаетъ красавица, на которой женится царь. — Значеніе быка осмыслено въ тангутской сказкѣ—это сынъ гонимой женщины, зарытый въ землю и возродившійся подѣ видомъ животного ¹⁾.

¹⁾ Ср. *Потанинъ* Восточныя параллели къ русскимъ сказкамъ. „Этногр. Обзор. кн.“ VIII. груз. сказка *Амиашилли* № 2 „Мачиха и три дочери“. См. на эту тему сбор. Сванетскихъ сказокъ „Старикъ и старуха“ „Сбор. матер. для опис. племенъ и мѣстн. Кавказа“ X отд. III, стр. 25; 62. Мингрельская сказка „Золотыя дѣти Бучи“. Груз. сказка „Три сестры“. Сванет. сказка „Кесарь“ (ib отд. II, 162—175). Ср. съ этой сванетск. сказкой бурятскую о Гужирѣ. Параллели въ этихъ сказкахъ сходятся. Гужиръ въ монгольской сказкѣ исполняетъ порученіе Гули-хана, чтобы получить невѣсту. Одно изъ порученій исполняемыхъ Гужиромъ, заключается въ плѣненіи и укрощеніи собаки Гуниръ; одно изъ порученій сванетскаго героя—укрощеніе дикой лошади. Во всѣхъ случаяхъ Гужиръ пользуется совѣтами невѣсты, тоже и въ сванет. сказкѣ. Для укрощенія собаки Гужиръ обращается къ кузнецамъ и они куютъ ему намордникъ и пугы; сванет. герой обращается къ кузнецамъ и они куютъ ему желѣзный молотокъ и желѣзные стремена. („Ордынскія параллели въ поэмахъ Ломбардскаго цикла“), Этногр. Обзор., XVIII, 22.

Содержаніе сказки о трехъ братьяхъ разыгрывается въ средѣ царской или крестьянской. Старшіе любимы отцемъ и преслѣдуютъ младшаго брата. Но за его доброту и честность ему поврительствуетъ судьба. Его выгоняютъ, а старшіе ищутъ руки красавицы, которая объявляетъ выйти за того, кто возьметъ извѣстный призъ. Младшему брату помогаетъ конь, который доставляетъ три раза трехъ цвѣтовъ платя и подлетаетъ подъ самое окно красавицы. Она выходитъ за него, но прежде чѣмъ насладиться счастьемъ, братья бросаютъ ея жениха въ яму, откуда онъ проникаетъ въ подземное царство, освобождаетъ рѣку отъ дракона, дѣтенышей орла отъ змѣи и на крыльяхъ „царя птицъ“ поднимается на землю. Здѣсь отърывается обманъ и правда торжествуетъ. Содержаніе о трехъ братьяхъ по той же схемѣ распредѣляется при добываніи ими живой воды или чудной птицы по порученію отца. Обыкновенно подвигъ этотъ удается младшему, но старшіе временно присваиваютъ его честь, но потомъ, при появленіи виновника пріобрѣтенія волшебныхъ предметовъ, побѣда остается за младшимъ. Въ этихъ сказкахъ выражается взглядъ народа и симпатіи къ добродушнымъ, сострадательнымъ людямъ. Въ нихъ сказывается увѣренность, что правда всегда торжествуетъ надъ вшивдой, добро надъ зломъ ¹⁾

Вотъ одна сказка, носящая названіе „Богъ поможетъ правому“.

Жилъ нѣкогда славный царь, у котораго былъ знаменитый богобоязненный серебрянныхъ дѣлъ мастеръ. Послѣдній имѣлъ привычку на всякій вопросъ царя отвѣчать: „правому Богъ поможетъ!“ Царю не нравились эти слова и вздумалъ онъ отучить отъ нихъ мастера.

Онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости: отдать мастеру лучшій брилліантъ, чтобы тотъ обдѣлалъ въ золото, подослать визиря и украсть этотъ драгоцѣнный камень, а затѣмъ потребовать отъ мастера, чтобы онъ или возвратилъ камень, или отказался отъ ненавистныхъ царю словъ. Все такъ и было устроено. Мастеръ крайне огорченный отправился къ царю заявить о пропажѣ. На вопросъ царя, куда онъ дѣлъ брилліантъ, онъ далъ привычный отвѣтъ: „Богъ поможетъ правому!“ Царь далъ пять дней срока или отыскать брилліантъ, или отвыкнуть отъ этихъ словъ, угрожая въ противномъ случаѣ снять съ него голову. Мастеръ вернулся опечаленный домой. По дорогѣ встрѣ-

¹⁾ *Мой Карталинскій сборникъ сказокъ №№ 6 и 8. Имерет. сказка Унпрое-села въ „Сбор. матер. для опис. плем. Кавказа“, IX, отд. 161—5. Герой напоминаетъ Иванушку—дурачка, хотя своего добродушія не выдерживаетъ до конца. Сванетск. сказки, стр. 29. „Девять братьевъ“.*

тилъ рыболова, который продалъ ему только что пойманнаго лосося. Когда его выпотрошили, то его жена нашла во внутренности рыбы бриллиантъ. Мастеръ при видѣ его отъ радости воскликнулъ: „Богъ поможетъ правому!“ Оказывается, царь въ раскаяніи велѣлъ бросить въ море украденный для него визиремъ камень, который проглотилъ лосось, а послѣдній былъ пойманъ рыболовомъ. Мастеръ тотчасъ же принесъ бриллиантъ, сказавъ: „Богъ поможетъ правому!“ Царь узналъ, какъ найденъ былъ камень, и съ тѣхъ поръ самъ онъ сталъ часто повторять: „Богъ поможетъ правому“.

Сказка объ армянскомъ священникѣ входитъ въ сложный циклъ сказаній о невѣрной женѣ. Содержаніе всѣхъ этихъ повѣстей сводится къ тому, что жена при мужѣ хвораетъ, уйдетъ онъ, она весела—является любовникъ, котораго она угощаетъ яствами и напитками. Въ польской сказкѣ любовникомъ является ксендзъ. Въ сказкѣ, записанной Месопотаміи, женщина угощаетъ любовника хлѣбомъ, который она намазала масломъ—это *назуки* груз. сказки, а бутылка вина, поднесенная женою рыбака въ итальянской сказкѣ, сближаетъ эту деталь съ груз. *кувшиномъ вина (сагине)*. Мнѣніе объ индійскомъ происхожденіи европейскихъ сказокъ о вѣроломствѣ и хитрости женщинъ было высказано Гастономъ Парисомъ. Онѣ были созданы въ Индіи буддійскими отшельниками, гдѣ женщины, лишеныя свободы, сознанія своего достоинства, всегда имѣли извѣстные пороки, изображеніе которыхъ получило преувеличенные размѣры²⁾.

Животный эпосъ или сказки о животныхъ стоятъ особнякомъ. Сказки эти получили начало въ ту эпоху, когда первобытный человекъ, воодушевляя всю природу, считалъ подобными себѣ тѣхъ звѣрей, съ которыми ему приходилось вести упорную борьбу. Въ лѣсу, по его представленіямъ, жило особое звѣриное общество, имѣющее особенные нравы и обычаи, особенный языкъ и знанія. Съ развитіемъ болѣе близкаго знакомства съ бытомъ звѣрей, человекъ пересталъ чувствовать религіозный страхъ предъ нимъ, и первоначальный животный миѳъ обратился въ сказку. Въ древнихъ сказкахъ животные не представляются аллегорическими образами людей, какъ въ позднѣйшихъ басняхъ, а, напротивъ, сохраняютъ инстинкты, свойственные ихъ природѣ, совмѣщая съ качествами и дѣйствіями человѣческими.

¹⁾ Эта сказка приводилась мною въ „Этногр. Обзор.“ кн. XV, 187 подъ заглавіемъ „Грузинская версія сказанія о Полиратовомъ перстнѣ“.

²⁾ *Сужносъ*. „Пѣсни о гостѣ Терентіи и родственныя имъ сказки“ „Этн. Обзор.“, кн. XII.

Основные мотивы грузинских сказок о животных очень сходны с мотивами индо-европейскими. Главными действующими лицами являются: лиса, волк, медведь, козел, баран, корова, собака, шакал, пѣтухъ. Лиса отличается хитростью, коварствомъ и вѣроломствомъ; волку присущи прожорливость, грубость и глупость: онъ является битымъ, осмѣяннымъ и побѣжденнымъ лисой. Познакомимся съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Было два брата, у каждаго было по 10 хлѣбовъ. Пошли вмѣстѣ искать счастья. Сначала съѣли 10 хлѣбовъ одного брата, а сохранившій свою порцію отказался удѣлить первому долю. Оставшійся безъ хлѣба упросилъ мельника дать ему пріютъ. Ночью на мельницу вошли медведь, шакал и волкъ. Сначала попрыгали, а потомъ стали забавлять себя рассказами. Медведь сказалъ, что на той горѣ у крысы много денегъ, которыя она провѣтриваетъ въ солнечную погоду. Еслибы человекъ зналъ объ этомъ, то могъ бы улучшить минуту, убить крысу и овладѣть ея сокровищемъ. Волкъ сказалъ, что въ такомъ-то городѣ вода стоитъ очень дорого, а жители не знаютъ, что подъ однимъ камнемъ прекрасный источникъ. Шакалъ говоритъ, что царская дочь больна и для излѣченія ея достаточно ее выкупать въ водѣ съ буквымъ деревомъ. На разсвѣтѣ звѣри разошлись, а юноша разслышалъ все ими сказанное и немедленно воспользовался ихъ указаніями. Узналъ его братъ, какъ онъ, разбогатѣлъ и пришелъ на мельницу: прибывшіе туда звѣри заявили другъ другу, что кто-то тогда подслушалъ ихъ разговоръ и все сдѣлалъ по ихъ совѣту. Нужно поискать, нѣтъ ли кого нибудь на мельницѣ. Нашли притаившагося юношу и растерзали его. ¹⁾

Въ другой сказкѣ къ волку, медвѣдю присоединяются лиса и орелъ. Лиса стоитъ во главѣ этихъ слугъ царевича, который ихъ кормитъ остатками дичи. Лиса хитростью добываетъ царевичу невѣсту, „никогда не видѣвшую солнечныхъ лучей“. Лиса велѣла сдѣлать сани, въ которыя она посадила волка и медвѣдя, а орлу приказала летать по воздуху и схватить царевну, когда она выглянетъ. Съѣла лиса на козлы саней, заиграла въ трубу, а медвѣдь и волкъ плясали подъ эту музыку. Красавица выглянула изъ окна, была схвачена орломъ, посадили ее въ сани и привезли къ царевичу ²⁾.

¹⁾ Груз. сказки *Амтацивили* 70—74 (Два брата).

²⁾ Лиса и царевичъ ib. стр. 135. Добываніе невѣсты лисой для мельника см. въ *Сбор. сванетскихъ сказокъ*. „Мельникъ“, стр. 24—8. Доставка лисой герою сказки табуна лошадей за позволеніе ей съѣсть козу см. въ сказкѣ „Три брата“ 62—6.

Изъ сказокъ о животныхъ мы назовемъ еще въ стихотворной формѣ извѣстное сказаніе о самомъ сильномъ существѣ. Въ Калилѣ и Димнѣ, Панчатантрѣ, Гитопадешѣ мышь, превратившаяся въ дѣвушку по молитвѣ одного отшельника, захотѣла имѣть мужемъ самаго сильнаго изъ всѣхъ существъ. Отшельникъ обращается къ солнцу, отъ него переходитъ къ облаку, вѣтру, горѣ и мышѣ, которая продырявливаетъ гору и оказывается наиболѣе сильнымъ существомъ. Грузинское сказаніе считаетъ самымъ сильнымъ коза, такъ какъ онъ поѣдаетъ мышь. Я привожу его въ русскомъ переводѣ И. Ѳ. Тхоржевскаго въ которомъ, впрочемъ, конца нѣтъ—землю съѣла мышь, а послѣднюю козъ:

Пойдемъ, поглядимъ на зеленый нашъ садъ
 Пришли, поглядѣли, а сада нѣтъ.
 А кто это съѣлъ тотъ зеленый нашъ садъ?
 Коза съѣла садъ,—говорять намъ въ отвѣтъ.

Пойдемъ, если такъ, поглядимъ на козу.
 Пришли, поглядѣли, а козочки нѣтъ.
 А кто это съѣлъ лиходѣйку козу?
 Да волкъ съѣлъ козу, говорятъ намъ въ отвѣтъ.

Коза съѣла садъ,
 А волкъ съѣлъ козу.

Пойдемъ, поглядимъ, а каковъ этотъ волкъ.
 Пришли, поглядѣли, а волка нѣтъ.
 А кѣмъ это съѣденъ, скажите намъ, волкъ?
 Ружьемъ съѣденъ волкъ, говорятъ намъ въ отвѣтъ.

Ружьемъ съѣденъ волкъ,
 А волкъ съѣлъ козу;
 Коза же съѣла садъ.

Пойдемъ, поглядимъ на лихое ружье.
 Пришли, поглядѣли и этого нѣтъ.
 А кто же это съѣлъ то лихое ружье?
 Да ржавчина съѣла, мы слышимъ въ отвѣтъ.

Та съѣла ружье,
 Ружьемъ съѣденъ волкъ,
 А волкомъ коза;
 Коза же съѣла садъ.

Пойдемъ, поглядимъ, что за ржавчина тамъ.
 Пришли, поглядѣли, а ржавчины нѣтъ.
 Кто же ржавчину съѣлъ, знать хотѣлось бы намъ?
 Земля съѣла ржавчину, слышимъ въ отвѣтъ.

Земля съѣла ржавчину,
 Эта—ружье
 Ружьемъ съѣденъ волкъ,

А волкомъ коза;
 Коза же съѣла садъ,
 Что былъ вскормленъ землей.

Въ сказкѣ „Сильнѣе сильнаго всегда можно найти“ встрѣчается ¹⁾ между великанами пахарь, напоминающій былиннаго Микулу Селяниновича. Онъ пашетъ землю, запрягши въ плугъ нѣсколько десятковъ паръ быковъ, и прячетъ въ своей сумкѣ другого великана, преслѣдуемаго врагомъ. Святогоръ сажаетъ въ карманъ Илью Муромца, а Микула носить въ сумкѣ „тягу земную“.

Одна пѣсня изъ животнаго эпоса приведена мною въ очеркѣ „Месхи“ ²⁾. Въ этой пѣснѣ дѣйствующими лицами являются представители различныхъ классовъ животнаго міра:

У несчастной старухи крысы жнутъ ниву,
 Львы вяжутъ солому, а барсы въ пукъ снопы;
 Дѣви запряжены въ арбу и ведутъ ихъ на гумно;
 Молотильныя доски быстро вертятъ олени,
 На нихъ сидятъ ангелы, нѣжно напѣвая;
 Дичники званы провѣять смолоченное пшено;
 Бабаны поправляютъ гумно, а лисы подметають;
 Медвѣди нагружены мѣшками и спускають хлѣбъ въ яму;
 Волки посланы на мельницу, чтобы молоть пшеницу;
 Жаворонка отправили въ небо, чтобы собрать всѣхъ птицъ,
 Тетеревъ просѣиваетъ муку, куропатка мѣситъ, сорока валяетъ;
 Голуби пекутъ лавашы, горлицы ихъ достаютъ (изъ печи въ землѣ);
 Гаріани (?) готовятъ, сайки кладутъ на подносы;
 Аминари и Гавари (?) сидятъ близко другъ къ другу;
 Фазана за красоту сажаютъ въ серединѣ межъ собою.
 Самы ѣдятъ, пьютъ, дворовую собаку гонять къ концу (стола),
 Скворца просятъ поближе помграть на „чіанури“ (скрипка).

Происхожденіе кукушекъ. Гдѣ-то въ Индіи есть царство карликовъ, куда какъ-то попалъ грузинъ. Карлики ѣли и пили очень мало: одного чурека да полтунги вина имъ хватало на цѣлую недѣлю. Грузинъ привыкшій къ обильной пищѣ, былъ въ отчаяніи. Три зимы онъ провелъ въ тоскѣ по родинѣ. Разъ одинъ изъ карликовъ предложилъ ему идти вмѣстѣ съ нимъ въ Грузію. Отправились. Предъ границей, гдѣ оканчивалось царство карликовъ, товарищъ заявилъ

¹⁾ „Сбор. мат. для опис. плем. Кавк.“ X, отд. III, стр. 32—5. ib. II, 326.
 Ср. *Бибуръ* „Вузничикъ и Муравей“, 25.

²⁾ Этногр. Обзор., кн. X.

грузину: „чуть только перешагну границы нашего царства, я превращусь въ птицу, которую зовутъ у васъ кукушкой. Я полечу, а ты слѣди за мной, а то не найдешь дороги“. Не успѣлъ грузинъ оглянуться, какъ карликъ превратился въ птицу и улетѣлъ вдаль; грузинъ остолбенѣлъ и не двигался. Птица вернулась назадъ и ударомъ крыла по щекамъ вывела товарища изъ задумчиваго положенія. Прибыли въ Грузію въ концѣ мая. Грузинъ приглашалъ кукушку къ себѣ въ домъ, но она отказалась подъ предлогомъ, что боится кошекъ и ребятишекъ ¹⁾).

По другому сказанію кукушка это—невѣстка, которую свѣкоръ засталъ во время причесыванія волосъ. Считая позорнымъ положеніе, въ какомъ видѣлъ ее мужчина, она воззвала къ Богу съ просьбой обратитъ ее въ птицу: Господь услышалъ ее молитву и она съ гребешкомъ на головѣ, котораго не успѣла снять, превратилась въ птицу.

О происхожденіи иволги, соловья и удода существуетъ поэтическое сказаніе. Гогія, пѣвецъ, отправляясь на защиту своей родины, прощается съ матерью, женой и сестрой. Имъ онъ завѣщаетъ каждый день играть на *чонгури* (скрипкѣ) и пока онъ будетъ живъ и струны будутъ играть, а оборвутся струны, пусть у Бога молятъ вѣчнаго мира грѣшной его душѣ. Такъ одна за другой женщины играли на чонгури, крѣпкіи были струны,—ни одна не оборвалась. Но разъ въ обѣденное время прыгнулъ старый воть, задѣлъ чонгури и сбросилъ. Подскачили женщины — въ дребезги разбилась чонгури Гогіи, тихо звеня, оборвались всѣ струны до единой... Пришелъ недобрый вѣстникъ, держа въ рукахъ одежды Гогіи. При видѣ ихъ въ ужасѣ пожелтѣла старая мать, словно пепломъ подернулось лицо молодой сестры. И сжалилось небо, услышало оно молитву матери: оборвалась ее жизнь, а на мѣстѣ ее вспорхнула желтая иволга; слѣдомъ за ней выпорхнулъ сѣрый соловушко. Молодая жена, для которой мужъ лишь „поясъ серебряный удобомѣняемый“, не круша себѣ сердца, ушла въ свою свѣтлицу, одѣла цвѣтное платье и, прихорапываясь, стала чесать волосы. Но вотъ раздался гдѣ-то голосъ въ вышинѣ: „не быть и тебѣ между женами, негодная“! И въ мигъ исчезло пестрое платье! Не успѣла вынуть гребень изъ волосъ — ударилась объ полъ пестрымъ удодомъ, гребешокъ остался на головѣ ²⁾).

Происхожденіе совъ. У крестьянина было два сына, которыхъ онъ любилъ искренно и нѣжно. Спустя нѣкоторое время по смерти

¹⁾ Кавказъ 1849, № 18. Ср. Дубровинъ, кн. I, т. I, 170.

²⁾ Соч. кн. Ахакія Церетели, т. I. Ср. „Вѣстн. Евр.“ 1892, апрѣль.

первой жены, онъ женился на другой. Злая мачиха стала преслѣдовать и бить своихъ пасынковъ. Дѣти считали себя счастливыми, когда вдали отъ мачихи пасли коровъ и свободно рѣзвились. Однажды заигравшись до вечера, они не замѣтили, какъ вес стадо разбрелось по лѣсу. Собравъ кое-какъ стадо, одного телянка не досчитались. Становилось все темнѣй и темнѣй. Испуганные темнотою ночи и вошемъ шакаловъ, бѣдные дѣти прижимались другъ къ другу и горько плакали. Боясь побоевъ мачихи, они не рѣшались идти домой. Стадо снова разбрелось по полю. Дѣти просили у Бога, какъ спасенія отъ мачихи, чтобы онъ превратилъ ихъ въ птицъ. Молитва ихъ услышана: они сдѣлались совами, которыхъ до этого времени не было на свѣтѣ. Совы полетѣли въ глубь лѣса, но страхъ, внушенный мачихою, былъ такъ великъ, что они, ставъ совами, все еще не забыли о телянкѣ. Да и теперь въ лѣсу не усидать на одномъ мѣстѣ, а все летаютъ съ дерева на дерево, ища телянка. Иповне (нашелъ ли)? кричить одна.—Вера, вера (нѣтъ, нѣтъ)! отвѣчаетъ другая ¹⁾.

Сказка „Царь и три его сына“ любопытна въ томъ отношеніи, что находитъ параллель въ сказкахъ различныхъ народовъ. Царь Востока, умирая, вставилъ въ стѣну одинъ драгоценный камень и завѣщалъ своимъ сыновьямъ достать его тогда, когда они окажутся въ бѣдственномъ положеніи. Одинъ изъ братьевъ, безъ вѣдома другихъ, вынулъ камень, а когда во время нужды братья рѣшились воспользоваться кладомъ, то его тамъ не нашли. Такъ какъ только они знали о существованіи камня, то отправились къ царю Запада, чтобы онъ ихъ рассудилъ. По нѣкоторымъ примѣтамъ, видѣннымъ ими по дорогѣ, они узнали, что по ней недавно проходилъ верблюдъ кривой, хромой, навьюченный двумя бурдюками (съ масломъ и медомъ). Вскорѣ имъ попался на встрѣчу и погонщикъ, разыскивавшій верблюда. Они такъ точно сообщили ему примѣты его верблюда, что онъ заподозрилъ ихъ въ его угоиѣ и повелъ ихъ къ царю на судъ. Царь спрашиваетъ, какъ они, не видавъ верблюда, могли такъ точно его описать. „Очень просто“—отвѣтилъ первый братъ, „слѣдъ верблюжій всегда замѣтенъ; а что онъ былъ слѣпъ на одинъ глазъ, то это легко можно было узнать: верблюдъ шелъ своей дорогой и щипалъ траву только съ одной стороны, съ той, гдѣ глазъ былъ цѣль“.—„А что верблюдъ былъ хромой“, сказалъ второй братъ: „то нѣтъ ничего легче, какъ объ этомъ догадаться: всякое животное приподнимаетъ здоровую ногу выше хромой, а хромую волочить за

¹⁾ *Иверія*, 1886, 263. Имеретинскія легенды—происхожденіе совъ и кукушекъ. Ср. *Дубров.*, Ист. войны, I, 2, 170—1. Ср. татарскую въ „Сб. мат. для оц. В.“ IX, 127.

собою, оттого и слѣдь другой: идетъ какъ бы бороздой“. „А что на верблюдѣ лежали два бурдюка: одинъ съ масломъ, а другой съ медомъ“, сказалъ третій: „то и это можно было легко замѣтить: по правую сторону дороги сидѣли на травѣ мухи, которыя лакомятся масломъ: стало быть, бурдюкъ съ масломъ висѣлъ съ правой; а что бурдюкъ съ медомъ висѣлъ съ лѣвой,—это видно было изъ того, что лакомовшіяся медомъ пчелы сидѣли на травѣ съ лѣвой стороны“. Затѣмъ царь угощаетъ братьевъ ужиномъ, а привратникъ подслушиваетъ ихъ разговоръ. Онъ слышалъ увѣреніе одного брата, что каша отзывается мертвечиной, другаго— что баранина отзывается псиной и третьяго, что самъ царь, вѣроятно, человѣкъ низкаго происхожденія. Царь идетъ къ матери своей и, допросивъ ее, узнаетъ, что дѣйствительно онъ ея незаконный сынъ; отъ управителя онъ узнаетъ, что просо, изъ котораго была изготовлена каша, было скошено на моголѣ, и отъ пастуха, что поданный на столъ барашекъ былъ вскормленъ сукой, такъ какъ матку зарѣзалъ волкъ. На другое утро братья узнали въ собранномъ царемъ народѣ человѣка, укравшаго ихъ коня и царь отпустилъ ихъ съ богатыми дарами. Почти всѣ детали этой грузинской сказки встрѣчаются въ кабардинской ¹⁾ и персидской, изложенной Гаммеромъ: здѣсь также три умныхъ брата встрѣчаютъ погонщика, ищущаго верблюда, и рассказываютъ ему его примѣты (кривой, хромой, со сломаннымъ зубомъ). Далѣе идетъ допросъ у хана, угощеніе и подслушиваніе, посредствомъ котораго ханъ узнаетъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ въ своемъ хозяйствѣ и о своемъ происхожденіи (вино отзывается падалью, ягненокъ—псиною, самъ ханъ оказывается сыномъ повара). Извѣстны и арабская сказка того же сюжета, и киргизская, и греческая и индійская, въ которыхъ встрѣчаются либо всѣ, либо нѣкоторые эпизоды грузинской и кабардинской сказки ²⁾.

Для рѣшенія же вопроса, кто изъ братьевъ укралъ драгоценный камень, царь обратился за помощью къ мудрой своей дочери. Она, отдѣливъ себя занавѣской отъ братьевъ, чтобы скрыть свой полъ, задала имъ вопросъ, какъ они поступили бы, если бы они встрѣтили на дорогѣ богато одѣтую женщину безъ провожатыхъ; старшіе братья отвѣтили, что они довели бы ее до дому, а младшій заявилъ, что онъ

¹⁾ „Сбор. матер. для опис. плем. Кавказа“, в. XII, (96—101).

²⁾ *Hammer Geschichte der schönen Redekunste persiens*, 307 — 310. Radloff. *Proben der Volkslitteratur der Nordlichen Turkischen Stämme* III, 392. *Акад. Веселовскій* Южно-рус. былинны, III—XI, стр. 55.

снялъ бы съ нея богатые украшенія. Царевна въ виду этого и заявила, что воръ — младшій братъ, и послѣдній признался въ своемъ преступленіи.

Заслуживаетъ по своей идеѣ вниманія сказка, озаглавленная „Земля свое возьметъ“ („Сб. мат. для К“, X). Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе этой поэтической сказки. Сынъ бѣдной вдовы, узнавъ, что его отецъ умеръ и что смерти никто не избѣгнетъ, отправляется искать такую страну, гдѣ нѣтъ смерти. Послѣ разныхъ встрѣчъ онъ приходитъ на берегъ моря и видитъ стеклянный дворецъ. Во дворцѣ онъ находитъ необыкновенную красавицу, лѣтъ пятнадцати на видъ, которая спрашиваетъ его, чего онъ ищетъ. „Не знаешь ли ты такой страны, гдѣ бы не было смерти?“ говоритъ юноша. „Такой страны нѣтъ“, отвѣчала красавица, — „да ты и не достоинъ безсмертія; скажи, сколько мнѣ лѣтъ, если можешь?“ — „Тебѣ не болѣе пятнадцати лѣтъ“, сказалъ юноша, смотря на нее влюбленными глазами. — „Нѣтъ, я въ первый день творенія создана и до сихъ поръ такою и остаюсь. Меня зовутъ Красотою: я вѣчно буду такою и никогда не умру! Ты бы могъ остаться со мною, но тебѣ надоѣстъ вѣчная жизнь!“ Юноша далъ обѣщанье вѣчно остаться съ нею. Летѣли года за годами, прошло тысяча лѣтъ, но красавица не увядала, и юноша не замѣчалъ теченія времени. Наконецъ, онъ соскучился по матери и просилъ красавицу отпустить его къ ней, не повѣривъ ей словамъ, что и костей его матери уже не существуетъ. Красавица отпустила его и дала ему три яблока. Прибывъ на родину, юноша оказался среди чужихъ и на мѣстѣ родного дома увидѣлъ развалины, поросшія мохомъ и крапивою. Въ сильномъ горѣ онъ съѣлъ данное красавицею яблоко и тотчасъ же сѣдая борода покрыла его грудь; съѣлъ второе — волѣна ослабѣли, силы пропали и сдѣлался онъ разслабленнымъ. Стыдясь самого себя, онъ попросилъ проходившаго мимо мальчика подойти къ нему, достать изъ кармана послѣднее яблоко и подать ему. Мальчикъ исполнилъ его просьбу; разслабленный съѣлъ третье яблоко и тотчасъ испустилъ духъ. Въ параллель приводимъ аварскую сказку.

Въ Аварскомъ ханствѣ, между двумя снѣговыми горами, жилъ богатый и знаменитый ханъ Аспаръ. Послѣ долгихъ молитвъ, Богъ сказался надъ нимъ и даровалъ ему сына, который тѣмъ болѣе росъ, тѣмъ болѣе хорошѣлъ. Родители назвали мальчика — *Али* и хотѣли дать ему особенное воспитаніе, для чего выстроили хрустальную башню, куда помѣстили ребенка, приставивъ къ нему кормилицу. Кромѣ кормилицы, никто (даже родители дитяти) не имѣлъ право входить въ хрустальную башню въ теченіи 15-ти лѣтъ. Ребенка кормили одними бараньими

мозгами и повли козьимъ молокомъ. На 16-мъ году родители захотѣли выпустить своего сына на бѣлый свѣтъ и кормить обмененой пищей. Но Али отбросилъ отъ себя кружку вина съ такою силой, что она попала въ противоположную стѣну и, такъ какъ стѣна была хрустальная, вылетѣла вонъ, образовавъ отверстіе въ родѣ круглаго окошка. Мальчикъ очень удивился, подбѣжалъ къ отверстию и началъ смотрѣть на улицу, гдѣ увидѣлъ постройки и людей. Особенно онъ обратилъ вниманіе на кладбище, на которомъ въ то время хоронили одну старуху. Похороны заинтересовали мальчика, и онъ началъ разспрашивать о нихъ своего дядьку. Дядька рассказалъ ему, что когда люди умираютъ, то ихъ закапываютъ въ землю, и это называютъ похоронами. Тогда Али спросилъ: „Неужели и я долженъ умереть?“—Да, князь—отвѣчалъ дядька:—и ты умрешь, когда придетъ время.

„Нѣтъ!“ вскричалъ Али: я не долженъ умереть и не умру!“ Въ это самое время, на башню пришли ханъ съ ханшей, чтобы взять съ собой царевича. Но Али не понималъ, что значить государь и государиня, или отецъ и мать—и просилъ растолковать ему значеніе этихъ словъ.

Затѣмъ ханъ повелъ своего сына во дворецъ показывать богатства, но Али не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія, а все думалъ о томъ, какъ-бы найти мѣсто, гдѣ можно было-бы совсѣмъ не умирать и, наконецъ, рѣшилъ поискать его по бѣлу свѣту. Съ наступленіемъ ночи, онъ слѣзъ съ коня, пустилъ его гулять, а самъ легъ на зеленую траву.

Когда-же онъ на другой день всталъ, то увидѣлъ, что его коня нѣтъ и что остается продолжать путь пѣшкомъ. Отправившись въ путь, онъ дошелъ до одной такой огромной долины, что шелъ 3 дня и едва только достигъ ея середины. И видитъ, что на серединѣ долины стоитъ буйволъ, а передъ нимъ лежитъ 3 рога.

— Скажи пожалуйста, зачѣмъ ты здѣсь стоишь и долголи будешь жить на свѣтѣ?—спросилъ Али, подойдя къ буйволу.

— Я стою здѣсь три года — отвѣчалъ тотъ, и каждый годъ съ меня падаетъ по одному рогу, и когда вся эта долина будетъ усыяна рогами, я умру.

Али не понравилось, что все же ему придется умереть и потому, простившись съ нимъ, онъ отправился дальше и видитъ, что на краю ущелья сидитъ сорока, а передъ ней 3 пера. „Съ меня каждый годъ падаетъ по одному перу и когда все это ущелье наполнится перьями,

я умру“—Такъ объяснила сорока хану причину своего пребыванія на краю ущелья.

Царевичъ не захотѣлъ остаться съ ней и пошелъ дальше; на 20-й день онъ пришелъ въ огромному кургану, на которомъ, стоя на колѣняхъ, молодая и прекрасная собой дѣвица звучнымъ голосомъ читала коранъ.

— Я, — отвѣчала ему та, дѣвица — читаю коранъ и молю Бога за всѣхъ дѣвицъ на свѣтѣ. Каждый годъ изъ моихъ глазъ падаетъ по одной слезѣ въ яму, которую ты видишь передо мною, и когда яма эта наполнится слезами, то я умру. Ты ищешь себѣ мѣста, гдѣ можно было-бы никогда не умирать: иди прямо и за этими горами увидишь три высокихъ дерева, а подъ однимъ изъ нихъ стоящаго на колѣняхъ и молящагося Богу уже 700 лѣтъ сѣдаго, какъ лунь, старика. Спроси его объ этомъ мѣстѣ, и если ужъ онъ не знаетъ, то такого мѣста нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ.

Подойдя къ старику, царевичъ поклонился ему низко. „Ступай сказалъ старикъ, на эту гору, за которой увидишь долину, покрытую цвѣтами, а на ней 12 роскошныхъ финиковыхъ пальмъ и молочное озеро. Стань возлѣ озера и молись до тѣхъ поръ, пока не придутъ райскія дѣвы и не возьмутъ тебя въ рай Магомета“.

Такъ молился Али съ утра до вечера. Когда-же солнце стало садиться, молочное озеро разверзлось на двѣ части; на днѣ показались золотыя ворота, которыя растворились, и изъ нихъ вышли 6 райскихъ дѣвъ неописанной красоты. Онѣ подошли къ нему, взяли его подъ руки и повели въ рай. Въ раю хану жилось очень хорошо, потому что онъ ѣлъ только фрукты и пилъ медъ. Такимъ образомъ Али наслаждался около 100 лѣтъ. Но вдругъ ему вздумалось пойти на землю, чтобы посмотрѣть своихъ родителей.

Сначала райскія дѣвы уговаривали его не ходить, но потомъ, вида, что никакія просьбы не помогаютъ, рѣшились отпустить хана, а для этого вывели его къ молочному озеру и дали на дорогу 3 яблока, съ условіемъ, чтобы онъ ихъ никому не давалъ.

Простаясь съ дѣвицами, Али пустился въ обратный путь и дошелъ до того мѣста, гдѣ стоялъ старикъ; но старика тамъ не было и на камнѣ онъ прочелъ надпись: „Пророкъ вознесся на небо живымъ за то, что онъ въ продолженіи 800 лѣтъ молился Богу“. Отъ этого мѣста царевичъ пошелъ къ кургану, на которомъ сидѣла дѣвица и увидѣлъ ее мертвую, лежащую возлѣ ямы, наполненной слезами. Точно также онъ не засталъ въ живыхъ ни буйвола, ни сороки, людей совсѣмъ не было. Али подошелъ къ своему дому, открылъ

дверь и хотѣлъ войти, какъ вдругъ къ нему на встрѣчу бѣжить шайтанъ и говорить: „Здравствуй, царевичъ, сколько времени я ожидаю тебя и наконецъ-то дождался“.

Царевичу очень любопытно было знать, сколько лѣтъ прошло со времени его отъѣзда изъ роднаго города и онъ спросилъ объ этомъ шайтана.

„Однако ты очень хитеръ и хочешь знать это безъ платы; дай мнѣ сначала одно изъ твоихъ яблокъ, тогда я скажу все, что ты хочешь знать“.

Али, не смотря на запрещеніе, отдалъ шайтану яблоко, которое тотъ живо съѣлъ и сталъ просить еще. А такъ какъ Али не далъ, то началась между ними борьба, изъ которой побѣдителемъ вышелъ Али и, оставивъ шайтана, пошелъ опять къ раю. Но когда онъ пришелъ къ молочному озеру, то молился 3 дня и 3 ночи и на 4-й только день пришли 2 райскія дѣвы и взявъ его подъ-руки, поставили между адомъ и раемъ за то, что онъ отдалъ священное яблоко противнику рода человѣческаго.

Такъ и до сихъ поръ стоитъ безсмертный Али-ханъ на томъ-же самомъ мѣстѣ“.

Интересно, что *) въ нѣкоторыхъ деталяхъ, грузинская и сварская сказки сближаются съ японскою объ Урашимѣ, помѣщенной въ трудѣ фонъ-Латечча (Iapanische Thee-Geschichten Fu-sô-shôwa). Какъ грузинскій юноша, такъ и герой японской сказки встрѣчается на берегу моря красавицу Сень-нинъ. Это была фея, дочь царя духовъ (ри-ши). Она, полюбивъ Урашиму, переноситъ его на островъ безсмертія, и, живя съ нею, юноша забылъ родителей, родину и не замѣчалъ теченія времени. Прошло, какъ ему казалось, три года, и онъ пожелалъ провѣдать своихъ, чтобы затѣмъ снова вернуться къ Сень-нинъ. Отпуская его съ тоскою, она на прощанье дала ему ящичекъ со словами: „Никогда не расставайся съ нимъ, но знай: если ты дѣйствительно надѣешься вернуться ко мнѣ, то держи ящикъ запертымъ, бойся его открыть“! Очутившись на родинѣ, Урашима замѣтилъ удивительную перемену и въ странѣ, и въ жителяхъ, которые его не узнавали. Оказалось, что онъ прожил на островѣ безсмертія триста лѣтъ, а не три года. Отыскавъ на кладбищѣ могилу родителей, онъ упалъ на нее въ отчаяніи. Вспомнивъ затѣмъ объ ящикѣ, данномъ ему Сень-ниной, онъ подумалъ: „О, еслибъ здѣсь найти средство воскресить старое“! Забывъ предостереженіе, онъ тихо открылъ крышку: изъ ящика поднялось легкое серебристое

*) Газ. „Кавказъ“ 1874, 22, Аварская сказка „Безсмертный Али“.

облачко и улетѣло къ вѣчно-зеленому острову. Въ тотъ же мигъ Урашима преобразился: волосы его побѣлѣли, глаза потухли, глубоки морщины избороздили лицо, зубы выпали, онъ весь согнулся, задрожалъ; дыханіе становилось слабѣй, сердце перестало биться. Онъ покачнулся и трупомъ упалъ на могилу родителей. Въ ящикѣ была жизненная сила, которая даетъ вѣчную молодость. -- Какими путями и откуда распространился первоначальный рассказъ, потомки котораго оказываются на Кавказѣ и въ Японіи, это вопросъ, на который, вѣроятно, не скоро будетъ полученъ отвѣтъ.

Сказка „Судьба“, напечатанная въ сборникѣ г. *Амиашвили*, представляетъ любопытную параллель къ одной русской побивальщинѣ. Молодой царевичъ заблудился въ лѣсу на охотѣ, провелъ тамъ ночь и утромъ набрелъ на домикъ, въ которомъ увидѣлъ дряхлаго старика, читавшаго большую книгу и что-то по временамъ записывавшаго въ ней тростниковымъ перомъ. Царевичъ спросилъ у него объясненія его занятія. Тотъ долго отказывался и, наконецъ, сказалъ, что записываетъ въ книгу судьбу каждаго человѣка. „Въ такомъ случаѣ попросилъ царевичъ, — потрудись узнать въ твоей книгѣ, что опредѣлено мнѣ судьбою“. Старикъ посмотрѣлъ въ книгу и объявилъ, что судьба предназначала царевичу жениться на дочери бѣднаго пастуха, которая давно страдаетъ неизлѣчимою болѣзью. Царевичъ разсердился на старика, ушелъ изъ его хижины и побрелъ, куда глаза глядятъ. Идя ночью на свѣтъ огонька, онъ пришелъ къ хижинѣ одного бѣдняка, который предложилъ ему у себя ночевать. „Если не псбрезгаетъ твоя милость“, сказалъ онъ, — „то я помѣщу тебя въ моей хижинѣ; тамъ спитъ только моя больная дочь“. „Больная дочь?“ спросилъ царевичъ, „а кто же ты самъ?“ „Я бѣдный пастухъ, твой покорный рабъ. Царевичъ тотчасъ догадался, что больная дѣвушка — предназначенная ему невѣста, и рѣшился ее погубить. Онъ легъ ночевать въ комнатѣ больной, а пастухъ съ женою спали на дворѣ. Ночью царевичъ, убѣдившись, что хозяйка спитъ глубокимъ сномъ, подошелъ къ спящей дѣвушкѣ и ударилъ ее кинжаломъ въ животъ: она громко вскрикнула и замолкла. Думая, что она мертва, царевичъ положилъ около нея мѣшокъ съ червонцами, вышелъ тихонько изъ хижины и исчезъ въ темнотѣ. По уходѣ царевича, когда утромъ отецъ и мать вошли въ хижину, то увидѣли дочь свою совсѣмъ здо-

¹⁾ „Грузинскія сказки“ стр. 34—39. Ср. татарскую сказку въ „Сбор. мат. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа“ вып. VI. Груз. и татарская сказки совпадаютъ во всѣхъ деталяхъ.

ровой. Оказалось, что ударъ кинжаломъ испѣлилъ ее, такъ какъ она страдала водянкой. Обрадованные родители вмѣстѣ съ дочерью переселились въ городъ, гдѣ купили себѣ домъ на деньги, оставленные царевичемъ. Дочь ихъ стала замѣчательной красавицей. Однажды царевичъ увидѣлъ ее у крыльца дома, влюбился въ нее и сталъ умолять отца своего дозволить ему на ней жениться. Царь изъ любви къ сыну соглашается исполнить его просьбу. Однажды молодая царевна съ матерью и сестрами своего мужа пошла въ баню. Онѣ замѣтили у нея глубокой шрамъ и сказали царевичу. Онъ разспросилъ жену и убѣдился, что жена его именно та дѣвушка, которую онъ покушался убить. Подобно сказка въ цѣломъ извѣстна закавказскимъ татарамъ („Сбор. матер., вып. VI), и во многихъ деталяхъ близко напоминаетъ побывальщину о женитьбѣ богатыря Святогора, записанную Рыбниковымъ (I, стр. 40—41).

Идея непрерываемости Судьбы или Доли прослѣжена акад. Веселовскимъ и ея народные олицетворенія отмѣчены въ сказкахъ различныхъ народовъ ¹⁾. Въ одной грузинской сказкѣ находимъ параллель къ этому сюжету. Жилъ былъ богатъ: его безчисленные стада рогатаго скота и табуны лошадей бродили по горамъ безъ пастуховъ и присмотра, точно ихъ оберегала какая-то невѣдомая рука. ²⁾ Въ той же странѣ жилъ бѣднякъ, человекъ лѣнивый. Богатъ предложилъ ему приходить къ нему помогать при работахъ; онъ даетъ ему за то пару воловъ. Лѣнivecъ предпочитаетъ угнать часть богачева стада, безъ присмотра насущуюся и продать выгодно въ городѣ. Когда онъ подошелъ къ стаду, то пронесся свистъ и пронзительный крикъ по горамъ. Стада вдругъ зашевелились, лошади заржали, лѣнивыя коровы оживились, раздался шумъ и весь скотъ, какъ вихрь, слетѣлъ въ долину. Бѣднякъ подошелъ къ мѣсту сбора и увидѣлъ среди стада крошечнаго человека, лицо котораго сіяло, какъ огонь; животныя проталкивались къ нему, желая облизать его. Я Счастье хозяина этихъ стадъ, былъ его отвѣтъ на вопросъ бѣдняка, а твое Счастье тамъ на холмѣ подъ кустомъ поживаетъ. Бѣднякъ идетъ искать его, но долго не находитъ, и такъ какъ полѣнился идти дальше, то легъ и про-

¹⁾ *Веселовскій*, Разысканія, вып. V, гл. XIII; „Этногр. Обзор.“ IX, 20—29. Идея груз. сказки, что злую долю можно исправить трудомъ, волей представляется Боккачю „de rebus sagacum illustrium“ въ томъ смыслѣ, что лихую долю всякій самъ себѣ навязываетъ. Ср. *Потебня*, о Долѣ и сродныхъ съ нею представленіяхъ и *Васильева* „Этногр. Обзор.“ кн. IV.

²⁾ „Сбор. мат. для опис. мѣстн. Кавказа“, в. X, отд. III, стр. 49.

спалъ до вечера. Вдругъ до него донесся стонъ: въ кустахъ извивался какъ насѣкомое, совершенно высохшій, безобразный человѣкъ „я твое счастье“, прохрипѣлъ онъ и отвѣчалъ на укоръ бѣдняка: ты лежишь и почишаешь я тоже лежу и сохну; встань — встану и я, проснись — я буду добро добывать, трудись — дамъ богатство. Бѣднякъ одумался, началъ трудиться; проснулось и его счастье — онъ разбогатѣлъ и зажилъ счастливо.

Къ олицетвореніямъ должны быть причислены представленія грузинъ о средѣ и пятницѣ, которая въ образѣ женщины помогаютъ родильницѣ и наказываютъ праздновать дни, посвященные имъ. Среда наградила новорожденного способностью вмѣсто слезъ во время плача сыпать жемчугъ, а во время смѣха выбрасывать розу и фіалку. Пятница же одарила силой превращать обмытую имъ воду въ золото, а при каждомъ движеніи рассыпать мускусъ и амбру. Въ Сванетіи до сихъ поръ наряду съ воскресеньемъ строго соблюдается празднованіе пятницы. (Почитаніе св. Пятницы см. *Стоглавъ*, вопросъ, 21).

VI. П о с л о в и ц ы .

Пословицами называются краткія изреченія, въ которыхъ выражаются мысли и сужденія о внѣшней природѣ, вѣрованія и суевѣрія, нравственныя понятія и правила житейской мудрости, выведенныя народомъ изъ опыта и наблюденія. Въ пословицахъ можно указать на слѣды первобытнаго міеологическаго міросозерцанія и пережитыхъ историческихъ событій; нѣкоторыя изъ нихъ образовались подъ влияніемъ книжной словесности. Миѳическій элементъ нетрудно замѣтить въ пословицѣ: „Минутный сонъ и рѣкой овладѣваетъ“, представляя рѣки, какъ и всѣ другія твари, одушевленными и способными предаваться сну ¹⁾. „Если луна на моей сторонѣ, то на что мнѣ звѣзды?“ (указаніе на поклоненіе свѣтлдамъ природы). Олицетвореніе смерти находимъ: „Смерть сказала, что кого я ни убивала, вину сваливала на другія причины“. Къ остаткамъ миѳическаго періода относится также вѣра

¹⁾ *Иверія* 1890, 208. Сказка „Мушкамбаръ“ и „Сбор. мат. для опис. Кавказа“, вып. X.

²⁾ По повѣрію грузинъ ежегодно бываетъ (преимущественно наканунѣ Нового года) моментъ, когда засыпаютъ и вода и земля, и огонь и воздухъ, и растеніе, и планета, и ангелъ. Въ это время на мгновеніе открываются небесныя врата и показывается лучезарный Богъ: кто успеетъ взмолиться къ Богу при открытыхъ небесныхъ вратахъ, то исполнится все, о чемъ онъ проситъ. Ср. *И. Джанашиви*. Картвельскія повѣрія и *Мамаладзе. Гурійскія повѣрія* въ „Сбор. мат. для опис. Кавказа“, в. XVII.

рокъ, въ непреодолимую силу судьбы: „Необходимость заставитъ лечь съ царицей“. „Отъ судьбы не убѣжишь“. „Дай счастье и выбрось на навозъ“. „Судьба мужа и жены рѣшается на небесахъ“. „Несчастливаго камень и на подъемѣ догонитъ“ (ср. мингр.). Къ мифическимъ же пословицамъ относятся тѣ, въ которыхъ выражается представленіе о существованіи когда-то людей великановъ и карликовъ: „Самъ былъ великанъ, а умъ имѣлъ короткохвостый“. У нихъ не хватало настолько ума, чтобы давать кормъ своимъ высокорослымъ лошадямъ въ ясляхъ, поставленныхъ на землю: они воображали, что лошадь не съумѣетъ нагнуться, и потому ясли ставили на крыши своихъ домовъ. Карлики ихъ превосходили умомъ: „Большая голова, умъ короткій, маленькая голова, умъ великій! Маль да милъ (ср. маленькій да удаленькій). Повѣрье въ дьяволовъ: „Вина не было а дьяволы мѣха раздували“. „Рабочій дьявола разбитъ Богомъ“. „Покинутой церковью дьяволы владѣютъ“. Повѣрье въ душъ умершихъ и возможность похищеніе ими живыхъ родичей осталось въ пословицѣ: „Душа душу познаетъ“. „Будь здоровъ до его прихода“. „Твоя болѣзнь на твоёмъ соплеменникѣ“. Вѣра въ какого-то бога, которому пѣлось „алило“, отмѣчается въ пословицѣ: „Одно алило и жрецъ забудетъ“. Въ христіанскую эпоху сложились пословицы, смѣнившія представленіе о судьбѣ вѣрой въ Бога: „Богъ-милостивъ“ (ср. рус. у Бога милости много). „Господь щедръ, бѣднякъ, не огорчайся въ сердцѣ“. „Вдову и сиротъ Богъ трижды въ день озираетъ“. „Откуда и какъ св. Саваоѣ!“ „Каковъ попъ, таковъ и народъ“ (ср. рус.). Историческія событія также послужили основой пословицъ, сохранившихъ воспоминанія о прошлой жизни народа. О сношеніяхъ Грузинъ съ Турціей и гоненіяхъ послѣдней имѣемъ слѣдъ въ пословицѣ: „Татаръ эрзерумскій голову поросенка у меня оспариваетъ“. О передвиженіи месховъ изъ предѣловъ прежняго мѣстожителства въ новую территорію говорятъ пословица: „Пришелъ месхъ и автохтона согналъ“. Слѣдъ наиболѣе отдаленныхъ связей грузинскаго народа съ греческимъ обнаруживается въ пословицѣ: „Пусть будетъ медь, а муха изъ Милета прибудетъ“. При видѣ разнообразнаго сборища говорятъ: „Словно милетскій народъ“! Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Милетъ замѣненъ Багдадомъ. Индія вспоминается въ нѣсколькихъ пословицахъ: „Разсиросами можно дойти до Индіи“. „Говорятъ въ Индіи осель влѣзъ на дерево,—вотъ дерево пусть и тутъ влѣзетъ“. Въ грузинской лѣтописи сохранились пословицы: „Увы сокровищу царя Свимона“! (по поводу разграбленія его семьи Даутханомъ). „Сына Коргана Карапиду толкнули, и онъ перелетѣлъ ¹⁾“.

¹⁾ *Картлисъ-Цховреба* II, 27, 28, 30, 50.

Изъ пословицъ, относящихся къ быту семейному, важны тѣ, въ которыхъ выражаются отношеніе между сословіями и положеніе женщины. Покорность крѣпостныхъ своему помѣщику иллюстрируется пословицей: „Баринъ сказалъ, что на дубѣ растутъ яблоки—ты вѣрь“. „Любимая бариномъ змѣя должна быть крѣпостнымъ посажена за пазуху“. „Гнѣвъ барина на крѣпостнаго—знакъ милости“. Сознаніе достоинства свободнаго человѣка воспроизводится въ пословицѣ: „Не былъ крѣпостнымъ и крѣпостныхъ не имѣлъ, а стараго вина и хлѣба хватало на цѣлые годы“. О гордости дворянина говоритъ пословица: „Дворянинъ кукурузнаго хлѣба не ѣстъ, проголодается — на все согласится“. „Быть въ гостяхъ у дворянина—не шутка“. „Обычай дворянъ—подавать десертъ послѣ ужина“. На несоотвѣтствіе гордости дворянъ ихъ матеріальному положенію намекается въ пословицѣ: „Крестьянство у князя не дало мнѣ возможности собрать муки въ коду“ (= 4 пуда). Особая группа пословицъ затрагиваетъ различныя стороны семейнаго и общественнаго быта. Отмѣтимъ пословицы, въ которыхъ указывается самостоятельный выборъ жениха женщиной: „Дѣвъ сидѣть и счастья ждуть“. „Не возбудить жалости дѣвка ни плачемъ, ни воемъ“. „Что дѣлать несчастной женщинѣ, какъ не плакать при видѣ смертоноснаго супруга“. Любовь супруговъ ведетъ въ миру: „Мужъ и жена и на топоръ ложатся спать“. Невысокое мнѣніе народа о женщинѣ выражается въ пословицѣ: „У женщины волосъ длиненъ, умъ коротокъ“ (ср. русскую) „Если женщина потянетъ, то 9 паръ воловъ не удержатъ“. „Пока у женщины есть мужъ — она Амиранъ (герой), когда онъ умретъ она Амиранъ надъ амиранами“. „Не вѣрю женщинѣ и чистому небу“. Достоинство ея—скромность отмѣчается въ пословицѣ: „Застѣчивая дѣва, знатный юноша—стоятъ вселенной“. Покорность ея року приказывается въ пословицѣ: „Хорошъ иль дуренъ, женщина, а все же онъ твой мужъ“! Отношеніе матери къ дѣтямъ выражается въ пословицѣ: „Мачиха—зла въ глазахъ“. Тяжелое положеніе невѣстки, „Бьютъ собаку, даютъ понять невѣсткѣ“ — Невѣстка порицается: „Кто видѣлъ хорошую невѣстку? Изъ пословицъ, относящихся къ быту общественному, отмѣтимъ тѣ, въ которыхъ выражается взглядъ народа на значеніе общины *теми* (ср. рус. „міръ“): „Гласъ Божій—гласъ народа“; „царь разгнѣвается,—обратись къ *теми*; *теми* разгнѣвается—переселись“! Обязанность человѣка къ обществу характеризуется по пословицѣ: „Человѣкъ долженъ быть пилотъ, чтобы въ обѣ стороны вырѣзывать, а не топоромъ, чтобы все въ свою сторону отрѣзывать“; „человѣкъ долженъ имѣть два имени, одно для того міра, а другое для оставленія въ этомъ мірѣ“. Нера-

венство сословій оправдывается пословицей: „Горы и равнины нельзя сравнять“. Старинное судопроизводство и взяточничество рисуются въ пословицахъ: „Взятка освѣтитъ и адъ“; „то такъ—то сакъ“ (произвольное рѣшеніе), хотя „одной рукой двухъ дынь нельзя держать“. Случайность назначенія судей показана въ пословицѣ: „Въ одной странѣ не нашли лучшаго, осла поставили судьей“. Любовь народа къ правдѣ и справедливости подтверждается многими пословицами: „Бей сто разъ, но дай сказать правду“. Какъ трудно, однако, правду высказывать, видно изъ пословицы: „Кто правду говоритъ, тотъ долженъ держать коня осѣдланнѣмъ“ (чтобы ускакать). „Сказать много я могу, но ротъ зажимаютъ“. „Погонишься за правдой, лишишься свѣта“. Презрѣніе же къ лести и сплетнѣмъ сказывается въ пословицѣ: „Кто въ лицо хвалитъ, тотъ посланникъ дьявола“. „Новаго огурца и новой молвы не покупай дорого—скоро спустятся въ цѣнѣ“. Народъ цѣнитъ гостепріимство и помнитъ хлѣбъ-соль: „И камень помнитъ хлѣбъ-соль“; „войти въ домъ твое дѣло, но выйти дѣло хозяина“; „если хозяинъ не поестъ, то и гостю взгрустнется“. Юридическіе обычаи сводятся къ почитанію старины: „Не забывай старыхъ завѣтовъ, ни стараго друга“. „Дѣла самаго стараго человѣка заслуживаетъ вѣры“.. „Лучше истребится роду, чѣмъ адату“.. „Адаты сильнѣе закона“. Взглядъ на воровство: „Воръ иголки и верблюда—все воръ“ ¹⁾. Уваженіе народа къ ученію выражено въ пословицѣ: „До конца своей жизни не ослабѣвай въ ученіи“. Трудность ученія и воспитанія хорошо понимается народомъ: „Лучше одну воду (4 пуда) проса пробуравить, чѣмъ одного ребенка воспитать“.

Цѣлый рядъ пословицъ возникъ подъ вліяніемъ книжной литературы и въ особенности Ш. Руставели: „Въ несчастіи нужно быть непреклоннымъ, какъ каменному зданію“; „страхъ не удержитъ смерти,—безполезно кривляться“; „лучше смерть славная, чѣмъ жизнь позорная“ ²⁾.

Въ нѣкоторыхъ пословицахъ характеризуются имеретины, мингрельцы, армяне, горцы.

Отъ пословицъ, образовавшихся въ разные времена чрезъ наблюденіе надъ жизнью, нужно отличать поговорки, присловія и присказки. Онѣ не заключаютъ въ себѣ полной опредѣленной мысли, а употреб-

¹⁾ Грузинскія пословицы въ хрестоматіи Д. Чубинова, а отдѣльно изданы Ш. Умкашвили. Тифлисъ, 1876.

²⁾ Изреченія изъ „Барсовой кожи“ изд. Н. Вемсцихели, Тифлисъ, 1890 г. Ср. журналъ „Иверія“ за 1881—1883 гг.

ляются въ разговорѣ въ видѣ сравненія или для большей наглядности. „Каковъ отецъ, таковъ и сынъ“. „Не по годамъ, а по днямъ растетъ (ср. русскую не по днямъ, а по часамъ растетъ). На поминѣ собака, (ср. на поминѣ лежокъ). „Копьа бросилась въ лицо“, „т. е. остался ни съ чѣмъ“.

Форма пословицы представляетъ рюмованную или мѣрную рѣчь ¹⁾.

VII. З а г а д к и.

Особый видъ народной словесности составляютъ загадки, имѣющія также рюмованную или мѣрную рѣчь. Загадками называются аллегорическія выраженія, въ которыхъ одинъ предметъ изображается посредствомъ другаго, имѣющаго съ нимъ какое-нибудь отдаленное или вѣдшее сходство.

Древнѣйшія загадки отражаютъ слѣды первобытной мнѣической символизаци, нѣкоторыя изъ нихъ указываютъ еще на эпоху представленія явленій и свѣтилъ природы въ образахъ птицъ или животныхъ. „Прилетѣло двѣсти орловъ, раскрыло 300 крыльевъ, ударило 400 клювовъ, пробило 500 скалъ“ (солнце). „Въ одной странѣ два брата имѣютъ одинъ и тотъ же свѣтъ, одинъ вѣчно юнъ, а другой близокъ къ старости, у одного безчисленное войско, у другаго же только одинъ тронъ“. (Солнце и луна).—„Это патронъ, за патрономъ ножъ, за ножомъ гумно, гумно оковано, жеребенокъ остриженъ“ (небо и звѣзды). „Съ высоты вскачь гинулись всадники, туда и сюда разогнали пѣшихъ и конныхъ“ (градъ). Другія загадки объ явленіяхъ природы не менѣе любопытны: „абли, бабли(?) серебряный тронъ, взялъ солнцемъ, поставилъ луной“ (ледъ). „Одно невидимое, но гласное существо обходя море и сушу, домой приноситъ вой и шумъ“ (вѣтеръ). „Пришелъ бѣлый теленокъ,

¹⁾ Армянскія, грузинскія и татарскія пословицы въ русскомъ переводѣ напечатаны въ небольшомъ числѣ въ „Сбор. свѣд. о Кавказѣ“ подъ р. *Н. Зейдлица*, т. I, 328—336 (Тифлисъ, 1871). Армянскія пословицы приводятся въ книгѣ *Wislocki Märchen und Sagen der Bukowinaer und Sigbenberger Armenier* (Hamburg, 1892). Вотъ нѣсколько параллелей грузино-армянскихъ пословицъ: Нищій гордецъ противень; бѣдень и гордь. Что нужно ворю? темная ночь; лучшее желаніе вора—темная ночь. Злой сынъ заставляетъ ругать своихъ родителей; одинъ испортилъ славу тысячъ. Пришелъ армянинъ принесть, съ собою другой ударъ (громовой); у армянина умъ въ головѣ, а у грузина въ глазахъ. Ср. съ грузинскими мингрельскія: Въ кушани, что закричишь, то и онъ тебѣ закричитъ; что поѣешь, то пожнешь. „Сб. мат. для опис. плем. Кавказа“, X, II, 256.

прогналъ чернаго теленка“ (день и ночь). Загадываніе и отгадываніе загадокъ, состязаніе или мудрые разговоры вошли въ грузинскія народныя сказки. Вопросы и отвѣты на мотивы имѣются въ отдѣльныхъ загадкахъ и сказкахъ и собраны въ наибольшомъ количествѣ въ повѣсти „Дѣвица и юноша“ въ родѣ „Гробъ движущійся и мертвецъ взывающій“ (Иона). Подъ вліяніемъ чтенія священныя книгъ сложилась загадка „Меня родилъ отецъ мой, я родилъ дочь свою, дочь моя родила отца моего“ (Иисусъ Христосъ). „Разъ рожденный и дважды умершій (Лазарь)“ ¹⁾. Отгадываніе загадокъ считается по грузинскимъ сказкамъ не только признакомъ мудрости, но и правоты. Обреченный на казнь освобождался въ томъ случаѣ, если давалъ отвѣтъ на предложенную загадку. Такимъ образомъ, загадка является своего рода Божьимъ судомъ. Желающій жениться на царевнѣ долженъ отгадать, по нѣкоторымъ сказкамъ, предлагаемая невѣстой загадка, какъ въ повѣсти „Юноша и дѣвица“. Для образца приведемъ, помимо выше названной сказки, еще сказку въ загадкахъ ²⁾. Былъ мудрый царь и у него былъ мудрый католикосъ. Желая его погубить, царь предложилъ три вопроса, на которые онъ долженъ отвѣтить въ три дня или же онъ долженъ сложить голову на плаху. Царь требовалъ разрѣшенія вопросовъ: 1, сколько онъ, царь, стоитъ; 2, сколько звѣздъ на небѣ и 3, что онъ думаетъ въ данную минуту. Опечалился католикосъ. Поваръ его проситъ позволенія идти вмѣсто него къ царю для отвѣта на заданные вопросы. Сдѣлавъ себѣ парикъ католикоса, поваръ пришелъ къ царю. На первый вопросъ онъ отвѣтилъ, что царь стоитъ 15 серебрянниковъ, такъ какъ Спаситель проданъ былъ за 30 серебрянниковъ, а Іосифъ за 17, а царь меньше ихъ обоихъ. На второй вопросъ сказалъ, что на небѣ 10 милліоновъ звѣздъ, а если не вѣрить, то пусть прикажетъ сочестъ. На третій вопросъ онъ замѣтилъ, что царь думаетъ въ настоящую минуту, будто видитъ предъ собою католикоса, а на самомъ дѣлѣ онъ его поваръ, и снялъ парикъ. Царь вознаградилъ и повара, и католикоса.

¹⁾ Грузинскія загадки, собранныя *кн. Р. Эристовымъ*, Тифлисъ 1879.

²⁾ *Джеджили* 1892, кн. IV. Сказки „Царь и Католикосъ“. Ср. рус. сказку о купцѣ *Басарги*, внесенную въ апокрифическую бесѣду. Православный Басарги попалъ къ языческому царю Несибяну; послѣдній предлагаетъ купцу загадку; отгадавши ихъ, онъ остается на свободѣ, въ противномъ случаѣ онъ долженъ лишиться жизни. Вмѣсто Басарги три вопроса царя рѣшаетъ семилѣтній сынъ перваго, Мудросмыслъ (Борзосмыслъ). Ср. *Буслаевъ*. Очерки рус. нар. словесности, II, 26.

Другая сказка въ загадках „Царь рыболовъ“¹⁾. Рыболовъ стоялъ зимою въ водѣ, когда царь прошелъ мимо него съ своими визирами. Царь его спросилъ: Неужели не съумѣлъ ты восьмью превысить четыре, что работаешь при морозѣ? — Не могъ ничего сохранить благодаря 32. — Какъ мельница работаетъ? — Давно уже испортилась. — На горѣ снѣгъ пошелъ. — Въ домику тоже давно спустился. — Какъ вдали чувствуешь? — Приблизилъ. — Какъ ты на двухъ поживаешь? — Утроилъ. — Если отдамъ козъ, не съумѣешь ли ихъ отстричь? — Такъ отстригу, что и кожу захвачу. — Царь очень былъ доволенъ отвѣтами. Визири ничего не поняли. Царь объявилъ имъ, что изъ нихъ будутъ наказаны тѣ, которые не съумѣютъ истолковать поднятыхъ вопросовъ и отвѣтовъ. Визири просили помощи у рыболова; послѣдній согласился оказать содѣйствіе за большое награжденіе, и визири должны были для его удовольвенія заложить даже платья женъ. Получивъ гонораръ, онъ имъ объяснилъ бесѣду такъ: „царь спросилъ какъ онъ не смогъ въ 8 мѣсяцевъ столько сколотить запаса, чтобы въ зимѣ четыре мѣсяца его хватало. Я отвѣтилъ: ничего не могъ спасти отъ 32 зубовъ, — что зарабатываю, то и сѣдаю. — Зубы цѣлы? спросилъ царь. — Давно спали, отвѣтилъ я. — Въ волосахъ уже сѣдина, замѣтилъ онъ? и въ бородѣ прибавилъ я. — Какъ ты видишь? спросилъ онъ меня; ничего не вижу. прибавилъ я. Колѣна какъ работаютъ? — Опираюсь на палку. Козы же — это вы, закончилъ старикъ. Визири остались на своихъ мѣстахъ, удовлетворивъ царя отвѣтами.

Въ сборникѣ вахетинскихъ сказокъ²⁾ имѣется одинъ разговоръ — загадка. Здѣсь дѣвица объявляетъ, что выйдетъ за того, кто трижды заставитъ ее заговорить и засмѣяться съ вечера до утра, а кто при-

¹⁾ *Джеджили* 1890, кн. I. Ср. Разговоръ—загадку у *Буслаева*. „Рус. нар. поэзія. I, 33—4.

²⁾ *Мой рукописный сборникъ кахетинскихъ сказокъ*, № 5. Ср. сказку „Царевичъ“, напечатан. у *Як. Гогобаишвили* въ его книгѣ „Бунесисъ Кара“ стр. 448—451. Оживленіе убитыхъ мужей происходитъ по этой сказкѣ не съ помощью Божьяго платка, а травкой, указанной крысой, которая оживила мышенка, убитаго на трупахъ мужа и девера. Ср. сказочный этотъ сюжетъ съ сказками другихъ народовъ. *Проф. Сумцовъ*. „Мышь въ нар. словесности“. „Этногр. Об.“ Въ другихъ сказкахъ средство оживленія замѣщается у змѣя. Одна змѣя убиваетъ другую, но потомъ зеленымъ лисомъ начинаетъ тереть мертвую и возвращаетъ ее къ жизни. См. „Книгу мудрости и лжи“ *С. С. Орбелиани*, перев. *А. Цагарели* (Спб. 1878, № III). Тотъ же мотивъ у осетинъ, вѣмцевъ, литовцевъ, въ араб. сказкахъ „Тысяча и одна ночь“.

ступить къ опыту и не съумѣть, съ того голову велить снять. Царевичъ тщетно пытался вызвать дѣвицу на разговоръ, подъ утро вспомнилъ о волшебномъ яблокѣ, имѣющемся у него, досталъ его и оно-то связало сказку. Было два брата, одинъ женатый, другой холостой; по дорогѣ на нихъ напали и съ обѣихъ сняли головы. Стала горько плакать жена; на ея плачь Господь послалъ ангела съ платкомъ и велѣлъ, приставивъ головы къ тѣламъ, приложить къ нимъ платокъ. Но по ошибкѣ голову мужа приставили къ тѣлу его брата и обратно, они ожили, и стали ссориться изъ-за женщины. Загадка—кто ея мужъ? Дѣвица отвѣтила, что она принадлежитъ тому, кто имѣетъ тѣло мужа и голову деверя. А ты дѣвица, говоритъ яблоко, принадлежишь этому царевичу. Дѣвица засмѣялась. Говоритъ опять яблоко: или вмѣстѣ столяръ, священникъ и портной. Столяръ сдѣлалъ изъ дерева фигуру женщины, священникъ вложилъ душу, а портной сшилъ ей платье. Начался у нихъ споръ, кому она принадлежитъ. „Разумѣется плотнику, говоритъ дѣвица, если бы онъ не сдѣлалъ фигуру, то въ некого было вложить душу или шить платье.—Значитъ и ты этому юношѣ принадлежишь“. Дѣвица засмѣялась третій разъ. Говоритъ снова яблоко: были одинъ прорицатель, одинъ врачъ и одинъ скороходъ. У нихъ была вдали одна невѣста, и никто изъ нихъ не хотѣлъ отказываться отъ своей претензіи на нее. Разъ дѣвица эта заболѣла. Прорицатель (сердцевѣдъ) узналъ объ этомъ несчастіи, врачъ приготовилъ лѣкарство, а скороходъ его доставилъ больной и вылѣчилъ ее. Кому она теперь принадлежитъ? „Безъ сомнѣнія сердцецвѣду,—отвѣчаетъ дѣвица,—если бы онъ не узналъ объ ея болѣзни, не для кого было бы готовить лѣкарство или доставлять его.“—Значитъ и ты этому юношѣ принадлежишь“, говоритъ яблоко. Дѣвица заговорила и засмѣялась третій разъ и вышла за юношу.

VIII. Заговоры.

Заговоры являются молитвенными словами, обращенными язычникомъ къ богамъ для привлеченія къ себѣ ихъ благоволенія и отвращенія ихъ вреднаго дѣйствія. Заговоры до сихъ поръ пользуются уваженіемъ въ Грузіи, а знатоки ихъ слывуть за народныхъ знахарей и цѣлителей. Знахарь, обращаясь къ содѣйствію силъ природы, ангеловъ и святыхъ, вызываетъ, наговариваетъ благотѣльное или вредное ихъ дѣйствіе на однихъ, и заговариваетъ, останавливаетъ вліяніе добрыхъ и злыхъ силъ. Заговоры употребляются съ различными цѣлями. Въ звѣроловномъ и пастушескомъ быту человѣкъ путемъ

заклятія надѣялся привлечь звѣрей въ свои сѣти или оградить скотъ отъ нихъ. У сванетовъ до сихъ поръ извѣстенъ культъ богини охоты, *Далъ* (ср. Артемиду), которую они представляютъ себя женщиной, одаренной удивительною красотою и живущею на вершинахъ горъ. Безъ ея воли никакой охотникъ не можетъ убить туровъ и дикихъ козъ, которыхъ она пасетъ. Пшавы вѣрятъ, что у каждого животнаго есть свой геній-покровитель въ образѣ маленькой красивой дѣвочки, которую умоляютъ помочь имъ на охотѣ ¹⁾. Въ земледѣльческомъ быту путемъ заговоровъ стараются своевременно вызвать дождь и солнце, и, представляя все въ природѣ живущимъ и дѣйствующимъ сознательно, олицетворили болѣзнь, злую силу, вообразили ее сознательнымъ существомъ, а отсюда предположили возможнымъ посредствомъ заклятія отогнать отъ себя болѣзнь и пустить ее въ недруга. Заговоръ, наконецъ, примѣнялся въ различныхъ отношеніяхъ семейныхъ и общественныхъ. Заговоры стали записываться рано и уже въ древнѣйшихъ лѣчебникахъ (Карабадиани) помѣщены вмѣстѣ съ рецептами противъ разныхъ болѣзней. Есть заговоры противъ зубной боли, сглаза, испуга, на удачную охоту, на любовь, противъ любви. Заговоры являются однимъ изъ образцовъ народнаго *двоевѣрія*: тутъ рядомъ съ какими-то темными силами призываются св. Георгій, Богородица, І. Христосъ. Заговоры имѣютъ форму мѣрной рѣчи, а въ нѣкоторыхъ сохранились остатки прежней риемы. Нѣкоторые заговоры, напр. испуга, произносятся при извѣстной обстановкѣ: съ углемъ и ножомъ въ черной рукояткѣ. (Надъ углемъ шепчутъ слова и русскіе и обводилъ имъ, напр., начинающійся чирей).

Для отвращенія града существуетъ заговоръ: „Кварквалъ(?) счастливый, по ущельямъ ходи, града предводитель (т. е. Илья), помоги намъ! Творецъ, помоги твоею благодатью, архангелъ помоги намъ!“ Грузины въ Джавахетин (Ахалкалакъ. уѣзда) говорятъ, когда сверкаетъ молнія и гремитъ громъ: „слѣпой Еліа (Илья), направляйся по горамъ!“ По ихъ представленію градъ, молнія и громъ—дѣло Еліа, котораго просятъ пощадить ихъ нивы и сады и отступить въ горамъ. Во время молніи и грома кладутъ на сковородку немного соли и ставятъ у дверей въ увѣренности, что градъ растаетъ и обратится въ воду ²⁾. Во время засухи грузинки женщины и дѣвочки дѣлаютъ большую куклу и потомъ обносятъ ее по деревнямъ и поютъ:

¹⁾ *Мой* очеркъ Пшавы, стр. 7 (въ „Сбор. при Дашковскомъ музеѣ, вып. III).

²⁾ *Иверія*, 1889, мартъ. Ср. „Этногр. Обзор.“, II, 190.

Лазарь пришелъ къ дверямъ нашимъ,
 Посмотрѣлъ туда-сюда,
 Съѣлъ на полу и уподобился лунѣ.
 О, святой Илья, чего задумался?
 Нашу корову тучную тебѣ жертвуемъ!
 Двигнутся тучи, торопится дождь.
 Господи, дай намъ грязи,
 Не хотимъ болѣе засухи.
 Если ты пошлешь дождь,
 Мы зарѣжемъ тебѣ козла“.

По окончаніи пѣсни поселянки поднимаются на крыши своихъ домовъ, кукулу и „лазаристокъ“ обливаютъ водою изъ кувшиновъ и дарятъ имъ масло, яйцо, свѣчи и пр.

Если заболѣетъ какое-нибудь домашнее животное, или начинаютъ погибать шелковичные черви, или ружье перестаетъ бить, или въ неводѣ рыба, или въ капканѣ не попадается звѣрь, и причину этихъ явленій можно предположить въ дурномъ глазѣ кого-нибудь, то надъ этими предметами читаютъ слѣдующій заговоръ противъ сглаза: „Я буду молиться противъ глазъ, противъ ушей, противъ злыхъ глазъ, противъ злыхъ ушей домашнего, чужого, женщины, мужчины, взрослого, малаго, блондина, брюнета, всякой души и рожденного. Я молящаяся, Христось—врачеватель, Господи, молитва моя, величіе Твое“. (Молитву читаетъ обыкновенно женщина). Вторая часть молитвы: „Сидѣла мать Марія (Богородица) у дверей рая, ткала ткань коралловую. Пришла женщина та страшная и мужчина тотъ страшный, запуталъ ткань мою, повредилъ плечо мое. О томъ плачетъ (Марія), на то жалуется, о томъ проливаетъ слезы брилліантовья, за то рветъ волосы гишеровы, за то рветъ (царапаетъ) щеку ахонтовую. Пришелъ Христось, спросилъ: „что хочешь, мать Марія? Возьми мѣдъ растопи ¹⁾, сожги глазъ и ухо, имѣющаго злой глазъ ослѣпи“.

Третья часть молитвы: „текла черная рѣка, она несла черную змѣю, опустилъ я черную кость, досталъ я черную змѣю, положилъ я на камень изъ „мѣди“, заставилъ излить ядь-кровь ея дурной души, ея дурное сердце. Глазамъ ея зола, сердцу копьё, святого Георгія лукъ—стрѣла. Ушла (змѣя) на гору, голову ударила о камень,

¹⁾ *Сбор. матер. для опис. Кавказа*; в. XVII, статья г. *Мамаладзе* о гурійцахъ. Авторъ „рвали“ оставляетъ безъ перевода, хотя значеніе „рвали“ известно; рвали—мѣдъ.

животъ о бритву, глазъ о кость змѣи, лошнула мѣдь, выскочилъ глазъ (змѣи).

Четвертая часть молитвы: „Въ Іерусалимѣ у меня была нива, въ нивѣ лежалъ большой камень, въ камнѣ лежалъ дѣви, у него въ одномъ глазу горѣлъ огонь, въ другомъ глазу вода стояла. Опрокинулась вода, потухъ огонь, ослѣпъ зрачій глазъ у имѣющаго злой глазъ, зло ухо, злое сердце, злую душу“.

При выдергиваніи зуба. „Возьми солнце, золотой зубъ, возврати мой серебряный зубъ“, причемъ зубъ этотъ бросается или на крышу дома или на полку. (Ср. рус. „на тебѣ, мышка, рѣпной зубъ, дай мнѣ костяной“). Оставаясь въ лѣсу, пшавы обращается къ богинѣ земли (Деметрѣ), прося пріютить его на ночь. *При исканіи потерянаго* произноситъ молитву: „Червякъ, червякъ, дай найти, а помогу тебѣ найти мать“ ¹⁾!

Заговоръ противъ дурнаго глаза извѣстенъ еще слѣд. содержанія ²⁾. „Во имя Господа, Отца и Сына и Св. Духа. Заговариваю противъ сглаза домашней женщины, домашняго мужчины, чужой женщины, чужаго мужчины, священника, мірянина, дворянина и князя. Обрушилась черная скала, вышелъ черный человекъ, вмѣстѣ съ нимъ выбѣжалъ вороной конь въ черной сбруѣ. Человекъ сѣлъ на вороного коня, поѣхалъ по черной дорогѣ, пріѣхалъ къ черной рѣкѣ, опустил черную руку, вынулъ черную змѣю, выпотрошилъ ножемъ съ черной ручкой, досталъ черный жиръ, ударилъ имъ по черному булыжнику и расколочъ его. Такъ да уничтожится, такъ да умретъ сглазавшій его“.

Заговоръ противъ рожистаго воспаления: „Во имя господи Отца и Сына. Эта молитва была тогда, когда церковь въ морѣ была. Христосъ Богъ часы служилъ для уничтоженія болѣзни. Звѣзды солнца западнаго! Что ты, что за повѣтріе? Бѣлое ли повѣтріе, черное ли повѣтріе? Какое бы повѣтріе ни было—выходи; не выйдешь—выведу молніей и громомъ; свяжу накрѣпко, брошу подъ мѣдную молотилку; вымолочу, развѣю мѣдными вилами. Подыму восточнымъ вѣтрамъ, дамъ тебя западному вѣтру ³⁾. Я молещикъ, Христосъ Богъ облегчитель“.

¹⁾ Ср. П. С. Еюменко, (Матер. по этногр. рус. насел. Архангельск. губ.; М. 1878), заговоръ при исканіи влады: Чуръ! чуръ! Свято мѣсто, — чуръ Божье да мое!

²⁾ Сбор. матер. и пр. вып. XVI, стр. 135 (отд. II).

³⁾ Ср. заговоръ отъ рожи у латышей. Матер. по этногр. латышскаго племени О. Я. Трейландъ. Москва, 1881, стр. 130. Въ морѣ трыдевать вуэне-

Для полноты ребенка, обливая его водою, говорят: „пусть медвѣдь будетъ тощъ, а ты полонъ!“ (Ср. рус. съ гоголя вода, съ младенца худоба)!

Для крѣпости тѣла при первыхъ раскатахъ грома берутъ камень, ударяютъ по спинѣ и приговариваютъ: „пусть спина будетъ крѣпка, а нива сыта“!

Противъ колдуновъ: „али-ули кудіанебса“ (колдунамъ пламя) говорятъ, перепрыгивая чрезъ заженные костры.

Въ архивѣ иностр. дѣлъ (въ Москвѣ) хранится одна рукопись, представляющая заговоръ во имя избранныхъ святыхъ. Она завершается перечисленіемъ различныхъ наименованій св. Георгія. Я привожу ихъ въ русскомъ переводѣ: Св. Георгій Каппадокійскій, Іерусалимскій, Виоліемскій (Бетлемскій), Гесиманскій, Синайскій, Сваторгорскій (Мтацминда), Галатійскій, Фессалоникскій, Киликійскій, Коринтскій, Римскій, Византійскій, *Илорскій*, Абхазскій, Гаенатскій, Одишскій, Хонскій, Гурійскій, Саджавахойскій, Персадскій, Хвапшійскій, Мраваль - Дзальскій, Барійскій, Путіетскій, Схвавскій, Квацхутскій, Сванетскій, Чхарійскій, Гвіарскій, Атоцій, Арбоскій, Усанетскій, Ахалджварскій, Горійскій, Цхинвальскій, Карельскій, Душетскій, Цилканскій, Мтіулетскій, Мухранскій, Кавтихевскій, Уцоскій, Мцхетскій, Дигомскій, Кашоетскій, Калобанскій, Телетскій, Болнискій, Манглискій, Дманискій, Ахтальскій, Телавскій, Ахметскій, Кондольскій, Шильдскій, Гермискій, Кварельскій, Чавазискій, Велиспихскій, Зеджанскій, Гурджанскій, Карданахскій, Сигнахскій, Бодбійскій, Магоройскій, Меланійскій, Зіарскій, Пховельскій, Манавскій, Ниноцминскій, Сагареджойскій, Патарцеульскій, Хашмскій, Карабулахскій, Гареджійскій, Марткопскій, Веліетскій, Ломійскій, Годогнискій, Кутаисскій, Парцханаканевійскій, Саварійскій, Шамійскій, Балегоротскій, Илемискій, Табаквинскій, Чхерійскій, Ваханійскій. Заговоръ этотъ длиной 5 саж. принадлежитъ Ивану, сыну Рева. Св. Георгій изображенъ на конѣ поражающимъ дракона. Недалеко показывается царица, вѣроятно, Александра.

Заговоръ противъ испуга. „Во имя Отца и Сына и св. Духа. Заговариваю противъ испуга отъ домашнихъ, чужихъ, голубоглазыхъ, черноглазыхъ; мужчина ли испугалъ, женщина испугала, большой

оцвъ, тридевять молотковъ, тридевять наковаленъ: здѣсь ихъ закуютъ, здѣсь перебьютъ ихъ (рожи свиною, краснобѣлаю) здѣсь ихъ разсѣкутъ 39 саблями, почезли, разлетѣлись всѣ, какъ мѣсяцъ подъ ущербъ, какъ старый издрякъ. Боже Отець!...

испугалъ, маленькій испугалъ; днемъ ли испугался, ночью ли испугался; во снѣ ли испугался, на яву испугался; животное ли испугало, собака испугала—выходи (боязнь), оставь его, *чужихъ женщину и мужчину постыти*. Осѣни Боже (больного) своимъ вѣстомъ, оглянись на него своимъ окомъ*. Здѣсь болѣзнь насылается на недруговъ, устраняя ее отъ своихъ.

Есть заговоры противъ испуга, въ которыхъ идетъ еще болѣе перечисленіе явленій и существъ, могущихъ испугать больного: скрипъ дверей, пѣніе пѣтуха, громъ небесный, ржаніе коня, мычаніе быка. Въ заключеніе призываются „для возвращенія сердца на мѣсто“ Матвѣй, Маркъ, Лука и Іоаннъ, присоединившіеся къ заговору, конечно, уже подъ влияніемъ знакомства съ Евангеліемъ ¹⁾).

Въ Гуріи на 8-й день послѣ родовъ совершается обрядъ „насыщенія земли“. Онъ заключается въ томъ, что бабка беретъ кусочекъ хлѣбной мякоти, мѣситъ его съ воскомъ и ладонемъ, отрываетъ кусочки отъ этой смѣси, кладетъ ихъ въ углубленіе въ землѣ, заливаєтъ супомъ изъ курицы и виномъ, причемъ обращаясь къ землѣ, говоритъ, что она насытила ее (землю) хлѣбомъ, виномъ, масломъ (последнее содержится въ супѣ, приправленномъ грецкими орѣхами), воскомъ, ладонемъ и потому проситъ даровать вновь разрѣшившейся женщинѣ здоровье и счастье. („Сбор. мат. для опис. мѣстн. Кавказа“, XVII, II, 95).

Такой же олицетворенный характеръ носить заговоръ противъ *али* (=ави-сули, т. е. „злой духъ“):

Али-ули выучила женщину (родильницу)
 Бинжалъ, сѣть и гребень подложить подъ голову.
 Поймали али *мерзкую, скверную*,
 Отрубили кинжаломъ голову, прогнали на дворъ.
 Петръ сидитъ у дверей, Павелъ же на кровлѣ,
 Цѣпъ лежить на порогѣ, а крестъ на кровлѣ;
 Господи, осѣни вѣстомъ здѣсь лежавшую родильницу! *).

¹⁾ *Мой Сборникъ заговоровъ № 2.*

*) „Али“ акад. *Веселовскій* (Разысканія, II 41) и *Е. А. Ляцкий* сопоставляетъ съ греч. Гилло (Γίλλω), превратившимся на русской почвѣ въ Гледея, Гледея и пр. Ср. напр. заговоръ противъ трясовицы: „изъ всѣхъ сестеръ старшая проклятая въ ночь человѣку спать не даю, бѣсы къ нему приступаютъ и на мѣстѣ съ ума сводятъ“. „Этногр. Об.“, XIX, 124—5. „Въ вопросу о заговорахъ противъ трясовицы“. Ср. мой очеркъ *Мессии*, „Этн. Об.“ X, стр. 10 и слѣд.

Али — духъ женскаго пола, гибельный для новорожденныхъ, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку. Али живетъ вездѣ, преимущественно въ Базалетскомъ озерѣ, гдѣ она плещется и поетъ сладострастныхъ пѣсни. Противъ нея существуетъ еще другой заговоръ, который можетъ быть сопоставленъ съ молитвой св. Сисинія: „Насъ было три брата, во имя св. Троицы и носили каждый двойное имя: Арозъ-Марозъ, Эмирозъ-Эдварозъ, Эвмарозъ-Антиохосъ. *Охотились мы на помъ дамасскомъ*, гдѣ есть гора, изобилующая оленями и напали мы на слѣдъ прямой—превратный: пятки прямыя, а животъ наоборотъ, спина прямая, а лицо наоборотъ. Отправились мы по тому слѣду и увидѣли стоявшую въ пещерѣ *дъвику*: волосы у нея пурпурные, зубы у нея жемчужные. Мы спросили ихъ: кто вы, и какъ ваше имя? Она отвѣчала. Я — али нечистая сила, что прихожу къ родильницѣ, хватаю ее за волосы и удавливаю вмѣстѣ съ ребенкомъ. Тутъ мы обнажили мечи и стали поражать злодѣйку. Тогда она начала умолять насъ и сказала съ клятвою: Господа мои, пощадите меня, и я впредь на сто милліоновъ триста восемнадцать *стади* не осмѣлюсь приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ будутъ произносить наши имена или будетъ находится *хартія съ нашими именами*. Явились свв. архангелы Михаилъ и Гавриилъ; вышелъ черный всадникъ, ведя чернаго коня, въ черной сбруѣ, съ черною плетью. Сѣлъ онъ на того коня, отправился по черной дорогѣ. Спросили его: куда ѣдешь злодѣй смраднй съ зубами ядовитыми, отстань отъ сего раба Божія и войди въ голову дракона. Христосъ Богъ милосердія, благости отрады! Помоги Матерь Христа Марія и даруй облегченіе рабу Божію“. Въ этомъ заговорѣ, по мнѣнію акад. Веселовскаго, смѣшаны два: одинъ отвѣчающій типу молитву Сисинія кончался, вѣроятно, явленіемъ ангеловъ, другой могъ начинаться встрѣчей ангеловъ съ чернымъ всадникомъ. Мнѣніе это, съ своей стороны, подкрѣпимъ тѣмъ, что въ грузинскихъ заговорахъ черпый всадникъ и пр. часто встрѣчается и могъ быть присоединенъ къ Сисиніевой молитвѣ впоследствии. Въ грузинскомъ заговорѣ два брата и греч. молитвы Сисинія и Синодоръ обратились въ трехъ; моря нѣтъ, осталась гора какъ въ румынскихъ и славянскихъ текстахъ. Одинъ демонъ съ нѣсколькими именами обратился въ рус. въ столькихъ же демоновъ, въ груз. али—одна, но далѣе говорится; мы спросили *ихъ*, *онѣ* отвѣчали, т. е. груз. заговоръ стоитъ на перепутьи къ русскимъ.

Есть заговоры, которые сохранили больше архаичности въ представленіи о болѣзни, какъ о живомъ существѣ. Таковъ заговоръ противъ „ужмури“, которая обитаетъ въ дуплахъ деревьевъ и въ сырыхъ мѣстахъ. „Ты Іоаннъ ангель, идущій ночью и покровитель души, на-

владываль я на себя крестное знаменіе девятью крестами, девятью ангелами, печатью Соломона, четырьмя евангеліями. Св. Георгій, ты одолжи мѣ твой поясъ, щитъ и мечъ, золотую цѣпь, въ морѣ дракона побѣдитель (раздробитель), крылатаго змѣя сокрушитель, ты защити и прикрой, 363 святыхъ Георгія, отъ невидимаго „ужмури“. Однако, это невидимое существо все же можетъ быть поймано и наказано. Вотъ заговоръ: „Три брата Троицы, обладающіе силою Троицы— одного звали Карасто, другого Кересто, третьяго Курусто, поднялись мы на гору—гору высокую, поставили сѣть (тенета), поймали „ужмури“—черта, разрѣзали пламенемъ скорымъ, чернымъ оружіемъ съ раздвоеннымъ остриемъ, положили въ котель изъ сплава мѣди и олова, отнесли на гору — гору высокую да разрѣбеть Отець, Сынъ и Духъ Святой во мгновение ока!“ Въ другихъ заговорахъ передается, какъ „ужмури“ братья Тавгиридзе *схватили за руку* снимаютъ съ него *юлову*. Очевидно, ужмури обладаетъ и тѣломъ, такъ какъ угрожаютъ ему изрѣзать на куски и бросить въ огонь.

Заговоры заключаютъ иногда слова уже непонятныя народу („рвали“, „терполотки“), что указываютъ на отдаленную эпоху ихъ созданія.

Заговоръ противъ испуга. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Куда идешь злой часъ въ безвременный часъ?—Иду къ Н.—Для чего идешь?—Испугаю, сердце его встревожу (собственно переверну) и не дамъ спать.—Не ходи, не ходи! Клянусь моей благостью пошлю моихъ есауловъ (сторожей), отдамъ имъ мои кнуты, ударю по тѣлу твоему, сокрушу твои силы, разрѣжу, изрублю въ куски, сварю въ серебряномъ котлѣ, смолочу золотой молотильной доской, провѣю серебряной лопатой, свяжу крѣпко и брошу въ черное море. — Господи, Господи, молю Тебя, не посылай Твоихъ есауловъ, не давай имъ Твоихъ кнутовъ, не бей меня по тѣлу, не сокрушай моихъ силъ, не рѣжь, не руби въ куски, не вари въ серебряномъ котлѣ, не молоти золотой молотильной доской, не изволь провѣять серебряной лопатой, не вяжи крѣпко и не бросай въ черное море: пойду себѣ, исчезну, сяду подъ серебряной чашей, отдамся черному морю. Господи, осѣни крестомъ Твоей милости раба (или рабыню—имя рекъ)!

Заговоръ противъ бѣльмо и синяка въ тѣлѣ. Заговоръ этотъ въ стихотворной формѣ долженъ быть произнесенъ семь разъ съ 7-ю пшеничными зернами. Переводъ его слѣдующій: „Насъ было трое, силою Троицы собирали лѣкарство для бѣлой цинги, для красной цинги, для бѣльмо, для синяка. Выходи по моей молитвѣ, если не выйдешь добровольно, то выведу тебя силой, ударю ножикомъ съ черной

ручкой, заставлю подняться тебя восточнымъ вѣтромъ и понестись западнымъ. Я была жена ханаанская съ туманными (?) колѣнами и гноеглазая, развернулась какъ ястребъ, вылѣзешь, какъ змѣя. Пахалъ красный быкъ въ плугъ, сѣялъ камень и песокъ. Семьдесятъ зеренъ въ колосьяхъ падаютъ и увлекаютъ съ собою бѣльмо, синякъ, красныя пятна. Господи, осѣни крестомъ Твоей милости раба (или рабыню—има рекъ)!

Заговоръ противъ глаза (изъ Карабадини). „И связалъ я все—сглазъ, злой языкъ, злое помышленіе во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Еще связалъ глаза и помышленія и противника Давида (хвостомъ) воина Христа, сладкимъ молокомъ Дѣвы Маріи, тетивою (лука Давида), печатью премудраго Соломона, двумя большими пальцами св. Моисея, 12 апостолами, 18 первосвященниками, цѣпью св. Георгія Побѣдоносца, лукомъ св. Марка. Еще связываю дурной глазъ и дурной языкъ св. Крестомъ Христа, 8 псалтырями закона, 4 св. евангеліями. Связываю, запечатываю и сдѣлаю. вѣшымъ злого челоуѣка и его лобъ, лице, языкъ, брови, волосы, брошу на землю, связываю и запечатаю во имя Бога и св. ангеловъ. Амишь“.

Противъ сглаза сваи читаютъ на грузинскомъ языкѣ молитву, смыслъ которой имъ иногда совершенно непонятенъ:

„Разойдись скала, черная скала,
Выходи черный конь
Съ черными уздой и сѣдломъ.
Плачетъ мать Марія.
„Зачѣмъ ты плачешь мать Марія?
— Плачу, потому что еврей Мкетериа ¹⁾
Наслалъ (болѣзнь?), сѣлъ меня,
Посадилъ на гриву коня,
Прокатилъ до города.
Взрослаго мальчика отниму,
У дѣвушки цвѣтъ лица отниму,
У вола отниму силу супруга,
У коровы молоко отниму,
Сердце да погубнеть, зрѣніе потеряеть,
Ничего хорошаго да неувидеть,
Глазъ покрыть золой,
Въ сердце всажена игла

¹⁾ Мкетериа отъ Кѣга—има одного изъ дьяволовъ, которые носятъ названіе Артавазъ Каштъ (h) кадзь, гогверъ, ногіа гвешъ, мушвріа и др.

Несь Доравели (?)

При семи церквахъ влялся
На 1000 иконахъ и крестахъ.

Христось поѣхалъ въ Іерусалимъ
Ограда Христа, въ середниѣ крестъ,
Внѣ ограды мечъ дьявола.

Святый Георгій, будь покровитель!

Пшавы присоединяютъ къ этому заговору противъ солнца еще слѣдующія слова: „Не плачь мать Марія! принеси воды, умой въ понедѣльникъ, среду и субботу, да истребится съ злымъ глазомъ тебя озирающіе, съ злымъ сердцемъ тебя видящіе, да потухнетъ какъ огонь соломѣ, растаетъ, какъ снѣжная вода, пройдетъ вѣтромъ и тебя осѣнитъ Христось крестомъ. Былъ камень плоскій (булыжникъ), сидѣлъ змѣй (сипи) Остоти, одинъ глазъ имѣлъ водяной, другой огненный; лопнулъ глазъ водяной и облилъ глазъ огненный. Да истребится тебя съ злымъ глазомъ озирающей... Съ неба (на него) да грянетъ громъ, съ дверей огонь, васъ же осѣнитъ Христось крестомъ“.

Въ другомъ дополненномъ вариантѣ къ Маріи обращается съ вопросомъ, зачѣмъ она плачетъ, архавгель Гавріиль. ¹⁾

Заговоръ противъ глаза. Заговоръ составленъ въ стихотворной формѣ и произносится обыкновенно старухой, вооруженной ножомъ съ черной ручкой и кускомъ угля. Вотъ приблизительно дословный переводъ этого заговора: „Имя имени, трижды имя Божье. Заговариваю противъ глаза (другихъ), а прежде всего противъ моего, (противъ глаза) домашнихъ и чужихъ, мужчины и женщины, румяныхъ и блѣдныхъ. Сидѣла мать Маріамъ, вязала шелковую твань. Мимо прошелъ злой глазъ, черный глазъ, сѣрый глазъ, сглазилъ (мою работу) и прервалъ мою твань. Не плачь, мать Маріамъ, въ глазъ зола, въ сердце горячій уголь (пошлю). Господи, осѣни крестомъ Твоей милости раба“ (рабыню—имя рекъ).

Противъ волка, чтобы онъ не съѣлъ скотины, читаютъ слѣд. заговоръ въ Карталиніи: „Екеліа (?) бекеніа (?), въ Бекени (?) икона покойся. Господи, Господи пошли 9 замковъ, скрѣпи, запечатай зубы звѣрей, дай имъ языкъ, какъ бурка, зубы изъ воска, чтобы не повредили нашему ослу“. ²⁾

¹⁾ *Иверія* 1885 г. № 215.

²⁾ Журналъ *Иверія* 1883 г. кн. X, 98.

Болѣзнь у грузинъ нерѣдко представляется въ видѣ пластическихъ образовъ или духовъ ¹⁾. Болѣзнь оспы, напримѣръ, не считается физической, но болѣзнью живою—обществомъ высшихъ разумныхъ духовъ, которые, имѣя власть надъ человѣкомъ, посѣщаютъ непременно каждаго и обрекаютъ на смерть того, кто имѣлъ несчастіе навлечь на себя ихъ гнѣвъ. Господство духовъ надъ человѣкомъ послужило основаніемъ къ тому, что ихъ прозвали батонами (господинъ) и даже ангелами. Больнаго, съ самыми первыми признаками оспы, укладываютъ въ саклю на самомъ почетномъ мѣстѣ, и около него ставятъ столикъ, уставленный лучшими вещами, имѣющимися въ домѣ. Куски сахара, яблоки, преимущественно краснаго цвѣта, и другіе мѣстные фрукты, стаканъ съ молокомъ, крендели и обрѣзки разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій, все это размѣщается на столикѣ возлѣ больнаго. По понятію грузинъ, духи, какъ и люди, нуждаются въ пищѣ и питьѣ. Они берутся на приготовленное имъ кушанье въ глубокую полночь, когда повсюду царствуетъ тишина и всѣ погружены въ мертвый сонъ. Приготовивъ для духовъ столъ, грузинъ принимается за музыку и пѣніе, какъ необходимыя принадлежности хорошаго стола. Если въ домѣ не случается чонгури, то достаютъ у сосѣда и играютъ подлѣ больнаго, а въ промежутокъ между музыкою всѣ домашніе считаютъ необходимымъ пѣть пѣсни, слѣдующаго содержанія: „Лилія-баюшки, роза-баюшки, лилія-баюшки-баю! Къ намъ пожаловали батонеби, лилія-баюшки, пожаловали и развеселились, лилія-баюшки-баю!“ По увѣренію старухъ, батонеби большіе охотники до пѣнія и музыки. Они, по рассказамъ, сами играютъ на чонгури и поютъ такъ сладко и очаровательно, что пѣніе ихъ можно сравнить только съ ангельскимъ пѣніемъ. Во все время болѣзни, утромъ и вечеромъ, около больнаго курятъ базму — составъ изъ мелко-истолченныхъ грецкихъ орѣховъ, смѣшанныхъ съ хлопчатой бумагою. Составъ этотъ имѣетъ видъ курительныхъ свѣчей желтоватаго цвѣта. Базмѣ приписываютъ волшебную силу. Рассказываютъ, что если оспа изуродовала больнаго или лишила его какого-либо органа, то стоитъ только мѣсяць или два покурить въ саклѣ базму, и тогда больному возвратится прежнее здоровье. Если въ домѣ есть опасно больной оспою, то стоитъ только зажечь базму и поставить ее тайкомъ на кровлѣ сосѣда, гдѣ есть также больной: тогда первый выздоровѣетъ, а послѣдній сдѣ-

¹⁾ Ср. болѣзнь и смерть по представленіямъ Вѣлоруссовъ „Этнографич. Обзор. XIII—XIV, 23—41.

ляется жертвою батонеби. Къ послѣднему средству прибѣгаютъ, впрочемъ, очень рѣдко. Во время посѣщенія батонеби никто не смѣетъ плакать по больномъ, ни носить трауръ, пока они не распростятся окончательно съ семействомъ, хотя бы умершій отъ нихъ былъ единственный сынъ у родителей. Нельзя стрѣлять изъ ружья, рѣзать куръ и свиней, потому что батонеби, при посѣщеніи, считаютъ ихъ, и потомъ, если курица и свинья будетъ зарѣзана, то бѣда всему семейству. *Лихорадка* представляется грузинами въ видѣ существа страшно худощаваго и блѣднаго, въ которомъ нѣтъ и признака живительной крови; тѣло ея одинъ скелетъ, движущійся посредствомъ какой-то невѣдомой силы. Этотъ суровый образъ лихорадки странствуетъ по-бѣду свѣту и, кого навѣститъ, тотъ-неминуемая жертва болѣзни. Раннею весною, по сказанію грузинъ, у главнаго входа въ городъ Гумри (нынѣшній Александрополь) собираются три брата, геніи лихорадки. (Рус. заговоръ передаетъ, что на камнѣ въ морѣ сидятъ *три старца* съ желѣзными прутьями и къ нему на встрѣчу идутъ 12 сестеръ лихорадокъ. *Ефименко* 205). Отсюда они начинаютъ свое путешествіе: одинъ идетъ въ Кахетію, другой въ Карталинію, а третій въ Арменію. Съ наступленіемъ зимы братья опять соединяются въ Гумри. По сказанію Карабадини „есть двадцать пять родовъ лихорадки, но противъ всѣхъ существуетъ одна молитва: „Авраамъ, Саврамъ, Турманъ, гора лихорадки лѣкарственная, сказано въ молитвѣ. Если ты не христіанинъ, а жидъ, то ради имени священнаго Каіафы, если татаринъ или персіанинъ, то ради Магомета, удались отъ сего раба Божія. Авгсиръ взобрался на кедръ ливанскій, крича, рыдая и сокрушаясь. Отчего ты плачешь, сила трясущая? Разрѣжу я тебя вдоль и поперегъ и брошу въ пропасть влочущую и, моя молитва да уничтожитъ тебя“.

Противъ насморка: „связалъ насморкъ, перекинулъ чрезъ черную собаку, черная собака бросилась чрезъ мостъ, насморкъ упалъ въ воду“.

Мигрень представляется въ образѣ быка, грызущаго желѣзо. Противъ него надо переписать на лоскутѣ чистой бумаги, потомъ обмотать его въ укусуѣ и приложить ко лбу слѣдующую молитву „На краю сѣнокоса завелся шакеки (мигрень), грызущій желѣзо, какъ волю сѣно. Св. Георгій проклялъ его, и на утро онъ исчезъ“¹⁾.

Заговоръ *противъ чирей*:²⁾ Илья имѣлъ съ Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ! Ты чирей, красивый тѣломъ, прелестный, вѣтромъ

¹⁾ *Дубровинъ*. Исторія войны на Кавказѣ I, кн. II, 175. *Иверія*, 1888, 223.

²⁾ *Иверія*, 1888, 223. Ср. у латышей, *Трейландъ*, 135.

шествующій съ золотошвейнымъ нагрудникомъ, гдѣ ты родился, гдѣ ты основался?—У подножья бѣлой горы, на берегу Чернаго моря, послѣдовалъ за вѣтромъ, спрятался въ пыли лошади, на стезѣ копыта быка. Поднялъ голову, поставилъ бѣлую палатку и посмотрѣлъ на села, въ селахъ двери расцвѣли, какъ фіалка, роза. Спустился, бросился въ гриву коня, скосилъ колѣни, кинулся на шею быка, сорвалъ было высокую, разстроилъ сонъ, вынулъ мозгъ. Бросился на юношу съ пробивающими усами, скосилъ волосы и усы, ослабилъ колѣни двигающіяся; кинулся на дѣвушку, скосилъ волосы и застежки (?), заставилъ плакать Матерь Христа, Марію. Спросилъ Господь Христосъ: „Зачѣмъ плачешь Матерь Марія?“ — Что будетъ лѣкарство опухоли?—Возьму золотой посохъ, обойду вселенную и выпрошу лѣкарство. Кривнулъ чирей, тѣломъ нѣжный и прекрасный! Зачѣмъ спрашиваешь мое лѣкарство? спроси, кто мнѣ далъ существованіе. Теперь то я скажу мое лѣкарство своими устами, Господи Иисусе: дай расцвѣсти на моей дорогѣ розѣ-фіалкѣ, бѣлому быку, бѣлой овечкѣ, тогда распушусь, услащусь и насыплюсь сахаромъ. Впервые мое лѣкарство была кожа тыбвы, сахаромъ посыпанная; было мое лѣкарство проскурнякъ-трава. Отправился я къ Черному морю, къ своему Господу. Встрѣтили лѣсные звѣри, показали брови смерти, замахнулся и сдернулъ проклятыхъ. Распушусь, перекрещусь, услащусь, посыплюсь сахаромъ, помощи Боже и мой освободитель! ¹⁾

Чесотка, по понятію народа, безродное чудовище, которое выходитъ изъ черныхъ скалъ, входитъ въ тѣло, гложить кости и, высасывая кровь, превращаетъ ихъ въ прахъ. „Гой, ты Іело, Іело породивый, безпріютный! говоритъ заклинатель. Откуда исходишь и кудаходишь!—Исхожу изъ черной смолистой горы, вхожу въ тѣло человѣка, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь. Нѣтъ, да не допустить тебя Отецъ, Сынъ и Св. Духъ; не позволяю я тебѣ войти въ человѣка, раздроблю тебя на мелкія части, брошу въ мѣдный котелъ, раскаю его огнемъ и жупелемъ сѣрнымъ. Удались, отвязись отъ раба Божьяго!“ Надо трижды прочесть въ день субботній эту молитву надъ больнымъ, при двухъ зажженныхъ свѣчахъ. Части тѣла, на которыхъ больше сыпи, намазать мазью изъ толченой сѣры, смѣшанной съ чухонскимъ масломъ, и выздоровленіе несомнѣнно.

Заговоръ противъ *сыза*, записанный въ Сванетіи:

Во имя Отца!

Треснула черная скала,

¹⁾ Ср. заговоръ отъ чирьевъ у латышей. *Трейландъ*, 135.

Вывелъ черного коня
 Съ черными сѣдломъ-удиломъ,
 Взявъ въ руки черный „пущекъ“¹⁾,
 Ввелъ черную змѣю.
 Пасеби (?) трижды да лопнетъ
 Вы и ваши соумышленники—
 Кто зомъ, кто дурнаго глаза.
 Плачетъ мать-Марія,
 Говоритъ мать-Марія.
 Пришелъ Михаилъ-Гавриилъ архангелъ
 — Зачѣмъ плачешь мать-Марія?
 Зачѣмъ горюешь, мать-Марія?
 — Плачу о томъ, горюю о томъ:
 Пришелъ еврей Бетаребани (?)
 Извѣстилъ, налюбилъ.
 — Не плачь, мать Марія
 Существуютъ пять лунъ—
 На воду лей огонь (!) (а не обратно огонь на воду)²⁾
 Въ глазахъ насыпана зола,
 Сердце пронзено шиломъ.
 — Что ты дѣлаешь вѣдьма?
 — Это дѣлаю, это творю:
 У красавцы колѣна отниму (т. е. бодрости),
 У красавицы цвѣтъ (лица) отниму,
 У быка супругу отниму,
 Боровѣ не дамъ отелиться,
 У лошади силу отниму,
 Анагетъ, Палагетъ, Хваранзетъ—
 Жирныя страны,
 Туда же болѣзнь приведу
 Вступи въ море,
 Нырни въ море.
 Святой Георгій,
 Осѣни здѣсь насъ крестомъ твоимъ!

Противъ *лпшаго* („амі“).

Насъ было три брата,
 Сила Троицы,
 Возседѣвъ на горѣ высокой,

¹⁾ „Пущекъ“—железная палка съ остриемъ, тѣмъ вынимають мясо изъ котла.

²⁾ При этихъ словахъ заговаривающая въ сосуды съ водой бросаетъ горячіе угли и даетъ потомъ пить больному.

Видѣли слѣды дьявола,
 Пошли по оставшимся слѣдамъ,
 Сдѣлали шелковую сѣть,
 Поймали лѣшаго-дьявола,
 Уши у него были ослиныя,
 Глаза были мѣдные,
 Носъ имѣлъ кошачій,
 Ноги имѣлъ стекляныя,
 Отрѣжемъ ухо ослиное,
 Глазъ мѣдный—
 Оторвемъ ногу стекляную.
 Нѣтъ, сванъ (?) счастливый,
 Не рѣшь у меня ухо ослиное,
 Не коли глаза мѣднаго,
 Не отрывай ноги стекляной!
 Не прикоснусь къ родильницѣ,
 И ни къ какой женщинѣ,
 Пришелъ я изъ Чернаго моря,
 Вскормленъ подъ крыломъ орла,
 Мимолетно пришелъ,
 Мимолетно уйду!
 — Скажи мнѣ свое лѣкарство.

Отвѣтъ всегда начинается двумя загадочными словами:

— Мое лѣкарство:
 „Блани“ „мелани“ (?)
 Желчь лисицы,
 Бѣлогъ яичный,
 Коли въ корзинѣ
 Будеть слышно пѣніе пѣтуха,
 Не приду.
 Святой Георгій,
 Осѣни крестомъ!

Тотъ же заговоръ записанный въ другой деревнѣ. (Срав. у насъ
131 стр.)

Насъ было три брата:
 Орозъ, Борозъ, Куристанъ.
 Пойдемъ на охоту,
 Дома нѣтъ звѣрей.
 Пошли по оставшимся слѣдамъ.
 Нашли стезю дьявола.
 Разставили сѣть шелковую.
 Попадетъ лѣшій дьяволъ.

Орозъ сказалъ:
 Вырѣжемъ носъ кошачій,
 Борозъ сказалъ:
 Выдернемъ зубы мѣдные,
 Куристанъ сказалъ:
 Оторвемъ ногу стеклянную.
 Нѣтъ, три ¹⁾ брата счастливыхъ,
 Не рѣжь носа кошачьяго,
 Не вырывай зуба мѣднаго,
 Не отрывай ноги стеклянной.
 Христось—скала, Христось—ограда,
 Не коснусь челоуѣка высокаго,
 Ни женщины, ни раненаго,
 Гдѣ будетъ слышенъ
 Лай красной собаки,
 Пѣніе краснаго пѣтуха,
 Хрюканье красной свиньи,
 Звонъ колокола,
 Пусть обратятъ корзину у дверей
 На ней мостикъ поставьте.
 Мимолетно приду,
 Мимолетно уйду!
 Святой Георгій, осѣни своиъ крестомъ

Заговоръ противъ судьбы:

Пришелъ Михаилъ-Гаврилъ архангелъ,
 Встрѣтилась днемъ и ночью судьба.
 — Что ты, кто ты?
 — Я судьба.
 — Бѣли ты возвращена?
 — Изъ Хвананди украдена,
 Подъ копытомъ лошадомъ рождена,
 На крыло орла дерево положено
 — Пфу! Обратю ты стоишь!
 Я не видалъ такой стези.
 Скажи лѣкарство для этого,
 А то брошу вмѣстѣ съ вѣтвью,
 Разведу огонь,
 Три дня, три ночи
 Не покажу дневнаго свѣта,

¹⁾ Въ первомъ вариантѣ читается „сванъ“, здѣсь произошло смѣшеніе по звуковому сходству „сами“—три и „свани“—сванеть. „Сами“—три вѣриѣ.

Не покажу печнаго ирака.
 — Охъ, охъ, мать моя!
 Какъ высказать мнѣ горе!
 Вотъ это лѣкарство:
 Елани—мелани,—
 Желчь лисицы,
 Бѣлокъ яичный,
 Порошокъ стеклянный.
 Меуни (?) и тбили (теплый?)
 Святой Георгій,
 Осѣни здѣсь престомъ твоимъ!

Противъ заразы ядома:

Выходи назадъ сабецо (ядъ?)
 Черной змѣи,
 Бѣлой змѣи,
 Блиинни (?) змѣи,
 Красной змѣи,
 Желтой змѣи,
 Красной лягушки
 Ящерицы,
 Крысы,
 „Матинтла“ (грязи)
 Какой-то нарушитель
 Съ дерева сошелъ,
 Вездѣ валнется,
 Умъ одушевленнаго изгналъ,
 Поднялся на дерево,
 На землю спустился,
 На небо птицей являлся,
 Въ травку вошелъ,
 Въ комочку вошелъ,
 Въ грязи запачкался,
 Пришелъ сухой,
 Усы, откроете голову ¹⁾
 Борни покажи—
 А то выведу
 Илей и мильей (?) (Iliha da militha),
 Кольцомъ Соломона,
 Голесомъ Маріи,
 Силой св. Георгія.

¹⁾ При этихъ словахъ ядъ въ видѣ усиковъ начинаетъ выходить. Мими образовано созвучно съ Илей.

Ани вздрогнулъ, Мани вздрогнулъ, небо вздрогнуло,
Сидѣла женщина посреди дороги,
Плакала, рыдала.

— Женщина, что плачешь, что рыдаешь?

Плачу о томъ, рыдаю о томъ:
На Иерусалимскомъ полѣ (Иірсулим)
Зарѣзалъ быка Христось,
Всѣхъ изъ моей страны пригласилъ,
Меня не пригласилъ.

— Пфу! Ты гадкій, ты дурной!

Зачѣмъ тебя пригласить,
Сосешь кровь, сосешь мозгъ, ѣшь кость.
Нѣтъ! Даю руку Христу,
Сало хребта, пѣна воды
Пѣна кипятка,
Вотъ это лѣкарство мое.
Святой Георгій, осѣни своимъ крестомъ!

Оспа и Корь ¹⁾—братья. Мать ихъ до сихъ поръ жива, мѣстомъ жительства которой служить одна неприступная приморская скала. Мать время отъ времени посылаетъ своихъ сыновей въ страну людей. Только одинъ человекъ могъ видѣть жилище Оспы и Кори. Разъ одно семейство отправлялось въ дальнюю сторону, по морю на кораблѣ. Поднялась сильная буря. Весь корабль вмѣстѣ съ пассажирами погибъ въ пучинѣ морской. Спасся только одинъ человекъ, котораго морская волна выбросила на ближайшую скалу. Съ большимъ усиленіемъ достигъ странникъ вершины скалы. Поднявшись на ея вершину странникъ увидѣлъ женщину совсѣмъ голую, которая сняла бѣлье близъ журчащаго ручья. Сосцы у этой женщины были перекинута за спину. Подервавшись сзади, человекъ прикоснулся зубами до ея сосцовъ (знакъ усыновленія). Женщина смутилась и, обернувшись къ нему, спросила, какъ онъ могъ добраться до нея.—Были мои сыновья въ твоемъ домѣ?—спросила его она,—я ихъ къ тебѣ послала. Рассказавъ о своемъ приключеніи, странникъ просить ее указать мѣсто, гдѣ она живетъ. Женщина согласилась повести его въ свой домъ. Вошедши въ домъ, странникъ сильно былъ удивленъ столбомъ, на которомъ держалась крыша: весь столбъ былъ какъ бы обитъ человѣческими глазами. Спросивъ объ этомъ странномъ украшеніи, женщина рассказала ему, что эти глаза принадлежать тѣмъ, у которыхъ

¹⁾ *Иверія*, 1877, 51. Сванетское повѣріе.

ея сыновья отняли зрѣніе. А зрѣнія лишаются тѣ, въ домѣ которыхъ во время оспы пыльно и огонь поливается водой. Во время ихъ разговора возвратились домой Корь и Оспа. Мать попросила своего сына, Оспу, чтобы онъ довелъ странника до дому. Я только что отъ Бога, отвѣтилъ Оспа; онъ посылаетъ завтра въ домъ сосѣда странника Моровую язву, съ которой его и можешь отправить. Въ вершинѣ этой скалы кромѣ Оспы и Кори и другія болѣзни имѣли мѣстожителство. Изъ земли въ нѣсколькихъ мѣстахъ показывались пламя и дымъ; мать Оспы и Кори показала страннику и по-очередно называла мѣстожителство каждой болѣзни. Между прочимъ, она указала жилище Моровой язвы, откуда поднималась чудовищный дымъ. Въ другомъ пунктѣ было мѣстожителство Насморка.

Во время появленія холеры въ 1892 г. въ Грузіи стали возникать сказанія объ этой эпидеміи. Нѣкоторые представляли ее громаднымъ дракономъ, другіе мелкими червячками, причемъ бактерии передѣляли въ *басилу* (Василія) и полагали, что носителями болѣзни являются какіе-то Василіи.

Противъ этой, наведшей ужасъ, болѣзни въ г. Гори на грузинскомъ языкѣ стали распространяться слѣд. заговоры: „Святое писаніе Исуса Христа, присланное чудомъ І. Христа, написанное въ формѣ креста собственной рукою золотыми буквами на еврейскомъ языкѣ и найденное въ 15 верстахъ отъ св. Ароши въ Ланге Долкаль(?). Его (письмо) прочиталъ и перевелъ сирота 7 лѣтъ, который до того былъ нѣмъ. Предписываемъ вамъ въ день св. воскресенія совершить благочестивое дѣло. Не исполните—не спасетесь отъ моего гнѣва, такъ какъ я вамъ далъ шесть дней въ недѣлю для вашихъ дѣлъ. Праздники точно соблюдайте, также для оказанія помощи бѣднымъ и если не исполните, то будете прокляты мною, пошлю вамъ голодь страшный, мучительный для души мой гнѣвъ, вы должны поститься пять пятницъ и прочтите Отче нашъ, Исусе, должны помянуть Богородицу и мои страданія и то, что перенесъ на крестѣ для вашего спасенія. Вы должны почитать Меня и помогать всѣмъ просящимъ. Кто сомнѣвается въ подлинности Моего письма и словахъ Моихъ, будетъ проклятъ въ день суда такъ же, какъ и спрятавшій его (письмо) въ своемъ домѣ. Кто же отдастъ списать съ него, то будетъ благословенъ. Столько грѣховъ, сколько звѣздъ на небѣ, простится какъ списавшимъ его, такъ и хранящимъ его у себя, ни злой духъ, ни огонь, ни громъ не постигнетъ ихъ. Года? Мѣсяца? (нужно обозначить время переписки).

Во имя Бога и Іоанна Крестителя сіе освободительное письмо написали и дали мы чтецы высшихъ духовъ—Анани, Банани, Курша,

Гишера, и Царбіани (брови въ дословномъ переводѣ), гдѣ бы ни встрѣтились, ничего дурнаго не сдѣлали бы, вамъ Баніа приказалъ, Курбана написалъ, Гишера руку приложилъ и я свидѣтель. Господи Іисусе, спаси отъ страшнаго несчастья раба Божьяго (имя рекъ).

Заговоръ для облеченія родильницы: „разъединитесь мать и дитя, какъ я разъединилъ лягушку и змѣю!“ долженъ произнести тотъ, кому удалось когда-нибудь освободить лягушку изъ змѣиной пасти. ¹⁾ Молитва эта записана въ Кахетіи

Въ греческомъ заговорѣ „Εἰς γυνῆν ἢν γούν σὺ δύνатаί τεῖσαι“ находимъ упоминаніе о Богородицѣ и апостолахъ, но характеръ молитвы не соответствуетъ грузинскому заговору ²⁾. Заговоры же противъ змѣй, хотя извѣстны въ Грузіи, но не были еще записаны.

¹⁾ „Сб. мат. для опис. племенъ и мѣстн. Кавказа“, в. XVII, II, 138.

²⁾ А. Vassiliev. Anecdota graeco-Byzantina. (М. 1898), I, 339.

Словесность книжная.

Древніе памятники грузинской письменности.

Принятіе христіанства Грузіей въ IV в. было началомъ ея просвѣщенія. Христіанство оторвало ее отъ языческаго Востока и поставило ее подъ благотворное воздѣйствіе Византіи, хранительницы священнаго огня, зажженнаго древними греками и римлянами. Еще до Миріана въ IV в. сношенія Грузіи съ Греціей засвидѣтельствованы исторіей; съ введеніемъ же христіанства они сдѣлались постоянными. Грузія составила особую церковь, которая была приписана къ ближайшей—Антіохійской патріархіи. Первые епископы и даже католикосы до VI в. были изъ грековъ; а съ VI вселенскаго Константинопольскаго собора „Мцхетская церковь въ Грузіи признана автокефальной, равною по достоинству съ католическими и патріаршими престолами“. Съ 545 г. католикосы иверскіе выбираются изъ грузинъ и первымъ таковымъ главою церкви былъ Савва.

Вмѣстѣ съ архипастырями изъ Греціи приходили въ Грузію представители греческаго духовенства, приносящіе съ собою разныя церковно-богослужебныя рукописи; равнымъ образомъ, грузины отправлялись въ Грецію, Палестину, на Афонъ или для богомолья, или для списыванія книгъ. Кромѣ этихъ собственно церковныхъ сношеній, были и другія связи—торговныя и политическія. Всѣ эти обстоятельства болѣе и болѣе укрѣпляли вліяніе Византіи на Грузію, поставили образованность и литературу послѣдней въ сильную зависимость отъ того періода греческой словесности, который извѣстенъ подъ именемъ „византійскаго“, продолжающагося отъ Юстиніана до паденія Константинополя (529—1453 г.). Этотъ періодъ греческой литературы названъ византійскимъ потому, что въ это время Византія, сосредоточивъ въ себѣ грамматическія, риторскія, философскія и юридическія школы, была преимущественнымъ, а потомъ и единственнымъ сборнымъ мѣстомъ литературы. Въ школахъ было введено чтеніе Библии, отеческихъ твореній на

ряду съ древне-классическими авторами. Отсюда сложился двойственный характеръ византійскаго литературнаго языка, въ которомъ восточныя краски, заимствованныя преимущественно изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, сливались съ древне-классическимъ стилемъ. Искусственностью, витиеватостью, обиліемъ символовъ и аллегорій отличаются произведенія византійской образованности. Этотъ украшенный литер. стиль оказалъ свое глубокое вліяніе на груз. литературу. Масса произведеній не одного духовнаго содержанія, но и другихъ отдѣловъ передана Грузіи Византіей. Византійская словесность оставила глубокой слѣдъ не только въ письменной литературѣ Иверіи, но въ народныхъ произведеніяхъ,—въ духовныхъ стихахъ и легендахъ.

Посредствующимъ звеномъ между литературой греческой и грузинской служили иверскіе монастыри и школы при нихъ въ Палестинѣ, Сиріи и на Аеонѣ¹⁾. До введенія книгопечатанія у грузинъ (въ нач. XVIII в.), словесныя произведенія распространялись между читателями посредствомъ списковъ. Переписываніе было единственнымъ средствомъ, замѣнявшимъ типографскій станокъ. О томъ размѣрѣ, какова оно съ теченіемъ времени достигло въ древней Грузіи, свидѣтельствуесть количество рукописей, хранящихся въ „Обществѣ распространяемости среди грузинъ“, Церковномъ музеѣ при Сіонскомъ соборѣ, въ Гелатскомъ монастырѣ и другихъ книгохранилищахъ. Постепенное развитіе книгописанія опредѣлялось возрастающимъ запросомъ на книги. На первомъ мѣстѣ стояла необходимость снабдить каждую церковь богослужебными книгами, которыя отъ времени приходили въ ветхость и требовали ихъ замѣны новыми. При томъ, чтеніе книгъ, помимо церковно-богослужебныхъ, вообще духовныхъ съ цѣлью христіанскаго назиданія, служило дальнѣйшимъ побужденіемъ къ усиленному списыванію рукописей. Грамотные люди смотрѣли на „книжное почитаніе“, какъ на дѣло душеполезное, почему и желали имѣть у себя въ домѣ книги, утверждающія въ истинной вѣрѣ и указывающія путь къ истинно-христіанской нравственности. Изъ убѣжденія въ душе-спасительной пользѣ священныхъ книгъ вытекалъ религіозный взглядъ на самое служеніе книжному дѣлу.

Списываніе и распространеніе книгъ считалось дѣломъ богоугоднымъ, подвигомъ благочестія. Понятіе о важности списыванія,

¹⁾ Литература вопроса *Бакрадзе*, (въ Трудахъ V археол. съѣзда въ Тифлисѣ). Грузинскій монастырь св. Креста въ Иерусалимѣ. *Цагарели*. Памятники грузин. старины въ Святой Землѣ на Синаѣ. Спб. 1888. *Его же*. Свидѣнія о памятникахъ груз. письменности, вып. I и II. Спб. 1886, 1889.

какъ христіански-полезнаго занятія, возвышалось еще самымъ трудомъ при совершеніи дѣла. До появленія скорописи много времени и терпѣнія требовалось отъ переписчика, чтобы уставомъ написать такія объемистыя рукописи какъ Ксанское и Урбинское евангелія, дошедшія до насъ. Отсюда понятна радость трудившагося, когда онъ удовлетворительно оканчивалъ свою долгую работу. „милостью Божьею дошли мы до конца“ читаемъ на послѣднихъ страницахъ груз. рукописей, чѣмъ выражается богоугодность и пріятность исполненнаго подвига. При дороговизнѣ книгъ и при трудности ихъ списыванія было совершенно естественнымъ, что переписчики или владѣтели книги старались предохранить свою собственность отъ поврежденій, неосторожнаго обращенія съ него, похищенія. „Кто похититъ, да будетъ проклятъ, — говоритъ приписка къ толкованію св. Іоанна Златоуста. Свои замѣтки на этотъ счетъ они помѣщали въ самой же рукописи. „Написано сіе душу просвѣтляющее четырехглавіе рукою многогрѣшнаго всенедостойнаго іерея, малозначащаго писца и чтеца, Авеля. Знаеть Богъ, я старался, елико возможно было, списать вѣрно. Если кто найдетъ въ сей рукописи мѣста, кажуціяся сомнительными, не измѣняйте тотчасъ же, ибо я имѣлъ предъ собою три вѣрныхъ евангелія, съ которыхъ я списывалъ по надлежащей съ ними свѣрѣѣ. Если пожелаете измѣнить какое-нибудь слово, то прежде всего свѣряйте съ двумя и тремя подлинными текстами евангелія и за скорое письмо мое не проклиняйте меня, мои господа! Нашедшіе же въ моей рукописи ошибки, поправьте, помяните и молитесь за меня. Да ниспошлетъ вамъ равное Господь Богъ вселенной, ибо трудъ остается, а труженикъ уходитъ“.

Эта приписка къ Гелатскому евангелію является весьма характерной. Здѣсь ясно выступаетъ отношеніе переписчика къ работѣ, исполняемой при тщательно-вѣрномъ слѣдованіи подлиннику. Несмотря однакожь на строгій запретъ отклоняться въ чемъ-либо отъ текста, списки подвергались ошибкамъ и даже искаженіямъ, вольнымъ и невольнымъ. Первые происходили отъ увлеченія переписчиковъ собственными понятіями и соображеніями, вторыя отъ невѣжества или небрежности. Поэтому возникала необходимость свѣрять старыя переводы съ греческими оригиналами и неточности исправлять.

Заботясь о правильной и точной передачѣ текста, переписчики были очень неравнодушны къ каллиграфической и деворативной сторонѣ рукописей. Заглавныя и начальныя буквы отличаются величиною и особеннымъ, затѣйливымъ видомъ; онѣ, какъ и нѣкоторыя строчныя буквы, обыкновенно писались киноварью (составомъ изъ ртути и сѣры).

Многія рукописи украшены миниатюрами и орнаментами. Большое Гелатское евангеліе даетъ на оберткѣ съ внутренней правой стороны изображеніе двухъ св. мучениковъ. На верху изображеніе представляетъ женщину съ царскою короною, нижнее же изображеніе св. Георгія. Оба изображенія даны въ красныхъ мантіяхъ. Разукрашенные виньетки (заставки) съ орнаментальными украшениями встрѣчаются весьма часто въ памятникахъ груз. письменности. Въ иллюстраціяхъ Гелатскаго евангелія XII в. переданы въ миниатюрахъ фактическая сторона евангелія, особенно чудеса и изрѣдка въ традиціонныхъ формахъ ученіе и притчи. Оно, напр., Рождество Христово представляетъ въ слѣд. деталяхъ: ясли, въ видѣ ящика, въ которыхъ лежитъ спеленутый Младенецъ; на нихъ надаютъ золотые лучи отъ стоящей вверху въ голубомъ небѣ звѣзды; возлѣ яслей Богоматерь въ постели; волъ и осель. Надъ пещерой четыре ангела; внизу золотая купель, въ которой двѣ бабки омываютъ Младенца. Иосифъ задумчивый смотритъ на это омовеніе ¹⁾. Иллюстраціи въ памятникахъ письменности служатъ однимъ изъ важныхъ образцовъ для изученія грузинской школы живописи и національныхъ мотивовъ съ первыхъ вѣковъ распространенія христіанства въ Грузію.

Списываніемъ книгъ занимались люди всѣхъ состояній и званій; списки заказывались, расписывались живописью и украшались драгоценными камнями, „для прощенія грѣховъ“. Списки рукописей представляютъ два разряда: въ однихъ означено время ихъ написанія; въ другихъ такого означенія нѣтъ. Сверхъ того, древнѣйшіе списки предпочитаются позднѣйшимъ за свою большую вѣрность оригинальному тексту, потому что они не успѣли еще подвергнуться ошибкамъ и искаженіямъ. Почеркъ въ древнихъ рукописяхъ заглавный или уставъ а въ позднѣйшихъ появляется мелкій „хуцури“. Писали у грузинъ на веществѣ трехъ родовъ: пергаментѣ, бомбицинѣ и тряпичной бумагѣ.

Главный по назначенію и первый по времени появленія согласно цѣлямъ христіанской вѣры были книги священнаго писанія и богослуженія. По свидѣтельству „Карт.-Цх.“ уже въ началѣ V в. для супруги царя Арчила былъ сдѣланъ первый переводъ Евангелія и Апостола. Изъ дошедшихъ же памятниковъ ксанское Евангеліе является пока наиболѣе древнимъ. Оно относится къ VI в., ибо дата, постав-

¹⁾ *Покровский*. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. Спб. 1892. *Петровъ*. О миниатюрахъ греческаго Никомидійскаго евангелія XIII в. въ сравненіи съ миниатюрами евангелія Гелатскаго монастыря XI в. въ Трудяхъ V археол. съѣзда).

ленная въ началѣ и концѣ рукописи соотвѣтствуетъ по груз. лѣтоисчисленію 506, а по греч. 596 г. по Р. Х. По внѣшнимъ палеографическимъ признакамъ ксанское Евангеліе представляется весьма любопытнымъ: пергаментъ его самый грубый; буквы аляповаты; инициалы безъ всякихъ украшеній. Вторымъ по древности Евангеліемъ считается урбнисское, хотя дата его представляется подозрительною: она писана не рукою переписчика и не его чернилами. Эти четвероевангелія—ксанское и урбнисское, оказываются не согласными ни между собою, ни съ переводомъ Георгія Святогорца (XI в.). О существованіи перевода Евангелія до Георгія Святогорца засвидѣтельствовано не только этими отрывками урбнисскаго и ксанскаго Евангелій, но и припиской къ гелатскому Евангелію и словами, оставленными намъ однимъ изъ учениковъ св. Евфимія: „Мы съ самаго начала,—говорится у него,—имѣли и писанія и вѣру истинную; но такъ какъ мы были далеко отъ грековъ, то армяне, вкравшись въ наше довѣріе, подъ видомъ духовной пользы, сѣяли въ нашемъ народѣ плевелы; отъ нихъ у насъ даже были нѣкоторыя книги, ими же переведенныя; но Господь воздвигъ новаго Златоуста отца Евфимія, который началъ очищать нашъ край отъ плевелъ посредствомъ перевода св. Писанія“. Итакъ, переводы священныхъ книгъ существовали до Георгія Святогорца, и нѣтъ сомнѣнія, что краеугольной камень христіанскаго вѣроученія — Евангеліе раньше всѣхъ долженъ былъ явиться на грузинскомъ языкѣ.

Древніе переводы Евангелія заключаютъ въ себѣ массу отступленій, сокращеній, пропусковъ сравнительно съ нынѣшнимъ его текстомъ. Такъ, въ ксанскомъ четвероевангеліи каждое Евангеліе носитъ странное заглавіе, которое нѣсколько измѣнено въ урбнисскомъ, а въ позднѣйшихъ спискахъ уже не повторяется, а именно, въ ксанскомъ Евангеліи находимъ такое чтеніе: Евангелія глава Марка; глава (такая-то); Евангелія глава Іоанна; глава (такая-то). Въ урбнисскомъ: Евангелія глава Марка; Евангелія глава Іоанна. Ясный смыслъ заглавій обоихъ четвероевангелій показываетъ, что каждое изъ Евангелій принимаемо было во всей цѣлости, какъ одна особая глава, въ свою очередь подраздѣлявшаяся на внутреннія главы или отдѣлы. Вотъ откуда ведетъ свое начало слово четверо-главъ—четвероевангеліе, вошедшее и въ позднѣйшіе памятники Грузіи ¹⁾. Слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько особенностей

¹⁾ *Бакрадзе*. Древніе варианты груз. четверо-евангелія (въ Трудахъ V арх. съѣзда). Такое же чтеніе мы нашли въ Евангеліи, хранящемся въ Іоанно-Кре-

этихъ древнихъ текстовъ груз. евангелій. Въ Евангеліи Матѳея, гл. XXVII, ст. въ фразѣ „Понтіи или Понтійскій Пилатъ“ слова Понтій нѣтъ ни въ ксанскомъ, ни въ урбнисскомъ четверо-евангеліи. Полагаютъ, что слово Понтійскій ошибочно получило право гражданства, такъ какъ имя Пилата было Понсъ-Пилатъ. Изъ современныхъ изданій на европейскіихъ языкахъ четвероевангелій мы находимъ замѣненнымъ слово Понтій словомъ Понсъ только во франц. переводѣ Ропсе (греч. Πόντιος, англійскій Pontius, нѣмецкій Pontio). Въ ксанскомъ же евангеліи послѣдняя 26 гл. отъ Матѳея заканчивается стихомъ 8 и 20-мъ и этотъ пропускъ въ 12 стиховъ пополненъ въ урбнисскомъ Евангеліи.

Отмѣченныя особенности древнихъ грузинскихъ вариантовъ Евангелія и пропуски въ нихъ побудили Георгія Святогорца въ XI в. исправить существовавшій до него текстъ, свѣрить его съ греческимъ оригиналомъ и установить его въ окончательномъ видѣ, такъ что нынѣ онъ ни въ чемъ существенномъ не разнится отъ переводовъ греч., латин. и славянскаго. Изъ отмѣченныхъ же чертъ ксанскаго и урбнисскаго вариантовъ слѣдуетъ, что глубокая древность груз. четвероевангелій, писанныхъ церковнымъ уставнымъ алфавитомъ, должна быть отнынѣ признана безспорной. Языкъ Евангелія является наиболѣе древнимъ памятникомъ въ грузинской письменности и потому его изученіе представляется вопросомъ въ высшей степени важнымъ. Этотъ языкъ послужилъ образцомъ для послѣдующихъ переводовъ церковныхъ и свѣтскихъ. Орфографія первыхъ памятниковъ наложила свой отпечатокъ на орфографію позднѣйшей письменности, и исторіи грузинскаго языка не можемъ прослѣдить, не обратившись въ самому ея первоисточнику.

Для характеристики языка евангелія остановимся на первыхъ главахъ евангелія отъ Матѳея. Прежде всего насъ поражаетъ присутствіе въ самомъ началѣ II главы конструкціи, несвойственной современному литературному языку, именно—дательнаго самостоятельнаго, соотвѣтствующаго греч. родит. и славянскому дательному самостоятельному. Далѣе необычнымъ представляется употребленіе сказ. въ ед. ч. при подлежа. во мн. ч. вм. современной формы во мн. ч. Употреб. предлога *тан* съ род. п. замѣнилось нынѣ управленіемъ дат. п. Любопытной представляется

стительскомъ монастырѣ. Названный памятникъ сопровождается изображеніемъ евангелистовъ и писанъ мелкимъ „хуцурн“ (церковнымъ алфавитомъ) на пергаментѣ. (См. мой отчетъ о поѣздѣ на Кавказъ лѣтомъ 1893 г.).

вставка знака множ. ч. въ глаголь между темой его и окончаніемъ при прямомъ допол. въ мпож. ч. II, ст. 4, 8, 16. Современный языкъ не требуетъ измѣненія формы глагола при прямомъ допол. во мн. ч. Въ древнихъ памятникахъ вообще и въ этой въ главѣ частности имѣемъ часто повторяющуюся вставку плавнаго. Съ другой стороны имѣемъ предлоги *ian*, *тцар* съ сохраненіемъ носоваго *n* и плавнаго *l* въ префиксахъ вм. совр. *ia* и *тца*. Греческій членъ нерѣдко переводится указ. мѣстоимѣніемъ (ст. 13). Изъ другихъ особенностей отмѣтимъ еще отсутствіе повѣств. пад. въ качествѣ подлежа. при сказ. въ прош. совершен. Прилагательное въ смыслѣ опредѣленія въ Евангеліи всегда слѣдуетъ за опредѣляемымъ словомъ (ст. 10). При этомъ укажемъ еще на одно обстоятельство: прилагат. именное образуется въ род. п. и въ послѣдней формѣ оно считается за имен. п. и согласуется съ опредѣляемымъ словомъ въ числѣ и падежѣ, наприм. во II главѣ Виеоемъ Іудейскій. На вопросъ куда? ставится твор. II, (IV, 24 II, 8); на вопросъ гдѣ? ставится дат. п. (II, 5, въ Виеоемъ Іудейскомъ, ст. 18, Гласть въ Рамѣ слышанъ). Изъ другихъ памятниковъ VI вѣка до насъ дошла пергаментная рукопись, хранящаяся въ Тифлис. церковномъ музеѣ. Она носить названіе „Литургія Іоакова“ и перевезена въ Тифлисъ изъ Мцхетскаго собора. Бавердзе ее относитъ къ VI в. ¹⁾ Доводы, говорящія въ пользу ея древности сводятся къ историческимъ фактамъ, сохранившимся въ памятникѣ: здѣсь упоминаются византійскіе императоры до Юстиніана включительно (527—565 г.) и названъ католикосъ Симеонъ, который жилъ при царѣ Бакуріи, въ эпоху Юстиніана. Изъ VII вѣка имѣется два листа папирусной псалтыри и три томика папирусной праздничной Миней, найденной въ Іерусалимской лаврѣ св. Саввы преосвящ. Порфиріемъ, прекраснымъ знаткомъ христіанскаго востока. Къ VII в. относится также „Обращеніе Грузіи“. Къ VIII в. относится „мученическая кончина св. Або“. Пергаментная эта рукопись привезена изъ Сванетіи и палеографическій ея характеръ не оставляетъ сомнѣнія въ ея древности ²⁾.

Съ IX вѣка до насъ дошли поученія, сборники, требники. Къ X в. относится Библия, писанная на Аеонѣ до построенія большаго Иверскаго монастыря. Она сохранилась въ двухъ томахъ въ 978 г.

¹⁾ Бавердзе. Исторія Грузіи, стр. 208, 221. Ср. *Жорданія* „Хроникъ и мат. для ист. Грузіи“ 72—3 (Т., 1893).

²⁾ Сванетскій манускриптъ представляетъ громадный фолиантъ въ 489 л. писанный заглавнымъ „хуцур“ за исключеніемъ 187—210 стр. мелкаго хуцур.

переписанныхъ тремя писцами: Михаиломъ, Стефаномъ и Георгіемъ. Съ этой Библии сняты двѣ копіи, одна по приказанію владетеля Мингреліи Давида въ 1851 г., а другая хранится въ Тифлисѣ въ Сіонскомъ соборѣ. Но другой важный списокъ Библии Іерусалимской относится къ XI в. Аѳонская Библия и списокъ съ нея не представляетъ полнаго собранія книгъ Ветхаго Заѣта. Въ ней нѣтъ книгъ Маккавейскихъ, Іисуса Навина, Чисель, Второзакон., Руфи, Паралипоменона, Псалмовъ, книга прор. Варуха. Въ 1742—3 г. груз. Библия впервые была напечатана въ Москвѣ, по желанію царя Арчила († 1712), подъ редакціею Бакара и Вахуштіа Вахтанговичей. Они собрали разрозненныя части, недостающія книги перевели съ славянскаго языка ¹⁾, сличили съ подлинникомъ, причеиъ Псалтырь, Пророки и Новый Заѣтъ, напечатанные въ Тифлисѣ царемъ Вахтангомъ (1710—1723 г.), вошли въ трудъ московскихъ редакторовъ груз. Библии. Изъ сличенія съ оригиналомъ, оказывается, что она переведена съ кодекса 10 толковниковъ. Что касается до отдѣльныхъ книгъ Библии, то онѣ существовали у насъ съ давняго времени: Псалтырь VIII—IX в., „Пророки“, списокъ конихъ представляетъ воспроизведеніе не съ Аѳонской Библии 978 г. а болѣе древняго оригинала; этотъ памятникъ хранится въ монастырѣ св. Креста, близъ Іерусалима.

Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ переводы твореній святыхъ отцевъ. Ихъ три рода: одни содержатъ въ себѣ толкованія св. писанія, другія относятся къ догматическимъ, а третьи—къ нравственнымъ. Давъ св. писаніе на языкѣ, понятномъ народу, надлежало дать и руководство, облегчающее его пониманіе толкованіемъ. Первая мысль о составленіи книгъ толковыхъ или толковниковъ явилась очень рано. До насъ дошло отъ X вѣка переводное толкованіе св. Іоанна Златуста на Евангеліе; сюда же относятся слова на Шестодневъ Василія Великаго, памятникъ, писанный почеркомъ св. Евѳимія. Списки толкованія свящ. писанія и ирмосы Богородичныя идутъ отъ X в. Къ XI в. относится сокращеніе толкованія ап. Павла, Кирилла Александрійскаго, къ XII в. толкованіе на Псалтырь; къ XII в. толкованіе на 50 псаломъ св. Аѳанасія Александрійскаго. Толкованія Іоанна Златоуста на Евангелія дошли во многихъ спискахъ съ X по XII в.

За толкованіемъ свящ. писанія слѣдуютъ учительныя творенія св. отцевъ и догматическія, въ которыхъ излагается христіанское ученіе въ полномъ составѣ или объясняются важнѣйшіе догматы. Такъ, поученіе св. Ефрема Сиріна, писанное въ Палестинѣ Георгіемъ въ

¹⁾ Впослѣдствіи древніе ихъ переводы были найдены (*Иверія*).

Лавръ св. Саввы, заключаетъ въ себѣ ученіе о монашествѣ, покаяніи, второмъ пришествіи, преображеніи, Адамѣ; Слова св. Григорія Бого- слова, содержаніе коего слѣд.: объ Юліанѣ отступникѣ, о рожденіи Спасителя, о свѣтѣ, о Пасхѣ; Слова Іоанна Дамаскина, заключающія изобличенія несторіанъ, Слово Никиты, священнослужителя Студійскаго монастыря въ разоблаченіе армянскаго вѣроученія, толкованіе великаго философа Пселоса для своихъ учениковъ, Семь соборныхъ посланій, переведенныхъ св. Георгіемъ Мтацмандели, „Отвѣтъ Евѳиміа Гтзели Сосеену, армянскому учителю“ X в., переписан. на Олимпѣ. Въ духовной литературѣ правоучительнаго характера видное мѣсто занимаютъ сочиненія аскетическія Исаака Сирина, дошедшее до насъ на бомбицинѣ въ Синайскомъ монастырѣ, Максима исповѣдника (Гелат. мон.), Лѣствица, св. Іоанна Климакса съ XI в., хранящаяся въ Крестномъ монастырѣ, а въ нѣсколькихъ позднѣйшихъ спискахъ въ Кватехевскомъ мон. Причиною ихъ распространенія было, съ одной стороны, высокое достоинство ихъ содержанія, а съ другой—общее уваженіе къ жизни иноческой, какъ къ высшему проявленію христіанскаго совершенства. Кромѣ цѣлыхъ отеческихъ сочиненій правоучительнаго содержанія, дошли особые сборники разныхъ названій, Маргаритъ, Вѣнецъ, заключающіе наставленія о молитвѣ, милостынѣ, послушаніи, нестяжательности и другихъ добродѣтеляхъ, составленныхъ изъ сочиненій отцевъ и учителей церкви. „Рай“, представляющій описаніе подвиговъ христіанскихъ отцевъ и женъ, имѣется въ рукописи XIII в. (въ Синайск. м.). Множество поученій Исаака Дороева о разныхъ Христовыхъ добродѣтеляхъ дошло съ XI—XII в. изъ Синайскаго монастыря.

Между многоразличными сборниками есть такіе, содержаніе которыхъ полудуховное и полусвѣтское. Объ одномъ изъ нихъ, извѣстномъ подъ именемъ „Пчелъ“, мы находимъ свѣдѣніе у Бакрадзе въ его археол. путешествіи. Содержаніе ихъ, впрочемъ не соотвѣтствуетъ обычному составу этого сборника. Въмѣсто изреченій изъ различныхъ сочиненій о мудрости, чистотѣ, правдѣ, богатствѣ и пр., въ нашемъ сборникѣ имѣемъ: житія святыхъ, рассказъ о постройкѣ церкви св. Софіи въ Константинополѣ; разъясненіе основанія груз. пасхальнаго цикла, трактатъ о раздѣленіи Грузіи и Арменіи ¹⁾.

Масса сборниковъ не только специальныхъ, относящихся къ одному какому-либо роду, предметовъ, но и общихъ, содержанія разнообразнаго, представляли обильный матеріалъ для чтенія и сообщали

¹⁾ Бакрадзе. Археологическое путешествіе по Гуріи и Апчарѣ, стр. 156. Ср. Кондаковъ. Опись памятниковъ въ храмахъ Грузіи, стр. 131.

богатый запас свѣдѣній любознательнымъ чтецамъ. Манускриптъ IX в., переписанный инокомъ Іоанномъ, даетъ рядъ рассказовъ о сотвореніи чловѣка, объ образѣ животныхъ Василія, еп. Кесарійскаго, хронологическія справки о царяхъ евреевъ, персовъ, Птоломеяхъ египетскихъ, римскихъ; объясненіе происхожденіе алфавитовъ еврейскаго, финикійскаго и греческаго. „Рассказъ о свв. нашихъ мудрецахъ въ Синайскомъ монастырѣ вмѣстѣ съ „Похвалой груз. языку“ восходятъ къ X в. Восхваленіе писца Іоанна, сводится къ тому, что грузинское лѣтосчисленіе продолжительнѣе лѣточисленія другихъ народъ на 94 (96?) и что языкъ этотъ, подобно Лазарю, имѣетъ воскреснуть и будетъ существовать до Страшнаго суда, который долженъ происходить на этомъ языкѣ. Такія сочиненія, смѣшанныя съ апокрифическими сказаніями, давали обильную пищу любознательности древняго грузина. Такъ, извѣстенъ Апокалипсисъ Іоанна съ толкованьемъ Андрея Бритскаго (Кесарійскаго ?).

Изъ нѣкоторыхъ отрывковъ, дошедшихъ до насъ, мы можемъ заключить, что Византія передавала намъ книги историческаго содержанія—хроники и хронографы. Хроники ¹⁾ содержатъ въ себѣ исторію древнихъ царствъ и византійскую, какъ это видно изъ сборника Шатбердскаго, переписаннаго инокомъ Іоанномъ въ IX—X в. Онъ хранится въ Обществѣ распротр. громот. среди грузинъ. Хронографы заключили всеобщую исторію и приведены были въ различное время и послужили источникомъ мѣстныхъ историческихъ работъ, какъ напр. хронографъ царя Теймураза I. Наконецъ, изъ Византіи стали распространяться апокрифы, заключающихъ смѣсь достовѣрныхъ рассказовъ съ вымыслами о событіяхъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи. Любознательный читатель прибавлялъ къ тексту свящ. писанія то, чего не доставало въ немъ, но что было желательно знать. Вначалѣ церковь не преслѣдовала апокрифическихъ произведеній, но когда ими воспользовались для проведенія еретическихъ ученій, церковь наложила на нихъ запрещеніе. Въ X в. уже имѣемъ письмо Евѣиміи къ икону Георгію въ которомъ сообщаетъ свѣдѣнія объ отреченныхъ книгахъ, св. Церковью не допускаемыхъ. Однако, апокрифы разошлись въ народѣ и повліяли на складъ его мирозерпанія. Количество списковъ апокрифовъ, дошедшихъ до насъ, ясно свидѣтельствуеетъ о степени интереса, возбуждаемаго ими среди грузинскихъ читателей. Появившіеся въ Византіи съ VII в. *Антологіи*—сборники

¹⁾ Дошелъ до насъ Георгій Амартола, переведенный на грузинскій языкъ инокомъ Арсеніемъ. *Жорданія*. Хроника и другіе матеріалы для исторіи Грузин до 1213 (Тифлисъ, 1893, стр. 224 и 334).

выписокъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ писателей о разныхъ предметахъ переводится уже въ XIII в. на грузинскій языкъ и служитъ источникомъ ознакомленія съ древними философами, ораторами, историками и поэтами. Такимъ образомъ, Грузія въ теченіе пяти вѣковъ послѣ принятія христіанства широко приобщается къ Византійской образованности, черпая свѣдѣнія не только по духовной, но вообще по свѣтской литературѣ, завѣщанной намъ классическими писателями.

Центры просвѣщенія въ древней Иверіи.

Обстоятельства, при которыхъ возникло въ Грузіи образованіе и появилась письменность, сообщили всей древней словесности особенный характеръ и направленіе. Образованіе возникло у насъ изъ христіанской вѣры и въ ней имѣло главный источникъ. Оно сосредоточивалось въ монастыряхъ и въ училищахъ при церквахъ, направлялось лицами духовными и монашествующими, по книгамъ церковнымъ и духовнымъ. Это сообщило какъ древней грузинской жизни, такъ и древней словесности религіозно-церковное направленіе. Большая часть древней словесности состоитъ изъ сочиненій духовныхъ: словъ, поученій, житій святыхъ. Періодъ грузинской словесности съ IV по IX в. является эпохой *подготовительной* къ свѣтской словесности, развившейся съ IX в. Произведеній не духовнаго характера мы почти не встрѣчаемъ въ первомъ періодѣ, если не считать отдѣльныхъ лѣтописныхъ замѣтокъ, присоединяемыхъ къ житіямъ святыхъ. Прокопій въ VI в., впрочемъ, увѣряетъ въ существованіи историческихъ документовъ у лазовъ (запад. грузинъ). Усвоивъ христіанское ученіе подъ руководствомъ греческихъ учителей, грузины усвоили религіозное направленіе византійской литературы. Подъ влияніемъ отеческихъ твореній первыхъ вѣковъ христіанства и сочиненій древнихъ греческихъ писателей сложился характеръ византійскаго образованія, оказавшаго сильное влияніе на просвѣщеніе Грузіи. Частью въ предѣлахъ Грузіи, частью далеко за ея предѣлами — въ Палестинѣ, на Синаѣ и Аѳонѣ открываются школы при церквахъ и монастыряхъ грузинами, получившими греческое образованіе. Объемъ и система преподаванія переносится изъ Византіи въ грузинскія школы, создаются центры просвѣщенія и книжной дѣятельности.

Колыбелью грузинской письменности нужно признать Лавру св. Саввы въ Св. Землѣ. Основаніе этого монастыря въ V в. приписывается сыну грузинскаго царя Бакара II, Мурваносу, извѣстному въ монашествѣ подъ именемъ Петра, епископа Маюмскаго (Газскаго). Достоинство житіе его было составлено его же ученикомъ въ V в. грузи-

номъ Захаріей на сирійскомъ языкѣ и переведено было на груз. языкъ священникомъ Макаріемъ. Царь Ватхангъ Горгасланъ побывалъ въ Палестинѣ для поклоненія Св. Гробу Господню и оказалъ поддержку вновь возникшему здѣсь монастырю. Такимъ образомъ, уже въ V в. имѣется въ Іерусалимѣ монастырь и странноприемный домъ, въ которомъ приступаютъ къ переводу церковно-богослужбныхъ книгъ для вновь насажденной грузинской церкви. Къ VII в. относится не датированная груз. рукопись Праздничная Минея, писанная въ Палестинѣ. Имена переводчиковъ, потрудившихся надъ первыми образцами церковно-богослужбныхъ книгъ, сохранились въ позднѣйшихъ памятникахъ. Тѣни ученыхъ книжниковъ-монаховъ: Антонія и Саввы призываются въ манускриптѣ „Семь соборныхъ посланій“ XII в. Евѳимій и Георгій Святгорецъ исправляютъ въ XI в. переводы, сдѣланные Давидомъ и Стефаномъ, о которыхъ мы узнаемъ лишь по указанію автора житія Евѳимія. Въ IX в. въ лаврѣ св. Саввы жилъ замѣчательный грузинскій путешественникъ по Востоку Иларіонъ, по фамиліи Донауръ изъ Кахетіи. Сначала онъ поселился на Олимпѣ, гдѣ было въ то время много грузинъ. Побывавъ въ Константинополѣ, Римѣ, сталъ заниматься „любомудріемъ въ Лаврѣ св. Саввы“ и литературное преданіе ему приписываетъ переводъ съ греческаго Метафраста и житія св. Симеона Столпника. Въ X—XI вв. груз. братія продолжаетъ подвизаться въ этой Лаврѣ. Другой монастырь сдѣлавшійся пріютомъ книжниковъ, былъ Крестный монастырь возобновленный или построенный въ X в. Прохоре изъ Шавшетіи. Переводная литература закипѣла въ этомъ монастырѣ съ XI в. и при храмѣ св. Воскресенія. До насъ дошли изъ переводовъ братіи Крестнаго монастыря датированныя рукописи 1038 г., Толкованія Іоанна Златоуста на Евангеліе, 1040 г. Житія и творенія Григорія Назіанзансина и Григорія Нисскаго, писанныя иноками Гавріиломъ и Іоанномъ, 1049 г., Синаксарій, писанный — Михаиломъ Нестеріономъ и Павломъ. Далѣе слѣдуетъ Маргаритъ Іоанна Златоуста, Тріодъ, Лѣствица, различныя посланія и поученія, переведенныя въ монастырѣ Св. Креста. Возникновеніе грузинскаго монастыря на историческомъ мѣстѣ Крестнаго древа, составившее эпоху въ дѣятельности грузинъ въ Св. Землѣ, всецѣло обязано энергіи Прохоре и св. Георгію Мтацминдели при дѣятельной поддержкѣ Баграта IV, матери его Маріамы, при сильной помощи груз. братіи монастыря Калипской Богородицы близъ Антіохіи, Саввинской Лавры Гроба Господня, которая писала и жертвовала рукописи для этого „грузинскаго подворья“. Такимъ образомъ, около половины XI в. Крестный монастырь дѣлается центромъ дѣятельности грузинъ въ

Св. Землѣ. Письменные изъ этого монастыря памятники, дошедше до насъ, являются одними изъ наиболѣе цѣнныхъ для установленія взгляда на быстрое книжное развитіе грузинскаго народа.

Въ эпоху владычества турокъ въ Палестинѣ дѣятельность грузинъ въ Св. Землѣ не ослабѣваетъ. По взятіи Іерусалима Крестоносцами въ XII в. грузины продолжаютъ пользоваться всѣми правами христіанъ въ новомъ христіанскомъ королевствѣ. *Monasterium georgianum* имѣетъ своего игумена, на которомъ лежитъ обязанность примножать братію и направлять ея дѣятельность. Къ этому времени относится заботливое попеченіе царя Давида Возобновителя, обогащающаго пожертвованіями лавры и страннопріимныя дома въ Грузіи и за ея предѣлами. Въ XII в. въ этомъ Крестномъ монастырѣ находятъ успокоеніе грузинскій поэтъ Ш. Руставели, расписавшаго лавру и оставившаго по себѣ память во фрескахъ монастыря въ одѣяніи вельможи 1643 года.

Грузинская письменность, возникшая въ половинѣ XI в. въ стѣнахъ новозданнаго монастыря Св. Креста есть и по характеру и по содержанію естественное продолженіе грузинской письменности Саввиискаго и Аеоно-иверскаго монастырей, подобно тому какъ основатель этого монастыря Георгій Прохоре былъ инокомъ сначала въ Иверскомъ монастырѣ на Аeonѣ и затѣмъ въ Лаврѣ св. Саввы. По красотѣ письма памятники эти, хотя и уступаютъ нѣсколько въ общемъ таковымъ Аеонона и Лавры св. Саввы, тѣмъ не менѣе они подражаютъ имъ успѣшно и есть нѣсколько экземпляровъ, писанныхъ вполне аеононскимъ почеркомъ тонкаго и изящнаго письма съ изящными инициалами цвѣтовъ и заставками темно-голубого и темно-багроваго цвѣта, изъ гирляндъ и вѣнокъ съ птицами и животными на превосходномъ бѣломъ пергаментѣ.

Художественныя украшенія въ груз. памятникахъ отражаютъ съ VII в. вліяніе искусства египетскаго, византійскаго, арабскаго и персидскаго. Въ Палестинской папирусной Миней встрѣчаются на поляхъ киноварью незатѣйливыя, правда, изображенія Христа и святыхъ, равно воспроизводятся въ лицахъ событія большихъ праздниковъ. Рисовальщицы воспроизводятъ нерѣдко мѣстную природу и подражаютъ мѣстному искусству, такъ напр. въ одной синайской рукописи VIII—IX в. находится изображеніе верблюдицы. Въ общемъ груз. миниатюры синайскихъ рукописей подражаютъ египетскимъ и арабскимъ искусствамъ. Аеононскія рукописи отражаютъ вліяніе византійскихъ миниатюръ. Памятники самцхійскіе, гелатскіе и мартвильскіе въ заставкахъ, инициалахъ, цвѣтныхъ колоннахъ соединяютъ въ себѣ стили византійско-персидскій съ мѣстнымъ грузинскимъ. Въ грузинскихъ миниатюрахъ

особенно сильно развиты растительныя украшенія изъ гирляндъ, вѣтвей, цвѣтовъ и листьевъ—украшенія, составляющія особенности грузинскаго живописнаго и архитектурнаго стиля.

Письменные сокровища Крестнаго монастыря, составляющія нынѣ 138 номеровъ, накопились постепенно изъ памятниковъ, писавшихся въ разное время въ самомъ монастырѣ со времени его основанія (XI в.) по самое начало XIX в.; кромѣ того, привозились и жертвовались изъ разныхъ груз. монастырей изъ Грузіи, съ Аэона и изъ Палестины: св. Самуила, св. Іоанна Богослова, св. Василия, Голгова, храма Воскресенія, Гроба Господня, Саввинской пустыни. И тамъ, гдѣ Грузія имѣла двадцать храмовъ и монастырей съ древнѣйшими школами при нихъ, нѣтъ нынѣ приюта для грузинъ. Памятники, ими возведенные, заняты христіанами другихъ національностей или обращены въ мечети. Съ паденіемъ религіозныхъ центровъ пала и книжная дѣятельность грузинъ въ Палестинѣ.

Грузинская церковная литература, какъ ясно изъ сказаннаго нами, созидалась вначалѣ внѣ предѣловъ Грузіи: въ Іерусалимѣ, Синаѣ, въ монастыряхъ Аэона и Черной горы близъ Антіохіи. Въ этихъ, монастыряхъ выработался особый грузинскій языкъ и списаны самыя цѣнныя манускрипты, которыми гордится Грузія. Самое большее количество рукописей, дошедшихъ до насъ и писанныхъ при томъ со всею роскошью каллиграфическаго искусства, принадлежитъ перу синайской грузинской братіи второй половины X в. Одинъ изъ наиболѣе древнихъ нашихъ памятниковъ, если считать всанское евангеліе подозрительнымъ по древности, нужно признать папирусный псалтырь VII в., переписанный на Синаѣ. Усиленная книжная дѣятельность грузинской братіи здѣсь совпадаетъ со вторымъ періодомъ груз. литературы X—XII вв. Сохранились имена книжниковъ, трудившихся надъ созидавіями грузинскихъ синайскихъ памятниковъ: X в. Квирикэ Миднадзорели, Іоаннъ, Зосимъ; XI в. Пименъ; XII в. Микель Катамонели изъ Катамонійскаго монастыря, близъ Іерусалима. Находясь на различныхъ ступеняхъ духовной іерархіи, всѣ иноки принимали одинаково дѣятельное участіе въ приумноженіи грузинскихъ рукописей: одинъ давалъ инициативу, указанія, нужный матеріалъ, другой писалъ, третій переплеталъ новыя и старыя рукописи; четвертый снабжалъ художественными украшеніями.

Синайскіе грузинскіе монастыри возникли еще въ VII—VIII вв. Около этого времени жилъ въ Арселаѣ, близъ Хорива Авва Михаилъ съ ученикомъ Евстаѳіемъ, какъ объ этомъ повѣствуетъ Синайскій патерикъ. Въ X в. грузинамъ принадлежали двѣ церкви Св. Іоанна Бо-

гослова и св. Георгія Побѣдоносца. Въ концѣ XI в. въ началѣ XII в. ц. Давидъ II построилъ церковь съ кельями надъ пещерой св. Ильи на Хоривѣ. Благочестивая парица Тамара поддерживала Синаискіе монастыри своими щедротами. Бѣдствія, обрушившіяся на грузинскихъ иноковъ въ XV—XVII в., заставили ихъ покинуть Синай. Число синайскихъ рукописей дошедшихъ до насъ, выражается цифрой 93 и является весьма цѣннымъ по разнообразію своего содержанія сводомъ памятниковъ древней грузинской литературы. Помимо церковно-богослужебныхъ книгъ, здѣсь сохранились слова, поученія, толкованія, и сборники духовнонравственнаго характера.

Третьимъ центромъ просвѣщенія и книжной дѣятельности въ первые вѣка христіанства въ Грузіи были монастыри на Черной горѣ, близъ Антіохіи и Дивной горѣ или Симоновой, гдѣ уже въ XI в. процвѣталъ монастырь во имя Богородицы Калипосъ. Среди монаховъ были столпники, молчальники, затворники и книжники. Нѣсколько роскошныхъ рукописей въ монастырѣ Калипосъ даетъ основаніе судить о блестящемъ расцвѣтѣ здѣсь грузинской писменности. Одна изъ нихъ—золотыми инициалами писанное четвероевангеліе, относится ко времени царя Баграта Нобилиссима (1027—1072). Въ 1040 г. писано житіе и твореніе свв. Григорія Назіанзина Гавріиломъ и Іоанномъ на Дивной горѣ. Къ XI в. писано четвероевангеліе русской церкви на Черной горѣ, близъ города Селевкии, рукою недостойнаго и грѣшнаго Захаріи Чернаго. Въ XIII в. здѣсь еще существовалъ грузинскій монастырь, и, по завоеваніи Сиріи турками, Антіохія обратилась въ мусульманскій городъ, а христіанскіе храмы подверглись опустошеніямъ и грабежамъ османовъ.

Аѳонъ съ иверскими монастырями до сихъ поръ продолжаетъ быть пріютомъ для грузинскихъ иноковъ. Основаніе иверскаго монастыря относится къ X в., какъ объ этомъ сообщаетъ „Житіе св. Іоанна и Евѳиміа и увѣдомленіе о достопамятныхъ подвигахъ ихъ, описанное недостойнымъ іеромонахомъ Георгіемъ“. Житіе составлено ок. 1040—1047 г. Основатель этой обители Іоаннъ †988 имѣлъ сподвижникомъ Торникія, бывшаго грузинскаго военачальника, который разбилъ возмущающагося Варда Склера при дѣлахъ византійскаго импер. Романа II. Второй настоятель монастыря Евѳимій (†1028) много потрудился надъ переводами священныхъ книгъ и проявилъ административныя способности по управленію лаврой, въ которой насчитывалось до 300 иноковъ. Изъ послѣдующихъ за нимъ настоятелей Георгій II Святгорець, прозванный Перелагателемъ свящ. писанія на грузинскій языкъ, является однимъ изъ крупныхъ дѣятелей Аѳонскаго монастыря. Исторію осно-

ванія монастыря онъ повѣствуетъ на основаніи письменныхъ памятникъ и распросовъ лицъ, близко стоявшихъ въ первымъ настоятелямъ иверской лавры.

Замѣчательный груз. дѣятель XI в. Георгій Мтацминдели (Святого-рецъ) род. въ Самцхѣ ок. 1014 г. 25 лѣтъ онъ отправился на поклоненіе святымъ мѣстамъ Востока и постригся въ монахи въ монастырѣ св. Романа, близъ Антиохіи. Въ 1044 г. онъ отправился въ Іерусалимъ, оттуда на Аѳонъ, гдѣ провелъ семь лѣтъ подвижнической жизни, занимаясь и переводами книгъ на грузинскій языкъ, а въ 1051 г. онъ былъ избранъ настоятелемъ Иверскаго монастыря на Аѳонѣ. Вскорѣ онъ отказался отъ настоятельства и отправился на Черную гору близъ Антиохіи, здѣсь онъ встрѣтился съ царицей Маріамой, матерью Баграта IV. Опасаясь сельджуковъ, царица не рѣшилась отправиться въ Іерусалимъ и поручила Георгію отъ ея имени доставить вклады въ палестинскіе монастыри. Въ Іерусалимѣ Георгій нашель Прохоре, занятаго постройкой Крестнаго монастыря. По возвращеніи изъ Іерусалима въ Антиохію, онъ жилъ то въ монастырѣ св. Симеона, то въ Калипскомъ монастырѣ. Отсюда, по приглашенію царя Баграта, онъ прибылъ въ Грузію, гдѣ усердно принялся исправлять нравы соотечественниковъ и устроить школы. Взявъ съ собою 80 мальчиковъ для обученія наукамъ въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, Георгій отправился въ Византію, гдѣ и скончался внезапно въ началѣ второй половины XI вѣка.

Св. Георгій Мтацминдели, получившій названіе отъ св. горы Аѳона, является типичнымъ дѣтелемъ въ древнегрузинской жизни. Одаренный отъ природы хорошими способностями, приводившими въ изумленіе его близкихъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, онъ безъ устали работалъ на различныхъ общественно-религіозныхъ поприщахъ. Неутомимый и энергичный онъ находится въ непрерывномъ передвиженіи изъ Грузіи въ Антиохію, изъ Антиохіи въ Іерусалимъ, отсюда на Аѳонъ, въ Византію, направляясь обратно по мѣрѣ нужды и необходимости. Онъ то дѣлается аскетомъ, то бросается въ кипучую сферу дѣятельности, являясь строителемъ и правителемъ монастырей, переводчикомъ и редакторомъ церковно-богослуж. книгъ на грузинскомъ языкѣ, учителемъ и обличителемъ общественныхъ пороковъ и недостатковъ. Разнообразіе его дѣятельности направляется единой и могучей силой—желаніемъ послужить родной землѣ и ея интересамъ. Въ извѣстный моментъ онъ сосредоточивалъ свои силы на томъ пунктѣ, который всего болѣе требовалъ энергичнаго дѣателя. Понятно, въ виду сказаннаго, что онъ не могъ взяться за одну какую-либо спеціальную работу—

управление лаврой или переводы священнаго писанія. Онъ съ лихо-радоючностію быстротой успѣвалъ вездѣ побывать, дать указанія, поднять духъ народа и иноковъ. Увлекаясь тѣмъ, что подсказывало назрѣвшее время, онъ оставилъ, при своей подвижной жизни, замѣчательные памятники своихъ литературныхъ занятій. Ему принадлежатъ до 20 названій переводовъ духовно-нравственныхъ книгъ и житіе первыхъ настоятелей Иверской обители съ обстоятельной ея исторіей. Онъ и Евѣимій не мало труда вкладуѣ на исправленіе переводовъ Ветхаго и Новаго Заѣта предшественниковъ—Давида и Стефана, у которыхъ вкралась крупныя ошибки и неточности. По ширинѣ дѣятельности съ Георгіемъ не можетъ сравняться ни одинъ изъ дѣятелей древне-груз. духовныхъ отцевъ и одинъ св. Евѣимій, настоятель Иверской обители превосходить его по количеству переводныхъ работъ. Св. Ерѣимій оставилъ намъ 50 церковно-богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ, но такая литературная плодовитость объясняется ограниченностью сферы его дѣятельности кругомъ иноческихъ добродѣтелей и литературныхъ занятій. Георгіемъ Салтисели, а не Святогорцемъ переведенъ въ X в. „Златоструй“.

Мы говорили о центрахъ книжной дѣятельности и просвѣщенія Грузіи внѣ ея предѣловъ. Въ какихъ же пунктахъ сосредоточивалась образованность грузинъ въ самой странѣ? Отдѣльныя надписи на древнѣйшихъ памятникахъ письменности и отрывочныя извѣстія изъ біографіи грузинскихъ царей и дѣятелей даюѣ скудныя указанія на поставленный вопросъ. „Кар.—Цх.“ (лѣтопись) же совершенно умалчиваетъ о внутреннемъ бытѣ грузинъ въ первые вѣка христіанства, и потому приходится довольствоваться свидѣтельствами приписокъ на манускриптахъ и указаніями иностранныхъ писателей о Грузіи.

Прежде всего приходится отмѣтить тотъ любопытный фактъ, что просвѣщеніе Грузіи въ эпоху отъ VIII до XII в., по преимуществу, процвѣтало въ западной ея части, въ Мескетіи, Имеретіи, Шавшетіи. Въ X в. въ Тбетіи, вѣроятно, существовала школа при епископской Шавшетской кафедрѣ и въ ней-то переписано знаменитое Тбетское четвероевангеліе. Тутъ же былъ составленъ документъ XIII в. о пасхальномъ циклѣ¹⁾ и фоліантъ IX в. изъ Верхней Сванетіи, перевезенный въ Тифлисскую духовную семинарію. О школѣ книжниковъ въ Тбетіи свидѣтельствуетъ приписка къ названному четвероевангелію. Оно написано въ 995 г. писцами Давидомъ и Архипомъ, въ царствованіе Давида Куропалата, при еп. Іоаннѣ, переплетчикомъ былъ священникъ

¹⁾ Пасхальный циклъ приложенъ еще къ пергаментному псалтырю X в.

Стефанъ и украсилъ его изображеніями евангелистовъ и арками епископъ Самуилъ. Въ бібліотекѣ вн. Мингрельскаго открыты нынѣ пѣснопѣнія X в. (*Жорданія*, ор. с. 93).

Въ Самцхѣ въ XI в. извѣстны монахи Савва Тухарели и Ефремъ Младшій, ученикъ Іоанна Петриція. По просьбѣ Саввы, Ефремъ Младшій переводитъ книги, которыхъ не было на груз. языкѣ: книги Діонисія Ареопага, Исторію Θεофилона, Левеанконъ Григорія Богослова и др. Въ селѣ Хахули, въ монастырѣ X в., основанномъ Давидомъ Курополатомъ, возникла религіозная и книжная дѣятельность кружка монаховъ, число которыхъ, по припискѣ къ Толкованіямъ Іоанна Златоуста, доходило до 17. Въ самомъ началѣ XI в. въ той же лаврѣ подвизался архіеп. Іоаннъ Хахулели, прозванный за краснорѣчіе грузинскимъ Златоустомъ. О сочиненіи его противъ монофизитовъ сообщаетъ свѣдѣніе Антоній I католикосъ въ Мѣрномъ словѣ 237—238. Въ этомъ монастырѣ получилъ первоначальное образованіе Георгій Мтацминдели подъ руководствомъ о. Иларіона Тулаели. Есть свѣдѣніе изъ житія св. Георгія, перелагателя свящ. писанія на грузинскій языкъ, что онъ, по возвращеніи изъ путешествія по Востоку, сталъ устраивать школы на родинѣ. Книжная дѣятельность процвѣтала въ Гелати, Пархали, Дручи, Мартвили. Дручское евангеліе 936 г. старѣе списка Георгія Святогорца XI в. Кромѣ двухъ евангелій Ксанскаго и Урбнвскаго, названныхъ раньше, переводу св. Георгія предшествуютъ еще Евангеліе Иверской лавры 913—917 г. и Пархальское евангеліе 973 г., открытое въ селѣ Чалахъ. Въ Дручскомъ же монастырѣ написано житіе Богоматери алфавитомъ IX—X в. Количество памятниковъ, переписанныхъ въ Гелати („Новыя Аѳины“), краснорѣчиво говоритъ о важномъ значеніи его, какъ центра просвѣтительной дѣятельности.

Приписки же къ рукописямъ даютъ основаніе думать, что школы, въ которыхъ переводилось, украшалось и изучалось свящ. писаніе, были раскинуты по всей Грузіи. Въ Джавахетіи извѣстенъ Цароставскій монастырь, въ которомъ переписано дошедшее до насъ Четвероевангеліе. Въ Берти (Батумской обл.) Шемокмеди, Опизѣ, Парехи, Шатбери, Анчѣ въ Батумской области при монастыряхъ организовались иноческіе союзы, посвятившіе себя распространенію книгъ въ Грузіи. Сел. Вани, Шемокмеди, Джумати, въ Озургетскомъ уѣздѣ сѣяли сѣмена просвѣщенія по Гуріи; Мартвильскій, Коцхерскій, Хопскій и Моквскій монастыри по Мингреліи; Моцамети, Гелати, Ниворцминда, Хони, Кацхи и Мгвиме по Имеретіи; Никозскій, Руйскій, Самтавіискій, Шіомгвймскій по Карталиніи; Мцхетскій, Давидо-Гареджійскій, Іоанно-Крестительскій, Хирскій, Самебскій по Кахетіи. Еще въ IX в. образованіе было поставлено настолько широко, что нѣкоторые съ шести

лѣтъ отдавали дѣтей въ школу, организованную по образцу византійскихъ школъ. Извѣстенъ изъ этой школы Николай Чолакаевъ, изучившій нѣсколько языковъ, обладавшій глубокими познаніями въ священномъ писаніи, философіи и исторіи. Въ X в. въ Бетанійскомъ монастырѣ получаетъ первоначальное образованіе Прохоръ, будущій строитель Крестнаго монастыря въ Іерусалимѣ. Въ XI в. въ Кахетіи получаетъ извѣстность школа Арсенія Икалтоели, у котораго учится знаменитый поэтъ Ш. Руставели.

Итакъ, по дошедшимъ до насъ памятникамъ, древнѣйшимъ центромъ, гдѣ писаны грузинскіе манускрипты—Крестный монастырь—это лавра св. Саввы въ Іерусалимѣ, сохранившая намъ рукописи VII—X вв.; съ X по XVII в. книжная дѣятельность процвѣтаетъ на Синаѣ, гдѣ писанъ папирусный псалтырь VII в, съ X в. по настоящее время Аeonъ съ Иверской Портантской лаврой становится средоточіемъ дѣятельности груз. книжниковъ, передавшихъ намъ громадное количество драгоценныхъ памятниковъ. Эти три центра выработали свои особые почерки со всевозможнымъ изяществомъ письма и орнаментаціи. Писцомъ указывается, кто онъ, кто далъ ему поводъ написать, кто и чѣмъ ему помогалъ, для какой церкви писалъ, именована груз. братія и родня писца, указана дата по греческому и грузинскому хроникону, разницу между которыми составляютъ 95 лѣтъ. Упоминаются важные историческіе дѣятели и жертвователи, какъ дѣлаетъ, напр., Синайско-грузинскій синодикъ или *мтпись*, перечисляющая имена грузинскихъ царей и царицъ, владѣтелей духовныхъ и свѣтскихъ изъ грузинской исторіи: Дадіаны, Самцхійскіе атабеги, католикосы, настоятели Крестнаго монастыря, паломники во Св. Землю и на Синай.

Въ чемъ заключалось образованіе древняго грузина, объ этомъ можно судить по поэмѣ „Арчиліани“, въ которомъ перечисляются занятія, необходимыя для тогдашняго просвѣщеннаго человѣка: чтеніе и письмо, всеобщая исторія, иностранныя языки, переводы иноземныхъ памятниковъ, толкованія, свящ. писаніе, юриспруденція, пиитика, математика, дипломатія, гимнастика, фехтованіе. Лишь свѣдѣнія о школахъ XVIII в. дошли до насъ въ подробностяхъ, благодаря трудамъ католикоса Антонія I и ректора Телавской семинаріи Гаіоза. Образованіе въ тогдашнихъ училищахъ было поставлено по образцу русскихъ и европейскихъ академій—по схоластической системѣ. Извѣстна въ XI в. академія Петрици въ г. Іреми. Католикосъ Антоній I самъ переводитъ и составляетъ учебники по грамматикѣ, логикѣ, философіи, богословію, метафизикѣ, физикѣ. При монастыряхъ и церквяхъ продолжаютъ существовать школы, гдѣ дается элементарное образованіе,

Общій характеръ грузинской образованности остается неизмѣняемымъ въ теченіе всей жизни Грузіи. Религіозное воспитаніе составляетъ основу просвѣщенія грузина. Духовенство остается главнымъ руководителемъ и воспитателемъ юношества; въ монастыряхъ сосредоточивается книжная дѣятельность. Связь Грузіи съ Византіей и Аеономъ способствуетъ усилению религіознаго направленія въ учебной части и литературныхъ занятіяхъ. Пытаясь, такъ сказать, въ монастырскихъ стѣнахъ, подъ вліяніемъ иноковъ, грузинскія школы явились вѣрными оруженосцами своихъ кормильцевъ, служили проведенію въ народную массу любви и христіанской религіи, и эта любовь, слившаяся въ попятіи народа съ любовью къ родинѣ, спасла Грузію отъ поглощенія мусульманскими народами. Крестъ Христа сталъ, такимъ образомъ, національнымъ знаменемъ грузинъ, пробуждавшимъ въ нихъ сознаніе единства и стойкости противъ тяжелыхъ ударовъ жестокой судьбы.

Наиболѣе обширный отдѣлъ духовной литературы, характеризующій умственные интересы народа, составляютъ апокрифы и тѣ произведенія устной словесности, которыя образовались подъ вліяніемъ письменности: легенды и духовные стихи.

І. А П О К Р И Ф Ы.

Апокрифы (тайныя, сокровенныя книги) заключаютъ въ себѣ рассказы, восполняющіе вымыслами фантазіи пробѣлы въ событіяхъ изъ священнаго писанія. Начало многихъ апокрифовъ заключается еще въ іудейскихъ преданіяхъ, впоследствии записанныхъ и внесенныхъ въ христіанскія книги. Апокрифическія книги вначалѣ не преслѣдовались христіанскою церковью, но когда еретики стали пользоваться ими для распространенія своего ученія, то онѣ подверглись осужденію и внесенію въ индексъ или списокъ запрещенныхъ книгъ наряду съ еретическими сочиненіями. Въ Грузію апокрифы перешли съ первыхъ вѣковъ ея просвѣщенія христіанствомъ изъ Греціи, а впоследствии нѣсколько отреченныхъ сочиненій было переведено на грузинскій языкъ съ армянскаго, восходящихъ къ греческому оригиналу. Насколько рано распространились апокрифы въ Грузію, можемъ судить изъ письма Евеміи¹⁾ къ иноку Георгію, помѣщеннаго въ манускриптѣ XI—XII в. Книги,—говоритъ онъ,—которыхъ не признаетъ Церковь, суть тѣ, которыя написаны еретиками. Еретикъ Оригенъ написалъ много книгъ, которыя отвергаетъ Церковь. Евсевій Памфилъ оставилъ книгу, въ которой помѣстилъ еретическія мысли, и потому

¹⁾ Евемій скончался въ 1028 г. *Вахушти*, Исторія Грузіи, стр. 151.

Церковь не признает ея. Эту книгу *издревле* перевели на грузинскій языкъ и далеко раньше отца моего (Іоанна) и спрашивалъ епископъ Стефанъ, возможно ли ее принять. Въ книгѣ этой много хорошаго, но зато много и плевель, и потому отвергается Церковью. *Обращеніе Антиохіи*, извѣстное подъ именемъ Абукурова, не можетъ быть принято, такъ какъ явна тамъ ересь. Есть также *Жизнь Адама, Дѣтство Христа (Господа)*, но также не допускаются. Житія свв. апостоловъ также въ нѣкоторыхъ книгахъ искажены. Есть *мученическая кончина св. Георгія* достовѣрная и другія житія, сообщающія о дѣяніяхъ его, не признаваемыхъ Церковью. Избіеніе обращенныхъ и мучениковъ намѣренно искажалъ проклятый Ивлианъ (Юліанъ). Чтобы все подвергнуть сомнѣнію, достовѣрное даже считаютъ за невѣроятное¹⁾.

Приведенный отрывокъ изъ письма Евѳимія заключаетъ первыя указанія объ апокрифахъ, вошедшихъ въ предѣлы Грузіи. Въ настоящее время намъ извѣстны упомянуты въ немъ отреченные памятники: Жизнь Адама, Дѣтство Христа, Мученія св. Георгія.—Грузинскіе апокрифы впервые издаются мною. Число ихъ весьма значительное, но они таятся или въ библіотекахъ церковнаго музея и Общества распространенія грузинской грамотности, или же въ частныхъ и монастырскихъ книгохранилищахъ. Обратимся къ ветхозавѣтнымъ апокрифамъ.

Убіеніе Наимомъ Авеля²⁾.

Сказанія о Каинѣ, Авелѣ и Сиеѣ разсмотрѣны у *Порфирьева* въ изслѣдованіи „Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ“. Каинъ убиваетъ брата по наущенію дьявола. Адамъ и Ева плакали надъ тѣломъ Авеля 30 лѣтъ и не знали, какъ его похоронить. Этому научили ихъ двѣ горлицы. Въ грузинскомъ апокрифѣ нѣтъ указанія, какъ похоронили Авеля, послѣ того какъ земля выбросила его трупъ. Подобный рассказъ встрѣчается въ Іудейскихъ книгахъ. Фабрицій въ своемъ Сборникѣ приводитъ изъ сочиненія Pirke R. Eliaser *Главы Раввина Eliaser* слѣд. сказаніе о погребеніи Авеля: *Considebant autem Adam et uxor ejus flentes et ludentes propter eum et nesciebant, quid faciendum esset Abeli, quia non assueti erant sepulturae: venit autem illuc corvus quidam atque sumpsit quendam e sociis suis, quem in terra defodit et abscondidit coram illorum oculis. Dixit Adam: uti corvus iste, sic quoque faciam. Illico sumpsit cadaver Abelis, defodit interra atque abscondidit. Во-*

¹⁾ *Бакрадзе*, Исторія Грузіи, стр. 260—1. (Тифльсъ, 1889).

²⁾ Рукопись общества распространенія грамотности, переписана въ 1864 г. „Мхедрули“ (гражд. буквы); переводъ сдѣланъ, вѣроятно, съ армянскаго.

ронъ и ворона въ грузинскомъ апокрифѣ упоминаются по другому поводу: въ ихъ образѣ явились дьяволы и научили Каина убить Авеля.¹⁾ Убийство Каиномъ Авеля посредствомъ камня у *Порфиртева*—стр. 106. Сюжетъ о погребеніи Авеля по указанію воронъ, прилетѣвшихъ къ Адаму, который не зналъ, что дѣлать съ трупомъ, находимъ въ груз. разсказѣ „Дѣвица и юноша“ (см. дальше): „прилетѣли двѣ вороны; одна изъ нихъ залевала другую и закопала въ землю. Адамъ увидѣлъ это и поступилъ по примѣру вороны: выкопалъ яму и похоронилъ Авеля“. Содержаніе груз. апокрифа: Адамъ, наставляя дѣтей своихъ, говорилъ, что по его изгнаніи изъ рая, Господь сжалился надъ нимъ и подчинилъ ему всѣхъ животныхъ, впрягалъ быка въ ярмо и, научивъ имъ пахать землю, велѣлъ изъ урожая жертвовать извѣстную долю Богу. Такъ велѣлъ и Адамъ поступать своимъ дѣтямъ. Каину исполнилось 50 лѣтъ, а Авелю 20 лѣтъ, старшій братъ былъ земледѣлецъ, а младшій пастухъ овецъ. Адамъ велѣлъ десятую часть всего жертвовать Богу. АVELЬ выбралъ одного лучшаго первенца жирнаго ягненка для жертвы Богу, но ждалъ, когда Каинъ получитъ урожай, чтобы вмѣстѣ принести жертву. Вотъ сжалъ, смолотилъ и провѣялъ хлѣбъ Каинъ и, потоптанные ногами колосья, собравъ въ снопъ крошечный, пожертвовалъ Богу. АVELЬ уже привелъ своего лучшаго ягненка и просилъ Каина, какъ старшаго брата, первому принести жертву. Сталъ Каинъ молиться, говоря: „О, Ты Господи Боже, Творецъ всѣхъ тварей, вотъ по томъ и трудомъ добытое принеси Тебѣ Твою долю. Прими сію мою жертву и да будетъ воля Твоя!“ Разгнѣвался Господь, послалъ надъ Каиномъ при громѣ черное облако, изъ котораго подулъ сильный вѣтеръ, и онъ принесенные имъ колосья развѣялъ, а лицо самого Каина почернѣло, какъ уголь. Потомъ АVELЬ принесть своего первенца барана, воздѣлъ руки и произнесъ: „Господи Боже вселенной, молю Тебя принять сію жертву, долю изъ дарованной Тобою милости!“ Снизшелъ свѣтъ съ небесъ, и въ вѣяніи тихаго вѣтерка былъ слышенъ голосъ, что жертва и молитва приняты, и свѣтъ въ видѣ облака сталъ надъ Авелемъ.

Каинъ тогда возымѣлъ намѣреніе убить брата въ то время, когда человѣкоубійство не было еще извѣстно на землѣ. Разъ Каинъ предложилъ Авелю идти съ нимъ въ поле: здѣсь онъ началъ съ нимъ играть и бороться, но каждый разъ побѣжденнымъ оставался Каинъ. Тогда онъ выдумалъ игру — связывать другъ друга прутьями изъ дикаго винограда; первый онъ связалъ виноградной лозой руки и ноги Авеля. Послѣдній только теперь понялъ злой умыселъ брата: сталъ плакать и, умоляя отпустить его, общалъ быть его поворнымъ и любящимъ

¹⁾ Ср. греч. Πόθεν ἔμαθεν Κάϊν φονεῦσαι τὸν Ἀβελ; ὁ διάβολος ἀπὸ κατ' ὄν ρ ὑπέδειξεν ποίφ θανατῶσαι αὐτόν. *Мочульскій*. Слѣды народной библии, 81—2.

братомъ. Въ то время, какъ Каинъ размышлялъ, чѣмъ убить брата, показались два дьявола въ образѣ воронъ: одна изъ нихъ взяла остроконечный камень и убила другую. Каинъ этимъ же камнемъ сталъ тщетно водить по шеѣ брата, просящаго у него послѣдній разъ поцѣловать родныхъ, такъ много заботившихся о немъ. Каинъ не слушалъ и, наконецъ, когда съ трудомъ удалось заколоть брата, отправился съ радостью домой. По дорогѣ явился ему Господь (въ 50? ростомъ) и спросилъ Каина: гдѣ братъ твой Авель? Каинъ отвѣтилъ: „Развѣ Ты поручилъ мнѣ его беречь, что теперь отъ меня его требуешь, развѣ я сторожъ его?“ Господь такъ милостиво спрашивалъ его, чтобы вызвать въ немъ раскаяніе. Въ виду того, что онъ не раскаялся, то Господь его наказалъ семью проклятіями: 1) выросъ у него на лбу рогъ, который оглашалъ окрестности: Каинъ братоубійца; 2) онъ не могъ положить въ ротъ хлѣба, такъ какъ у него руки тряслись и хлѣбъ выпадалъ въ грязь; 4) потерялъ навѣки сонъ; 5) онѣмѣлъ и объяснялся жестами; 6) ходилъ всегда съ плачемъ; 7) онъ не долженъ былъ умереть, и на того перешло бы проклятіе, кто его убилъ бы. Жилъ Каинъ 860 лѣтъ, искалъ онъ смерти и не находилъ. Въ это время Ламекъ ходилъ на охоту, и Каинъ въ отчаяніи въ барсовой кожѣ легъ по дорогѣ ему, и Ламекъ убилъ его, какъ звѣря. Рогъ и всѣ проклятія перешли къ Ламеку, но благочестивая его жена кровными слезами выпросила прощенія мужу у Господа. Смерть Каина по палейному разсказу также объясняется убійствомъ его *слѣпымъ* Ламехомъ; послѣдній личнымъ покаяніемъ, а не „кровными слезами жены“, какъ въ груз. апокрифѣ, удостоился прощенія у Господа. Этотъ разсказъ заимствованъ, по мнѣнію Порфирьева, изъ Іудейской книги Яшаръ.

Адамъ и Ева, узнавъ о смерти Авеля, стали громко плакать, принесли трупъ для погребенія, но земля выбросила его, (Ср. *Порфирьевъ*, 44 „земля не принимала до смерти Адама“) и теченіе крови не остановилось; онъ не измѣнился въ лицѣ, не издавалъ смрада и не обратился въ землю, такъ какъ, по повелѣнію Господа, первый долженъ былъ перейти въ прахъ Адамъ, а потомъ его потомки. Адамъ и Ева, видя окровавленный трупъ сына на поверхности земли, стали горько плакать и привасаться другу къ другу перестали. Сжалился Господь и послалъ Ангела возвѣстить о рожденіи Сеты (Сива), который доставитъ имъ радость. Въ концѣ апокрифа подаются житейскіе совѣты: кто не пожалѣетъ средствъ для нищихъ и Церкви, тотъ удостоится участи Авеля, получившаго милость Божью, а кто ихъ пожалѣетъ, или пожертвуетъ бесполезную вещь, какъ Каинъ, тотъ раздѣлитъ судьбу его. Таковы, напримѣръ, тѣ, которые владутъ на тарелку священнику фальшивыя монеты, или злоязычно судящій другихъ уже убиваетъ брата своего

словомъ, какъ Каинъ убилъ острымъ камнемъ Авеля, заслуживая этимъ поступкомъ большаго наказанія, чѣмъ первый убійца, такъ какъ онъ не зналъ послѣдствій своего дѣянія. Конецъ этотъ свидѣтельствуешь о томъ, что апокрифы распространяли, быть можетъ, сами духовныя лица въ цѣляхъ нравственнаго воспитанія народа и не безъ корыстныхъ видовъ.

Благовѣщеніе ангела о рожденіи Сеты (Сноа), построение Ноемъ ковчега и потопъ.¹⁾

Адамъ смертью Авеля былъ очень опечаленъ, и для утѣшенія его Господь послалъ ангела возвѣстить о дарованіи ему сына Сеты, что значитъ радостный. Адамъ, опасаясь испытать новое горе, не желалъ приближаться къ женѣ своей, но Господь возвѣстилъ, что онъ вдвойнѣ будетъ вознагражденъ за перенесенныя муки: размножится сѣмя Сеты по лицу земли, но потомки его не должны сближаться съ поколѣніемъ Каина. У Адама и Евы появилось 24 сына и 440 дочерей. Каинъ былъ уже женатъ за 250 лѣтъ до рожденія Сеты, а Авель 25 лѣтъ умеръ неженатымъ. Благочестивые потомки Сеты держались въ сторонѣ отъ поколѣній Каина. Внукъ Адама, Енохъ, спросилъ однажды его, почему онъ и Ева постоянно плачутъ. Они рассказали ему исторію изгнанія изъ рая, вкушеніе плода. Енохъ успокоивалъ ихъ, говоря, что онъ возмѣститъ имъ всю потерю. Онъ отказался отъ женитьбы, развелъ прекрасный садъ и всѣмъ проходящимъ далъ право пользоваться плодами его; самъ же надѣлъ желѣзную шапку, закрывъ ею глаза, чтобы плоды не склонили его къ соблазну. За такой подвигъ Господь его тѣлесно возвелъ въ рай. По его примѣру многіе изъ потомковъ Сеты бросили родныхъ, семью и въ числѣ 400 удалились въ горы для поста и молитвы. Сѣмя же Каина сильно размножилось, причемъ одинъ мужчина приходился на сто женщинъ. Женщины изъ за мужчинъ ссорились и отнимали ихъ другъ у друга. Когда же стали ощущать крайній недостатокъ въ мужчинахъ, женщины прибѣгли къ хитрости: сдѣлали флейту и скрипку, раскрасили лицо косметическими средствами, поднялись на гору, заиграли, запѣли и затанцовали. Этимъ путемъ соблазнили тамъ молящихся мужчинъ, и только одинъ Ной воздержался. Вотъ почему трижды грѣшно, если женщина мажется, ибо она не довольствуется образомъ, дарованнымъ ей Богомъ.

Господь разгнѣвался и за грѣхи, содѣянные женами изъ племени Каина, вознамѣрился истребить людей. По повелѣнію Господа явился ангелъ Ною и приказалъ ему жениться, чтобы послѣ потопа люди размножились изъ его сѣмени. Ной отказывался, говоря, что ему въ возрастѣ 500 лѣтъ повдно жениться, но ангелъ возвѣстилъ, что онъ

¹⁾ Изъ той же рукописи „Общества распротр. груз. грамотности“.

проживетъ еще 400 лѣтъ и, предложивъ взять въ жены женщину Немзасу изъ племени Сеты, велѣлъ приготовить ковчегъ 150 (?) въ длину и 50 въ ширину, съ тремя отдѣленіями. Ной женился и приступилъ къ изготовленію ковчега, при чемъ послѣдній при каждомъ прикосновеніи пилы и топорика издавалъ звукъ: „будетъ потопъ“! Люди осмѣивали Ноя, а онъ непрерывно работалъ 80¹ лѣтъ. Въ теченіе этого времени у него родились три сына — Симъ, Хамъ и Іафетъ. Ангель велѣлъ ихъ женить на дѣвахъ Ханаханъ, Зармаханъ, Перимаханъ изъ племени Сеты и взойти въ ковчегъ, въ виду предстоящаго потопа. Ной просить дать ему срокъ для проповѣди среди народа. Господь далъ ему 20 лѣтъ. Но люди не рассказали, а осмѣивали его, говоря, что онъ не радъ тщетной работѣ по построению ковчега и спрашивали его, не хочетъ ли онъ продать имъ матеріалъ ковчега. По истеченіи 20 лѣтъ, Ной просилъ еще 7 дней; онъ сталъ ударять двѣ доски другъ о друга, которыя издавали звуки: „бѣгите въ ковчегъ, ибо приблизился потопъ“! пришли съ воемъ птицы и звѣри, предчувствуя гибель. Господь велѣлъ взять чистыхъ птицъ по двѣ, а звѣрей по семи, первыхъ размѣстить въ верхнемъ отдѣленіи ковчега, а вторыхъ въ нижнемъ, самъ же Ной съ дѣтьми остался въ среднемъ отдѣленіи. На седьмой день онъ смазалъ двери ковчега дегтемъ, чтобы вода не проникла вовнутрь. Шелъ дождь 40 дней, вода выступила изъ береговъ и потопила все. Ковчегъ остановился черезъ годъ на Эчміадзинской горѣ, называемой Масисъ¹). Первый разъ Ной выпустилъ ворона, который не вернулся, оставшись на трупахъ, черезъ 7 дней отпустилъ голубя, который принесъ ему цвѣтокъ. Ной открылъ окно и, увидѣвъ вершины горъ сухими, выпустилъ птицъ, а черезъ три мѣсяца и самъ вышелъ. Онъ принесъ Богу жертву, прося не губить міра потопомъ. Господь показалъ на радугу, какъ условный знакъ того, что милость Божья снизошла на людей. И велѣлъ Господь построить деревню Акура²), которая и нынѣ есть, а

¹) Грузины различали землю Араратскую и Масиса. *Histoire de la Géorgie* I, 16 „la terre d'Agarat et Masis“. По-армянски Араратъ носить названіе Масік, форма множ. числа отъ Масі. Армяне равнину вокругъ горы Масиса называли Айраратскимъ полемъ, а область же Арарата они знали къ югу отъ Ванскаго озера, на югѣ Арменіи. Айраратъ-долина Аракса, а Араратъ—Ugartu ассирійскихъ надписей и область алародійцевъ по Геродоту. О названіи Арарата см. *Vivien Saint Martin. Recherches sur quelque popul. du Caucase*, p. 3, 81; *Моя работа* „Древн. предѣлы разселенія грузинъ“, 50.

²) Акури—деревня въ Тифлисск. губ., Телавскаго уѣзда, есть еще Акуринскъ въ Баресской области, въ Ольшинскомъ округѣ. „Сводъ статистич. данныхъ

потомъ пошли въ Нахчевани. Ноѣ прожилъ еще 300 лѣтъ, и родилось у него два сына. Послѣ этого онъ умеръ и погребенъ близъ Нахчевани, гдѣ и нынѣ его могила, а могила его жены въ Марандѣ¹⁾, близъ Нахчевани. Отъ нихъ размножился мѣръ. (О Ноѣ и Снеѣ у *Порфирьева*, оп. с., 106, 108, 248).

Господи, даруй намъ милость!

Соломонъ и Китоврасъ.

Сказанія о Соломонѣ и его мудрости извѣстны и на Западѣ, и на Востокѣ, присоединяя къ его имени такіе мѣны, которые развивали основную тему въ связи съ народной поэзіей. Въ англо-саксонскихъ діалогахъ Соломона и Сатурна и въ славянской статьѣ о Соломонѣ и Китоврасѣ имѣется обмѣнъ загадокъ и мудрыхъ вопросовъ, носящій характеръ взаимнаго испытанія въ знаніи. Въ средневѣковой нѣмецкой литературѣ было распространено произведеніе, заключающее исторію Соломона и Моральфа или Маркольфа. Грузинское сказаніе объ увозѣ жены Соломона Островитаниномъ соотвѣтствуетъ палеинному разсказу, по которому Китоврасъ является царемъ: днемъ онъ царствуетъ надъ людьми, ночью надъ звѣрями, при чемъ самъ обращается въ звѣря Китовраса, т. е. въ Кентавра. Онъ похищаетъ жену Соломона, который является переодѣтымъ въ Китоврасово царство, здѣсь онъ открытъ и обреченъ на казнь, но успѣваетъ спасти себя, предавъ смерти Китовраса и его пособницу, свою невѣрную жену. Похитителемъ жены Соломона, по второму нѣмецкому сказанію, является король Phaго, т. е. Поръ, а Морельтъ, соотвѣтствующій по первой нѣмецкой поэмѣ Китоврасу Палей, является пособникомъ Соломона. Разбирая генезисъ сказанія Фогтъ и Веселовскій²⁾ исходятъ изъ талмудической легенды объ Асмодеѣ (=Китоврасѣ). Это сказаніе распадается на два эпизода: 1, поимка Асмодея. Его разговоры съ Бенаей и Соломономъ и 2, сверженіе Соломона демономъ. Грузинское сказаніе не подходитъ подъ тѣ схемы, которыя устанавливаетъ акад. Веселовскій. Нѣкоторую связь можно уловить, однако, между вторымъ типомъ объ увозѣ Соломоновой жены и грузинской версіей: Соломонъ самъ

о населеніи Закавказскаго края, извлеченныхъ изъ посемейныхъ списковъ 1886 года". Тифлисъ, 1893 г. Названные въ апокрифѣ географическіе термины указываютъ на его армянскую передѣлку.

¹⁾ Маранды въ Нахчеванск. уѣздѣ не имѣется, есть одна деревня тамъ, названіе которой звучитъ не особенно близко къ Марандѣ именно, *Мараликъ*.

²⁾ *Веселовскій*. Разысканія въ области рус. дух. стиха V, 73, 59.

похищаетъ жену,—обратный увозъ представлялся отместкой, *похититель былъ раньше знакомъ съ Соломоновой женой* ¹⁾.

Троихъ путниковъ застигла ночь—гласить грузинская рукопись—и они остановились на берегу рѣки. Во имя Бога закинули они въ воду рыболовную сѣть и вытащили три рыбки, изрѣзали ихъ на мельчайшіе куски, положили въ котель, развели огонь и начали варить. Когда рыба сварилась и котель былъ снятъ съ огня, Соломонъ мудрый (путники были премудрый Соломонъ, его жена царица и визирь) повелъ такую рѣчь: „меня называютъ всѣ опорю мудрости, палатою ума, но я недоумѣваю, когда вспомню сонъ, который я видѣлъ прошлою ночью. Чудилось мнѣ, что на моемъ ложѣ спитъ какой-то человекъ; въ головахъ у него росла яблоня, въ ногахъ такая же, но болѣе первой обремененная яблоками. Если это правда, то пусть оживетъ одна изъ пойманныхъ нами рыбъ, въ подтвержденіе моего видѣнія“. И о диво дивное! вода въ котлѣ зашумѣла, мгновенно выскочила оттуда рыбка и исчезла въ рѣкѣ. Соломонъ-мудрый кончилъ свою рѣчь, и очередь дошла до слугителя. Ставъ на колѣни передъ своимъ владыкой, визирь началъ говорить ему: „ты меня взростилъ, вывелъ въ люди, облагодѣтельствовалъ, такъ что я до сихъ поръ не извѣдалъ ни разу чернаго дня; но какой-то вѣщій помыслъ неотступно твердитъ мнѣ о твоемъ убійствѣ, чую, что кто-то угрожаетъ твоему счастью; если мое предчувствіе справедливо, то одна изъ двухъ сваренныхъ рыбъ да возвратится къ жизни и послѣдуетъ за своей подругой, ожившей по твоему слову“. —Такъ и сбылось, рыбка ожила и погрузилась въ свою стихію; въ котлѣ оставалась одна рыбка. Въ это время солнце-подобной царицѣ, вдругъ ни съ того ни съ сего, сдѣлалось дурно, она упала въ обморокъ, около нея засуетились, начали тереть ей грудь розовою водою. Она мало по малу пришла въ себя и на вопросъ царя—кто посягаетъ на его жизнь? отвѣчала: „ты воленъ тотчасъ же умертвить меня, я измѣнила тебѣ и ты, мудрѣйшій изъ мудрыхъ, до сихъ поръ ничего не зналъ о моей невѣрности; двѣнадцать лѣтъ, какъ я люблю царя острововъ Кундузели; справедливость этого подтвердить даже рыбка безгласная.—И дѣйствительно послѣдняя рыбка выпрыгнула вонъ, и котель опустѣлъ. „Позвать ко мнѣ Кундузели—Островитянина, моурова (предводителя) бѣсовъ,“ загремѣлъ Соломонъ—и въ мгновеніе ока Кундузели очутился передъ нимъ.

— Я повѣдаю тебѣ слово,—молвилъ ему премудрый,—которое будетъ тебѣ по сердцу; у меня есть одинъ мѣдный кувшинъ, если возъ-

¹⁾ *Веселовскій*. *Op. cit.*, стр. 102.

мешся наполнить его своими подданными, то выиграешь царицу⁴. Предложеніе это привело Островитянина въ посхищеніе, тогда же онъ созвалъ своихъ людей всѣхъ до одного. Три дня и три noci лился въ дивный кувшинъ потокъ людей, и все таки кувшинъ не наполнился до горлышка. Подѣзай уже и ты, сказалъ Соломонъ Островитянину, за тобой кстатѣ послѣдуетъ и выигранная тобою царица—твоя любовница. Только что лукавый опустился въ кувшинъ, какъ захлопнули крышку, и Соломонъ приложилъ къ ней свою печать; сосудъ былъ накрѣпко закупоренъ, окованъ крестообразно и брошенъ въ самую глубь моря. Съ тѣхъ поръ не стало нечистой силы, прошло пятнадцать вѣковъ и о духахъ въ поминѣ не было. Но не навсегда земля оставалась свободною отъ злыхъ духовъ. Какими то судьбами рыболовы вытащили изъ моря роковой кувшинъ и, думая найти въ немъ кладъ на весь мѣръ, разбили его. И, увы! тма тмущая злыхъ духовъ хлынула изъ него бурнымъ потокомъ, тѣ, которые попадали при такой суматохѣ въ воду, сдѣлались обладателями этой стихіи, т. е. водяными, инымъ удалось достигнуть лѣса и водвориться въ немъ, отчего произошли лѣшіе; другіе устремились въ долины, ущелья, въ горы, въ пещеры, въ пропасти, въ мельницы и основались тамъ. Такимъ образомъ злые духи наводнили землю и утвердились на ней....

Сказаніе (устное) о Соломонѣ и Китоврасѣ въ стихотворной формѣ записано въ трехъ вариантахъ: въ Карталиніи въ горійскомъ уѣздѣ тифлис. г. въ сел. Кодисъ-Ццаро со словъ Нанзки Гвинадзе („Иверія“, 1891 № 85), въ Кахетіи, въ сел. Кодало сигнахск. у., тифлис. г. Аполлономъ Годердзашвили („Иверія 1888, № 92) и мною въ г. Кызлярѣ Терской области („Театръ“, 1888 г., июль). Эги три варианта сходны въ сюжетѣ, но различны въ деталяхъ. Кахетинскій вариантъ передаетъ, что Богъ проклялъ рыболова, послѣ того какъ онъ вытащилъ въ своихъ сѣтяхъ кувшинъ съ демонами, отбилъ горлышко и выпустилъ ихъ на волю. Въ карталинскомъ вариантѣ сказаніе начинается съ того, что три неизвѣстныхъ путника—царь, царица и vizирь остановились на берегу рѣки (моря кахетин. вар.) и при нихъ рыболовъ закинулъ сѣти, а не сами путники, какъ повѣствуетъ кахет. вариантъ. По варианту, записанному мною, шли три путника держа въ рукахъ золотой мечъ, освѣщающій темную ночь. Всѣ три варианта согласно передаютъ „Слово“ Соломона: „Сооружу плугъ изъ воска, запряженный парой дэвовъ. На морѣ вспашу, посею, рыбъ ловить буду на сушѣ; смолочу гумно на льду я, въ омутъ сброшу всю солому; муравей мой грузъ подниметь, соколъ понесетъ багажъ; буйволъ ѣсть со-

лону станеть, а верблюдь птенца ловить. Если слово это вѣрно, то оживеть одна изъ рыбъ“.

Въ связи съ приведеннымъ сказаніемъ о Соломонѣ и разсѣяніи по міру демоновъ, находится Повѣсть о мѣдномъ городѣ и преданіе о Соломонѣ и Александрѣ Македонскомъ. Изложенный сюжетъ легенды о Соломонѣ не находится въ связи съ цикломъ сказаній о царѣ Соломонѣ ¹⁾. Она, по характеру своему, напоминаетъ находчивые отвѣты, данные ветхозавѣтнымъ мудрецомъ царицѣ южичской. Хитрое заключеніе демоновъ съ ихъ главой въ мѣдный кувшинъ представляетъ одинъ изъ видовъ суда и расправы царя Соломона.

Въ связи съ сказаніями о Соломонѣ находятся лѣчебныя средства, предлагаемая въ „Карабadini“. Соломонъ по этимъ свѣдѣніямъ является съ помощью „печати“ („бетчеди“—*annulum*, *δακτυλίδιον*) повелителемъ демоновъ или дэви, которыя открываютъ передъ мудрымъ царемъ свою зловредную силу и средства противъ нея ²⁾. Демоны (дэви) представлены чудовищами, обладающими получеловѣческой и полуживотной организацией. Такъ, первый демонъ, по имени Тутго, длиною въ 60 арш. имѣетъ одну голову съ однимъ глазомъ, другую собачью голову, [*Κύων Ραβδος* является Соломону въ его *Testamentum*-ѣ, *Migne*, 1838] подъ ногой съ однимъ глазомъ, двѣ ноги слона, двѣ руки человѣка. Онъ является людямъ во снѣ, пугаетъ ихъ и отъ страха передъ нимъ человѣкъ рветъ на себѣ платье и кусаетъ руки. На вопросъ Соломона, какое же лѣченіе дѣйствительно противъ такой силы дэви, послѣдній предлагаетъ написать имена на бумагѣ, смазать чары посредствомъ свѣчи и опустить въ воду, которую нужно давать пить больному съ яичнымъ желткомъ. Чары же слѣд.: Забнусъ, усапъ, Эпсасэ, усапъ, Эпамекъ, усапъ, Эалалпапъ, агсака. Другой дэви, по имени Драмаги съ свиной головой и коровьими ногами, по признанію своему, предъ Соломономъ пребываетъ у домашняго очага и у роженецъ, стараясь лишить ихъ плода. Онъ предлагаетъ для противодѣй-

¹⁾ *Пятинъ*. Очеркъ лит. ист. стар. повѣстей и сказокъ, стр. 104 и сл. *Веселовскій*. Соломонъ и Китоврасъ. *Тихонравовъ*. Суды царя Соломона, Соломонъ и Китоврасъ въ „Памятникахъ отречен. рус. литер“. т. I, 254—273. См. еще о Соломонѣ и Китоврасѣ газ. „Кавказъ“ 1854, № 28. „Сбор. матер. для опис. племенъ и мѣстн. Кавказа, вып. XVII, ст. *Джанашвили*, стр. 171.

²⁾ Свѣдѣнія эти заимствованы изъ рукописнаго *Карабadini*. Существуетъ въ грузинской письменности памятникъ „Языкъ цвѣтовъ“, въ которомъ сообщаются, какіе цвѣты какою цѣлебной силой обладаютъ и чѣмъ могутъ служить смертнымъ. *Иверія*, 1894, 47.

ствія написать на бумагѣ нижеприведенныя имена, бросить ее въ воду и выпить послѣднюю съ волчьей желчью. Женщина послѣ такого лѣченія возымѣетъ плодъ. Имена суть: Эай, бари, кутуть, вадкви, парпъ. Ср. изъ Testamentum'a εις χάρτην ἐπιγράφη τοῦτα τὰ ὀνόματα τῶν ἀγγέλων Ιαεὼ, Ιεαλω, Ιωελέτ, Σαβάωθ, Ιθοθ, βαε. *Migne*, 1344.

Третій дэви—Фишти съ ослиной головой овладѣваетъ дѣтьми, покрывая ихъ отъ своего дыханія желтымъ цвѣтомъ. Самъ же предлагаетъ Соломону противодіе.

Пятый дэви—Галаносъ съ змѣей во рту, съ верблюжьими руками, коровьими ногами, многочисленными глазами, ослабляя организмы людей и выпуская у нихъ кровь изъ носу. Сверхъ обычныхъ внутреннихъ пріемовъ лѣкарства, онъ предлагаетъ противъ своей силы повѣситъ на одномъ плечѣ чары.

Шестой дэви—Леной двуглавій съ кошачьей головой и человѣческими ногами безъ рукъ представляется людямъ, выходящимъ изъ дому, пугаетъ ихъ и вгоняетъ въ лихорадку.

Седьмой дэви—Мошаръ въ человѣческомъ образѣ съ двумя змѣями на рукахъ вселяетъ болѣзни въ различныя части человѣческаго организма.

Восьмой дэви—въ образѣ козы съ свиной головой побуждаетъ людей заниматься развратомъ.

Девятый дэви—съ собачьей головой, съ коровьими ногами вселяетъ ревматизмъ.

Десятый дэви—Катіаръ живетъ подъ людскою постелью и отнимаетъ своимъ явленіемъ разумъ. Противъ всѣхъ этихъ вредныхъ вліяній демоновъ ими же предлагаются мѣры лѣченія съ соотвѣтствующими чарами. Въ груз. памятникѣ нѣтъ демоновъ, упомянутыхъ въ Testamentum Solomonis ¹⁾: 'Ορνίας, Βεελλζεβούλ, 'Ονοσκελίδα, 'Ασμο-

¹⁾ *Testamentum Solomonis filii David, qui regnavit in Ierusalem et ditoni suae et imperio subiecit omnes aërios, terrenos et subterraneos spiritus per quos et omnia opera templi supereminentia fecit; quae potestates eorum in homines et quorum angelorum ope ipsi daemones impotentes redduntur patefaciens. Sapientis Sol. Ср. Διαθήκη Σολομώντος οιοῦ Δάνιδ, ὃς ἐβασίλευσεν ἐν Ἱερουσαλήμ καὶ καταχθονίων πνευμάτων δι' ὧν καὶ πάντα τὰ ἔργα τοῦ ναοῦ τὰ ὑπερβάλλοντα πεποίηκεν καὶ τίνες αἱ ἐξουσίαι αὐτῶν κατὰ ἀνθρώπων. καὶ παρὰ ποίων ἀγγέλων οὗτοι οἱ δαίμονες καταργοῦνται. Τοῦ σοφοῦ Σολομώντος. Начи-нается словами: Benedictus es, Domine Deus, qui dedisti Solomoni telem potentiam: tibi gloria et virtus in saecula. Amen. Ср. Ἐὐλογητὸς εἶ, κύριε ὁ Θεός, ὁ δοὺς τῷ Σολομῶντι τοιαύτην ἐξουσίαν· σοὶ δόξα καὶ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας. 'Αμήν. *Migne. Patrologiae*, t. CXXII, 1315—1338.*

δαῖος и др. Характеръ бесѣды Соломона съ демонами аналогичный съ груз. памятникомъ. Ἐγὼ Σολομῶν ἔφην πρὸς αὐτὸν λέγων Βεελζεβούλ, τίς ἐστὶν ἡ πράξις σου. Ὁδὲ λέγει, Ἐγὼ βασιλεῖς ἀπολω̄ συμμαχῶ μετὰ ἀλλοφύλλων τυφάνων καὶ τοὺς ἀνθρώπους, ἵνα εἰς αὐτοὺς πιστεύουσιν καὶ ἀπόλωνται καὶ τοὺς ἐκλεκτοὺς δούλους τοῦ Θεοῦ ἢ ἱεφεῖς καὶ πιστοὺς ἀνθρώπους εἰς ἐπιθυμίαις ἀμαρτιῶν πονηρῶν καὶ αἰρέσεων κακῶν καὶ ἔργων παρανόμων διεγείρω καὶ ὑπακούουσί μου καὶ εἰς ἀπωλειαν φέρω αὐτοὺς καὶ φθόνους καὶ φόνους, καὶ πολέμους (*Migne*, 1324). Извлеченный нами отрывокъ представляетъ незначительную часть той рукописи, которую мы видѣли въ г. Гори. Точки соприкосновенія между грузинской рукописью и Testamentum-омъ можно указать, но считать ихъ въ близкомъ родствѣ, по крайней мѣрѣ, по приведенному отрывку представляется невозможнымъ.

Дѣвица и юноша ¹⁾.

Повѣсть объ юношѣ и дѣвицѣ представляетъ изъ себя памятникъ, принадлежащій къ группѣ Бесѣды трехъ святителей.

У однихъ богатыхъ родителей былъ сынъ, на образованіе котораго истратили все свое состояніе. Для поправленія разстроенныхъ дѣлъ сынъ богато разодѣлся и съ родителями переселился въ другое государство, гдѣ продалъ царю, въ качествѣ плѣнниковъ, своихъ родителей, съ ихъ же разрѣшенія, и объ этомъ объявилъ впоследствии царю. Получивъ отъ нихъ благословеніе, онъ покинулъ это царство и отправился въ далекое странствованіе. По пути онъ встрѣтился съ человѣкомъ, который ему передалъ письмо доставить къ царю Востока, за что можетъ получить онъ большую награду. Разъ, вставъ отъ сна, ему захотѣлось пить, и не имѣя другой посуды, онъ досталъ воды изъ колодца съ помощью врученнаго ему письма. Напившись, онъ рѣшилъ прочесть письмо, въ которомъ извѣщался царь, что податель его—негодный человѣкъ—обезчестилъ дочь царя Запада и заслуживаетъ смертной казни. Возблагодаривъ мысленно родителей за то, что его учили грамотѣ, онъ письмо изорвалъ. Прибывъ въ одинъ богатый городъ, онъ остановился у одной старухи, отъ которой онъ узналъ, что тамъ царевна 13 лѣтъ успѣла 99 царевичей обезглавить: она объя-

¹⁾ На 23 изданіи этого памятника припечатано, что повѣсть эта переведена съ греческаго яз. въ XVII в. царемъ Теймуразомъ. 14-е изданіе, которымъ я пользовался вышло въ Тифлисѣ въ 1893 г. и заключаетъ въ себѣ 15 стр. in 8°. Помѣщенная въ XIII вып. „Сбор. матер. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа“ *Сказка объ юношѣ и дѣвицѣ* представляетъ переводъ письменнаго памятника.

вила, что выйдет замужъ за того, кто ее побѣдитъ умомъ и знаніями, если же вступающій съ нею въ бесѣду потерпитъ отъ нея пораженіе, то она предастъ его смертной казни. Юноша рѣшилъ состязаться съ нею, хотя старуха отговаривала его.

На другой день утромъ онъ пришелъ во дворецъ, доложили царевнѣ объ немъ, и въ присутствіи царя и царицы началась бесѣда.

Царевна спросила юношу: Кто твой отецъ?

„Огонь и воздухъ“, отвѣтилъ юноша.

— А мать?

„Земля и вода“.

— А кто твоя бабушка?

„Бабушка моя та, которая меня видитъ, и которой я не вижу; слышитъ мой голосъ, но голоса которой я не слышу“, отвѣтилъ юноша.

— Чья кровь была пролита первый разъ? спросила дѣвица.

„Кровь Авеля, убитаго Каиномъ“.

— Назови мнѣ тѣхъ трехъ, которые пили, ѣли, но которые не были рождены отъ матери?

„Адамъ, Ева и ягненокъ, дарованный Богомъ отцу Аврааму“.

— Назови мнѣ тѣхъ, которые родились, но не умирали?

„Енохъ и Ілія, которые не умрутъ до пришествія антихриста“, отвѣтилъ юноша. (Ср. Сбор. серб. письма начала XIV в., принадлежащаго проф. П. С. Срецьковичу въ Бѣлградѣ: В. Кто боле всѣхъ живеть. От. Ілия и Енохъ. (*Мочумскій*, 263). Ближе къ груз. тексту латин. списки—парижскій VIII в. *Quis vivit dum seculum vicit? Elias et Inoc.*; Шлеттштатскій: IX в. *Quis est natus et non est mortus? V. Helias et Enoch. Мочумскій*, 96—7.

— Какія тѣ птицы, которыя саманъ и ячмень ѣдятъ?

„Саранча“, отвѣтилъ юноша.

— Что это за существо, которое при жизни ѣло саманъ и ячмень, послѣ же смерти ѣло мясо человѣческое и пило кровь человѣческую?

„Ослиныя челюсти, при помощи которой Самсонъ умертвилъ тысячу человѣкъ“.

— Назови мнѣ то дерево, которое не имѣло листьевъ и вѣтвей и которое впоследствии тѣло и кровь восприимало?

„Жезлъ Моисея; онъ не имѣлъ листьевъ и вѣтвей; впоследствии превратился въ змѣю и такимъ образомъ воспринялъ тѣло и кровь“.

— Назови мнѣ тѣхъ двухъ враговъ, которые любятъ другъ друга?

„День и ночь“. Ср. названный сбор. серб. письма, в. 81. Кто два супостата? Отв. Ношь съ днемь.

— Кто былъ тотъ, при приближеніи котораго мать воскликнула, что она дѣвственна?

„То было тѣло Авеля; когда его опускали въ могилу, земля воскликнула: я дѣвственна“!

— Кто былъ тотъ, который 15 ¹⁾ лѣтъ царствовалъ, на 16-й заболѣлъ, на 30-й умеръ и воскресъ?

„Это луна“ ²⁾.

— Скажи, чья была могила, которая двигалась и ходила?

„То былъ Іона пророкъ, котораго проглотилъ вѣтъ, ходившій и двигавшійся“ ³⁾.

— Кто былъ тотъ голодный, который, когда поднесли пищу, не съѣлъ пищи, а съѣлъ принесшаго пищу?

„Даніилъ пророкъ, котораго принесли орлу; орелъ съѣлъ принесшаго пищу, самого же Даніила отпустилъ“.

— Кто былъ тотъ, тѣло котораго по смерти не было положено въ могилу, душа же не пошла къ Богу?

„Жена Лота, которая обратилась въ соляной столбъ, тѣло не удостоилось могилы, душа же—лицезрѣнія Бога“ ⁴⁾.

— Назови то дерево, которое имѣетъ листья и вѣтви, и на которомъ черные и бѣлые плоды?

„Дерево то—годъ, вѣтвь—мѣсяць, плоды же—день и ночь“.

— Назови того, который былъ побитъ камнями, хотя онъ былъ

¹⁾ Въ „Сбор. матер.“ въ названной сказкѣ о *дѣвцѣ и юношѣ* вмѣсто 15 поставлена цифра 14.

²⁾ Ср. у П. Майера, издавшаго „*Iosa monachorum*“, въ такъ названныхъ имъ „*Interrogationibus profanis*“, вопросъ 28. *Quis crescit et descreasit? Luna* (6).

³⁾ *Мочульский* „Слѣды народ. Библіи“. Приложение. Изъ пергаментной рукописи Вѣнской импер. библіотеки XII в. вопросъ 31. *Ποῦτος προφήτης ἀπέθανε καὶ τὸ μῦθρα περιπάτει καὶ ὁ νεκρὸς ἔφαλλον*: 'Апох. 'Ιῶνας ἐν τῇ κήτῳ.

⁴⁾ Повѣсть о дѣвцѣ и юношѣ близко стоитъ къ известной „Бесѣдѣ трехъ святителей“. (*Тихомировъ*, Памятники отречен. рус. литературы II, 429—432. М. 1863). Нѣкоторые изъ ихъ вопросовъ и отвѣтовъ взяты изъ апокрифической Бесѣды. В. Кто не рожденъ умре, а рожденъ не умре въ столбъ претворися, а не петлъ? Отв. Адамъ не рожденъ умре, а рожденъ не умре Илія пророкъ, а въ столбъ превратися Лотова жена. (*Буслаевъ*. Древне-рус. народная литература и искусство II, 28—9. М. 1861).

ни человекъ, ни ангель, ни дьяволъ, но который разговаривалъ съ людьми.

„То былъ пророкъ Еремія, когда скала разговаривала съ людьми“.

— Кто былъ тотъ (вѣстникъ), котораго Богъ послалъ къ Адаму?

„Воронъ, прилетѣвшій къ Адаму, который по убіеніи Каинномъ Авеля, не зналъ что дѣлать. Прилетѣли два ворона, одинъ убилъ другого, разрылъ землю и похоронилъ его. Увидя это, Адамъ узналъ, что ему дѣлать: вырылъ могилу и похоронилъ Авеля“. [Ср. у меня стр. 161].

— Теперь довольно, можешь идти домой; сегодня ты спасся отъ смерти; завтра навѣрное не избѣгнешь ея, сказала молодая дѣвушка подъ конецъ разговора юношѣ.

„Богъ, спасшій меня сегодня, спасетъ завтра,“ отвѣтилъ юноша.

Когда увидѣли его царедворцы уходящимъ, удивились: всѣ входившіе къ царевнѣ тамъ же и оставляли свои головы.

Юноша отправился домой и увидѣлъ свою старуху плачущую. Его возвращенію она очень обрадовалась. „Богъ спасъ меня“, сказалъ юноша.

Съ наступленіемъ утра, всталъ онъ, одѣлся въ царское платье, помолился и отправился во дворецъ, вошелъ въ комнату дѣвушки, отдалъ поклонъ ей и сѣлъ на золотой стулъ.

— Узнай: одинъ убилъ другого; убійца попалъ въ рай, жертва же въ адъ?

„Лавекъ (Ламехъ) ¹⁾ убилъ Каина; первый попалъ въ рай, второй же пошелъ въ адъ.“

— Кто такіе были рождены бѣлыми, а впоследствии стали черными?

„Сыновья Ноя, которые послѣ пролятія отца стали черными.“

— Узнай: Пѣтухъ родилъ курицу?

„Адамъ Еву родилъ.“ ²⁾

¹⁾ Въ „Сбор. матер. для опис. К.“, вып. XIII, стр. 53, это мѣсто передается иначе: „Богъ убилъ Каина; отвѣтилъ юноша: Каинъ пошелъ въ адъ, а Богъ находится въ раю“. Въ такомъ переводѣ нужно усмотрѣть неточность перевода, отчего происходитъ несообразность факта убійства Богомъ Каина. Нѣкоторые вопросы и отвѣты вовсе пропущены: напр. вопросъ „какія вещи не упоминаются?“ и отвѣтъ на этотъ вопросъ.

²⁾ *Мочульскій* op. cit., приложение. Ср. съ нашимъ вопросомъ, воп. 38. Τις ἐλαβεν τὴν ἰδίαν θυγατέρα γυναῖκα; Апок. Ἀδὰμ τὴν Εὐάν и вопр. 87 въ Сбор. сербск. писемъ проф. Сречковича „Комъ волъ краву роди? Отв. Адамоу изеть ребро и създа йому жену.“

— Кто был тотъ, котораго сунули въ пасть волку, и волкъ выпустилъ его, а съѣлъ принесшаго его?

„То былъ Иосифъ Прекрасный.“

— Какое было то мѣсто, которое съ сотворенія міра разъ только освѣтило солнце?

„Дно Краснаго моря, которое увидѣло солнце, когда Моисей разсѣкъ его своимъ жезломъ.“

— Что это за существа, которыя чѣмъ больше живутъ, тѣмъ больше растутъ?

„Въ морѣ—рыба, на сушѣ—змѣя.“

— Кто тѣ два существа, которыя ненавидятъ другъ друга?

„Душа и тѣло; послѣ смерти они ненавидятъ другъ друга.“

— Кто тотъ, который при жизни ничего не ѣлъ и не пилъ, а послѣ смерти ѣлъ землю и пилъ воду?

„Жезлъ Моисея. Ему не нужна была пища; послѣ же превратился въ змѣю, которая ѣла землю и пила воду.“

— Есть одинъ домъ—внутри состоитъ изъ золота, снаружи же изъ серебра; когда онъ разрушится, даже все человѣчество въ совокупности не можетъ его постронть?

„То—айцо, которое если разобьютъ, никто не въ состояніи возстановить его.“

— Встань и ступай. И сегодня ты ускользнулъ изъ моихъ рукъ. Завтра же навѣрное ты выпьешь тотъ ядъ, который вотъ уже выпило у меня 99 человѣкъ.

„Богъ милостивъ“, отвѣтилъ юноша; всталъ и ушелъ съ радостью. Съ разсвѣтомъ пошелъ онъ снова во дворецъ.

— Кто тѣ существа, которыя воюютъ слухомъ, бьютъ другъ друга тѣломъ, между тѣмъ какъ не обладаютъ ни ногами, ни руками?

„Рыбы“, отвѣтилъ юноша.

— Кто послалъ тѣхъ, которые не были ни ангелами, ни дьяволами, ниже людьми?

„Воронъ и голубь. Ихъ послалъ Ной осмотрѣть окрестности; воронъ нашелъ падаль и не воротился назадъ, голубь же воротился съ масличной вѣткой къ Ною.“ (Ср. выше сказаніе объ Амираѣ.)

— Кто тѣ, которые 300 лѣтъ спали, а послѣ проснулись?

„Семь юношей, бѣжавшихъ отъ царя. На дорогѣ они заснули, а потомъ снова проснулись.“

— Кто такіе были тѣ, которыхъ было только три, когда ушли, и 6000 когда возвратились?

„Сыновья Іакова.“

— Какія вещи въ мірѣ не упоминаются?

„Первое—море, которое не имѣетъ крышки, второе—небо, которое не имѣетъ столбовъ, третье—курица, лишенная молока и четвертое—ладонь человѣка, лишенная волосъ.“

Теперь встань и уходи, завтра, навѣрное, ты будешь въ моихъ рукахъ.

На разсвѣтѣ всталъ юноша, одѣлся въ царское платье, помолился Богу, пошелъ во дворецъ, вошелъ въ комнату царицы, поклонился ей; подали ему золотой стулъ: онъ сѣлъ.

„Время начать бесѣду,“ сказалъ юноша.

— Начинайте, очередь за вами, сказала царевна.

„Кто былъ тотъ, который былъ богатъ, потомъ обѣднялъ, одѣлся въ мать, на отца сѣлъ верхомъ и поѣхалъ, чтобы искать себя богатство, догнала его смерть; взялъ ее въ руки, выпилъ посредствомъ ей воды и далъ пить своей лошади; самъ избавился отъ смерти, спасъ и лошадь?“

На это царица не могла ничего отвѣтить.

— Встань и ступай, завтра я тебѣ дамъ отвѣтъ.

По уходѣ юноши царевна приказала своимъ слугамъ зарѣзать двухъ курицъ, наполнить ихъ сахаромъ и изжарить ихъ хорошо; приготовить два кувшина хорошаго вина, бѣлый хлѣбъ и другія яства.

Когда всѣ спали крѣпкимъ сномъ, царевна встала, разбудила двухъ красивыхъ служанокъ и отправилась вмѣстѣ съ ними къ юношѣ. Постучались; юноша отворилъ двери и вышелъ къ нимъ. „Мы служащія во дворцѣ царицы; твоя любовь привела насъ сюда. Проведемъ время вмѣстѣ.“

„Не вѣрю,“ отвѣтилъ юноша, „изъ дворца ко мнѣ никто изъ женщинъ не придетъ. Ступайте туда откуда пришли.“

— Пока не увидимъ твоего лица, до тѣхъ поръ будемъ стоять тутъ, сказала царевна.

Наконецъ, онъ былъ принужденъ отворить имъ двери и впустить ихъ. Вошли. Царевна сняла покрывало съ лица, сѣла возлѣ него, перемѣнила голосъ, чтобы не могъ онъ узнать его. Увидѣлъ юноша ее и влюбился въ нее.

— Есть ли у тебя чтонибудь, принеси и будемъ веселиться.

„Нѣтъ ничего у меня“, возразилъ онъ: „не зналъ, что посѣтите вы меня.“

Тогда царевна приказала служанкамъ подать все то, что взяла съ собою. Накрыли столъ. Начали веселиться. Юноша опьянѣлъ.

— Объясни мнѣ ту загадку, которую задалъ ты вчера царевнѣ. Юноша отказался объяснить. Тогда царевна сказала, что до тѣхъ поръ не исполнитъ его желанія, пока онъ не разъяснитъ ей загадку.

Накопецъ, юноша согласился: онъ все объяснилъ и опьяневый заснулъ. Царевна встала, одѣлась и ушла со своими служанками. Онѣ такъ поспѣшили, что въ торопяхъ покрывало забыли у юноши. На другой день проснулся онъ, догадался, что его обманули и опечалился. Но къ своему удивленію нашелъ ее покрывало на своей постели. Одѣлся онъ и пошелъ во дворецъ. Царевна позвала своихъ родителей.

— Объяснить вамъ вашу загадку? спросила царевна.

„Объясните.“

Царевна объяснила. Всѣ удивились. Она приказала позвать палача, отрубить ему голову.

„Въ продолженіе трехъ дней она задавала мнѣ вопросы“, сказалъ юноша царю и присутствующимъ: „я задалъ ей одинъ вопросъ и едва отвѣтила; позвольте мнѣ дать ей еще одинъ, и если отвѣтитъ, то воля ваша.“ Довольны.

„Вчера ночью ко мнѣ прилетѣли три птички, снялъ я перья съ нихъ, хотѣлъ съѣсть, но они улетѣли, если хотите могу показать перья.“

— Трудна загадка—задай другую.

„Что же больше задавать: ты моя и я твой!“

Грузинская повѣсть о дѣвицѣ и юношѣ кончается этими словами и заключаетъ въ себѣ 33 вопроса. Для опредѣленія ея отношенія къ подобнымъ вопросамъ и отвѣтамъ въ Бесѣдѣ 3 святителей обратимся къ литературѣ предмета. *Мочульскій* въ изслѣдованіи своемъ „Слѣды народной Библии въ славянской и въ древне-русской письменности“ (Одесса, 1893) называетъ Бесѣду трехъ Святителей апокрифической Библией, а Барчъ ein Repetitorium der biblischen Geschichte. Образовалась она въ продолженіи долгаго времени, начиная, по всей вѣроятности, съ IX в. и постепенно пополняя свой составъ подходящими апокрифами, изъ коихъ несомнѣнно въ нее вошли въ видѣ отрывковъ: 1, апокрифическая „книга Бытія“; 2, апокрифъ отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ; 3, книга Адама и 4, апокалипсисъ Іоанна. Изъ этихъ четырехъ памятниковъ, вошедшихъ въ Бесѣду трехъ святителей ¹⁾ въ грузинской повѣсти о дѣвицѣ и юношѣ не видно слѣдовъ

¹⁾ *А. С. Архангельскій*. Твореніе Отцевъ церкви древне-русской письменности. гл. II. *Порфирьевъ* Апокрифическія сказанія по рукописямъ Соловецкой бібліотеки (въ предисловіи, 5 отд., стр. 113).

апокрифическаго вліянія „отъ сколькихъ“ частей былъ созданъ Адамъ и Апокалипсиса Іоанна. Грузинскій апокрифъ не заключаетъ въ себѣ ни одного вопроса изъ Новаго Завѣта—бесѣда ограничивается испытаніемъ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Вопросъ, кѣмъ когда, и для какой цѣли она была составлена, не былъ затронутъ ни проф. Архангельскимъ, ни проф. Порфирьевымъ. Проф. Красносельцевъ первый опубликовалъ два списка греческаго документа, имѣющаго важное значеніе въ вопросѣ объ источникахъ „Бесѣды“, хотя авторъ отказывается съ точностью опредѣлить время ея появленія и степень распространенности ¹⁾ Проф. Ждановъ въ статьѣ „Бесѣда трехъ святителей и Іоса монашого“ ²⁾ останавливается на аналогіяхъ, существующихъ между Іоса монашого и греко-славянскими текстами Бесѣды. Проф. Мочульскій, въ названномъ изслѣдованіи поставилъ задачей выяснить греческіе источники Бесѣды трехъ святителей, останавливаясь и на латинскихъ ея текстахъ, наиболѣе древніе изъ которыхъ восходятъ къ VI, VII и IX вв. Древнѣйшій изъ греческихъ списковъ, найденныхъ г. Мочульскимъ, принадлежитъ Вѣнской Императорской Библіотекѣ. Списокъ этотъ помѣщенъ въ пергаментномъ сборникѣ XII в. Всѣхъ вопросовъ 56, изъ коихъ 19 относятся ко всей ветхозавѣтной Исторіи, съ 19 до 36 къ новозавѣтной, съ 36 идутъ вопросы смѣшанные.

Сопоставляя грузинскій апокрифъ съ изданными г. Мочульскимъ родственными съ ними греч., латин. и слав. памятниками мы находимъ параллели то въ томъ, то въ другомъ спискѣ на трехъ языкахъ, но нельзя назвать ни одного изъ нихъ прототипомъ нашего варианта. Послѣдній восходитъ къ той стадіи развитія Бесѣды 3 святителей, которая запечатлѣлась въ латинскихъ спискахъ—въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ безъ участія отцевъ церкви.

Абраіани—Пѣснь объ Авраамѣ ³⁾.

Бездѣтный благочестивый Авраамъ, обладающій многоголовыми стадами, просилъ у Бога неоднократно о дарованіи сына, обѣщаясь выростить для Него и семи лѣтъ Ему принести его въ жертву.

¹⁾ „Къ вопросу о греческихъ источникахъ Бесѣды трехъ святителей“ и „Еще къ вопросу объ источникахъ Бесѣды трехъ святителей“.

²⁾ „Жур. Мин. Народ. Пр.“ 1892, янв. 157—194.

³⁾ Рукопись Общества распротр. грамотности. Изд. Чарквіани, Тифлисъ 1892 г. Другой эпизодъ изъ жизни Авраама въ татарской легендѣ „Сб. матер. для оп. К.“, XIII, 2, 156.

По привычкѣ, Авраамъ безъ гостей никогда не обѣдалъ, но вотъ дьяволъ ¹⁾ загородилъ въ теченіе 30 дней всѣмъ дорогу и во все это время Авраамъ не вкушалъ хлѣба. На сороковой день самъ Господь въ трехъ лицахъ приходитъ къ нему въ гости. Авраамъ принимаетъ ихъ за смертныхъ, накрываетъ предъ ними скатерть и радостно ихъ угощаетъ. Беретъ Одинъ изъ нихъ хлѣбъ, ломаетъ его, говоря: „семью эту благословляетъ Господь, у Сарры родится сынъ“. Сарра слышитъ эти слова у дверей и смѣется, такъ какъ она уже въ преклонномъ возрастѣ. Но Троица не гнѣвается за противорѣчіе. Не увѣруютъ въ сыновей своихъ, они будутъ плѣнены въ Египтѣ, Содомъ и Гоморъ погибнуть (огнемъ), но Лотъ съ семьей спасется отъ огня. У Авраама рождается сынъ. На пятый годъ ребенокъ уже въ состояніи садиться верхомъ и всѣ удивляются, что ребенокъ такъ быстро растетъ. На седьмой годъ Авраамъ говоритъ женѣ: „не разсудительная, ты не знаешь, зачѣмъ этотъ ребенокъ растетъ — я обѣщаль семи лѣтъ принести его въ жертву и слово мое ненарушимо“. Мать сначала очень огорчается, но вспомнивъ гостей, говоритъ Аврааму: „дажь обѣтъ, исполни его, приблизилось время, у Милосердаго служба никогда не бываетъ бесполезна, если же нарушишь, то гораздо больше потеряешь“. Авраамъ собирается въ дорогу, нагрузилъ слугу дровами, рабы слѣдуютъ за ними. Остановились на горѣ, развели огонь, пламя котораго достигало неба. Вода въ котлѣ кипитъ и испаряется, а жертвы не видно. „Отецъ, говоритъ сынъ Аврааму, я знаю, что въ жертву меня ты предназначилъ, такъ зачѣмъ сердце твое огорчается?“ Обожди, сыновъ, помолимся Богу.—Исаакъ садится рядомъ съ отцомъ и, поклонившись до земли, говоритъ: „Господи, прими мою кровь, [прости мнѣ забыть родителей] ²⁾. Обращаясь же къ отцу, онъ проситъ связать его покрѣпче и такъ зарѣзать, чтобы кровь не обрызгала его, въ противномъ случаѣ жертва не будетъ принята. Авраамъ отточилъ ножъ и приготовился зарѣзать сына, но прежде чѣмъ коснулся его, разсудокъ и сознаніе покидаютъ его, а ножъ въ горлѣ сына каменѣеть.

¹⁾ Ср. палейный рассказъ: Авраамъ такъ любилъ принимать, что если не было странниковъ, не хотѣлъ садиться за столъ и часто по два и по три дня оставался безъ пищи. Такъ какъ дьяволъ, желая досадить Аврааму, *заградилъ странникамъ путь* къ нему, то онъ самъ выходилъ на дорогу встрѣтить странниковъ. *Порфирьевъ*, Апокриф. сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 57.

²⁾ Ср. Соловецк. пал. № 653. Исаакъ самъ проситъ отца, чтобы онъ принесъ его на жертву. *Порфирьевъ*, *op. cit.*, стр. 57.

Господь взглянул съ неба на дѣяніе Авраама, и послалъ ему агненка, говоря: „зарѣжь его, а сынъ пусть встанеть на ноги. Предъ Господомъ и такая жертва является угодной и пріятной,—Онъ будетъ подъ покровительствомъ Моимъ.

По варианту этой пѣсни ангель возвѣстилъ Аврааму, что Творецъ его только испытывалъ въ преданности къ нему и увѣрившася въ его твердости, Онъ велитъ принести въ жертву агненка, и будетъ Авраамъ благословенъ — родъ его распространится, какъ песокъ морской. Услышавъ это Авраамъ и Исаакъ возблагодарили Господа и обрадовали Сарру возвѣщенною милостью Божьей. Не упоминая подробно о всѣхъ разночтеніяхъ въ печатной и рукописной пѣснѣ объ Авраамѣ, замѣтимъ, что по рукописному варианту Авраамъ ждетъ сорокъ дней, чтобы, по обыкновенію, съ гостями принять пищу. Въ печатной пѣснѣ нѣтъ данныхъ о появленіи ангела и возвѣщеніи милости Господней. Сверхъ этихъ отличій, рукописный вариантъ только даетъ имена Исаака и Сарры, которыя въ печатномъ неизвѣстны. Со стороны языка рукопись даетъ формы глагольныя съ древними окончаніями на *iz* вм. соответствующихъ въ печатной пѣснѣ *i*, глагольное окончаніе 3 лица современнаго литературнаго и разговорнаго языка. Время переписки Абраміани въ точности не можетъ быть опредѣлено.

Пѣснь объ Іовѣ¹⁾.

Іовъ стоялъ на молитвѣ, когда дьяволъ огнемъ сжегъ стада его овецъ, садъ семилѣтній, ословъ, верблюдовъ, дворецъ до тла, всю скотину и всѣхъ погонщиковъ. Дьяволъ въ образѣ человѣка явился передъ Іовомъ и рассказалъ о постигшемъ его несчастіи. Іовъ отвѣчаетъ, что не стоитъ слезъ, ибо этимъ свершится долгъ предъ его Господомъ и вознесъ благодареніе Создателю. У Іова было семь сыновей и три солнцеподобныхъ дочери, и всѣхъ ихъ онъ въ одинъ день потерялъ. Дьяволъ въ образѣ человѣка объявилъ Іову о новомъ несчастіи, но праведникъ сталъ на молитву и возблагодарилъ Господа. Женѣ же посылаетъ онъ сказать, чтобы она не печалилась, слезъ не проливала, если она боится Бога. Она лишь будетъ составлять утѣшеніе для него. Но дьяволъ и ее погубилъ и донесъ объ этой потерѣ Іову. Праведникъ не прервалъ молитвы и потомъ отвѣтилъ, что онъ этимъ исполняетъ долгъ предъ Господомъ. Остается дьяволу взять у праведника силы, чтобы онъ произнесъ ропоть на Бога. Тѣло Іова покры-

¹⁾ Изд. на груз. яз. Гр. Чарквіани. Тифлисъ 1892 г.

васть тысяча разноцвѣтныхъ червей, одна изъ нихъ падаетъ, но Іовъ поднимаетъ и сажаетъ на тѣло — пищу ихъ, назначенную Богомъ? Дьяволъ приходитъ къ больному и спрашиваетъ, какое угодное Богу дѣяніе онъ совершилъ, что Онъ его такъ облагодѣтельствовалъ?! Іовъ проклялъ дьявола, говоря, что все его несчастіе—дѣло этой нечестивой силы. Дьяволъ вскрикнулъ и обратился въ гору сѣраго цвѣта. Съ неба послышалось сладкое пѣніе ангеловъ. Еліа и Захарій, дѣти Іова, боги грома и молніи, посылаютъ удары на своего врага.

Пѣснь объ Іовѣ, записанная мною у меховъ ¹⁾, передаетъ нѣсколько дополнительныхъ фактовъ изъ его жизни:

Іовъ былъ богомольный
 Жену имѣлъ праведную,
 Дочери его солнцеобразныя
 Погибли все въ одинъ день.
 Послалъ сказать женѣ своей:
 „Не печалься, безумная,
 Не оплакивай земныхъ дѣтей;
 Онъ далъ, Онъ же взялъ,
 Воздадимъ Ему хвалу“!
 Завылся дьяволъ гнусный
 И говорить въ лицо Іову:
 „Въ чемъ согрѣшилъ ты предъ Творцемъ?
 За что Онъ отнялъ дѣтей“?
 — Поди прочь, гнусный дьяволъ!
 Горе мое—дѣло твое!
 Онъ далъ, Онъ же взялъ
 Воздадимъ Ему хвалу“!
 Загорѣлось огнемъ поле,
 Стада Іова погибають:
 Пять сотъ его верблюдовъ,
 Разукрашенныхъ алмазомъ;
 Ихъ мученія и терзанія
 Поднимаются выше къ небу.
 Завылся дьяволъ гнусный
 И говорить въ лицо Іову:
 „Въ чемъ согрѣшилъ ты предъ Творцемъ?
 За что Онъ смеетъ твои стада“?
 — Поди прочь, дьяволъ гнусный!
 Горе мое—дѣло твое!

¹⁾ „Этногр. Обзор.“ X, 31 (Очеркъ *Месхи*).

Онъ далъ, Онъ же взялъ,
 Воздавши Ему хвалу!⁴
 Черви Юва съѣдаютъ,
 Его мукамъ нѣтъ конца.
 На войлокъ его положили
 И выбросили въ навозъ.
 Когда червь одинъ свалился,
 Ювъ въ сердцѣ огорчился,
 Самъ поднялъ его на раны:
 „Они Божье создание,
 Пожирай плоть и кость,
 А смерти не страшися!“

Продолженіе этой пѣсни имѣемъ въ карталинскомъ вариантѣ легенды: Ювъ сгнилъ и сдѣлался жертвой насѣкомыхъ и червей. Богъ, считая его испытаніе достаточнымъ, отправилъ къ нему ангела съ тарелкой воды, которую онъ долженъ былъ вылить на страдальца. Ангелъ исполнилъ волю Бога: Ювъ исцѣлился — раны его зажили. Вода же исцѣлившая его, была впитана облакомъ, чтобы во время засухи ея капли присоединялись къ дождю для оплодотворенія земли; гдѣ упадетъ капля этой „живой“ воды, тамъ образуется цѣлебный источникъ. Великодушный Ювъ молилъ Бога не истреблять его мучителей — насѣкомыхъ, но даровать имъ благотворную для человѣка способность. Услышалъ Богъ его моленіе и послѣ того по міру распространились полезныя твари: пчелы, пиявки и др. Тѣ черви, которые ползли по всему тѣлу Юва, превратились въ шелковичныхъ. Съ тѣхъ поръ они выпускаютъ изъ желудка нити, которыми желаютъ опоясать человѣка¹⁾. Отсюда возникла вѣра ткачей шелковыхъ матерій и свѣчниковъ въ Юва, какъ въ своего благочестиваго патрона. Черви, съѣдавшіе его тѣло, были пчелы дающія воскъ и медъ, и шелковичные червяки, дающіе шелкъ²⁾. Пѣснь объ Авраамѣ приводится въ рукописи начала XIX в. и напечатана въ Тифлисѣ, хотя неизвѣстно изъ устъ народа, или же изъ какого-нибудь сборника апокрифовъ. Пѣснь объ Ювѣ сохранилась въ народѣ, но въ записанномъ видѣ въ бібліотекахъ нигдѣ пока не встрѣчалась. Обѣ эти пѣсни могутъ быть отнесены къ духовнымъ стихамъ, о которыхъ рѣчь предстоитъ на слѣдующихъ страницахъ. Разсмотрѣнными памятниками окончимъ отдѣлъ *ветхозавѣтныхъ* апокрифовъ и перейдемъ теперь къ *новозавѣтнымъ*.

¹⁾ *Иверія*, 1889, июль.

²⁾ *Елизаровъ*, Исторія учрежд. въ Закавказьи т. II, стр. 204.

**Успеніе ¹⁾ Пресвятой Богородицы, сказаніе святаго отца нашего
Василія Кесарійскаго ²⁾.**

Получивъ откровеніе отъ Святаго Духа ³⁾ о времени преставленія, Богородица исполнилась радости и желанія вѣчной жизни. Богоматерь пребывала въ Сіонѣ, имѣя трехъ дѣвъ при себѣ неотлучно. Во вторникъ пришла, по обыкновенію, ко гробу Іисуса Христа помолиться съ кажденіемъ и колѣнопреклоненіемъ. Она молила со слезами Господа помиловать и послать ей Іоанна Богослова (Благовѣстителя), ибо іудеи поклялись сжечь ея тѣло. Отверзлись небеса и явился архангелъ Гавріиль и сказалъ: „радуйся, Марія, молитва твоя услышана—ты вознесешься на небо“! Получивъ отъ архангела вѣтвь оливы (маслины), Богоматерь отправилась въ Вифлеемъ. Здѣсь молилась предъ образомъ на могилѣ Сына своего, а на утро въ среду со своими ученицами возвратилась въ Сіонъ и въ шестомъ часу зажгла свѣчи, воскурила ошмѣамъ, воздѣла руки и стала молиться. Господь послалъ ей Іоанна Благовѣстителя и Богослова, будучи восхищенъ отъ Ефеса на облакахъ ⁴⁾. Послѣ взаимнаго привѣтствія и лобзанія Богоматерь передала слова архангела о кончинѣ своей и показала данную ей вѣтвь финика (?). Поручивъ апостолу два платья передать двумъ ея дѣвамъ, которыя прислуживали, Богоматерь назначила мѣсто своего погребенія.

Іоаннъ Благовѣститель сказалъ, что соберутся предъ ея кончиной не только всѣ апостолы, но ихъ ученики. Послышался громъ и на облакахъ прибыли въ Сіонъ: Петръ изъ Рима, Павелъ изъ Тиве-

¹⁾ Изъ рукописнаго („мхедрули“) сборника житія святыхъ, откуда будутъ далѣе приведены сказанія объ Алексѣи челоѣкѣ Божьемъ, нищемъ Іоаннѣ и пр. Успенію Богородицы посвящены стр. 95—134.

²⁾ Слово объ Успеніи въ апокрифической литературѣ приписывается Іоанну Богослову, Іоанну архіепископу Солунскому, Мелитону епископу Сардійскому, Іосифу Аримаейскому, Моисею Хоренскому, а грузинское слово приписывается Василію Кесарійскому.

³⁾ Латинская редакція, авторъ которой называетъ себя Іосифомъ Аримаейскимъ, передаетъ, что Богоматерь вѣсть о скоромъ своемъ преставленіи получила отъ ангела (*Титтендорфъ*, *Aposcalypses apocripheae*, p. 113—123).

⁴⁾ Порядокъ хода изложенія въ груз. словѣ объ Успеніи Богородицы и въ русскихъ виѣтѣхъ съ греко-латинскими другой, не совпадающей и съ армянской ея передѣлкой. *Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, стр. 76—92. *Эминъ*. Преставленіе Богородицы. Апокрифъ V в.

ри, Матеей „съ моря“, Маркъ изъ Александрии, Вареоломей изъ Тебаидъ (Θивαιδъ?), Андрей, Иаковъ, Филиппъ, Лука, Симонъ возстали изъ мертвыхъ. Вмѣстѣ съ ними были ихъ достойные ученики, какъ поучаетъ великій Діонисій Ареопагитъ, который также прибылъ въ Сіонъ на облакахъ. Всѣ привѣтствовали Богородицу, которая привстала на одрѣ, исполненная великой радости. Миръ вамъ, сказала мать Иисусова имъ, называя ихъ по имени: Вареоломей—источникъ мудрости, Иаковъ—многоцвѣтный ароматъ, Лука—честный жемчугъ, Матеей—глубина Божественнаго провидѣнія, учитель апостоловъ, Симонъ—достояніе Троицы, искоренитель безвѣрія и т. д. Богоматерь пожелала узнать, какимъ образомъ они прибыли къ ней и какъ имъ сдѣлалось извѣстно объ ея отшествіи изъ міра. Іоаннъ ¹⁾ предлагаетъ апостоламъ повѣдать, какъ они получили откровеніе отъ Святаго Духа о кончинѣ Богородицы. Апостоль Петръ сказалъ: я былъ въ Римѣ и шелъ къ заутренѣ и вдругъ услышалъ гласъ, глаголющій мнѣ: мать Господа твоего представляется, иди немедленно въ Сіонъ, и облако восхитило меня. Я видѣлъ и прочихъ братьевъ своихъ апостоловъ на облакахъ. Іоаннъ сказалъ: когда я былъ въ Ефесѣ и входилъ во святой алтарь службу сотворить, Духъ Святой сказалъ мнѣ: приблизилось время преставленія матери Господа твоего, иди въ Сіонъ ²⁾, и облако восхитило меня и мимолетно поставило здѣсь. Маркъ сказалъ: я былъ въ Александрии на литургіи, и когда приобщался Тѣла и Крови Христа, поставилъ чашу, снялъ оранъ, Духъ Святой возвѣстилъ: представляется мать Господа, иди немедленно въ Сіонъ, и тотчасъ я оказался здѣсь. Иаковъ сказалъ: я былъ въ Іерусалимѣ и говорилъ: помилуй Господи Давида и миръ его („симшвиде“), Вареоломей сказалъ, что онъ былъ въ Тебаидѣ (Θивαιδъ?) на заутренѣ и поучалъ народъ; Андрей, Иаковъ, Филиппъ, Лука, Симонъ сказали, что были въ раю и всѣ они услышали повелѣніе Святаго Духа иди въ Сіонъ и облако восхитило и принесло ихъ сюда ³⁾.

Былъ тутъ Діонисій Ареопагели (Ареопагитъ?), Іерофіосъ, Титъ и Тимоѳей и другіе ученики ихъ, которые прославляли царицу мать Господа, какъ повѣствуетъ названный Діонисій въ главѣ, написанной имъ къ Тимоѳею о силѣ молитвы. Богоматерь, воздѣвъ руки къ небу, благодарила Господа, что Онъ услышалъ ея молитву. Она пожелала

¹⁾ *Порфирьевъ*, ор. сѣ. Такое предложеніе дѣлаетъ ап. Петръ, стр. 273.

²⁾ *Порфирьевъ*, ор. сѣ. Вслесемъ, стр. 78, 273.

³⁾ *Порфирьевъ*, ор. сѣ. Порядокъ именованія апостоловъ не совпадаетъ съ груз. словомъ.

узвать гдѣ были погребены Андрей, Іаковъ, Филиппъ, Симонъ и Лука. Андрей сказалъ, что проповѣдовалъ по берегу моря въ странахъ Понтойскихъ, Битвинскихъ, Фравійскихъ, въ землѣ Раковійцевъ (?), прибылъ въ городъ Севастійцевъ, гдѣ былъ лагерь ансирійцевъ и когда распяли, то въ Патрѣ ахейцевъ („ахели“) былъ погребенъ. Іаковъ сказалъ: я Сына твоего проповѣдовалъ въ Іудеѣ и мечомъ Ирода убитый, погребенъ здѣсь. Филиппъ сказалъ: я въ Фригїи былъ для проповѣдованія и когда умеръ, то погребенъ былъ въ Іерополѣ. Симонъ сказалъ: я въ окрестностяхъ Еловториполиса до Египта проповѣдовалъ Сына твоего и когда распяли, былъ погребенъ въ египетскомъ городѣ Лустрѣ. Богоматерь благодарила Господа за прославленіе апостоловъ. Іудеи, услышавъ о дѣлахъ апостоловъ, составили заговоръ избить ихъ, а мать Господа съжечь. Двинулось къ нимъ безчисленное воинство съ мечами и пиками, но по дорогѣ ноги воиновъ перестали двигаться, глаза ослѣпли, языки замолкли, только одинъ изъ нихъ по имени Абраамъ остался невредимъ, чтобы указать другимъ путь спасенія. Онъ сказалъ имъ, что вѣруеть въ Богоматерь и за замыселъ противъ нея они сами пострадали. Воины отвѣтили, что увѣровали въ Марію и Господа Іисуса Христа. Прибывъ съ миромъ въ Сїонъ, они поклонились Богородицѣ и повѣдали обо всемъ съ ними приключившемся.

Была среда. Во время вечерни Богоматерь просила апостоловъ молиться за нее предъ Господомъ, апостолы выражали чувства горести, въ виду предстоящаго разставанія съ нею. Въ полночь показался на иконѣ Спасителя яркій свѣтъ, который издавалъ гласъ: слушайте апостолы и отдайте честь и поклоненіе матери Моей. Вокругъ иконы совершили крестный ходъ съ пѣніемъ „кирилейсонъ и аллилуїа“; Іаковъ прославлялъ Господа Творца, Свѣтъ тихій безкончнаго, непостижимаго, неисповѣдимаго; Іоаннъ—Сына и Слово Отца, воплотившагося отъ Дѣвы Маріи для нашего спасенія, милостиваго и долго терпѣливаго. Такъ провели среду, въ четвергъ апостолы пошли въ Сїонъ, а Богоматерь молилась предъ образомъ Спасителя, прося принять ея душу. Снова изошелъ свѣтъ съ образа и благоуханіе наполнило все. Послышался гласъ: „не бойся, мать Моя, молись и получишь просимое“. Богоматерь, воздѣвъ руки, сказала: „помилуй творенія рукъ Твоихъ, не предавай ихъ аду, но удостой свѣта Твоего“. Гласъ отвѣтилъ: „прославляющихъ тебя, прославлю Я, просящимъ во имя твое, воздамъ Я“. Богоматерь повѣдала объ этомъ пришедшимъ къ ней апостоламъ, которые просили ее не забывать ихъ и помянуть ихъ, когда придетъ Сынъ ея во славу Своей Давъ наставленіе апо-

столамъ, Богоматерь подаде надежду дѣвамъ, ей прислуживающимъ, чтобы онѣ не горевали, по ея преставленіи — она не забудетъ ихъ, какъ Сынъ ея не забываетъ ¹⁾.

Богородица сказала, что душа ея не покинетъ, пока не придетъ Сынъ ея. Она пожелала приобщиться Св. Таинъ изъ рукъ первосвященника Іакова. Помолившись предъ чашей, она приобщилась Тѣла и Крови Христа. По желанію Богоматери, началось пѣніе и поклоненіе предъ крестомъ Спасителя, знаменіемъ воскресенія. Апостолы одинъ за другимъ прославляли Богоматерь, о которой пѣлъ еще пророкъ Давидъ. Богородица по окончаніи молитвы велѣла возжечь свѣчи и кадить и пѣть, ибо придетъ Спаситель принять ея душу. Пришелъ Давидъ и сладко пѣлъ предъ ней, за нимъ явились архангелы Михаилъ и Гавріиль, говоря: радуйся благодатная Марія! Пришли Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, говоря: благословенная Дѣва, прими съ вѣрою создавшаго словомъ небеса и основавшаго землю на водѣ! Явились Симеонъ Богопріимецъ, прославляя ее выше серафимовъ и херувимовъ. Іоаннъ Креститель подошелъ къ Богоматери, и другъ друга обლობызали.

Потряслися небеса, послышался сильный громъ и вѣтеръ, море заволповалось. Съ неизъясимой славой со множествомъ ангеловъ сошелъ Іисусъ Христосъ. Съ пѣніемъ встрѣтили Спасителя, и исполнилось сердце Богоматери великой радостью. Ликъ Спасителя сіялъ ярче чѣмъ на Ѡаворѣ; блескъ Его поразилъ апостоловъ, и они пали. „Я съ вами, сказалъ Господь, — не бойтесь“. Апостолы встали, прославляя Божественное величіе Его. Господь сказалъ ей: тѣло твое преложено будетъ въ рай, а душа на небеса, въ свѣтлость, гдѣ миръ и веселіе. Богоматерь просила благословить ее: всякому человѣку, призывающему имя Твое, подай помощь Твою. Помилуй всякую душу, нарицающую имя Твое и прославь прославляющаго Тебя именемъ мопмъ.

Богоматерь предъ отходомъ І. Христа высказала опасеніе предъ „стражей воздуха“, но Господь велѣлъ Михаилу и Гавріилу по дорогѣ пѣть побѣдные гимны, говоря: „святъ, святъ, святъ Господь Саваоѡ!“ Ангелы стали пѣть, а Богоматерь уснула. Господь вознесъ ея душу, небесныя силы пѣніемъ отстранили стражу воздуха, радуя подземныхъ гласомъ: „идетъ Богоматерь, привѣтствуйте ее!“ Такъ вознеслась на

¹⁾ У *Порфирьева*, начиная отъ Діонисія Ареопагита до пришествія Спасителя, не находимъ свѣдѣній, соответствующихъ груз. апокрифу.

небо пречистая царица и унаслѣдовала царство вѣчное. Всѣ силы небесныя восклицали „аллилуіа“! Душа вознеслась на небо, а домъ наполнился благоуханіемъ, и тѣло ея освѣтилось яркимъ свѣтомъ. Апостолы съ пѣніемъ приблизились къ тѣлу и поклонились ему. По ея преставленіи, одержимые болѣзвью, глухіе, слѣпые, бѣсноватые получили исцѣленіе. Апостолы дали знать Петру, что пора приступить къ молитвѣ ¹⁾, а Петръ приглашалъ Іоанна. Но Петра признавая главой апостоловъ, ни одинъ изъ нихъ не соглашался. Богоматерь бальзамировала душистыми травами и обвила въ холстѣ. Апостолы Петръ, Павелъ и Іоаннъ пѣли и прославляли ее; за ними всѣ апостолы и силы небесныя невидимо ту ночь хвалили и славили Богоматерь. Утромъ въ пятницу апостолы понесли на плечахъ одръ, на которомъ лежало честное ея тѣло и направились изъ Сіона въ Гесаманію (Геосиманію), какъ велѣно было Іоанномъ Крестителемъ пресв. Богородицѣ. Ангелы шли предъ ними и прикрывали ихъ своими крыльями, апостолы пѣли, а вѣрующіе слѣдовали благоговѣйно съ зажженными факелами и канделями. Воздухъ наполнился благоговіемъ. Іудеи же, исполненные ненависти, рѣшили нарушить благочинный порядокъ и напали на апостоловъ съ пиками и копьями. Одинъ изъ нихъ, наиболѣе дерзкій, по имени Іофанъ (греч. Іофанія, арм. Софроній), растолкалъ толпу вѣрующихъ, схватилъ одръ и хотѣлъ уронить его на землю, но внезапно ангелъ Господень невидимо силою мечомъ огненнымъ отсѣкъ обѣ руки его по плечи. Это чудо поразило всѣхъ, и посрамленные іудеи отступили. Іофанъ уже со слезами каялся въ преступленіи, молился имени І. Христа и Богоматери. По повелѣнію Петра, отрубленные руки Іофана прилетѣли, какъ птицы, къ его тѣлу. Тогда всѣ стали прославлять истинную Богоматерь Марію и Сына ея Іисуса Христа. Послѣ этого чуда съ большою честью повесли одръ Богородицы съ пѣніемъ аллилуіа и когда прибыли въ Гесаманію сняли въ холстѣ честное ея тѣло и положили въ могилу. Апостолы поставили икону Спасителя у ея могилы и провели ночь въ молитвѣ и пѣніи. На зарѣ, въ субботу, показалось сіяніе на иконѣ Спасителя и въ этотъ день вечеромъ провели время въ молитвѣ, въ полночь же уснули. Въ это время началось землетрясеніе и тѣло Богородицы невидимо было восхищено на небо. Павелъ и Іоаннъ отъ колебанія проснулись и разбудили другихъ.

¹⁾ *Порфирьевъ*, op. cit., 79 и 278. *Господь* обращается къ Петру съ этими словами. Палагають, что Богородица представилась въ возрастѣ отъ 50 до 70 лѣтъ. „Справ. Обзор.“, 1873, 57, 67.

При Успеніи Богоматери не было апостола Θомы ¹⁾; въ ночь на воскресеніе онъ явился во время землетрясенія. Онъ былъ въ Индіи въ городѣ царевича и въ минуту крещенія его племянника Духъ Святой открылъ ему: Матерь Господа представляется, спѣши въ Гесиманію. Облако восхитило его и принесло въ Гесиманію. По его просьбѣ, апостоль Петръ открылъ гробницу Богоматери, но тѣла Ея уже не нашли. Іоаннъ сказалъ, что плоти Ея нѣтъ и истинно во время землетрясенія восхищена на небо. Θома сказалъ, что не повѣритъ Ея преставленію, если Богоматерь не дастъ отвѣта. Во время молитвы показался свѣтъ предъ одромъ и увидѣли Богоматерь. Она подозвала Θому и сказала: „почему не вѣришь моему преставленію на 84 году? Сынъ взялъ мать Свою на небо“. Приблизился Θома къ ногамъ Ея, говоря: „вѣрую отнынѣ, что еси жива душою и плотью“. Богоматерь благословила его и сдѣлалась невидимой. Апостолы удивились чуду и славили Господа ²⁾

Грузинское слово объ Успеніи Богоматери, имѣя сходныя черты съ существующими разсказами, отличается нѣкоторыми особенностями, ставящими его особнякомъ. Прежде всего грузинское слово поражаетъ витиеватостію изложенія одинаковыхъ фактовъ съ другими редакціями. Рѣзко выставляется идея о главенствѣ Петра, отмѣченная Порфирьевымъ въ Словѣ Солунскомъ, какъ признакъ латинской обработки. Но грузинское слово не примыкаетъ во всѣхъ деталяхъ къ послѣдней редакціи. Здѣсь мѣсто погребенія въ долину Іосафатовой назначено Самимъ Спасителемъ, а въ грузинскомъ словѣ Іоанномъ Крестителемъ. Не отмѣчая другихъ несовпадающихъ подробностей, укажемъ на явленіе Богоматери Θомѣ по грузинскому слову, между тѣмъ какъ соотвѣтствующаго разсказа не находимъ у архіепископа Солунскаго. Родство грузинской редакціи со словомъ Іоанна Богослова и армянскимъ сказаніемъ ³⁾ не можетъ быть установлено, ибо подробности послѣднихъ (напр. о Θомѣ, получившемъ поясъ отъ Богоматери и сожженія дома Іакова) носятъ совершенно другой характеръ сравнительно съ изложеніемъ грузинской редакціи. Въ виду этого послѣдняя получаетъ особый интересъ для изучающихъ апокрифическую литературу.

¹⁾ По „Слову Пресв. Богородицы архіепископа Солунскаго“ Θомы также не было при Успеніи Богородицы, но конецъ его не совпадаетъ съ груз. словомъ.

²⁾ Явленія Богоматери Θомѣ въ „словѣ Солунскаго“ нѣтъ. *Порфирьевъ* op. cit. 87. По армян. апокрифу, Богородица преставилась 60 лѣтъ. *Эминъ* op. c., 9.

³⁾ Сказаніе о преставленіи Богородицы и объ ея образѣ, написанное

Посланіе царя Авгара (Авгароза) къ Господу нашему Іисусу Христу. ¹⁾

Авгарозъ былъ черный ²⁾. Привѣтствую Тебя, благого и замѣчательнаго врача Господа, явившагося въ странѣ Іерусалимской.

Слышалъ о Тебѣ и исцѣленіи Твоемъ, какъ (яко) не лѣкарствами и не травами, а словомъ Твоимъ слѣпымъ даешь прозрѣніе, хромымъ хожденіе, прокаженнымъ—очищеніе, глухимъ—слухъ, духовъ и демоновъ изгоняешь словомъ Твоимъ, мертвыхъ воскрешаешь. Посему удивился этимъ чудесамъ, о которыхъ слышалъ, какъ творишь. Помыслилъ я (положилъ въ мысли), что Ты или еси Богъ, сошедшій съ неба и творишь это, или что Ты еси Сынъ Бога.

Посему я написалъ къ Тебѣ, дабы Ты пришелъ ко мнѣ, и я поклонился святости Твоей, и дабы Ты исцѣлилъ немощь (болѣзнь)

евангелистомъ Іоанномъ. Армянскій апокрифъ V в. *Н. Эмина*, М. 1874. Апокрифъ этотъ армянскіе ученые приписываютъ Монсею Хоренскому, жившему по установленію моему около половины V в., хотя въ последнее время Баррьеръ, отодвигаетъ „Исторію“ Монсея Хоренскаго къ VII—VIII в., такъ какъ онъ пользовался арм. переводомъ исторіи Сократа, сдѣланнымъ въ концѣ VII ст. — Ардрунн, владѣтельный князь Васпураканской области, просилъ Монсея Хоренскаго, одного изъ переводчиковъ священ. писанія на армянскій языкъ, разсказать ему исторію чудотворнаго образа, называемаго *Образомъ Матери Господней*.

¹⁾ Авгарево посланіе на шеѣ носятъ неразумные, замѣчается въ кодексахъ при перечисленіи объ этой легендѣ. *Lipsius*. Die Edessinische Abgarsage Braunschweig 1880. Легенда объ Авгарозѣ сведена къ тремъ версиямъ: сирскому армянскому и греческому. На сирскомъ языкѣ, по словамъ историка Евсевія, легенда впервые была составлена. *М. Курстонъ* напечаталъ отрывокъ ея подъ заглавіемъ *Doctrine d'Addai, l'apôtre* (Ancient Syriac documents relat. to the earliest establishem. of Christianity in Edessa, London, 1864). *М. Филипсъ* открылъ въ С. Петербургской библиотекѣ полный текстъ этой легенды VI в. *The Doctrine of Addai, the apostle*, London, 1876. Армянскій текстъ опубликованъ *Эминякъ*, у *Langlois* Collect. des historiens de l'Arménie ихитаристомъ Алишаномъ. Греческій текстъ приведенъ въ церковной исторіи, (13 гл. I кн.) *Евсевія*. Грузинскій апокрифъ примыкаетъ къ греческому тексту. Сирская легенда возникла не позже III в. и ею воспользовался Евсевій, исторія котораго окончена въ 324—325 г.

²⁾ Слово „шави“ грузинскаго апографа въ смыслѣ чернаго соотвѣтствуетъ *Испата* историка Евсевія, Аршама Монсея Хоренскаго. *Икхата*, т. е. черный, былъ прозвищемъ Авгара. *Lipsius* op. cit. стр. 11.

эту, коей я страдаю, (которую я имѣю), ибо я имѣю вѣру къ Тебѣ (я вѣрую въ Тебя). Паки же я слышалъ и то, что іудеи ропщутъ на Тебя, преслѣдуютъ Тебя, ненавидятъ Тебя и ищутъ Тебя оскорбить.

Я же имѣю (владѣю) градомъ небольшимъ, но преблагимъ и прекраснымъ, и достаточно намъ обоимъ для того, чтобы жить въ немъ. Миръ Тебѣ!

„Святое посланіе Господа нашего Иисуса Христа къ царю Авгарозу“. (Здѣсь представлено въ рукописномъ Алавердскомъ евангеліи изображеніе Иисуса Христа, предъ нимъ столъ, на которомъ Онъ пишетъ).

Блаженъ еси ты, Авгарозъ, что, не узрѣвъ, вѣруешь въ Меня, ибо написано обо мнѣ: яко видящіе Меня, не увѣровали въ Меня, и кои не видѣли Меня, увѣровали въ Меня. И Я посланный для готовыхъ вознесусь къ Отцу Моему, который послалъ Меня. И Я когда вознесусь пошлю къ Тебѣ одного изъ своихъ учениковъ и немощь, которою ты страдаешь (ты имѣешь), тотъ исцѣлитъ и (всѣхъ), коихъ имѣешь (въ своемъ распоряженіи) обратить къ вѣчной жизни. И страна твоя да будетъ благословенна во вѣки, и врагъ да не покоритъ ее во вѣки. Посланіе же Мое вездѣ во владѣніи ли (на землѣ), или на морѣ, или же кого въ горячку бросаетъ, или треплетъ лихорадка, или будетъ одержимъ страхомъ, или чарами охваченъ (связанъ), или отъ какой либо болѣзни—отъ всякой спасетъ (болѣзни).

Кто приметъ это (на себя), то долженъ быть чистъ и свободенъ отъ всякаго злого дѣла, ибо все написано Моей рукой. И напечатано посланіе это семью печатами, которыя писаны ниже. Вотъ эти семь печатей. (Слѣдуетъ изображеніе начальныхъ греческихъ буквъ).

Крестъ, воскресеніе душъ, упованіе христіанъ, вѣчная жизнь, возносящій свѣтъ въ небеса, крестъ, слава христіанъ.

Вотъ переводъ этихъ печатей.

Когда посланіе Господа получилъ царь Авгарозъ и слышалъ (онъ), что іудеи ищутъ Его смерти, послалъ царь художника нарисовать образъ Господа и принять его. (Ср. Καὶ δέξαμενος Ἀβγαρὸς τὴν τοῦ κυρίου ἐπιστολὴν ἄχουσας ὅτι καὶ οἱ Ἰουδαῖοι ἐπίγουνται (сод ἐπὶγγουντε) τοῦ ἀποκτεῖναι τὸν κύριον πέμψας οὖν αὐτίκα ἐπ'αὐτόν). Художникъ тотъ и гонцы, быстро совершивъ переходы, подошли къ вратамъ προκύλια Иерусалима и встрѣтилъ Иисусъ и сказалъ (имъ): человекѣ, вы художники. Отвѣчали тѣ: мы посланы владѣтелемъ (царемъ) Авгарозомъ видѣть Иисуса Назарянина и срисовать Его образъ. Сказавъ это, они пошли за нимъ. На другой день сталъ Иисусъ среди многочисленнаго

народа и училъ (его). Художникъ же тотъ стоялъ и рисовалъ его образъ, но не съумѣлъ, ибо не могъ уловить Его чертъ. Тогда другъ его сказалъ ему: отдай холстъ этотъ въ руки Ему. Подошелъ человекъ тотъ, палъ къ ногамъ Господа и все объявилъ предъ народомъ Его и отдалъ холстъ тотъ. Господь же принялъ холстъ и положилъ (его) на ликъ Свой и вдругъ отобразился ликъ Его на немъ и удивились всѣ присутствующіе которые видѣли это.

(Здѣсь изображенъ Христосъ, утирающійся холстомъ, на которомъ отобразился Его ликъ).

Холстъ же тотъ отдалъ Господь апостолу (ученику) Фаддею и повелѣлъ, по вознесеніи Его, отправиться въ городъ Едессу ¹⁾ для исцѣленія отъ болѣзни и всѣхъ недуговъ подъ небесами. И по вознесеніи Господа, по словамъ Его, отправился онъ въ Едессу. Пришли Фаддей и его спутники въ одинъ городъ, который именуется Іераполи(съ) ²⁾. И остановились внѣ города въ жилищѣ (одного) гончара и положили св. тотъ холстъ между двухъ глиняныхъ сковородокъ, ибо боялись (потерять?). Когда же заснули, вотъ показался съ неба огненный столбъ и остановился онъ надъ тѣмъ (мѣстомъ), гдѣ былъ образъ Господа. И увидѣла стража того города чудо это и донесли владѣтелю (города). Вышелъ владѣтель тотъ со своимъ народомъ и нашли образъ Господа между тѣхъ двухъ глиняныхъ сковородокъ, гдѣ стоялъ огненный столбъ и сонзволили, онъ принять образъ тотъ. Гонцы же и художникъ сказали, что они (подданные) Авгароза. И владѣтель тотъ нашелъ на сковородкахъ отобразенный ликъ Господа, который похожъ былъ на образъ тотъ. Тогда взялъ владѣтель сковородку, а холстъ тотъ отдалъ апостолу и гонцамъ. И пошли (далѣе) Фаддей и спутники его, которые были отправлены Господомъ. И приблизился (Фаддей) на разстояніи одной стадіи (поприща) къ одному городу Авгароза, нашелъ нѣкоего лежащаго, который просилъ хлѣба. И возложилъ руку на него и тотъ вдругъ, прыгая пошелъ бѣгомъ въ городъ и пришелъ къ матери своей. Увидѣли его всѣ и удивились. Дошелъ слухъ этотъ до Авгароза. Тотъ же призвалъ юношу и спросилъ: „Кто тебя исцѣлилъ?“ Отвѣтилъ тотъ, говоря: „человѣкъ нѣкій нашелъ меня за городомъ, возложилъ руку и исцѣлилъ.“ Авгарозъ, полагалъ что это

¹⁾ По другимъ вариантамъ, не Фаддей, а Агдай, одинъ изъ 72 апостоловъ, прибылъ къ Авгарю въ Едессу и исцѣлилъ его. *Tixeront, Les origines de l'église d'Edesse et la légende d'Abgar* (Paris, 1888), стр. 20.

²⁾ Іераполи; града Яропола. *Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія*, стр. 248.

(явилъ) Господь, а посланный нашель Ѡаддея и гонцовъ съ нимъ отправленныхъ. Пришли тѣ и принялъ онъ ихъ съ радостью. Авгаровъ былъ одержимъ (болѣзнию) и лежалъ на одрѣ шесть лѣтъ. Тогда принялъ холстъ тотъ, на которомъ былъ отображенъ ликъ Господа и приложился (лобызалъ) къ нему и тотчасъ всталъ и сталъ ходить совершенно здоровый. И сказалъ апостолу Ѡаддею: „что мнѣ подобаеть дѣлать?“ Отвѣтилъ тотъ, говоря: „прежде всего подобаеть тебѣ принять крещеніе“. Тотъ же съ радостью согласился. И послѣ того, какъ проповѣдалъ Евангеліе Божіе, посель къ рѣкѣ, именуемой Верійской и крестилъ здѣсь апостолъ Ѡаддей Авгароза, супругу его, дѣтей ихъ и всѣхъ домочадцевъ съ ними во имя Отца и Сына и Святаго Духа—радовались всѣ, и очистилъ ихъ отъ всѣхъ немощей и прославляли Бога, кому подобаеть слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Исусе Христе, владыка всѣхъ вѣковъ, возвеличь душой славящаго Тебя священника Соломона и безъ стыда удостой лицезрѣть образъ Твой, подобно владѣтелю Авгарозу. Молитву творите святыя отцы для несчастнаго душой грѣшнаго инока Іоанна Рвали (?)

Таково содержаніе грузинскаго „авгароза“. *I. Alb. Fabricius* въ „Codex Aroscurphus novi Testamenti“ приводитъ переписку І. Христа съ Авгаремъ изъ исторіи *Евсевія* на греческомъ языкѣ съ версіей изъ *Рубина* на латинскомъ языкѣ.

Переписка Исуса Христа съ Авгаремъ и сказаніе о нерукотворенномъ образѣ изслѣдованы *Порфирьевымъ* въ *Апокрифическихкихъ сказаніяхъ* ¹⁾. Русское сказаніе начинается такъ: „подобаетъ о семъ мало побесѣдовать о самой благодати Бога и Спаса нашего Исуса Христа. Много ему чудеса благолѣпнѣ содѣвающу во всѣхъ языцѣхъ провозвѣщено бысть о Исусѣ. Слышавъ о семъ Авгарь, князь Едесской, иже отъ снѣзз проказы и разслабленія непріязненнаго томимъ бѣ и желаше своимъ очима самого Содѣтеля видѣти. Посла Авгарь ко Исусу посланіе молебное, глагола сице. Слышано ми есть о тебѣ Господи, и о цѣлбахъ твоихъ бывающихъ, токмо бо словомъ даеши исцѣленіе болящимъ, слѣпымъ прозрѣніе, хромымъ ходити, слышати глухимъ“... Славянская редакція, напечатанная акад. Тихонравовымъ носить смѣшанный характеръ о перепискѣ и нерукотворенномъ образѣ. Въ этой редакціи помѣщены сначала разсказъ о нерукотворенномъ образѣ, а потомъ переписка Исуса Христа съ Авгаремъ. „Посла же Авгарь Луку скорописца, гораздо иконамъ писати“ ²⁾. Однако, осо-

¹⁾ Изъ Торжественника XVI в. № 370 у *Порфирьева* оп. с. стр. 239—270.

²⁾ *Тихонравовъ*. Памятники отреченной литературы II, 11—17.

бенность этой редакціи, заключающаяся въ томъ, что посланіе Спасителя написано Его рукою и запечатано было семью печатами, что оно тѣхъ, кто сго имѣеть при себѣ, спасеть отъ разныхъ болѣзней и несчастій, вскрывается и въ грузинскомъ сказаніи ¹⁾.

Посланіе царя Авгаря къ Иисусу Христу въ переводѣ съ грузинскаго языка на русскій приводится г. Покровскимъ въ его статьѣ „Миньютюры Гелатскаго евангелія“. ²⁾ Здѣсь дано и объясненіе печатей, которыя были приложены І. Христомъ въ отвѣтномъ посланіи къ царю Авгарю. „Крестъ означаетъ, что Я волею былъ распятъ на немъ, ψ означаетъ, что я воистину полный ($\psi\lambda\delta\acute{o}\varsigma$), X означаетъ, что Я покоюсь на Херувимахъ ($\chi\epsilon\rho\upsilon\beta\acute{\iota}\mu$), ϵ означаетъ, что Я Богъ Единный ($\epsilon\acute{\iota}\varsigma$), υ означаетъ, что Я высшій Творецъ и Богъ боговъ ($\upsilon\psi\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$), ρ означаетъ, что Я избавитель рода человѣческаго ($\rho\omicron\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$), δ означаетъ, что Я всеправедный ($\delta\acute{\iota}\kappa\eta\iota\acute{o}\varsigma$), вѣчепъ и есмь во вѣки вѣковъ“ (Ср. араб. вариантъ у меня стр. 199). Толкованіе же знаковъ по приведенному мною посланію Авгаря изъ приписки къ Алавердскому евангелію значительно отличается отъ объясненія даннаго въ Гелатскомъ евангеліи, какъ легко заключить изъ ихъ сопоставленія. Помимо этого, въ посланіи изъ евангелія Гелатскаго замѣчаются нѣкоторые пропуски сравнительно съ письмомъ Авгарю изъ Алавердскаго евангелія. Такъ, въ первомъ не передается, что художникъ, будучи не въ состояніи уловить черты лица І. Христа, подошелъ (къ Нему), палъ къ ногамъ Господа и все объявлялъ предъ народомъ ³⁾, Далѣе, въ немъ нѣтъ свѣдѣній, что Авгарь (Авгарозъ, по нашей редакціи) былъ одержимъ болѣзнию и лежалъ на одрѣ шесть лѣтъ. Также умалчивается, что холстъ тотъ (съ изображеніемъ лица) Господь отдалъ апостолу Фаддею и повелѣлъ, по вознесеніи Своемъ, отправиться въ городъ Едессу для исцѣленія отъ болѣзней подъ небесами. И по вознесеніи Господа, по словамъ Его, онъ отправился въ городъ Едессу“. Отличительную черту посланія по Алавердскому евангелію отъ такового по Гелатскому евангелію заключается въ томъ, что источникъ, гдѣ Фаддей крестилъ Авгароза въ первомъ названъ *Верійскимъ*, а во второмъ *Керасанъ* ⁴⁾. Эти посланія представляютъ почти буквальное воспроизведеніе того,

¹⁾ Ср. приведенное мною на 143 стр. посланіе І. Христа, которое спасеть отъ гнѣва Божьяго, отъ холеры и другихъ болѣзней.

²⁾ *Записки* отд. рус. и славян. археологін И. Рус. Арх. Общ. т. IV, стр. 306 и сл. ст. *Покровскаго*.

³⁾ Ср. *Покровскій*, назван. статью, стр. 308.

⁴⁾ ib. 309.

что сказано объ этомъ у историка Евсевія. У Моисея Хоренскаго сохранилась эта переписка І. Христа съ Авгаремъ согласно съ повѣствованіемъ Евсевія ¹⁾. Авгарозъ на грузинскомъ языкѣ былъ переведенъ издревле. Онъ дошелъ до насъ писанный на бомбицинѣ въ Сивайскомъ монастырѣ. Посланіе Авгара, царя Едесскаго, начинается обращеніемъ къ І. Христу: „Авгарозъ, правитель города Едессы, Спасителю, благому царю, явившемуся въ городѣ Іерусалимѣ привѣтствую... ²⁾).

Легенда объ Авгарѣ критически изучена Ришардомъ Адебертомъ Липсіусомъ. Легенда разлагается имъ на двѣ части: первая—переписка І. Христа съ Авгаремъ, вторая—разсказъ о происхожденіи нерукотвореннаго образа. Достоверность переписки оспаривалась еще въ первые вѣка церкви. Авгарь, корреспондентъ І. Христа, историческое лицо: онъ пятнадцатый царь въ Едессѣ. Онъ носилъ прозвище *Иккѣтѣ*, т. е. черный. Жилъ въ первой половинѣ перваго столѣтія по Р. Х. (*Gutschmid, Königsnamen, s. 171 fr.*) Объ отправленіи къ Авгарю образа Христа, Евсевій ничего не сообщаетъ, точно также едесскіе акты, переведенные съ сирскаго, не располагаютъ свѣдѣніями по этому вопросу. Моисей Хоренскій сообщаетъ вратцѣ, что „Ананъ, гонецъ Абгаря, принесъ ему это І. Христа письмо вмѣстѣ съ изображеніемъ лика Спасителя, существующимъ до сего времени въ городѣ Едессѣ. (*М. Хоренскій, новый пер. Эмина, стр. 81*). Въ грузинскомъ переводѣ нѣтъ имени Анапія, хотя краткій разсказъ Моисея Хоренскаго (стр. 82), о принятіи крещенія Авгаремъ имѣетъ параллель въ нашей легендѣ. Въ подробностяхъ наша легенда сходится съ приведеннымъ Липсіусомъ разсказомъ изъ *cod. Vindobon. 315* ³⁾.

Приводимъ для параллели *арабскій* вариантъ объ Авгарѣ, напечатанный у *Tixeront* въ его изслѣдованіи: *Les origines de l'église d'Edesse et la légende d'Abgar. p. 200.*—Au nom du Dieu créateur, vivant, parlant. Nous commençons, avec le secours de Dieu Très-Haut et sa bonne assistance, à copier la lettre d'Abgar, roi d'Edesse (que sa bénédiction soit avec nous. Amen!) Il l'envoya à Notre Seigneur Jésus Christ avant son ascension corporelle. Il dit: j'ai entendu parler de toi, o même Seigneur, et des miracles que tu fais, miracles qui ne sont point comme les oeuvres des magiciens

¹⁾ *Евсевій.* Церковная исторія, кн. I, гл. 13. *Моисей Хоренскій* кн. II, 31, (пер. Эмина),

²⁾ *Царарем,* Памятникъ на Синаѣ и въ Св. Землѣ, стр. 238.

³⁾ *Lipsius.* *op. cit.* стр. 55—6.

et qui ne sont pas non plus opérés avec des remèdes et des simples comme le font les médecins de ce monde. Mais avec une simple parole, tu guéris les maladies, tu fais sortir les esprits méchants, tu donnes la vue aux aveugles, le mouvement aux paralytiques, la parole aux muets, l'ouïe aux sourds; l'hémorroïde a été guérie, lorsqu'elle a touché le bord de ton vêtement. En entendant raconter cela de toi j'ai cru que tu es le Fils de Dieu descendu du ciel et que tu as fait cela à cause de ton amour pour l'humanité. Bien que j'en sois indigne, je te demande, ô mon Seigneur, de venir chez moi pour me guérir de mes infirmités. J'ai entendu (dire), que les Juifs te haïssent et veulent te tuer. Eh bien, je possède une petite ville; elle est à moi et à toi.

Réponse de Notre Seigneur (A lui la gloire!) Il dit: Heureux es-tu Abgar! Le bien soit à ta ville qui s'appelle Edesse, parce que tu ne m'as pas vu et tu as cru en moi. Tu seras récompensé de ton intention; tu règneras sur tes sujets. Je te pardonne tes péchés. Ta ville sera bénie et la gloire de Dieu habitera en elle, la sécurité sera dans ton peuple. Je répandrai ta mémoire sur la terre; toutes les nations entendront (parler) de toi. Moi, Jésus-Christ, de même que tu as manifesté mon nom je manifesterai le tien, moi. J'ai écrit cette lettre de ma propre main. Partout où elle sera portée aucun doute ne pourra l'infirmier. Tous les esprits méchants fuiront devant elle par la vertu de la sainte Trinité. Heureux es-tu Abgar, roi d'Edesse; je t'ai donné la santé. Pour ce que tu me demandes d'aller chez toi, après avoir été vers le Père, je t'enverrai un de mes disciples, Thaddée; il guérira tes infirmités et te donnera la vie éternelle. La paix soit avec la ville pour laquelle tu me pries. L'ennemi ni le tyran ne prévaudront point contre elle ni contre celui qui portera cette lettre.

Et il scella la lettre de sept sceaux. Le premier sceau (portait): Voici que je suis allé sur la croix, par ma volonté;—le second sceau: je ne suis comme un homme simple parfait (ψηλας);—le troisième sceau: j'ai été élevé sur la Croix et sur les Chérubins;—(le quatrième sceau): Je suis le premier, l'éternel; personne n'est comme moi;—5: Roi des rois, Dieu des dieux; 6: j'ai passé entre les hommes en faisant le bien: 7: Le Verbe éternel, en tous temps, toujours, éternellement. Puis il prit un mouchoir et s'en essuya le visage. A l'instant son visage se reproduisit sur le mouchoir sans le secours de drogues. Ensuite il l'envoya (avec le titre) à Abgar roi d'Edesse, et celui-ci opéra des miracles et des merveilles. Gloire à Dieu toujours

Fin de la lettre d'Abgar, roi d'Edesse, dans le salut du Seigneur.—Amen.

Хождение Святой Богородицы по мукамъ грѣшныхъ людей ¹⁾).

Соизволила Пренепорочная Мать Творца неба и земли, Дѣва Марія, видѣть муки, которыми мучатся, осужденные грѣховъ ради, разнообразными муками нестерпимыми и невыразимыми болями. Вошла она на святую гору Елеонскую и сказала: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа, да спойдетъ съ неба великій изъ архангеловъ, Михаилъ, дабы повѣдать Мнѣ обстоятельства сущихъ между небомъ и землею и внѣ міра, и дать узрѣть Мнѣ муки грѣшниковъ. И послѣ сихъ словъ снизошелъ главный изъ ангеловъ вмѣстѣ съ сонмомъ ангеловъ и съ благоговѣніемъ привѣтствовалъ св. Богородицу. Сказала Пресвятая Михаилу архангелу: „Старшій надъ воинствомъ небеснымъ невидимаго Саваоѳа, Бога Отца совѣтникъ и Св. Духа слуга, который предстоишь предъ необъятной для ока церковью Св. Троицы и преисполненъ благодати отъ нея, которому надлежитъ трубить и разбудить вѣками уснувшихъ мертвыхъ. Радуйся, начальникъ началъ (т. е. чина ангеловъ), небесный вождь!“ Отвѣтилъ Михаилъ Дѣвѣ съ благодареніемъ и сказалъ: „Превышная надъ всѣми небесами и превышная надъ всѣми херувимами и Пресвятая надъ всѣми нами, опредѣленными на небесахъ, Тебѣ подобаешь хвала, Тебѣ подобаешь слава и Тебѣ приличествуетъ всякая честь, ибо превзошла еси небо и землю и возвысилась

¹⁾ На груз. языкѣ напеч. мною въ „Мцхетси“ 1893, 19, „1894, 2“. Рукопись принадлежитъ горійскому предводителю дворянства И. Д. Сулханову. Рукопись представляетъ сборникъ апокрифовъ, писанныхъ мелкимъ почеркомъ „мхедрули“. Дата не поставлена. Ср. Хождение Богородицы по мукамъ въ „Памятникахъ русской отреченной литературы“ Н. Тихонравова, т. II, стр. 23—40. М. 1863. Начало изъ *сербской* рукописи XV в.: Благовѣсть свята Богородица възыде на гору Елеонетѣя. *Армянское* „Видѣніе Богородицы Маріи, въ которомъ она видѣла муки грѣшниковъ“ по рукописи покойнаго Эмина, приготовленной для печати, открывается словами: „Встала Богородица, Мать Господа, пошла на Елеонскую гору молиться за всѣхъ вѣрующихъ, дабы Богъ избавилъ ихъ отъ всѣхъ бѣдъ, отъ геены тартара и отъ непроницаемаго мрака.“ *Греческій* текстъ, приведенный А. Васильевымъ начинается: Ἐφάνη τις τῆς παναγίας καὶ ὑπάγη εἰς τὴν κόλασιν καὶ ἰδῆ τοὺς ἀμαρτωλοὺς πῶς κολάζονται, καὶ παγαίνει εἰς τὸ βουνὸν τῶν Ἑλαιῶν καὶ κάμη τὴν προσευχὴν τῆς καθῶς ἦτον συνηγμένη καὶ παγαίνει πάντοτε καὶ προσεύχεται καὶ καὶ σκόπηται τὰ γόνατά της. Далѣе слѣдуетъ явленіе, по молитвѣ Богородицы, Архангела Михаила, по грузинскому, славянскому и греческому апокрифу, а по армянскому—архангела Гавриила. *Vassiliev. Anecdota graeco-byzantina.* 125.

имя Твое надъ обширной вселенной и Тебѣ величаютъ вѣчно предъ Отцемъ безначальнымъ". Сказала Пресвятая Богородица: „покажи миѣ, вождь народа, всѣ муки, которыми мучатся всѣ люди грѣшныя, родъ христіанскій и языческій". Привазаль Михаилъ именемъ св. Троицы открыть и обнаружить въ аду всѣ муки. Тогда адъ открылся и узрѣла Пресв. Богородица неисчислимое множество мужей и женъ, которые мучатся въ немъ и былъ плачь великій и сѣтованіе. Спросила Пресв. Богородица: „скажи вождь народный, Михаилъ, кто суть сіи, или каковы ихъ грѣхи?" Отвѣтилъ Михаилъ и сказалъ: „это, Пресвятая, тѣ, которые не вѣрятъ ни въ Отца, ни въ Сына, ни въ Духа, ни Тебя не величали, поэтому мучатся такъ здѣсь". Узрѣла Пресвятая въ мѣстѣ иномъ мракъ и сказала Михаилу, что означаетъ мракъ сей. Михаилъ отвѣтилъ: главнѣйшія муки происходятъ здѣсь, Пресвятая. Сказала ему Пресвятая: желаю видѣть сіи муки. Отвѣтилъ ей Михаилъ: невозможно тебѣ, Пресвятая, видѣть муки сіи, ибо заповѣдь дана миѣ отъ невидимаго Отца, что они не увидятъ свѣта, дондеже придетъ во славу Сынъ Твой вторично, огонь вѣчный будетъ ихъ пожирать. Сказала Пресвятая, кто суть сіи или каковы ихъ грѣхъ? Отвѣчалъ ей Михаилъ: это они...., Пресвятая Богородица. (Въ груз. текстѣ пропускъ, греч. и армян. памятники передаютъ, что по молитвѣ Богородицы мракъ разсѣялся и вступили съ нею въ бесѣду грѣшники здѣсь сущіе: они мучаются за то, что не увѣровали въ І. Христа). Они говорятъ, что къ нимъ не приходилъ еще никто: ни Авраамъ, ни Моисей, ни Іоаннъ Креститель, ни апост. Петръ, Богородица же, надежда христіанъ, Бога молятъ за всѣхъ грѣшниковъ. Сказала Пресвятая: „Эхъ, вы несчастныя, и не слушали предсказанія пророковъ!" И опять окуталъ ихъ мракъ. И сказалъ Михаилъ: „Пресвятая, куда изволишь выдти? Сказала она къ востоку, и тотчасъ предстали серафимы и херувимы и вывели Пресв. Богородицу. И пришла и узрѣла Пресвятая въ мѣстѣ иномъ множество мужей и женъ и мучились они въ огнѣ, иные по грудь, иные до ногъ. Сказала Пресвятая Михаилу—кто суть сіи? Отвѣчалъ Ангелъ: сидящіе до чреслъ въ огнѣ—это тѣ, которые обрѣли проклятiе отца и матери, нынѣ такъ мучатся здѣсь. Сказала Пресвятая: кто такіе, которые сидятъ по грудь въ огнѣ? Отвѣтилъ Ангелъ: это Пресв. тѣ, которые воспріемницъ прелюбодѣяніемъ и безсестіемъ оскверняютъ. Изволила сказать Пресвятая: кто такіе, что сидятъ въ огнѣ по самую макушку? Отвѣчалъ Михаилъ: это, Пресвятая, тѣ, которые ѣли человѣческое мясо. Сказала Пресвятая: возможно развѣ, чтобъ человѣкъ ѣлъ человѣческое мясо? Отвѣчалъ ангелъ: это тѣ, которые невиннаго плѣнника несправедливо продавали и выручку ѣли, подъ этимъ подра-

зумѣвается съѣденіе человѣческаго мяса¹⁾). Узрѣла Пресвятая въ мѣстѣ иномъ: черви ѣли мясо человѣка. Спросила Пресвятая Михаила—это кто такіе или каковъ ихъ грѣхъ? Это, Пресвятая, растовщави, отыскивающіе проценты на проценты. Узрѣла Пресвятая въ мѣстѣ иномъ женъ, повѣшенныхъ обѣими грудями, и звѣри (черви) выходили изъ ихъ усть. Сказала Пресвятая—кто это такіе, вождь Михаилъ? Отвѣтилъ Пресвятой: Пресвятая, это тѣ, которыя приходили въ сосѣдямъ и подслушивали всѣ ихъ слова и этимъ вызывали много ссоръ и зла. Сказала Пресвятая: не лучше ли было для нихъ не родиться!

Плакала много Пресвятая и сокрушалась о нихъ. Сказалъ Ангелъ: Царица, Ты еще не видѣла великихъ мукъ. Затѣмъ привелъ Пресвятую Богородицу въ другое мѣсто; и узрѣла она облако огненное и въ немъ массу отцевъ и матерей и драконы огненнаго цвѣта обвивали члены ихъ тѣла и сожигали ихъ, какъ хворостъ сухой. Вздохнула Пресв. Богородица и сказала ангелу, — кто суть сіи или каковъ ихъ грѣхъ? Отвѣчалъ Михаилъ: это тѣ, которые лежали по воскреснымъ днямъ и не отправлялись въ церковь на молитву и обѣдню. (Въ греч. и армян. текстахъ находимъ прибавленіе о больныхъ, которые немочны (*ἀσθενής*) ходятъ въ церковь. Муки ожидаютъ только тѣхъ, кои нѣжатъ себя. Въ груз. памятникѣ слѣдуетъ затѣмъ описаніе мукъ за стѣной говорящихъ и согрѣшившихъ предъ церковью, а въ арм. апокрифѣ его нѣтъ). Узрѣла грѣшниковъ Пресв. въ мѣстѣ иномъ: бруски желѣзные были повѣшены на ихъ языкахъ. Спросила Пресвятая ангела, каковъ ихъ грѣхъ? Отвѣчалъ Михаилъ: „это, Пресвятая, за спиной говорящія“. Узрѣла Пресвятая въ мѣстѣ иномъ людей, окрашенныхъ кровью отъ ногтей ногъ по самую макушку, и языкъ ихъ былъ объятъ огненнымъ пламенемъ и не въ состояніи были произносить слова. Плакала Пресв. Богородица и сказала: Господи помилуй! Тогда пришелъ Ангелъ, который сторожилъ ихъ и отверзъ языкъ ихъ скованный. Сказала Пресвятая Михаилу: „кто это такіе, или каковъ ихъ грѣхъ, что такъ мучатся несчастные?“ Отвѣчалъ Михаилъ Пресв.: это согрѣшившіе передъ святой церковью. Сказала Пресвятая, какъ соизволено было желать, такъ да будетъ. А ихъ постигла та же самая мука. Сказалъ Михаилъ: Пресвятая, приди и узри, гдѣ мучатся священники. Воззрѣла и увидѣла повѣшенныхъ священниковъ и огонь исходилъ изъ ихъ

¹⁾ Такого толкованія „съѣденія человѣческаго мяса“ не находимъ въ греч. и армян. текстахъ. Продажа плѣнниковъ—фактъ извѣстный въ грузинской исторіи, противъ котораго энергично боролась церковь. См. „Церковныя гуджары“, изд. мною. Бутанъ, 1891.

макушекъ. Спросила Пресвятая, каковъ ихъ грѣхъ? Отвѣчалъ ангель это приносящіе божественную жертву, которые стоятъ у страшныхъ вратъ церкви Господа и дѣла на части священнаго Агнца, по неосторожности, роняли внизъ частицы. По сему церковь Господня сотрясалась и подножіе ногъ ихъ содрагалась. За это здѣсь мучатся они такъ. Узрѣла Пресвятая въ мѣстѣ иномъ людей, находящихся въ огнѣ. И звѣри крылатые, у которыхъ голова была на подобіе пламени огненнаго, терзали ихъ. Спросила Пресвятая ангела, каковъ ихъ грѣхъ? Отвѣчалъ ангель: „это суть діаконы, которые евангеліе, писанія и поученія церкви знали и не были смиренны предъ церковью и священниками, не избѣгали грѣха, потому здѣсь они такъ мучатся (въ арм. пропускъ). Вышли въ другое мѣсто и узрѣли тамъ сидящихъ въ огнѣ. Спросила Пресвятая: кто это такіе или каковъ ихъ грѣхъ? Отвѣтилъ Михаилъ: это, Пресв., тѣ, которые имѣли образъ апостоловъ и первосвященниковъ и были на земли первосвященниками, и говорили имъ духовные и свѣтскіе: благослови святѣйшій владыка, а между тѣмъ они были не святые, а нечестивые и поруганные грѣхомъ, и оскверненные нечестіемъ, и не ходили по пути справедливости, всѣ эти подвергаются здѣсь мукамъ. Узрѣла Пресвятая въ мѣстѣ иномъ женъ и пламя огненное вырывалось изъ ихъ устъ. И со вздохомъ плакали и сжигались. Спросила Пресвятая архангела—кто эти или каковъ ихъ грѣхъ? Отвѣчалъ Михаилъ: Пресвятая это жены духовныхъ лицъ, которыя по смерти своихъ супруговъ священниковъ не уважили ихъ и не воздерживались на истинномъ вдовствѣ и вышли замужъ за другихъ, поэтому здѣсь мучатся. Узрѣла въ иномъ мѣстѣ въ подобныхъ же мукахъ женъ діаконныхъ и въ другомъ мѣстѣ множество отцовъ и матерей, повергнутыхъ въ огонь, и огонь и звѣри пожирала ихъ мясо. Спросила Пресв.. кто это или каковъ ихъ грѣхъ? Это суть монахини, которыя прелюбодѣйствовали, осквернили свои тѣла и не соблюли своего монашества, поэтому подвержены здѣсь мукамъ. Сказалъ Михаилъ Пресвятой: гряди Пресвятая, и узри болѣе важныя муки и многочисленность грѣшниковъ. Пришла Пресв. ¹⁾ Богородица и узрѣла огненную рѣку страшно

¹⁾ Перечисленіе мукъ женъ священниковъ, діаконныхъ, вышедшихъ замужъ, монахинь, нарушившихъ обѣтъ чистоты, нечестивыхъ духовныхъ лицъ—въ армян. и греч. текстахъ не имѣются. Нѣкоторыя изъ группъ грѣшницъ должны были выработаться на груз. почвѣ по народному міросозерцанію, напр., о вдовахъ священнослужителей, выходящихъ замужъ. (О „*πρεσβυτερισαις* καὶ *διακονισαις*“ см. въ греч. текстѣ). Этого указанія не находимъ въ армянскомъ апокрифѣ точно такъ же, какъ въ немъ нѣтъ описанія „самыхъ тяжкихъ мукъ евреевъ“. Въ гре-

шумящую и въ ней сидѣли мужа и жены, и огненные драконы висѣли на ихъ языкахъ. Плакала Пресв. Богородица. И сказала Архангелъ, это Пресв. прелюбодѣи, клеветники, и совершившіе много всякихъ злыхъ дѣяній, и клятвопреступники, похищающіе и пожирающіе чужими трудами добытое, которые властвовали надъ бѣдными и немилосердные взяточники, человеубійцы, не служившіе Богу и церкви и священники поругающіе. (*Васильевъ*, стр. 130).

Узрѣвъ этихъ Пресвятая сказала: Горе безбожникамъ и грѣшникамъ! Отвѣтилъ Михаилъ Архангелъ: „пока Пресвятая Ты еще не видѣла тягчайшихъ мукъ. Тогда повелъ онъ Пресв. Богородицу туда, гдѣ были самыя тяжкія муки. Налѣво была рѣка огненная и была страшная темнота и видъ рѣки самой темной и было въ ней множество мужей и женъ, былъ плачь и стenanіe и кипѣло какъ въ котлѣ и клокотало волненіe, подобно морю разъяренному, и раскаленные огоньки ударили въ грѣшниковъ, и черви пожирали ихъ. И произнесли всѣ однимъ голосомъ: „Господи помилуй, судья справедливости!“ Узрѣвъ Пресвятую мученики единогласно произнесли: Благодаримъ Тебя, Сынъ Божій, ибо не видящіе со дня нашей смерти свѣта, теперь удостоились видѣть благодать непорочной Матери Твоей! и паки взывали къ Богородицѣ: Радуйся, свѣтъ непомеркающій! Сказала Пресвятая Михаилу: „крайне сокрушаюсь и горестью наполняется сердце Мое!“ Увидѣла Пресвятая и ангеловъ, которые мучили грѣшныхъ, сокрушающимися, и болѣе огорчилась Пресвятая и плакала. Печалились Михаилъ и мучащіе ангелы о плачѣ Пресвятой, а грѣшники возопили: пришла для насъ Пресвятая, которые вѣками находились во мракѣ! И сказала Пресвятая: О, тяжкія зрѣлица, которыя я теперь глазами узрѣла! И ушли всѣ и произнесли: Господи помилуй! И послѣ сихъ словъ успокоилось волненіe, которому подвержены были грѣшники. И вслѣдъ показались грѣшники величиной въ горчичное зерно. Плакала Пресв. Богородица и спросила Михаила, какая эта рѣка, или каковъ грѣхъ сидящихъ въ этомъ мракѣ? Отвѣчалъ Михаилъ Пресвятой: это внѣшній мракъ и въ немъ находятся евреи, которые распяли на крестѣ Господа нашего Иисуса Христа и Бога, которые не крестились и не увѣровали ни въ Отца, ни въ Сына, ни въ Духа Святаго. Находятся тамъ же тѣ изъ воспріемниковъ, ко-

чекскомъ текстѣ объ этомъ см. у *Васильева*, стр. 130—131. οὗτός ἐστιν ὁ πόριος ποταμός τὸ πῦρ το ἄσβεστον καὶ οἱ βασανιζόμενοι ὑπὸ τῶν χυμάτων εἰσὶν οἱ ἰουδαῖοι οἱ σταυρώσαντες τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστός καὶ τὰ ἔθνη τὰ μὴ βαπτισθέντα καὶ οἱ ἀρνούμενοι τὸν θεὸν καὶ τὸ ἅγιον βάπτισμα καὶ οἱ πορνεύοντες εἰς τὰ ἴδια τέχνα καὶ πνίγοντες τὰ βρέφη.

торые прелюбодѣйствовали съ кумами и еретики, и челоуѣкоубійцы, и чародѣи, и удушившіе дѣтей. Сказала Пресвятая Богородица: да будетъ съ ними сообразно съ дѣлами ихъ, и тотчасъ взбунтовалась рѣка, мракъ охватилъ ихъ и огонь окуталъ ихъ. Сказалъ Михаилъ Пресвятой:— если кто попадаетъ въ этотъ мракъ, такъ не суждено ему освободиться! И сказала Пресв. Богородица: „горе грѣшнымъ и безсильнымъ, ибо безконечно ихъ мученіе“. Сказала Пресвятая: прошу, Михаилъ, тебя, вождь народный, чтобы ты показалъ мнѣ, въ какомъ мѣстѣ мучатся христіане крещеные. И повелъ онъ, гдѣ мучались христіане. Узрѣла Пресвятая тяжкія муки съ огнемъ и мракомъ и спросила Михаила, каковы ихъ грѣхъ? Отвѣчалъ Михаилъ Пресв.: это суть тѣ, которые крестились, но приступили къ діавольскимъ дѣланіямъ, не позаботились о времени раскаянія и тунеядствовали, поэтому здѣсь такъ мучатся въ озерѣ огненномъ. (*Васильевъ*, стр. 131). Сказала Пресвятая: имѣю въ тебѣ, небесный вождь народа, слово, чтобы и я отправилась и мучилась вмѣстѣ съ христіанами. Отвѣчалъ Михаилъ—ты, Пресв., покойся въ раю. Отвѣчала Пресвятая: „молю тебя, Михаилъ старшій со своимъ воинствомъ молитесь за грѣшныхъ!“ Отвѣчалъ Михаилъ Пресвятой: „Святъ Господь семь разъ въ теченіе ночи, и мы если будемъ приносить моленіе за нихъ, не услышитъ Господь насъ“. Сказала Пресвятая: „молю тебя, старшій надъ небожителями, прикажи воинству ангеловъ, выведи Меня къ Отцу Благому“. И при этихъ же словахъ воинство вывело къ церкви Божества. Тогда распростерла Дѣва свои руки и сказала: „помилуй насъ грѣшныхъ и призри очами милости на грѣшныхъ сихъ мучащихся, ибо я узрѣла и не могу перенести ихъ муки и я мучаюсь ихъ видомъ. Раздался голосъ невидимаго Отца: не могу помиловать ихъ, Пресвятая, и не приму моленія Твоего, ибо Я вижу въ рукахъ ихъ гвозди, которыми былъ распятъ Сынъ Мой, и не могу помиловать ихъ. Сказала Пресвятая: „помилуй только христіанъ Господи!“ Донесся голосъ невидимаго Отца: „не могу помиловать, Пресвятая, они не помиловали своихъ братьевъ, были горды и немилосердны по отношенію къ церкви и священникамъ, къ нищимъ безчелоуѣчны, и я ихъ тоже не помилую. Сказалъ Господь нашъ Іисусъ Христъ: услышь Пресвятая, если кто совершитъ злое и не совершитъ доброе, какъ это сказано въ Евангеліи, и въ законѣ Моемъ, и во всѣхъ писаніяхъ, такъ да и будетъ наказанъ. Молилъ Отца Благаго Сынъ возлюбленный: „Отецъ призри на творенія рукъ Твоихъ, за которыхъ молю Тебя и помилуй ихъ“. Сказалъ Матери Своей Христъ: „Услышь, Пресвятая, нѣтъ челоуѣка, который призывалъ бы имя и слово Твое“. Тогда воззвала Пресвятая ¹⁾ и

¹⁾ Въ греч. текстѣ нѣтъ упоминанія о перечисленныхъ въ грузинскомъ

призвала крестителя Иоанна, и евангелиста Иоанна, Абраама, и Моисея, Петра главу апостоловъ и Павла, и множество мучениковъ, и Квирика, гордость мучениковъ, и Гавриила, вѣстника радости, и угодниковъ Божіихъ отъ всѣхъ вѣковъ. И сказала: „приидите и соберитесь здѣсь и вмѣстѣ со Мною обратимъ къ Богу молитву за грѣшниковъ“. Тогда Михаилъ повергся ницъ предъ церковью силъ небесныхъ и узрѣлъ онъ молитву за грѣшныхъ и сказалъ Сыну Единородному, узри молитву за грѣшныхъ. Отвѣчалъ Сынъ Единородный Михаилу: „встань и снизойди и искупи грѣшныхъ отъ мукъ молитвами Матери Моей“. И когда узрѣли грѣшные, всѣ возопили съ плачемъ: „помилуй насъ Сынъ Божій! Помилуй Господь вѣчный и праведный Судья грѣшныхъ! Отвѣчалъ имъ Господь: „Рай насадилъ руками Моими и человекъ создалъ по образу Моему и поставилъ его старшимъ надъ раемъ и даровалъ ему жизнь вѣчную. Но онъ преступилъ заповѣдь Мою и грѣхомъ обрекъ себя смерти; но я не пренебрегъ твореніе рукъ Моихъ, вочеловѣчился отъ Непреложной Матери Моей, сдѣлался человекомъ, распялся, дабы освободить васъ отъ перваго проклятыя, и былъ положенъ во гробъ. Снизшелъ въ адъ, попралъ враговъ и разорилъ адъ; воскресилъ Моихъ угодниковъ, освятилъ Иорданъ отъ старыхъ грѣховъ, и которые крестились, присоединились ко Мнѣ. Но дѣлъ добрыхъ никакихъ не творили, возненавидѣли свѣтъ и возлюбили тьму. По этому здѣсь всѣ такъ мучатся. Но, Матерь Моя, изъ-за тебя и всѣхъ святыхъ молитвами дамъ имъ покой въ раю Отца Моего въ православный день пятидесятницы и да покаются и прославляютъ Отца и Сына и Св. Духа нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь ¹⁾! Нынѣ

апокрифѣ святыхъ, къ которымъ возвала Богородица. Въ армянскомъ вариантѣ (по Эмину) читаемъ въ этомъ мѣстѣ: „и говоритъ Св. Богородица архангеламъ Гавриилу и Михаилу—давайте съ апостолами и пророками помолимся за души грѣшниковъ: статья можетъ, умилосердитесь надъ ними Богъ“.

¹⁾ Въ арм. текстѣ: „и раздался голосъ съ неба: ради многихъ моленій и слезъ Вашихъ даруется покой до втораго прішествія находящимся въ мукахъ со дня моего воскресенья“. Ср. греческій текстъ ἀκούσατε πάντες: παράδεισον ἐφόρευσα καὶ ἄνθρωπον ἐπλασα κατ' εἰκόνα ἡμῶν καὶ κατέστησα αὐτὸν κύριον τοῦ παραδείσου ζῶν αἰώνιον ἔδωκα αὐτὸς δὲ ἐπαρήκουσε καὶ παρέβη τὴν ἐντολὴν μου καὶ θανάτῳ παρεδόθη ἐγὼ δε οὐκ ἔφερον τὰ ἔργα μου ὑπὸ τοῦ διαβόλου τυραννόμενα θεωρῶντας καὶ καταλθὼν ἐπὶ τῆς γῆς σάρκα ἐφόρευσα ἐκ τῆς παρθένου μου μητρὸς ἄνθρωπος γενόμενος καὶ ἐψώθη ἐν σταυρῷ ὃ ὑμᾶς, ὕδαρ ἐξήτησα καὶ ἐδώκατε μοι χολὴν καὶ ὄξος, αἱ χεῖρες μου αἱματώθησαν ἐκ τοῦς ἡλσους καὶ εἰς τον ἄδην ἐκατέβησα καὶ τὸν ἐχθρὸν κατεπάτησα καὶ πάντας ἀνέστησα καὶ τὸν Ἰορδάνην εὐλο-

умоляю васъ, православные, дабы внимали сказанному въ этой книгѣ. Отцы и братья, великіе и малые, старые и молодые, матери и отцы дабы со страхомъ и вѣрою внимали именемъ креста Христа Бога нашего и здѣсь и на томъ свѣтѣ. Аминь.

Какъ отразилось повѣствованіе вышеприведеннаго апокріона въ народномъ сознаниі можно отчасти судить по рассказу одного пшавы, путешествоващаго (!) въ подземномъ царствѣ ¹⁾, по повеленію правителя какой то страны, пожелавшаго получить обратно дорогое кольцо, унесенное покойной его матерью въ могилу. Вступивъ изъ предѣловъ, по слѣдамъ катившагося предъ нимъ облака, существующаго міра въ тотъ свѣтъ, молодой пшавъ встрѣчаетъ голую скалу, у подошвы которой былъ привязанъ быкъ безъ корма, однако поразительно жирный и полный. „Какъ это такъ, спрашиваетъ пшавъ, что ты не имѣешь корма, ничего не ѣшь, а между тѣмъ такъ полонъ“? Быкъ отвѣтилъ: „многихъ я видѣлъ входящихъ въ этотъ міръ, но никого не видалъ выходящимъ. Ступай и если вернешься, тогда все расскажу“. Пшавъ вышелъ на открытое поле, цвѣтущее разнообразными травами и перерѣзанной холодной, какъ ледъ, рѣкой. Тутъ былъ привязанъ такой тонкій быкъ, что ворону нечѣмъ было бы полакомиться. Удивленный горецъ подошелъ и спросилъ причину худобы. Быкъ обѣщался рассказать, если онъ вернется обратно. Двигается далѣе и видитъ на рукоятѣхъ топора лежать, обнявшись, мужъ и жена, да еще просятъ другъ друга: „примыкай ко мнѣ, чтобы насладиться тобой“. Путешественникъ и къ нимъ обращается съ обычнымъ вопросомъ: какъ это такъ, и получаетъ въ отвѣтъ согласіе все повѣдать на возвратномъ его пути. Пройдя большое разстояніе, онъ видитъ другую противоположную картину: на шкурѣ буйвола лежать мужъ и жена, да еще не помѣщаются на ней и безпрестанно говорятъ другъ другу: „отодвигайся дальше, ты видишь мнѣ мѣста нѣтъ“. Смущенный пшавъ проситъ объяснить, какъ имъ не хватаетъ такой большой кожи. Многихъ видѣли проходящихъ, но не встрѣчали возвра-

γησα και οὐκ ἠθελήσατε βαπτισθῆναι και ἐὰν και βαπτισθῆτε, τὰ ἔργα μου δὲν ἐκάμετε, διὰ τοῦτο εὐρίσκασθε ἐν ταῖς κολάσεσιν ταύταις και οὐκ ἐλέησα ὑμᾶς νῦν διὰ τῆς ἀγγράτου μου μητρος τὰ δάκρυα και διὰ τὴν τάξιν τοῦ πατρος μου και διὰ τῶν ἀγγέλων μου και των ἀγίων μου τὴν δέησιν ἰδοὺ δίδωμι ὑμᾶς (==ὑμῖν) νόκας και ἡμέρας πᾶσι τοῖς κολαζομένοις ἀπὸ τῆς ἀναστασεως μου ἕως τῆς ἀγίας πεντηκοστῆς πενήντα ἡμέρας τὴν ἀνάπαυσιν.

¹⁾ *Иверія*, 1889 г. № 182. Вѣсти изъ загробной жизни, сказанныя Іосифомъ Жаміашвили въ дер. Чаргали и записанныя Ѳ. Разикашвили.

шающихся, отвѣтили они. Если ты вернешься, расскажем. Шель шель горець и встрѣчаетъ священника. На спинѣ онъ тащитъ церковь, а молящіяся слѣдуютъ за нимъ. Гдѣ солнце его застанетъ, снимаетъ церковь и отправляетъ богослуженіе. Священникъ на вопросъ пшавъ далъ слово все повѣдать, если онъ вернется. Затѣмъ на дорогѣ горець встрѣчаетъ человѣка, у котораго изъ рта идетъ шерсть. На его любопытный вопросъ, страдалецъ согласился рассказать ему на обратномъ пути. Встрѣчаетъ мученика, укладывающаго яйца на веревку, чтобы потомъ поднять на спину, но всѣ его хлопоты остаются тщетны. Онъ такъ же общалъ рассказать лишь по его возвращеніи. На пути далѣе онъ видитъ человѣка обратившагося въ солевой камень, который лежитъ скотина. Видитъ человѣка съ кувшиномъ, наполненнымъ прохладной родниковой водой; кричитъ онъ: жажду, пить хочу, а напиться не можетъ. Путешественникъ набрелъ на изумительную картину: одна женщина мѣситъ черное, какъ деготь тѣсто, кладетъ въ печь и вынимаетъ бѣлые хлѣбы, какъ вата. Вскорѣ онъ видитъ обратное: кладетъ женщина въ торнѣ (печь) бѣлые хлѣбы, а вынимаетъ черные. Двигаясь ближе къ своей цѣли, онъ встрѣчаетъ дерево, на которомъ виситъ сосцами женщина. Далѣе ему пришлось переходить оврагъ, на которомъ мостомъ служилъ человѣкъ, чрезъ котораго всѣ проходили. Это была послѣдняя картина страданія въ загробной жизни. Пшавъ прибылъ къ матери царя, которая, требуя не прикасаться къ ней, просила рассказать, зачѣмъ онъ пришелъ. Получивъ отвѣтъ, мать царя дала посланнику кольцо и прибавила при этомъ: передай моему сыну за то, что онъ и здѣсь не оставляетъ меня въ покоѣ, проклятѣе сдѣлаться ему зайцемъ, старухѣ его борзой собакой, свитѣ его волками и пожрать другъ друга.

Вернулся пшавъ и по дорогѣ получилъ отвѣтъ отъ всѣхъ, мимо которыхъ онъ проходилъ и запрашивалъ о причинѣ ихъ тягостнаго положенія. Человѣкъ — мостъ ему говорить, что за обиды, наносимыя имъ вдовамъ, сиротамъ, безъ различія, за то, что все попираетъ въ земной жизни, онъ обреченъ теперь здѣсь быть мостомъ для всѣхъ проходящихъ. Женщина, повѣшенная сосцами, объяснила свое положеніе тѣмъ, что она бросила сиротъ и вышла за мужъ за другаго. Женщина, которая пекла бѣлый хлѣбъ, а вынимала черный, сказала, что въ земной жизни она имѣла всего много, но никогда ни одного странника и несчастнаго не пріютила и не накормила. Женщина же которая вынимала бѣлый хлѣбъ, ставя въ печь черный, такъ истолковала это чудо: на томъ свѣтѣ я часто имѣла лишь одинъ ячменный хлѣбъ, но страннику всегда давала провизию,

всегда принимала обездоленныхъ. Человѣкъ съ кувшиномъ воды, взывающій дать ему напиться, признался, что онъ изъ родника, находившагося близъ его дома никому не давалъ воды. Человѣкъ, раскладывающій яйца на веревкѣ, сказалъ, что въ земной жизни онъ воровалъ яйца, теперь его заставляютъ ихъ собирать, но онъ только мучится надъ этой неисполнимой работой. Человѣкъ, обратившійся въ соленой камень, каялся, что на землѣ онъ не давалъ скотинѣ соли, а теперь несетъ наказаніе за это. Человѣкъ, у котораго шерсть исходила изъ рта, причиной своей кары считалъ невѣрность хозяину стада барановъ, у котораго онъ воровалъ шерсть. Священникъ съ церковью на спинѣ сѣтовалъ, что въ своей деревнѣ онъ предпочиталъ проводить время на свадьбахъ и веселіяхъ отправленію религиозныхъ таинствъ причащенія и крещенія; до восхода солнца не начиналъ служить, а теперь онъ молится за всѣхъ своихъ прихожанъ всюду и вездѣ. Мужъ и жена, чувствуя тѣсноту. на кожѣ буйвола, объяснили этотъ фактъ тѣмъ, что на землѣ они не любили другъ друга, и здѣсь не любятъ, но разстаться имъ не суждено. На рукояткѣ свободно расположившіеся мужъ и жена истолковали ему, что земная жизнь ихъ прошла во взаимной любви и тутъ ей наслаждаются. Тощій быкъ человѣческимъ языкомъ заговорилъ и сказалъ, что за лѣность свою дѣлать и работать хозяину на гумнѣ, пести ярмо на ряду съ товарищемъ, онъ здѣсь при богатомъ кормѣ и питъѣ не можетъ попомянуть. Жирный быкъ на голой скалѣ, чувствуя благодарность къ хозяину за его уходъ за нимъ, несъ честно свои обязанности и въ награду за это, при отсутствіи всякаго корма и питья, онъ полонъ и толстъ. Въ этомъ представленіи о загробномъ мірѣ рельефно отразились жизненные факты, имѣющіе важное нравственное значеніе для пшавовъ. По этому можно судить, какими обязанностями онъ себя связываетъ по отношенію къ супругѣ, дѣтямъ, собрату, обществу и даже къ животнымъ.

У инголойцевъ по именамъ называютъ тѣхъ счастливецъ, которые были въ подземномъ царствѣ, однакоже обратно вернулись въ сей тлѣнный міръ. Какой-то Цинки заболѣлъ, потерялъ разумъ и сознаніе, но вскорѣ познавательная способность и мышленіе приняли правильный ходъ, явилась возможность рассказать все, что онъ видѣлъ въ загробной жизни. У горы онъ видѣлъ рѣку, въ которую ему совѣтовали прыгнуть, и онъ, руководствуясь благоразумнымъ наставленіемъ бабушки, не замочивъ ноги въ водѣ, перепрыгнулъ чрезъ рѣку. На другой ея сторонѣ ему пришлось видѣть роскошный пиръ съ пѣньемъ, музыкой и танцами царства Плутона, гдѣ онъ любезно

былъ принять дѣдомъ, бабушкой, дядей братомъ и племянниками. Послышались ему звуки музыки и крики, возвѣщающіе о выходѣ невѣсты. Онъ послѣшилъ къ ней на встрѣчу, но бабушка, замѣтивъ его, прогнала со словами, что ему нѣтъ еще тамъ мѣста. У пшавовъ мохевцевъ, тушинъ какъ у ингилойцевъ, существуетъ повѣріе, гласящее, о дегтарномъ озерѣ предъ вратами рая. Черезъ оврагъ, въ которомъ бушуетъ смоляная рѣка—озеро, перекинуть мостъ изъ одного волоска. Праведники благополучно достигаютъ рая, а грѣшники проваливаются и падаютъ въ огонь, гдѣ они безконечно жарятся. Для распредѣленія грѣшниковъ и праведниковъ существуютъ вѣсы, на которыхъ владыка Жаванаты взвѣшиваетъ всѣхъ грѣшныхъ; если правая чашка поднимается—значитъ праведникъ, опускается — грѣшникъ. При входѣ въ сулети (сулети г. е. мѣсто, гдѣ уповаются души умершихъ) сидятъ строгіе судьи, которые принимаютъ умершихъ и остригаютъ у нихъ острыми ножницами два три волоска.¹⁾

Любопытное совпаденіе представленіе о судьяхъ и судѣ у насъ и у грековъ, въ особенности съ Атроной съ вѣсами и ножницами, которыми они отрѣзываютъ нить жизни. Въ частности рай представляется у пшавовъ громадной башней въ нѣсколько этажей; ее освѣщаютъ лучи солнца, предъ ней стоитъ кипарисовое дерево и ее обтекаетъ прохладная рѣчка, вкусная для питья. По мнѣнію же ингилойцевъ и свановъ рай—обширное, но и покрытое различными травами и роскошной нивой поле. На ней пасутся стада барановъ, растутъ въ изобиліи виноградъ и вкусные фрукты. Тутъ же Богомъ даровано озеро изъ молока на берегу дерева съ бѣлыми листьями. На деревѣ сидятъ умершіе младенцы, которые питаются молокомъ изъ озера. Рай наследуютъ всѣ безупречно проведеніе дни земной жизни, а въ адъ попадаютъ всѣ опозорившіе свое имя какимъ нибудь недостойнымъ дѣяньемъ, при чемъ наказаніе грѣшниковъ опредѣляется степенью гнусности ихъ поступка: солгавшіе вѣшаются въ аду за кончикъ языка, вступившіе въ противонравственныя связи съ кумой подвергаются оригинальной хирургической операціи: у нихъ вырѣзываются на шашлыкъ мясо съ ледвей, а кончикъ вѣва просверливается остриемъ ножа; кто разстроитъ могилу, которую охраняетъ особый Богъ, подобно римскому Гермесу, карается небомъ, обрекаясь вѣчно носить на своихъ плечахъ тяжелые камни. Для грѣшниковъ другихъ категорій нѣтъ специальныхъ наказаній: всѣхъ ихъ опускаютъ головой въ котлы, которые наполнены горячей смолой и вокругъ бушуетъ

¹⁾ *Иверія*, 1888, 223. *Мои очерки о пшавцахъ, мохевцахъ и тушинахъ.*

адское пламя бѣшеной геены. Многія черты загробной жизни, гдѣ цвѣтеть виноградъ, и наказываются за тяжелыя работы назначенныя быку безъ корма и другіе виды страданій очевидно подсказаны земной жизнью, дѣйствительными условіями мѣстной природы. Слѣды Зороастрова ученія отразились въ представленіи о смоляной рѣкѣ съ мостомъ черезъ нее изъ одного волоска, а муки за прелюбодѣйство и за ложь отражаютъ вліяніе „Хожденія Богородицы по мукамъ“. Основы дуалистической системы были расширены, развиты подѣ вліяньемъ наблюденія обиденныхъ явленій, подкращены фантазіей, воспитанной подѣ воздѣйствіемъ апокрифовъ.

Сопоставленія апокрифа „Хожденіе Богородицы по мукамъ“ и разсказа пшавы о загробной жизни даетъ основаніе предположить, что помимо вліянія Зороастрова ученія на мировоззрѣніе грузинскаго народа сильное воздѣйствіе оказала апокрифическая литература. Последняя служитъ прекраснымъ опроверженіемъ мнѣнія, приписывающаго исключительное вліяніе персидскаго культа огня на представленіе грузинъ объ адскихъ мукахъ.

„Хожденіе Богородицы по мукамъ“ (Ἀποκάλυψις τῆς ὑπαρχίας Θεοτόκου), до сихъ остается не обследованнымъ, и не только темна его литературная исторія, не только не собраны его средневѣковые пересказы, но даже и греческій текстъ, столь часто встрѣчающійся во всѣхъ книгохранилищахъ, не имѣетъ сколько нибудь научнаго изданія. Два греческ. текста „Хожденія“ по рукописи XVII в. (Афонской библ.) готовятся къ изданію проф. Кирпичниковымъ. Нѣкоторый свѣтъ на литературную исторію „Хожденія“ можетъ бросить, повидимому, другой апокрифъ: „Видѣніе апостола Павла“, первоначальная редакція котораго, полагаютъ, составлена еретиками, позднѣйшая, до насъ дошедшая—православными монахами и направлена, вѣроятно, противъ несторіанъ и павликіанъ. Въ ней высоко поставлено почитаніе Богородицы¹⁾; но по плану первоначальной еретической редакціи все же первенствующая роль и заступничество за грѣшныхъ христіанъ предоставлены не ей, а апостолу Павлу. Самая популярность Павлова Видѣнія вызвала къ жизни другой апокрифъ, гдѣ заступничество было бы возложено на общепризнанную ходатайницу и посредницу, и такой апокрифъ долженъ былъ сохранить на себѣ слѣды подражанія апоколисису Павла. Богоматерь, какъ апостоль Павелъ,

¹⁾ Шпелевичъ. „Видѣніе апостола Павла“. (Харьковъ, 1892) I, 44. Самою тяжелой мукой въ колодецѣ, запечатанномъ 7-ю печатями, подвергаются тѣ, οσοι ουκ ἠμολόγησαν θεοτοκον τὴν ἁγίαν Μαρίαν.

созерцающая муки адскія при посредствѣ ангеловъ и сжалившись надъ грѣшниками, приглашаетъ небесныя силы принять участіе въ моленіи за родъ человѣческій, и архангелъ Михаилъ ссылается на много разъ испытанную бесполезность такихъ моленій. Проф. Кирпичниковъ относительно времени происхожденія „Хожденія“, присоединяется къ мнѣнію Жиделя, возводящаго его къ VIII или IX в. Въ аеонскомъ текстѣ русской ученый вскрываетъ факты, подтверждающіе голословное мнѣніе Жиделя о древности памятника: упоминаются діакониссы, которая позднѣе обратилась во вдову священниковъ, не соблюдавшихъ вдовства своего; самымъ страшнымъ грѣхомъ считается отговаривать язычниковъ отъ крещенія ¹⁾).

Заповѣдь и приказаніе Господа нашего І. Христа, данныя свыше чудомъ святому Силибистру, римскому папѣ ²⁾.

Однажды, по Божьему предопредѣленію, сошелъ съ неба огненный столпъ на римскую церковь и явился ангелъ св. Силибистру, римскому папѣ (по сирск. тексту-- Аеанасію). Всталъ онъ и, вошедши въ церковь, увидѣлъ величіе Божіе: отверстое небо, удивительный свѣтъ и огненный столпъ, стоящій надъ церковью; увидѣвъ это, смутился римскій папа и сказалъ: велико имя твое, который явилъ ликъ свой рабамъ твоимъ, и призвалъ священство и безчисленное множество мірянъ. И восхваляли Бога три дня и три ночи со слезами, на четвертый день помолились Богу и нашли въ церкви святую эту книгу, которую раскрыли со страхомъ и трепетомъ и нашли въ ней слѣдующіе людскіе грѣхи: безумцы, не работайте по воскресеньямъ, ибо день воскресный есть день святой! Если вы не послушаетесь, то пролью вашу кровь, наведу на васъ чужеземное войско. Пролью вашу кровь, если вы не исполните этой заповѣди. Слушайтесь Моего Евангелія, небо и земля преидутъ, только единое слово мое не преидетъ. Нашлю на землю ужасную зиму, которая будетъ продолжаться три года, и вѣтры,

¹⁾ *Кирпичниковъ*. Демусъ на Востокъ и Западъ стр. 15—17. („Журн. Мин. Нар. Пр.“, 1893, ноябрь).

²⁾ Изъ вышеназванной рукописи И. Д. Сулханова. Ср. Епистоля о недѣлѣ. *Н. Тихонравова*, Памятники отречен. рус. литературы т. II, стр. 314. См. *Веселовскій*, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха III, 33—4 пр. Жур. М. Нар. Пр. 1876, мартъ, 1877, май. „Епистоля о Недѣлѣ“ извѣстна, по крайней мѣрѣ, съ VI в. Сирскій текстъ указываетъ появленіе епистолимъ въ 746 г. Флагегантскіе тексты приурочиваютъ ея появленіе къ Іерусалиму и алтарю св. Петра.

огонь, градъ, саранчу¹⁾, истребляющую плоды вашихъ работъ. Злое сердце, полное злодѣяній! И Я обращу милость Мою, по моленію св. матери Моей и всѣхъ св. ангеловъ и праведниковъ Моихъ, и пошлю вамъ всѣ блага: пшеницу, вино, масло и все доброе. Если же не обратитесь на путь истинный и не будете прославлять имя Мое вы—цари ли, вельможи ли, господа или рабы, и не помилите нищихъ со слезами умоляющихъ васъ, которые не взысканы вашей милостью, когда даже среди невѣрующихъ извѣстно взаимное вспомоствованіе, то плоды, которые я далъ всѣмъ деревьямъ, Самъ же за ваши грѣхи высушу, источники высушу посредствомъ лучей солнца; нашлю градъ и потоки и уничтожу деревни, если не послушаетесь словъ Моихъ. Внемлите обитатели земли, сущіе на землѣ, внемлите: тотъ человѣкъ, который исполнитъ въ воскресенье (квиріакѣ) какуюнибудь работу, кромѣ молитвы и отдыха, да будетъ проклятъ! Моей десницей даровалъ это святое крещеніе вамъ свыше и повелѣніе Мое; развѣ не знаете вы, безумные: святъ есть воскресный день и это писалъ своей рукой на святой горѣ Синаѣ и далъ моему Моисею, въ видѣ начала заповѣди о воскресномъ днѣ и его соблюденіи? Нарушители воскресенья (квиріакс) и неисполнители моей заповѣди! развѣ не въ *квиріакѣ* я отдохнулъ отъ дѣлъ своихъ? Въ *квиріакѣ* благовѣствовалъ Мое рождество во плоти. Въ *квиріакѣ* я принялъ крещеніе отъ Іоанна и сошелъ на васъ также Духъ святой. Въ *квиріакѣ* же приду я судить живыхъ и мертвыхъ, воздать каждому по дѣламъ ихъ—вѣчное мученіе за грѣхи и блаженство праведнымъ. Клянусь церковью Отца и десницей Моей, что если не будете исполнять 10 заповѣдей и не будете поступать по Моимъ словамъ, нашлю лютаго звѣря, поѣдающаго перси матерей и мясо мужей. Проклятъ крестомъ моимъ, кто будетъ работать съ 9-го часа субботы до разсвѣта понедѣльника! Да будетъ проклятъ крестомъ Моимъ, кто не исполнитъ Моего повелѣнія! Отверзну небо и пошлю огненный дождь и сожгу всякаго, неповинующагося Моему велѣнію и въ часъ, когда не будешь чаать, встревожу землю: пошлю дождь изъ крови и золы, уничтожу посѣвы и виноградъ гнѣвомъ лица Моего и вытравлю всѣ работы въ *квиріакѣ*, пошлю огонь, градъ и уничтожу людей и звѣрей; нашлю на землю птицу, у которой голова будетъ львиная, орлиныя крылья, волосы богатой женщины, хвостъ же коня. И птица эта будетъ пожирать васъ безжалостно и, преслѣдуемые ею, вы выроете могилы

¹⁾ „Гусеница“ въ русскомъ апокрифѣ, *Тихонравова*, op. cit. II, 315.

предковъ и обратитесь со слезами: „пріютите и помилюте вѣчно почившіе“! Произведу солнечное затмѣніе, и день превращу въ мракъ ночной, въ который будете убивать своихъ близкихъ. Снова обратится гнѣвъ Мой на васъ: будете рыдать, но не помилю васъ; будете просить, но не получите прощенія за нарушеніе работой святости квириаке и за ослушаніе Моей книги, если вы не послушаетесь и не обратитесь на путь истинный и не будете прославлять Мое имя до тѣхъ поръ, пока Я милосердный и человеколюбивый Богъ. Но если ты не слушаешься Моего повелѣнія, состарившійся во грѣхъ человекъ, то отвѣтитъ тебѣ во время Моего послѣдняго пришествія! Наслѣдуете вы неугасимый огонь, нестерпимыя и вѣчныя муки, неусыпную червь до скончанія вѣка. Клянусь Моею матерью, непорочно Меня родившей, что эти заповѣди не выдуманы человекомъ и не написаны человекомъ, а это есть повелѣніе Отца Моего небеснаго. И кто дерзнетъ сказать, что это не повелѣніе Господа нашего Иисуса Христа, удѣломъ его будетъ геена вѣчная и кто презреть Мое слово, пошлю ангела, который и броситъ въ неугасаемый огонь не принявшихъ немедленно словъ Моихъ. Паки царь, царица, князь или дворянинъ, великій или малый осквернитъ церковь мою или хоть единого служителя ея и священника св. престола, да будетъ проклятъ устами Моиими и св. апостоловъ. Это не поруганіе іерея, но Мое и церкви Моей. Вы же благовнемящіе и исполняющіе велѣніе Отца Моего, да будете благословенны отцомъ Моимъ и Мною нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь.

Акад. Веселовскій устанавливаетъ два типа о Недѣлѣ съ Іерусалимомъ (при патріар. Іоанникіи) и Римомъ, и посредствующій, въ которомъ Эпистолиа, обрѣтенная въ первомъ городѣ, отправлялась впоследствии въ Римъ. Нашъ апокрифъ принадлежитъ ко второму типу. Древнѣйшіе тексты эпистолии говорятъ лишь о почитаніи воскреснаго дня, какъ и въ грузинскомъ памятникѣ; въ редакціяхъ *завѣдомо* Флагеллантскихъ къ этому наставленію присоединяется и другое: наставленіе чтить пятницу, какъ день страданій Господнихъ ¹⁾. Грузинской эпистолиі можно поставить въ параллель заговоръ, ходившій по рукамъ въ г. Гори во время холеры въ 1892 г. (См. у меня выше 143). Въ этомъ заговорѣ предлагается праздновать воскресенье и поститься 5 пятницъ.

¹⁾ *Веселовскій*, Разысканія... VI, V—10. „Его же Эѳіопская эпистолиа о недѣлѣ“. *Ж. М. Н. Пр.*, 1877 г., СХІ. *Его же ibid.*, ч. СХХХVI, 72.

Плачь пресв. Богородицы Маріи въ Великій четвергъ, когда (видѣла)
Сына своего распятаго (на крестѣ)¹⁾.

Или, Или! (Элой, Элой) Лама савахани? т. е. Боже мой, Боже Мой! для чего ты Меня оставилъ? И потомъ, возопивъ громкимъ голосомъ, испустилъ духъ. Теперь пойми ты горе несчастной матери, когда Онъ испустилъ духъ и повисъ голову на крестѣ. Вблизи стояла мать, и Іоаннъ былъ при ней, оплакивала съ большой печалью, говоря такъ: Господи и сынъ мой Іисусе, котораго родила по благовѣщенію архангела Гавріила и привела въ храмъ на рукахъ св. Симеона, я считала Тебя безсмертнымъ, нынѣ я вижу, (что) нѣтъ, ты подверженъ общей смерти: (наравнѣ) съ воровъ и разбойникомъ²⁾ („казахи“) О! Сладчайшій Господь мой и Богъ мой смиренный и кроткій! Ты вѣдь (=что) воскрешалъ мертвыхъ, слѣпымъ даровалъ зрѣніе, нынѣ Ты Себя (=Свою голову) отдалъ смерти, и такой смертью закрылъ прекрасныя очи Свои; нѣмымъ Ты отверзалъ языкъ, нынѣ сомкнулъ уста для словъ; Ты исцѣлялъ руки, нынѣ твои пречистыя руки къ древу прибиты.

Тогда Іисусъ заговорилъ (=издалъ голосъ) и сказалъ матери Своей: Не оплакивай меня, мать Моя, пожалѣй Себя, что непорочно (=безъ сѣмени) зачала, дѣвой родила, грудью выкормила и молокомъ насытила, рукой взяла и на колѣни посадила, съ сладкою любовью выростила. Не плачь, дорогая (=сладкая) родительница, не плачь любезная мать, я томлюсь въ большой печали, сердце исходитъ, и хочу отдать душу Отцу. Вотъ я далъ Тебѣ вмѣсто Себя Іоанна для твоего утѣшенія чтобы Ты была мать, а онъ былъ Твой сынъ.

Паки отвѣтила Богородица Сыну своему Іисусу: не говори этого единородный Сынъ мой, умоляю Тебя, я не могу этого сдѣлать, чтобы Бога промѣнять на человѣка, Создателя на созданнаго, господина на раба, учителя на ученика, царя на рыболова и чужероца на своего рожденнаго!

Три часа дня прошло, когда распяли Господа на крестѣ въ шестомъ часу³⁾.

¹⁾ Рукопись XVII в. И. Д. Суханова. У Thilo Cod. aroscurphae Novi tes tam. нѣтъ соответствующаго разсказа.

²⁾ Слово „Казахи“ въ смыслѣ человѣка низкаго происхожденія употребляется въ Имеретіи. Нѣсколько еще лексическихъ особенностей этого апокрифа склоняють считать его западно-грузинскаго происхожденія.

³⁾ Ср. Плачь Богородицы. Твореніе св. Романа Сладкопѣвца. М. 1894.

Въ девятомъ воззвалъ къ Отцу, и померкло у Него въ глазахъ.

Вотъ! сегодня почернѣлъ свѣтъ (=затмился свѣтъ)!

Вотъ! сегодня затмилась солнце и луна и звѣзды упадутъ!

Вотъ! сегодня небо будетъ плакать и земля облечется въ трауръ, чтобы видѣть Тебя скончившимся (собств. окончившимся), Иисусе, Сынъ Мой единородный, свѣтъ моихъ очей, Боже страшный!

О! Очи морского (синяго?) цвѣта сегодня потухли для созерцанія!

О! Пречистую голову бѣловурую сегодня повисъ, какъ мертвецъ!

О! Борода золотистая розоваго цвѣта сегодня окрасилась въ цвѣтъ кармина!

О! Вѣщій языкъ сегодня сдѣлался нѣмъ!

О! Пречистыя длинныя плечи сегодня притупились для дѣятельности!

О! Тонкія ноги сегодня остановились для движенія!

О! Милое лицо сегодня засохло, какъ цвѣтъ розы! Кого нынѣ намъ оплакивать—покойнаго на крестѣ или упавшую на землю (мать), наклоненіе главы Сына на крестѣ, или на землѣ паденіе матери, жалкій видъ Его на крестѣ или жалостное терзаніе матери на (одномъ) мѣстѣ!

Безногаго исцѣлилъ, а нынѣ Твои голени пригвождены ко кресту; другимъ обѣщаль источникъ (воду) безсмертія, а Ты умеръ у меня отъ жажды!

Такъ оплакивала я съ огорченнымъ сердцемъ и слезами голени Сына обливала, говоря:

О! сладчайшій Сынъ, милостивый Сынъ, смиренный Сынъ, единородный Сынъ, любезный Сынъ! Увы, что я Тебя родила! Увы моимъ сосцамъ, что я Тебя кормила! Увы моимъ глазамъ, что я Тебя видѣла! Увы моему уху, что я слышала Твой голосъ! Увы моимъ губамъ (=лицу), что я цѣловала Тебя! Увы моимъ! устамъ, что я просила Тебя! Увы моему языку, что я говорила съ Тобой! Вотъ не придешь Сынъ мой!... (Ср. „Страсти Христовы“. *Плачъ Богородицы*).

Вопросы св. Елизаветы I. Христу. (Изъ рукописи г. Сулханова).

Св. Елизавета по сердечной мысли, влеченію и любви пожелала узвать мученія I. Хриса.

Безчисленныя личныя молитвы и моленія обращала къ Христу, чтобы Господь соизволилъ повѣдалъ о своихъ мукахъ.

И сжалился въ одинъ день Христосъ надъ ней, показался ей и сказалъ: О, любезная сестра Моя, такъ какъ столько умоляешь Меня, то внемли нынѣ разсказу о моихъ страданіяхъ.

а) Впервыхъ, когда взяли Меня евреи на горѣ той Елеонской, били мнѣ въ лицо, двѣ оплеухи, а также 30 ударовъ (золотушекъ?) (дали) мнѣ въ лицо.

б) Ввторыхъ, пова я достигъ дома Анны, трижды палъ, дали мнѣ въ грудь и спину 30 ударовъ.

в) Въ третьихъ, рвали волосы Мои трижды и 30 разъ Я перевелъ духъ и застоналъ.

г) Въ четвер. привязали Меня къ столбу и били кнудомъ 6606 разъ.

д) Въ пятыхъ, 129 разъ тянули за Мою бороду и 30 разъ мучительно били.

е) Въ шестыхъ, сложили вѣнокъ терновый и надѣли мнѣ на голову и сдирали (?) съ головы 10 разъ, и обогрилось лицо и грудь кровью моею.

ж) Въ седьмыхъ, когда Я, обремененный деревяннымъ крестомъ, палъ разъ на землю, били Меня много кнудомъ.

з) Въ восьмыхъ, когда на горѣ Голгоѣѣ взвели на Меня вину напрасно, плевали въ лицо мнѣ 66 разъ.

и) Въ девятыхъ, приковали ко кресту и безъ стѣсненія трижды били Меня страшно, и капель крови Моей лилась по землѣ 30430, а когда пришли воины взять меня, мечей, колчановъ и кольевъ было 577, служителей, которые мучили было 33, а которые Меня схватили и привели, было три.

Нынѣ для воспоминанія страданій Моихъ пусть читають ежедневно семь разъ „Отче нашъ“, 7 разъ, „Радуйся“ до 15 лѣтъ, и Я ему воздамъ пять приятныхъ благъ:

Во 1-хъ прощеніе полное и оставленіе всѣхъ грѣховъ его, завленныхъ имъ на исповѣди.

Во 2-хъ освобожу отъ очистительныхъ упушеній.

Во 3-хъ, если кончить дни свои ранѣе 15 лѣтъ, то пусть полагаетъ, что все сказалъ(?)

Во 4-хъ, будетъ приятенъ предо Мной, какъ всякій мученикъ, пролившій кровь свою ради Меня.

Во 5-хъ, въ часъ смерти его снизойду съ неба, возьму душу его и примкну ее къ груди Моей и всѣхъ его родныхъ удостою славы царства Божіаго.

Молитва пресв Матери къ святымъ, кои обрѣли гробъ Христа ¹⁾

О, ты пресвятая и благословенная Матерь Сына Божьяго, Спасителя міра, царица небесъ, краса ангеловъ, гордость апосто-

¹⁾ Изъ рукописи XVII в. Суджанова. У Thilo „Cod. apocryph.“ нѣтъ соотвѣтствующаго разсказа.

ловъ и евангелистовъ, хваленная людьми, прославленная на небесахъ, молю милости твоей, будь заступницей предъ Сыномъ твоимъ благимъ и милостивымъ, дабы въ часъ испусканія духа моего, даровалъ Онъ мнѣ прощеніе грѣховъ моихъ и въ день страшнаго отиѣта не ради числа моихъ дѣваній судить, а по милости своей, да помилуешь меня во имя Отца и Сына и св. Духа... Аминь.

Клянусь васъ орудія, которыми были ранены и убиты всѣ святые Божіе, да не будетъ силы овладѣть, причинить страданіе и убить раба Божіаго!

Ходатайствомъ (предстательствомъ) Іоанна Крестителя, св. апостоловъ, исповѣдницъ—дѣвъ, ангеловъ и архангеловъ, серафимовъ и херувимовъ главенствомъ и господствомъ (властью) клянусь васъ наостренныя мечи, стрѣлы и всѣ оружія огненосныя, да не будетъ у васъ силы причинить страданія рабу Вождьему!

Клянусь васъ враговъ моихъ и ненавистниковъ видимыхъ и невидимыхъ, плѣненіемъ (захватомъ) І. Христа и терновымъ Его вѣнкомъ; руки Его связаны и вкнутомъ биты, на крестѣ укусомъ и желчью напоены и съ креста повисшій, соизволилъ сказать 7 словъ, то есть:

а) Отче, прости (имъ), которые не вѣдаютъ, что творять!

б) Въ сей день будешь со Мною въ царствѣ небесномъ.

в) Жена, вотъ сынъ твой!

г) Вотъ мать твоя!

д) Жажду.

е) Отче, въ рукахъ Твоихъ испускаю духъ Мой.

ж) Все это исполнилось. Св. Боже, св. безсмертный! Христосъ побѣждаетъ царей и царствуетъ. Господь среди нихъ ходилъ.

Кого ищите? Іисуса Назарейнина.—Я есмь Іисусъ.

Іисусе Хрусте... поклоняюсь Ти, хвала Ти, иже святымъ крестомъ Твоимъ спасъ міръ, спаси душу раба Твоего отъ всѣхъ золъ. Аминь.

Но если кто-либо имѣеть молитву эту на себѣ, (имя рекъ) сохранится отъ дьявольскаго навожденія и отъ внезапной смерти. Если женщина какая-либо будетъ имѣть книгу эту — родить безъ страха и если приблизается часъ смерти, за 40 дней явится ей Дѣва Марія и утѣшена будетъ Ею¹⁾.

¹⁾ Молитва эта носитъ характеръ заговора, но такъ какъ мы не находимъ слѣдовъ *двоетерія*, отличительной черты заклинаній, то рѣшили дать ей мѣсто среди апокрифовъ, а не въ отдѣлѣ заговоровъ.

Для полноты двухъ вышеприведенныхъ апокрифовъ прилагаемъ извлеченіе изъ рукописи¹⁾, принадлежащей Обществу распространенія грамотности среди грузинъ. Рукопись переписана, какъ гласитъ въ концѣ приписка, *Фарсадномъ Отхерели*, который проситъ помилованія у І. Христа ради мукъ, имъ претерѣнныхъ на крестномъ страданіи. Рукопись писана простымъ, обыденнымъ языкомъ со вставкой простонародныхъ выраженій²⁾. Есть мѣста, обличающія въ переписчикѣ неясное представленіе о количествѣ звуковъ въ извѣстномъ словѣ: отсюда происходитъ внесеніе гласныхъ для раздѣленія согласныхъ, какъ это часто встрѣчалось мнѣ въ церковныхъ гуджарахъ. Разсказъ въ рукописи начинается со времени избранія І. Христомъ учениковъ и въ краткомъ изложеніи доводится до суда Пилата и преданія Спасителя крестному страданію. Эта часть манускрипта согласна съ евангельскимъ повѣствованіемъ, потому мы не станемъ ее излагать. Переходимъ прямо къ изложенію интересующаго насъ мѣста. „Когда пресытились нанесеніемъ побоевъ Христу, сняли съ него терновый вѣнокъ, пестрое платье и облекли въ Его одѣваніе и повели для распятія. Столько дѣлъ совершилось, а Марія ничего не вѣдала, была дома и молилась! Нынѣ же кто-нибудь долженъ идти къ Матери Божіей, но кто пойдетъ? „Ты, Гавріилъ, знакомъ съ Дѣвой — пойди и скажи о печали (горестномъ положеніи) ея Сына“. — Отвѣчаетъ Гавріилъ: [да не будетъ, чтобы я сказалъ] я боюсь сказать вдругъ, услышавъ, она будетъ поражена страхомъ и случится съ ней что-нибудь. Тогда я благовѣствовалъ радость, нынѣ я не могу предать ее тяжелому горю; я благовѣствовалъ радость нескончаемаго царствованія, нынѣ же я не могу объявить о горести креста Его“. Такъ отказался Гавріилъ... „О, Ты Духъ Святой, Утѣшитель огорченныхъ, изволь пожаловать къ Маріи и утѣшить (ее)“. Духъ Утѣшитель также отказывается повѣдать, что Единородный распятъ на крестѣ. Повдите вы, дѣвы знакомыя, и извѣстите о смерти ея Сына. Эти пошли къ Дѣвѣ, но неосмѣлились сказать. Ты, Іоаннъ Благовѣститель, объяви: сердце женское мягко. Іоаннъ пошелъ, сѣлъ противъ нея и спрашиваетъ Божью Мать: О, Марія, гдѣ Сынъ твой, твоя радость, твое свѣтило и солнце, гдѣ твой вѣнецъ и слава, гдѣ единородный Сынъ твой, гдѣ

¹⁾ Рукопись XVIII в. *мхедрули* подъ № 1607 хранится въ Тифлисѣ, въ бібліотекѣ Общества грамотности.

²⁾ Пилатъ спрашиваетъ за какія злодѣянія („сѣвкаци“) требуетъ народъ предать І. Христа смерти. Слово „сѣвкаце“ скорѣе народное, чѣмъ литературное.

Господь твой и учитель нашъ? О, Мать Божія, іудеи плѣнили Сына твоего и вѣдутъ на Голгоѳу для распятія на крестѣ. При этихъ словахъ іудеи провели мимо дома Маріи Іисуса... Божія Мать выбѣжала съ быстротой молніи (собственно-грома), поднялась, какъ орелъ, подлетѣла къ Сыну и узрѣла, что воины съ оружіемъ въ рукахъ захватили и палкой Его погоняютъ на Голгоѳу для распятія. Загремѣла (мать), какъ облако, заревѣла, какъ левъ за дѣтениша, замычала, какъ теленокъ, застонала, какъ море, заволновалась, какъ рѣка, зажглось ея сердце, какъ отъ огня, больно стало печени, какъ отъ сирѣбы, потемнѣло у нея въ очахъ, какъ у мертвыхъ. Поспѣшите на помощь къ Маріи! Подняли Божью Мать, привели въ чувство, но увидѣвъ Сына столь обезчещеннаго, проливала кровавыя слезы съ очей, вскрикивала, била себя въ грудь, царапала щени, рвала на себѣ платье и приговаривала такъ: „О, любезный Сынъ мой, какъ я потеряла Тебя! О сладость моя, какъ Ты отравилъ мнѣ жизнь! О, Ты, который долженъ былъ оплакивать меня, зачѣмъ Ты такъ унылъ?! О, жизнь моя, какъ ты погибла! О, Богъ мой, какъ Ты далъ нанести себѣ оплеуху! О, вѣра моя, зачѣмъ подвергъ себя оплеванію?! О, слава и вѣнецъ мой, зачѣмъ Ты украсился терновымъ вѣнцомъ?! О, любовь моя, какъ Ты былъ битъ?! О, безцѣнный жемчугъ мой, зачѣмъ Ты распялся на крестѣ?! О, алмазъ мой, зачѣмъ далъ себя плѣнить?! О, высокая башня (стѣна) моя, какъ Ты потрясся (поколебался)?! О, крѣпость моя, какъ Ты разрушился?! Невидѣнная роза, зачѣмъ Ты засохла?! Что дѣлать бѣдной Матери Твоей, къ кому обратиться—какъ къ сыну! О, любезный Сынъ, горе мнѣ среди всѣхъ матерей! Увы мнѣ среди всѣхъ тварей земныхъ!..

Водили Іисуса по всему Іерусалиму, и несчастная Мать всюду слѣдовала за Нимъ! О, если бы ты тамъ былъ, увидѣлъ сколько камней и песку сыпали на Іисуса! Бѣдная Мать не устояла и упала на землю, ее подняли—и снова она упала... Палъ и Сынъ Божій, измучился, такъ какъ крестъ былъ тяжелъ. Наняли нѣкоего Симеона Киринеянина (Ев. отъ Луки, гл. 23, ст. 26), чтобы онъ несъ крестъ. Мать шла за Сыномъ, и вотъ ей говорятъ: „Зачѣмъ ты идешь на Голгоѳу, вернись домой; развѣ не достаточно, что мы потеряли Господа и учителя своего?“—„Пустите умереть мнѣ съ Сыномъ моимъ, распяться съ Нимъ на крестѣ!“ Вотъ! уджили крестъ, передъ глазами Маріи распяли Іисуса, съ четырехъ сторонъ руки, ноги веревкой обвязали, всадили большіе гвозди и били молотвомъ учащенно. Потомъ подняли крестъ, чтобы видѣли всѣ. Кровь лилась съ ранъ Христа, а Мать Божья стояла съ разбитымъ сердцемъ, и горячія слезы лились изъ ея глазъ. „Зачѣмъ Ты плачешь?“ спрашиваютъ ее.—„Плачу потому,

что вижу Сына своего въ горести и не могу помочь, вижу плачущаго и не могу утѣшить, вижу жаждущаго и не могу напоить. Просить воды, Ему даютъ желчь! боюсь идти за водой, чтобы за мое отсутствіе не испустилъ Онъ духъ. Приличествуетъ спросить ангела, гдѣ благовѣщеніе мое! Увы мнѣ нынѣ! Гдѣ слова „Радуйся, Господь съ тобой!“ Отняли у меня Господа моего! „Благословенна ты въ женахъ!“ „Благословенъ плодъ Твой!“ „Посмотри, какъ изсохъ плодъ Мой, какъ Онъ распятъ на крестѣ!“ Говоря это, взывала громкимъ голосомъ, лобызала и обнимала Сына. Исусъ орошалъ кругомъ кровью и ждалъ отхода души. Мать видѣла, какъ Сынъ блѣднѣлъ на крестѣ, исчезла красота, Его лицо исказилось, и говорила Божья Мать іудеямъ: „Убейте меня вмѣстѣ съ Сыномъ, — смерть для меня слаще, плачь, стоны — свѣтъ для меня, мраченъ для меня рай, адъ — успокоеніе. Пожалѣйте меня! Если убійцы съ тобой сей день въ царствѣ небесномъ, зачѣмъ меня оставляешь злодѣямъ — іудеямъ?! Исусъ смотрѣлъ все время на мать и говорилъ: Не плачь, мать, Твое горе сильнѣе давить Меня, чѣмъ Моя боль отъ пригвожденія, огорченіе Твоего сердца больше Меня жжетъ, чѣмъ разрубленная грудь Моя, Твоя обнаженная голова труднѣе, чѣмъ терновый Мой вѣнокъ. Не плачь, мать Моя, не усиливай Моей боли, пожалѣй себя! Ты непорочно зачала, Дѣвой родила, грудью кормила, молокомъ напоила, нѣжно возросла. Не плачь, сладкая родительница Моя, любезная мать, Я испытываю страшныя муки, сердце изнываетъ, ибо Я собираюсь предать Отцу духъ Мой. „Далѣе слѣдуетъ по вышеприведенному „Плачу Богородицы“ съ начала, со вставками въ различныя мѣста до „О, сладчайшій Сынъ Мой!“ За повтореніемъ этого мѣста изъ „Плача“ слѣдуетъ длинное дополненіе:

Увы моимъ губамъ, что цѣловала Тебя! Увы моимъ устамъ, что умоляла Тебя! Увы моему языку, что говорила съ Тобой! Увы моимъ рукамъ, что поднимали Тебя! Ты не придешь больше видѣться съ Матерью и не скажешь „Мать Моя, Марія!“ и никто не порадуется словами: „пришелъ Твой Сынъ, горе матери Твоей! Ты оставилъ мать, пусть скроетъ ее вѣчная пропасть, затмятся очи, помрачатся солнце и луна, звѣзды падутъ.. (Повтореніе изъ „Плача“) и далѣе: Занавѣсъ во храмѣ разверзся вдвое, и вся тварь начала стонать: какъ разсѣиваются овцы по смерти пастуха, огорчаются ученики смертью учителя, оплакиваютъ домохозяина сосѣди, грустятъ рабы по смерти господина, страна съ горестнымъ сердцемъ взываетъ при смерти государя, такъ и сегодня по случаю, кончины на крестѣ Бога во плоти, взволновались всѣ твари, солнце сняло съ себя свѣтъ, луна затмилась,

(небесный сводъ и земные столбы потряслись), занавѣсь сверху до низу разодрался. Всѣ сдѣлались опечаленными соучастниками въ мукахъ Безсмертнаго, а какъ могла Его родительница вытерпѣть это несчастье? Не познали Христа!

Ср. „Страсти Христовы“ Плачь Богородицы. Изъ древнехранилища *Шоодина* № 2260 (Рукописн. отд. Румянцев. музея).

Бесѣда Григорія просвѣтителя съ Ангелами ¹⁾.

По моленію св. Григорія Просвѣтителя Господь послалъ къ нему ангела на три часа для распросовъ по различнымъ вопросамъ ²⁾

1. Спросилъ Григорій просвѣтитель ангела: праведный и грѣшникъ предчувствуютъ ли первый блаженство, а второй вѣчныя муки въ огнѣ при приближеніи къ нимъ меча для извлеченія души?

— Да, душа видитъ это, какъ плоть.

2. Какова же душа? Душа, отвѣчаетъ ангелъ, есть подобіе огня и свѣта.

3. Душу какъ ты вынимаешь?—Когда я подхожу къ грѣшнику, то показываюсь въ видѣ злого ангела, страшнымъ и съ огненнымъ мечомъ въ рукѣ. Онъ, испугавшись, теряетъ языкъ, отклоняетъ голову, закрываетъ глаза и пытается тщетно бѣжать. Онъ старается взглядами дать понять окружающимъ объ угрожающей ему опасности, но тѣ не понимаютъ и не видятъ меня, ибо я—огонь, и плоти не имѣю.

4. Душу вынимаетъ болѣзнь, а отъ нея я принимаю, говоритъ ангелъ.

5. Душа грѣшника (нѣчто) черное и темное, исполненное зла, душа праведника, какъ солнце свѣтитъ и согрѣваетъ.

6. При разставаніи, чтѣ скажутъ другъ другу душа и тѣло?

— Будутъ плакать и терзаться; душа скажетъ тѣлу: увы мнѣ, что ты наполнило меня въ теченіе моей жизни грѣхомъ и зломъ! а тѣло отвѣтитъ душѣ: увы и мнѣ, что совершила ты множество прегрѣшеній и не покаялась! Буду я снѣдь червей и горсть праха! Такъ страшусь я служителя Судьи, а каково мнѣ будетъ передъ Нимъ! И не найдутъ словъ для утѣшенія, кромѣ слезъ и рыданія! Попроситъ тѣло душу предстать предъ Небеснымъ царемъ и Создателемъ чело-вѣка съ моленіемъ примириться съ Христомъ, если кто нибудь изъ родныхъ помянетъ душу усопшаго.

¹⁾ Рукопись XIX в. Общества распространенія грамотности среди грузинъ.

²⁾ Иногда вопросы Григорія Просвѣтителя пропускаю и вношу ихъ значеніе прямо въ отвѣтъ ангела.

7. Какъ ты вынимаешь душу у праведнаго?

— Я являюсь и показываюсь, какъ будто приглашаю покорно и съ спокойнымъ видомъ на срадобу, и душа, увидѣвъ меня, почувствуетъ успокоеніе, я возьму ее отъ смерти въ безсмертіе и поклоняюсь праведницѣ, сіяющей, какъ солнце.

8. Что скажетъ душа праведника плоти?

— Славятъ и хвалатъ другъ друга, душа скажетъ плоти: блаженствуй, плоть моя, ибо съ тобою я праведна и добродѣтельна!— Блаженствуй и ты, душа, отвѣчаетъ плоть, ибо я исполняла твой приказъ, и нынѣ ты почишь среди праведниковъ! И скажетъ душа тѣлу: будь ты здѣсь, а я пойду къ Небесному Царю, буду (заступницей) за себя и за тебя!—Ступай и помани меня предъ св. Троицей.—Я поднимаю душу въ небеса, когда опустать плоть въ могилу.

9. Сколько небесъ?

— Два міра, отвѣчаетъ ангель; назначены 9000 ангеловъ, славящихъ и хвалящихъ Господа.—Слѣдуетъ рядъ вопросовъ о постѣ, молитвѣ, причастіи, милостынѣ. Для души лучше заупокойная литургія, чѣмъ раздача милостыни изъ казны. Грѣшникъ, показавшійся предъ смертью и принявшій причастіе, будетъ принятъ Господомъ. Всѣхъ небесъ девять: ¹⁾ Въ первомъ небѣ сонмъ дьяволовъ встрѣчаетъ душу праведника, но не могутъ ей показаться, ибо увидать въ правой рукѣ мечъ и печать исповѣди на правомъ пальцѣ (?) Во второмъ небѣ ночь темная, но душа не испугается, ибо освѣтитъ сама, какъ солнце. Въ третьемъ небѣ страшные морозы, но не измучится душа праведника. Въ четвертомъ небѣ огонь, но и тутъ не устрашится душа. Въ пятомъ небѣ (воздухъ) узкая поднимающаяся тропа, но для праведника дорога расширится. Въ шестомъ небѣ прекрасный сводъ до солнца, гдѣ сонмы ангеловъ возрадуются при видѣ души праведника. Въ седьмомъ небѣ узкая огненная тропа не устрашитъ душу. Въ восьмомъ небѣ придутъ ангелы и возьмутъ съ радостью душу. Въ девятомъ небѣ увидитъ она престолъ Божій и скажетъ Господь: пришелъ добрый и вѣрный рабъ ко Мнѣ и успокойся въ вѣчномъ домѣ! И дадутъ душѣ (праведнику) пищу и питье безсмертія, принесутъ одѣяніе изъ свѣта. Покажутъ ему добрыя дѣянія, совершенныя имъ и отведутъ его въ рай для блаженной жизни.—Слѣдуютъ вопросы о покаяніи въ грѣхахъ предъ священникомъ, приобщеніи въ году три раза.

Какъ ты несешь душу грѣшника?

— Въ первомъ небѣ сонмъ дьяволовъ борется со мною, говоря кула ты ведешь этого любезнаго исполнителя нашей воли? не отда-

¹⁾ Въесто небо въ грузинскомъ текстѣ стонгъ слово „аэра“, т. е. воздухъ

димъ его тебѣ! Измучится душа, но сойдутъ ангелы и возьмутъ ее выше. Во второмъ небѣ страшный мракъ, и душа опечалится и пойдетъ дальше. Въ третьемъ небѣ сильный морозъ и холодъ, душа испугается, потемнѣетъ у нея въ очахъ, но и это минуетъ. Въ четвертомъ небѣ страшный огонь, душа расплачется горькими слезами, но и здѣсь освободится. Въ пятомъ небѣ очень узкая трона, ведущая къ небу; душа здѣсь измучится. Въ шестомъ небѣ свѣтлый сводъ потемнѣетъ для грѣшника. Въ седьмомъ небѣ увидятъ ангелы, выразятъ скорбь и спросятъ, какъ она миновала горькіе пути. Въ восьмомъ небѣ придутъ ангелы и спросятъ, куда я веду эту исполненную грѣхами душу, и дребуютъ возвратить ее назадъ. Иадали покажутъ ей престолъ Божій и приведутъ ее къ грѣшникамъ и остается тамъ, пока душа и тѣло не соединятся. Она мучится вѣчно въ адскомъ огнѣ.

Молитвы, милостыня помогутъ облегченію участи души. Когда священникъ здѣсь помянетъ душу грѣшника, тамъ она просвѣтится. Чтеніе Евангелія на могилѣ хорошо въ томъ отношеніи, что душа и тѣло возрадуются, какъ оживляетъ дождь полевую траву. Колѣнопреклоненія и прошенія въ прощеніи грѣховъ также имѣютъ свое значеніе.

Легенда о спорѣ души съ тѣломъ, по мнѣнію г. *Батюшкова*, изслѣдовавшаго этотъ вопросъ, не можетъ считаться древнѣе XII в. хотя составные ея элементы слагаются гораздо древнѣе. Оригиналомъ, англо-саксонской поэмы X в., заключающей разговоръ души съ тѣломъ, предполагаютъ „благочестивую бесѣду“ на латинскомъ языкѣ. Въ Римѣ, въ національной библіотекѣ сохранился латинскій рукописный сборникъ конца XI и начала XII в., изъ котораго извлекъ и напечаталъ г. *Батюшковъ* легенду—Видѣніе неизвѣстнымъ монахомъ смерти грѣшника и праведника (стр. 273—6 въ изслѣдованіи „Споръ души съ тѣломъ“, Сбд., 1891). Зарожденіе сказаній, пріуроченныхъ къ моменту смерти, относится къ III—IV в. одновременно съ первыми основателями монашества и распространяются среди христіанскаго населенія М. Авіи и Египта. Отшельнику Александру, послѣдователю Макарія, уроженца Александріи, приписывается видѣніе объ исходѣ души, послужившее отдаленной основой латинской легенды. Въ апокрифическомъ *видѣніи Павла* имѣемъ уже указанія о смерти праведника и грѣшника. Древнѣйшая латинская обработка Павлова видѣнія известна по спискамъ XI в. За нею слѣдуютъ французская, англійская и др. обработки въ прозаической и стихотворной формахъ. Черезъ славянскій югъ изъ Византіи преданія объ исходѣ души проникли и въ Россію. Разсматривая происхожденіе легендъ о сѣтованіяхъ души тѣлу, уста-

новилн два типа въ приуроченіи ихъ къ различнымъ ситуациямъ душа обращается съ рѣчью къ своему тѣлу при разставаніи съ нимъ: или же она приходитъ на могилу, гдѣ похоронено тѣло въ ночь съ субботы на воскресенье и здѣсь предается сѣтованіямъ. Г. Батюшковъ выдѣляетъ въ особую группу легенды, въ которыхъ споръ души съ тѣломъ изложенъ не въ формѣ видѣнія пустытника, а передается какъ общее вѣроученіе. Къ этой группѣ онъ относитъ и армянскую версію спора души съ тѣломъ „входящей въ составъ легенды“, приписываемой Григорію Просвѣтителю (III—IV в.). Замѣтимъ однако, говоритъ онъ, что въ армянскомъ изводѣ преданія рѣчь идетъ не о *видѣніи*, а объ *откровеніи*: Григорій проситъ у Бога ниспослать ему ангела, чтобы сообщить ему о судьбѣ праведниковъ и грѣшниковъ. Является ангелъ, и старецъ задаетъ ему цѣлый рядъ вопросовъ: куда помѣщаются души праведниковъ и грѣшниковъ? Какія ощущенія испытываетъ душа при разлученіи съ тѣломъ? Что представляетъ изъ себя душа? и т. п. Ангелъ говоритъ, что въ минуту смерти душа праведника предвкушаетъ славу, ожидающую ее въ награду за добрыя дѣла, а душа грѣшника предчувствуетъ свои будущія мученія. По существу своему душа соткана изъ огня по образу и подобию человѣка, причемъ праведная душа блеститъ ярко, а душа грѣшника помрачена и исполнена зловоныя. Когда предстоитъ извлечь изъ тѣла грѣшную душу, ангелъ къ ней является въ страшномъ видѣ съ огненнымъ мечемъ въ рукѣ; грѣшникъ трепещетъ отъ одного его вида; языкъ нѣмѣетъ, глаза выкатываются и душа мечется туда и сюда. Тѣло взываетъ къ родственникамъ о пощадѣ, но тщетно; никто его не слышитъ, ибо одинъ я (ангелъ) являюсь призывающимъ¹⁾:

Не приводя дальнѣйшихъ извлеченій изъ труда г. Батюшкова и по отмѣченному отрывку можно судить, что грузинская бесѣда Григорія съ ангеломъ примыкаетъ къ армянской легендѣ, имѣющей съ старо-французской поэмой *Un samedi par nuit* общій источникъ преданія. Повѣрье о томъ, что душа судится съ тѣломъ, сложилось, вѣроятно, на христіанскомъ востоцѣ, и это обстоятельство вызываетъ предположеніе о существованіи греческой версіи. Въ числѣ общихъ чертъ въ романскихъ и армяно-грузинской обработкахъ легенды приходится отмѣтить отголоски ученія неоплатониковъ. Легенда, припи-

¹⁾ *Батюшковъ*. Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средне-вѣковой литературы. Опытъ Историко-сравнительнаго изслѣдованія. Спб. 1891, стр. 194—5.

сываемая Григорію Просвѣтителю, занимаетъ какъ бы срединное мѣсто между двумя другими преданіями легенды во французской и провансальско-каталонской версіяхъ ея: во французской легендѣ споръ наступаетъ послѣ смерти; а въ провансальско-каталонской поэмѣ онъ происходитъ при жизни человѣка, въ ожиданіи кончины. Толкованіе армянской легенды приводитъ къ выводу, что начало спора происходитъ еще во время жизни передъ самымъ наступленіемъ смерти ¹⁾).

Рай и драгоцѣнные камни.

Медицинскій трактатъ и учебная книга изданы г. Джанашвили изъ манускрипта X в. Месхишвили, названнаго имъ научной хрестоматіей. Здѣсь заключаются описанія драгоцѣнныхъ камней, указавія относительно райской, страны Эдема и рѣки, протекающей по этой странѣ, Фисонѣ, а также свѣдѣнія о скиеяхъ и скиеской странѣ. По хрестоматіи, Фисономъ ²⁾ называется р. Индъ (нарѣчіе народа фролимъ) и Гангъ (нарѣчіе народа богитавы). Фисонъ обтекалъ всю землю Эвилатскую и азиатскую Эіюсію до океана. ³⁾ Скиеія была на сѣверѣ, гдѣ жили народы: дали, эты, давины, ларійцы, арапы до народа герменовъ и амазоновъ. (Изъ письма г. Жорданія я имѣю свѣдѣнія объ одномъ памятникѣ, перечисляющемъ народы въ числѣ 75. Между ними упоминаются осетины, грузины, образцы, одноглаза, голо-праведники, карлики, псо-образные, гогъ-магоны, дэви! Нѣкоторые изъ нихъ извѣстны изъ повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ, другіе впервые здѣсь упомянуты). И внѣ ихъ есть одна пустыня, которая называется Великой Скиеіей. Тутъ есть одно ущелье, чрезвычайно глубокое и темное, въ которое нѣтъ никакой возможности спуститься. Скиеи добываютъ камень іакинѣъ, по приказанію своихъ царей. Вотъ самый способъ добыванія. Пришедши къ ущелью, рѣжутъ овецъ, снимаютъ съ нихъ шкуры и потомъ, разрѣзавъ трупы на куски, бросаютъ на дно пропасти. Тутъ на скалахъ водится множество орловъ. Эти орлы, по запаху разложившихся труповъ, слетаютъ въ ту пропасть и поднимаютъ вверхъ брошенные туда куски мяса, а съ мясомъ

¹⁾ *Батюшковъ*, оп. с., стр. 206.

²⁾ Въ *Бесѣдѣ 3 святителей. Мочульскій*, стр. 253. Рѣка Фисонъ упоминается въ „Хожденіи апостола Павла по мукамъ“.

³⁾ Существованіе Ганга въ раю передается въ апокрифической книгѣ бытія. Ὁδὲ ποταμοῦ, ὃ ἐν τῷ παραδεισῷ ὡν Γαγγῆς καλεῖται... *Мочульскій*, оп. сит. стр. 101.

вмѣстѣ же поднимають и прилипшіе къ этимъ кускамъ іакінон. Орлы садятся на макушки горы, мясо съѣдаютъ, а благородные камни тамъ же остаются. Затѣмъ присланные люди собирають эти камни, обмываютъ ихъ въ водѣ и относятъ къ приславшимъ ихъ царямъ. Когда женщина родить, продолжаетъ авторъ, этотъ камень (іакінонъ) приносятъ къ ней, что и облегчаетъ роды и успокаиваетъ большую. Изъ народовъ Индіи упоминается: алабастры, homēgīlī аксимины, дулаты, богитавы, агобы, дибелы, гелидибены и сириндибелы. Эти девять народовъ составляли девять царствъ индійскихъ. Сириндибелы, пришли сюда изъ страны Эвилатской, а hindobenopī пришли изъ страны рыбѣдовъ и пр. Находимъ свѣдѣнія также о томъ, что греки въ древнія времена не имѣли собственныхъ буквъ и писали буквами финикійскими, изъ которыхъ они передѣлали и усовершенствовали свои буквы. Нѣкто Паламидисъ нашель для Грековъ 10 буквъ (названіе и начертаніе ихъ приводится), Кадмосъ Милисскій прибавилъ къ нимъ три буквы (Theta, Phi, Chi), Амонидосъ Джонскій набавилъ еще двѣ ега, омикроны и Эпихармій Сиракскій три буквы (зета, пси и пси). При произношеніи буквы альфа, требуется широкое раскрытіе рта, а прочихъ буквъ—малое раскрытіе.

Отрывокъ о камняхъ находится въ связи съ сказаніемъ о 12-ти драгоцѣнныхъ камняхъ на наперсникѣ первосвященника. На основаніи разныхъ сказаній о драгоцѣнныхъ камняхъ, которые получили начало еще на Востокѣ, а потомъ перешли къ греческимъ и римскимъ писателямъ, въ соч. св. Елифанія ¹⁾ о каждомъ камнѣ разсказывается, гдѣ его находятъ, какого онъ цвѣта и вида, какое его употребленіе, особенно указываются врачевныя его свойства; эти же свѣдѣнія излагаются и въ славянскомъ сказаніи, которое ближе къ греческому тексту, чѣмъ къ латинской редакціи; изъ послѣдней заимствованъ разсказъ, гдѣ и какъ находятъ яхонтъ, который отсутствуетъ въ греческомъ текстѣ и совпадаетъ съ вышеприведеннымъ грузинскимъ сказаніемъ.

Скѣноію ²⁾ же нарицають страну тоу всю сѣверскоую, иже соутъ Готфи да Венеси, да тоу оубо оутрь в' поустыни великія скифія и есть пропасть зело глубока и чѣкомъ и входима, стѣнами бо ка-

¹⁾ Περί τῶν ἰβ λιθῶν τῶν ὄντων ἐν τοῖς στολίμοις τοῦ Ἀζρῶν βιβλίον Подробное изслѣдованіе о драгоцѣнныхъ камняхъ въ ст. *Баталмина*. „Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ“ *Филолог. Записки* 1874. вып. V и VI.

²⁾ *Порфирьевъ*, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ, стр. 201—2.

менными от всюду аки ограждена есть да тѣмъ с' горы приникше ко-
моу любо аки со стѣны немощно долоу зрѣти от глоубины бо мрака
есть, не полагають тако осужоеніи чѣцы от ближнихъ Грство, да или
сами изгибноуть, или скифъ камень, обрѣтше прости боудоуть, при-
шедшимъ южнякомъ тамо и заклають овчюта и бдравиши кожу спило
и мешоуть в' пропость дебри тоя, и прилипають тамо камене ора-
кинфъ къ мясомъ тѣмъ, орли же оубо въ каменіи томъ живуще и не
воню мясную ходять ко дноу и тако выносятъ мясо прилѣпшимъ ка-
меніемъ. и егда изъядять мясо, каменіи же оставляется на мѣстѣ,
идѣжи бѣ сѣдилъ орель той, и тако добываютъ каменіи тою, камень
же той имѣеть дѣйство снце, намощемъ на оугліе горящіе то пога-
сить оугліе, сами безъ вреда пребываютъ, аще кто обвинеть поняви-
цею и держитъ подѣ огнемъ, то роукоу си ожжетъ, понявицею, и
держитъ надѣ огнемъ то роукоу не ожжетъ, понявица же безъ вреда
пребываетъ, глють же и ражающимъ его потребуу есть.

II. Духовные стихи.

Духовные стихи—пѣсни духовнаго содержания—образовались подѣ
вліемъ апокрифовъ. Языческая грѣховная поэзія замѣнилась пѣснями,
сюжеты которыхъ заимствовались изъ новой христіанской религіи.
Пѣсни эти донныѣ распѣваются слѣпцами иногда подѣ звуки аккопо-
нимента. (Ср. рус. *Калики*). Въ духовныхъ стихахъ сохранились слѣды
представленія о *загробной жизни*, библейскихъ разсказахъ и житіяхъ
святыхъ. О загробной жизни имѣемъ нѣсколько пѣсень.

(Я) ¹⁾ пошелъ и увидѣлъ
Райскій (рая) виды (образъ);
Эдема вокругъ (я) обошелъ:
Четыре рѣки текутъ (тамъ) ²⁾
(Съ) каждой стороны идутъ:
Ими орошается всякая сторона,
Во снѣ (мнѣ) снился эдемъ
Востока на вершинѣ (краю),

¹⁾ „Сбор. матеріал. для опис. мѣст. и племенъ Кавказа“ в. X VII, II стр. 162—4.

²⁾ Представленіе о четырехъ рѣкахъ, обтекающихъ эдемъ сохранилось въ „Весѣдѣ трехъ святителей“. Ποσει ποταμοί ἑξέρχονται ἐξ 'Εδέμ; δ'. Τεσσών, Φεισών, Τύρις καὶ Εφράτης; Ср. Балико рѣкѣ исходитъ изъ рая. Отв. Δ. Тшонъ, Фисонъ, Тигръ, Ефратъ. *Мочульскій*, op. cit. 253, 264.

Тамъ есть солнце, есть луна,
 Множество звѣздъ на небѣ,
 Иду насладиться въ святой едемскій садъ.
 Пришелъ и на фруктовья деревья взглянуть:
 Они насажены въ порядкѣ,
 Одни поспѣваютъ, одни цвѣтутъ,
 На однихъ неспѣлые (плоды) висятъ.
 Одно какое-то смоляное озеро есть;
 Отсюда идемъ (туда):
 Надъ нимъ тоненькій въ волосокъ мостъ лежить;
 Кто измѣритъ (его) глазами!
 Праведники смѣло переходятъ (черезъ него),
 Поселяются въ саду;
 Грѣшники внизъ падаютъ;
 Погибаютъ въ озерѣ.

Стихи пшавскіе о загробной жизни ¹⁾

Видѣлъ я пристрашный сонъ
 Попалъ я какъ то въ адъ („шавети“)
 Съ своимъ чудный пегасомъ.
 За мною послѣдовали враги—
 Съ нимъ свѣсли меня,
 Но я оказался праведнымъ.

Для пониманія смысла этихъ стиховъ, нужно имѣть въ виду, что пшавы представляютъ тотъ свѣтъ въ центрѣ вселенной. Адъ и рай раздѣляются оврагомъ, гдѣ кипитъ смола, разлившаяся бурной рѣкой. Черезъ этотъ ужасный оврагъ перекинуть мостъ изъ одного волоска (бецвись хиди—мостъ „испытаній Страшнаго суда“); *чинвади* Авесты). Переправляющихся черезъ мостъ встрѣчаютъ судьи, которые звѣщиваютъ на вѣсахъ добрыя и злыя дѣянія души. Праведниковъ сопровождаютъ „божьи дѣти“. Врагъ ея старается перетянуть коромысло въ сторону, но праведникъ всегда остается побѣдителемъ и благополучно достигаетъ рая. Сопровоженіе праведныхъ ангелами и судъ надъ душою изображается въ „Видѣніи апост. Павла“, посѣтившемъ рай и адъ.

Отраженіе библіи имѣемъ въ слѣд. духовныхъ стихахъ:

¹⁾ *Иверія*, 1888, 223.

²⁾ *Батюшковъ*. Споръ души съ тѣломъ, 67.

Звали меня Маеусаномъ,
 Имѣлъ я бороду не изъ дерева,
 До пршества Христа
 Мнѣ было 903 года.
 Содомъ запылалъ огнемъ:
 Я свидѣтель того дня.
 Элоха и Илья
 Колыбели я качалъ,
 Во времена царя Горгала (?)
 Я былъ уже поваромъ (!)
 При Ноѣ я былъ плотникомъ,
 Строителемъ ковчега.

Каинъ и Авель были братья ¹⁾. У нихъ было столько скота, сколько ни у одного во всей общинѣ („теми“). Каинъ былъ пахарь, а Авель пастухъ. У послѣдняго былъ баранъ руно котораго въ 1000 цѣтовъ переливалась. Авель жертвуетъ его Богу, а *проклятый* Каинъ за это начинаетъ сердиться. Онъ предлагаетъ Богу приносить въ жертву слѣпыхъ и хромыхъ барановъ, но Авель опасается этимъ огорчить Бога и желаетъ жертвовать лучшую часть изъ своего стада. Разногласіе ихъ переходитъ въ ссору и кончается раздѣломъ братьевъ. Каинъ получаетъ въ 1000 разъ большую долю, чѣмъ Авель. Каинъ начинаетъ преслѣдовать дьяволъ. Разъ, когда Авель приготовлялся на перекресткѣ принести жертву Богу, является къ нему Каинъ и предлагаетъ ему идти на охоту. Въ рощѣ стоялъ чинаръ, обвитый виноградной лозой, Каинъ сорвалъ съ дерева лозу и предложилъ Авелю привязаться къ чинару. Послѣдній поздно понялъ намѣреніе брата, сталъ умолять его отпустить, но Каинъ имѣлъ въ виду его убить. Дьяволъ въ образѣ вороны явился ему. Стекломъ онъ научаетъ его зарѣзать. Господь наказалъ его тѣмъ, что трава высыхала, куда только онъ вступалъ ногой, гдѣ засыпала, надъ головой воспламенялся огонь, появился рогъ на лбу, вода впереди и пашка сзади осадили его, 1500 лѣтъ не долженъ былъ умирать, а убійца его могъ унаслѣдовать всѣ эти наказанія. Мисретскому царю на охотѣ проклятый Каинъ показался въ образѣ оленя и тотъ убилъ его стрѣлой. Врата ада тогда-то растворяются и Каинъ на вѣки тамъ водворяется. Убійца же 40 дней молился горячо для искупленія преступления.

Сравнивая этотъ духовный стихъ съ вышеприведеннымъ апокрифомъ о Каинѣ находимъ близко сходство и существенныя отличія.

¹⁾ *Джеджили*, 1890. VI, 31.

Въ духовномъ стихѣ только передается, что Каинъ возмѣлъ намѣреніе убить брата, послѣ того какъ онъ принесъ Богу въ жертву лучшаго барана. Далѣе слѣдуетъ ихъ раздѣлъ, охота въ рощѣ, закалываніе по указанію дьявола стекломъ, три наказанія, неизвѣстныя въ апокрифѣ, убіеніе Каина стрѣлою Мисретскаго царя и водвореніе убитаго въ аду. Всѣ эти особенности народной пѣсни заставляютъ предполагать другой источникъ, отличный отъ апокрифа.

Духовные стихи объ Авраамѣ ¹⁾ имѣетъ близкое родство съ апокрифомъ объ немъ. Пропускъ замѣчается въ явленіи Господа Аврааму въ видѣ трехъ путниковъ, а остальные же подробности апокрифа и пѣсни совпадаютъ.

Бесѣда во время разлуки души съ тѣломъ. Тѣло со слезами умоляетъ душу не покидать его, иначе и ему угрожаетъ погрузиться въ землю. Душа отвѣчаетъ, что ей хочется быть всегда съ тѣломъ пѣть и веселиться съ его друзьями и знакомыми, а безъ нея и тѣло не будетъ веселиться. Тѣло говоритъ, что ему никогда не надоѣстъ быть съ душою, а та замѣчаетъ на это, что ихъ разлучаетъ безъ ея спроса и въ одиночествѣ ее ждутъ вѣчныя муки, такъ какъ будучи съ нимъ, она загрязнила весь міръ. Смерти нельзя избѣгнуть: ангелъ и дьяволъ спорятъ изъ за моей души. Увы! если дьяволъ одолѣетъ, а ангелъ останется побѣжденнымъ! Душа вину такого исхода сваливаетъ на тѣло, которое отрывается отъ этого навѣта. Она возражаетъ, говоря, что она была чиста, но, вселившись въ тѣло, испортилась. Напротивъ, по словамъ тѣла, оно съ ея водвореніемъ въ немъ не знаетъ радости. Душа на это замѣчаетъ, что при жизни одинаково оба веселились, а теперь его съядятъ черви, а ее охватитъ пламя. Да, говорятъ тѣло, насъ ждетъ съ радостью сатана.

Въ этихъ стихахъ довольно ярко выступаетъ общая черта духовныхъ пѣсенъ—нравственное направленіе, поучительность, которая служитъ цѣлью духовныхъ ситховъ.

Для параллели приводимъ пѣсню, записанную въ Карсѣ у духовборцевъ о разговорѣ души съ тѣломъ.

— Голуби сизые!
 Мы не голуби, не сизые.
 — Вы лебеди, вы бѣлые!
 „Мы не лебеди, не бѣлые,
 Мы ангелы—архангелы:

¹⁾ *Джеджили*, 1891, I. 47.

Мы летали по всему свѣту,

Свѣту бѣлому“.

— Что вы видѣли, что вы слышали?

„Мы видѣли, мы слышали,
Какъ душа съ тѣломъ разставалась,
Разставалась и прощалась“.

— Прощай мое тѣло, тѣло бѣлое

Я въ тебѣ жила,

Тебя нѣжила, делѣла

А себя, душу въ муку вверзла.

— Тебѣ душа на судъ идти

Къ самому Христу, ко Спасителю,

Ко Спасителю избавителю

А мнѣ тѣлу въ землѣ лежать ¹⁾.

Мученическая кончина св. дѣвы Марины ²⁾). Въ Антиохіи жилъ языческой жрецъ, у котораго была жена благочестивая христіанка— Крестина. Маленькая ихъ дочь, Марина, красотой походила на солнце; шести лѣтъ она выучилась священному писанію, а двѣнадцать лѣтъ постилась и молилась, славилла и хвалила Іисуса Христа. Къ этому времени вторгся въ Антиохію воевода Ломбриозъ и вознамѣрился предать казни всѣхъ христіанъ. Въ числѣ плѣнныхъ была приведена къ Ломбриозу Марина, которая поразила всѣхъ своей красотой. Грозный завоеватель потребовалъ съ дѣвы подѣ страхомъ казни отречься отъ Іисуса Христа, обѣщая, въ случаѣ согласія поклониться его богамъ, большую награду и счастье. Марина отказалась служить иудеямъ, сдѣланной человѣческой рукой, предпочла отдать свое тѣло на разсѣченіе и сѣденіе псамъ. Разгнѣвавшись „невѣрный“ велѣлъ привязать и бить ее нещадно. Марина взмолилась къ Іисусу Христу. Послѣ этого мученія ее отвели въ тюрьму, гдѣ она была отдана на пожраніе дракону. Чудовище съ кровавыми глазами испускало огонь и дымъ изъ пасти. Драконъ бросился на нее и проглотилъ ее моментально. Внутри его Марина перекрестилась, драконъ расскѣлся, а она вышла невредимой, прославляя Бога. Страданіямъ ея не было еще конца. Освободившись отъ дракона, она попала къ дьяволу въ образѣ

¹⁾ Газ. „Барсъ“ 1891, 31.

²⁾ Рукопись переписана, какъ гласятъ послѣдніе стихи, Антоіиенъ(?), который молить св. Дѣву помиловать его. Очевидно, эти стихи имѣли значеніе амулета и списывались на извѣстное имя.

страшно чернаго челоуѣка. Святая дѣва схватила его за волосы и именемъ Христа и свѣтомъ Божиимъ, въ видѣ голубя поборола его. Дьяволъ назвалъ себя Вельзевуломъ, вводящимъ людей въ искушеніе. Онъ разсказалъ исторію появленія демоновъ въ мѣрѣ согласно съ народнымъ представленіемъ. Царь Соломонъ заключилъ насъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, говорить дьяволъ, въ мѣдный кувшинъ, и когда пришли халдейцы, разбили посуду, предполагая въ ней сокровище, и мы, вырвавшись на свободу, разсѣялись по свѣту. Мы овладѣли неприступными горами, незаселенными полями и всѣми ущельями. Наше дѣло помогать злодѣямъ и сѣять среди людей порокъ и вражду¹⁾. Святая Марина велѣла дьяволу замолчать, сдѣлала надъ нимъ крестное знаменіе, говоря что онъ отнынѣ лишень возможности вредить людямъ, вырыла глубокую яму и сбросила туда нечистую силу. Завоеватель Антиохіи велѣлъ привести къ себѣ блаженную дѣву и снова предложилъ поклониться истуканамъ. Святая Марина безстрашно заявила о преданности своей Единому Творцу и назвала идола Ломбріоза (?) безсильными и ложными богами. Ломбріозъ велѣлъ ее повѣсить на дерево, бить ее нещадно, а потомъ предать ее соженію. (Ср. муки св. Георгія). Св. дѣва осталась послѣ этихъ пытокъ невредимой; тогда наполнили громадную посудину водой и пустили Марину туда съ цѣлью утопить. Принявъ какъ бы крещеніе въ этой водѣ, мученица удостоилась царства небеснаго и расположила къ вѣрѣ Христа 40.000 душъ въ одной Антиохіи²⁾. Ломбріозъ разгнѣвался и велѣлъ снять съ нея голову. Св. дѣва просить палача Малхаза дать ей нѣсколько минутъ помолиться: она просила Бога, чтобы всѣ читающіе ея житіе были спасены отъ геены огненной, воспоминающіе ея получили облегченіе въ страданіяхъ и побѣду надъ врагами, списыващіе ея „книгу“ и строящіе во имя ея церковь наследовали свѣтъ рая. За этими словами послѣдовало страшное землетрясеніе, явился Іисусъ Христосъ и обрадовалъ св. Марину тѣмъ, что блаженная дѣва среди дѣвъ удостоилась стоять одесную Отца и просьба ея будетъ исполнена. Ангелъ будетъ посланъ съ неба принять ея главу, а кто кости предастъ землѣ, тотъ удостоится Духа Святаго. Малхазъ видя Іисуса Христа отказался отрубить съ нея голову, но дѣва просила исполнить данный ему приказъ. Ангелы съ пѣніемъ взяли ея голову, а всѣ слѣпые хромые и прокаженные получали исцѣленіе отъ прикосновенія къ ея мощамъ.

¹⁾ См. о Соломонѣ, Вельзевудѣ и демонахъ у меня стр. 173—5.

²⁾ Марина—св. подвижница восточной церкви. Смерть ея по Минию въ 275 г., но вообще жизнь ея относятъ ко времени Діоклетіана. Она помощница беременнымъ Списываніе ея „книги“ даетъ, какъ амулетъ, облегченіе въ страданіяхъ.

*Нищій и Иоаннъ Креститель*¹⁾. Между Аманомъ (?) и Тераномъ (Тегеранъ?) поселилась одна община, въ которой живетъ лишь одинъ нищій. Онъ въ послѣдствіи сдѣлается щеголемъ. Господь грѣшныхъ, Христосъ говоритъ Иоанну Крестителю: ты далъ сына нищему, и на тебя будетъ наложена епитемія, такъ какъ ребенку семь лѣтъ, а между тѣмъ остается онъ некрещеннымъ. Иоаннъ Креститель отправляется къ нищему; послѣдній отъ стыда въ слѣдствіе наготы не можетъ встать, а жена прячется за дверьми. „Клянусь твоимъ именемъ, кумъ, говоритъ нищій, что душа моя стремится все къ тебѣ; нѣтъ у меня быка рабочаго, ни коровы дойной, семь лѣтъ уже какъ тѣсто въ моемъ домѣ не готовилось!“ Кумъ перекрестилъ посохомъ избу, и все съ четырехъ сторонъ освѣтилось, воздвиглась высокая мраморная палата. Въ полѣ показались стада овецъ, сундуки наполнились хлѣбами и платьями. Прошло нѣсколько лѣтъ, нищій разбогатѣлъ—900 овецъ у него разгуливаетъ по полю. Христосъ велитъ Иоанну посѣтить нищаго! „Кумъ, кумушка, вашъ крестный отецъ идетъ въ гости“.—Что онъ повадился къ намъ!“ говорятъ они. Кумъ, возгордившійся отъ богатства, съ мѣста не встаетъ. Кума приглашаетъ гостя въ комнату и предлагаетъ закусить, если онъ проголодался. Кумушка встаетъ, и 9 горничныхъ поддерживаютъ хвостъ ея платья, сама садится на подушку, а Иоанна сажаютъ на тряпья; кумъ приводитъ барана, мясо котораго нельзя есть.

„Если хочешь, ѣшь это, говоритъ кумъ, а то можешь выйти вонъ!“ Кума же заявляетъ, что она не будетъ горевать, если Креститель съ нею разсорится: она не помнитъ имъ принесеннаго платья. Тогда Иоаннъ Креститель перекрестилъ посохомъ, и все обратилось въ пепель. Съ этимъ духовнымъ стихомъ нужно сравнить тушинскую легенду, приведенную мною въ „Этнографическомъ Обзорѣни“²⁾

*Русская легенда „Крестный отецъ“*³⁾ только по началу имѣетъ сходство съ грузинскими стихами объ Иоаннѣ Крестителѣ. У бѣднаго мужика долго не было дѣтей; молитвами они выпросили у Господа младенца, котораго отказался крестить богатый сосѣдъ. По дорогѣ встрѣчаетъ мужика незнакомый старецъ, который вмѣстѣ съ дочерью богатаго сосѣда „окрестили младенца“. Мальчикъ, подростши, идетъ искать своего крестнаго отца, которымъ былъ самъ Господь. Своего крестника онъ повелъ въ царство небесное. Здѣсь онъ, вопреки запрету Господи

¹⁾ Изъ рукописи общества распростран. груз. грамотности.

²⁾ *Этногр. Обзор.* кн. II.

³⁾ *Аванасьевъ Народныя легенды*, М. 1860, 99—104. Ср. ib. 183—189. Также легенду о крестницѣ Пресв. Дѣвы.

вошелъ въ одну комнату, гдѣ лежалъ убійца 9 человекъ, грѣхи котораго перешли на него, а чтобы замолатъ ихъ, онъ идетъ трудиться на землѣ. Вопреки запрету не пить изъ озеръ, по пути ему лежащихъ, онъ помочилъ голову водою, при чемъ изъ перваго озера вышелъ онъ съ серебряными волосами, а изъ другаго золотыми, которые онъ прикрылъ воловьею шкурой. Сдѣлавшись разбойникомъ у царя, онъ прививаетъ яблоню, которая даетъ прекрасные плоды. Разъ, когда онъ расчесывалъ волосы, увидѣла его младшая царевна влюбилась и вышла за него замужъ.

Стихи о св. Георгіи. Мы имѣемъ житіе св. Георгія, напечатанное въ „Равъ грузинской церкви“ и литературную его обработку, сохранившуюся въ рукописи. Содержаніе духовныхъ стиховъ о св. Георгіи слѣд.:

Діоклетіанъ греческій царь воздвигаетъ гоненіе на христіанъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Магнетіосомъ. Былъ отправленъ приказъ ко всѣмъ правителямъ отдѣльныхъ провинцій, военачальникамъ и вельможамъ искоренять христіанство въ предѣлахъ подвластной имъ области, обратить жителей въ покорныхъ служителей Аполлона, а твердыхъ въ вѣрѣ въ Сына іудейскаго подвергать истязаніямъ и мученіямъ. Во время гоненій къ Діоклетіану является военный трибунъ (спасаларъ) Анкіорской ¹⁾ комы, Георгій, родомъ изъ Капподокіи и въ собраніи государственныхъ членовъ объявляетъ себя христіаниномъ. Магнетіозъ и самъ императоръ напрасно пытаются убѣдить его поклоняться идоламъ, обѣщая еще больше почестей и богатства, чѣмъ онъ былъ награжденъ милостивымъ вниманіемъ императора къ его заслугамъ. Видя его непреклонность, Діоклетіанъ приказываетъ пронзить тѣла отступника отъ Аполлона копьями. Но острье не пристало къ св. Георгію, отскочивъ отъ него, „словно отъ пули“. Св. Георгія заключаютъ въ темницу въ оковы и на грудь кладутъ огромный камень. Онъ остался невредимъ и возблагодарилъ Христа за явное заступничество. На другой день его снова приводятъ въ собраніе, привязываютъ къ колесу, утыканному острыми мечами, и такимъ образомъ раздираютъ его тѣло на куски. Сочтя его мертвымъ, императоръ и Магнетіозъ превозносятъ своихъ боговъ ²⁾ и уходятъ принести имъ благодарственную жертву. Въ десятомъ часу слышится небесный громъ и голосъ, ободряющій мученика. Сторожившіе его въ испугѣ разбѣжались, спустившіяся на

¹⁾ Ανκίωρ κόμη. *Веселовскій* Разысканія, 176.

²⁾ Вотъ имена боговъ, упоминаемыхъ въ грузинскомъ текстѣ: Аполлонъ, Термесъ, Діонисъ (Деоносъ), Гераклъ и Діосъ.

землю ангелъ Божій отвязалъ мученика съ колеса, залѣчилъ раны, обналъ его, говоря: радуйся Георгій! Онъ приблизился къ мѣсту, гдѣ происходилъ царскій пиръ, по случаю мнимой торжественной побѣды Аполлона надъ Христомъ, и громко призвалъ ихъ увѣровать въ истиннаго Бога, Творца вселенной. Магнетіозъ не узналъ его, а видѣвшіе *это чудо* Анатолеосъ ¹⁾ стратилать ²⁾ съ друзьями увѣровали во Христа, за что и были казнены по приказу Діоклетіана. Императрица Александра безъ страха предъ Магнетіосомъ признала Бога св. Георгія и отказалась отъ поклоненія идоламъ. Страшный гнѣвъ наполнилъ сердце императора, въ виду отступленія Александры. Онъ велѣлъ бросить св. Георгія, совратившаго царицу, въ ровъ съ негашеной известью, а на третій день приказываетъ достать остатки костей его. Ангелъ небесный охладилъ огонь, и святой остался живымъ и невредимымъ. Св. Георгія подвергаютъ новому мученію: ему надѣваютъ утыканные гвоздями желѣзные сапоги, но голосъ съ неба ободряетъ его словами: „не бойся, Георгій, я съ тобой!“ Когда сняли съ него желѣзную обувь, язвы его быстро залѣчились и былъ онъ отправленъ въ тюрьму. Призвавъ на другой день въ собраніе, императоръ склонялъ его принести жертву богамъ. Св. Георгій съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе и сталъ обличать ихъ въ безумномъ поклоненіи идоламъ. За такое дерзостное отношеніе къ покровителямъ имперіи св. Георгія велѣно было бичевать воловьими жилами. Св. Георгій остается непреклоненъ въ вѣрѣ и неуязвимъ отъ истязаній. Магнетіозъ проситъ императора освободить св. Георгія и въ доказательство превосходства силы его Христа предлагаетъ воскресить одного изъ мертвыхъ, покоящихся на кладбищѣ. Святой призываетъ имя Спасителя, проситъ во славу истиннаго Бога воскресить мертвого. Молитва его услышана: отверзлись врата могилы, и предъ св. Георгіемъ палъ жрецъ, жившій до Р. Х., и сталъ прославлять Господа Иисуса Христа. Императоръ приходитъ къ заключенію, что св. Георгію помогаютъ чары. Святой ему напомнилъ, что чародѣи не могутъ обращаться ко Христу и во имя Его творить чудеса. Св. Георгія заключаютъ въ тюрьму, гдѣ онъ излѣчиваетъ многихъ больныхъ, приня-

¹⁾ Ανατόλος ὁ στρατηλάτης *Веселовскій* оп. с. 180. Чтеніе, приведенное у проф. *Кирвичникова*—Анатолій и *Протолеонъ*, извѣстно изъ вѣнскаго текста.

²⁾ Въ грузинскомъ житіи это мѣсто передано очень темно. Собственное имя Анатолеосъ-стратилать стоитъ въ такой формѣ, которая употребляется для обозначенія зависимости одного слова отъ другого. Здѣсь я подозреваю неумѣлое воспроизведеніе чтенія рукописи. Литературная обработка житія даетъ другую форму и другое имя: а именно—Антіохъ Стратія. См. рукопись, стр. 20.

шихъ туда посредствомъ подкупа стражей острога. Къ нему является между прочимъ пахарь Гвликери ¹⁾, у котораго умеръ лучшей быкъ, поддерживающій благосостояніе семьи. По слову св. Георгія быкъ встаетъ, а пахарь объявляетъ себя христіаниномъ. Императоръ велѣлъ немедленно изрубить его въ куски: онъ съ радостью встрѣчаетъ смертную казнь.

Магнетіозъ убѣждаетъ императора дѣйствовать на св. Георгія не мученіями, а ласками и обѣщаніями мірскихъ благъ, св. Георгій притворно соглашается принести жертву богамъ и проситъ вести его къ нимъ. Глашатай радостно объявляетъ объ этомъ жителямъ города. Войдя въ храмъ, св. Георгій вступаетъ въ бесѣду съ Аполлономъ. Св. Георгій заставляетъ его признаться, что онъ не богъ, упрекаетъ его въ томъ, что вводитъ въ заблужденіе столько невинныхъ душъ, и статуи боговъ, по знаменію креста святаго, падаютъ на землю. Народъ въ ярости бросается на св. Георгія, требуя отъ императора заслуженной кары за ниспроверженіе имъ боговъ. Императрица Александра, услышавъ объ этомъ, бросилась къ ногамъ святаго, и многіе, видя это чудо, обратились ко Христу. Діоклетіанъ велѣлъ казнить и св. Георгія, и императрицу, но послѣдняя умираетъ по дорогѣ къ мѣсту казни. Передъ смертью св. Георгій произноситъ длинную молитву, въ которой молитъ Бога принять его душу, простить его мучителямъ, даровать его останкамъ цѣлебное свойство, призывающихъ его имя избавлять отъ предстоящихъ искушеній и несчастій на морѣ и на землѣ, отъ града и засухи, оживлять природу небесной влагой отъ дурнаго растворенія воздухонъ. Является Господь въ облакѣхъ и обѣщаетъ исполнить послѣднюю волю великомученика. Послѣ этого св. Георгій говоритъ, что онъ готовъ принять смерть, и палачъ рубитъ ему въ голову (въ 303 году ²⁾).

Чудо св. Георгія о драконѣ и двѣицѣ. Чудо св. Георгія съ дракономъ во всѣхъ редакціяхъ приводится послѣ мученической кончины святаго. Поэтому, по замѣчанію акад. Веселовскаго, этотъ вопросъ не только хронологическій, но и методологическій ³⁾.

Мѣсто дѣйствія чуда ⁴⁾ — городъ Ласія, гдѣ царствовалъ идолопоклонникъ Селиносъ. За преслѣдованіе христіанъ Богъ посылаетъ

¹⁾ Въ редакціи болландистовъ грузинскій Гвликерій названъ Глимеріемъ. По-гречески пишется Глокѣриос. См. *Веселовскій* опр. с. 184 и др.

²⁾ Ср. выше стихи о св. Маринѣ.

³⁾ *Веселовскій* опр. с. 70.

⁴⁾ *Рай Грузин* стр. 59—62, и рукописная обработка стиховъ о св. Георгіи.

дракона, который поселяется въ озерѣ близъ города и начинаетъ истреблять народъ. Царь выступилъ противъ чудовища съ войскомъ, но былъ побѣжденъ. Граждане въ полномъ отчаяніи обвиняютъ царя, что онъ не принимаетъ мѣръ для огражденія жителей отъ опасности, Царь предложилъ отдавать на съѣденіе дракону по одному ребенку, и въ свою очередь обязывается вести къ дракону свою единородную дочь. Доходитъ очередь до царевны, царь велитъ убрать ее въ драгоцѣнный нарядъ, проливаетъ горькія слезы при разлукѣ съ ней; онъ предлагаетъ гражданамъ взять серебро, золото, царство его и оставить ему сладчайшее чадо его. Народъ былъ неумолимъ. Царь отпустилъ царевну къ озеру. Въ то время св. Георгій каппадокійскій возвращался, по приказу Діоклетіана, изъ войска на родину. Онъ остановился на повѣть коня у озера, гдѣ видитъ сидящую и плачущую дѣву. Св. Георгій спрашиваетъ, почему она плачетъ. Царевна, вида „осанку“ св. Георгія, уговариваетъ уѣхать немедленно, но онъ настаиваетъ на своемъ, и она излагаетъ ему все дѣло. Св. Георгій спрашиваетъ: въ кого вѣруетъ ея отецъ. Она отвѣчаетъ: въ Юпитера, Меркурія и Аполлона. Св. Георгій совѣтуетъ ей вѣровать во Христа и обращается къ Богу съ молитвой покорить ужаснаго звѣря, чтобы она увѣровала, „что Онъ съ нимъ“¹⁾ Въ это время раздался голосъ съ неба и приблизился драконъ, который, по знаменію креста, падаетъ къ ногамъ св. Георгія. Привязавъ дракона, къ поясу царевны, святой велѣлъ ей вести его въ городъ. При видѣ дракона, народъ пришелъ въ ужасъ, но св. Георгій обѣщаетъ убить „звѣря“, если народъ изъявитъ желаніе креститься. Народъ изъявилъ согласіе, и драконъ былъ убитъ. Св. Георгій призвалъ епископа Александра и въ пятнадцать дней крестилъ съ нимъ 45.000 человекъ. Былъ выстроенъ въ городѣ храмъ, изъ котораго, по слову св. Георгія, пошелъ цѣлительный источникъ (и сотворилъ нѣсколько славныхъ чудесъ.

Эта легенда, по грузинскому тексту, приурочена къ городу Ласи, во времени царствованія тамъ Селиноса. Въ латинской легендѣ царь носитъ имя *Sevius*, въ греч. *Σέλβιος*, въ русской Селевій, Селевинъ, Селевкій и др., а мѣстность, гдѣ чудо совершилось по латинской легендѣ называется *Lazia* въ Каппадокіи, въ русскихъ переводахъ Ласія²⁾). Грузинскій текстъ стоитъ ближе къ греческому сказанію по

¹⁾ Грузинскій текстъ совершенно совпадаетъ съ греческимъ, приведеннымъ ав. Веселовскимъ въ приложеніи стр. 200—8.

²⁾ *Веселовскій*. Ор. с. стр. 72.

содержанію, чѣмъ къ русскимъ легендамъ, связь съ которыми нашей редакціи вообще не можетъ быть отмѣчена.

Въ пользу этого мнѣнія можно привести еще одно чудо Георгія, изложенное въ приложеніи къ Acta ss. (Arg. III, XXXIX и слѣд.) и въ грузинскомъ текстѣ, но пропущенное въ русскихъ прологахъ и сборникахъ. Это — явленіе св. Георгія пахарю Теопасту. Разказа объ этомъ, впрочемъ, я не нахожу въ житіяхъ грузинской церкви, а привожу его изъ рукописной литературной обработки легенды. Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ памятникѣ. Рукопись, въ которой разсказывается о „Георгіевыхъ мученіяхъ“ и чудесахъ, ихъ сопровождавшихъ, датирована 1848 г. Она переписана причетникомъ Варѳоломеемъ Бибилюровымъ, еще въ 1890 г. здравствующимъ въ санѣ священника въ г. Гори. (Тифлис. губ.). Къ сожалѣнію, переписчикъ не ставитъ насъ въ извѣстность, съ какой рукописи В. Бибилюровъ списалъ житіе святаго. Изъ предисловія къ самому житію святаго мы узнаемъ, что оно было составлено работою св. Георгія, Азкиратиромъ. При этомъ заявлено, что легенда св. Георгія была писана церковнымъ алфавитомъ „хуцури“ и потомъ нѣкто Датунъ Кваріани ¹⁾, для большаго распространенія сказанія въ обществѣ, переложилъ его въ стихи, переписалъ алфавитомъ гражданскимъ „мхедрули“, болѣе доступнымъ публикѣ и присоединилъ въ стихотворной формѣ разказъ о сотвореніи перваго человѣка, грѣхопаденіи, изгнаніи изъ рая, объ Каинѣ и Авелѣ, Благовѣщеніи Пресвятой Богородицы, Сошествіи и Распятіи Спасителя *въ 30 лѣтъ* и избавленіи рая Имъ отъ сатаны. Хотя рукопись Бибилюрова списана безъ соблюденія внѣшней стихотворной формы, но при чтеніи легенды становится ясно, что, въ видахъ экономіи, переписчикъ писалъ въ строчку по порядку, не дѣлая раздѣленій на отдѣльные стихи и куплеты.

Датунъ Кваріани, какъ самъ говоритъ ²⁾, придавъ стихотворную форму легендѣ св. Георгія, которую онъ нашелъ въ древней рукописи, по характеру письма, недоступной публикѣ. Къ какому времени относится оригиналъ, которымъ пользовался Кваріани, мы не можемъ опредѣлить, но палеографическая особенность памятника даетъ право считать его произведеніемъ той эпохи, когда церковный алфавитъ „хуцури“ былъ, если не исключительнымъ, то, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ Фамилія довольно распространенная и нынѣ въ Имеретіи.

²⁾ Онъ напоминаетъ еще разъ о своихъ заслугахъ предъ обществомъ по поводу избавленія плѣнника изъ Боржома, заключающагося въ томъ, что онъ переложилъ въ стихи явлье, писанное „хуцури“.

преобладающимъ письмомъ въ грузинской литературѣ. Нѣкоторыя отличительныя черты литературной обработки легенды позволяютъ предполагать, что напечатанный текстъ житія св. Георгія не могъ служить для нея источникомъ, что грузинское печатное и рукописное сказаніе исходятъ изъ различныхъ редакцій легенды великомученика.

Св. Георгій является Θεοπασту. Въ Капподокіи, въ царствованіе Θεодосія, жилъ бездѣтный, благочестивый мужъ Θεοπастъ съ женою Есаіей ¹⁾). Разъ послѣ работы въ полѣ, онъ прилежъ спать, а воловъ пустилъ пастись; когда онъ проснулся воли исчезли. Искалъ онъ ихъ напрасно съ своимъ работникомъ до вечера. Возвращается онъ опечаленный домой и рассказываетъ все женѣ. Сосѣди начинаютъ осмѣивать его, какъ онъ съ работникомъ проспалъ и воловъ растерялъ. Они совѣтуютъ помолиться св. Георгію ²⁾). Онъ обѣщаетъ зарѣзать святому одного быка въ случаѣ его находки. Во снѣ является ему св. Георгій, приказываетъ ему одѣться и выйти на дворъ—онъ найдетъ своихъ быковъ, требуя при этомъ исполнить данное обѣщаніе. Онъ находитъ ихъ тамъ, гдѣ 20 разъ ихъ искалъ напрасно. Θεοпастъ думаетъ удовольствоваться святого принесеніемъ въ жертву барана ³⁾). Св. Георгій во снѣ выражаетъ неудовольствіе и требуетъ обѣщаннаго. Θεοпастъ идетъ на сдѣлку: хочетъ принести въ жертву барана и ягненка. Св. Георгій во снѣ предлагаетъ уже зарѣзать ему пару быковъ, тогда только явится къ нему въ гости: „Я былъ эриставъ“ („графъ“ по аста св.), говоритъ святой ⁴⁾. Жена ⁴⁾ успокоиваетъ Θεοпаста тѣмъ, что святой увеличитъ ихъ состояніе, если исполнять его волю. По требованію св. Георгія, онъ зарѣзываетъ не только пару быковъ, но и всѣхъ своихъ домашнихъ животныхъ и птицъ: барана, свинью, гуся, курицу и пр. На пиръ пригласилъ всѣхъ немощныхъ, слабыхъ, стариковъ, дѣтей, глухихъ, слѣпыхъ. Когда сѣли обѣдать, вдали показались три всадника. Θεοпастъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу и пригласилъ ихъ къ трапезѣ. Никто не зналъ, кто они. Всадникъ первый заговорилъ и объявилъ, что онъ не святой, а просто Георгій. Но скоро открылось,

¹⁾ *Киртичниковъ* op. c. стр. 81; называетъ ее Евсевіей. Въ поэмѣ Евріани Θεοпастъ дается съ окончаніемъ ов—Θεοпастось, что указываетъ на греческое происхожденіе легенды.

²⁾ По аста св. такой совѣтъ даетъ Θεοпасту на дорогѣ „свѣтлый юмоша“.

³⁾ По аста св. козу предполагаетъ зарѣзать Θεοпастъ, но по представленію грузинъ коза нечистое животное, считается она порожденіемъ дьявола.

⁴⁾ По грузинскому тексту она щедрѣ мужа и уговариваетъ его исполнить волю святого. „Эристави“ по буквальному переводу значить—глава народа.

кого угощалъ Θεопастъ. Пьютъ вино, истребляютъ кушанья, но ихъ количество не уменьшается. Св. Георгій на ухо говоритъ *по-грузински* Θεопасту, чтобы онъ собралъ кости вмѣстѣ. Св. Георгій читаетъ молитву („ямбиконъ), воздѣваетъ руки къ небу, и кости одѣваются плотью. Когда началось движеніе костей, присутствующіе отъ страха пали, а вставъ, узнали, что каждая зарѣзанная скотина и птица возвратилась жертвователю впитеро ¹⁾). Св. Георгій со свитой сдѣлался незримъ. Послѣ этого Θεопастъ сильно разбогатѣлъ, прижилъ отъ жены своей семь сыновей и трехъ дочерей, жилъ еще 22 года, а потомъ постригся въ монахи.

Убивъ дракона въ Ласи, св. Георгій возвратился въ обратный путь на родину. По дорогѣ присталъ къ нему дьяволъ въ образѣ челоуѣка съ посохомъ въ рукахъ и привѣтствовалъ святого. Св. Георгій отвѣтилъ, что онъ его не знаетъ и видитъ въ немъ дьявола. Очертивъ крестъ кругомъ дьявола, святой приковалъ его къ мѣсту и спросилъ, кто онъ. „Я второе лицо послѣ Самоэля. Былъ начальникомъ 40.000 и собирателемъ облаковъ, при сотвореніи Богомъ челоуѣка. За гордость былъ низверженъ и хотѣлъ ввести тебя въ обманъ“. Онъ просить святаго пощадить его, не предавать новымъ мученіямъ. По молитвѣ св. Георгія разверзлась скала, взялъ святой дьявола за руку и силою толкнулъ въ расщелину. По знаку святаго скала снова сошлась, а дьяволъ запертъ и *нынѣ* тамъ, испытывая гнѣвъ праведнаго Бога ²⁾

Вдова, *имѣвшая упованіе на св. мученика Георгія, пожертвовала колонну для воздвиженія на правой сторонѣ во храмѣ* ³⁾. Въ Палентиносѣ, въ прославленной деревнѣ св. Георгія, гдѣ покоятся его святые останки въ храмѣ, посвященномъ его имени, вознамѣрился царь привести въ большое благолѣніе эту святыню. Данъ былъ приказъ одному вельможѣ изъ средствъ казны отложить часть доходовъ на украшеніе храма. Тотъ приступилъ къ перестройкѣ и скоро работа остановилась на присканіи нужныхъ колоннъ. Въ отдаленной приморской странѣ онъ покупаетъ прекрасныя колонны и везетъ на лодеѣ въ Палентиносъ. Вдова, давшая обѣщаніе св. Георгію пожертво-

¹⁾ По акта вс. просто безъ количественнаго возрастанія возвращается. *Киринтского* оп. с. 82. Ср. легенду у *Аванасьева*.

²⁾ *По рукописи* житія св. Георгія, принадлежащей г. *Сабимину*, дьяволъ святымъ былъ низвергнутъ въ родникъ, откуда воспрещается брать или пить воду.

³⁾ „*Рай Грузіи*“ стр. 63—4. Ср. мою рукопись, гдѣ вдова названа гелистанской.

вать его имени колонну, просить вельможу принять отъ нея эту жертву. Вельможа не хочетъ присоединять ленты вдовы къ доверенію памятника, возводимаго на счетъ казны. Вдова начинаетъ горько плакать. Она не успѣла отереть горючихъ слезъ, какъ ей показался прекрасный, статный всадникъ и спросилъ о причинѣ печали. Всадникъ, выслушавъ ее, пальцемъ написалъ на колоннѣ: „эту колонну поставьте по правой сторонѣ во храмѣ“. Вдвоемъ донесли до моря, „опустили ее туда, и она поплыла, словно живой человѣкъ“. Вдова поняла, что подъ видомъ всадника она удостоилась лицезрѣть св. Георгія и вознесла Господу благодарственныя молитвы. Колонна остановилась близъ перестраиваемаго храма. Вельможа прочиталъ высѣченную на ней надпись и согласно ей была исполнена воля святого.

Здѣсь св. Георгій возвратилъ изъ плѣна старосту своего храма и освободилъ его ¹⁾. Агаряне (мусульмане) напали на гор. Парти, и въ числѣ уведенныхъ ими плѣнниковъ былъ староста церкви св. Георгія. Вождь агарянъ тщетно пытался перевести его въ ряды прозелитовъ Магомета. Въ наказаніе онъ велѣлъ знатнаго по происхожденію старосту отдать за упрямство на кухню, поручивъ ему таскать воду и рубить дрова. Разъ, когда этотъ непреклонный христіанинъ направился къ своей постели, ему послышался голосъ, вызывающій по имени его на дворъ. Удивленный видомъ незнакомца, онъ еще болѣе былъ пораженъ, когда послѣдній посадилъ его на коня и поскакалъ съ нимъ, привезъ въ какой-то домъ христіанина и простился съ нимъ. На зарѣ входитъ въ комнату, гдѣ онъ спитъ, жилецъ ея и былъ испуганъ видомъ платья агарянина. Разспросивъ его обо всемъ, начали оба вмѣстѣ прославлять св. Георгія, котораго признали виновникомъ этого чуда. Въ заключеніе приводится обращеніе къ святому, чтобы онъ былъ заступникомъ предъ І. Христомъ. Авторъ житія прибавляетъ, что описать всѣ чудеса св. Георгія по ихъ многочисленности, невозможно: кто сосчиталъ бы тогда количество исписанныхъ книгъ!

На этотъ храмъ дѣлаетъ нападеніе народъ „саркинозы“, т. е. арабы. Ворвавшись въ алтарь, гдѣ хранились мощи св. Георгія, устроили они тамъ себѣ шумный пиръ съ пѣніемъ и пляской. Оскверненіе святыни этимъ не кончилось. Нѣкоторые натянули луки и пускали стрѣлы въ окружающія ихъ иконы. Одинъ изъ плѣнныхъ христіанъ упрекнулъ ихъ за нечестивое обращеніе съ образами святыхъ, предупредая въ неизбежности наказанія, которому подвергнетъ ихъ охранитель храма, св. Георгій. Прозелиты Магомета со смѣхомъ посмот-

¹⁾ „*Рай Грузіи*“ 66—8. Моя рукопись стр. 52—3.

рѣли на образъ великомученика, изображеннаго въ кольчугѣ и съ копьемъ въ рукахъ. Въ отвѣтъ на замѣчаніе христіанина, мусульманинъ пустилъ стрѣлу въ образъ самого св. Георгія¹⁾. Но стрѣла отскочила назадъ, попала въ сердце пустившаго его и положила бездыханно на мѣстѣ. Всѣ видѣли, какъ св. Георгій копьемъ сталъ вострѣлывать невѣрныхъ. Спаслись лишь тѣ, которые бѣжали или увѣрвали въ св. Георгія. „Этимъ мы окончимъ рассказъ и приведемъ другія, достойныя удивленія, его чудеса“.

Стихотворное изложеніе житія, переписанное Кваріани, присоединяетъ еще одно сказаніе, которое или сложилось, или потомъ приурочено было къ Боржому, мѣстечку горійскаго уѣзда тифлисской губерніи. Авторъ стихотворнаго изложенія, прежде чѣмъ приступить воспѣвать чудо св. Георгія, еще разъ напоминаетъ читателю, что онъ житіе съ „хуцури“ переложилъ въ стихи. Это можетъ указать на древность текста и съ другой стороны на существованіе различныхъ вариантовъ, изъ которыхъ болѣе пространнѣе заключали въ себѣ „Чудесное спасеніе плытника изъ Боржома“²⁾.

Жилъ при монастырѣ Патамѣ св. Георгія вѣрный его слуга, Леванъ съ супругой Теофилой. Когда у нихъ родился сынъ, то, изъ преданности святому, дали ему имя Георгій, и рано былъ отданъ на воспитаніе священнику храма св. Георгія. Вскорѣ попали на этотъ храмъ невѣрные изъ Хорасана и захватили въ плѣнъ Георгія. Родители со слезами умоляли св. Георгія быть покровителемъ ихъ единственнаго сына въ неизвѣстной странѣ. Въ день праздника св. Георгія гости, по обыкновенію, собрались у Левана и съ грустью вспоминали тѣ года, когда Георгій принималъ и любезно угощалъ гостей. Между тѣмъ и Георгій въ этотъ же день не забылъ въ плѣну чтить св. Георгія и вспомнить родителей. Такъ, онъ, вознося молитвы свя-

¹⁾ „Рай Грузія“ стр. 65. Такое изображеніе св. Георгія съ копьемъ въ рукѣ предоставлена на *Джуматской* иконѣ великомученика. Помимо по замѣчательной строгости техники, она должна быть произведеніемъ грузино-византийскаго искусства XI—XII в. *Рус. Древности* выл. IV, стр. 103. изд. гр. Толстыми и пр. Ковдаковыми. Спб. 1891.

²⁾ Въ рукописи о св. Георгіи, принадлежащей М. П. Сабкинну, передается рассказъ, какъ св. Георгій явился каменщину Васлаю (наз. Болокъ - Басила), близъ Тифлиса, и потребовалъ, безъ посторонней помощи, воздвигнуть ему храмъ, угрожая за ослушаніе смертью со всѣмъ семействомъ. Ему велѣно было отправиться въ Бларджетію (нынѣш. Испиръ) въ монастырь Опизскій, къ иноку Стефану и взять у него желѣзо и осла.

тому, поднимался вверхъ въ своему невѣрному господину съ кипяткомъ. Его встрѣчаетъ на лѣстницѣ св. Георгій, сажаетъ на кова и привозитъ домой на радость родителямъ къ обѣду. Всѣ были изумлены этимъ неожиданнымъ приходомъ. Кипятокъ въ его рукахъ былъ еще горячъ, его смѣшали съ виномъ, стали пить, но количество его не убавилось. Чудо заключалось еще въ томъ, что кипятокъ можетъ все уничтожить, если его полить на что-либо, но безвреденъ, сколько бы его не пить. 23 апрѣля и нынѣ еще это чудо приводитъ всѣхъ въ изумленіе: кипятокъ все еще горячъ и его пьютъ всѣ безъ вреда, заключаетъ свой рассказъ Кваріани ¹⁾).

Филологи, миеологи, орьенталисты,—изъ послѣднихъ Гутшмидтъ и Клермонъ-Ганно,—давно заняты изученіемъ каноническаго и апокрифическаго житія св. Георгія, возбуждаютъ догадки о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, объ ихъ основѣ—восточной „пра-исторіи“—и конечныхъ ея источникахъ, теряющихся въ збяхъ какого-нибудь молозіатскаго или египетскаго культа.

Болѣе или менѣе ученое изслѣдованіе легендъ начинается съ болландистовъ. Папebroхъ, изслѣдовавшій легенду о св. Георгіи, счелъ древнимъ и подлиннымъ житіе греческое, начинающееся словами: Διοκλετιανός ὁ Ρομζίων αὐτοκράτωρ ἀναξίως τῶν σκῆπτρων ἐπιλαβόμενος ὁ καὶ πρῶτος ²⁾). Съ этой редакціей во всѣхъ существенныхъ чертахъ сходится очень распространенный текстъ Липомана, латинскій переводъ котораго изданъ подъ 23 апрѣля у Сурія и перепечатанъ у болландистовъ. Греческій текстъ Липомана начинается такъ: Ἡ μὲν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν, Ἰησοῦ Χριστοῦ προαίωμιος βασιλεία οὔτε ἀσκήν ἡμερῶν οὔτε τέλος ζωῆς ἔχεν ὁ δε πανείψημος и т. д. Въ концѣ находится приписка „псевдо-автора“: имя его Пасикратъ—рабъ Георгія и очевидецъ всего описаннаго имъ ³⁾). Въ грузинской версіи житія св. Георгія имя Пасикратъ въ измененной формѣ—Палекратъ (Палекратосъ) поставлено въ началѣ рассказа о чудесномъ избавленіи гор. Ласіи отъ пожирающаго жителей дракона: „Мѣсяца апрѣля 23 дня, въ день пятницы, въ семь часовъ. Я, Палекратосъ, рабъ св. Георгія съ самаго начала послѣдовалъ Господу моему и описалъ мученіе его

¹⁾ Чудо св. Николая объ Агривовомъ санѣ Василии буквально напоминаетъ это чудо св. Георгія. *Галаховъ*. Ист. рус. слов. т. I, 233 (Спб. 1880).

²⁾ *Киртичниковъ*. Св. Егорій и Егоръ Храбрый. Изслѣдованіе Литературной исторіи христіанской легенды. (Спб. 1879) стр. 2. *Ср. Веселовскій* Разысканія, 172, 189.

³⁾ *Киртичниковъ* ро. с. стр. 3—4.

встинно и блаженъ вѣрующій въ Иисуса Христа, Спасителя нашего¹⁾).

Считая имена Пасикратъ и Палекраторъ тождественными, грузинскій текстъ я сопоставилъ не съ первой редакціей болландистовъ житія св. Георгія, а съ версіей Липомана. Палеографически можно объяснить ошибку грузинскаго переписчика или издателя, поставившаго букву „л“ вм. „с“ въ имени Пасикратъ. Замѣна въ грузинскомъ текстѣ буквы „и“ буквой „е“, вѣроятно, найдетъ оправданіе въ греческомъ „η“, переданномъ у грузинъ чрезъ „е“, а у проф. Кирпичникова чрезъ „и“, а окончаніе ось равняется греческому ω . Содержаніе грузинскаго текста больше приближается къ той же редакціи Липомана. Проф. Кирпичниковъ отмѣтилъ разницу между версіями болландистовъ и Липомана, и мы воспользуемся результатами этого сопоставленія для сравненія съ грузинскою легендой о св. Георгіи.

Важнѣйшія отличія редакціи Липомана отъ редакціи болландистовъ, по словамъ проф. Кирпичникова, состоятъ въ слѣдующемъ²⁾: „здѣсь (т. е. въ редакціи Липомана) Аѳанасій (магъ, предлагающій св. Георгію ядовитое питье) не поминается вовсе, воскресить приглашаетъ св. Георгія Магенцій,—Магенетіозъ груз. сказанія, (а не Аѳанасій, какъ передаетъ редакція болландистовъ); нѣтъ явленія Христа во снѣ. (По редакціи болландистовъ Христосъ въ тюрьмѣ является св. Георгію во снѣ послѣ воскресенія быка Гликерія и ободряетъ дотерпѣть мученіе до конца). Зато редакція Липомана сохранила другія апокрифическія черты: такъ Георгія въ первый же день подвергаютъ многимъ мукамъ и ударяютъ копыями въ животъ, колесо изрѣзало св. Георгія въ куски; при мукѣ разожженными сапогами раздается ободряющій св. Георгія голосъ съ неба; мертвецъ, воскрешенный Георгіемъ, оказывается умершимъ еще задолго до Р. Х.; подробнѣе изложенъ разговоръ св. Георгія съ Аполлономъ. Въ концѣ находится приписка псевдо-автора: имя его Пасикратъ, онъ—рабъ Георгія и очевидецъ всего описаннаго имъ“.

Если приложить эти отличительныя черты послѣдней редакціи къ грузинскому тексту, то нельзя не признать его родство съ версіей Липомана. Отсутствіе въ греческомъ сказаніи мага Аѳанасія,

¹⁾ Въ началѣ житія св. Георгія читаемъ слѣд. слова: „Тогда возсіялъ, какъ звѣзда. . храбрый воинъ Христа. Господь мой св. Георгій, и я рабъ его былъ съ нимъ, послѣдовалъ и описалъ мужество его мученій“ стр. 49, *Рай Грузіи*.

²⁾ *Кирпичниковъ*. Ор. с. стр. 4.

изрѣзанія св. Георгія колесомъ на куски, гласъ съ неба при мученіи святаго сапогами, утыканными гвоздями, воскрешеніе жреца, жившаго до Р. Х., а не *недавно* умершаго, приписка имени Палскратоса, называющаго себя рабомъ св. Георгія при началѣ описанія его мученій— всѣ эти особенности одинаково вскрываются въ грузинскомъ текстѣ и редакціи Липомана и отсутствуютъ, напротивъ, въ редакціи болландистовъ. Самостоятельно сравнить грузинскій текстъ съ названными редакціями я не имѣлъ возможности: греческій текстъ ¹⁾ Липомана пока еще не изданъ, а текстъ редакціи болландистовъ я не имѣлъ подъ руками. Поэтому пока я довольствуюсь сопоставленіемъ нашего текста съ тѣми отрывками изъ другихъ версій, которыя приведены въ изслѣдованіи проф. Кирпичникова.

Возводя грузинскій текстъ къ редакціи Липомана, я не могу рѣшить вопроса, представляетъ ли грузинское сказаніе переводъ съ текста Липомана, или оба пересказа являются передѣлкой одного и того же древнѣйшаго житія. При ближайшемъ разсмотрѣніи грузинскаго текста, мы открываемъ въ немъ такія особенныя черты, которыя слегка отличаютъ его отъ редакціи Липомана. Я укажу на эти особенности, руководствуясь при сравненіи нашего сказанія съ текстомъ Липомана изложеніемъ содержанія послѣдняго въ трудѣ проф. Кирпичникова. Почтенный изслѣдователь легенды св. Георгія приводитъ лишь *важнѣйшія* отличія редакціи Липомана отъ текста болландистовъ. Поэтому онъ, не пересказывая житія св. Георгія по редакціи Липомана, отмѣчаетъ лишь ея отличительныя въ сравненіи съ текстомъ болландистовъ особенности. Если разница между этими двумя редакціями заключается лишь въ томъ, что мы указали выше, то, помимо ихъ раздѣляющихъ чертъ, остальные факты изъ текста болландистовъ должны быть отнесены также къ редакціи Липомана. Въ такомъ случаѣ, нѣкоторые эпизоды, общіе обѣимъ редакціямъ, при полномъ родствѣ грузинскаго текста съ версіей Липомана, нужно было бы искать и въ грузинскомъ сказаніи.

Однако, вотъ какія черты, отмѣченныя въ редакціи болландистовъ, не находятъ мѣста въ грузинскомъ текстѣ: императрица Александра, увѣровавшая во Христа, была уведена по приказанію *консула*, не давъ ей случая высказаться. Сапоги, которые были надѣты святому, были разожжены ²⁾. Его били палками по устамъ. Быкъ Геликерія не уми-

¹⁾ *Кирпичниковъ*. Ор. с. стр. 4, примѣчаніе 1.

²⁾ См. *Кирпичниковъ* ор. с., стр. 5—7.

раетъ, а заболѣваетъ. Послѣ явленія Христова во снѣ, св. Георгій призываетъ своего раба и вслѣдствіе ему отнести тѣло его въ Палестину. Эти особенности редакціи болландистовъ совершенно отсутствуютъ въ грузинскомъ сказаніи. Если ихъ нѣтъ и въ редакціи Липомана, то сходство между грузинскимъ текстомъ и названной редакціей еще болѣе выступаетъ, а если указанные черты общи обѣимъ редакціямъ, то грузинское сказаніе при родствѣ съ текстомъ Липомана имѣетъ и свои особенныя отличительныя отъ нея черты. Нашъ текстъ, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ къ той семьѣ редакцій легенды, которая обозначена у проф. Кирпичникова буквою А. Двѣ редакціи В и С не имѣютъ нѣста при разборѣ грузинскаго сказанія. Редакція В съ Ананасіемъ и редакція С съ Полихроніей, напечатанная у Тихонравова, въ виду отсутствія ихъ именъ и чертъ съ нимъ связанныхъ въ грузинскомъ текстѣ, должны быть оставлены внѣ рамки сравненія грузинской легенды съ апокрифическими сказаніями, собранныхъ у проф. Кирпичникова въ редакціи группъ В и С ¹⁾.

Обращаемся къ повѣртіямъ и иллюстраціямъ, связаннымъ съ св. Георгіемъ. Въ селеніи Халде, въ Сванетіи, по словамъ Вакрадзе ²⁾, есть церковь, гдѣ грузинская надпись гласитъ, что „здѣсь св. Георгій посѣтилъ Θεопаста“. Послѣдній, какъ вѣрно замѣчаетъ проф. Кирпичниковъ, есть испорченный Θεопистъ греческаго чуда. Я имѣю теперь нѣсколько грузинскихъ надписей, объясняющихъ изображенія на иконѣ св. Георгія. Вокругъ изображеній святыхъ на обратной сторонѣ иконы св. Георгія въ сел. Илори находимъ съ иллюстраціей надписи: „св. Георгій убилъ дракона и освободилъ дочь царя“. „Здѣсь св. Георгій оживилъ быка Магнентіозу“. „Св. Георгій Хорасанскій освободилъ изъ этого плѣна“. „Царь—идолопоклонникъ черезъ посла отправилъ ядъ“. „Здѣсь ядъ выпилъ св. Георгій, подавшій его (ядъ) умеръ“. Здѣсь св. Георгій воскресилъ своего отравителя изъ мертвыхъ“. ³⁾ Въ селеніи Отаршени въ 3 вер. отъ г. Гора (Тифлис. г.) хранится крестъ св. Георгія, на обратной сторонѣ котораго иллюстрированы всѣ важныя моменты изъ его житія. „Встрѣча“. „При-

¹⁾ Георгіево мученіе. *Тихонравовъ. Памятники отреченной литературы* т. II, стр. 110.

²⁾ Совпаденіе въ археологическомъ отношеніи. *Вѣстн. Общ. Др.-рус. Иск.* 1876, стр. 87.

³⁾ См. мой разборъ надписей, привезенныхъ съ Кавказа гр. Уваровой и археологическими экспедиціями (рукопись, стр. 51—2). Ср. *Матеріалы по археол. Кавказа*, вып. III, стр. 20 (М. 1893).

вязываютъ къ колесу“. „Избиеніе св. Георгіемъ идоловъ“. „Мученіе св. Георгія“. „Вгоняють копыя“. „Бичеваніе плетью“ (св. Георгій въ лежащемъ положеніи). „Заключеніе въ ровъ съ негашеной известью“¹⁾. Нанесеніе ударовъ молоткомъ по ногамъ“. Нѣкоторые эпизоды, представленныя въ изображеніи, неизвѣстны въ греческомъ текстѣ. Такъ, послѣдняя картина — нанесеніе ударовъ молоткомъ по ногамъ—ни въ житіяхъ, ни въ поэмѣ Кваріани не указана. Возникаетъ вопросъ, откуда могли заимствовать эту иллюстрацію? Такое же недоумѣніе возбуждаетъ изображение на Илорской иконѣ св. Георгія сцены поднесенія яда великомученику, далѣе изображеніе, какъ св. Георгій послѣ ядовитаго питья остается невредимъ, подавшій его умираетъ и по молитвѣ святаго онъ воскресаетъ. По редакціи легенды болландистовъ Аванасій магъ даетъ Георгію ядовитое питье, но на св. Георгія не дѣйствуетъ отравы²⁾. Эта иллюстрація надписи на иконѣ сценой, въ виду отсутствія соответствующихъ имъ свѣдѣній въ грузинскихъ литературныхъ памятникахъ, даютъ основаніе предположить другой источникъ для символическихъ представлений эпизодовъ изъ житія святаго. Возводитъ ихъ основу къ народнымъ сказаніямъ, или къ письменному разсказу—вопросъ, который пока долженъ остаться открытымъ, за неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ. Несомнѣнно только, что помимо той версіи легенды, которая извѣстна изъ „Рая Грузія“, обращались въ народѣ болѣе подробныя сказанія съ нѣкоторыми дополнительными чертами, воспроизведенными на иконахъ живописью. Чудеса св. Георгія, приуроченныя къ Каппадокіи, поклоненіе ему сохранились въ сосѣдней съ ней мѣстности: у лавовъ, мингрельцевъ, гурійцевъ, кахетинцевъ, имеретинъ, сванетовъ, пшавовъ, хевсуровъ, тушиновъ, абхазовъ, осетинъ.

Культъ св. Георгія у всѣхъ народностей грузинскаго племени затмилъ собою почитаніе всѣхъ другихъ святыхъ церкви. У сванетовъ онъ прямо называется Богомъ. Храмы въ честь этого святаго воздвигались почти на каждомъ холмѣ или горѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуеетъ историкъ Вахушти³⁾. Иконы, обряды, мѣстные преданья, надгробныя памятники, древніе акты выставляютъ имя мученика, какъ патрона и заступника и хранителя во всѣхъ жизненныхъ невзгодахъ. Какъ въ древности Колхида, извѣстная византійскимъ историкамъ подѣ

¹⁾ *Рус. Древности* гр. Толстаго и проф. Кондакова вып. IV, 137 приводятъ изображение мученія св. Георгія, подобное отаршенскому „заключенію во ровъ съ негашеной известью“.

²⁾ *Киртчииковъ* оп. с. стр. 3.

³⁾ *Description de la Géorgie par le Tsarevitch Wakhoucht* p. 33. 177.

именемъ Лазики, пріютила мнѣ объ Язонѣ и драконѣ, стерегущемъ золотое руно, такъ и въ наше время лазы—потомки колховъ, простирающіеся до Трапезунда ¹⁾, чтуть народнымъ святымъ св. Георгія—змѣборца. Лазы передали этотъ культъ всѣмъ своимъ родственнымъ ²⁾ народамъ, сохраняющійся нерѣдко у грузинъ-мусульманъ и горцевъ безъ опредѣленнаго вѣроисповѣданія. Онъ охранитель стадъ, защитникъ ихъ отъ волка, отъ заразной болѣзни, виновникъ возрастанія ихъ плодовитости. Онъ самъ становится во главѣ отряда пшавовъ, хевсуръ, тушинъ и ведетъ на враговъ, угнавшихъ скотину ³⁾. Онъ изображается съ мечемъ и щитомъ въ монастырѣ Кирика и Улиты въ Сванетіи ⁴⁾. Въ селѣ Накипари (по Бартоломею) или Богрешіи (по Бакрадзе) церковь св. Георгія украшена снаружи барельефами бараньихъ головъ и другихъ животныхъ (по Бартоломею львиныхъ и оленьихъ) ⁵⁾. На фрескахъ Курашской церкви изображено чудо св. Георгія: святой поражаетъ копьемъ дракона; женская фигура съ короной на головѣ со щитомъ держитъ дракона на цѣпи, иллюстрируя эпизодъ изъ житія св. Георгія. Въ углу стоитъ много деревянныхъ лалицъ съ остриемъ на концѣ въ видѣ копья. Это—орудія св. Георгія; ими стрѣляетъ онъ въ стѣны и куполъ церкви, предвѣщая чью-либо смерть ⁶⁾. На джуматской иконѣ ⁷⁾ XI—XII в. великомученикъ представленъ во весь ростъ, одѣтъ въ кольчугу, въ лѣвой рукѣ держитъ щитъ, въ правой пику, позади виситъ длинный мечъ, а въ Байлетской церкви образъ свв. Георгія и Феодора представленъ въ воинскихъ костюмахъ съ пикой въ рукахъ и шлемомъ ⁸⁾. Можно привести

¹⁾ См. мою статью Древнѣйшіе предѣлы разселенія грузинъ по М. Азии 1—30.

²⁾ *Веселовскій* ор. с. 51: Лазы, родственные мингрельцамъ и сванетамъ(?)—древніе колхи. Вопросительный знакъ послѣ „сванетовъ“ не ясенъ: сомнѣваться въ принадлежности сванетскаго языка къ иверійской группѣ нѣтъ основаній. См. трудъ *Георга Розена* — *Die Sprach. der Lazen. Abhandlung über Migrel., Swan, u. Abchas. in 4—Berl. 1846.* „Сбор. матер. для опис. Кавказа, вып. X.

³⁾ См. мои этногр. очерки о пшавлахъ и тушинахъ въ *Этногр. сб.* п. р. Миллера, вып. III и *Этногр. Обзор.* кн. III.

⁴⁾ Замѣтка моя объ этихъ святыняхъ въ *Этногр. Об.* VI кн., стр. 236.

⁵⁾ *Веселовскій* ор. с. 52. То же самое находимъ въ Гомаретской церкви. „*Искрѣя*“ № 245, 1891 г.

⁶⁾ *Кондаковъ* ор. с., 107.

⁷⁾ *Заговоръ* въ рукописи на груз. яз. въ Моск. арх. иностр. д. представляетъ св. Георгія и св. Феодора на коняхъ въ вооруженіи.

⁸⁾ Св. Георгія на иконѣ въ Хопи представленъ на конѣ ѣдущемъ; справа

еще массу изображений этого святаго на стѣнахъ церквей и иконахъ, но въ означенныхъ примѣровъ становится ясно, что на св. Георгія перенесены черты какого-то языческаго бога войны—Марса. ¹⁾ Въ Пшаветин имя св. Георгія связывается съ Лашасъ-джвари или Лашкрисъ-джвари, что въ переводѣ значитъ крестъ войска, ополченія. Сооруженіе креста приписываетъ историкъ Вахушти Георгію Лапа, царю грузинскому, но нѣтъ сомнѣнія, что это только притязаніе объяснить происхожденіе Лашарисъ-джвари, филологическое толкованіе котораго даетъ право видѣть въ лашари, слово лашвари, т. е. войско. Молитва, съ которой и нынѣ обращается къ этому кресту Лапа, вооруженнаго противъ враговъ съ ногъ до головы, выѣзжающаго, по представленію пшава, противъ врага на буромъ съ черной гривой конѣ, очень характерна и достаточно уясняетъ, съ какимъ богомъ язычества слился въ представленіи народа св. Георгій. „Дай господи, говоритъ пшавъ, побѣду Лашарисъ-джвари вдали на врага, вблизи на звѣря, даруй милость мужчинамъ и женщинамъ, малому и великому, всѣмъ, приходящимъ къ тебѣ съ молитвой“ ²⁾! Во время войны грузинъ съ персами, по словамъ католикаса Виссаріона предъ войскомъ христіанъ, въ воздухѣ видѣнъ былъ разѣзжающимъ на бѣломъ конѣ прекрасный юноша, соврушающій враговъ. Всѣ были увѣрены, что это былъ св. Георгій побѣдоносець ³⁾. Онъ не только своего рода Аполлонъ, но и громовникъ:

царевна на веревкѣ тянетъ за собою дракона съ разсѣченною головою. *Описъ памятниковъ древности въ храмахъ Грузіи*, сост. проф. Кондаковымъ. Спб. 1891 г. стр. 63. На другой иконѣ въ Хопи же святой представленъ съ копьемъ въ правой и щитомъ въ лѣвой рукѣ. ib. 65. Въ Шемонмеди святой представленъ на конѣ повергающимъ врага (ib. 123), а въ Лихаури святой поражаетъ копьемъ дракона (ib. 133).

¹⁾ Въ Илори въ 2 вер. отъ Чернаго моря между Сухумомъ и Поты, 10 ноября бываетъ чудо: „въ каменной церковной оградѣ св. Георгія, запечатанной съ вечера печатями государя и католикаса, невѣдомо откуда обрѣтается живой быкъ, котораго тутъ же убиваютъ и съѣдаютъ всѣ мірскіе народы“... Чудо см. у *Блокурова, Арсеній Сухановъ*. Исслѣд. ч. I, М. 1891. стр. 300. Ср. Баградзе, Brosset, Ламберти, Шарденъ и др. Фрески сванетскихъ церквей представляютъ св. Георгія поражающимъ не дракона, а царя Діоклетіана, который надѣлъ на голову его вѣнецъ великомученика. *Еп. Григорій*. Поѣздка въ Сванетію, стр. 16. (Поты, 1893).

²⁾ „*Иверія*“ № 177, 1888 г. Въ походъ выходили пшавы лишь по указанію хевксъ-бери (жреца) Лашарисъ-джавари.

³⁾ Ср. Сказаніе о св. Димитріи, сражающемся впереди греческаго войска. „*Этногр. Обзор.*“ XV, 84.

сближеніе Ильи, почитаемаго за подателя дождя, и св. Георгія повело къ совмѣстному ихъ празднованію у абазиновъ ¹⁾). На грузинскомъ языкѣ сохранилась легенда о превосходствѣ св. Георгія надъ прор. Ильей ²⁾).

Во всѣхъ несчастяхъ и опасностяхъ призывается св. Георгій. Въ особенности въ полѣ, лѣсу, въ ущельѣ, въ ожиданіи или нападеніи злыхъ духовъ, достаточно назвать имя св. Георгія, чтобы демоны исчезли, не причинивъ никакого вреда стоящему на краю гибели. Желаніе св. Георгія, выраженное предъ кончиной, чтобы Господь даровалъ ему милость избавлять всѣхъ, взывающихъ къ нему, отъ опасностей, града и засухи, находитъ свое оправданіе въ представленіи грузинскаго народа. По грузинскому тексту, онъ не только дракона убиваетъ, но и дьявола запираетъ въ скалу, усвоивъ съ тѣхъ поръ надъ нимъ власть гнать и поражать его безошадно. Историкъ XVIII в. *Вахушти* даже названіе Грузія *Георія* объясняетъ тѣмъ, что св. Георгій пользуется наибольшимъ почитаніемъ у грузинъ: вѣтъ въ странѣ ни холма, ни вершины горы, гдѣ бы не возвышалась церковь во имя его. Еще путешественникъ XV в. *Бранденбахъ* и XVI в. *Чуди* связываютъ названіе Георгія съ почитаніемъ св. Георгія.

Стихи о св. Георгіи и пророкъ Іліи. Св. Георгій въ грузинскихъ духовныхъ сказаніяхъ приводится наряду съ пророкомъ Іліей. Сохранилось два варианта этого сказанія — карталинскій и имеретинскій. По *карталинскому сказанію* ³⁾, І. Христосъ, въ сопровожденіи Іліи, „повелителя и вождя облаковъ“ и св. Георгія „хранителя и защитника нашего отъ зла“ ⁴⁾, сошедши съ небесъ, обозрѣлъ поле и присѣлъ „утомленный, какъ человѣкъ“, отдохнуть подъ тѣнь какого-то дерева. Подобно „сыну Адама“, ему захотѣлось ѣсть и, замѣтивъ на лугу стадо барановъ, послалъ Ілію привести одну овцу, выпросивъ ее у пастуха. Пастухъ предварительно счелъ нужнымъ освѣдомиться относительно личности посланника. Услышавъ его имя, онъ отвергъ просьбу Іліи, который не заслуживаетъ довѣрія

¹⁾ *Дубровинъ. Исторія войны на Кавказѣ*, т. I, ч. 2, стр. 25. Кадаги-оракулъ св. Георгія пользуется особымъ уваженіемъ.

²⁾ „*Рай Грузіи*“, стр. 61—2, см. у меня дальше.

³⁾ „*Этнографич. Обзор.*“ кн. VI, стр. 235. Мой переводъ стиховъ кн. *Ак. Церетели*.

⁴⁾ На одной Илорской надписи св. Георгій именуется цѣлителемъ отъ болѣзней и избавляющимъ отъ плѣна. *Brosset. Var. VIII, 109 Voyage. archéol.* Ср. *Заговоръ* хранящійся въ моск. архивѣ иностр. дѣлъ.

уже потому одному, что совершенно безъ причины „вождь облаковъ“ посылаетъ градъ и перебиваетъ стадо несчастныхъ овецъ. I. Христосъ улыбнулся и послалъ къ пастуху св. Георгія. Пастухъ радостно принялъ святаго, который хранить его отъ „зла“, выбралъ лучшую овечку и прибавилъ, что его покровитель можетъ, сколько и когда угодно, требовать отъ пастуха приношенія. Овечку зарѣзали, изжарили, и втроемъ сѣли обѣдать. Послѣ трапезы I. Христосъ благословилъ окружающее мѣсто: „святель на этомъ мѣстѣ да пожнетъ въ тысячу разъ больше“, и вознесся на небо со своими спутниками. Св. Георгій явился пастуху и говорить: „за твою услугу я хочу тебѣ счастье принести — купи это мѣсто, посѣй хлѣбъ и не останешься недовольнымъ“. Пастухъ такъ и сдѣлалъ. Нива оказалась удивительной. Илія спрашиваетъ св. Георгія, „чья эта земля“. Узнавъ, что ее приобрѣлъ оскорбившій его пастухъ, обѣщался градомъ истребить всю ниву. Св. Георгій поспѣшилъ извѣстить пастуха и посовѣтовалъ продать землю кому-нибудь. Армянинъ, который съ завистью смотрѣлъ на ниву пастуха, предлагалъ ему еще предъ тѣмъ поль-цѣны; теперь, опасаясь потерять все, пастухъ согласился продать ему за безцѣнокъ. Армянинъ не успѣлъ налюбоваться своимъ приобретениемъ, какъ Илія градомъ положилъ ниву на землю. Расплакался армянинъ: „мое дѣло — аршинъ, говорилъ онъ, зачѣмъ я взялся за ниву?“ „Илія извѣщаетъ св. Георгія, что хлѣбъ пастуха погибъ отъ града“. Покровитель пастуха отвѣчаетъ, что земля принадлежитъ теперь армянину. Не понравилось это Иліи, и выразилъ онъ твердое намѣреніе поправить ниву. Но св. Георгій и тутъ успѣлъ предупредить пастуха, который выкупилъ имѣніе у армянина. Мелкій дождикъ поднялъ ниву на ноги, и Илія указалъ на свою силу св. Георгію. Послѣдній засмѣялся и сообщилъ, что нива опять того же пастуха. Разгнѣвался Илія и проклялъ землю: „пусть она не дастъ болѣе одного води (4 пуда) зерна съ каждой арбы!“ Св. Георгій и этому проклятію нашельъ противовѣсь. Онъ приказалъ пастуху не класть болѣе одного колоса на арбу, если даже сосѣди будутъ смѣяться надъ нимъ. Разбогатѣлъ пастухъ отъ благословенной земли.

По *имеретинскому варианту*, два брата, раздѣливши имѣніе, живутъ во враждѣ по винѣ сварливыхъ ихъ женъ. Перестали работать и старались только вредить другъ другу. Друзья посовѣтовали имъ обратиться къ священнику и принести жертву Богу. Духовный отецъ пытался внушить имъ взаимную любовь и сознаніе необходимости поставить себя подъ покровительство какого-нибудь святаго или пророка. Старшій поручилъ себя св. Георгію, а младшій прор. Иліи. Они вре-

стали у своихъ исповѣдниковъ дѣтей и стали жить съ ними въ дружбѣ и любви. Разъ невѣстки заговорили о крестныхъ отцахъ своихъ дѣтей. Первая восхваляла св. Георгія, который съ копьемъ въ рукахъ истребилъ огнедышащихъ драконовъ. Вторая превозносила Илію, катающагося въ колесницѣ въ небесахъ и съ высоты поражающихъ ненавистниковъ градомъ и молніей. Заспорили невѣстки и побранили взаимно своихъ крестныхъ отцовъ. Вечеромъ Илія встрѣчаетъ старшую невѣстку въ грустномъ и опечаленномъ видѣ. Илія разспросилъ о причинѣ скорби. Она рассказала, какъ его бранила ея невѣстка, увѣряя, что Илія не можетъ сравниться съ св. Георгіемъ. Илія въ отмщеніе обѣщаль ей сжечь ниву ея деверя палящимъ солнцемъ, приказавъ на этотъ счетъ хранить пока молчаніе. Возвращаясь въ веселомъ настроеніи домой, она повстрѣчала неизвѣстнаго человѣка. Послѣдній, посмотрѣвъ на небо, высказалъ, что завтра нужно ожидать дожда. Женщина возразила, увѣряя его, что вмѣсто дожда будетъ жара, все иссушающая. Праведникъ усомнился; тогда женщина не вытерпѣла и повѣдала тайну, откуда ей извѣстно достоверно состояніе погоды слѣдующаго дня. Вечеромъ того же дня кто-то (какъ оказывается св. Георгій) приходитъ къ младшему брату и совѣтуетъ продать свой участокъ земли старшему брату. Палящее солнце спалило всю ниву. Мужъ со слезами извѣстилъ свою жену. Она выбѣжала на дворъ и встрѣчаетъ Илію, который, узнавъ о случившемся, обѣщаль послать мелкій дождичекъ. Тотъ же спутникъ догналъ старшую невѣстку, но она, не обративъ на него вниманія, пошла далѣе въ радости, громко оглашая тайну. Св. Георгій спѣшитъ къ младшему брату и совѣтуетъ выкупить обратно имѣніе у старшаго. [Сказано — сдѣлано Дождикъ оживилъ ниву, старшая невѣстка начала радоваться, но мужъ ей печально объявляетъ, что онъ землю уже продалъ брату. Жена въ ярости выбѣжала на дворъ, встрѣтила Илію и при немъ стала бранить мужа. Илія ее остановилъ, проклялъ ниву и младшую невѣстку съ мужемъ. Получивъ наказъ никому не сказывать объ этомъ, она заснула подъ деревомъ и громко во снѣ пробормотала, что грозило нивѣ. Св. Георгій оказался въ это время тутъ, разслышалъ все и передалъ своему кліенту. Тотъ по совѣту своего покровителя, снова продалъ землю старшему брату, уже начинающему съ завистью смотрѣть на ниву своего брата. Градъ на другой день ее совершенно побилъ. Старшая невѣстка радовалась гибели своего деверю, но недолго, узнавъ, что несчастье оборотилось на ихъ имѣніе. Со слезами на глазахъ встрѣтила Илію Онъ здѣсь уже увѣрился, что кто-то покровительствуетъ младшему брату. Св. Георгій Илію открывается, что онъ извѣщаль

своего исповѣдника о намѣреніяхъ громовежца, который безуспѣшно старался покарать человѣка по навѣтамъ женщины ¹⁾.

Стихи о св. *Георгіи* ²⁾ извѣстны въ обработкѣ Важа-Пшавела. На праздникъ св. Георгія Тетри направляются горцы въ арбахъ и пѣшкомъ. Мать Нене отправляетъ сына своего, предостерегая его отъ нападенія лезгинъ. Юноша съ теплой мольбой къ св. Теодору смѣло пускается въ путь, но скоро нападаютъ на него лезгинны, берутъ его въ плѣнъ и приносятъ въ жертву Магомету. Бѣдная мать напрасно ждетъ его возвращенія! Сосѣдки вмѣстѣ съ нею оплакиваютъ погибшаго юношу. По истеченіи семи лѣтъ, въ одну темную ночь у храма Тетри Георгія былъ слышенъ голосъ: „Бѣлый Георгій! Куда ты дѣлъ моего сына! Я отправила его къ тебѣ на поклоненіе, а ты меня свергъ въ муку нестерпимую!“ Разъ, когда мать сидѣла у очага и проливала слезы, послышался топотъ коней и страшное землетрясеніе. Вдругъ освѣтилась вся хата и красивый всадникъ передалъ Нене сына, а самъ исчезъ. Мать начинаетъ цѣловать сына, благодаря Бога, что даль онъ ей узрѣть сына предъ смертью, и испускаетъ духъ.

Пшавы ³⁾ сохранили стихи о *дэвахъ*, которые представляются существами, покрытыми густыми волосами, скрывающимся днемъ и появляющимся ночью. Всего болѣе боятся дэви огня и острія. Лицомъ они похожи на человѣка, но выше поясицы покрыты бываютъ щетиною. Прежде они ѣли людей, не давали имъ воды изъ рѣкъ; но съ появленіемъ святыхъ Копалы и Яхсарта, они исчезли послѣ кровопролитной борьбы, мѣсто которой извѣстно пшавамъ. Дэви сошли со сцены лишь временно: перестанетъ народъ вѣрить въ святыхъ, и они опять начнутъ пожирать людей. Копала монахъ изъ дер. Илинчи, провѣдавъ о бѣдствіяхъ, причипаемыхъ дэвами, возымѣлъ желаніе освободить отъ нихъ народы. Разъ онъ пришелъ къ нимъ въ гости, въ качествѣ заблудившагося охотника и попросилъ позволенія принять участіе въ ихъ игрѣ, которая состояла въ бросаніи тяжелыхъ камней для физическаго упражненія. Онъ превзошелъ ихъ въ силѣ и ловкости, перебилъ ихъ, овладѣлъ жилищемъ и тѣмъ камнемъ на бе-

¹⁾ *Мой* „Грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи“ стр. 26—9.

²⁾ Эти стихи (*Иверія* 1893, 7) въ оригиналѣ носятъ названіе баллады. Тетри Георгій, т. е. Бѣлый Георгій почитается въ Пшаветіи. Любопытно сочетаніе св. Георгія и св. Теодора (Февдоре). Свв. Георгій и Теодоръ въ образѣ воиновъ представлены въ Байлетской церкви.

³⁾ См. мою замѣтку въ „Этногр. Об.“ кн. I, (изъ „Иверія“),

реку Арагвы, который и теперь считается трономъ Копалы. Дэви изъ мѣстности Удхо-гори украли было у него камень; но онъ погнался за ними и на разстояніи нѣсколькихъ верстъ удачно брошенной стрѣлой положилъ ихъ на мѣстѣ. Копала входитъ въ домъ убитыхъ враговъ, гдѣ застаётъ мать за пражей нитей для стрѣлъ. Предъ глазами матері: Копала убиваетъ сына ея Автандила, возвратившагося съ охоты съ убитымъ оленемъ на одномъ плечѣ и огромнымъ дубомъ на другомъ.

Автандилъ въ крови катится внизъ и образуетъ оврагъ, называемый у пшавовъ „ущельемъ Автандила“, противъ камня Копалы. Узнавъ объ этихъ подвигахъ Копалы девятиглавый дэви Кортанели (мѣсто ущелья Арагвы) и загородилъ дорогу святому на возвратномъ его пути; но Копала послѣ упорнаго состязанія съ дэви, сразилъ его, отрубилъ 9 головъ и вернулся въ свою келью. Дэви прибѣгли къ послѣднему средству, чтобы поработить пшавовъ; они запрудили Арагву, съ цѣлью обратить ее въ озеро и потопить въ немъ всѣхъ святыхъ, покровительствующихъ Пшаветіи. Копала самъ нанялся къ нимъ въ рабочіе и въ удобную минуту перебилъ всѣхъ ихъ начальниковъ. Въ этой борьбѣ остріе стрѣлы у Копалы притупилось. Кузнецъ Пиркуша отказывается отточить его, и возникаетъ ссора между Копалой и Пиркушей, во время которой дэви захватили въ плѣнъ Пиркушу. Копала, забывъ личные счеты, идетъ на помощь другу. Онъ встрѣчаетъ одного бѣглеца дэви, отъ котораго подъ угрозой смерти вывѣдываетъ, что всего удобнѣе перебить дэвовъ, когда тѣнъ деревьевъ выпрямляется и они, пообѣдавъ, пьютъ опиумъ, и ложатся спать, теряя всякую силу. Копала воспользовався совѣтомъ и истребилъ враговъ съ помощью архангела.—Яхсартъ—ангелъ, сошедшій съ неба и поселившійся противъ Ависгоръ, обители дэвовъ, которыхъ онъ и истребилъ булавой. Лишь одинъ одноглавый дэви скрылся въ Цицидскомъ озерѣ, но Яхсартъ и тамъ убилъ его, и кровью дэви покрылось все озеро Яхсартъ долженъ былъ остаться въ глубинѣ воды, чтобы не осквернить себя нечистой кровью. Народъ, желая избавить своего покровителя, обратился за помощью къ кадаги (орагулу), который велѣлъ принести въ жертву озеру четырехрогаго и четырехухаго барана. Послѣ долгихъ поисковъ нашлось такое рѣдкое животное въ Хевсуретіи. Зарѣзали его, пустили кровь его въ озеро, и послѣднее на половину освободилось отъ крови дэви. Яхсартъ вышелъ, какъ голубь.

Стихи о Соломонѣ ¹⁾. Соломонъ-царь сказалъ: „Господи, дай мнѣ жить, чтобы помогать вдовамъ и сиротамъ.“

¹⁾ *Иверія*, 1890, 257.

Въ одной ямѣ ¹⁾ сидѣли два преступника. Одинъ изъ нихъ покался и по свѣсившемуся луку—порею сталъ вверхъ подниматься, по Божьему соизволенію. Другой, видя чудесное его восхожденіе, схватился за его ногу въ надеждѣ вмѣстѣ съ нимъ выбраться изъ заключенія. Но первый, по внушенію дьявола, опасаясь за прочность порея, столкнувъ второго ногой, оборвался порей и оба упали внизъ въ яму. Ангелъ донесъ объ этомъ І. Христу, который въ тотъ же день посѣтилъ преступниковъ. Горе тебѣ, сказалъ Господь первому, что для своего спасенія ты хотѣлъ сгубить этого, который заслуживаетъ быть извлеченнымъ на свѣтъ, а тебѣ съ гордымъ сердцемъ оставаться въ ямѣ! Такъ, измѣнникъ издревле томится душою и тѣломъ.

III. Легенды.

Легенды—народныя прозаическія сказки духовно-нравственнаго содержанія. Источникомъ легендъ служили разныя сочиненія духовной письменности и апокрифическія сказанія. Нѣкоторыя легенды, сохранивъ имена святыхъ, представляютъ передѣлку священнаго писанія на народныя нравы или служатъ изображеніемъ жизни съ религіозно-нравственной точки зрѣнія. Въ легендахъ господствуетъ двоевѣріе: сферу высшаго бытія приравнивають къ земному, небесныя силы заставляютъ дѣйствовать по интересамъ и замысламъ человѣческимъ. Достоинство ихъ заключается въ нравственномъ началѣ, лежащемъ въ основаніи каждой легенды—добро торжествуетъ надъ зломъ.

Изъ ветхозавѣтныхъ событій сохранились легенды о сотвореніи міра, Самоэль, жизни Адама, Ноѣ, Соломонѣ.

Легенда о Самоэль отерываетъ рядъ сказаній, по которымъ въ созданіи міра принимаетъ участіе дьяволъ, стремящійся то испортить твореніе Бога, то помогающій ему на извѣстныхъ условіяхъ.

Тѣфу, проклять будь сатана, что въ Сванетію не пустилъ Христа! Говорять, когда Христось въ Карталиніи-Имеретіи производилъ плоды: виноградъ, яблоко, грушу и другіе, сатана въ Сванетію пришелъ. Когда Христось окончилъ производить плоды въ Карталиніи-Имеретіи, потомъ онъ отправился въ Сванетію; но на половинѣ дороги провлятый сатана встрѣтилъ (Его) и сказалъ: Господи, ты напрасно

¹⁾ *Джедаджи* 1893, I. Легенда въ стихахъ *Зезва*. Легенда можетъ быть названа, стихами о *праведникѣ и грѣшникѣ*. Ср. *Сумцогъ*. Легенда о грѣшной матери.

идешь въ сванетскую страну, тамъ я былъ и произвелъ всѣ фрукты. Христось за правду принялъ слова сатаны и назадъ повернулъ. Онъ сидѣлъ на раши (конѣ); во-время поворота, конь передними ногами наступилъ на камень, на которомъ остались слѣды копытъ Изъ-подъ камня потекла вода, которая дало начало источнику. Слѣды раши на томъ камнѣ и нынѣ видны. Это мѣсто называется „Поворотъ Христа“ ¹⁾. Вотъ почему нѣтъ, въ Сванетіи хорошихъ фруктовъ: винограду, кукурузы, и проч. Сатана все дурное только призвелъ въ Сванетіи. Поэтому прокликаетъ его всякій сванетъ.

Сотвореніе міра ²⁾). Объ участіи дьявола въ актѣ міроздавія вѣются нынѣ подробные рассказы, сохранившіеся въ Кахетіи, Сванетіи, Пшаветіи и Карталиніи. Новѣйшія изслѣдованія объ дуалистическомъ преданіи ³⁾, указываютъ обширное распространеніе этой легенды, доходящей до глубины Азіи, но первый источникъ все еще представляется темнымъ. По представленію *кахетинцевъ*, кромѣ нашего видимаго міра, существуетъ два населенныхъ людьми міра; одинъ находится выше насъ, а другой ниже насъ. Такимъ образомъ, мы живемъ въ среднемъ мірѣ, и потому поясомъ обгтяваемся по срединѣ своего туловища, между тѣмъ какъ обитатели нижняго міра подпоясываются на бедрахъ, и обитатели верхняго—выше поясницы, т. е. на груди или шеѣ. Нашъ міръ существуетъ очень давно и будетъ существовать еще болѣе того, чѣмъ прошло отъ его сотворенія. Богъ создалъ видимый міръ слѣдующимъ образомъ. Онъ прежде всего сотворилъ землю, придавъ ей видъ совершенно горизонтальной площади, а затѣмъ принялся за устройство для нея крыши, т. е. неба. Небо, сообразно съ величиною созданной земной плоскости, должно было быть огромнѣйшихъ размѣровъ, чтобы могло вполне прикрывать землю, и устройство такого неба стало затруднять Бога. Въ то время на сцену появляется дьяволъ, который, желая воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Творца, рѣшился принять участіе въ сотвореніи міра, дабы и самому властвовать наравнѣ съ Богомъ; но Богъ не хотѣлъ уступить діаволу, и между ними началась борьба. Предвидя, что Богу будетъ не подъ силу создать небо такихъ размѣровъ, какихъ требовала величина земли, дьяволъ сталъ вязать изъ нитокъ сѣтку, которую думалъ предложить

¹⁾ „Сб. мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“, вып. X, отд. II, 244.

²⁾ „Сбор. мат. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа“ вып. XVII, II, 124—173.

³⁾ *Аванасьевъ*. Поэтнч. возврѣнія II, 457, 509. *Веселовскій*. Разысканія, вып. V, гл. XI, *Этногр. Обзор.* V, 32—48.

Богу для пополненія недостающей части неба. Богъ, замѣчая намѣренія дьявола, создалъ мышей, которыя подползали къ связываемой дьяволомъ сѣткѣ и стали ее разгрызать и портить, такъ что она оказалась совершенно непригодной для присоединенія къ небесному своду. Тогда дьяволъ далъ Богу совѣтъ уменьшить размѣры самой земли, а для этого обхватить всю ея площадь своими мощными руками и стянуть ее съ краевъ къ серединѣ, пока она неумѣстится вполнѣ подъ готовымъ небомъ, которое такимъ образомъ должно опираться на края земли и начало морей. Богъ послушался дьявола и взялся стягивать земную плоскость. Вотъ при этомъ стягиваніи и образовались всякія шероховатости въ поверхности земли, какъ то: горы ¹⁾, ущелья, долины, котловины, пещеры, пропасти. Создавши міръ и опредѣливъ въ немъ сказанные уголки для жизни нечистыхъ силъ, въ то же время Богъ мѣстомъ жизни для себя съ ангелами и прочими святыми избралъ небо. Жизнь на небѣ замѣчается и нынѣ, а именно: очень многимъ приходится иногда по ночамъ слышать глухой, отдаленный звонъ колокола, — этотъ звонъ доносится съ неба. Кромѣ того, ночью же многими случается видѣть, какъ на мгновение раскрывается небо, откуда показываются въ свѣтлыхъ священническихъ ризахъ святые, благоговѣнно поющіе разныя священныя пѣснопѣнія. При этомъ счастливецъ, удостоившійся видѣть эту картину, обязательно получаетъ все то, чего въ этотъ моментъ пожелаетъ испросить у Бога.

Послѣ неба и земли Богъ создалъ человѣка съ животными, которыхъ поселилъ на землѣ, и затѣмъ приступилъ къ устройству правильного хозяйства для человѣка. Прежде всего, озабочиваясь выбрать болѣе полезное животное для человѣка, Богъ призвалъ къ себѣ оленя и быка и для испытанія ихъ приказалъ, чтобы они пробѣжали по небу, съ предупрежденіемъ, что преимущество будетъ дано тому, кто скорѣе пробѣжитъ по всему небу отъ начала до конца. Олень, задумавъ опередить быка, чтобы получить Божье одобреніе, понесся съ такою быстротою, что скоро далеко оставилъ за собою быка; но зато отъ чрезмѣрнаго напряженія онъ скоро околѣлъ, не добѣжавъ до конца неба и только оставивъ ясные слѣды своихъ большихъ прыжковъ, т. е. отрывистыя полосы млечнаго пути (*ирмисъ навали*). Быкъ, медленно потащился впередъ, вяло жуя свою жвачку; поэтому онъ вполнѣ благополучно, хотя и поздно, добрелъ до конца неба,

¹⁾ Ср. польскую легенду о созданіи горъ. „Этногр. Об.“ V, 33

по всему протяженію котораго остаются цѣльные слѣды, т. е. непрерывныя полосы млечнаго пути (*харисъ навалы*). Послѣ такого испытанія, Богъ далъ предпочтеніе быкамъ и благословилъ ихъ, какъ рабочую для человѣка силу, а оленямъ повелѣлъ скитаться ночью по лѣсамъ, гдѣ охотникъ можетъ убивать ихъ безнаказанно.— Затѣмъ, при дальнѣйшихъ заботахъ Бога о благѣ человѣка, опять выступилъ на сцену злой духъ, который силился вредить интересамъ человѣка. Богъ, желая приучить человѣка къ земледѣлію и опредѣлить, какіе плоды будутъ для него необходимы, самъ засѣялъ поле пшеницею и спросилъ діавола о томъ, что бы онъ хотѣлъ получить отъ урожая этой пшеницы. Алчный, но не дальновидный діаволь, видя, что зерна при посѣвѣ засыпаны въ землю, попросилъ Бога удѣлить ему корешки. Тогда Богъ, выростивъ засѣянный хлѣбъ, далъ этому хлѣбу плоды (колосья) вверху, взялъ ихъ себѣ, а діаволу передалъ испрошенные имъ корешки.

Затѣмъ Богъ посѣялъ чеснокъ и опять спросилъ діавола, что бы ему удѣлить изъ него. Діаволь, обманутый предыдущимъ опытомъ, пожелалъ взять верхушки растенія. Но и тутъ Всемогушій Богъ пересилилъ діавола. Онъ выростилъ богатый чеснокъ, плоды завязалъ въ мясистыя луковицы въ землѣ же, эти плоды взялъ себѣ, а бесполезное надземные стебельки отдалъ на питаніе діаволу. — Далѣе, для обращенія хлѣбныхъ зеренъ въ муку, Богъ принялся за устройство мельницы, но такъ какъ, по сложности послѣдней, Онъ сталъ затрудняться и не могъ обойтись одними своими собственными силами, то и въ данномъ случаѣ предложилъ свои услуги діаволу. Этотъ нечистый духъ вызвался докончить начатую Богомъ постройку мельницы такъ, чтобы человѣку оставалось только засыпать въ ковши зерно—и получать готовую муку, что онъ, съ позволенія Бога, и исполнилъ съ успѣхомъ; діаволь сталъ гребовать, чтобы за устройство мельницы Богъ далъ ему во власть души всѣхъ тѣхъ людей, которые будутъ пользоваться мельницею, а Богъ на это не соглашался, говоря: „Такъ какъ въ мельницѣ будетъ нуждаться послѣдній человѣкъ, то, отдавъ тебѣ во власть души всѣхъ людей, настоящимъ владыкой міра будешь ты, а не Я!“ Наконецъ, споръ свой порѣшили они на томъ, что Богъ отдастъ во власть діавола души лишь тѣхъ изъ людей, кои позволяютъ себѣ какую-либо фальшь съ хлѣбомъ на мельницѣ. Вотъ именно послѣ этого у грузинъ и считается великимъ грѣхомъ воровать изъ принесеннаго на мельницу хлѣба, обчитывать хозяина или замѣнять хорошей хлѣбъ худшимъ.

По представленію *пшавоэ* ¹⁾, Богъ и дьяволъ братъ и сестра. Послѣдняя разгнѣвала брата, который проклялъ ее удаливъ отъ себя. Съ этихъ поръ сестра сдѣлалась дьяволомъ и стала соперникомъ Бога. Дьяволъ старался испортить твореніе Бога. Когда Господь сотворилъ небо изъ сѣтен, то дьяволъ соудалъ дьяволовъ для изрѣзыванія сѣтки. Тогда Богъ сотворилъ kota. Господь развелъ садъ, а дьяволъ для его уничтоженія возъ, для истребленія же послѣднихъ Господь отвѣтилъ созданіемъ волковъ ²⁾.

Было время, по *сванетской легендѣ*, когда ни неба не было, ни земли и ни того, что теперь на нихъ есть. Все было покрыто водою, моремъ. По срединѣ этого моря поднималась высокая скала и въ срединѣ скалы былъ Богъ. Богу наскучило быть въ скалѣ одному только, и онъ раскрылъ ее на протяженіи 12 верстъ и вышелъ изъ нея. Тогда Онъ осушилъ воду, и смѣсь воды и земли, что было вокругъ скалы, раздѣлилъ надвое: изъ одной части сдѣлалъ Богъ небо, изъ другой землю для людей и живыхъ существъ. Но живыхъ существъ еще не было; тогда отъ скуки изъ праваго глаза Его упала слеза, и она стала Михаиломъ архангеломъ, потомъ изъ лѣваго глаза упала слеза, и сталъ Гавріилъ архангелъ. Много прошло времени. По повелѣнію Бога, на землѣ создано много живыхъ существъ и людей. Богъ и Его ангелы ходили вмѣстѣ по вселенной. Разъ въ дорогѣ встрѣтили они одного умнаго юношу Георгія. Очень полюбилъ Богъ его и взялъ съ Собою. Много ѣздили Богъ и его ангелы по міру на своихъ рапи (пегасахъ); вездѣ осушали для людей воду и, наконецъ, увидѣли они огромный камень, бѣлый какъ снѣгъ и пошли по направленію къ нему; но три Его спутника не привели Бога къ тому камню, боясь зла, Георгій же подвелъ Бога къ камню. Богъ ударилъ кнутомъ въ камень, онъ разбился и изъ него вышелъ сатана и сразу схватилъ коня Бога. Богъ просилъ о помощи, — тогда ангелы окружили сатану и начали его спрашивать: кто онъ или чей онъ владѣлецъ? Сатана сказалъ Богу: „Я и Ты оба мы были въ срединѣ камня; я и Ты оба одного рода происхожденія, я емъ сердце камня,

¹⁾ *Иверія* 1888, 223. Ср. съ груз. легендами арм. саги *Märchen und Sagen der Bukowinaer Armenier*. Heinrich Wislocki. Hamburg. 1891.

²⁾ Съ Божьяго соизволенія дьяволъ, по сотвореніи Господомъ коровы, соудалъ козочку. *Романосъ*. Бѣлорусская легенда въ Бѣлорус. сборникѣ, вын. IV, 1—5.

³⁾ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. X, отд. II, стр. 244—252.

какъ и Ты, потому и удѣли мнѣ что-либо изъ вселивной“. Богъ предложилъ своимъ ангеламъ обсудить просьбу сатаны. Они раздѣлили все на три части: въ одну часть выдѣлили всѣхъ живыхъ людей, въ другую—души умершихъ людей, въ третью—всѣхъ животныхъ и птицъ. Богъ выбралъ Себѣ людей и животныхъ, сатана душу человѣка; но при этомъ ангелы прибавили одно условіе,—они сказали сатанѣ: „Сатана, ты очень не радуйся! знай, что душа человѣка будетъ во твоихъ рукахъ дотолѣ только, пока у Бога не родится Сынъ, Который и избавитъ отъ твоего господства души умершихъ людей“. Сатана отвѣтилъ, что пока у Бога родится сынъ до тѣхъ поръ много, очень много времени пройдетъ и онъ еще много человѣческихъ душъ приманитъ къ себѣ. Сатана сдѣлалъ адъ и вокругъ него обвелъ, стѣну въ одномъ мѣстѣ оставилъ онъ небольшое отверстіе, черезъ которое и входили души людей: въ адъ было много дьяволовъ; они, по указанію старшаго сатаны, всячески мучили души. Много времени прошло, въ которое такъ мучилась душа человѣка въ адъ; но настало время, когда долженъ былъ родиться Сынъ Божій. Богъ сжалился надъ душами людей. Онъ и Его ангелы имѣли по этому дѣлу совѣщаніе; всѣ высказали свои мысли; одинъ ангелъ сказалъ, что онъ знаетъ двухъ праведныхъ супруговъ, у которыхъ есть одна дочь, по имени Марія. Тогда Богъ взялъ яблоко ¹⁾ вдунулъ свою душу и отдалъ ангеламъ. Они взяли яблоко и пошли въ домъ къ Маріи. Марія была пречистая дѣва. Ангелы дошли до дома Маріи, но ея не было дома. Она стирала бѣлье у источника,—архангелъ Гавріиль, не показывая себя, подбросилъ данное ему Богомъ яблоко. Марія взяла яблоко и отгуспла отъ него три раза, но укушенія слѣды такъ и не остались на яблокѣ; Марія положила его за пазуху. Въ это время Гавріиль архангелъ явился Маріи и сказалъ: „Радуйся, Марія, что съ укушеніемъ яблока въ Тебя вошелъ Святой Духъ. Ты зачнешь и родишь Сына; Онъ будетъ Христосъ, Марія удивилась этой вѣсти ангела, но потомъ много прославила Бога. Дѣйствительно, какъ сказалъ Марія такъ и исполнилось; въ свое время у Маріи, въ Виелеемскомъ городѣ родился Сынъ. Христосъ выросъ очень быстро и такой умный былъ, что всѣ были удивлены.

Христосъ крестился и затѣмъ пачалъ учить народъ и всему хорошему только училъ всѣхъ. Ясно объяснилъ народу, кто есть истинный Богъ и Его законы. Два раза на проповѣди Христосъ сказалъ народу: „Намъ предстоитъ большія тяжести песку переноси-

¹⁾ Сказочный сюжетъ.

сить! Народъ не понялъ этихъ словъ. На другой день опять повторилъ Христосъ эти слова. Тогда одинъ юноша сказалъ: „Учитель нашъ, что же означаютъ твои слова, мы не поняли, объясни ихъ хорошо.“ Тогда Христосъ сказалъ: „Слѣдуйте всѣ за Мною!“ Народъ послѣдовалъ за Нимъ, и Христосъ привелъ ихъ всѣхъ въ адъ, разрушилъ его и вывелъ оттуда умершихъ и отвелъ ихъ въ рай; рай заготовилъ заранѣе Богъ. Такимъ образомъ, Христосъ побѣдилъ сатану и разрушилъ его царство—адъ.

Въ началѣ¹⁾, по *грузин. версіи*, вселенная была покрыта водою. Богъ, Создатель міра, въ то время находился въ Самсарской скалѣ. Однажды онъ выскочилъ изъ нея и бросился въ воду; въ водѣ Ему стало холодно; Онъ вздохнулъ и проронилъ двѣ слезинки изъ глазъ; слезинки эти превратились въ архангеловъ Михаила и Гавріила. Надо было уничтожить воду, въ которой Богъ тонулъ и открыть сушу. Съ этою цѣлью всѣ втроемъ стали дуть на воду и кое-какъ достигли морского дна. Здѣсь они замѣтили чьи-то слѣды, приведшіе ихъ въ сянему камню (см. синій камень галицкой колядки и бѣлорусской легенды, *Веселовскій*, Разысканія, вып. V, стр. 257). Когда подняли камень, оттуда выскочилъ Самоэль, который схватилъ Бога за горло и хотѣлъ Его задушить. Помощь ангеловъ не помогла и самъ Богъ начиналъ просить Самоэля: „Отпусти только и проси чего хочешь!“—Больше ничего не хочу, только побратаемся! Богъ согласился, Самоэль освободилъ его и пошелъ своей дорогой. Богъ и ангелы принялись отдѣлать землю отъ воды, но это имъ не удастся, пока Самоэль не научилъ Михаила, какъ это сдѣлать (Богъ пусть закричитъ громко, насколько позволяютъ силы). Слѣдуетъ созданіе Богомъ (въ теченіе семи дней) животныхъ и людей. Адамъ и Ева были въ началѣ слѣпые; они прозрѣли, когда Самоэль, явившись въ образѣ козла, надумилъ Еву сорвать запретное яблоко. Послѣ этого Самоэль пошелъ опять къ Богу и, въ качествѣ брата, просилъ отмежевать ему его долю. Богъ отказалъ. — Такъ зачѣмъ же ты призналъ меня братомъ? Если другого ничего не дашь, то, по крайней мѣрѣ, дай мнѣ „сапицари“. Богъ далъ сапицари. Самоэль, который проглотилъ его, пошелъ въ адъ. Когда родился Христосъ, онъ также сошелъ въ адъ, взялъ съ собою все, что было живого на свѣтѣ, начиная съ человѣка и кончая пресмыкающимися; схватилъ за горло Самоэля, онъ заставилъ его изрыгнуть „сапицари“.

¹⁾ „Сбор. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кав.“ в. X. Ср. *Веселовскій*, „Этн. Об.“, V. 33—18. Въ вопросу о дуалистическихъ космогоніяхъ.

Переводчикъ объясняетъ „сапицари:“ оно было вѣчто такое, въ силу котораго все, что ни жертвовалъ человѣкъ Богу и что ни приносилъ онъ для угощенія при поминаніи усопшаго, принадлежало хозяину „сапицари“. Въ нашей легендѣ сапицари отвѣчаетъ рукописанію Адама, внесенному и въ мордовскую и полѣскую космогоническія легенды (Разысканія, вып. V, стр. 12, 32, 80 и 82). Что слѣдуетъ далѣе, принадлежитъ мотивамъ Александріи, своеобразно вплетеннымъ въ апокрифическую легенду. Въ отместку Христу Самоэль такъ затемнилъ адъ, что Онъ и его проводники два мѣсяца искали выхода изъ него. Нашелъ его человѣкъ, привязавшій у входа въ адъ своего осла, отвѣчавшаго на зовъ хозяина, Христось обѣщаетъ тому человѣку дать ему столько золота, сколько онъ самъ вѣситъ, но тотъ выпуль изъ-за пазухи человѣческое сердце: онъ удовлетворится, если его покроютъ золотомъ. Золота набросали несмѣтное количество, а не покрыли, потому что сердце всякій разъ подсказывало вверхъ. Наконецъ кто-то бросилъ на него горсть земли—сердце остановилось, съ тѣхъ поръ люди стали умирать. Второй разсказъ о сотвореніи міра не представляетъ слѣдовъ дуализма. Отмѣтимъ въ немъ, въ параллель къ знакомой чертѣ дуалистическихъ легендъ: о сотвореніи чертей изъ брызговъ, такую же подробность о созданіи Богомъ ангеловъ изъ капель дождей, который онъ заставилъ идти въ теченіе шести дней. Еслибъ Ева не поддавалась соблазну Самоэли, мать рождала бы ребенка изъ подъ мышки. Третья версія повторяетъ данныя первой: Михаилъ и Гавріилъ ходили по міру. Земная кора въ то время была до того мягка, что они взяли въ нее по колѣвни, хотя ходили на лыжахъ (сл. такую же подробность о прародителяхъ въ полѣскомъ вариантѣ легенды о мірозданіи). Передъ нимъ по землѣ постоянно шелъ круглый камень. Богъ хочетъ разбить его, ангелы противятся. „Не дѣлай этого не то мы будемъ каяться“. Богъ разбилъ камень ногой, изъ него выбѣжалъ Самоэль, схватилъ Бога за горло и сталъ душить. Отпусти только и чего хочешь проси, говоритъ Господь.—Дай мнѣ міръ видимый или невидимый, вѣчный.—Богъ уступилъ ему вѣчный міръ. Самоэль ушелъ, но ангелы спохватились и, нагнавъ его, сказали, что когда у Бога родится Сынъ, Самоэль придетъ уступить ему вѣчный міръ. Конецъ легенды говоритъ кратко о чудесномъ воплощеніи Спасителя, его преданіи и смерти на крестѣ. Для этого заказали кузнецу гвозди; послѣдній приготовилъ два лишнихъ гвоздя и потому всѣ кузнецы грѣшны. По смерти Христось сошелъ зъ адъ къ Самоэлю, и вывелъ оттуда души всѣхъ людей, кромѣ души Маки (укрывшійся или исчезшій членъ общества называется у сванетовъ Маки).

Сванетская космогоническая легенда не выводит насъ говорить акад. Веселовскій за границы ея, предположеннаго географическаго ея распространенія въ Европѣ; ея христіанскіе мотивы не приносятъ ничего новаго къ рѣшенію вопроса: какое этническо-религіозное вѣрованіе легло въ основу сказанія о братьяхъ-творцахъ, Богѣ и Сатанилѣ. Онъ предположилъ его не арійскимъ, а тюрско-финскимъ; упрочить это воззрѣніе могли бы финскіе (въ широкомъ смыслѣ) и тюрскіе варианты космогонической легенды, не обличающіе еще христіанскаго (богомилскаго) воздѣйствія.

Въ интересахъ вопроса о дуалистическихъ космогоніяхъ, приводимъ *армянскую* сагу о происхожденіи огня. (См. Whielocki). Было время, когда камни и деревья могли ходить и говорить, ѣсть и пить, и дѣлали все такъ, какъ люди. Это было счастливѣйшее время для человѣчества; если кто нуждался въ яблокѣхъ, то обращался онъ къ яблонѣ, говоря: „иди сюда и сбрось яблоко!“ И дерево раскачается и броситъ свой плодъ человѣку прямо въ полу платья. Также получали люди нужное имъ серебро и золото. Люди жили безъ заботъ и труда, такъ какъ камни и деревья служили имъ и обязаны были дѣлать для нихъ все необходимое. Всѣ созданія жили въ мирѣ и согласіи. Видѣлъ такое блаженное состояніе дьяволъ и страшно озлобился; онъ вздумалъ во что бы то ни стало разрушить мирное житіе, и тотчасъ же созрѣлъ у него планъ. Онъ явился къ Богу и говоритъ: „Небесный Отецъ! Ты все создалъ и прекрасно устроилъ, но кое-что ты забылъ! Позволь мнѣ это сотворить, чтобы и я, наравнѣ съ остальными созданіями, былъ счастливъ и доволенъ“. Богъ покачалъ головой и отвѣчаетъ. „Ты создашь для собственнаго удовольствія и для несчастія остальныхъ тварей, да, я тебя слишкомъ хорошо знаю! Однако, твоя просьба должна быть исполнена, чтобы ты не сказалъ, что я несправедливъ. Ступай и сотвори, что хочешь и можешь!“ Дьяволъ, смѣясь, вышелъ вонъ и отправился въ собраніе камней, которые сошлись, чтобы выбрать себѣ царя. Долго они не могли остановиться на одномъ выборѣ и, наконецъ, согласились посадить въ цари золотой камень. Дьяволъ громко захохоталъ и воскликнулъ: „Право, вы всѣ глупы, господа! Вы выбрали своимъ царемъ золотой камень, въ виду его красивой, блестящей наружности, и не знаете, что кремень можетъ совершить гораздо больше, чѣмъ вы всѣ вмѣстѣ. Подождите и вы увидите сейчасъ, что въ состояніи дѣлать кремень“. Онъ собралъ сѣно, хворостъ и навозъ въ одинъ громадный домъ и воззвалъ: „Подойдите сюда, кремень, и ты, желѣзнякъ! Станьте передъ домомъ и ударьтесь головой другъ о друга!“ Изъ времени стали сыпаться искры всякій разъ, какъ къ нему прикасался

жельзнякъ. Искры попали въ кучу собраннаго горячаго матеріала и разожгли его. Камни изумились, приближали на зрѣлище и люди, ибо они никогда не видали огня. Пламя охватило все вокруг и вскорѣ образовалось цѣлое огненное море. Люди нашли жареныхъ звѣрей и испеченные плоды, которые имъ показались очень вкусными. Они взяли уголья и развели въ своихъ жилищахъ огонь, на которомъ стали готовить различныя кушанья. Огонь же охватилъ такое громадное пространство, что половина земной поверхности покрылась имъ. Тогда Богъ призвалъ къ себѣ дьявола и говоритъ: „Что это ты сдѣлалъ? Какое ты несчастье снова изобрѣлъ?“ Дьяволъ, смѣясь, возразилъ: „Я никакого несчастья не изобрѣталъ, напротивъ, я осчастливилъ людей! Посмотри, какъ они пользуются и какъ старательно его поддерживаютъ“.—„Я прекрасно вижу, говоритъ Богъ, но это именно въ ихъ несчастью, такъ какъ я долженъ создать еще болѣе сильный огонь, который внушилъ бы имъ страхъ и трепеть“. Тогда Онъ изобрѣлъ молнію и послалъ громъ на землю, которымъ на первый разъ убилъ 10 человекъ. Когда дьяволъ это увидѣлъ и услышалъ громъ, бѣжалъ отъ страха предъ молніей и никогда больше съ того времени не приступалъ къ Богу. Но такъ какъ камни были причиною созданія огня, Богъ наказалъ ихъ, такъ что съ тѣхъ они не могутъ ни ходить, ни говорить, ни ѣсть, ни пить, но лежатъ, какъ мертвые. Такимъ же образомъ Богъ наказалъ деревья, такъ какъ они добровольно представили людямъ дрова (хворостъ). Такъ произошли огонь и молнія.

Въ разсказѣ о сотвореніи Адама и Евы, объ ихъ жизни по изгнаніи изъ рая, можно отмѣтить грузинскую версію апокрифа *„рукописаніе Адама“*. Когда Ева забеременела и настало время родовъ; то она, чувствуя страшныя боли, начала стонать и плакать. Страданіе жены обезпокоило Адама и онъ высказалъ желаніе: если бы кто облегчилъ женѣ эти боли, то я бы далъ что бы онъ ни попросилъ.—Я готовъ говорить Самалъ помочь подъ условіемъ: пока нерожденный не родится и бессмертный не умретъ, пусть твое потомство будетъ въ моей власти. Адамъ согласился. Такимъ образомъ потомство Адама перешло въ распоряженіе Самала. Разгнѣвался Богъ, созвалъ совѣтъ ангеловъ, на которомъ рѣшено было родиться Христу, какъ не рожденному и бессмертному. Родился Христосъ и господство Самала пало ³⁾).

³⁾ „Сб. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа“, вып. XVII, отд. II, стр. 144 и слѣд. Ср. *Шарфурьевъ*, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ, стр. 41: Адамъ далъ рукописаніе дьяволу за облегченіе страданія Евы, которыя она перетерпѣвала кормя грудью Каина, родившагося съ 12 змѣиными головами.

Отраженіе другого апокрифа о *головѣ Адама* можно уловить въ сказкѣ „Сильнѣе сильнаго всегда можно найти“. Въ одной громадной головѣ ночуютъ 60 братьевъ, черепъ этотъ великанъ притащилъ къ дверямъ шалаша одного пастуха, который его выбрасываетъ. Нарты застигнутые ночью, входятъ въ пещеру, которая оказывается гигантскимъ черепомъ ¹⁾.

Легенда о *сотвореніи человека* передаетъ, что Богъ далъ человѣку право жить 30 лѣтъ. Но потомъ онъ выпросилъ себѣ 20 лѣтъ изъ 40, которыя были дарованы ослу и 40 лѣтъ изъ 60, отъ которыхъ отказалась свинья.

Поэтому, хотя человѣкъ достигаетъ иногда 100 лѣтнаго возраста, но почеловѣчески онъ живетъ лишь 30 лѣтъ ²⁾.—Отраженіе слѣдовъ апокрифа о Моисейѣ находимъ въ сказаніи объ Амиранѣ, какъ мы указывали выше.

О *Соломонѣ мудромъ* ³⁾. Царь Соломонъ окруженъ цѣлымъ роємъ апокрифическихъ сказаній, которыя пользовались обширною популярностью на всемъ пространствѣ христіанскаго востока и даже за предѣлами его. Вопросная форма сказанія, притчи, загадки въ значительной степени расположились вокругъ Соломона.

У Соломона Мудраго былъ слуга. Когда прошелъ срокъ службы, Соломонъ и говоритъ ему: что ты предпочитаешь: чтобъ я тебѣ заплатилъ твое жалованье, или чтобъ далъ тебѣ три мудрыхъ совѣта? Слуга отказался отъ жалованья и захотѣлъ выслушать три мудрыхъ совѣта. Тогда Соломонъ далъ ему слѣдующія три совѣта:

1. „Не выдавай своихъ тайнъ никому!“

¹⁾ *Миллеръ*, Осетин. этюды, ч. I, стр. 61, 137. „Сбор. матер. для опис. „Кавказа“ X, 2, 32—5. Ср. *Порфирьевъ*, ib. 112: ветхозавѣтный апокрифъ рассказываетъ о головѣ Адама, что однажды, во время охоты Соломона, одинъ изъ его отроковъ, оставъ отъ свиты, попалъ въ пещеру и замѣтилъ, что она состоитъ не изъ камня, а изъ кости. Соломонъ приказалъ очистить кость отъ земли и кореньевъ и узналъ, что это голова Адамова. Ее перенесли въ Иерусалимъ и засыпали камнями, изъ коихъ образовалась Голгова.

²⁾ *Этногр. Об.* (изъ *Иверіи*) VIII, 221. Ср. *Порфирьевъ*, op. cit., 45.

³⁾ „Сбор. матер. для опис. плем. и мѣстностей Кавказа“, вып. IX, отд. II, 171—174. Ср. ариян. легенды о Соломонѣ, назван. Сборникъ вып. XIII, отд. 2,—31—33. Татарскія ib., отд. I, стр. 158. См. еще Сб. свѣд. о Кавказскихъ герцахъ, вып. I, отд. III, стр. 36, 22. Этногр. очерки Аргунскаго округа. Статья съ прилѣч. *А. П. Иттолитова*.

2. „Когда тебя не просят объ одолженіи чего либо, такъ ты и не одоужай!“

3. „Возьми ты вотъ эту орѣховую палочку, надѣнь на нее змѣйную кожу, которую найдешь на дорогѣ, и въ такомъ видѣ воткни эту палочку посреди своего двора.“ Слуга услышалъ наставленія мудреца, поблагодарилъ его и пошелъ къ себѣ. На дорогѣ онъ находить змѣйную кожу, которую надѣваетъ на палочку и, придя домой, втыкаетъ ее посреди двора. Черезъ нѣсколько времени изъ палки выросло большое дерево съ золотыми плодами. Бывшій слуга Соломона сталъ собирать золото и прятать его въ сундукахъ. Скоро онъ очень разбогатѣлъ и женился. Однажды, когда его не было дома, къ его женѣ приходятъ три армянина и начинаютъ упрашивать ее, чтобъ она разрѣшила имъ переночевать; она согласилась. Вотъ видятъ армяне посреди двора роскошное дерево съ золотыми плодами, и глаза у нихъ разбѣжались. Тутъ они принялись спрашивать жену счастливецъ, какъ и откуда мужъ ея досталъ дерево, они все спрашиваютъ ее, чтобъ она вывѣдала тайну у мужа, за что общали ей большое вознагражденіе. Но мужъ вспомнилъ первое наставленіе Соломона („Не выдавай своихъ тайнъ никому“) и отказалъ ей, но она въ концѣ концовъ довела его до того, что онъ все рассказалъ ей. Она пошла, да и сообщила секретъ армянамъ. Тогда хозяину и говорятъ ночлежники: „Или продай ты намъ это дерево, или мы возьмемъ его силою“. Желая избавиться отъ нихъ, говорить онъ имъ: „Когда такъ, давайте пари держать: если угадаете, откуда я досталъ дерево, возьмите его, нѣтъ—такъ заплатите штрафъ“. Армяне съ радостью согласились на пари и, конечно, выиграли его при содѣйствіи жены. Соломонъ очень разсердился на него и сказалъ: А вѣдъ я тебѣ говорилъ, чтобъ ты никому не выдавалъ своихъ тайнъ! Впрочемъ, ступай и предложи армянамъ новую загадку: Пускай они угадаютъ откуда восходитъ солнце!... Хотя загадка была не трудная, но армяне не разгадали ея, такъ-какъ бывшему своему слугѣ помогалъ Соломонъ: когда армяне говорили: „съ востока,“ солнце вдругъ появлялось съ запада; когда же они говорили: съ запада, то солнце появлялось съ востока. Такимъ образомъ, слуга вернулъ себѣ проигранное дерево. Однажды къ Соломону приходитъ визирь и просить его, отъ имени царя, пожаловать на обѣдъ. Соломонъ, отказываясь, говорить, что онъ занятъ дѣломъ вмѣстѣ съ слугами. Тогда царь снова присылаетъ сказать, чтобъ онъ приходилъ вмѣстѣ съ слугами. Соломонъ идетъ и беретъ съ собою слугу (героя легенды). Во время обѣда царь потребовалъ ножъ. Сидѣвшій тутъ же за общимъ столомъ Соломонъ слуга достаетъ изъ ноженъ свой ножъ и даетъ царю: царь, желая ис-

пытать находчивость Соломона говорить слугѣ: Вѣдь, это мой ножъ! Кто его тебѣ далъ? Слуга вспомнилъ второе наставленіе Соломона. (Когда тебя не просятъ объ одолженіи, такъ и не одолай), но было поздно. Въ отвѣтъ царю онъ ничего не могъ сказать. Тутъ визири царя немедленно взяли слугу и заперли въ отдѣльную комнату. Соломона же приказано было не впускать къ нему, такъ какъ онъ могъ освободить его. Хочется Соломону помочь своему слугѣ; но какъ это сдѣлать? Кругомъ дома—варауль: заговорить громко, такъ всѣ услышатъ! Находясь въ раздумьи, Соломонъ вдругъ замѣтилъ въ углу комнаты, предоставленной ему царемъ для отдыха кошку. Не долго думая, онъ поймалъ ее и началъ бить по головѣ. Кошка начинала сильно мяукать, а Соломонъ приговариваетъ: „бѣдная ты кошка! Вѣдь, я тебѣ говорилъ, чтобъ ты не давала ничего, когда тебя не просятъ! Скажи ты, кошечка, царю, что ножъ, который онъ присваиваетъ себѣ, найденъ былъ въ животѣ твоего отца; что убійца еще не открытъ; и что если ножъ на самомъ дѣлѣ его, то, значить, онъ, царь, и есть убійца! Слуга, слышалъ всѣ эти слова, и, когда на другой день онъ былъ позванъ на допросъ, то онъ и повторилъ эти слова. Царь не нашелся, что сказать, возвратилъ ему ножъ и отпустилъ домой съ подарками.

Былъ одинъ царь, который каждою родившагося въ его царствѣ жеребенка присваивалъ себѣ. Это отъ моей кобылицы! говорилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ.

Приходить къ этому царю Соломонъ—онъ былъ тогда еще очень молодъ—и занимается въ услуженіе. Ему поручаютъ смотрѣть за собаками. Вотъ однажды Соломонъ собираетъ всѣхъ собакъ и начинаетъ, что есть силы, бить ихъ. Царь узнаетъ объ этомъ и спрашиваетъ его. Зачѣмъ ты колотишь собакъ?—„Да какъ же мнѣ ихъ не колотить! Въ моей деревнѣ волкъ утащилъ теленка, а ваши собаки не погнались за нимъ! Откуда моимъ собакамъ знать, что въ твоей деревнѣ дѣлается? Ну, а какъ же ты-то разсуждаешь, царь: когда гдѣ то, за тридевять земель, рождается жеребенокъ отъ чужой лошади, говоришь, что онъ отъ твоей кобылицы, и присваиваешь его себѣ! Царь сконфузился и... пересталъ присваивать себѣ чужихъ жеребятъ.

О происхожденіи князей ¹⁾. Получивъ отъ Бога откровеніе, что скоро наступитъ всемірный потопъ, Ной послѣдно сталъ строить корабль для своего спасенія. Но работа тянулась, а потопъ приближался.

¹⁾ „Сбор. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа“, вып. IX, отд. 2, 174—5. Ср. *Искрѣя*, 1893, 168. Дочери Ноя.

Поэтому Ной пригласилъ къ себѣ на помощь плотника, которому обѣщаль въ уплату выдать за него свою дочь. Въ скоромъ времени понадобилось пригласить еще одного плотника. Ной и этому обѣщаль выдать свою дочь. Наконецъ, понадобился еще и третій плотникъ. Ной и этому сказалъ тоже самое. Работа кончилась, и плотники потребовали исполненія обѣщаній. Но у Ноя только и было, что одна дочь: что тутъ дѣлать? Вотъ онъ обращается къ Богу съ мольбою помочь ему. Богъ тогда создалъ изъ собаки одну дочь, а изъ осла другую. Вотъ, значитъ, стало у Ноя три дочери. Онъ и выдалъ всѣхъ трехъ за плотниковъ: отъ первой дочери Ноя (настоящей) произошли князья, отъ второй—дворяне, а отъ третьей—крестьяне.

Легенда объ Исусѣ Христѣ и Иоаннѣ Крестителѣ. Жилъ бѣднякъ съ женой. Онъ былъ такъ бѣденъ, что даже изорванная чохъ представлялась ему пріятной мечтой. Подбирая лоскутки, онъ изъ нихъ готовилъ себѣ одѣянье. Прошло семь лѣтъ, у бѣдняка родился сынъ. Ни бѣдный, ни тѣмъ болѣе богачъ, не желалъ быть крестнымъ отцомъ его сына. Иоаннъ Креститель, обращаясь къ І. Христу, говоритъ: „Мальчикъ, котораго мы дали бѣдняку, остается безъ миропомазанія: крестимъ его“. Какъ вы можете у насъ крестить, когда у насъ нѣтъ ни вола, ни коровы? „Мы можемъ дать вамъ много добра, если только вы окажетесь достойными нашего благодѣянья“. Кума за неизвѣнемъ платья прячется за корзину, кумъ же корчитя отъ продолжительнаго голоданія. „Если вы заслужите нашего вниманія, мы васъ обогатимъ: наполнимъ окрестныя поля и ущелья овцами и коровами“. Сказали и ушли. Проходитъ семь лѣтъ, а крестникъ ни разу не видѣлъ еще своего крестнаго отца. Разъ Иоаннъ Креститель говоритъ І. Христу: „Отправляйся къ своей кумѣ, посмотри, какъ она тебя приметъ“. І. Христось пошелъ. „Къ вамъ пожаловалъ дорогой кумъ“, докладываетъ служанка своей хозяйкѣ.—Пусть убирается отсюда! Что онъ такъ повадился къ намъ? Ничего хорошаго я отъ него не видала, хотя бы разъ онъ мнѣ принесъ на платье.—„Нѣтъ, уважаемая хозяйка, не говорите этого о немъ. Лучше зарѣжемъ откормленную курицу, разстелемъ дорогіе ковры и примемъ его радушно.—Молчи, служанка, не позволяй себѣ много! Лучше отнеси ему кусокъ кукурузнаго хлѣба и не много вислаго молока. Если онъ голоденъ, то и это съѣстъ, а если не хочетъ, то пусть убирается куда ему угодно. „Тебѣ бы лучше повидаться съ кумомъ“, говоритъ І. Креститель Христу, „отъ женщины толку не добьешься“. Вотъ Христось идетъ навѣстить своего кума. „Дорогой кумъ, дайте намъ шерсти: немного недостало для носковъ“. Взялъ кумъ и бросилъ горсть шерсти.

„Кумъ, зарѣжь намъ жирную овцу; за одну получишь тысячу!“—Если хорошую вамъ зарѣзать, то хромую для кого прикажете оставить? Кумъ и кума возсѣли на золотой „тахтѣ“ (восточный диванъ). „Разступись земля и скрой ихъ въ своей глубинѣ, этихъ неблагодарныхъ людей! Да обратится, кумъ, твоя борода въ траву, пусть вѣчно косить тебя косарь и пусть трава не истощается! А твоя кровь, кума, обратится въ корень паренъ, пусть грекъ тебя копаётъ безпрестанно и пускай ты будешь не истощима! А крестнаго сына возьмемъ съ собою, ибо миро священно“¹⁾).

Три брата. Три брата раздѣлились: старшему брату домъ достался, среднему брату одна кпева (900 квадр. саж.) земли и лѣса, младшему брату одинъ барашекъ и одна квада (1 пудъ) ладану. Младшій братъ пошелъ и достигъ равнины. Здѣсь онъ взглянулъ и увидѣлъ бѣлый холмъ и возшелъ туда. Здѣсь онъ загналъ барана въ яму, а ладанъ воскурилъ Богу. Въ это время Богъ и рядомъ съ Нимъ сидитъ Георгій и Спаситель. Дымъ ладана тремя золотыми рядами обвился вокругъ Божьяго стола. Сказалъ Богъ: „Георгій и Спаситель, многіе у меня просили и такого приношенія никто не приносилъ; ступайте и узнайте, кто это“. Георгій и Спаситель спустились и спросили человѣка. Онъ отвѣтилъ: „насъ было три брата, мнѣ досталась одна квида ладану и одинъ баранъ; ладанъ воскурилъ Богу, а барашекъ—здѣсь“. Барана взяли вверхъ Георгій и Спаситель къ Богу и приготовили для ѣды. Послѣ ѣды Всевышній собралъ кости, ударилъ ихъ ногой и превратилъ въ корову. Георгій и Спаситель сошли къ человѣку, одежду сѣрую надѣли, взяли его съ собою и очутились въ царскомъ дворѣ. У царя въ это время въ домѣ сидятъ два жениха: одинъ съ золотой бородой, другой съ золотой всточкой. Георгій и Спаситель старыми людьми прикинулись и просили впустить ихъ. Царь сказалъ: „бейте много и выгоните ихъ!“ Это услышалъ Георгій, ударилъ плечомъ въ дверь, выломилъ (ее), вошелъ въ домъ и сѣлъ во главѣ. Георгій сказалъ, товарищъ мой хочетъ жениться на твоей дочери и предложилъ царю, пусть будетъ что такое гаданіе: огонь разведемъ: чья шапка изъ огня, золотомъ окованная, выйдетъ, того де будетъ его дочь. Бросили шапки въ огонь три человѣка: отъ шапокъ золотой бороды и золотой кисточки труби остались; спутника-человѣка Георгія и Спасителя шапка золотомъ окованной осталась. „Одно гаданіе еще пусть будетъ“, сказалъ царь Георгію. Георгій

¹⁾ Любопытно, что І. Христось посылается Іоанномъ Крестителемъ, ставя какъ бы его выше Спасителя.

отвѣтилъ царю: женихи пусть по палкѣ—лозѣ держатъ на лаквинѣ (подлѣ костра камень, на который кладутъ дрова)—чья палка внизу корень пуститъ и вверху принесетъ виноградъ (плодъ), того будетъ твоя дочь“¹⁾. Согласился царь. Золотой бороды и золотой кисточки палки засохли, Георгія палка внизу корень пустила, а вверху виноградъ принесла. Дочь спросила отца: „кому должно мнѣ передать задравный кубокъ“. Отецъ отвѣтилъ: „кому хочешь!“ Дочь передала задравный кубокъ золотой бородѣ, и онъ взялъ (ее) въ жены. За супругами сзади гонится золотая кисточка, и произошла ссора на дорогѣ. Георгій сказалъ: „золотая кисточка и золотая борода умертвите другъ друга!“ Они другъ друга убили, а женщина осталась для спутника Георгія. Георгій, наконецъ, уступилъ просьбѣ женщины взять ее и сказалъ человѣку: впередъ ступай и готовымъ насъ встрѣчай дома. Георгій далъ свое полотенце и сказалъ, (что) гдѣ захочешь, тамъ ставь полотенце, и домъ и башня выстроятся, прогони полотенце по землѣ и ограда обведется“. Пошелъ этотъ человѣкъ впередъ, домъ построилъ и огонь развелъ, но муки для испеченія хлѣба не оказывается. Георгій сказалъ: „ты взойди на верхній этажъ и затѣмъ не безпокойся!“ Человѣкъ взшелъ на верхній этажъ и нашелъ закрома наполненные мукою. Принесъ онъ муку и заставилъ печь свою на жену ужинъ. Потомъ сказалъ Георгій человѣку: „вино принеси“. Пошелъ человѣкъ въ кладовую и нашелъ полные кувшины вина; одинъ стоманъ (кувшинъ емкости 5—6 бутылокъ) принесъ къ ужину. На другой день ушли Георгій и Спаситель. Догналъ человѣкъ Георгія и Спасителя и спросилъ, будутъ ли дѣти у нихъ? Георгій сказалъ: этого не знаемъ мы: это Всевышній Богъ знаетъ, о чемъ буду просить и, можетъ быть, дастъ дѣтей. Всевышній сказалъ Георгію: „Георгій это ты все, а то онъ не вспомнилъ бы обо всемъ этомъ. (Если) имъ дитя дадимъ, (люди) слишкомъ размножатся въ мірѣ и человѣку мѣста не будетъ въ мірѣ; двухъ дѣтей дадимъ, они до половины жизни будутъ, потомъ умрутъ. Георгій отвѣтилъ: „если дадимъ, то навсегда дадимъ, а то напрасно что мучимъ?“ Прошло много времени лѣтъ, Георгій сказалъ Спасителю: „пойдемъ посмотримъ на нами поселеннаго человѣка“. Обратились въ старыхъ людей и пошли къ человѣку, и большой дождь низведенъ былъ ими. Пристали Георгій и Спаситель къ дверямъ этого человѣка. Онъ разсердился на нихъ. Жена же тайкомъ (отъ мужа) отворила дверь и впустила старыхъ людей въ домъ. Прошло много времени, опять пришли къ этому человѣку. Жена имъ опять отворила дверь и

¹⁾ Ср. *Сванетскія сказки*, стр. 20. Бутанъ, 1893.

впустила. Гости сказали человѣку: „пошли двухъ дѣтей и приважи имъ вино принести!“ Георгій сказалъ (самъ себѣ): „мальчики, утоните въ кувшинѣ“. Женщина дѣтей нашла утонутыми въ кувшинѣ; возвратилась и сказала, что мальчики опьянѣли и упали въ отверстіе кувшина. Георгій сказалъ: я—Георгій и я умертвилъ (погубилъ) дѣтей, потому что ты мое наставленіе забылъ и бѣдныхъ не впускаешь. Воскресилъ потомъ онъ по просьбѣ ихъ дѣтей и пошли. Всевышній сказалъ, что Онъ такой градъ ниспослетъ на землю, что совершенно уничтожить урожай и посѣвы. Георгій сошелъ къ человѣку и сказалъ: „сегодня пригласи помочь жать, все сожни, а то такой градъ пойдетъ, что не останется зерна и на одну ночь“. Этотъ работниковъ на толоку пригласилъ и спряталъ весь урожай домой. Всевышній взглянулъ и увидѣлъ, что у этого человѣка въ домѣ стоитъ урожай (все спрятано), а у другихъ на одинъ день не осталось, такъ испортилъ градъ и сказалъ Георгію: „это все ты, а тотъ не придумалъ всего этого, такъ нѣтъ и сождемъ твоего поселеннаго человѣка!“ Георгій опять сошелъ къ человѣку и сказалъ, что зажечь хотять его боги и онъ какъ скажетъ, такъ и пусть сдѣлаетъ: когда они прійдутъ во дворъ, въ верхнемъ этажѣ отвяжи барановъ, выпусти черезъ дворъ и потомъ не пугайся. Возвратились Всевышній и Спаситель, чтобы зажечь этого человѣка. Какъ только подошли къ дверямъ верхняго этажа, человѣкъ барановъ отвязалъ и черезъ дверь верхняго этажа выпустилъ: передъ Всевышнимъ и Спасителемъ баранъ три раза перевернулся направо, три раза упалъ на колѣни, и сказалъ Онъ: это опять Георгій сдѣлалъ, а то человѣкъ не придумалъ (бы) всего этого! Очень хочеть онъ этого человѣка поселить и уступимъ ему! Всевышній и Спаситель возвратились на верхъ. Человѣкъ тотъ устроился хорошо.

Христосъ въ образѣ нищаго. Старикъ встрѣтился въ лѣсу съ мгель-каца (чудовище). Старикъ хотѣлъ бѣжать отъ него, но мгель-каца остановилъ и предложилъ ему корову, дающую ежегодно по теленку и ежедневно по три тунги молока съ условіемъ чрезъ три года онъ долженъ рѣшить три вопроса, иначе чудовище съѣстъ его съ семействомъ. Съ надеждой на Бога жена посовѣтовала мужу взять корову. Въ послѣдній день срока, принимаетъ онъ нищаго на ночлегъ, объявивъ ему, что явится мгель-каца. Въ полночь послѣдній покричалъ старику: „уже двѣнадцать!“—Если было въ домѣ 12 отвѣчалъ нищій, братьевъ и быковъ, то распахали бы землю.—Нѣтъ, я пришелъ, отвѣчай!—Я тоже сейчасъ пришелъ, сказалъ нищій.—Гдѣ ты былъ?—На той сторонѣ моря; ворону осѣдлалъ взвалилъ на нее 1000 пудовъ соли и самъ на ней переправился чрезъ море.—Ворона изъ цтенцовъ!—Ея

тѣнь покрывала городъ.— Маленькій городокъ?— Какой маленькій! Если въ одномъ концѣ его закричитъ эсель, на другомъ не слышно!— Вѣроятно, осленокъ?! — Изъ его кожи шуба, фуражка и лапти вышли бы для человѣка!— Вѣроятно, маленькій человѣкъ?— Если бы на его колѣнахъ закричалъ пѣтухъ, онъ не услышалъ бы его крика?!— Должно быть онъ былъ глухой?— Своимъ чуткимъ ухомъ слышитъ, какъ на возвышенности олень траву щиплетъ!“ Мгелъ-каца не нашелся, что сказать. Ницїй тогда его провлялъ: чтобы ты сталъ дубовымъ бревномъ, въ него былъ воткнуть топоръ, выходилъ старикъ, рубилъ тебя и ты не истощался. Такъ и случилось. Ницїй этотъ былъ І. Христосъ.

Любопытная легенда существуетъ о равноправности и *уодности* *всѣхъ религій* предъ Господомъ. Одинъ старикъ ропталъ подъ тяжестью глыбы соли. Во снѣ ангелъ взялъ его въ рай съ условіемъ не говорить ни слова. Видитъ старикъ человѣка, который хотѣлъ взвалить на себя гору хвороста, но не могъ; онъ уходилъ и прибавлялъ еще хворосту къ своей ношѣ. Старикъ не вытерпѣлъ и закричалъ ему убавить, а не прибавить хворосту. Нарушилъ онъ обѣщаніе, проснулся и подъ головою лежала та же глыба соли. Онъ покаялся передъ ангеломъ и былъ взятъ снова въ рай. Видитъ онъ котель, въ которомъ мясо варится и супъ выливается, а человѣкъ все прибавлялъ мяса. Около него стоялъ наполненный виномъ кувшинъ; отъ полноты вино выливалось, а хозяинъ наливалъ въ него изъ другихъ сосудовъ. Старикъ за поданные имъ софты снова очутился съ глыбой соли. Третій разъ покаявшагося старца взялъ ангелъ въ рай. Разъ видитъ онъ огромный камень, который таятъ, люди въ разныя стороны. „Нельзя такъ сдвинуть камень!“ сказалъ имъ старецъ, проснулся и, увидѣвъ глыбу соли, сталъ плакать. Ангела онъ проситъ только объяснить видѣнныя имъ картины. Взваливающій на себя хворостъ былъ воръ, который 80 лѣтъ долженъ такъ страдать, такъ какъ и на старости лѣтъ не оставлялъ грѣха. Человѣкъ, у котораго супъ и вино выливаются—щедрый, кормившій нищихъ и прохожихъ. Супъ съ мясомъ и вино въ котлѣ, по благословенію Божьему, не уменьшается. А камень тотъ означаетъ Бога, а таящіе его— грузины, русскіе, татары; каждый старается взять его, каждый хвалитъ свою религію и никто не думаетъ, что Богъ одинъ для всѣхъ и никому онъ не принадлежитъ“ ¹⁾.

Любопытно сопоставить эту легенду съ сказаніемъ о трехъ зна-

¹⁾ „Сбор. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.“ X, III, 75—80.

менитыхъ кольцахъ изъ Gesta Romanorum, перешедшимъ отсюда въ Боккачю и Лессянгу въ драмѣ „Натанъ мудрый“.

Легенда, отражающая слѣды вліянія евангельской притчи о пяти хлѣбахъ и внушающая творить милостыню носить названіе:

Долгъ Бога. Жили были мужъ да жена. Когда голодъ началъ страшно мучить ихъ, то мужъ пошелъ отыскивать Бога, желая спросить Его о причинѣ своего бѣдственнаго положенія. Послѣ долгаго пути онъ вышелъ на одну открытую равнину. На этой равнинѣ онъ встрѣтился съ однимъ святымъ человѣкомъ, спросившимъ его, куда онъ идетъ. — „Ты Бога не найдешь на землѣ“, сказалъ святой старецъ: „Богъ на небѣ, и если ты хочешь чего-либо отъ Него, то скажи мнѣ: я пойду туда и, по возвращеніи отсюда, передамъ тебѣ, что Онъ мнѣ скажетъ“. — Я съ голоду умираю со всей семьей своею; пусть Онъ дастъ мнѣ возможность жить на свѣтѣ, или пусть возьметъ обратно жизнь, дарованную Имъ Самимъ несчастной семьѣ“. — Старецъ пришелъ къ Богу и рассказалъ о случившемся. Богъ сказалъ: „Я назначаю этой семьѣ въ день три монеты“. Старецъ вернулся и сообщилъ нищему о милости Бога, но нищій проситъ чрезъ старца, чтобы Онъ прислалъ ему деньги на цѣлый годъ; старецъ принесъ отъ Бога нищему два рубля сорокъ копѣекъ. Обрадованный нищій вернулся домой. Онъ купилъ на два рубля свѣжаго хлѣба, мяса, вина, и мужъ и жена поужинали сытно. У нищаго осталось только сорокъ копеекъ. На другой день утромъ пошелъ въ церковь помолиться Богу. Около церкви находилось нѣсколько стариковъ, разсуждавшихъ о душеспасительныхъ дѣлахъ. Одинъ изъ этихъ стариковъ говоритъ: „Деньги, отданныя взаймы Богу, никогда, не пропадаютъ, а, напротивъ, онѣ возвращаются отдавшему самъ-тысячу“. — Какимъ-же образомъ отдавать деньги взаймы Богу? спросили другіе — Надо ставить свѣчу Богу, не отказывать нищимъ въ милостынѣ и подавать руку помощи бѣднымъ и беззащитнымъ“, отвѣтилъ старикъ. Услышавъ это нищій, сейчасъ на 20 копѣекъ поставилъ онъ свѣчей Богу, а остальное роздалъ подобнымъ же себѣ нищимъ.

Отошла обѣдня, и въ радостномъ настроеніи нищій возвратился домой. Голодъ опять началъ страшно мучить нищаго. Нищій пошелъ отыскивать Бога. Онъ началъ кидать комками земли въ небо и кричать: „Боже мой! или отдай мнѣ, что должно быть дано, или возврати мнѣ мои деньги! Явился ему Богъ и сказалъ: „Я приду вечеромъ къ тебѣ въ гости и принесу твои деньги“. Нищій велѣлъ женѣ приготовить хорошій ужинъ и попросить для этого у сосѣдей два-три хлѣба. Но, къ кому она ни обращалась, каждый ей отказывалъ. Наконецъ, она

зашла къ одной старухѣ, которая съ трудомъ достала незначительное количество муки и выпекла изъ нея нѣсколько хлѣбовъ. Старуха снабдила ее двумя хлѣбами и отпустила домой. Мужъ нашелъ немного соли и зелени, и такимъ образомъ былъ приготовленъ ужинъ для Бога. Во время ужина Богъ сказалъ нищему: „Возьми большой сосудъ и изъ кувшина, который у тебя есть, принеси его сюда“.—Господи! отвѣчалъ нищій, сороковой годъ протекаетъ, какъ у меня въ этомъ кувшинѣ не было вина, и сосѣди мои хранили въ немъ то солому, то саманъ!—„Иди и сдѣлай то, что Я тебѣ говорю“, сказалъ Господь. Нищій больше не осмѣлился противорѣчить Богу; пришедши къ кувшину, увидѣлъ, что онъ былъ полонъ виномъ краснымъ, какъ кровь. Зачерпнувъ вина, онъ принесъ его на ужинъ. Когда они кончили ужинать, Богъ сказалъ женѣ нищаго, чтобъ она убрала все. Сколько ни убирала она, а хлѣба становилось все больше и больше. Нищій подумалъ: „Богъ далъ мнѣ хлѣба и вина вдоволь, а денегъ нѣтъ и копѣйки“. Узнавъ о желаніи нищаго, Богъ сказалъ ему: „Иди и принеси вина изъ кувшина, находящагося за тѣмъ большимъ кувшиномъ“.— „Тамъ нѣтъ вина“, отвѣчалъ нищій— „Иди и сдѣлай, что сказано“, отвѣтилъ Господь. Пошелъ онъ и увидѣлъ, что кувшинъ тотъ былъ полонъ серебряныхъ и золотыхъ денегъ; сколько онъ не доставалъ ихъ оттуда, количество денегъ не уменьшалось въ кувшинѣ. Нищій вернулся, хотѣлъ броситься къ ногамъ Чудеснаго Гостя и облобызать, но онъ не засталъ Его тамъ. Нищій разбогатѣлъ. Бѣдные приходили къ нему занимать у него денегъ, но онъ не займы давалъ имъ, а дарилъ тысячами ¹⁾).

Идею о примиреніи съ назначенной выше долей имѣемъ въ легендѣ *Бѣднякъ* ¹⁾).

Жилъ бѣднякъ съ женою и сыномъ. Богъ ежедневно посылалъ имъ по сухому хлѣбу. Бѣднякъ сталъ роптать на Бога, что Онъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ, не даетъ имъ, хоть по одной головкѣ чесноку, и рѣшилъ пойти къ Нему, чтобы испросить у Него что-либо. Доро-

¹⁾ „Сбор. матер. для опис. мѣстн. и плем.“ Кавказа X, отд. III, 68—72. Въ Бесѣдѣ 3-хъ святителей сохранилось отраженіе чудеснаго насыщенія пяти тысячъ человекъ пятью хлѣбами и двумя рыбами. Ерѡт. Τὸ πέμπτον τῆς γῆς, δίμοιρον τῆς θαλάσσης πεντάκις Χιλίοιστον, δωδέκατον; 'Апок. ἐ ἄρτοι οὐς εὐλόγησεν ὁ Χριστός. δίμοιραν τῆς θαλάσσης. οἱ δύο ἰχθύες ταῖς (?) οἱ χορτάσαντες ἐκ τῶν. ἐ. ἄρτων. *Мочульскій*. Слѣды народной библии, 251.

¹⁾ „Сбор. матер. для опис. плем. и мѣстн. К.“ вып. XIII, отд. II, стр. 45—6.

гою онъ встрѣтился съ ангеломъ, который спросилъ его, откуда и куда онъ идетъ.

Ангель сказалъ ему, что вмѣсто него онъ самъ пойдетъ къ Богу и доложить Ему обо всемъ. Когда Ангель разсказалъ Богу о бѣднякѣ, то Богъ велѣлъ сказать бѣдняку слѣдующее: „Что разъ написано Мною, того вычеркнуть нельзя“. Ангель сообщилъ слова Бога бѣдняку. Бѣднякъ попросилъ тогда Ангела, чтобы онъ сказалъ Богу отъ его лица: „Какъ написать была Твоя воля, такъ и вычеркнуть Твоя же воля“. Ангель донесъ слова бѣдняка Богу. Тогда Богъ позволилъ, чтобы каждый членъ семьи бѣдняка просилъ отдѣльно, чего пожелаетъ, и ангель сообщилъ волю Бога дому бѣдняка. Жена бѣдняка первая стала просить Бога: она пожелала, чтобы Онъ сдѣлалъ его такую красавицею, которая годилась бы въ невѣсты царевичу. Такъ и случилось: ее взялъ царевичъ... Опечалился бѣднякъ; думаль—думаль и, наконецъ, попросилъ Бога, чтобы Онъ возвратилъ ему жену, хотя бы въ видѣ ослицы. Жена бѣдняка, превращенная въ ослицу, воротилась домой... Оставалось просить сыну; онъ подумалъ; какая польза, если онъ получитъ отъ Бога счастье и добро, а мать его будетъ ослицею. Сынъ порѣшилъ попросить Бога, чтобы Онъ превратилъ его мать опять въ женщину. И эта просьба тоже была исполнена, и бѣднякъ съ его семьею остались по прежнему на сухомъ хлѣбѣ.

О Палеостомѣ ¹⁾. Относительно происхожденія озера Палеостома у жителей Озургетскаго уѣзда сохранилось слѣдующее преданіе. На мѣстѣ этого озера былъ нѣкогда городъ Палеостомъ, гдѣ была церковь съ иконой Божіей Матери, принесенной Андреемъ Первозваннымъ. Жители города до того развратились, что, несмотря на святость храма, начали вѣзжать въ него на коняхъ. Чтобы воспрепятствовать этому нечестію, Богъ настолько понизилъ двери церкви, что уже нельзя было вѣхать въ нее на лошади. Жители города, дѣйствительно, стали оставлять лошадей на дворѣ, но не нагибались, при

¹⁾ „Сбор. мат. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа, вып. XIII, отд. II, 71—2. О происхожденіи Палеостома см. во 2 вып. назв. „Сборника“ статью Шафранова. Въ соч. груз. беллетриста Е. Ниношвили Палеостомъ объясняется слѣд. образомъ: по преданію, на мѣстѣ Палеостома была суша, гдѣ жила семья Павла. Въ одинъ день, за грѣхи людей, земля провалилась, выступила вода и потопила всѣхъ, за исключеніемъ одного Дарчіа (=оставшагося), который успѣлъ взять въ Джумати крестъ. Отсюда Палеостомъ—Павліастомъ, т. е. „томъ“ (родъ) Павла. Ср. „Этн. Об.“ XII, 35 (Изъ *Иверіи*).

входѣ въ церковь, а просовывали туда сначала ноги, а потомъ и все тѣло. Тогда, видя неисправность жителей, Богъ рѣшилъ потопить Палеостомъ. Только одинъ человекъ, по имени Кико, хранилъ благочестіе. Господь явился ему во снѣ и сказалъ:—„Возьми икону Божіей Матери и отнеси ее въ селеніе Шемокмеды, потому что городъ Палеостомъ долженъ погибнуть“. Кико немедленно сѣлъ на катера, святую икону поставилъ передъ собою, а сзади себя посадилъ уважаемую имъ женщину, которой онъ не желалъ гибели. Какъ только Кико выѣхалъ изъ Палеостома, Богъ ударилъ сверху огнемъ и потопилъ городъ. Ёдетъ Кико, а потопъ достигаетъ его: заднія ноги катера уже были въ водѣ. Тогда является ему Господь и говорить: „Брось женщину и спасешься, а не бросишь, такъ погибнешь!“ Кико бросилъ женщину, и потопъ остановился. Кико пріѣхалъ въ Шемокмеды, черезъ три мѣсяца явился ему во снѣ Богъ, велѣлъ переселиться въ Бахви и перенести туда святую икону.

Аналогичная легенда объ образованіи *грязельчебнаго источника въ Ахталъ* передаетъ что тамъ, гдѣ нынѣ бьетъ ключемъ свинцоваго цвѣта грязь, находилось гумно. Въ день Преображенія священникъ здѣсь молотилъ хлѣбъ. Христосъ, проходя провлялъ его, а на мѣстѣ гумна стала бить лѣчебная грязь, вынося изъ глубины лопатку, дубину и пр. Довнынъ въ народѣ сохранилась легенда объ Ахталѣ въ стихотворной формѣ ¹⁾.

Тамъ, гдѣ нынѣ ²⁾ тянется кахетинская долина, было море, а народъ жилъ на вершинахъ горъ и холмовъ. Въ это время у Бочормсаго св. Георгія былъ откормленный баранъ, который по временамъ, исчезая, возвращался съ окровавленными рогами. Оказалось, что онъ борется на берегу моря съ морскими драконами, кожу которыхъ онъ тщетно старался пронзить. Тогда богомольцы св. Георгія прикрѣпили къ его рогамъ острия стрѣлы. Почувствовавъ силу ихъ, драконъ бѣжалъ въ море, ударился о гору Ширакскую, гдѣ нынѣ рѣки Алазанъ и Іоръ, пробилъ ее, и море чрезъ это отверстие вышло, освободивъ Алазанскую долину. Существующее мнѣніе о Кавказѣ, составляющемъ нѣкогда дно моря, находитъ параллель въ народной традиціи. Такое же сказаніе сохранилось у ингилойцевъ. Послѣдніе передаютъ, что жители, будучи стѣснены моремъ въ горахъ Кахетіи, обратились къ одному умному угольщику за совѣтомъ. „Мудрецъ“ предложилъ бросить суму съ

¹⁾ „Этногр. Обозр.“ кн. III, 221 (Изъ *Иверіи*).

²⁾ *Иверія* 1894, 66 и 71.

углями и куда ее вода понесетъ, тамъ будетъ выходъ, пусть тогда пророкуютъ и море чрезъ отверстіе выльется.

О монахъ ¹⁾. Былъ одинъ монахъ, который часто читалъ въ Священномъ Писаніи слѣдующія слова: чего попросишь съ вѣрою у Бога, — дано будетъ. Монахъ желая узнать, насколько это правда, сталъ съ вѣрою просить Бога сдѣлать его зятемъ царя. Послѣ горячихъ молитвъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, онъ пошелъ, переодѣвшись, къ царю и сталъ просить руки его дочери. Когда царь увидѣлъ, что никакъ не можетъ отдѣлаться отъ просьбы монаха, сказалъ ему: „На моей дочери женится тотъ, кто достанетъ мнѣ золотой кубокъ, который мой отецъ уронилъ въ морѣ“. Монахъ отправился искать кубокъ. Онъ проситъ Бога, чтобы онъ помогъ ему въ этомъ дѣлѣ. Проходя мимо одной церкви, онъ услышалъ шумъ и страшныя ругательства, которыя, казалось, выходили изъ нея. Вошедши въ церковь, онъ, никого не встрѣтилъ, а брань все таки продолжала слышаться. Потомъ онъ вошелъ въ алтарь и увидѣлъ лежащую на престолѣ митру, и замѣтилъ, что шумъ и брань выходили изъ нея. Прислушавшись, онъ спросилъ: „Кто ты такой и что съ тобой случилось?“—И злой духъ, отвѣчалъ изъ митры голосъ, меня заперъ въ этой митрѣ проклятый монахъ, но если мнѣ удастся освободиться какънибудь, тогда я заплачу ему!—Если я тебя освобожу, что ты мнѣ дашь тогда? спросилъ монахъ.—Клянусь всѣми злыми духами, чего попросишь, то и исполню! отвѣчалъ злой духъ. Злой духъ согласился достать кубокъ монаху; послѣдній поднялъ митру, и злой духъ вылетѣлъ изъ церкви, какъ птичка. Черезъ четверть часа онъ увидѣлъ, что въ двери вошелъ великанъ, держа въ рукѣ кубокъ. Приблизившись къ монаху, злой духъ палъ на колѣна, подалъ кубокъ и горячо благодарилъ его за освобожденіе. „Да какъ же ты великанъ могъ помѣститься въ этой митрѣ? притворно удивился монахъ. Если ты тотъ же самый духъ, то помѣстись и теперь въ ней!“ Злой духъ, ничего не подозревая, залѣзъ въ митру, а монахъ положилъ тогда на митру крестъ и сказалъ: „я не имѣю права тебя выпустить! Кто заперъ тебя, пусть тотъ и освободитъ тебя!“ Потомъ онъ взялъ кубокъ и отправился къ царю. Царь, не могъ не исполнить обѣщанія, но монахъ сказалъ: „Я, бѣдный монахъ и не желаю вступить въ бракъ, а только хотѣлъ удостовѣриться насколько вѣрны слова Св. Писанія!“ Сказавъ это, инокъ простился съ царемъ.

¹⁾ „Сборъ матер. для опис. племенъ и мѣстн. Кавказа“ XIII, II стр. 72—4.

Воронья башня ¹⁾). На холмѣ, недалеко отъ быстрой и шумной Арагвы и вблизи стараго Мцхета, стоитъ древняя развалина, которая въ народѣ по преданію называется вороньей башней. Давнымъ давно, въ вороньей башнѣ стоялъ караулъ въ защиту отъ грабежа осетинъ. Людей на стражу высылалъ старый и сильный князь Симонъ, человекъ добродушный и щедрый. Крѣпко любили князя Симона всѣ разные ему князья и подданные, но больше ихъ любила старика дочь его, красавица Макрина, тоже ангельская душа. Былъ у князя еще сынъ Мамука, да не благословилъ его Создатель отцовскою доблестью, добродушіемъ и ласкою. Съ юнаго дѣтства видно было, что за человекъ будетъ молодой князь; попадется ли ему слабый пленецъ—выколеть онъ ему глаза, или пригвоздить къ дереву, задушить котенка, забить камнями щенка, а что еще хуже, не пропустить случая сдѣлать всякое зло какому бы то ни было человекъ. Много терпѣла отъ него Макрина, скрывала отъ отца синяки, но свѣтлый взоръ князя Симона видѣлъ дурныя наклонности сына, печалился и горевалъ бѣдный старикъ; но не успѣлъ помочь горю. Скончался добрый старикъ, вся окрестность огласилась плачемъ и стономъ; больше всѣхъ убивалась Макрина, а Мамука не проронилъ ни слезинки. Изъ дальнихъ и близкихъ деревень съѣхались многочисленные друзья и соратники покойнаго. Старые князья говорили длинныя и цвѣтистыя рѣчи объ его заслугахъ, умѣ и достоинствахъ. Послѣ трехдневной тризны разѣхались всѣ во свояси и остались въ печальномъ домѣ неутѣшная Макрина и мрачный Мамука. Все измѣнилось въ этомъ жилищѣ, которое бѣдные и убогіе считали пріютомъ, а сосѣди и пріятели самымъ гостепривѣрнымъ убѣжищемъ; измучилась прислуга, исполняя жестокія прихоти молодаго князя, трудно стало и народу: обижаетъ всѣхъ неповинныхъ Мамука, увеличилъ галлу (хлѣбная подать) и сабалахо (плата за подножный кормъ и сѣнокосъ); за малѣйшій ропотъ или недоплату завелъ джохи (палки) и плети, глумится и издѣвается надъ всѣми, а еще больше надъ беззащитной сестрой; а та, слыша стонъ подвластныхъ, съ мольбой и слезами проситъ брата усмирить свое гордое сердце. Но для Мамука хуже ножа остраго просьбы сестры: бѣснуется онъ, какъ только Макрина начнетъ умолять его смириться грозить ей, что запретъ ее въ Арагвскую башню и уморить съ голоду; страхъ

¹⁾ Изъ газ. „Бавказъ“ *Дункель Веллингъ Ср.* „Нов. Об.“ № 2476. *Ил. Хонели* „Бавависъ-Сагдари“.

чуждъ сердцу молодой княжны, и снова пристаёт она къ брату, чтобы не разорялъ онъ крестьянъ и былъ милостивѣе къ близкимъ и слугамъ. Развирѣивъ онъ на сестру и заточилъ ее въ караульную башню, а стражу свелъ внизъ и велѣлъ ей, оставаясь на дождѣ, жарѣ, крѣпко сторожить Макрину. Провѣдали осетины, что сверху башни никто не будетъ слѣдить за ними и начали отгонять скотъ и барановъ, а иногда и людей таскать въ горы; тревога за тревогой, а Мамука взыскиваетъ со стражи и пугаетъ караульныхъ лютой казною. Прошелъ годъ, какъ заперъ братъ молодую княжну въ тѣсную башню. Усердно молилась Богу страдальца и молила Божію Матерь и св. угодниковъ, чтобы смягчили они сердце Мамуки не для ея освобожденія, а для спокойствія тѣхъ, которые страдали подъ его игомъ. Князь Мамука согналъ всѣхъ людей своихъ на тяжелую работу и безжалостный не позволялъ имъ отлучаться даже за пищей въ дома, а около башни поставили на кострахъ котлы и варили работникамъ скудную пищу. Поднялась молодая княжна на верхъ башни и видитъ, что утомленные толпы подходятъ къ котламъ, надъ которыми вереницей кружатся и каркаютъ черные вороны и по-два, да по-три падаютъ въ котлы; гадко стало голоднымъ труженикамъ, что въ пищахъ ихъ сварились нечистыя птицы и стали они выливать на землю, что было въ котлахъ. „Что вы дѣлаете“, загремѣлъ голосъ Мамуки, „я васъ“—но не договорилъ... Изъ котловъ, какъ толстыя канаты, попадали лютыя змѣи и, переплетаясь, окружили изверга; вотъ онъ уже сътью запутали его злое тѣло и разверзли пасти... Боже, спаси меня, проговорилъ Мамука, „каюсь въ грѣхахъ моихъ!“ „Боже, спаси его“, повторилъ на башнѣ вроткій голосъ Макрины, „я отмолю грѣхи брата моего, надѣну власяницу и всю жизнь проведу въ монастырѣ!“ И совершилось великое чудо; змѣи, какъ сухіе корни, попадали на землю, стая вороновъ съ крикомъ унеслись за горы, а надъ башней взвился бѣлый голубь: „то душа князя Симона“, говорилъ народъ. Раскаялся князь Мамука, стало опять легко и привольно на всѣхъ его земляхъ, даровалъ онъ народу большія льготы, роздалъ добро свое разореннымъ. Княжна свято исполнила обѣтъ свой, надѣла грубую власяницу и вериги и безвыходно въ Мцхетскомъ храмѣ стала молиться Богу за прежніе грѣхи брата и благодарить за чудное его спасеніе. Тихая грусть обвила душу и сердце Мамуки, рѣшился онъ мірскимъ подаеніемъ воздвигнуть храмъ во славу Божію, босой съ длинной бородою, въ нищенскомъ одѣяніи пошелъ онъ въ дальнія и чуждыя страны. Прошло 70 лѣтъ; не осталось въ живыхъ ни одного очевидца обращенія Мамуки. На исходѣ 70 года въ Мцхетской церкви отпѣвали

преставившуюся сестру Марію, долгой и святой жизнью, заслужившую себѣ заживо вѣнецъ безсмертія; всѣ сошлись, чтобы поклониться праху праведницы; приобрелъ издалека и невѣдомый богомолецъ, старикъ, изможденный, но бодрый не по лѣтамъ; спокойно и важно подошелъ онъ къ покойницѣ, благоговѣнно преклонилъ колѣна и, лобызая очи ея, сказалъ: „милая сестра, мы исполнили наши обѣты!“ Только выговорилъ онъ эти слова, и духъ его покойно соединился съ душою сестры. Догадались всѣ, что это князь Мамука, наложившій, по преданію, на себя трудный подвигъ воздвигнуть храмъ Божій мірскимъ подаваніемъ. Благоговѣнно исполняя волю покойницы, похоронили ее около князя Симона и тамъ же схоронили Мамуку. Добрые люди говорятъ, что въ ту ночь сладко и звучно шептались вокругъ родовой церкви и зеленая трава и густые листья деревъ, а къ утру расцвѣли яркіе цвѣты, которыхъ ни прежде, ни послѣ не видали въ ихъ странѣ.

„Квависъ-сагдары“ приурочивается еще къ однѣмъ развалинамъ между Ахалсопели и Шавшети въ Горійскомъ уѣздѣ (Тифлис. г.). Когда знаменитый князь Гиви-Амилахвари вернулся изъ Персіи, онъ, между прочимъ, задумалъ заняться хлѣбопашествомъ. Когда наступилъ день жатвы, князь по древнему обычаю, велѣлъ сдѣлать приготовленія, чтобы, отпраздновать этотъ день, какъ слѣдуетъ. Князь былъ среди рабочихъ, шутилъ и ободрялъ ихъ. Когда рабочіе проголодались, то поспѣшили къ княжескому обѣду. Недалеко дымился котелъ. Когда всѣ усѣлись, вдругъ откуда-то взялся воронъ, сталъ онъ кружиться надъ котломъ и, прежде чѣмъ князь успѣлъ выстрѣлить въ него, онъ тяжелымъ камнемъ ринулся прямо въ котелъ. Брань и проклатія раздалась кругомъ. Озлобленный поваръ началъ выливать супъ и вмѣстѣ съ обвареннымъ ворономъ вывалилась изъ котла громадная змѣя. Ропотъ удивленія раздался кругомъ. Князь набожно перекрестился и призналъ въ воронѣ посланника небесной воли. „Да будетъ свято это мѣсто, и святая церковь да возвѣститъ о сегодняшнемъ чудѣ!“ И церковь, въ продолженіе многихъ вѣковъ, возвѣщала о немъ.

Преданіе о Шота-Руставели ¹⁾. Было дѣло въ Кизирѣ, въ большомъ замкѣ, на крутой горѣ подлѣ Кара-агачъ. Давала Тамара пирь великій. Три недѣли гонцы сзывали гостей, три дня охотники били дичь, и три дня жарились быки и бараны. Когда гости собрались и попиروвали много, царица велѣла Шота - Руставели читать стихи, и басню одну, что перевелъ онъ, по ея велѣнію, съ персидскаго языка.

¹⁾ *Каттазъ*, 1853, 4. Руставели, знаменитый поэтъ XII в.

Шота-Руставели прочелъ сказку, много плакала царица и много плакали всѣ ея гости—такъ хороша была сказка. Тогда Тамара позволила сазандарю (поэту) просить у себя награды за то, что исполнилъ онъ ея волю,—перевелъ такую славную сказку. Попросилъ сазандарь руки Тамары. Радостны были гости, но испугались всѣ—когда закипѣла гнѣвомъ царица. Велѣла она ему выйти вонъ, взять лучшую лошадь ея и скакать изъ замка безъ оглядки. Долго толковали шопотомъ смущенные гости, но отпустила ихъ царица—и прекратился пирь. Скакалъ Руставель день цѣлый и ночью прискакалъ въ Тифлисъ, гдѣ былъ его домъ. Но не радостная встрѣча ждала его. Тихо было въ домѣ, тихо онъ входитъ въ комнату жены—и засталъ у нея невольника, араба, котораго купилъ въ Константинополь, когда учился тамъ книжному дѣлу. Не повялъ Руставели наказанія Божьяго за то, что отъ живой жены просилъ онъ руку Тамары, да еще такой святой царицы!... созвалъ на другой день Руставели всѣхъ своихъ и жениныхъ родственниковъ и горожанъ. Ждали они угощенія большаго, усѣлись въ кружокъ, но ставятъ на супру (скатерть) мертвую голову араба, и рассказываетъ имъ Руставели о невѣрности жены и говоритъ, что ему пѣвцу уже не приходится съ ней жить, что отдастъ онъ ее на судъ родственниковъ, а самъ пойдетъ въ земли далекія и никогда они о немъ не услышатъ.... На память же о себѣ оставилъ онъ книгу, что велѣла ему царица перевести съ персидскаго языка—и крѣпко просилъ онъ ихъ беречь эту книгу, передать внукамъ и сказать имъ, что былъ когда-то пѣвецъ, что любилъ онъ слагать стихи, любилъ свою царицу, — да не сподобилъ его Богъ умереть на родной сторонѣ.

Пастухъ, со словъ котораго записана легенда въ 1853 г., прибавилъ, что книга Шота Руставели и досихъ поръ есть въ Грузіи, что случилось ему разъ во дворцѣ Ираклія, проходя мимо дарбаза царевнъ, остановиться у двери и слышать, какъ читали ее и учили на память царевны....

По другому преданію, внесенному въ повѣсть *Варцixe* ¹⁾, Шота-Руставели, влюбленный въ царицу Тамару, женится на какой-то Нинѣ и получаетъ отъ царицы приказанье перевести на груз. языкъ подарокъ шаха, предъ тѣмъ побѣжденнаго ей. Въ теченіе трехъ недѣль поэтъ исполняетъ блестяще порученіе Тамары, но отъ награды за трудъ отказывается. Черезъ недѣлю послѣ этого рыбаки нашли обез-

¹⁾ „Кавказъ“, 1846. Повѣсть Майсурова. Ср. мою замѣтку *Иверія*, 1892, 95.

главленный трущъ поэта, признаннаго женой. По третьему сказанію ¹⁾, Ш. Руставели царица подала за чудное твореніе кольцо, супругъ ея опоясалъ его мечомъ, а свита поднесла ему разныя драгоценности. Во время торжественнаго пира поэтъ былъ вызванъ неизвѣстнымъ юношей, который посоветовалъ поспѣшить къ женѣ. Руставели засталъ ее въ объятіяхъ араба Адула. Разгнѣванный онъ убиваетъ юношу, который оказывается первой брошенной имъ невѣстой. Опозоренный красивый и талантливый поэтъ, любимецъ царицы, постригся въ монахи, а араба убилъ братъ жены Шота, и голову убитаго повѣсилъ сестрѣ на шею.

Преданія о царицѣ Тамарѣ ²⁾. I. Говорятъ, что на одной изъ вершинъ—Кавказскаго хребта, на „Брут-сабздели, находится дворецъ царицы Тамары, гдѣ она часто жила. Многіе пытались добраться до дворца, но никто не могъ, потому что имъ мѣшали нечистые духи, которые бросали камни въ пытавшихся пробраться туда. Одинъ священникъ съ крестомъ и молитвою достигаетъ вершины. Около дворца была построена церковь. Осмотрѣвъ дворецъ, священникъ входитъ въ церковь и приноситъ благодарственную молитву Богу. Удивляясь могуществу Тамары, дарованному ей Богомъ, онъ выходитъ изъ церкви и вдругъ у дверей слышитъ жалобный голосъ. Подойдя ближе, онъ видитъ серебряный шарикъ, висящій у дверей, и слышитъ, выходящій изъ него, голосъ, говорящій слѣдующее:— „Я была воспитательницею царицы Тамары. Разъ она поймала утреннюю звѣзду и посадила ее въ девять ящичковъ, вложенныхъ одинъ въ другой, отъ этой звѣзды зависѣла свѣтъ и хорошая погода. Послѣ этого перемѣна погоды зависѣла уже отъ Тамары. Такимъ образомъ, Тамара избавила свою страну отъ сильныхъ морозовъ, которые производила утренняя звѣзда. Она не показывала этой звѣзды мнѣ. Разъ, отправляясь осматривать свое царство, царица Тамара поручила ящикъ, въ которомъ находилась утренняя звѣзда, мнѣ и сказала, что, если я раскрою ящикъ, она жестоко накажетъ меня. Не совладѣвъ съ своимъ любопытствомъ, я раскрыла ящикъ и увидѣла, что въ немъ находится другой ящикъ,

¹⁾ Ш. Руставели и его супруга. *А. Пурцеладзе*, Тифлисъ, 1886.

²⁾ „Сбор. матер. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа“, вып. XIII, стр. 44—5. Царица Тамара, по мнѣнію народа, не умерла, она спитъ въ золотой колыбели, такъ какъ другіе еще не закончили своего царствованія. Но настанетъ время, и она проснется; когда народъ очень будетъ стѣсненъ то онъ расплачется, голосъ скорби дойдетъ до нея, она проникнется народной мольбой и снова овладѣетъ царствомъ“ Этн. Об. XVI, 189.

во второмъ—третій и т. д., такъ дошла я до девятого ящика; открываю его, и вдругъ изъ него вылетаетъ звѣзда. Сейчасъ же утренняя звѣзда посылаетъ на землю несбываемый снѣгъ. Увида это, я впала въ отчаяніе, такъ какъ знала, что ожидаетъ меня суровое наказаніе; но бѣдѣ не могла помочь. При видѣ снѣга Тамара огорчилась, зная, что это произошло отъ утренней звѣзды. Она догадалась, что я выпустила эту звѣзду, и немедленно отправилась домой. Много мученій перенесла она, чтобы добраться до своего дворца, такъ какъ ей мѣшала глубокой снѣгъ. Увида меня, она съ гнѣвомъ спросила: почему ты не исполнила моего приказанія? Я начала просить прощенія, но Тамара прокляла меня, сказавъ: „да будешь ты проклята Богомъ! да обратишься ты въ духа на вѣчныя мученія! По произнесеніи этихъ словъ, я сейчасъ же обратилась въ духа и вотъ нахожусь въ вѣчной мукѣ, въ этомъ шарикѣ“.

Эта же легенда передается въ нѣсколько дополненномъ видѣ. Царица Тамара держала въ коробкѣ Сулгуми-создателя зимы и утреннюю зарю. Въ отсутствіе царицы, ея ключница, завѣдующая царскими драгоценностями, открыла коробку, откуда вылетѣлъ Сулгуми, понесся къ горамъ и основался у Казбека, въ ущельѣ Архотскомъ. Сулгуми сталъ на свободѣ расправлять крылья, прогналъ солнце, вызвалъ вѣтры, поднялъ тучи и наполнилъ все снѣгомъ. Тамара огорчилась, а утренняя звѣзда съ тѣхъ поръ свѣтитъ на небѣ, Сулгуми же править состояніемъ погоды и круговращеніемъ временъ: весну удручаетъ лѣтомъ, лѣто вянетъ съ наступленіемъ осени, осень сковываетъ ледянымъ покровомъ и вынимаетъ у нея душу. Сулгуми по народному воззрѣнію, дѣйствительно существующее лицо. Охотникъ Цагала—кнistineцъ встрѣтился съ нимъ, подружился и узналъ отъ него, гдѣ въ горахъ пролегаютъ дороги и угрожаютъ завалы ¹⁾.

¹⁾ *Иверія*, 1893, 228. Ср. *Миллеръ*, Осет. этюды, ч. III, 174—6. (М. 1887). Тамара была бездѣтной царицей. Она жила на горѣ Брутсабдзели. Отправляясь въ Имеретію, она велѣла служанкѣ никому не отдавать ключей. Но служанка не устояла, отворила двери и вылетѣла оттуда утренняя звѣзда и сѣла на небо. Послѣ этого небо заволокло и началъ валить снѣгъ. Увидѣвъ это, Тамара вернулась и достигла Они, гдѣ снѣгъ перевалилъ ея коня выше лопатокъ. По этому и называется Они (*Уäni*). Въ Бударн (*кодари*,—мертвый), конь ея умеръ. Прибывъ отсюда въ Брутсабдзели, она стала бранить служанку.—Однажды изъ щели солнечный лучъ упалъ на Тамару, и она забеременѣла. Черезъ годъ родился мальчикъ, котораго, опасаясь срама, отнесли въ лѣсъ. Здѣсь лань давала мальчику сосать. Разъ охотникъ прицѣлился въ лань, но, видя подъ ней маль-

II. Въ Батумскомъ округѣ существуетъ цѣлый районъ, извѣстный подъ именемъ Мачахели, лежащей на юговостокѣ отъ мѣста слиянія рр. Аджарисъ-цхали и Чороха. Между рр. Аджарисъ-цхали и Мачахелись-цхали тянется отъ сѣвера къ югу до рѣки Чороха высокої Карлхальскій хребетъ. Въ началѣ и концѣ этого хребта видѣются древнія развалины, такъ-называемые замки Тамары. Развалины перваго замка лежатъ у начала хребта въ деревнѣ Ефратѣ; развалины же втораго—въ Мачахслахъ (дер. Кведа-Чхутунети). Здѣсь преданіе, сохранившееся среди грузинъ-магометанъ, гласитъ, что царица-Тамара очень часто проводила лѣтнее время въ Мачахельскомъ замкѣ.

Разъ царица, сидя на эстрадѣ Карчхальскаго замка, наслаждалась спокойствіемъ ночи и созерцала южное небо, усѣянное міриадами звѣздъ, ярко блиставшихъ надъ ея царственною головою. Вдругъ далеко на востокѣ, на высотѣ горы Ефрата, она увидѣла свѣтъ, подобный зажженной лампадѣ. Послѣ этого она каждую ночь аккуратно стала выходить на эстраду своего замка, и каждый разъ свѣтъ лампы съ горы Ефрата привлекалъ ея вниманіе. — Что-бы это такое могло быть?—спрашивала себя царица въ недоумѣніи. Вѣдь, на этомъ пунктѣ—мѣсто царской охоты, дремучій еловый лѣсъ, полный стадами кабановъ и разной дичи!... Кромѣ ночныхъ духовъ—„каджи“, „ешмаки“ и другихъ привидѣній, боящихся свѣта, тамъ сроду никто ничего не видалъ?... Сгорая желаніемъ поскорѣе узнать, въ чемъ дѣло, царица снарядила гонцовъ къ вершинѣ горы Ефрата.

Къ утру посланные вернулись назадъ и доложили царицѣ, что они, кромѣ тьмы и всеобщаго запустѣнія, ничего на мѣстѣ не нашли. Тогда царица приняла чудное видѣніе свѣта съ вершины горы Ефрата за знаменіе свыше и приказала на мѣстѣ появленія свѣта воздвигнуть церковь съ замкомъ и окружить ихъ высокою каменною оградю. Кромѣ того, она повелѣла соединить потайнымъ ходомъ деревню Ефратъ съ Карчхальскимъ замкомъ. Для этого она приказала разставить воиновъ—каждаго на шагъ разстоянія другъ отъ друга, до д.

чика, не застрѣлилъ. Лань убѣжала, и мальчика принесъ охотникъ въ свое жилище и когда послѣдній выросъ, то сталъ пасти барашковъ. Разъ при возвращеніи домой, онъ увидѣлъ сороку, которая сказала, что къ нему придутъ 12 всадниковъ. Услышавъ мальчика передалъ эти слова охотнику, и тотъ далъ ему дослѣхи. Всадники взяли его въ Тифлисъ и тамъ совѣтали ему дочь мелика.

¹⁾ Легенда эта записана въ деревняхъ Зеда-Чхутунети и Кведа-Чхутунети. См. „Новое Обзорніе“ № 2764. Г. *Цертели*.

Ефрата, отстоявшей отъ Карчхали на 6 часовъ ѣзды. Эти войны передавали изъ рукъ въ руки матеріалъ, какъ-то: кирпичъ, камень, песокъ, известъ отъ Карчхали до Ефрата. Такимъ образомъ были сооружены крѣпость, храмъ, каменная ограда и потайный ходъ.

Въ этой мѣстности, у слиянія притоковъ р. Мачахелисъ-цхали, до сихъ поръ существуетъ древній съ каменнымъ пролетомъ мостъ, постройка котораго приписывается той-же царицѣ.

III. Вскорѣ послѣ того, по сказанію легенды, на царицу поднялся войною восточный владыка, въ досадѣ за отказъ руки царицы. Вотъ какъ легенда, записанная со словъ грузина-магометанина, жителя Зеда-Чхугунеты, Ходжа-Асанъ-эфенди, говоритъ:

„Жилъ былъ царь персидскій (а по другому варианту царь арабскій), государь могущественный, передъ которымъ склонялъ голову весь міръ. Его скипетру подчинялись всѣ народы земного шара; только царица Тамара не хотѣла признавать надъ собою ни его власти, ни выходить за него замужъ. Разгнѣвался владыка востока и собрался въ походъ противъ нея съ огромными полчищами. Царица Тамара въ это время стояла съ войскомъ въ карчхальскомъ замкѣ. Царь персидскій вступилъ въ предѣлы царства Тамары, осадивъ замокъ Карчхали. Долго стояло персидское войско вокругъ недоступнаго замка. Ни голодъ, ни ежедневныя битвы не могли поколебать мужество царицы. Но властитель Ирана, все-таки, не унывалъ. Онъ обложилъ замокъ такъ тѣсно, что сквозь ряды его войска не могла пролетѣть никакая птица. Могущественный царь захотѣлъ добиться терпѣніемъ и упорствомъ, чего не могъ достигнуть ни многочисленностью, ни храбростью своего полчища.

Разъ онъ призвалъ своего визиря и спросилъ объ осаждаемыхъ. Визирь отвѣтилъ, что у царицы вышла провизія и въ войскѣ страшная голодуха; даже у самой царицы не стало ея любимаго напитка. Какъ слышно, она довольствуется глотками воды изъ высохшаго царскаго родника.

Тогда персидскій царь, желая посмѣяться надъ царицею, послалъ ей въ замокъ бурдюкъ мургульскаго вина, со словами: „Царицѣ будетъ пріятно отвѣдать ея любимаго напитка, давно изыскаго для нея въ ея-же государствѣ“. Въ отвѣтъ на это Тамара прислала живую шамаю, поручивъ сказать: „Царь давно не вѣдаетъ вкуса своего любимаго блюда. Не пробудить-ли видъ живой шамаи пріятное воспоминаніе объ его родинѣ и не пожелаетъ-ли царь вернуться поскорѣе къ зыбкимъ волнамъ Гиркана“¹⁾.

¹⁾ Каспійское море.

Послѣ этого царь сильно приунылъ. Онъ заперся въ своемъ золотомъ шатрѣ и не хотѣлъ видѣть съ отчаянія никого. Въ одинъ день царскій любимецъ, негръ-конюхъ, дерзнулъ нарушить тишину въ царскомъ шатрѣ. Онъ предсталъ предъ грознымъ царемъ и выпросилъ позволеніе пробраться въ лагерь царицы и похитить у нея единственнаго сына. Царь далъ на это свое согласіе.

Негръ, явившись къ Тамарѣ, сталъ жаловаться на жестокость царя персидскаго и умолялъ принять его въ свое подданство. Царица отнеслась къ просьбѣ негра великодушно, взяла его чрезъ подземный ходъ въ Ефратскій замокъ и повелѣла ему смотрѣть за царскими конями.

Сынъ царицы полюбилъ бывшаго конюха персидскаго царя. Вслѣдъ за тѣмъ царевичъ сталъ часто выѣзжать на охоту, въ сопровожденіи своего любимаго негра.

Разъ царевичъ, будучи на охотѣ, заблудился въ дремучемъ лѣсу. Пользуясь этимъ, негръ вызвался показать дорогу и обходною тропою привелъ царевича въ лагерь персидскаго царя. Сынъ Тамары, такимъ образомъ, очутился въ плѣну у непріятеля, и Тамара лишилась единственнаго сына навсегда...

Не послужила-ли настоящая легенда матеріаломъ отцу исторіи, Геродоту, когда и онъ писалъ свою исторію о великомъ Кирѣ, плѣнившемъ единственнаго сына массагетской царицы *Томириси*. Само имя „Томириса“ очень напоминаетъ грузинскій родительный падежъ имени „Тамари“—Тамариса.

IV. Что многія изъ легендъ о Тамарѣ имѣютъ въ виду болѣе древній мифъ, чѣмъ историческую личность славной грузинской царицы Тамары, жившей въ XII вѣкѣ, — въ этомъ врядъ-ли можно сомнѣваться.

Нижеслѣдующая легенда, записанная въ нижней Имеретіи, еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль. Начиная съ г. Кутаиса до Чернаго моря въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу въ долину р. Ріона, чрезъ каждыя 6 или 10 верстъ разстоянія, появляется маленькое конусообразное земляное возвышеніе отъ 12 до 20 футовъ высоты. Назначеніе этихъ холмиковъ до сихъ поръ не выяснено. Археологъ Дм. З. Бакрадзе утверждалъ, что эти земляныя насыпи были сооружены съ древнѣйшихъ временъ, какъ указатели караваннаго пути на протяженіи всей длины Кавказскаго перешейка.

Но народъ прозвалъ эти насыпи характернымъ именемъ „Накошари“, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „отъ сандалій“. Въ поясненіе этого имеретинская легенда гласитъ слѣдующее: „царица Тамара держала при себѣ женское войско, какъ пѣшее, такъ и

конное. Разъ ей объявилъ войну могущественный царь *Ерана* (Ирана). Тамара собрала съ горъ свое женское войско и направилась въ сторону моря встрѣтить непріятеля. Было дождливое время года, и женщины-воины, по временамъ производя привалы, счищали съ своихъ высокихъ сандалій прилипшую къ нимъ грязь, мѣшавшую имъ ходить. Женское войско Тамары было столь многочисленно, что отъ грязи ихъ сандалій образовались цѣлые холмы, именуемые „Накошари“ (отъ сандалій) ¹⁾.

Настоящая легенда, какъ видно, ничего общаго не имѣетъ съ историческою личностью грузинской царицы, жившей въ XII вѣкѣ по Р. Х. Событіе, въ ней повѣствуемое, относится къ болѣе легендарной эпохѣ кавказскихъ амазонокъ

V. По одной легендѣ²⁾ у Тамары была любимая птица карагатка. Она отпустила птицу на свободу, но благодарное существо чрезъ годъ, вернувшись весною изъ Индіи, отыскало царицу, обласкало ее и, давъ три палочки, улетѣло въ неведомыя страны. Палочки эти обладали чудодѣйственной силой. Первая изъ нихъ, опущенная въ вино, обращало его въ мѣдъ, вторая -- въ серебро, третья -- въ золото. Разбогатѣла казна царица, расцвѣла Грузія: Тамара строитъ всюду церкви, крѣпости — башни, перекидываетъ мосты, проводитъ дороги. Пѣсня при этомъ передаетъ, что царица подняла голову до небесъ, Стамбулъ и Дербендъ покорили своей власти, въ морѣ поставила свои межи, сушей овладѣла, пробила грозныя горы, провела широкія дороги, на высяхъ горъ и въ дремучихъ лѣсахъ построила церкви, прославила свою страну и оставила по себѣ великое имя. Народъ чудеснымъ обогащеніемъ Грузіи желаетъ объяснить источникъ средствъ, необходимыхъ для величественныхъ строеній, которыя приписываются царицѣ Тамары.

VI. Преданія рисуютъ Тамару великодушнаго и щедрою, и одна изъ легендъ рассказываетъ слѣдующее. Въ торжественный день, когда царица собиралась въ Гелатскій соборъ и прикрѣпляла драгоценныя лалы къ царской повязкѣ, ей пришли сказать, что нищія просятъ милостыни у дверей ея монастырскаго терема. Царица велѣла ей подождать, а когда вышла, то нищей уже не было. Смущенная Тамара, упрекая себя, что отказала убогой въ милостынѣ, сняла съ себя бив-

¹⁾ Такая же легенда о происхожденіи холма отъ грязи, прилипшихъ къ сандаліямъ войска Тамары, сохранилась въ Джавахетіи — холмы указываютъ близъ г. Ахалкалаки.

²⁾ *Джеджили*, 1892, VI. Гаріела. Ѳ. *Разикашвили*.

шую виною ея замедленія повязку и надѣла на вѣнецъ Гелатской Богоматери.

VII. *Тамара и Каспій* ¹⁾. Ребенкомъ малымъ была она, великая изъ женщинъ, когда мать сказала ей въ одно утро:

— Дочь моя, мнѣ снился сонъ, и страшный, и радостный. Не жилецъ онъ на свѣтѣ, твой отецъ,—Господь зоветъ его въ небесную обитель. Онъ же готовить тебѣ участь, неслыханную для женщины. Я узрѣла его во мракѣ будущаго. На тронѣ Давида, вся въ блескѣ красоты и славы, въ ореолѣ безсмертія, сидѣла ты, вѣнчанная царица Грузіи... Золотая корона, въ алмазахъ и сапфирахъ, украшала твои вудри, царская мантія облекала легкій станъ, драгоценный скипетръ—символь могущества—сверкалъ въ твоей десницѣ. Тебѣ предстоитъ тронъ,—будь же достойна его! Покровомъ крѣпкимъ станъ для немощныхъ, защитою сильною для слабыхъ, источникомъ богатства немущимъ. Побѣждай сердца кротостью, умъ—мудростью, взоръ—красотою, рази мечомъ строптивыхъ и властвуй, дивная, отъ края и до края...

Исполнился сонъ матери: смежилъ очи отецъ Тамары, вступила она на прародительскій престолъ. Лучомъ кроткимъ озарила она Грузію, тучею грозною надвинулась на востокъ, гнѣвомъ божіимъ разразилась надъ невѣрными.

Она повелѣла, и все стало по ея велѣнію.

Бурною силою помчались войны, вихремъ могучимъ пронеслись они по полямъ сраженій. И въ знойныхъ степяхъ, и на горныхъ высяхъ развернулись знамена Тамары,—и въ знойныхъ степяхъ, и на горныхъ высяхъ загремѣли ея „спасалары“. При шумѣ битвъ, въ вихрѣ сраженій рушились во прахъ царства и троны, и грозный полумѣсяцъ смиренно склонился предъ крестомъ. Пали персы, вострепетали сельджуки, сложили оружіе непокорные горцы. Отъ вратъ Дербента до Трапизунда, отъ вершинъ Кавказа до Дамаска—все пало ницъ предъ всеильной. Востокъ раскрылъ свои сокровища, западъ воспѣлъ ея славу, сѣверъ и югъ дивились ея мощи. Города слали ей богатства, села—божій даръ, Гробъ Господень—свое благословенье. И не было

¹⁾ Легенда эта, вмѣстѣ съ другою, аналогичною-же легендою объ Александрѣ Македонскомъ, сообщена грузинской газетѣ „Иверія“ г. М. Джанашивили (см. „Иверію“ за 1890 г., № 119). Она записана имъ въ Закавказскомъ краѣ. Эта же легенда, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, напечатана въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа“ в. X и прислана изъ Мингреліи. Ср. „Нов. Обзор.“ № 2508. *Ил. Хонели.*

твари, которая не благословляла бы имя Тамары, не было строптивца, который не страшился бы ее силы. Горы слушались ее воли, земля жаждала ее прикосновения, небо добивалось ее улыбки.

Не смирялся, не покорствовалъ, не унимался лишь Каспій. Бурно взметнулся онъ зелеными волнами, грозно одѣлся сѣрою мглою, мощно рванулся изъ глубокаго ложа.

Что мнѣ великая,—сказалъ онъ, дерзкій,—что мнѣ Тамара, царица царей!... Пусть грозны ее силы,—онѣ не грознѣе моихъ волнъ, пусть страшны ее войны, они не страшнѣе моихъ буруновъ. Гибелью скорою грозятъ они врагамъ, щитомъ надежнымъ служатъ власти моеѣ. Не удивить меня силою, не поразить богатствами! Драгоценны богатства царицы, но имъ не сравняться съ моими. Много самоцвѣтныхъ камней на днѣ Каспія, много разныхъ богатствъ по шире его водъ. И сколько ихъ, данниковъ, шлющихъ ему воды, мчащихъ товары и съ сѣвера, и съ юга! О, нѣтъ, куда же тягаться со мною царицѣ Грузіи, гдѣ-жъ ей сравняться со старымъ Каспіемъ! Не данникъ я Тамары, не буду имъ вѣвѣтъ, и останусь, какъ былъ, свободною стихіею...

И достигли эти рѣчи до слуха царицы, до трона красоты державы могучей.

Тихо повернула она голову къ морю-кромольнику, къ морю-безумцу, и темная складка легла между бровей. И помчались войны наказать строптивца, понеслись „спасалары“ образумить безумца. Стономъ застонала побережь Каспія, воплемъ завопили лѣса ее и степи. Все, что было на пути, до самаго Гургана,—все легло подъ сталью, полетѣло въ Каспій... Всколыхнулась подъ нимъ и мать сыра земля. Потоками бурными, мста за гнѣвъ царицы, выбросила она въ море нефть—то масло черное. Загремѣлъ громъ съ неба, засверкала молнія, и запылалъ Каспій отъ края и до края.

Долго метался онъ въ огненномъ ложѣ, долго умолялъ о пощадѣ царицу. Обѣщалъ онъ ей и богатства свои, и смиреніе полное, и вѣрность данника. Царица смиловалась и сняла наказаніе. И вотъ съ тѣхъ поръ, и въ бурю, и въ тишь, благословляетъ онъ память великой царицы.

VIII. Преданіе о царицѣ Тамарѣ, записанное въ сел. Белоканы Закатальскаго округа любопытно по перенесенію на Тамару сказочнаго мотива о посѣщеніи переодѣтымъ царемъ красавицы-царицы, мотива, извѣстнаго уже изъ сказанія объ Александрѣ Македонскомъ. При полномъ отсутствіи хронологическихъ свѣдѣній, свойственномъ народнымъ преданіямъ, современникомъ Тамары (XII в.) является

персидскій шахъ Аббасъ, жившій въ концѣ XVI и началѣ XVII ст. Послѣдній, переодѣвшись помощникомъ лудильщика, проникаетъ въ ея замокъ и бросаетъ на царицу страстный взоръ. Тамара, какъ женщина пронизательная, догадалась, что передъ нею не простой чело-вѣкъ, и дѣйствительно, на второй день по уходѣ лудильщика, ей до-несли, что вмѣстѣ съ другими къ ней являлся шахъ Аббасъ! Въ началѣ слѣдующаго года персидскій шахъ собралъ обромное войско и дви-нулся на крѣпость Тамары, въ надеждѣ овладѣть царицей. Персы одолѣли войско Тамары, но гордая красавица, чтобы живою не по-пасть въ руки шаха Аббаса, рѣшилась лучше погубить себя: она поднялась на куполь церкви и бросилась внизъ. Такъ, народная фан-тазія, олицетворивъ отношенія Грузіи къ Персіи въ образахъ Тамары, внесла въ эти отношенія романическую черту о нераздѣляемой любви. Преданіе о сватовствѣ Аббаса, быть можетъ, представляетъ искажен-ный отголосокъ дѣйствительнаго событія. Въ 1596 г. Аббасъ присы-лалъ къ грузинскому царю Александру посла Бирибея, чтобы просить себѣ въ жены дочь Александра. Подъ угрозой войны царь вынужденъ былъ вмѣсто дочери, просватанной уже за кн. Дадіани, послать шаху свою племянницу ¹⁾). По другой легендѣ царица узнала переодѣтаго Аббаса по его изящной манерѣ ѣсть пилавъ.

IX. По легендѣ, сохранившейся у свановъ, любимой резиден-ціей Тамаріей была Сванетія. Страна при ней процвѣтала, вмѣсто арака привозилось вино, нравственность стояла высоко, никакихъ пре-ступленій не совершалось. Построеніе нѣсколькихъ церквей и ихъ украшеніе приписывается этой же царицѣ. По вызову Тамары каждый воинъ при построеніи несъ по одному камню, по кувшину песку и извести. Ушкульцы въ своемъ участкѣ указываютъ могилу Тамары, оспариваемую другими монастырями—Вардзіа, Гелати, Рача. Въ раз-валинахъ дворца на небольшой горѣ ищутъ сваны слѣды жилища ца-рицы Тамары. Гора окружена башнями и занимаетъ важный страте-гическій и поэтический пунктъ. Съ нея открывается видъ на ледники съ одной стороны, а съ другой на дѣвственный лѣсъ. Будучи увѣрены, что Тамара погребена подъ алтаремъ Ушкульской Богородичной цер-кви, сваны скрываютъ ея нетлѣнное тѣло, такъ какъ боятся, что уне-сутъ ее, а съ нею вмѣстѣ покинетъ счастье Сванетію. Царь-обладатель тѣломъ Тамары будетъ первымъ счастливецомъ въ мірѣ. У нихъ даже сохранились сорочка изъ канаоза и бархатная шубка въ сундукѣ, ко-

¹⁾ *Бьлоторовъ*. Сношенія Россіи съ Кавказомъ въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Р.“, кн. 146. М. 1889, стр. 310.

торыя считаются принадлежностью Тамары. Объ этой царицѣ поется хороводная пѣсня. Пришла царица Тамара, на головѣ у нея шлемъ, въ ухахъ серьги, глаза яхонтовые, зубы жемчужные, лицо ея съ блескомъ золота, на шеѣ яшмы, одѣта въ кольчучу, подъ ней атласъ, закована въ латы, сидитъ на конѣ песочнаго цвѣта, съ золотымъ сѣдомъ, и золотой уздой ¹⁾.

Легенда объ Александрѣ Македонскомъ ¹⁾. Великій царь Македонскій покорилъ всю сушу. Востокъ, западъ, сѣверъ и югъ сдѣлались его данниками; все пало предъ нимъ, все покорилось его власти. Оставалось непокореннымъ лишь одно Черное море: гордо отвергло оно предложенія героя, грозно взбушевалось волнами...

Македонецъ воспылялъ гнѣвомъ. Немедленно собралъ онъ войска и приказалъ имъ завладѣть море сѣномъ, наполнить его нефтью, зажечь его огнемъ отъ края до края. Приказаніе исполнено. Черное море превратилось въ безбрежный костеръ и запылало на всемъ своемъ просторѣ.

Ужасно было положеніе понта, но еще ужаснѣе—прибрежныхъ жителей. Послали они пословъ въ гнѣвному владыкѣ съ просьбою пощадить ихъ, смиловаться надъ моремъ...

Александръ согласился. Онъ пощадить и море, и жителей, но требуетъ дани. Что могутъ дать послы, взаимѣнъ жизни пославшихъ, за свободу моря?

Изъ группы пословъ выступилъ карликъ и повелъ такую рѣчь:

— Ты требуешь дани,—вотъ наша дань! Съ этими словами онъ положилъ предъ царемъ три пшеничныхъ зерна: съѣсть первое зерно—быть вѣчно юнымъ, проглотить второе—быть мудрымъ изъ мудрыхъ, отвѣдать третье—знать часъ смерти своей и лѣтства отъ всѣхъ болѣзней.

Александръ удовольствовался: онъ принялъ дань. Понтъ Эвксинскій спасся отъ огня, прибрежные жители вздохнули свободнѣе.

Прошло много лѣтъ. Царь состарился, силы его приходили къ концу. И вотъ сидѣлъ онъ разъ задумавшись и вспомнилъ о зернахъ. Что если въ нихъ та сила, какъ говорилъ посоль, что если они ода-

¹⁾ *Дрозба*, 1885, 103. Воспоминаніе о царицѣ Тамарѣ. *Вольный сванъ*.

¹⁾ Легенда эта, аналогичная съ легендой „Тамара и Каспій“, напечатанною въ № 2508 „Нов. Обзор.“, записана въ Закавказскомъ краѣ М. Джанашвили. 119 № газеты „Иверія“ за 1890 годъ. Ср. „Сбор. матер. для оп. мѣстн. и плем. Кавказа“, вып. X. См. *Истринъ*, Александрія рус. хронографовъ. М. 1893.

рять его земными благами? И почему не попробовать, не попытать счастья, не вкусить милости отъ даровъ Чернаго?

И созвалъ онъ гостей, и приказалъ хлѣбопеку изъ тѣхъ зеренъ трехъ спечь три хлѣба маленькихъ. Царь думалъ потѣшить вельможъ, показать имъ чудо: на глазахъ всѣхъ стать полнымъ юности...

Наѣлись гости, напились до-пьяна. Принесли царю три чудесныхъ хлѣба. Съѣлъ онъ одинъ—не ощутилъ юности, съѣлъ другой—не сталъ мудрымъ изъ мудрыхъ, съѣлъ третій—не узналъ лѣварствъ, не извѣдалъ часа кончины своей.

Пригорюнился царь, опечалился... Покачалъ онъ головою, покачалъ и молвилъ: „Обмануло меня море Черное, перехитрило вѣроломное“...

И повелѣлъ онъ призвать хлѣбопека.

— Ты скажи мнѣ, рабъ,—грозно молвилъ царь,— изъ тѣхъ ли зеренъ чудныхъ выпекъ ты мнѣ хлѣбъ? Не случилось ли бѣды, нѣтъ ли фальши какой?

И упалъ хлѣбопекъ, повинившись во всемъ...

— Я выпекъ хлѣбы изъ тѣхъ зеренъ трехъ,—сказалъ онъ,— но они вывалялись въ золѣ и стали негодны для царской трапезы. Тогда отдалъ я ихъ бѣдняку-нищему и спекъ новые хлѣбы изъ другой муки для царя царей.

Опечалился царь и повелѣлъ созвать нищихъ со всѣхъ концовъ земли. Собрались нищіе, стеклись бѣдняки, и сталъ искать хлѣбопекъ, кто межъ ними счастливецъ? Долго искалъ онъ его, долго смотрѣлъ въ лицо всѣмъ, но не нашелъ того, кто взялъ хлѣбы царскіе.

И спросилъ царь нищихъ: „Всѣ ли вы здѣсь, не осталось ли кого, нѣтъ ослушника-ль межъ вами?“

Отвѣчали нищіе:

— Нѣтъ межъ нами одного, нѣтъ старика-нищаго, нѣтъ счастливца, чуднаго между всѣми смертными. Приключилось съ нимъ чудо: изъ нищаго онъ сталъ богачемъ великимъ. Былъ онъ старъ и хворъ—сталъ молодъ, силенъ, былъ онъ глупъ и недалекъ—сталъ мудрѣе мудраго и лѣчитъ онъ всѣхъ отъ всякихъ болѣзней.

Царь послалъ за нимъ, пригласилъ мудреца и сдѣлалъ его врачомъ своимъ домашнимъ. И спросилъ его разъ: „Ты скажи мнѣ, врачъ, когда день кончины, часъ смерти моей?“

Отвѣчалъ ему врачъ: „Этотъ день тотъ самый, когда небо мѣдномъ сводомъ будетъ мѣднымъ надъ землею мѣдной“...

Прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ. Хворый, изможденный, лежалъ царь у себя во палатахъ мѣдныхъ, на своей постели мѣдной. И чудится ему, что небо надъ нимъ — тотъ потолокъ мѣдный, земля подъ нимъ — полъ тотъ мѣдный, и понявъ, державный, что настала часъ смерти... Опустилъ онъ голову, закрылъ онъ вѣжды, и не стало вождя, надъ вождями вождя, полубога земного.

Въ Кахетіи ¹⁾ недалеко отъ Уджарма (древній городъ) о царь *Вахтангъ Горгасланъ* (V в.) сохранилось преданіе, что онъ жилъ на вершинѣ одной горы, гдѣ и нынѣ видны развалины его дворца. Отсюда онъ правилъ царствомъ. Сила и слава Вахтанга распространились далеко, притомъ Самъ Богъ полюбилъ его и давалъ ему слышать звонъ небесныхъ колоколовъ, какъ передается въ одной пѣснѣ. Онъ построилъ много церквей и заложилъ Тифлисъ. Но въ семейной жизни былъ несчастливъ. Вступивъ на престолъ 14 лѣтъ, онъ вскорѣ столкнулся съ однимъ царемъ на войнѣ, вышелъ на единоборство съ нимъ и хитростью убилъ своего противника: Вахтангъ замѣтилъ врагу, что послѣдній идетъ на него цѣлымъ вспомогательнымъ полчищемъ, тотъ обернулся, и грузинскій царь, воспользовавшись моментомъ, пустилъ стрѣлу прямо въ шею.

Отправляясь въ походъ въ Индію, жену свою оставилъ въ крѣпости близъ Уджармы. У подошвы ея жилъ пахарь Джавахъ. Невѣрная царица соблазнила его и онъ высѣкъ ночью въ скалѣ небольшія, сохранившіяся понинѣ, углубленія, по которымъ онъ взобрался на вершину. Въ первую же ночь засталъ его во дворцѣ возвратившійся изъ Индіи царь. „Днемъ я пахалъ землю, ночью разрушалъ скалу, въ полночь встрѣтился съ низкорослымъ и солнцеподобнымъ, оставилъ я совѣсть, да поможеть Господь моему убійцѣ“, сказалъ пахарь пѣсню царю. Но послѣдній не убилъ его, выселивъ его въ Джавехетію, куда пахарь перенесъ изобиліе урожая Кахетіи и Карталиніи. Царь потомъ просилъ его вернуться, но тотъ, отказавшись отъ этого предложенія, прислалъ нѣсколько колосьевъ, которыми обсыпали Карталинію и Кахетію, гдѣ возродился прежній урожай.

Жена, оставленная добрымъ царемъ безъ наказанія, измѣнила ему еще разъ, когда осадили невѣрные Уджарму. Вахтангъ неустапно боролся съ врагами, а жена вошла въ сношенія съ царемъ послѣднихъ и обѣщалаась дать ему убить своего мужа, если онъ женится на ней. Она дала кошку Вахтанга много соли и на другой день на рѣкѣ

¹⁾ *Дрозба*, 1885, 25. Горгасланъ въ груз. гѣтониси окруженъ роємъ побѣдоносныхъ войнъ и легендъ.

Юрѣ конь сталъ долго пить воду, а когда царь нагнулся, чтобы под-
нять узду коня, то врагъ пустилъ стрѣлу и смертельно ранилъ Вахтан-
га. А врагъ, не довѣряясь грузинской царицѣ, велѣлъ ее привязать къ
конскому хвосту. — О походѣ Горгаслана въ Индію говорить и лѣтопись.

Доглаури ¹⁾. Это было въ XVII-мъ вѣкѣ. Царь Грузіи Ростомъ
пировалъ въ Мцхетѣ. Воспитанный въ нѣгѣ тегеранской жизни, на
рукахъ гаремныхъ красавицъ, царь не любилъ государственныхъ за-
ботъ и предпочиталъ имъ шумъ веселья. Въ тотъ день, о которомъ
идеть рѣчь, онъ былъ въ зенитѣ счастья. Охота удалась, и чадъ рѣ-
чей придворныхъ льстецовъ вскружилъ ему голову. Его называли ве-
ликимъ, славнымъ, „подобнымъ Таріэлю и Рустему“. Груды турачей
и фазановъ, царственный олень, нѣсколько штукъ горныхъ барановъ
и много всякой дичи,—все это приводило въ восторгъ и царя, и его
свиту. Последняя ликовала вдвойнѣ. Ростомъ не всегда былъ такъ
доступенъ. По происхожденію грузинъ, по воспитанію персіанинъ,
онъ часто напоминалъ собою восточнаго деспота. Царскій гнѣвъ при
дворѣ былъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ царская милость. Нынѣ на всѣхъ
лицахъ сіяла радость, и даже самъ „эзось-модзгвари“—престарѣлый
правитель царскаго дома—не казался столь суровымъ. Оставивъ царя
въ кругу его придворныхъ, старый царедворецъ весь предался забо-
тамъ о царскомъ столѣ. Царскій шатеръ, раскинутый подъ открытымъ
небомъ среди пахучей зелени, огласился звуками „тари“ и пѣніемъ
персидскихъ „баяти“.

Слуги, стоявшіе за спинами обѣдавшихъ, не успѣвали наполнять
азарпеша (чаши), и начальникъ ихъ—„местумреть-ухуцеси“—принуж-
денъ былъ подбадривать ихъ и пинками, и внушеніями. Царь и свита,
отуманенные винными парами, возлежали запросто, какъ равный съ
равными. Разговоръ давно принялъ интимный характеръ. Говорили объ
охотѣ, о военныхъ подвигахъ, о побѣдахъ надъ прекраснымъ поломъ...
Молодежь смѣялась надъ мужьями, — царь хохоталъ громче всѣхъ.
О, онъ знаетъ ихъ, этихъ прелестницъ, и давно уже пересталъ вѣ-
рить въ ихъ цѣломудріе. Одержать надъ ними побѣду легче, чѣмъ
осушить азарпешу.

Всѣ смѣялись, соглашались, дивились успѣхамъ царя.. Не смѣ-
ялся одинъ молодой эджиби. Гордо прислонившись къ дереву, камер-
геръ не принималъ участія въ весельѣ. При послѣднихъ словахъ Ро-
стома онъ улыбнулся съ видомъ челоуѣка, который слышитъ неправду.
Царь нахмурился.

¹⁾ *Новое Обозрѣніе*, 2419. *Ил. Хонем.*

— Что это, нашъ эджиби изволить усмѣхаться?—спросилъ онъ съ отгѣнкомъ неудовольствія.—Или онъ не вѣритъ нашимъ словамъ, или принимаетъ ихъ за хвастовство?

— Мнѣ ли, рабу, смѣяться надъ государемъ!—отвѣтилъ тотъ. Я только думаю, что ваше величество не знали настоящихъ женщинъ. Есть красавицы, которыхъ не прельстятъ ни санъ, ни красота, ни богатства міра.

— Ложь!—отвѣтилъ царь, вспыхнувъ. Если нѣтъ,—уважи такую!

— Извольте, государь! Это—молодая жена нашего „спасалари“ Догладзе...

Какъ громомъ поразила всѣхъ выходка „эджиби“: никогда врагъ не могъ улучшить болѣе благопріятной минуты, чтобы поразить врага. Догладзе былъ гордъ и болѣе чѣмъ нелюбимъ придворными,—зачѣмъ же жалѣть его! Нужно поддержать „эджиби“, довести дѣло до конца.

— Это вѣрно, — сказали они. Жена Догладзе — одна изъ женщинъ, предъ которой безсильны всѣ старанія даже сильнѣйшаго изъ мужчинъ. Это олицетвореніе долга, супружеской вѣрности.

Царь задумался. Разгоряченный виномъ, а еще болѣе споромъ, онъ готовъ былъ на сумасбродство.

— Да это такъ — сказалъ „мандатуртъ-ухуцеси“. И пусть тотъ, кто не вѣритъ „эджиби“, докажетъ противное. Я готовъ держать пари на что угодно.

— О, если такъ,—сказалъ царь,—я готовъ. Сѣдлатъ коней и готовиться въ путь!

Черезъ часъ и царь, и свита выѣхали изъ Мцхета по направленію къ дому „спасалари“.

Въ то время въ Карталиніи не было человѣка сильнѣе Догладзе. Послѣ царя онъ былъ первымъ, и даже превосходилъ его вліяніемъ на народъ. Владѣнія его обнимали почти всю среднюю Карталинію, отъ теперешняго Михайлова до Карели (горійск. у. тифлис. г.). Мѣстность эта поэтому и теперь слыветъ у крестьянъподъ именемъ „Доглаури“. Но Догладзе былъ силенъ не богатствомъ, а традиціями своей фамиліи. Ни одинъ изъ его предковъ не умиралъ въ постели,—всѣ они клали голову на поляхъ битвы. Тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ послѣднимъ представителемъ славнаго рода. Вмѣстѣ съ другими доблестями онъ выдавался еще одною чертою, присущею его фамиліи: онъ не любилъ придворной жизни. За нелюбовь ему платили тѣмъ же и обвиняли въ гордости. Царь махнулъ рукою и забылъ про него. Догладзе былъ радъ этому и весь отдался семейной жизни. Жена его — изъ бѣдной дворянской фамиліи — была его кумиромъ. Красавица, какихъ мало,

умная, любящая, она принесла мужу въ даръ всѣ прелести семейнаго счастья.

И вдругъ, въ этотъ мирный уголокъ гонецъ съ извѣстіемъ, что „ѣдетъ царь Ростомъ“! Догладзе былъ изумленъ, но казался спокойнымъ. Мало-ли дѣлъ, не терпящихъ отлагательствъ! Да и помимо этого развѣ царь не вправѣ пріѣхать въ нему, развѣ каждый домъ не его домъ. Это честь для него, высшая милость, какая могла быть оказана царемъ...

Она всю чуткостью своей души возмущалась этимъ пріѣдомъ. Царь ѣдетъ въ намъ? Но для чего?

И вся подъ вліяніемъ тревожныхъ предчувствій она повѣдала мужу свое горе.

— Не знаю, почему, но я боюсь царя, боюсь бѣды. Скажи царю, что я больна, въ постели, и прими его, какъ подобаетъ его сану.

Догладзе слушалъ жену съ улыбкою... Изъ-за бабьихъ капризовъ онъ не оскорбитъ никого, — тѣмъ болѣе царя Грузин. Прочъ-же слезы, открыть „квеври“ (кувшины), призвать музыкантовъ для встрѣчи царя.

Шумъ царскаго посѣщенія огласилъ домъ Догладзе. Ростомъ былъ веселъ и любезенъ, какъ никогда. Онъ мило шутилъ надъ „не-людиномъ“, позабывшимъ Тифлисъ, выговаривалъ за жену, которую держать въ неволѣ. Догладзе былъ счастливъ отъ царскихъ милостей. Ему, такъ предубѣжденному противъ двора, царь показался инымъ. Онъ не замѣчалъ двусмысленныхъ улыбокъ свиты.

Но все-же, гдѣ причина, отчего такое счастье его опальному дому?

За обѣдомъ все стало ясно. Царь приказалъ налить себѣ азарпешу и, поднявъ ее высоко, сказалъ:

— Шахъ-инъ-шахъ требуетъ отъ насъ помощи противъ бухарцевъ. Кого-же послать туда, какъ не храбраго Зураба? Пью за здоровье его, моего вѣрнаго слуги, за славнаго „спасалари“.

Царь выпилъ. Свита послѣдовала его примѣру. Затѣмъ было выпито за здоровье хозяйки, которой предстояла разлука съ мужемъ. Царь утѣшалъ ее, ссылаясь на обязанности службы.

Обѣдъ продолжался долго. Наконецъ, царь, распростившись съ хозяевами, уѣхалъ на охоту. На другой же день и Догладзе отправился въ Тифлисъ готовиться въ походъ.

Прошло нѣсколько дней. Молодая жена „спасалари“, думая, что мужъ ея въ походѣ, старалась, какъ-нибудь заглушить свое горе.

И вдругъ!..

Въ одинъ вечеръ съ балкона своего дома она видитъ кавалькаду. Черезъ нѣсколько минутъ, и царь, и его свита были у крыльца и слѣзали съ коней. Ростомъ объяснилъ въ чемъ дѣло. Увлечшись охотою, они вотъ уже сколько времени блуждаютъ по горамъ. Возвращаясь въ городъ они завернули къ ней.

Это была новая милость, новое отличіе для дома Догладзе. И радушная хозяйка и ея слуги превзошли себя.

Межъ тѣмъ ужинъ превращался въ оргію. Вспомнили и о мцхетскомъ разговорѣ. Царь вызвался исполнить обѣщаніе.

Было за полночь, когда жена Догладзе услышала стукъ въ двери. Царь хотѣлъ повидаться съ нею, у него есть неотложное дѣло... Хозяйка вышла и, черезъ минуту, очутилась лицомъ къ лицу съ нимъ въ отдѣльной комнатѣ.

Она поняла и, блѣдная, обезсиленная, опустилась предъ нимъ на колѣни.

— Царь, умоляю всѣмъ, что есть...

Ростомъ нетерпѣливо махнулъ рукою.

— Если согласна—никто не узнаетъ объ этомъ; а нѣтъ—тебя принудятъ силою...

— По крайней мѣрѣ, пощади мою стыдливость. Я приду къ тебѣ, но тайкомъ, чтобъ не узнала о томъ ни одна душа живая.

Царь вышелъ къ пирующимъ, она направилась въ свою комнату. Тамъ, въ углу, у иконы Божіей Матери, сидѣла молодая дѣвушка. То была молочная сестра жены Догладзе, воспитанница ея матери. И обхвативъ подругу, молодая женщина, стала умолять ее о чемъ то... Та слушала въ ужасѣ и, въ свою очередь разразилась рыданіями.

Черезъ часъ, когда въ домѣ все спало, стройная фигура, закутанная въ чадру, дрожа и озираясь, проскользнула въ царскую опочивальню.

Весело возвращались царь и его свита въ Тифлисъ.

— Эй, эджибъ,—вскричалъ онъ, обращаясь къ камергеру,—будешь еще вѣрить въ женскую добродѣтель?..

— Больше, чѣмъ когда нибудь,—отвѣтилъ тотъ. Жена Догладзе еще разъ доказала, на что способна женщина.

Царь посмотрѣлъ на него удивленно.

— Ужели не знаетъ государь,—продолжалъ тотъ, улыбаясь, что она была *не она*, и молодая серна заступила мѣсто лани?

Ростомъ остановился, какъ вскопанный. Краска стыда бросилась ему въ лицо.

И, повернувъ коня, царь помчался къ Догладзе.

Бѣшеннымъ вепремъ ворвался онъ въ домъ, въ которомъ пировалъ день тому назадъ.

— Гдѣ она, гдѣ преступница?

И когда царь, забываясь все болѣе, началъ поносить ее предъ свитою, ее поразило шумъ на дворѣ. Она бросила туда взглядъ и обомлѣла. Въ дверяхъ стояла могучая фигура Зураба... „Спасалари“ еще не выѣхалъ и неожиданно вернулся домой.

И царь, и свита окаменѣли отъ ужаса.

— Зурабъ, мой милый Зурабъ, спаси свою жену! — вырвалось у нея.

Догладзе понялъ. Блѣднѣе смерти, онъ схватился за шашку, и дамасская сталь вылетѣла изъ ноженъ. Еще мигъ, и царская кровь обагрила бы домъ вѣрнѣйшаго изъ его слугъ. Но свита предупредила „спасалари“. Кинжалъ эджиби проникъ ему въ спину, и удары шашекъ посыпались, какъ градъ...

Когда кончилось все, и послѣдній изъ Догладзе палъ бездыханнымъ, предъ смущенными его убійцами выступила виновница несчастія.

— Будь ты проклятъ, будь проклята страна, воспитавшая тебя, мать, родившаго такого урода! Гляди же сюда, какъ жена Догладзе боится тебя, какъ бѣжить отъ смерти.

И съ этими словами, выхвативъ кинжалъ, она закололась надъ трупомъ мужа.

Возвратившись въ Тифлисъ, царь заперся у себя дома. Судьба семейства Догладзе поразила его, какъ громъ. Онъ не хотѣлъ принимать никого, ни друзей ни придворныхъ. Самъ престарѣлый католикосъ съ трудомъ могъ проникнуть въ страдальцу и успокоить его душу. Для спасенья послѣдней, по совѣту святаго отца, все имѣнiе Догладзе было передано церквамъ и монастырямъ. Сел. Дирби и до сихъ поръ принадлежитъ Гробу Господню...

При нашествiи шаха Аббаса на Грузiи создавалась легенда ¹⁾ народомъ, въ которой персидскiй властелинъ рисуется не побѣдителемъ, а побѣжденнымъ. Къ завладѣвшему всей Кахетiей и большею частью Карталинiи шахъ Аббасу однажды явился стройный, „какъ тополь на берегу Куръ“ посолъ отъ грузинскаго царя съ корзиной свѣжихъ плодовъ. Шахъ похвалилъ подарокъ, съѣлъ самое большое яблоко,

¹⁾ *Иверiя*, 1887, 93. Ср. *Потто*. Кавказская война, т. I, 240 — 246. (Слб. 1887).

завылъ его сѣмена копьемъ въ землю и, обратившись къ карталинскому таваду (князю), сказалъ: „вляняйся царь и донеси, что пока изъ этихъ сѣмянъ не выростетъ садъ, и я не вкушу плодовъ отъ него, до тѣхъ поръ не выйду изъ вашей земли, гдѣ мнѣ снится лучше, чѣмъ дома“. Тавадъ этотъ былъ Шіо (фамилія неизвѣстна), который предъ тѣмъ сочетался съ прекрасной Хорешаной. Пораженный униженіемъ своего царя и родины, онъ съ рѣшимостью по дорогѣ думалъ: „пожертвую моею милою, ненаглядной Хорешаной—отчизна дороже жены“!...

Шахъ Аббасъ отдалъ чудовищный приказъ—съ каждою новою луною набирать 50 красавицъ и приводить въ персидскій лагерь. Шахъ самъ раздавалъ ихъ своимъ воеводамъ. Но былъ одинъ ханъ, по имени Алла Верды, который не довольствовался, „дарами брата луны“, и самъ собиралъ такую дань. Каждый день, выѣзжая на охоту изъ стана около г. Талава, вечеромъ наслаждался новою данью въ образѣ красивой грузинки.

Между тѣмъ остатки грузинскаго войска близъ Мцхета сошлись подъ царскою хоругвью, обнимались и клялись надъ хитомъ Господнимъ умирать другъ за друга. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда тавадъ Шіо прискакалъ къ Хорешанѣ и сказалъ ей: „спаси отечество!—Слабой ли женщиной его спасти, когда храбрѣйшіе тавады бездѣйствуютъ?! — Гдѣ какъ сестры обнялись и слились на вѣчный союзъ Кура и Арагва, тамъ соединились разрозненные силы Иверіи. Послѣднія эти силы—не болѣе, какъ горсть, а кизильбашей (персовъ) несмѣтное число. Намъ остается честно умереть, но наша смерть не спасетъ отчизны. Но гдѣ храбрѣйшіе люди безсильны, тамъ женщина можетъ все... безмѣрнымъ величіемъ любящаго сердца. Пожертвуй собой!.. Отдай свою любовь отъ вечерней звѣзды до утренней хану Алла Верды“. Хорешана помертвѣла а благородный карталинецъ говорилъ долго, и дивны были его рѣчи, какихъ не слыхалъ еще міръ. Хорешана постигла величіе жертвы, нашла въ неизмѣримой глубинѣ своего любящаго сердца невѣдомую силу—и рѣшилась. Она пришла въ персидскій станъ, трепещущая и смущенная. Смущеніе только увеличило ея красоту, и ханъ Алла-Верды клялся бородою пророка, что никогда еще не видывалъ подобной красавицы. Наступила мрачная ночь. Гроза разразилась въ горахъ, дождь заливалъ долины, буря срывала шатры въ татарскомъ станѣ. Подъ шелковымъ наметомъ хана шелъ споръ ожесточенный. Алла-Верды не соглашался на цѣну, которой требовала грузинка. Онъ предлагалъ ей всѣ свои сокровища, все, кромѣ измѣны шаку. Хорешана отвергала все и требовала только измѣны. Не разъ могучій ханъ приходилъ въ порывъ неистоваго бѣ-

шенства, не разъ заносилъ надъ нею „канджаръ“. Хорешана все выдержала—и не сбавила цѣны.

Слѣдующій день ханъ пресидѣлъ въ шатрѣ, задумчивъ и свирѣпъ, не прикасаясь къ пилаву. Весь лагерь примолкъ и никто не смѣлъ разговаривать громко. Въ полночь ханъ согласился на цѣну, выпрошенную Хорешаной. Потребована была клятва, и онъ клялся бородою пророка.

Утромъ прискакалъ гонецъ отъ шеха, который требовалъ присоединиться къ нему противъ возмущившихся гауровъ. „Бали“ (хорошо) свалалъ Алла-Верды. Клятва, казалось, была забыта, и въ душѣ Хорешаны зрѣла месть и рѣшимость въ ту же ночь отрѣзать голову клятвоступнику. Во снѣ ее посѣтило дивное видѣніе: явился старецъ, убѣленный сѣдинами, въ рубищѣ отшельника, съ лицомъ свѣтлымъ и вроткимъ. Старецъ поднималъ руку и сталъ благословлять Хорешану. „Недостойна отче, вскричала она, — благословія та, которая осквернила себя на ложѣ, невѣрнаго и приготовила руки свои на вѣроломное убійство!“ Старецъ, вѣщавъ: „Отложи намѣреніе твое, о лучшая изъ дочерей Иверіи! Не поднимай руки на хана Алла-Верды, ибо онъ призванъ на великое дѣло: его жизнь довершитъ спасеніе отчизны, его кончина воздвигнетъ обитель изъ развалинъ, надъ которыми плачу долгіе годы. Завтра повѣдай хану желаніе вкусить снѣдь отъ его собственной ловитвы“... Старецъ еще разъ благословилъ колѣнопреклоненную Хорешану и сталъ невидимъ.

Поутру Хорешана говорила хану, что она хотѣла бы кебабъ изъ джайрана (жаркое изъ дикой козы), убитаго собственною его рукою. Охотники немедленно направились по дорогѣ къ обители св. Георгія. Здѣсь спущенъ былъ любимый соколъ Алла-Верды на куропатокъ, и самъ ханъ мчался на конѣ, поощряя сокола бѣшенными криками. А вдалекѣ на утесистомъ берегу р. Алазани стоялъ на колѣняхъ отшельникъ и подъ палящимъ солнцемъ молился объ избавленіи родины отъ тяжелаго нашествія иноплемениковъ. Соколъ уже настигалъ куропатку, какъ вдругъ она ринулась на землю и скрылась подъ полой молящагося пустынника. Ханъ наскочилъ на отшельника и громко крикнулъ! „Спугни изъ подъ полы птицу?“ Отшельникъ молился.—Тебѣ говорю, спугни птицу!“ Отшельникъ пламенно молился о спасеніи бѣдствующей родины; сердце его унеслось въ міръ и весь земной міръ съ своими красотами и ужасами не существовалъ для него.—„Такъ ты не слушаешься меня, дерзкій гяуръ!“ вскричалъ ханъ. Канджаръ блеснулъ надъ головою отшельника, но, прикоснувшись къ сѣдинамъ старца, разлетѣлся въ дребезги. Ханъ упалъ съ коня, и рука, сжи-

мавшая рукоять, усохла. А отшельникъ молился „о ненавидящихъ и обидящихъ насъ“. Пораженный чудомъ и всепрощающимъ словомъ христіанской молитвы, гордый ханъ смирился. „Отпусти мой грѣхъ, говорилъ онъ старцу, возврати мнѣ руку, я отдамъ ее на служеніе народу христіанскому!“ Благословеніе старца оживило руку Алла-Верды, и первый лучъ проникъ въ его мрачное, чувственное сердце. И когда шахъ и царь сошлись на битву, ожидая каждый себѣ на помощь Алла-Верды, послѣдній съ татарской конницей повернулъ на визильба-шей. Персидское воинство, охваченное паникой, обратилось въ бѣгство. Шіо былъ найденъ въ числѣ убитыхъ въ этомъ сраженіи. Надъ нимъ стоялъ и плакалъ молодой тавадъ въ татарскихъ доспѣхахъ—то была Хорешана. Раненый Алла-Верды успѣлъ принять крещеніе и умеръ вторымъ мужемъ Хорешаны, завѣщавъ свои несмѣтные сокровища на возобновленіе обители св. Георгія. Грузинскій лѣтописецъ прибавляетъ къ легендѣ, что не было и не будетъ такого любящаго сына отчизны, какъ карталинецъ Шіо; не было и не будетъ такой любящей жены, какъ кахетинка Хорешана ¹⁾.

Одна легенда связана съ именемъ *царя Левана* (XVI в.), соединившаго съ Кахетіей Пшаветію, Тушетію и Хевсуретію. Столицей своей онъ сдѣлалъ г. Грими, сохранившій много остатковъ былаго величія. Царь Леванъ имѣлъ одну красавицу—дочь, которая отвергла предложенія лучшихъ представителей грузинской знати. Но случилось такъ, что Грими осадили лезгины, во главѣ которыхъ стоялъ юноша 25—26 лѣтъ стройный и храбрый. Съ укрѣпленной башни столицы царевна слѣдила за нимъ и, очарованная его красотой, она задумала измѣну, бросила въ непріятельскій станъ яблоко, во внутрь котораго она вложила письмо съ страстнымъ объясненіемъ оборотителю вождю въ любви и общаніемъ отворить ночью тайкомъ ворота въ крѣпость, если онъ женится на ней. Врагъ воспользовался ея услугами при взятіи столицы, виновницу же побѣды онъ закололъ съ словами: дѣвица, которая не пощадила отца и родины, не достойна быть женой кого-нибудь—она заслуживаетъ только смерти ²⁾.

Подобная легенда связывается еще съ сел. Тмогви, гдѣ жила грузинская царица (?), которая, прельстившись красотой шаха Аббаса, отворила ему ворота крѣпости ³⁾.

¹⁾ Ср. аналогичную легенду объ обращеніи силою любви къ грузингѣ магометанина въ христіанскую вѣру, приведенную В. Л. Величко въ *Извѣст.* 1894 № 16.

²⁾ *Иверія*, 1888, 203.

³⁾ „Этногр. Обзор.“ кн. XVII, стр. 212.

При царѣ *Иракліи II* (XVIII в.) ¹⁾ жилъ храбрый военачальникъ князь *Кайхосро Вацнадзе*. Онъ не разъ отражалъ враговъ отъ нападенія на Бахетію и навелъ таковой ужасъ, что лезгинны прозвали его шакаломъ и пугали его именемъ расплакавшихся дѣтей. Этотъ именитый человѣкъ осквернилъ себя однимъ преступнымъ дѣяніемъ. Разъ въ церкви предъ женою его стала крестьянка *Мартишвили*, которая, по требованію княгини, не уступала ей мѣста. Обиженный *Кайхосро* собралъ лезгинъ и сталъ разорять свою страну до тѣхъ поръ, пока царь *Ираклій* не далъ ему въ крѣпостные семью *Мартишвили*, а виновницу своего озлобленія *Кайхосро* доставилъ княгинѣ на подносѣ обезглавленной.

Объ Иракліи же передается, что царская корона была возложена на него ангелами съ небесъ въ тотъ моментъ, когда онъ подаль вино въ своей чашѣ прокаженному нищему и самъ выпилъ изъ той же чаши, наполненной червями, которые изъ рта больного бѣдняка упали въ царскую посуду.

Легенда, почему въ Грузіи такъ много красавицъ, записана въ *Кабулети* (Батумской обл.). Былъ въ Индіи царь, по имени *Шедатъ*, человѣкъ настолько гордый и дерзкій, что вздумалъ развести эдемскій садъ, чтобы подданные его признали за Бога. Эдемъ его оказался красивъ, какъ рай, но имѣлъ одинъ крупный недостатокъ: въ немъ не было ангеловъ. Царь послалъ слугъ во всѣ концы свѣта собрать красавицъ (гурій) и привести ихъ къ нему для водворенія въ Эдемъ. Гонцы исполнили приказаніе царя и уже возвращались въ Индію. По пути на Кавказъ они узнали, что Господь наказалъ за гордость царя, *Шедата*: мушки и комары овладѣли имъ и покусали его такъ сильно, что онъ распухъ и вскорѣ въ мученіяхъ испустилъ духъ. „Гуріи“ (красавицы), услышавъ эту вѣсть, рѣшили не возвращаться домой и остаться въ чудной Грузіи, очаровавшей ихъ своей красотой. Онѣ поселились въ Грузіи, и вотъ почему въ этой сторонѣ такъ много красавицъ ²⁾.

Мы привели нѣсколько легендъ, связанныхъ съ именами историческихъ лицъ. Онѣ любопытны въ томъ отношеніи, что представляютъ содержаніе, большею частью странствующее, преурочиваемое къ различнымъ временамъ и народамъ. Легенды же, образовавшіяся подъ влияніемъ апокрифовъ, составляютъ цѣлый релігіозный эпосъ, въ которомъ сохранилось оригинальное міровоззрѣніе съ пережива-

¹⁾ *Дроба*, 1885, 35.

²⁾ См. *Иверія*, 1894, № 13.

ніями туземной міеологической старини и отголосками изъ церковнаго ученія христіанской поэзи. Съ распространіемъ христіанства у вновь обращенныхъ народовъ источники этого ученія получали новыя отростки, но съ тѣмъ же традиціоннымъ характеромъ. Отсюда-то обиліе параллелей, какія новѣйшіе изслѣдователи находятъ въ восточныхъ и западныхъ легендарныхъ.

IV. Суевѣрныя и гадательныя книги.

Въ греческомъ индексѣ рядомъ съ апокрифическими церковными книгами поставлены были книги астрологическія. Памятники отреченной литературы, по различію суевѣрій, могутъ быть объединены въ группы подъ тѣмъ или другимъ названіемъ: вѣра въ примѣты, сны, гаданія, заговоры и пр. Одни изъ этихъ суевѣрій относятся къ личности человѣка, другія къ животнымъ, или предметамъ и случаямъ изъ домашней жизни; третьи къ небеснымъ явленіямъ. „Колядникъ“ русскихъ, приписываемый въ одномъ сборникѣ XV в. Евдрѣ, находитъ себѣ подобіе въ грузинскомъ памятникѣ X вѣка, извѣстномъ подъ именемъ „Каландоба, сказанная пророкомъ Евдрой“. Русскій „Колядникъ“ предсказываетъ состояніе погоды, урожая на хлѣбъ и другія произведенія смотря по тому, въ какой день недѣльный придется Рождество Христова. Грузинская „Каландоба“, которая сближается съ латинскимъ *calendae* (первое въ каждомъ мѣсяцѣ число) указываетъ, какихъ перемѣнъ погоды и урожая въ году надобно ожидать, судя по тому, въ какой день недѣли приходится Новый годъ. „Если январь наступитъ, — говорится въ памятникѣ, — въ недѣлю“ (въ воскресенье — въириаке собственно значить недѣля въ священномъ писавіи, а нынѣ съ усѣченнымъ окончаніемъ „квира“ — воскресенье), зима будетъ сырая, лѣто сухое, плодовъ много, виноградный урожай малый, меду много, своть хорошій, осень вѣтреная.

Въ понедѣльникъ — наступитъ, зима будетъ теплая, лѣто и *ари* (ѣар род. ἄρος, ἦρος весна) хорошие, дождливыя и съ большими воздушными ужасами, осень сухая, плодовъ много, меду мало, непрерывныя болѣзни, неожиданныя смерти бѣдныхъ и сильная лихорадка.

Во вторникъ — наступитъ, зима будетъ вѣрная осень сырая, поврежденіе плодовъ, смерть женщинъ, болѣзни и крушеніе на моряхъ кораблей.

Въ среду — наступитъ, зима будетъ лютая, лѣто сырое, *ари* хорошия, пшеницы мало, винограда и плодовъ много и всякаго предпріятія исполненіе, смерть мужчинъ.

Въ четвергъ — наступитъ, зима будетъ хорошая, лѣто вѣтреное, осень и ари благорастворенные, меду мало, начальниковъ и вельможъ гибель.

Въ пятницу — наступитъ, зима будетъ медленная и лютая, лѣто и ари сырые, осень сухая, вина и хлѣба много, всякіе плоды (будутъ) дешевы, глазныя болѣзни и смерть младенцевъ.

Въ субботу — наступитъ, зима будетъ тяжелая, ари чистый, ограниченность плодовъ, падежъ скота, горячка, непрерывная лихорадка, пожары домовъ и смерть старцевъ ¹⁾. Грузинскій памятникъ восходитъ къ греческому оригиналу Тоῦ προφήνου „Εσδρα Διάγνωσις. Для сравненія этихъ текстовъ привожу предсказаніе на цѣлый годъ по наступленіи Новаго года во вторникъ: Ημέρα τρίτη ἐὰν γένωνται κάλινδαи Ιαννουρίων, ἔστα, χειμῶν μέγας χιονώδης ἔαρ ὑγρὸν, θέρος καλόν, μετόπισρον ξηρὸν καρπῶν σπάνις χρόνος σκληρὸς αὐξηθήσεται ἄνδρων καὶ γυναικῶν ἀπώλεια ²⁾.

Изъ приписки къ манускрипту видно, что его переписчикъ имѣлъ оригиналомъ древнюю рукопись: „основаніемъ я принялъ рукопись древнюю“. Весь манускриптъ написанъ заглавнымъ церковнымъ алфавитомъ, что можетъ свидѣтельствовать одревности самого памятника. Въ пользу этого мнѣнія, помимо выставленной въ рукописи даты—941 годъ, переписанной въ монастырѣ св. Саввы „грѣшнымъ Іоанномъ“ (нынѣ эта пергаментная рукопись хранится въ Спб. Академіи Наукъ) могутъ говорить нѣкоторыя палеографическія ея и грамматическія особенности, извѣстныя намъ изъ древнихъ манускриптовъ. Буква *у* еще совершенно не употребляется, звукъ этотъ выражается посредствомъ сочетанія знаковь *ов*, эти же звуки употребляются вм. *ва*, *ве*, *ви*.

Въ „Лечебникѣ“ даны совѣты (чего нужно избѣгать и что принимать для благополучія и здоровья тѣла) и общія указанія, сверхъ частныхъ снадобій, для сохраненія здоровья. „Сказано учеными философами: въ январѣ на тощакъ выпей вина; въ февралѣ — избѣгай сладкой свеклы и не ѣшь; въ мартѣ ѣшь и пей сладкое, но избѣгай кислаго; въ апрѣлѣ не ѣшь орѣховаго листка; въ маѣ ножекъ и головы (птицы и животныхъ) не ѣшь; въ іюнѣ на тощакъ выпей холодной воды; въ іюлѣ

¹⁾ *Бакрадзе*. Исторія Грузіи, 235—6.

²⁾ *Starine* na sviet izdaje jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Knjiga X. U Zagrebu 1878. Стр. 116—117. Ср. Славянскій текстъ: Аще вѣторѣшъ прѣиметь генварь, будетъ зима велика, весна дъждева, жетва вѣдрьна, овошце по малюу, скоту пагуба, езе напрасну плавающимъ усилне, жита много и меда и женскому полу смреть.

избѣгай съ женщиной ложе дѣлать; въ августѣ орѣховыхъ листьвовъ не ѣшь; въ сентябрѣ на тощакъ пей молока; въ ноябрѣ зелени не ѣшь, въ декабрѣ *иноба* (?) не ѣшь. Лѣчебники, извѣстные подъ именемъ карабадини, дошли до насъ въ многочисленныхъ спискахъ. Здѣсь приводится описаніе разныхъ волшебныхъ и цѣлебныхъ травъ, заговоры и другія суевѣрныя средства при разнообразныхъ болѣзняхъ. Авторъ его неизвѣстенъ; вѣроятно, онъ представляетъ сводъ одновременно собраныхъ свѣдѣній о болѣзняхъ различными лицами. Чаще всѣхъ мудрецовъ упоминается врачъ Бакратъ и Джанаозъ, (персидское произношеніе Галена-Джалинуса).

Карабадини. Въ отечествѣ великаго Зороастра и Рустема жилъ когда то великій знахарь, звался онъ Джанаозъ ¹⁾ и пользовался на своемъ вѣку завидною славою, гремѣвшею даже внѣ предѣловъ его родины Персіи. Свои и чуждые равно благоговѣли при его имени, удивляясь его уму, отъ котораго ничего не было сокрыто ни на землѣ, ни подъ землею, и надъ землею. Всю мудрость исчерпалъ онъ до дна. Астрологію онъ зналъ какъ свою бороду, магія была ему ни по чѣмъ. Но особенно возвышало его въ глазахъ народа — необыкновенное знаніе лѣчить всякаго рода болѣзни посредствомъ травъ. Рассказывали, что понимаетъ онъ языкъ растений, изъ которыхъ каждое говорило о цѣлебной силѣ своей противъ каковаго бы то ни было недуга. Многіе старались какъ нибудь допытаться у Джанаоза ²⁾ объ его иску-

¹⁾ Джанаозъ, вѣроятно, персидскій Джалинусъ (Галенъ), о которомъ между прочимъ узнаемъ изъ походовеній Хаджи Баба, соч. *Моріера*, пер. бар. *Брамбеуса*, ч. I, 143. Галенъ извѣстенъ и русскимъ травникамъ. *Проф. Флоринскій*, Русскіе просто-народные травники, Казань, 1880, предисловіе, II.

²⁾ Въ одномъ *Карабадини* (Рукопись Общества распротр. грамот. № 1274), упоминаются еще Бакратъ, (Иппократъ?) Масарджа, Іоанна, Магометъ сынъ Захарія, Андромахусъ и Абуджорія, Тіативъ, Фолось, Масо сынъ Іессея, Арбісіось Мадіанскій (?) Тебиткуръ, Архиджанъ, Девджанъ, Упанъ, Меія, Ибнимасъ, Руфось сынъ Синапа, — великіе мудрецы, стремящіеся сдѣлать челоуѣка безсмертнымъ ищущіе цѣлебныхъ травъ и изгоняющіе болѣзни. По поводу каждой болѣзни приводятся ихъ мнѣнія. Изъ приписки къ этой рукописи видно, что Карабадини былъ переведенъ съ арабскаго языка при царвѣ Тимарѣ, (XII в.) по приказанію Антонія митрополита Чкондидскаго. Весь Карабадини раздѣленъ на 226 главъ, изъ нихъ 7 главъ утрачено. Глава первая о врачеваніи и его пользѣ; глава вторая о иѣрѣ веществъ и ихъ раздѣленіи; глава третья о природѣ и желудкѣ; глава пятая о рожденіи челоуѣка; глава шестая о появленіи шести климатовъ; глава восьмая о познаніи пульса; глава 14-я о круговращеніи времени въ четырехъ образахъ; глава 15-я о происхожденіи головной боли и пр.

ствѣ, о его таинственной наукѣ, но хитро-умный старикъ не поддавался; многіе старались сдѣлаться его учениками и даже рабами, лишь бы этимъ путемъ узнать въ чемъ дѣло, но напрасно старались они. Наконецъ, одна старуха ухитрилась. Она предлагаетъ ему своего сына въ рабы; тотъ строптиво отказывается, но старуха увѣряетъ, что великому искуснику нечего опасаться потому что сынъ ея глухо-нѣмой. „Не уклоняйся отъ старой дороги, ни стараго друга“—гласитъ грузинская пословица. Джанаозъ забылъ пословицу и согласился принять въ прислуги парня и заставилъ его стряпать на кухнѣ. Парень былъ не глупъ и замѣтивъ, что самое любимое блюдо господина — пашлыкъ изъ змѣй, смекнулъ, что это не даромъ. Дай отвѣдаю, подумалъ онъ и когда жарилъ на веретелѣ змѣю подставилъ подъ нее ломоть хлѣба, такъ — что на него спадали капли жира. Едва успѣлъ онъ съѣсть этотъ хлѣбъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что все существо его переродилось и превратился онъ въ другого человѣка. Ему слышались какіе-то странные звуки, ему чудилось, что рѣютъ вокругъ какія то дивныя существа, ему казалось, что даже стѣны ведутъ съ нимъ рѣчь. Однажды господинъ взялъ его на прогулку въ поле — вотъ чувствуетъ онъ, что травы вокругъ него наперерывъ рассказываютъ о томъ, какое лекарство заключается въ каждой изъ нихъ. Эготъ дотолѣ невѣдомый ему гласъ такъ ошеломилъ его, что онъ расхохотался словно безумный. Джанаозъ понялъ, что тайна его открыта и съ тоскою и злобою въ душѣ далъ обѣтъ при первомъ случаѣ уничтожить коварнаго соперника.

Въ это время у персидскаго шаха опасно заболѣла единородная дочь; болѣзнь сосредоточилась въ головѣ и ничѣмъ не могли помочь ей. Многіе врачи напрасно истощали свои искусства. Наконецъ, пригласили Джанаоза. Посмотрѣвъ страдальицу, онъ нашелъ нужнымъ вскрыть ей черепъ. Оказалось, что въ головѣ сидѣла черепаха, покрывъ собою весь мозгъ. Вскрыть-то голову, положимъ было легко, но снять гадюку, вцѣпившуюся лапами въ мозгъ, не было возможности. Джанаозъ думалъ, думалъ и ничего не придумалъ. Вдругъ среди окружающей его толпы, увидѣлъ онъ своего ученика который говоритъ ему: средство, снять черепаху очень просто; возьми мѣдный тазъ, влей воды и звони въ него палкою возлѣ больной.... Лишь только сдѣлали это, какъ черепаха подпрыгнула и упала въ тазъ.

Бѣшенство овладѣло Джанаозомъ. Какъ! ничтожному слугѣ наставлять его при всѣхъ въ искусствѣ, котораго царемъ онъ слылъ до селѣ! Бросился Джанаозъ за бѣжавшимъ слугою въ погоню и долго преслѣдовалъ его, пока тотъ, выбившись изъ силъ, не остановился подъ тѣнью огромнаго дуба, гдѣ нашелъ пастуха, расположившагося тутъ

на ночлегъ со стадомъ. Разказавъ пастуху свою исторію, слуга объяснилъ, что не миновать ему смерти отъ рукъ гонителя, который растерзаетъ его въ куски, и вручилъ ему три стѣлянки съ лѣкарствами.— Эти лѣкарства могутъ воротить мнѣ жизнь, говорилъ онъ, — если только ты употребишь ихъ, такъ какъ я наставлю. Части моего тѣла собери, разложи на овечьей шкурѣ по порядку и облей ихъ жидкостью изъ перваго пузырька, — онѣ соединятся во едино, другая жидкость сообщитъ тѣлу кровь и упругость, и, наконецъ, послѣдняя призоветъ меня къ жизни. При послѣднихъ словахъ Джанаозъ настигъ похитителя своей тайны и изрубилъ его въ куски. Пастухъ сдѣлалъ по сказанному: два лѣкарства произвели желаемое дѣйствіе, но на бѣду третье не достигло всего назначенія: неосторожный пастухъ уронилъ пузырекъ, который разбился въ дребезги. Надеждамъ бѣдняка не суждено было исполниться, и бездушное тѣло его лежитъ донинѣ все въ томъ же положеніи у подножія вѣковаго дуба....

Карабадини и нынѣ служатъ домашнимъ лѣчебникомъ.

Для изученія міеологіи грузинъ необходимо обратиться къ этой книгѣ; она содержитъ въ себѣ всю тайну знахарства и простаго врачебнаго искусства, которыми въ Грузіи преимущественно занимаются старухи. Въ ней заключаются всѣ заговоры, молитвы и заклинанія отъ разныхъ болѣзней. Замѣчательно, что болѣзни представлены въ этихъ заклинаніяхъ въ пластическихъ образахъ; головная боль (мигрень) напримѣръ, представлена въ образѣ быка, грызущаго желѣзо; съ понятіемъ о чесоткѣ соединяется понятіе о безродномъ чудовищѣ, которое выходитъ изъ черныхъ скалъ, входитъ въ тѣло людей, гложетъ кости и, высасывая кровь, превращаетъ ихъ въ прахъ.

Книга карабадини ¹⁾, какъ это показываетъ и первая полови на слова (кара по-татарски черный), есть нѣчто въ родѣ русскаго чернознажія, смѣсь медицинскихъ замѣтокъ съ народными суевѣріями. Нѣсколько выписокъ дадутъ понятіе о восточномъ воззрѣніи на природу и отношенія къ человѣку. Слово о курицѣ. Когда два пѣтуха будутъ драться между собою до утомленія, поймай одного изъ нихъ и зарѣжь. Если желаешь поссорить двухъ закадычныхъ пріятелей, хотя бы они жили другъ съ другомъ душа въ душу, то это легко сдѣлать, примѣшавъ кровь того пѣтуха къ ихъ пищѣ. Если будешь носить при себѣ ноготь пѣтуха, то не бойся безвременной напасти. Кромѣ того, глазъ пѣтуха, носимый на правомъ рукавѣ, предохраняетъ отъ всего ядовитаго и отъ всякой злобы человѣческой. Хочешь ли заградить уста

¹⁾ „Кавказъ“, 1857, 2. Стр. Кавказ. календарь на 1856 г.

своему завистнику или поносителю? Напиши его имя на бумагѣ и подь нимъ подпиши слѣдующія слова... (заключеніе состоитъ изъ 10 словъ на неизвѣстномъ языкѣ), завяжи три раза узелъ на имя того человѣка, и достигнешь цѣли. — Нужно ли унять плачь неугомоннаго ребенка? Привѣсь къ его колыбели ослиное копыто; еще дай ему сокъ подорожника (травы), разведенный въ молокѣ матери, и онъ перестанетъ плакать. Если садовыя деревья не будутъ давать плода, привѣсь къ нимъ ландышевый корень, и они дадутъ сторичный плодъ. Чтобъ однажды навсегда предохранить деревню отъ нашествія волковъ, нужно убить одного изъ нихъ и зарыть на площади среди деревни. Если преслѣдуетъ домовой, то нужно говорить слѣдующее заклинаніе: Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Арозъ, Марозъ, Анбарозъ, мы взошли на гору Галилейскую, искали слѣдъ звѣря, поймали дѣвушку — пламень; у ней коса до пять, волосы до колѣнъ; уши ослиныя, носъ песій, когти кошачьи. Выну мой мечъ стальной, подрѣжу косу длинную, уши, носъ, когти. — Нѣтъ, пощади меня, не дѣлай этого; я удалюсь, и гдѣ услышу это заклинанье, такъ не быть моему роду до трехъ столѣтій. Противъ подагры предлагается читать молитву: „Во имя Отца и Сына, и Св. Духа. Среди моря стояло древо ливанское, безъ вѣтвей, безъ листьевъ; на немъ сидѣла птичка безъ клюва, безъ перьевъ. Взобрался я (на дерево) безъ рукъ, сошелъ безъ ногъ, зарѣзалъ (птицу) безъ ножа, изжарилъ безъ огня“. Молитва о томъ же: Есть церковь славная, у дверей ея большая скала, сѣлъ на нея бѣлый коршунъ, а болѣзнь ушла въ пропасть“. Кто боится оплѣшивить, тому предлагается средство: сожги мышъ и ея золою посыпь гладкое мѣсто, либо лысину, и она покроится волосами. Кто желаетъ имѣть длинные и красивые волосы, пусть три раза посыплетъ голову порошкомъ изъ листьевъ смовъ. Кому не нравится сѣдина, тому совѣтуетъ сдѣлать снадобе изъ жженой печени чернаго осла съ примѣсю купороса, на льняномъ маслѣ, и мазать имъ сѣдые волосы, и они будутъ всегда черны. Кто хочетъ избавиться веснушекъ, тотъ пусть прикладываетъ къ нимъ, по ночамъ, лукъ съ недавно срѣзанною головкой, это искоренить ненавистныя пятнышки рано или поздно.

Въ дополненіе приведу изъ рукописи парижской національной библіотеки ¹⁾ лѣченіе неправильныхъ родовъ: для этого нужно тереть животъ и спину, потомъ смѣшай перецъ, мускусъ, корицу, миндаль, масло, лилію и намажь больную. Если хочешь узнать, говорится въ

¹⁾ Грузинскія рукописи париж. національн. библи. Мои нисыма въ *Искри*, 1889 г. № 118 и сл.

Карабадини XVI—XVII вв. ¹⁾, мужъ ли умереть раньше жены или жена раньше мужа, то сложи цифровое значеніе буквъ именъ ихъ и дѣлай вычитаніе — Адамъ и Ева, Адамъ и Ева; если окончится на Адамъ, то мужъ умереть раньше жены, а если на Евъ, то умереть жена раньше мужа. Грузинскому „Карабадини“ соотвѣтствуетъ русскій Травникъ, Цвѣтникъ, Лѣчебникъ.

Сказаніе о „дняхъ“, указывающее, какіе дни лунные, счастливы и какіе несчастны, находитъ связь съ „лунной книгой“ у грузинъ. Въ первый день луны добро начинать всякое дѣло, ибо въ этотъ день сотворенъ Адамъ, — сѣять, сажать, путешествовать, закладывать основаніе, распускать виноградную лозу, ибо въ этотъ день Ной началъ строить ковчегъ, Моисей вывелъ евреевъ изъ Египта, архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Богородицѣ, Соломонъ впервые началъ храмъ (строить). Больные исцѣлятся, потерянное найдется, сонъ благополучно исполнится. Для сравненія съ грузинскимъ памятникомъ привожу начало изъ русскаго памятника, приведеннаго ак. Тихонравовымъ. Въ первый день луны Адамъ сотворенъ бысть; въ тотъ день на все строенъ, купити и продати, и по водѣ плавати, сѣяти и садити и власа урѣзати тонци и глаза бывають; волю сучити напрязати; свадьбы творити, порты скротити... погибшее скоро обрящете, недужный исцѣлѣть до 4-хъ дни; аще родится мужскъ полъ весель будетъ и разумеень во всемъ ²⁾. Дальнѣйшія подробности о лунномъ календарѣ приведу изъ газ. „Кавказъ“).

Точный и правдивый лунный календарь ³⁾. Въ немъ грузинъ стараго времени находятъ отвѣты на всѣ вопросы, своей былой несложной жизни. Построить ли избу, сѣять ли, садить ли, обрѣзать ли, рубить ли деревья, пускаться ли въ путь, женить ли сына, играть ли свадьбу дочери? На всѣ эти вопросы въ календарѣ готовы отвѣты и отвѣты удовлетворительные. Что ожидаетъ новорожденнаго, отчего родившій имѣетъ дурныя наклонности, получить ли исцѣленіе болящій? всё это подробно обсуждено и тщательно взвѣшано календаремъ.

Кромѣ значенія оракула, лунный календаръ имѣетъ, и не малое значеніе лингвистическое и историческое, но съ этихъ двухъ сторонъ нынѣ не будемъ разсматривать.

¹⁾ „Карабадини“ писанный неособенно твердымъ алфавитомъ *мхедрули*, стр. 5.

²⁾ Рукописи общества разпротр. грам. среди грузинъ, № 1229.

³⁾ *Тихонравовъ*. Памятн. отреч. лит. II, стр. 388.

⁴⁾ *Кавказъ*, 1853, 71. *Н. Берзеновъ* о примѣтахъ *Дубровина*, I, II, 122 5. См. „Кар.—Цх.“ II, 28.

Лунный календарь этотъ, въ грузинскомъ подлинникѣ и французскомъ переводѣ, напечатанъ въ книгѣ *Mémoires inédits, relatifs à l'histoire et à la langue Géorgiennes; composés ou traduits et écrits par Brosset jenne. Paris 1833*, и извлеченъ изъ древнѣйшей рукописи Таріель (1702 г.).

Въ первый день луны хорошо сѣять, садить, обрѣзать, рубить деревья, путешествовать. Ной началъ строить ковчегъ, Моисей избавилъ изральтянъ отъ рабства, и ангелы повелѣли Богоматери бѣжать. Кто родится въ этотъ день, будетъ силенъ и счастливъ, кто заболѣетъ—выздоровѣетъ, потерянное найдется, сонъ въ руку. 2-й день счастливъ для посѣва, посадки и обработки, и рубки деревьевъ. Въ этотъ день Каинъ убилъ брата своего Авеля. Кто родится въ этотъ день будетъ развратникъ, больной выдерживающій 10 дней, исцѣлится; потерянное въ этотъ день, въ этотъ же день найдется; украденное будетъ возвращено; сонъ въ теченіе трехъ дней сбудется. Въ 3-й день успѣхъ во всемъ. Кто родится въ этотъ день будетъ воинъ. Въ этотъ день Давидъ убилъ Голиаѳа и Крестъ Спасителя нашего отысканъ въ Иерусалимѣ. Кто заболѣетъ получить исцѣленіе, потерянная вещь найдется, украденная возвратится, сны несчастливы. 4-й день несчастливъ; не сади, не сѣй и не торгуй. Въ этотъ день Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, сжегъ праведныхъ. Кто родится въ этотъ день, утонетъ сгорить или какое нибудь другое несчастіе приключится съ нимъ. Потерянное не будетъ отыскано, украденное не будетъ возвращено; больной если выдержитъ 10 дней, выздоровѣетъ; сны счастливы. 5-й день, когда Ной, окончивъ ковчегъ, вошелъ въ него со всѣми тварями, счастливъ. Жените (молодаго) человѣка, покупайте раба, работайте, но не клянитесь и не заставляйте другихъ клясться. Не пускайтесь въ дорогу, чтобы не полатиться. Больному сдѣлается хуже, но, наконецъ, онъ исцѣлится, потерянное съ великимъ трудомъ отыщется; о снѣ своемъ и не говори. 6-й день счастливъ для торговли, для путешествія, для перехода въ другой домъ. Кто родится въ этотъ день будетъ жить долго, но будетъ воръ. День счастливый для женитьбы молодыхъ людей. Въ этотъ день Иисусъ Христосъ распредѣлилъ труды между апостолами и послалъ ихъ въ міръ проповѣдывать Слово Божіе. Браки счастливы, не клянитесь. Больной, выдерживающій 5 дней, исцѣлится; въ теченіе 5 дней, или въ теченіе года сонъ твой сбудется. 7-й день не счастливъ, изъ рая Адамъ былъ изгнанъ; не охотьтесь и не торгуйте. Если загремитъ громъ, земля будетъ навозная. День для всего несчастливый. Что потеряно, то потеряно навсегда. Не прикасайся къ женѣ. Больному будетъ хуже, но, наконецъ, онъ

исцѣлится; сонъ дурной и въ этотъ же день объяснится, но не иначе, какъ съ помощію молитвъ. 8-й день счастливый. Въ этотъ день свѣтъ отдѣленъ былъ отъ тьмы и раздѣлены языки. Въ этотъ день родился Матось-ага (Маасуиль?..). День счастливый для торговли посадки; и путешествій. Кто родится будетъ плодотворенъ, но будетъ не красивъ и не уживчивъ. Потерянная вещь съ трудомъ отыщется; больному будетъ труднѣе, выздоровѣетъ, потомъ исцѣлится. Сны хороши. Въ 9-й день счастливъ для путешествія и торговли, а для всего остального не хорошъ. Кто родится въ этотъ день, будетъ бѣденъ, но съ сердцемъ. Потерянная вещь отыщется, больному будетъ труднѣе, потомъ исцѣлится; сны хороши. Въ 10-й Моисей отнесъ скрижали и разбилъ. День несчастливый для путешествія; торговли и займовъ; потерянное не отыщется; но воръ будетъ повѣшенъ. Больной умретъ. Въ этотъ день погибли дѣти Виелеема. Сны дурны. Въ 11-й бездѣтная Анна молила Всемогущаго о дарованіи ей дѣтей и содѣлалась матерью Самуила; хорошо молиться Творцу, строиться, пересаживать, сажать, путешествовать и торговать. Потерянное отыщется; украденное не будетъ возвращено. Сны хороши. 12-й день рожденія Іуды, не пускайся въ путь, не мой головы и не торгуй. Кто родится въ этотъ день, обогатится, будетъ любимъ и ласкаемъ князьями. Сны дурны. 13-й день взятіе Іерусалима—не предпринимай ничего. Кто родится въ этотъ день будетъ бѣденъ, больной умретъ сны не въ руку. Въ 14-й день, пророкъ Іона былъ поглащенъ китомъ. День счастливый для путешествій (но не ввѣрайся водѣ), для закладки фундамента и для всего. Если перемѣнить мѣсто больной, хорошо сдѣлаетъ; потерянное вовсе не найдется, сны счастливы. Въ 15-й день Іисусъ Христосъ бесѣдовалъ съ Авраамомъ, остановился у него и поразилъ демона. Хорошо сѣять, садить, жепиться. Кто родится въ этотъ день долженъ остерегаться соли. Больной получить исцѣленіе. Не ходи на войну, не закладывай фундаментъ; сны не хороши. 17-й день счастливый. Іисусъ Христосъ побѣдилъ адъ. Не покупай, не продавай, не давай и не бери въ займы. Не прикасайся къ женѣ. Кто родится въ этотъ день, будетъ счастливъ; потерянное отыщется, сны не хороши. 18-й день счастливый. Въ этотъ день Всевышній даровалъ Аврааму сына Исаака ¹⁾. День благополучный для путешествій, построекъ и брака. Кто родится въ этотъ день, не будетъ любимъ міромъ. Въ этотъ день души племени Авраамова были изъяты Спасителемъ изъ страны воздуха-

¹⁾ Въ 18 день луны Исаакъ родился. *Флоринскій*. Русскіе народ. лѣчебники, стр. 190. О дняхъ добрыхъ см. *Бусмаевъ*, II, 33 et seq.

ній. Сны хороши. Въ 19-й день Господь явился Моисею. День счастливый для путешествій и для молитвы. Кто родится будетъ счастливъ; потерянное отыщется; сонъ не вѣрь. Въ 20-й Исаакъ молилъ о сынѣ своемъ Іаковѣ. Въ этотъ день всякая молитва спасительна. День благополучный для посѣва и для посѣщенія старшихъ; больной получаетъ исцѣленія; сонъ сбудется въ теченіе одного мѣсяца. 21-й день счастливъ для путешествій, для торговли, для закладки фундамента и для женитьбы. Кто родится будетъ счастливъ и Богомъ любимъ. Сонъ сбудется сегодня же. 22-й день счастливый, день рожденія прекраснаго Іосифа ¹⁾. Въ этотъ день всё удается: можно сѣять, кататься въ лодкѣ. Больной выздоровѣетъ. Не ходи въ погребъ, не посылай лошадь свою на подножный кормъ. Украденая вещь не будетъ возвращена. Кто родится, будетъ счастливъ и Богомъ любимъ, справедливъ къ бѣднымъ. Сны хороши. 23-й день счастливъ, роженіе Вану ²⁾. День благополучный для всего — для женитьбы, сна, посѣвовъ, торговли, закладки фундамента и охоты. Потерянное или украденное отыщется. Больнымъ будетъ хуже. Кто родится будетъ сребролюбивъ. Больной въ странѣ далекой исцѣлится, проживетъ еще 40 лѣтъ, потомъ съденъ будетъ волкомъ. Сны дурны. 24-й день роженіе Фараона, день несчастливый. Блюди за всѣми своими дѣйствіями. Больной умретъ. Украденная вещь не будетъ возвращена. Кто родится, будетъ уменъ и мудръ—умретъ отъ пера. Сны дурны. 25-й день несчастливый. Кто поклянется, умретъ; больному сдѣлается хуже; охота удачна. Кто родится, будетъ вялый и неспособный болтунъ. Если больной выдержитъ день, мѣсяцъ, годъ,—жить будетъ долго. Въ 26-й день Моисей раздѣлилъ море ³⁾. Молитвы твои услышаны будутъ Господомъ, предпріятія твои удадутся. Жени, путешествуй. Кто родится, спасенъ будетъ; потерянные вещи не отыщутся. Черезъ годъ сбудется твой сонъ. 27-й день счастливый. Всё удается, торговля, путешествія, постройка и заемъ. Больной выздоровѣетъ. Хорошо родится въ этотъ день, но сны ничего не стоятъ. Въ 28-й день Авраамъ принесъ въ жертву сына своего Господу. Хорошо торговать и путешествовать. Кто родится будетъ жить долго. Сны ничего не значатъ. Въ 29-й день Израильяне выступили въ обѣтованную землю: предпріятія твои удадутся—это день искупленія; больной исцѣлится. Брать, договоръ, путешествія счастливы, потерянные вещи отыскиваются. Кто родится, будетъ лю-

¹⁾ Въ 22 день луны Іосифъ родился. *Флоринскій*, стр. 6., 190.

²⁾ Роженіе Веніамина? Ср. сказаніе Филлона.

³⁾ „Моисей жезломъ раздѣли море“.

бимъ людьми за свой добрый нравъ и проживеть 60 лѣтъ. 30-й рожденіе пророка Самуила. Успѣхъ будетъ во всѣхъ предпріятіяхъ. Потерянная вещь отыщется; больной выздоровѣетъ; въ бракѣ въ путешествіи преуспѣютъ. Кто родится въ этотъ день, законно обогатится, будетъ высококомѣрнымъ. Если проживеть 8 дней, мѣсяць, годъ достигнетъ 80 лѣтъ. Сны объяснятся въ теченіе года.

Въ дополненіе къ этому календарю приводимъ извлеченіе изъ лексикона Сулхана-Саба Орбелиани, изданнаго еп. Александромъ.

9 и 22 Марта, 6 и 25 апрѣля, 4 и 29 мая, 5 и 22 іюня; 9 и 26 іюля, 7 и 29 Августа, 3 и 22 сентября, 6 и 21 октября, 6 и 20 ноября, 5 и 22 декабря, 5 и 27 января, 9 и 22 февраля—несчастливы для всего: для работъ, постройки, путешествій, покупки, продажи, для займовъ, перестройки, переходовъ въ новый домъ, для свадебъ, кровопусканія, сновъ, посѣвовъ, посадокъ, для всего однимъ словомъ. Въ эти дни не нужно ничего дѣлать. Ребенокъ, рожденный въ одинъ изъ этихъ дней едва ли будетъ жить, а если и останется въ живыхъ, будетъ несчастливъ; ибо числа эти и дни фатальныя, называются петлеони. Заболѣть въ эти дни—худой знакъ. Оттого-то Господь и повелѣлъ израильтянамъ строго наблюдать ихъ.

Сравнивая нашъ лунный календарь съ русскимъ памятникомъ „о дняхъ лунныхъ“, находимъ нѣкоторую разницу въ приуроченіи фактовъ изъ священнаго писанія къ тѣмъ или другимъ числамъ. По грузинской рукописи во второй день луны Каинъ убилъ Авеля, а по русскому памятнику Ева сотворена отъ ребра Адамова; въ третій день по грузинской рукописи Давидъ убилъ Голіаза, а по русскому памятнику Каинъ родился и пр. Въ установленіи добрыхъ и злыхъ дней также замѣчается разногласіе. Десятый день луны по русскому толкованію ковчегъ сотворенъ, и день этотъ добръ на все, а грузины считаютъ несчастливымъ этотъ день для путешествія и торговли, ибо въ этотъ день Моисей отнесъ скрижали и разбилъ ¹⁾. Въ 30 день и по грузинскому и по русскому „родися Самойлъ“.

Дурными днями въ народѣ считаются въ сентябрѣ и октябрѣ 3 и 4 число, въ ноябрѣ 8 и 2, въ декабрѣ 20 и 24, въ январѣ 4 и 11, въ февралѣ 20 и 24; въ мартѣ 4 и 6, въ апрѣлѣ 3 и 6, въ маѣ 6 и 20, въ іюнѣ 18 и 20, въ іюлѣ 4 и 20, въ августѣ 8 и 20. „Въ эти дни ничего не давай въ долгъ, ни покупай. Заболѣвшему трудно будетъ

¹⁾ См. *Тысонравогъ*, Памятники отречен. литературы, I, 388—91. Ср. *Флоринскій*. Русскіе травники и лечебники, стр. 1881, Казань, 1879. Сказаніе это приписывается *нѣкому Филону*.

вылѣчиться; кто женится, скоро разойдется; поселившійся въ новомъ домѣ не возрадуется, остерегайтесь рѣзать и одѣваться“.

Громникъ ¹⁾. Рукопись въ 16° въ деревянномъ переплетѣ, подчеркъ мелкій хуцури, заглавія сдѣланы киноварью. представляетъ молитвословъ съ присоединеніемъ Громника (*Βροντολογία*), въ которомъ объясняется значеніе грома въ извѣстный мѣсяць года. Если погремитъ, сказано въ рукописи въ *январь*, то урожай пшеницы и вина будетъ полный, а если землетрясеніе случится, то будетъ смертность. Въ *февраль* громъ—признакъ всего хорошаго, землетрясеніе—горячая борьба. Въ *мартъ* въ первомъ случаѣ пшеница уродится хорошо, а во второмъ произойдетъ война. Въ *апрѣль* прогремитъ — все будетъ дешево, а при землетрясеніи ничего не будетъ. Въ *май* при первомъ условіи будетъ урожай, при второмъ миръ. Въ *июнь* громъ—признакъ надевія великихъ, землетрясеніе—предзнаменованіе борьбы. Въ *июль* прогремитъ, значить будетъ голодь, землетрясеніе предскажетъ смерть великихъ. Въ *августъ* громъ обозначаетъ здоровье, а землетрясеніе—смерть. Въ *сентябрь* если прогремитъ, то будетъ хорошій урожай пшеницы, при землетрясеніи же болѣзни. Въ *октябрь* при громѣ—вѣтры поднимутся, при землетрясеніи—сильный умретъ. Въ *ноябрь* если прогремитъ, то будутъ болѣзни, если землетрясеніе случится, то успокоеніе. Въ *декабрь* громъ—признакъ большого урожая пшеницы, землетрясеніе—признакъ смертности. Къ Громнику приложенъ лунный календарь, въ которомъ указываются, какіе дни лунные счастливы или несчастливы. Въ первый день Адамъ былъ сотворенъ, тотъ день для всего пригоденъ и пр.

Хиромантия ²⁾. Отрывокъ этотъ извлеченъ изъ рукописи, принадлежащей Парижской Королевской библіотекѣ и напечатанъ въ грузинскомъ подлинникѣ и французскомъ переводѣ въ *Mémoires inédits, relatifs à l'histoire et à la langue géorgiennes, composés ou traduits et écrits par Brosset jeune, Paris 1833* ³⁾.

Подъ пятью пальцами находятся горы пяти планетъ, ладонь руки—долина Марса, подъ мизинцемъ—долина Луны. Первая гора большого пальца—гора Венеры. Если она возвышена, изрѣзана красными, глубокими линіями, знакъ большой склонности къ сладострастію. Цвѣтъ вожи красный съ бѣлымъ означаетъ сильную наклонность къ чувствен-

¹⁾ См. мой отчетъ о поѣздѣ въ страну вигилойцевъ.

²⁾ *Кавказъ*, 1854, 23.

³⁾ О суевѣрныхъ и гадательныхъ книгахъ. *Каренскій*. Ж. М. Нар. Пр. 1874, 3 и 4.

нымъ наслажденіямъ человѣка, который будетъ нравиться прекрасному полу и пользоваться его благосклонностью. Если на Венериной горѣ будетъ крестъ, знакъ, что тотъ убьетъ соперника въ любви. Если крестъ этотъ у подошвы горы, знакъ, что соблазнить женщину и что захвораетъ: ибо крестъ этотъ вѣтъ линіи жизни. Если есть маленькія линіи на горѣ, новый знакъ болѣзни. Каждый человѣкъ имѣетъ двѣ руки; наблюдайте внимательно руку. Знайте также, ночью или днемъ родилса человѣкъ: въ 2-мъ случаѣ наблюдайте правую руку, — лѣвую въ первомъ. У дѣвушки особенно разсматривайте лѣвую руку и знайте твердо, днемъ или ночью она родилась. Мы даемъ правила на всякій случай. И во 1-хъ поговоримъ о жизни человѣка. Измѣряютъ ширину ногтя большого пальца посредствомъ хлѣбнаго зерна. Потомъ прикладываютъ эту мѣрку къ линіи жизни. Сколько уляжется на ней этихъ зеренъ, столько разъ десять лѣтъ жизни. По мнѣнію Аристотеля, вена, соотвѣтствующая линіи жизни, оканчивается у сердца, источника всякой мудрости. Если эта линія широка, глубока, красна, — знакъ здоровья и счастья; узка, синя, — предзнаменованіе несчастья и плохаго здоровья. Какъ дерево, которое красиво зеленѣетъ и никому не мѣшаетъ, но придетъ кто нибудь и ударомъ топора срубитъ его, или буря, разлитіе повергнуть его, такъ окончитъ жизнь этотъ несчастливецъ. Общее правило: сколько зеренъ уляжется на линію жизни, столько разъ десять лѣтъ жизни; но въ то же время состояніе руки указываетъ, въ тысячѣ родахъ, случаи, угрожающіе нашему существованію или здоровью. Маленькія линіи выше линіи жизни на большомъ пальцѣ — знаки болѣзни. Тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе приближаются къ ней, особенно опасны. Есть линія, которыя такъ близко касаются линіи жизни, что оставляютъ мало надежды, и такая, которая преобладаетъ до того, что не даетъ никакой (надежды). Гора подъ указательнымъ пальцемъ принадлежитъ Юпитеру. Когда она выше горы 3-го пальца знакъ богатства, роскоши и счастья. Если на ней будетъ линія, похожая на крестъ †, знакъ большихъ почестей; еще большихъ, если линія глубже, а въ особенности когда крестъ очень малъ. Этотъ знакъ † означаетъ злоупотребленіе власти и падменность. Подъ среднемъ пальцемъ горы — Сатурна. Если она выше горы указательнаго пальца — знакъ печали, раздражительности, слабоумія, несчастья. Пусть лучше этотъ человѣкъ не занимается торговлею — банкротство неизбежно. Линіи | | предохраняютъ отъ путешествія водою. Крестъ † знаменуется долгое заключеніе и множество недруговъ, которые не дадутъ покоя. Гора перстневаго пальца — гора Меркурія. Линія широкая, длинная и глубокая на ней означаетъ мудраго, судью,

доктора, администратора. Когда она выше горы мизинца—совѣтника, министра въ довѣрчивости у властей. Узкая и пропорціонально короткая—знакъ невѣжества. Подъ мизинцемъ гора солнца. Когда она широка и красна—знакъ мирнаго благополучія, скромности. У кого она обозначена крестомъ, тотъ будетъ любимъ старцами и мудрыми и самъ достигнетъ старости. Когда на ней есть длинныя линіи, линіи эти означаютъ человѣка, весьма заботящагося о своемъ здоровьи, великаго въ этомъ мѣрѣ, счастливаго въ томъ: да испоплетъ небо знакъ 14 всякому христіанину. Подъ мизинцемъ далѣе равнина луны. Чѣмъ болѣе крестовъ на ней, тѣмъ болѣе должно избѣгать воды. Линіи || означаютъ путешествія; чѣмъ длиннѣе онѣ, тѣмъ длиннѣе будетъ дорога, тѣмъ счастливѣе будетъ человѣкъ; если же онѣ коротки—знакъ засадъ. Когда цвѣтъ ихъ измѣняется, предзнаменованіе болѣзни. Ладонь руки, долина Марса, будучи очень широкою, предзнаменуетъ великаго война: онъ будетъ столько же счастливъ, сколько храбръ. Если посрединѣ замѣтны знаки, похожіе на звѣзды, онъ достигаетъ высшихъ степеней военнаго знанія. Линія |, смотря по величинѣ или малости ея, означаетъ большую или меньшую храбрость, линіи — — — — несчастнаго война, который долженъ остерегаться погубить себя и всю свою армію. Когда линія лунной равнины начинается далеко отъ линіи жизни,—знакъ роскоши и большой щедрости; если онѣ соприкасаются—знакъ убыточнаго разврата. Руки грубыя, шершавыя—слѣдствіе холода, маленькая рука и длинные пальцы, по мнѣнію Аристотеля, означаютъ трудные роды и узкій тазъ; нижнія кости пальцевъ красныя и правильныя,—знакъ долго скверной жизни, толстыя суставы— жизнь краткую и хорошую. Пропорціональныя руки—страхъ Господень, благоразуміе, правосудіе; руки, которыя дрожатъ при прикосновеніи къ предметамъ, гнѣвъ, который легко утишить, мудрость и робкость. Линіи большого пальца, когда онѣ соприкасаются и перемѣшиваются—самоубійство. Человѣкъ повѣсится или отчаяніе задавитъ его. Да сохранитъ Господь Богъ отъ этого каждаго христіанина! Бѣлыя пятна на ногтяхъ, окрашенныя на подобіе небольшихъ кусковъ раскаленнаго угля, знакъ счастья, совершенно круглыя—хорошія извѣстія. Если знаки обѣихъ рукъ сходны между собою—высшее благополучіе; но избави Богъ всякаго христіанина отъ черныхъ пятенъ.

Въ связи съ хиромантіей находятся ученіе „о пѣни членовъ“. Существуетъ рукописная книга, въ которой дается объясненіе значенія игры членовъ человѣческаго тѣла, всѣхъ и каждаго порознь,

начиная съ бровей до ногъ съ ихъ пальцами суставами и ногтями ¹⁾. Если шея играетъ, то избавится отъ дурнаго дѣла и печали. Если лобъ играетъ, то получить большую честь, сокровище. Если носъ играетъ, то отъ великихъ людей получить выгоду. Если правая нога играетъ, то пойдешь въ дорогу. Если третій палецъ играетъ, то будетъ радость ²⁾.

Къ числу гадательныхъ книгъ принадлежитъ *сонникъ* (сносудѣцъ)—вѣра въ сновидѣнія и толкованія ихъ. Въ Тифлисѣ въ 1892 г. вышла книга, заглавіе которой даетъ представленіе объ ея содержаніи: „Полное толкованіе сновидѣній по алфавиту (расположенное) и по днямъ луны, книга о планетахъ, пѣніе членовъ и дни злыя“. Изъ толкованія сновидѣній приведемъ нѣсколько примѣровъ: алмазъ найти во снѣ означаетъ свадьбу и богатство. Летать во снѣ—уѣхать куда-нибудь; видѣть осла во снѣ къ несчастью, а оленя—къ счастью; пить молоко во снѣ хорошо, пролить вино — хорошо; убить ворона знакъ побѣды надъ врагомъ; поцѣловать близкаго—узнаешь пріятную вѣсть. Брить бороду—знакъ убытка; видѣть крестъ—къ печали ³⁾.

По днямъ луны снотолкованіе сводится не къ объясненію видѣній, а къ воспоминаніямъ изъ священнаго писанія, связаннымъ съ извѣстнымъ днемъ луны. „Въ первый день луны сонъ счастливо исполнится: въ этотъ архангелъ Гавріилъ явился Богородицѣ, потерянное найдется ⁴⁾. Во второй день луны сонъ счастливо исполнится. Въ этотъ день Каинъ убилъ Авеля. Кто родится въ этотъ день будетъ развратникъ. Больной съ трудомъ исцѣлится. Въ третій день луны сонъ ничего не означаетъ. Все въ этотъ день къ успѣху. Кто родится въ этотъ день будетъ счастливъ (Соломонъ мудрый родился); потерянное найдется. Въ четвертый день луны сонъ ложенъ. Родившійся въ этотъ день умретъ случайно. Въ этотъ день Навуходоносоръ разрушилъ храмъ. Больной умретъ.—Сравнивая это толкованіе сновъ по луннымъ днямъ съ точнымъ луннымъ календаремъ, мы находимъ общія черты и рѣзкія отличія, которыя дактъ основаніе предполагать, что приведенныя Берзеновымъ въ *Кавказъ* и напечатанныя на грузинскомъ языкѣ толкованія по луннымъ днямъ восходятъ къ двумъ различнымъ вариантамъ гадательной лунной книги, распространенной въ древней Грузіи.

¹⁾ Очерки деревен. нравовъ Грузіи. *Н. Берзеновъ. Кавказъ*, 1854, № 1.

²⁾ Рукопись „Общ. распротр. грамотности среди грузинъ“ № 1229.

³⁾ Ср. мою рукопись о толкованіи сновъ, записанную въ Гори.

⁴⁾ Ср. рукопись „общества грамотности“ № 1229.

Книги о планетахъ соотвѣтствуютъ *Звѣздочтецу* ¹⁾. Кто родится въ январѣ (водолей), будетъ гостепріименъ, на первомъ году жизни постигнетъ большая опасность и если минуетъ, ожидаетъ большое благо. Будетъ покорнымъ волѣ родителей, женится счастливо; знакъ будетъ на шеѣ и плечѣ; на 3, 21, 73 году заболѣетъ и если спасется проживетъ 106 лѣтъ. Если родится дѣвушка, то знакъ будетъ имѣть на спинѣ, будетъ хозяйкой и гостепріимной; получить радость отъ перваго сына, отъ брата испытаетъ бѣдность. На 1, 16, 25, 40 заболѣетъ и если минуетъ проживетъ 85 лѣтъ.

¹⁾ *Тихонрлова*, Памятники отречен. рус. литер. II, 422—225.

У. Житіа святаухъ.

Остаетса изложитъ нѣсколькo житій святаухъ, которыя отразились въ воззрѣніахъ народа или перерабатывались на грузинской почвѣ согласно съ его взглядами и вкусами.

Житіе и дѣянія святаго и блаженнаго Андрея Салоса ¹⁾. Житіе св. Андрея, какъ видно изъ различныхъ мѣстъ грузинскаго текста, переведено съ греческаго языка. Въ царствованіе христілюбиваго Леона, былъ въ Константинополѣ одинъ знатный человекъ, по имени Θεογνωστοςъ. Онъ былъ „стратилатомъ“ на востокѣ. У него жилъ среди рабовъ одинъ молодой язычникъ, Андрей, котораго господинъ очень любилъ. Мальчикъ скоро выучился читать псалтырь и своей мудростію поражалъ всѣхъ. Онъ пристрастился къ чтенію священнаго писанія и потомъ всецѣло себя посвятилъ благочестивой жизни. Ему пришлось вести непрерывную борьбу съ дьяволами, но послѣдніе всегда оставались посрамленными святостію блаженнаго Андрея.—Мы изложимъ лишь нѣсколькo фактовъ изъ житія святаго, отразившихся на міросозерцаніи грузинскаго народа. Такъ, прежде всего, любопытно тутъ описаніе рая, схожее съ народнымъ представленіемъ. Рай благоухаетъ невзяснимо пахучимъ ароматомъ, навѣваемымъ тихимъ вѣтеркомъ. Кругомъ чудныя деревья, посаженныя десницей Господа. Деревья увѣшаны прелестными плодами, на которыхъ цѣпляются разноцвѣтныя птицы, издающія пріятнѣйшіе звуки. Широкая рѣка обильно орошаетъ райскій садъ, а птицы утоляютъ

¹⁾ Рукопись переписана гражданскимъ шрифтомъ некимъ Серапіономъ въ 1851 году и принадлежитъ, судя по припискѣ въ концѣ, книгариу Бесаріи Дадіани. На первой страницѣ рукою іеромонаха Виссаріона приписано, что блаженный Андрей жилъ въ 5971 году отъ сотворенія міра, память о немъ церковь чтитъ 2 октября. „По Рождествѣ Христовѣ въ V вѣкѣ“. Рукопись хранится въ кожаномъ переплетѣ и заключаетъ 225 страницъ in 4°. Житіе святаго Симеона Салоса, рукопись IX—X в. хранится въ Синайскомъ монастырѣ. *Царем.* Памятники на Синаѣ, стр. 226.

жажду ея чистой водой. На берегу рѣки раскинуты виноградныя лозы золотистаго цвѣта, бросающія кругомъ огненныя искры. Съ разныхъ сторонъ вѣютъ вѣтерки, приносящія дыханіе благоухающей природы. Они окрашиваются въ разные цвѣта, то въ красный, подобный порфиру, то въ бѣлый, какъ снѣгъ, и приводятъ въ движеніе благоуханные плоды, наполняющіе все кругомъ ароматомъ мура. За этимъ чуднымъ уголкомъ зияетъ мрачная пропасть, поглащающая все въ своей черной глубинѣ, какъ бурное море. Но Хламидоносецъ, привратникъ рая, успокоилъ св. Андрея и возвелъ его во второе небо, сверкающее подобно снѣгу и оглашаемое пѣніемъ прекрасныхъ мотивовъ. Здѣсь широкое пламя, исходящее со креста, угрожаетъ все поглотить, но Хламидоносецъ разсѣиваетъ страхъ и поднимаетъ его въ третье небо. Сіяющая, какъ молнія, завѣса закрывала небесное воинство, восхваляющее и прославляющее Бога. Минуя ихъ царство, приближаются къ Творцу вселенной и приносятъ Ему поклоненіе.

Въ другомъ мѣстѣ рукописи поддерживается мысль о существованіи трехъ небесъ, вопреки ученію Моисея, признающаго одно небо. Въ бесѣдѣ св. Алексѣя съ Епифаніемъ встрѣчаются возраженія и опроверженія существующихъ въ народѣ суевѣрныхъ представленій. Епифаній спрашиваетъ святаго, насколько вѣрно воззрѣніе, что пророкъ Ілія правитъ облаками, катается на колесницѣ, которая издаетъ громъ, и преслѣдуетъ въ воздухѣ дракона. Андрей отвѣчаетъ, что подобному представленію не слѣдуетъ придавать вѣры, ибо оно составлено невѣрующими или еретиками. Большая часть бесѣды посвящена богословскимъ и космогоническимъ вопросамъ. Ангелы и дьяволы вначалѣ были сотворены по одному образу, но впоследствии дьяволы сдѣлались черными и темными, а ангелы свѣтлыми и блестящими. Самоэль былъ низвергнутъ съ неба не за отказъ поклониться Адаму, какъ говорятъ, а вследствие зависти къ Богу и желанія обречь себя собственнымъ сонмомъ и создать свою церковь въ воздухѣ.

Адаму были даны для охраны ангелы, и нынѣ у каждаго человека есть свой ангель-хранитель. По истеченіи 7000 лѣтъ пошлетъ Господь страшный духъ, и возмутится вся вселенная. Слѣдуетъ подробное изложеніе воззрѣній о воскресеніи по звуку ангельской трубы всѣхъ мертвыхъ и о страшномъ судѣ.

Изъ другихъ вопросовъ, затронутыхъ въ бесѣдѣ, наиболее важными представляются толкованіе о двухъ естествахъ въ Иисусѣ Христѣ, о видимомъ небѣ, о числѣ небесъ, о причинѣ именованія Іоанна Богослова громовымъ. Онъ былъ названъ такъ за свою громкую проповѣдь о Божествѣ. Что такое молнія? спрашиваетъ Епифаній. Св. Андрей

отвѣчаетъ подробнымъ разсказомъ о погруженіи облаковъ въ озеро, гдѣ насыщается водою и потомъ разливается дождемъ, но молнію считаетъ недоступною разуму человѣка и составляющею тайну Св. Троицы. Громъ же происходитъ отъ столкновенія силою вѣтра облаковъ, а не огнемъ, исходящимъ отъ молніи, какъ неправильно думаютъ иные. Снѣгъ зарождается также въ облакахъ. Ангель, поставленный надзирателемъ надъ сокровищницей снѣга, въ моментъ исхода послѣдняго изъ облаковъ отъ бурныхъ вѣтровъ, приближается къ нему и покрываетъ той бѣлизной, съ какою онъ падаетъ на землю. Другія воззрѣнія, до сихъ поръ весьма распространенныя среди грузинскаго народа, также дѣлаются предметомъ обсужденія.

„Вешапи“ или драконъ, проникающій въ большинство грузинскихъ мифологическихъ сказовъ и христіанскихъ легендъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ „житія“ упоминается съ безусловной вѣрой въ его существованіе. Тексты изъ священнаго писанія подкрѣпляютъ народное вѣрованіе. Давидъ псалмопѣвецъ говоритъ: „Хвалите Господа дракона“. Вешапи—утроба и гнѣздо дьявола. По природѣ своей „вешапи“ змѣя, но по образу похожъ на человѣка. Дьяволъ входитъ въ вешапи, и послѣдній растетъ до громадныхъ размѣровъ, иногда въ цѣлую гору. Тогда „вешапи“ начинаетъ двигаться, переходить съ одного мѣста на другое, стремясь поглотить человѣка. Но милосердый Господь посылаетъ ангела, который огнемъ сжигаетъ его. Душа нечестивая, исходя изъ „вешапи“, ищетъ пріюта и вселяется въ человѣка. Но Господь повелѣлъ ангелу не щадить ни человѣка, ни дерева, ни дома, ни церкви, ни лодки и поражать громомъ и молніей всюду, гдѣ обрѣтается душа дракона. Такъ низвергнуть вешапи въ адъ, а соумышленники его—дьяволы преданы вѣчному наказанію. Преслѣдованіемъ души „вешапи“ объясняется въ народѣ пораженіе громовымъ ударомъ церковнаго купола ¹⁾, дома или неожиданная гибель человѣка въ полѣ подъ деревомъ.

Конецъ рукописи посвященъ состоянію міра предъ вторымъ пришествіемъ: владычество чернаго царя, усиленіе чародѣйствъ, воцареніе женщины, именующей себя женщиной, появленіе рыжаго народа „Руси“, нравственный упадокъ Константинополя и пр. Нѣсколькими словами характеризуется адъ, уподобленный могилѣ, гдѣ тѣлесная красота меркнетъ и обращается въ прахъ. Книга пересыпана примѣрами житейскими съ цѣлью искоренить вредныя обычаи и проти-

¹⁾ Ср. русскую легенду „Ангель“, бросающій камень въ крестъ.

воцерковные нравы. Рассказывается, какъ св. Андрей останавливалъ одного вора, усвоившаго привычку грабить всѣхъ новыхъ покойниковъ. Въ одну ночь онъ выкопалъ только-что погребенную женщину, снялъ съ нея драгоценности, но не довольствуясь ими, вознамѣрился раздѣть покойницу. Въ защиту своей женской чести, послѣдняя поднялась и нанесла нечестивцу оплеуху. Воръ ослѣпъ, а она стала его топтать ногами, потомъ она снова сошла въ могилу, а тѣтъ со слезами пришелъ въ городъ, рассказалъ всѣмъ о своемъ несчастіи и съ тѣхъ поръ пересталъ заниматься этимъ позорнымъ ремесломъ.

Изъ изложеннаго содержанія можно заключить, что житіе святаго Андрея представляетъ назидательную книгу, дающую въ доступномъ разказѣ основы христіанскаго ученія и практической жизни. Такимъ характеромъ книги и объясняется ея распространенность въ Грузіи, что можно усмотрѣть изъ многочисленныхъ списковъ житія, дошедшихъ до насъ.

Житіе св. и блаженнаго Іоанна, сдѣлавшагося нищимъ во имя Христа ¹⁾. Жилъ въ Константинополѣ благочестивый мужъ по имени Евтропій съ супругой Θεодорой. У нихъ было три сына, изъ которыхъ младшаго Іоанна отдали въ обученіе. 12 лѣтъ мальчикъ уже обладалъ большими познаніями въ философіи и священномъ писаніи и поражалъ всѣхъ своимъ умомъ. Прибывшій въ Константинополь изъ монастыря инокъ по пути въ Іерусалимъ такъ расположилъ къ себѣ юношу, что послѣдній просилъ монаха, по возвращеніи изъ Святой Земли, взять его съ собою въ отшельническую келью. Предварительно же онъ просилъ у родителей Евангеліе оковать ему въ золото и усыпать его драгоценными камнями. Мастеръ за 140 драконовъ приготовилъ прекрасное Евангеліе для Іоанна. Къ тому же времени вернулся монахъ и съ нимъ вмѣстѣ Іоаннъ на лодкѣ, хозяину которой уплатилъ 100 драконовъ, переправился въ монастырь. Здѣсь онъ, будучи обречь, сталъ вести строгій иноческій образъ жизни, изнурялъ себя голодомъ и вызывалъ въ настоятелѣ монастыря опасеніе, что онъ разстроитъ силы и лишится возможности исполнить даже самыя слабыя требованія устава. Дьяволъ же, видя такую преданность и вѣру во Христа, приступилъ его искушать, напоминая ему объ оплакивающихъ его родителяхъ. Блаженный тогда просилъ благословенія у братіи повидаться съ родными для успокоенія своей души, а не вслѣдствіе утомленія отъ воздержанной жизни.

¹⁾ Изъ рукописнаго (мхедрули) сборника житій святыхъ, списанныхъ священникомъ Петре Хабалианидзе. Даты нѣтъ.

Блаженный Иоаннъ по пути домой встрѣчаетъ нищаго, съ которымъ онъ обмѣнялся платьемъ и въ рубищѣ бѣдняка появился предъ вратами дома своихъ родителей. У привратника онъ просилъ позволенія оставить его во дворѣ и прожилъ тутъ цѣлый годъ въ дуплѣ, питаясь остатками съ трапезы родительскаго дома. Мать блаженнаго Иоанна выразила неудовольствіе, что неизвѣстный нищій въ лохмотьяхъ встрѣчаетъ ее ежедневно, напоминая собою объ сынѣ, и велѣла перевести подалеже отъ глазъ. Но вдали отъ любимой матери онъ получалъ чрезъ привратника подаваніе, которое онъ раздавалъ нищимъ.

Прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Иоаннъ поселился въ домъ родныхъ, и вотъ явился къ нему во свѣ Исусъ Христосъ и объявилъ, что въ награду за добровольно наложенное на себя воздержаніе и гоненіе во имя Его, онъ удостоенъ вѣчнаго покоя вмѣстѣ со святыми праведниками. Проснувшись, онъ возблагодарилъ Господа за милость и попросилъ привратника позволенія переговорить съ „царицей“, т. е. съ матерью своей. Царица велѣла привести къ себѣ нищаго. Здѣсь наединѣ онъ взялъ съ нея клятву, что его похоронятъ тутъ-же, въ тѣхъ же лохмотьяхъ. Получивъ отъ царицы обѣщаніе исполнить его волю, онъ передалъ ей Евангеліе, вѣкогда окованное родителями для него. Царица показала полученный даръ супругу, и оба увѣрились, что нищій—это ихъ сынъ, Иоаннъ. Родители стали громко оплакивать, что не вѣдали, что творили, не насладились въ теченіе трехъ лѣтъ созерцаніемъ любимаго сына. Собрался народъ для поклоненія мощамъ блаженнаго Иоанна, и велѣно было соорудить золотую раку для праха святаго и одѣть его, вопреки обѣщанію въ дорогія ткани. Но отецъ, узнавъ о желаніи покойнаго, снялъ златотканное одѣяніе, и возложилъ на него прежнія лохмотья, тогда только мать снова овладѣла способностью рѣчи. Таково житіе блаженнаго Иоанна, обрешаго себя на нищенство во имя Христа. Память о немъ чествуется января 15 дня.

Житіе нищаго Иоанна по своему содержанію близко подходитъ къ разсказу объ Алексіи, человекѣ Божьемъ.

Алексій человекъ Божій. Жилъ въ Римѣ праведный мужъ Евфеміаній съ супругой Агнасе, онъ былъ очень богатый, (имѣлъ 3000 рабовъ) но бездѣтный. Каждый день въ его домѣ накрывались три трапезы для нищихъ и сиротъ. Супруги горячо и покорно молили Господа даровать имъ сына въ утѣшеніе и на радость. Господь услышалъ ихъ молитву и даровалъ имъ сына Алексія. Ребенка отдали въ обученіе и быстро усвоилъ онъ священное писаніе и всякую мудрость. Когда онъ созрѣлъ, то родители поспѣшили его женить. Взяли для

него невѣсту изъ царскаго рода и устроили пышную свадьбу. По окончаніи брачнаго пира, Алексій зашелъ въ женѣ, снялъ перстень и поясъ царскій и передалъ ей для сохраненія. Въ полночь при глубокомъ общемъ снѣ, онъ тайкомъ оставилъ домъ и прибылъ въ городъ Клавтіолизъ, расположенный на берегу моря. Онъ велѣлъ лодочнику перевести его въ Ассирію(!) въ Хертвиси (ср. груз. Хертвиси, сел. Горійскаго уѣзда, Тифлисскаго губерніи) гдѣ хранится икона Божьей Матери. Въ церкви пресвятой Богородицы онъ, передавъ свое богатое одѣваніе нищимъ, въ нищенскихъ лохмотьяхъ сталъ усердно молиться и поститься отъ воскресенія до воскресенія, принимая въ пищу только двѣ унціи хлѣба и двѣ унціи воды, да и ту порцію онъ отдавалъ нищимъ, если они просили у него. Въ Римѣ, между тѣмъ тщетно искали родители по всѣмъ окрестностямъ своего любимаго сына. Рабы ихъ, прибывшіе въ Ассирію, не узнали своего господина, Алексій же, узнавъ ихъ, отдалъ имъ милостыню, какъ нищимъ. Слезы и плачъ усилились въ домѣ Евфеміанія. Алексій семь лѣтъ провелъ подъ навѣсомъ церкви Богородицы, а по истеченіи этого времени съ неба послышался голосъ священнослужителямъ, чтобы человѣка, стоащаго подъ навѣсомъ ввели въ церковь, ибо онъ удостоился милости Божьей. Алексій же вернулся обратно, въ Лавдикію, сѣлъ на лодку и велѣлъ вѣтрамъ привести въ домъ родительскій. Встрѣтившись съ отцомъ, Алексій не былъ признанъ имъ и просилъ пріютить его, какъ нищаго. Евфеміаній обрадовался, найдя странника, велѣлъ отвести ему комнату и кормить съ господскаго стола. Семнадцать лѣтъ онъ такъ провелъ въ домѣ, что постился съ воскресенія до воскресенія, принимая въ пищу двѣ унціи хлѣба и двѣ унціи воды. Но домочадцы притѣсняли и надсмѣхались надъ странникомъ: обливали его водою, давали пить помой, но Алексій все терпѣлъ, какъ дьявольскіе соблазны.

Когда приблизился часъ его смерти, онъ попросилъ бумаги и описалъ все съ нимъ случившееся и представилъ держа въ рукахъ этотъ документъ. Голосъ ангела возвѣстилъ патриарху о кончинѣ блаженнаго въ домѣ Евфеміанія. Патриархъ, царь и народъ направились къ жилищу Алексія. Отецъ его рассказалъ о воздержанной жизни представившагося, но взять „карту“ изъ его рукъ не удалось. Но патриарху она была вручена по молитвѣ, и изъ нея вычитали житіе праведнаго. Родители и жена рвали на себѣ волосы съ горя, и не было утѣшенія въ ихъ печали. Предали погребенію прахъ Алексія, человѣка Божьяго и многіе одержимые болѣзнью получали исцѣленіе у его гроба. Мощи его были положены въ особую раку, осыпанную

драгоценными камнями, и онѣ стали распространять благовонный аромать.

Это житіе св. Алексія по своему содержанию близко стоитъ къ русскимъ стихамъ объ Алексіи, человекѣ Божьемъ. Мы привели изложеніе житія блаженнаго изъ вышеназваннаго сборника, откуда былъ заимствованъ нами рассказъ о нищемъ Іоаннѣ.

Житіе св. Георгія по рукописи М. П. Сабинина. Былъ нѣкто Басила ¹⁾ -каменьщикъ. Разъ какъ-то Басилѣ случилось отправиться въ Сомхетію; *близъ Тифлиса*, ему явился св. Георгій и поручилъ ему построить храмъ собственноручно безъ содѣйствія постороннихъ лицъ, угрожая за ослушаніе наказаніемъ. Басила, съ прозвищемъ „Болокъ“ (рѣдка), умолялъ святаго освободить его отъ исполненія его воли, такъ какъ съ *созоренія міра* не было такого случая, при томъ онъ своимъ ремесломъ кормитъ всю семью и трудно ему отъязаться отъ жизненныхъ заработковъ. Св. Георгій въ отвѣтъ на эту просьбу предлагаетъ Басилѣ отправиться въ Кларджетію, въ пустынь Огизскій (Описскій?), ²⁾ гдѣ живетъ праведный инокъ Стефанъ, одержимый сильной болѣзью. Во имя святаго Василя долженъ обѣщать иноку исцѣленіе и взять у него лошака (осла) и желѣзо. Изъ желѣза онъ самъ долженъ сдѣлать орудіе безъ помощи другихъ, парюю собственныхъ быковъ возитъ нужный для постройки матеріалъ (камни и пр.), а на ослѣ доставлять песокъ. Помощью людей и другихъ животныхъ ему запрещено пользоваться. Удивленный и пораженный страхомъ, Басила рассказалъ о видѣніи домашнимъ, которые приняли его за помѣшаннаго. Прибывъ въ пустынь, онъ взялъ лошака и желѣза у Стефана, который именемъ св. Георгія тотчасъ же исцѣлился. Сдѣлавъ орудіе изъ желѣза, сталъ работать Басила съ помощью пары быковъ и осла. Св. Георгій его предупредилъ и сказалъ, что тѣми камнями онъ можетъ пользоваться (вынутыми изъ земли и отсѣченными отъ скалы), на которыхъ сядутъ птицы, а другіе должны быть оставлены, чтобы не потерпѣть несчастія и не принять образа птицы. Разъ Басилѣ въ участіѣ, наз. Дчале, показался огромный змѣй съ страшными глазами. Явился св. Георгій и успокоилъ Басилу. Змѣй изгнанъ

¹⁾ Басила т.-е. Василій.

²⁾ Описскій монастырь, по мнѣнію Бакрадзе, извѣстенъ былъ подъ именемъ *Девятинадцати пустынь*. *Археолог. путеш.* стр. 196. Житіе св. Георгія отчасти подтверждаетъ это мнѣніе. Описскій монастырь находится въ ущельѣ Имеръ-Хевисъ-Цхали, въ складкѣ отрога Барчхали, въ 20 вер. отъ большой батумской дороги.

святымъ въ гору Прасинаули ¹⁾ и, направляясь туда, онъ скрылся за горою Дчаралискою. Другой разъ, когда Басила нагнулся пить воду изъ родника, опять явился ему св. Георгій и удержалъ его отъ питья, такъ какъ въ родникъ имъ низвергнуты дьяволы, и потому нужно всѣмъ объявить, что запрещается оттуда пить воду.

Авторъ житія для сокращенія разсказа хочетъ повѣдать вѣрующимъ одно чудо при добываніи Басилою камней. На горѣ св. Захарія, (назв. такъ, потому что здѣсь находится крестъ св. Захарія) Басила положилъ на свои сани, запряженныя парой быковъ, огромный камень. Камень сорвался съ саней, спустился внизъ на равнину къ тому мѣсту, гдѣ была церковь во имя Іоанна крестителя ²⁾, а потомъ Басила отвезъ его на быкахъ сто шаговъ (4 утеванъ; утеванъ—25 шаговъ) и поставилъ этотъ камень плитой у западныхъ дверей. Сынъ Басилы „необразованный и свѣтскій“ построилъ домъ при храмѣ св. Георгія, но когда онъ сталъ помогать отцу, то камень скатился на Басилу, и палъ онъ мертвъ до появленія святаго. Послѣ этого онъ отказался отъ чужой помощи, построилъ замѣчательный храмъ парой быковъ и осломъ блаженнаго Стефана. Онъ построилъ еще другой храмъ по желанію св. Георгія.

Былъ нѣкто въ плѣну у персовъ. Явился ему св. Георгій и обѣщаль его освободить изъ плѣна, если онъ ему сдѣлаетъ каменный подсвѣчникъ. Будучи избавленъ отъ персовъ, онъ исполнилъ волю святаго, и каменный подсвѣчникъ и нынѣ стоитъ въ его храмѣ.

Неизвѣстный другъ сына Басилы взялъ въ храмъ, построенный отцемъ бревно, которое долженъ былъ нести сынъ Басилы, Иванъ. Св. Георгій явился наканунѣ воскресенья и приказалъ сыну Басилы купить болѣе тяжелое бревно и нести самому въ храмъ, угрожая истребить его со всѣмъ семействомъ за ослушаніе. Воля святаго была исполнена. Пока крестъ оставался на храмѣ, птицы не могли пере-

¹⁾ *Вахушти* въ *Географіи* своей не называетъ этой горы. Названіе ея происходитъ, быть можетъ, отъ грузинскаго слова „праса“—лука—парем (растеніе). Деревню Прасіанъ въ Кахетинъ царевичъ-географъ знаетъ, стр. 480. *Descript. géographique.*

²⁾ Въ Опизѣ сохранились развалины монастыря во имя Іоанна Крестителя. *Гр. Уварова. Кавказъ, Абхазія, Аджарія, Шапшетія, Псхховскій участокъ.* Ч. II, 314. М. 1891. Монастырь этотъ построенъ Гургеномъ, сыномъ Ашота, великаго куропалата, говоритъ *Вахушти. Description géographique.* p. 113. По надписи же, снятой покойнымъ *Бакрадзе*, оказывается, что монастырь этотъ построенъ или возобновленъ Ашотомъ куропалатомъ. (826—876). *Исторія Грузіи Вахушти*, стр. 122, примѣч. Бакрадзе.

летѣтъ чрезъ него. Когда еще рылъ землю Басила, св. Георгій предложилъ ему измѣрить глубину. При производствѣ имъ этой работы, святой прикатилъ на него камни. Крики ужаса издалъ каменьщикъ, будучи запертъ въ землѣ. Св. Георгій, *смѣясь*, освободилъ его. Лошакъ его съ тѣхъ поръ возилъ большія тяжести и во всѣхъ работахъ онъ, съ помощью св. Георгія, *имѣлъ* удачу.

Привелъ чудесно св. Георгій юношу въ Алаверди (въ Кахетіи) и посадилъ его у дверей храма. Пришедшіе на заутреню увидѣли его закованнаго въ цѣпи. Будучи разбуженъ отъ сна, цѣпи пали съ него, и сталъ онъ прославлять Бога. Пробылъ юноша при храмѣ нѣсколько времени по приказанію св. Георгія, который далъ ему коня. Онъ былъ изъ армянъ (?) и слабо зналъ грузинскій языкъ.

Близъ Цхмориси ¹⁾ пошли жители въ морю для пріобрѣтенія работы. Здѣсь напали на нихъ агаряне и взяли въ плѣнъ двухъ въ Персію. Въ плѣну они не забыли правдника св. Георгія: одинъ строго держалъ постъ, а другой менѣе усердно молился. Св. Георгій явился и обѣщалъ ихъ на конѣ вывезти изъ Персіи. Тотъ, который проявилъ болѣе упованія на святаго, былъ посаженъ при дверяхъ храма св. Георгія въ Цхомириси. Видѣли молящіеся его въ цѣпяхъ и стали прославлять святаго. Имя этого человѣка *Кванили*, а имя другаго *Онилъ* (съ придыханіемъ). Его не привезъ за его неусердіе святой въ Адчару, его родину, но оставилъ его на границѣ съ иновѣрными.

Когда напали хваразміицы ²⁾ на Грузію и разорили *большой городъ Тифлисъ* и истребили жителей Имери, каменный вѣстъ въ храмѣ, построенномъ Басилою, уцѣлѣлъ. За исключеніемъ блаженнаго священника Іосифа, внука Басила и его дома никто не устоялъ въ Адчарѣ противъ врага. Іосифъ на яву и во снѣ часто видалъ св. Георгія. Здѣсь авторъ житія отказывается перечислять дальнѣйшія чудеса св. Георгія.

Рукопись г. Сабинина, списана по его просьбѣ, съ манускрипта, хранящагося у частнаго лица въ Кахетіи. Трудно положиться, на-

¹⁾ *Цхомириси*, быть-можетъ, *Цхомици*, находившейся въ Абхазіи на рѣкѣ того же имени при впаденіи ея въ Черное море. Построенъ онъ царемъ Саурмагомъ за 2 вѣка до Р. Х. Мурванъ Абуль-Базимъ разорилъ его въ VII в. Съ того времени не возставалъ онъ изъ своихъ развалинъ. Пл. *Тоссеіани. Города существовавшіе и существующіе въ Грузіи*, стр. 73.

²⁾ Хварасанскій султанъ Джелалъ-Эддинъ разоряетъ Грузію въ царствованіе царицы Русуданъ (1223—1247?), дочери царицы Тамары. Тифлисъ взятъ имъ въ первый разъ въ 1226 г. и второй разъ въ 1229 году. *Hist. de la Géogrie I*, 504, 501 *Brosset Additions et éclaircissements* p. 314. *Вахушти. Исторія Грузіи* 224—5.

сколько точно воспроизведена копія и, въ особенности, прочтены ли вѣрно собственныя имена. Судя по лексическому составу и характеру конструкціи изложенія рукопись должна быть древняя, хотя не можемъ опредѣлить эпоху ея, за неизмѣнимъ подъ рукою самой рукописи. „Караули“ „утевани“ и ряды другихъ—слова архаическія, употребляемыя въ священномъ писаніи и въ древнихъ рукописяхъ. Судя по содержанію житія, всѣ здѣсь изложенныя чудеса совершаются въ предѣлахъ Грузіи и всего чаще упоминается западная ея часть—Кларджетія, Адчара, Цхомиси, Опиза и др. Это можетъ указывать на топографическій характеръ происхожденія сказанія. Эту мысль можетъ подкрѣпить упомянутою въ концѣ житія имя „дѣда нашего“ (то есть автора или переписчика) *Абусера*, который былъ эриставомъ Тбети. При Багратѣ IV (1027--1072) упоминается Эбусерь, эриставъ Артануджскій ¹⁾. Тбети расположенъ въ Шавшети и извѣстенъ своимъ храмомъ св. Георгія ²⁾. Внукъ Абусера удостоился, по рукописи, построить новый храмъ во имя св. Георгія для спасенія душъ родителей и тетокъ Фотинѣ и Сагдухте и трехъ его братьевъ, патрона своего Датисъ Гнутна (?) и Цація и сестры нашей царицы Ванена, построившей церковь во имя Іоанна Богослова.

¹⁾ Hist. de la Géorgie I, 311—320.

²⁾ Бакрадзе. *Археолог. Путешествіе*, стр. 195. Онъ построенъ Ашотъ Бухозъ († 916). См. *Исторію Вахушти*, 313.

ПРИЛОЖЕНІЕ (къ стр. 20—43).

Амиранъ Дареджаніани ¹⁾.

Глава I. Разказъ объ Абесаломъ, царь индійскомъ. Былъ въ Индіи царь Абесаломъ. Держалъ 100 гончихъ, 600 бѣлыхъ ястребовъ, 300 кобузовъ. Въ понедѣльникъ, вторникъ и среду приглашалъ на пиръ по 10,000 вельможъ и раздавалъ щедрыя милостыни. Въ четвергъ, пятницу и субботу ходилъ на охоту, а въ воскресенье занимался государственными дѣлами, производилъ судъ и расправу надъ городами и крѣпостями. Разъ, послѣ удачной охоты, одинъ вельможа встрѣтилъ антилопа (сайгу), который имѣлъ рога золотые, глаза и копыта черные, животъ бѣлый, спину красную. Донесъ объ этомъ чудномъ звѣрѣ царю. Послѣдній со своей свитой немедленно отправился по слѣдамъ антилопа, прошли пространство семидневнаго пути, но догнать звѣря, скрывшагося въ скалѣ, не удалось. Среди пустынной мѣстности замѣтили только одинъ каменный домъ, въ которомъ оказались шесть труповъ юношей и одинъ трупъ дѣвицы среди нихъ. Красота ихъ поразила царя и вельможъ. Одинъ изъ юношей въ особенности обратилъ ихъ вниманіе: онъ былъ одѣтъ въ кольчугу и въ руцѣ держалъ саблю съ надписью: „Я Амиранъ Дареджанидзе, рабъ (слуга) мой Саварсимидзе; Бадри Яманидзе, рабъ его юноша Индо, Насаръ Нифели и рабъ его Али Далами. Когда мы перебили бѣсовъ (лѣшихъ) и морскую царевну похитили, прибыли въ это мѣсто, гдѣ на насъ напала вся Аравія“. Въ полѣ нашли обломки оружія и кости коня, поразившіе посѣтителей своимъ необыкновеннымъ видомъ. Не было возможности узнать, кто такіе эти таинственные юноши. Царь, крайне огорченный, вернулся домой и прекратилъ устройство пировъ и приемовъ. Подданные впали въ уныніе. Визирь Джазапръ, наконецъ, осмѣлился предложить царю созвать всѣхъ на пиръ и разспросить, не можетъ ли кто-нибудь сообщить свѣдѣнія о тѣхъ юношахъ. На пиръ между прочими

¹⁾ Произведеніе это приписывается Мосе Хонели, жившему въ XII в. при царѣ Тамарѣ. Объ немъ упоминаетъ Ш. Руставели въ послѣдней строфѣ своей поэмы „Барсова кожа“.

явился Абуласапъ Абулакамисидзе, который разсказалъ, что его отецъ Абуль Касимъ отправилъ разъ товары въ Багдадъ. На возвратномъ пути изъ Багдада имъ угрожало нападеніе арабовъ на торговый караванъ, поэтому купцы стали ждать благопріятнаго времени для возвращенія на родину. Въ этомъ томительномъ ожиданіи явился къ нимъ одинъ арабъ, который согласился за вознагражденіе провести ихъ безопаснымъ путемъ. По дорогѣ они встрѣтили домъ, гдѣ нашли Амира-рана въ кольчугѣ и съ нимъ шесть юношей, какъ выше сказано. Послѣ этого царь еще больше опечалился. По совѣту визирей были отправлены во всѣ концы свѣта собрать какія либо вѣсти о загадочныхъ герояхъ. Двое изъ вѣстниковъ прибыли въ Багдадъ и догнали на дорогѣ одного старца, которому разсказали о цѣли своего далекаго путешествія. Старецъ сказалъ, что недалеко отъ нихъ находится городъ, въ которомъ живетъ рабъ Амира-рана, Саварсамидзе, онъ разскажетъ все имъ нужное. Приблизившись къ городу, гонцы замѣтили статую Амира-рана на конѣ. Ихъ приняли въ городѣ, угощали, но не спрашивали, зачѣмъ гонцы прибыли. Былъ одинъ громадный домъ, на которомъ былъ нарисованъ Амиранъ. Старецъ Саварсамидзе угощалъ гонцовъ тамъ обѣдомъ. Поднимая первый бокалъ, онъ взглянулъ на Амира-рана, прослезился и сказалъ: „вотъ человѣкъ, подобнаго которому не бывало на землѣ“! Гонцы на четвертый день по приѣздѣ просили старца отъ имени царя индійскаго повѣдать объ Амиранѣ. Старецъ заплакалъ и сказалъ, что, еслибы они не были посланы великимъ царемъ, онъ бы снялъ съ нихъ головы. Гонцы донесли объ этомъ царю. Послѣдній, опасаясь смерти старца, поспѣшно послалъ къ нему письмо, въ которомъ онъ выражалъ радость, что дни Саварсамидзе такъ долго угодно было Богу продлить, и умолялъ его переселиться къ нему, обѣщаясь, какъ отца, держать его въ покоѣ и почетѣ, за что онъ долженъ повѣдать о господинѣ своемъ Амиранѣ. Въ почтительномъ отвѣтѣ старецъ, „прахъ царя“, отказывался пуститься въ далекій путь по слабости силъ и немощи. Царь не удовлетворился отвѣтомъ и велѣлъ двумъ вельможамъ—Омару и Джунару—отправиться съ трономъ, прикрытымъ балдахиномъ и привести Саварсамидзе. Старецъ былъ принятъ съ почетомъ, дали ему нѣсколько дней отдохнуть, а потомъ онъ сталъ разсказывать отрывокъ изъ жизни своего года, отказавшись повѣдать всѣ „12 главъ“, чего онъ не можетъ кончить въ теченіи года.

Глава II. Разсказъ о Бадри Яманидзе. Внемли царь царей, будь здоровъ, да прославить Господь вѣрныхъ тебѣ и осрамить вѣроломныхъ! Были мы на охотѣ,—говоритъ Саварсамидзе,—гончая поймала серну, а Амиранъ замѣтилъ чернаго витязя съ чернымъ лицомъ, на черномъ конѣ,

который оказался постельничьимъ Бадри Яманидзе. Послѣдній обладалъ необыкновенной силой, такъ что, вслѣдствіе неимѣнія соперника, предался скукѣ, отказавшись отъ пировъ и охоты. Пришелъ къ нему арабъ и предложилъ для развлеченія похитить дочь (*suli-asuli*) морскаго царя. Онъ самъ вызвался его сопровождать, но по дорогѣ онъ повинулъ Бадри, который продолжаетъ путь вмѣстѣ съ Индо юношей и вышеназваннымъ чернымъ витяземъ. Послѣ продолжительнаго скитанія они увидѣли одну палатку, откуда вышелъ *красный витязь* и сталъ бранить Индо. Послѣдній вызвалъ его на поединокъ, побѣдилъ, привязалъ къ коню и привезъ его къ Бадри. Bravo! Носаръ Нифели, ты пожаловалъ къ намъ, говорить красный юноша Бадри. Побѣдители заявили, что они не знаютъ Носара Нифели. Вмѣстѣ съ этимъ краснымъ плѣнникомъ поѣхали далѣе и встрѣтили двѣ палатки, въ одной изъ нихъ спалъ юноша, котораго сторожили два воина съ обнаженными мечами. Индо спрашиваетъ, кто они такіе; тѣ же вмѣсто отвѣта предлагаютъ поскорѣе удалиться молча, чтобы не разбудить господина. Индо ихъ однимъ ударомъ повалилъ, ворвался въ палатку и крикомъ разбудилъ витязя. Послѣдній вступилъ въ бой съ Индо, окончившійся неудачно для перваго, онъ также принялъ побѣдителя за Насара Нифели, который просилъ у морскаго царя руки его дочери. Поѣхали далѣе, встрѣтили 12 отрядовъ *чернаго витязя*, которые ихъ приняли за Носара Нифели. Произошла страшная битва, въ которой Бадри снялъ голову съ чернаго витязя и разсѣялъ его отрядъ. Красный витязь привѣтствовалъ Бадри, отомстившему черному витязю за убійство 12 богатырей („бумбурази“). Къ Бадри изъ побѣжденнаго отряда присоединился *Усибъ*, свѣдущій человекъ въ той мѣстности. По дорогѣ встрѣтили скалы и лѣса, гдѣ гнѣздились страшные звѣри. Показался единорогъ, котораго геройски убилъ витязь Индо. Затѣмъ вышелъ двуглавый слонъ, изъ пасти котораго исходило огненное пламя. Усибъ его сразилъ послѣ пылаго единоборства. Двинувшись далѣе, ихъ окликнулъ съ утеса человекъ, который держалъ одну змѣю въ рукѣ, а другой былъ опоясанъ. На другой горѣ они нашли двухъ драконовъ—чернаго и бѣлаго. На чернаго напалъ Бадри и удачнымъ ударомъ убилъ его; на бѣлаго же пошли оставшіеся трое витязей. Индо витязя драконъ до поясицы уже проглотилъ, но тутъ на помощь подоспѣлъ Бадри. Послѣ этихъ битвъ, они побѣдоносно сразились съ 3000 воиновъ, охраняющихъ пути и достигли береговъ. Здѣсь они на лодкахъ вступили въ состязаніе съ многочисленнымъ отрядомъ и остались побѣдителями. Переплыли на островъ и нашли на берегу 20.000 прекрасно благоустро-

енныхъ поселеній. Здѣсь они по очереди ночью сторожили и отражали нападеніе враговъ, которые мертвыми падали на полѣ брани.

Борьба ¹⁾ Бадри съ двумя богатырями морскаго царя кончилась въ пользу перваго. Царь предлагаетъ дочери выйти замужъ за побѣдителя. Она соглашается съ условіемъ, чтобы Бадри вступилъ въ состязаніе съ третьимъ героемъ и доказалъ, что нѣтъ сильнѣе его богатыря.

Въ третій бой вступилъ богатырь Арзаманки, въ присутствіи царя, царицы, царевны и вельможъ. Нерѣшительный бой продолжался съ утра до вечера; ночью отъ невѣсты Бадри получилъ красиваго коня и острую саблю. При звукахъ пѣсенъ и музыки возобновился на другой день страшный бой. Вечеръ приближался, сабли переломились, Бадри удачнымъ ударомъ опрокинулъ противника; восторгъ и сочувствіе публики вызвалъ этотъ геройскій подвигъ. Царь далъ побѣдителю города, сокровища и 100 замковъ. Явились со всѣхъ концовъ подданные съ цѣнными подарками, устроили торжественный пиръ, на которомъ царь снялъ съ себя корону и возложилъ ее на Бадри, благословилъ брачный его союзъ съ дочерью своей. Но Бадри тяжело было оставаться царемъ въ чуждой странѣ. Морской повелитель понялъ это грустное настроеніе и предложилъ ему вернуться на родину, взявъ съ собою жену и сокровища на ослахъ и верблюдахъ.

На пути ночью на нихъ напалъ *Бакбакъ-дэви*, овладѣлъ Бадри, а жена, Усибъ и Индо только на другое утро узнали объ исчезновеніи ихъ повелителя. Молодую царицу привезли обратно къ отцу и извѣстили его о похищеніи Бадри дэвомъ. Царь отправилъ посольство за помощью въ Носару, искателю руки его дочери.

Глава 4. Разсказъ Носаръ Нисрели. Городъ Насара не былъ окруженъ стѣнами, и татары, въ отсутствіе владѣтеля, подожгли его. Когда Носару послы донесли объ этомъ, то онъ жестоко отомстилъ непріятелямъ за это злодѣяніе. вмѣстѣ съ послами морскаго царя онъ отправился искать Бадри. По дорогѣ ихъ встрѣтило три всадника, съ которыми Носаръ вступилъ въ жаркій бой. Носаръ привелъ, въ качествѣ побѣднаго трофея, двуликаго человѣка—одно лицо было у него черное, а другое красное; первымъ онъ говорилъ по персидски, а вторымъ—непонятнымъ языкомъ. Онъ умолялъ не убивать его,

¹⁾ Отсюда начинается III глава, насколько можно судить по выцѣтшимъ черниламъ.

общая быть вѣрнымъ. Въ полѣ на Маиби, Саварсамидзи („с“) и Али-дилама напала птица, которая, по убиеніи ея Носаромъ, оказалась величиной въ слона. По пути по очереди они становились стражей и перебивали нападающихъ враговъ. Наконецъ, они приблизились къ замку дэвовъ, въ которомъ плѣнникомъ содержался Бадри Яманидзе. Когда Носаръ спалъ, на него напали братья дэви Бакбаъ и Хазаранъ, вырѣзали землю въ видѣ „гумна“ и похитили его. Саварсамидзе пошелъ просить помощи у Амираана Дареджанидзе. Послѣдній, высказавъ сочувствіе старцу Яману, отцу похищеннаго Бадри, увѣрилъ, что онъ или погибнетъ, или освободить его сына изъ плѣна дэвовъ. Двукій человѣкъ вызвался сопровождать Амираана, легко овладѣвшаго однимъ замкомъ, откуда онъ вывелъ Али-Динами и витязя Индо, также захваченныхъ дэвами, когда они поспѣшили на помощь похищеннымъ своимъ господамъ—Бадри и Носару Нисрели. Запечатавъ замокъ, Амиранъ пошелъ искать плѣнныхъ витязей. Въ лѣсу они перебили 500 слоновъ и тигровъ и сѣли на лодку, чтобы переплыть рѣку. Въ серединѣ рѣки лодки провалились, и лодочники взяли подъ мышки Амираана и Саварсамидзе и такъ достигли берега. Изъ пещеры тутъ вышелъ человѣкъ, который оказался царемъ Дидо, войска котораго перебили дэви, и онъ остался одинъ. Онъ упросилъ Амираана взять его съ собой, обѣщаясь быть ему полезнымъ. Пошли дальше по скалистой дорогѣ, и вдругъ изъ этой пещеры выходитъ громадная змѣя, за которой послѣдовалъ нескончаемый рядъ змѣй; когда перебивать ихъ устали, Амиранъ пустилъ стрѣлу въ ту змѣю, которая сидѣла на вершинѣ скалъ, и ея убиствомъ кончился приливъ этихъ гадовъ. На ея мѣсто вышелъ человѣкъ, а за нимъ другой и съ угрозой сказали Амирану, что достанется имъ за убиство змѣи, и *вышли три дракона—черный, бѣлый и красный.*

Амиранъ вступилъ въ бой съ чернымъ дракономъ, съ бѣлымъ предложилъ состязаться Саварсамидзе, а съ краснымъ Усибу. Послѣдній отъ боя отказался въ пользу Амираана. Амиранъ убилъ и краснаго, и бѣлаго дракона, но въ это время *подкрался черный и пролотилъ его.* Саварсамидзе догналъ дракона и отрубилъ у него хвостъ. Драконъ скрылся недалеко отъ поля битвы въ воздвигнутомъ домѣ. Друзья Амираана стали плакать, а онъ *вынулъ изъ кармана ножи, вырѣзалъ животъ дракону и вышелъ весь въ крови.* Запечатавъ сокровища въ этомъ домѣ, пошли дальше и встрѣтили Саварсамидзе великана, имѣющаго одинъ глазъ на лбу. Витязь вступилъ съ нимъ въ жаркій бой, убилъ его и донесъ о своемъ подвигѣ Амирану, который поблагодарилъ Саварсамидзе.

На скалѣ замѣтили плачущую будто бы о Бадри женщину. Она пригласила Амирана къ себѣ въ пещеру на обѣдъ и привалила къ выходу огромный камень. *Она оказалась дэви.* Въ пещерѣ былъ одноглазый дэви съ сыномъ своимъ; Амиранъ схватилъ одноглазаго сына и ударилъ имъ въ лицо отца, а глазъ у послѣдняго вырвалъ ножомъ. Дэви у Амирана выпросилъ себѣ жизни, а жену его обманщицу онъ все же убилъ. Мы вошли, говоритъ Саварсамидзе, и Усибъ убилъ еле дышавшаго дэви. На возвратномъ пути стояли стражей по очереди. Когда караулилъ Амиранъ своихъ сотоварищей, то на него напали дэви Бакбахъ и Хазаранъ. Амиранъ убилъ послѣдняго, а Бакбагъ скрылся. Показался замокъ, гдѣ въ плѣну сидѣлъ Бадри и Носаръ. Вышелъ оттуда Дидо и показалъ имъ тѣнистые сады, орошаемые чудными источниками. Проникнуть въ замокъ не было возможности. Дидо научилъ ихъ прибѣгнуть къ хитрости. Когда громадная птица спустится къ источнику напиться воды, то нужно схватиться за ея ноги, и она подниметъ и опуститъ въ середину замка. Амиранъ такъ и сдѣлалъ, перебилъ всѣхъ дэвовъ, освободилъ плѣнныхъ и на 500 верблюдахъ вывезъ сокровище. Слухъ объ ихъ подвигахъ распространился по всей Аравіи. По дорогѣ они перебили трехъ слоновъ и по прежнему пути вернулись къ Яману.

Глава 5-я. Разсказъ объ Амбри арабѣ. Саварсамидзе, обращаясь къ царю, разсказываетъ, какъ онъ разъ съ Амираномъ въ Багдадѣ былъ, и двое съ крыши указывали на Амирана, говоря: „вотъ человекъ, которому нѣтъ равнаго“, третій же сказалъ, что есть даже лучше его—это Амбри арабъ. Потребовалъ Амиранъ, чтобы онъ разсказалъ объ этомъ арабѣ, но тотъ отказался отъ своихъ словъ, произнесенныхъ „съ похмѣля“. Но по настоянію Амирана, обѣщавшаго ему жизнь, онъ сталъ разсказывать. Съ Аравіи было два царя, враждебные другъ другу, и вся Аравіа раздѣлилась на два лагеря: одни поддерживали Ханскаго царя, а другіе—Яманскаго царя. На сторонѣ первыхъ были турки и арабы и побѣдили вторыхъ. У Яманскаго царя былъ приближенный человекъ, Омаръ. Будучи въ изгнаніи, у него родился сынъ Амаръ, котораго отецъ отдалъ въ обученіе витязю Абутару. На седьмомъ году онъ чудно пѣлъ, искусно стрѣлялъ и ловко ѣздилъ на дивномъ конѣ, купленномъ за 300 дракановъ ¹⁾. Въ первой же битвѣ съ разбойниками онъ перебилъ 1500 человекъ, которые оказались изъ подданныхъ Ханскаго царя. Тогда напали на яманцевъ ханцы и опустошили ихъ страну. Амбри арабъ вступилъ во второй бой съ ними (ханцами),

¹⁾ 1 р. 50 к. составляетъ драканъ.

самъ убилъ 1500 человекъ; а Абутаръ его рабъ—500 человекъ. Послѣ одной битвы съ ханцами воспитатель и „рабъ“ его Абутаръ былъ взятъ въ плѣнъ, а знаменитый его конь убитъ, но Амбри освободилъ его изъ плѣна, былъ ласково встрѣченъ яманцами, и выпросилъ у царя отрядъ съ цѣлью отомстить туркамъ въ ихъ же странѣ за ихъ оупстошенія яманцевъ. Амбри и Абутара распространили ужасъ своими побѣдами среди яманцевъ. Царь ихъ обратился за помощью къ тремъ витязямъ. Съ послѣдними и въ сопровожденіи большого отряда царь выступилъ противъ вторгшихся яманцевъ. До битвы онъ послалъ сказать Амбри, что вѣдь онъ арабъ, а не ямаецъ, пусть откажется отъ боя и женится на его дочери. Амбри не принялъ предложенія. Тогда царь вызываетъ Амбри вступить въ единоборство съ его витязями. Онъ сразилъ перваго витязя при звукахъ музыки и пѣнія, забавляющихъ царя, а за нимъ второго и третьяго, самого же царя онъ помиловалъ.

Глава 6-я. Объ Индо витязь. Индо витязь буйствовалъ въ предѣлахъ владѣній яманскаго царя, но послѣдній, опасаясь за жизнь Амбри араба, скрывалъ отъ него, что Индо грабитъ всѣ караваны, вступающіе въ страну яманцевъ. Разъ, когда Амбри забавлялся на пирѣ пѣніемъ и музыкой, показался какой-то человекъ со слезами на глазахъ. На вопросъ Амбри, онъ рассказалъ о грабежѣ его каравана витяземъ Индо. Амбри тотчасъ прекратилъ веселіе, заявилъ царю о своемъ желаніи избавить страну отъ ея разорителей.—Абутаръ первый встрѣтился съ Индо, во время сбросилъ его съ коня ударомъ копья и продолжилъ свою охоту. Первый бой Амбри съ Индо кончился примиреніемъ, такъ какъ они понравились другъ другу. Отыскали Абутара, привели его въ чувство, и Индо извинился, что причинилъ ему по незнанію страданіе. Пятый бой послѣ оглушительныхъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону, кончился въ пользу Амбри, который побратался съ побѣжденнымъ и представилъ его царю. Яманцы были очень рады, и царь отдалъ ему своихъ дѣтей подъ покровительство. Старецъ царь умеръ, на престолъ вступилъ его старшій сынъ, а младшій съ Амбри пошелъ отвоевывать у ханцевъ захваченныя у первыхъ земли.

Другой бой съ участіемъ Амбри араба и витязя Индо съ ханцами кончился пораженіемъ послѣднихъ и убійствомъ ихъ царя, павшаго отъ удара Амбри, и смертью аравійскаго царя, сраженнаго Индо витяземъ. Всѣ эти поразительные подвиги совершилъ Амбри на глазахъ рассказчика, который расстался съ витяземъ полтора года предъ встрѣчей своей съ Амираномъ. Во времени этой встрѣчи витязю только 35 лѣтъ исполнилось. Амиранъ проситъ рассказчика провести

ихъ въ Амбри въ Аравію, и вотъ съ огромными сокровищами витязи Аманбъ-Кабанидзе, Али-Маманидзе, Асоль Бадридзе, Камаръ Камрали, Каосъ Косидзе, самъ Саварсамидзе во главѣ Амбрана отправились къ знаменитому витязю. Но по дорогѣ повстрѣчали людей, одѣтыхъ въ траурныя платья, какъ оказалось по распросамъ, въ знакъ выраженія горести по поводу смерти Амбри араба. Витязи очень опечалились этимъ извѣстіемъ и возвратились въ Багдадъ.—Конецъ разсказу объ Амбри арабѣ и витязѣ Индо.

Глава 7. Разсказъ о странѣ свѣтилъ. Багдадскій эмиръ Мули устроилъ пиръ; три его прекраснѣйшихъ сына присутствовали на этомъ торжествѣ. Они были не женаты, и потому царедворцы Абрамъ, старшій визирь и Аджеръ, старшій конетабль предложили царю сыскать невѣсть для царевичей и съ этою цѣлью призвать Амбрана, человѣка бывалаго и знающаго всѣхъ красавицъ въ мірѣ. Амбранъ слышалъ, что эмиръ Мули отказывается принять предложеніе дочерей царей греческаго, индійскаго и хозарскаго и потому на время отклоняетъ исполнить желаніе багдадскаго повелителя. Тогда отправились выше-названные царедворцы навести справки о лучшихъ невѣстахъ. По дорогѣ они полагали разойтись: одному идти на востокъ, другому на западъ и на 30-й день сойтись на томъ же мѣстѣ. Но тутъ они встрѣтили слона съ трономъ, на которомъ возсѣдала красавица, сіяющая, какъ солнце. Ея спутникъ, Абуталибъ въ красномъ одѣяніи, узнавъ о цѣли царедворцевъ, указалъ на „страну свѣтилъ“, гдѣ царствуетъ Аспаль, имѣющій семь „свѣтлѣщихъ“ дочерей. Царедворцы донесли объ этомъ пріятномъ открытіи эмиру Мули, который призвалъ Амбрана, напомнилъ ему, что онъ обѣщался исполнить его желаніе и съ безсчетными сокровищами отправилъ своего витязя на разысканіе страны свѣтилъ.

Абу Талибъ, который самъ разсказалъ эмиру Мули о чудной странѣ, далъ въ проводники Амбрану своего раба, который покинулъ караванъ съ небольшимъ отрядомъ въ неизвѣстной мѣстности. Побѣдивъ напавшихъ разбойниковъ, Амбранъ съ Саварсамидзе, Абаномъ Кабанидзе, Али Момадидзе, Асаномъ Бадридзе, Каморъ Камрели, Косомъ Косидзе двинулись далѣе и встрѣтили на верблюдѣ въ красномъ одѣяніи человѣка, который оказался братомъ Абу Талиба. Онъ вызвался ихъ сопровождать въ искомую страну и сообщилъ о ней предварительныя свѣдѣнія: царя Аспана окружаютъ четыре богатыря, получающихъ въ день 1000 дракановъ, и шесть другихъ богатырей, получающихъ по 500 дракановъ. Никто не въ силахъ съ ними состязаться. Прибыли Свимонъ, царевичъ синскій (китайскій?), Яманъ витязь, царе-

вичъ Яманскій, Лакуръ, царевичъ Деламскій (?) и Хосра, царевичъ Хозарскій, чтобы похитить дочерей царя Астапа. Послѣдній поручилъ опытнымъ „эриставамъ“ Лосору Лосоминидзе 200,000 воиновъ, а Кабару Кависдзе 150,000 воиновъ противъ вторгшихся въ страну царевичей. Эриставы пали на полѣ брани и приступили къ Аспану съ требованіемъ выдать дочерей. И Амирану придется вступить съ ними въ борьбу. Абу Талибъ донесъ царю о приходѣ Амирана. Аспанъ много слышалъ о геройствѣ багдадскаго богатыря и выслалъ къ нему на встрѣчу четырехъ витязей. Царь принялъ Амирана ласково и одарилъ его щедро. На другой день его со свитой пригласили на пиръ прибывшіе къ Аспану вышеназванные царевичи.

По предложенію царя, царевичи, искатели рукъ его дочерей, вступаютъ въ бой съ его витязями. Первый вызвался въ единоборство царевичъ Синскій, Свимонъ, въ присутствіи Аспана, царицы и царевнъ. Царскій богатырь былъ убитъ царевичемъ при общихъ кликахъ радости собравшагося народа. За нимъ на другой день послѣ торжественнаго пира выступилъ въ бой Хосро, царевичъ Хозарскій, замѣчательный стрѣлокъ, и также остался побѣдителемъ. Яманъ витязь, царевичъ Яманскій, недолго боролся съ царскимъ богатыремъ: его онъ выбросилъ съ сѣдла и размахомъ сабли отрубилъ ему голову. Началось пѣніе и музыка на пирѣ по поводу счастливой побѣды. На другой день Ласуръ Делами вступилъ въ единоборство съ оставшимся четвертымъ богатыремъ Аспана и остался побѣдителемъ. Царевичи предложили Аспану для заключенія мира выдать за нихъ дочерей или выслать противъ нихъ новыхъ богатырей. Аспанъ еще разъ прибѣгъ къ семи своимъ богатырямъ, вызвавшимся противъ витязей-азпауровъ (дворянъ!) царевичей, но и они потерпѣли пораженіе. Тогда царь предложилъ вступить Амирану и его свитѣ въ бой съ царевичами, такъ какъ обѣ стороны являются искателями рукъ его дочерей.

Амиранъ поочередно сбросилъ царевичей съ лошади, пробивъ шлемы ихъ, воздержавшись ихъ убить, какъ царевичей: въ одинъ день Свимона, Синскаго царевича, на другой день Хосро, Хозарскаго царевича, на третій витязя Ямана, а на четвертый Ласура, Динамскаго царевича, хотя этотъ послѣдній и пробилъ шлемъ Амирана. Царь, царица, царевны и весь народъ, присутствовавшій при этихъ бояхъ, прославлялъ Амирана, говоря, что нѣтъ богатыря равнаго ему. Звукъ музыки и пѣнія радостно встрѣчали побѣдителя. Саварсамидзе, который рассказываетъ объ Амиранѣ, по обыкновенію послѣ каждаго боя прибавляетъ, что „такого славнаго состязанія никто никогда не видалъ“. За Амираномъ вступили въ бой шесть его рабовъ съ шестью

азнаурами — витязями царевичей, и послѣдніе потерпѣли поражение. Послѣ всѣхъ этихъ состязаній *царевичи съ Амираномъ потребовали отъ царя Аспана выдачи дочерей за нихъ*¹⁾). Красавицъ оберегало войско: трехъ старшихъ по 3000 человекъ, а остальныхъ по 1000 избранныхъ воиновъ. Амиранъ и царевичи разбили охрану красавицъ, первыхъ трехъ изъ нихъ взялъ Амиранъ для багдадскихъ царевичей, а послѣднихъ четырехъ отдалъ воевавшимъ съ нимъ царевичамъ. Дочери именитыхъ вельможъ Аспана были выданы за тѣхъ азнауровъ-витязей, сыграли торжественную свадьбу, и съ большимъ приданымъ различныхъ сокровищъ на 1000 ослахъ и 2000 верблюдахъ отпустилъ царь своихъ дочерей.

Багдадскій эмиръ Мули отпраздновалъ пышную свадьбу, „невыразимую языкомъ“ по своей роскоши. Роздалъ большія милостыни Амирану и всѣмъ его спутникамъ. Конецъ разказа о странѣ свѣтилъ гласить: „Будь живъ, царь, во вѣки, да возвеличится царствованіе твое, и да будетъ оно безконечнымъ до скончанія вѣка. Аминь“. Такъ обыкновенно завершается каждая глава повѣсти.

Глава 8. Разказъ о чародѣйствѣ. Разъ утромъ Амиранъ призвалъ къ себѣ Саварсамидзе и съ печатью горести на лицѣ указалъ на образъ замѣчательной красавицы, нарисованной на стѣнѣ. Оказалось, что *Амирану являлась во снѣ какая-то таинственная женщина, ювора: „развѣ подобаетъ тебѣ, витязю Амирану Дареджанидзе не мѣзрѣть „солнце“ (т. е. красавицу), когда она обрѣтается въ мірѣ!“* Амиранъ проснулся и призналъ вѣстницу за нечистый духъ, но когда заснулъ, та же особа нѣсколько разъ являлась, повторяя свои слова, и въ заключеніе нарисовала образъ неизвѣстной красавицы на стѣнѣ. При этомъ она заявила, что ей неизвѣстно, въ какой странѣ живетъ красавица. Огорченіе Амирава и его раба Саварсамидзе не имѣло способа излѣченія. Случилось, что, возвращаясь съ ипподрома, они встрѣтили ночью всадника въ красномъ одѣяніи и вышитой золотомъ шапкѣ. Обращаясь къ Амирану, онъ говоритъ: „я знаю, ты опечаленъ видомъ неизвѣстной красавицы, ты чрезъ Индію найдешь къ ней д.рогу“. Сказавъ это, онъ исчезъ. На другой день, назначивъ надъ городами и крѣпостями вѣрныхъ начальниковъ и вмѣстѣ съ Саварсамидзе, Абаномъ Кабанидзе и Коосомъ Косидзе выступили въ путь,

¹⁾ Курсивомъ я отмѣчаю большею частью мѣста, которыя находятся въ связи съ устными сказаніемъ. Вопросъ же о происхожденіи „Амиранъ-Дареджани“ мы разберемъ во II-й части нашихъ Очерковъ по исторіи словесности.

а Али Моамадидзе, Асаль Бадридзе и Камарь Камрели въ это время отсутствовали. Встрѣчаетъ путниковъ на утесѣ челоѣкъ и предупреждаетъ, что ихъ ожидаетъ толпа грозныхъ разбойниковъ. Коосъ одинъ нападаетъ и перебиваетъ 500 всадниковъ. Далѣе встрѣтили трехъ трехъ путниковъ, спасшихся отъ разбойниковъ изъ цѣлаго каравана. Абанъ Касидзе догналъ 1000 челоѣвъ, перебилъ ихъ и самъ получилъ легкую рану. Вступили путники въ безлюдную жаркую пустыню, гдѣ ни птицъ, ни воды, ни травы не было. Амирану послышался конскій топотъ; скоро показался неизвѣстный всадникъ, который по имени привѣтствовалъ Амираана съ прибытіемъ и исчезъ. Спутники узнали въ немъ дьявола и взволновались. Подѣхали другіе на сѣреныхъ ослахъ въ желтыхъ одѣяніяхъ съ золотыми покрывалами и также привѣтствовали Амираана, слухъ о геройствѣ котораго дошелъ и до нихъ. Они оказались членами каравана изъ Басра, во главѣ которыхъ стоялъ старецъ Абрамъ. Они возвращались изъ Индіи, куда ѣздили съ торговою цѣлью вмѣстѣ съ астрологомъ („мунаджиби“); послѣдній, взглянувъ на свою астролябію („стролаби“), предсказалъ счастливый пропускъ. Узнали о движеніи каравана витязи-разбойники, сыновья Амтараба, и преградили имъ путь. Въ виду страха они спрятались въ оврагѣ, а астрологъ по астролябіи возвѣстилъ, что четыре перса появятся и спасутъ ихъ отъ разбойниковъ, а черезъ нѣсколько времени онъ прямо заявилъ, что багдадскій богатырь Амиранъ Дареджанидзе, левъ львовъ, придетъ къ нимъ съ тремя спутниками. Челоѣкъ, привѣтствовавшій предъ тѣмъ Амираана, былъ отправленъ изъ каравана и, вернувшись, онъ донесъ купцамъ о приходѣ непобѣдимаго героя. Но помимо тѣхъ разбойниковъ, которыхъ Амиранъ легко перебилъ и разсѣялъ, угрожалъ каравану красный витязь, который по астролябіи непобѣдимъ никѣмъ. Купцы стали плакать, а Амиранъ ихъ успокаивалъ. Амиранъ разбилъ еще шесть витязей въ желтыхъ и шесть въ красныхъ одѣяніяхъ, и послѣ своего пораженія, они исчезли. Убитые же разбойники, сыновья Аштара, оказались племянниками красного витязя, который прислалъ требованіе Амирану, чтобы послѣдній оставилъ караванъ, угрожая ему местию за гибель племянниковъ. Амиранъ не принялъ предложенія „краснаго витязя“, и произошло состязаніе между ними. Красавецъ „красный витязь“ съ войскомъ въ красномъ одѣяніи и съ красными палатками прибылъ на разсвѣтъ противъ Амираана. Началась страшная битва, какъ будто двѣ горы столкнулись, и стукъ ихъ кольчугъ походилъ на небесный громъ. Амиранъ побѣждаетъ „краснаго витязя“, воины котораго изъясляютъ покорность багдадскому герою, но послѣдній освобождаетъ ихъ,

говора, что ихъ повелителя онъ не имѣлъ въ виду убивать, а случилось это несчастіе нечаянно и противъ его воли. Караванъ привѣтствовалъ Амирана и одарилъ его богатыми приношеніями. Старецъ Абрамъ спрашивалъ Амирана, съ какою цѣлью послѣдній путешествуетъ по безлюдной степи. Амиранъ, смѣясь, отвѣчаетъ: ты заботься о торговлѣ, а объ этомъ моемъ путешествіи къ чему спрашиваешь? Но раздумавъ, онъ рассказалъ ему обо всемъ. Оказалось, что рабъ старца зналъ дорогу къ той красавицѣ. Старецъ догналъ и передалъ четыре порфиры и четыре жемчуга, говоря, что они ему пригодятся.

Пройдя значительное пространство, они пали домъ, на стѣнѣ котораго оказался портретъ той же таинственной красавицы. Надпись гласила, что это образъ Хварешаны. Проводникъ заявилъ, что отсюда дорога лежитъ черезъ скалу, гдѣ находится очарованный мѣдный человѣкъ, убивающій всѣхъ проходящихъ. Для испытанія погнали верблюда, который былъ убитъ мѣднымъ человѣкомъ ударомъ сабли. Никто кромѣ Амирана не осмѣлился вступить въ бой съ этимъ страшнымъ лицомъ. Амиранъ сѣлъ на коня, положилъ саблю и взялъ посохъ; погнавъ предъ собой верблюда, онъ подѣхалъ къ скалѣ мѣднаго человѣка: послѣдній поразилъ верблюда и вернулся въ пещеру, а въ это время Амиранъ напалъ и ударомъ посоха сокрушилъ чудовище. Звуки трубы и барабана встрѣтили въ знакъ радости побѣдителя. Вошли въ пещеру и тамъ увидѣли образъ прекраснаго витязя на стѣнѣ съ надписью: „Когда я, доблестный Бакаджаръ, послѣ страшной войны вывелъ красавицу, тогда здѣсь астрологъ мой создалъ это чародѣйство, чтобы никто ее не могъ отсюда похитить“. Нашли и другой образъ, надпись подъ которымъ гласила: „Я, астрологъ Жамсаръ, создавшій это чародѣйство; никто, за исключеніемъ самаго сильнаго льва-героя, сюда не можетъ придти, а въ особенности отсюда уже пусть не рассчитываютъ выйти, иначе погибнетъ. На другой день Амиранъ съ спутниками, однако, двинулись далѣе и скоро услышали ревъ слона, оказавшагося мѣднымъ, на его ревъ прибѣжали львы одни за другими, которыхъ они не могли перебить, пока Коосъ Косидзе не сокрушилъ мѣднаго льва.

Проводникъ оставилъ путниковъ, и они шли, не зная дороги, куда глаза глядятъ. Видятъ что-то мѣдное въ родѣ гумна, и стоитъ мѣдный человѣкъ страшной величины, рядомъ съ нимъ другой мѣдный человѣкъ, который заигралъ въ трубу, какъ только увидѣлъ путниковъ. На эти звуки высыпалось безчисленное войско, и произошла страшная, безконечная битва. Наконецъ Абанъ, Кабанидзе напалъ на мѣднаго человѣка, нанесъ ему ударъ, но чудовище повалило его, также были поражены Коосъ Косидзе и Саварсамидзе. Тогда Амиранъ,

вооружившись посохомъ, вступилъ въ чудовищный бой съ мѣднымъ человѣкомъ (а войско послѣдняго по звукамъ непрерывно прибываетъ) и сокрушилъ его послѣ продолжительнаго состязанія. Прославили его шесть зеленыхъ и шесть красныхъ музыкантовъ, говоря, что нѣтъ ему героя равнаго, а на другой день зеленое и желтое войска также принесли поздравленіе и удивленіе, что Амиранъ первый проникъ въ ихъ страну. Зеленое войско принадлежало царидѣ, а красное Хварешанѣ, отецъ которой Остарасъ предъ тѣмъ скончался.

Славные города и дворцы, выстроенные въ красный цвѣтъ, были Хварешаны, а въ зеленый цвѣтъ царицы. Вошли въ городъ и встрѣтили женщину съ двумя мальчиками; напали на послѣднихъ два льва — одинъ похитилъ одного ребенка, а другаго — другой. Горько заплакала мать, а Амиранъ, видя это, кривнулъ на львовъ, и они бросили дѣтей, а львовъ Амиранъ ударилъ другъ о друга головами и перебилъ. Горожане привѣтствовали и одарили Амирана приношеніями. Городъ былъ такъ великъ, что съ разсвѣта до полудня прошли только его половину; онъ былъ окруженъ зеленой стѣной съ вратами тоже зеленого цвѣта, похожаго на изумрудъ. У царскаго дворца стояла стража изъ 2000 именитыхъ, которые поклонились Амирану. Вошли во дворецъ и увидѣли тронъ, покрытый жемчугомъ и изумрудомъ, а предъ ними растилались золотые шитые ковры. Здѣсь его встрѣтилъ главный придворный со свитой, изящно одѣтый. Съестъ ихъ пригласили на золотые стулья, и словно лучи солнца поразили ихъ два драгоцѣнныхъ камня, багровый и бѣлый. Отворились двери, и вошли дамы, а за ними царица и Хварешана. Амиранъ всталъ, и они обмѣнялись привѣтствіями. Царица выражала свою радость, что Богъ оказалъ ей милость узрѣть такого жениха-героя для дочери. Принесли гостямъ-героямъ дорогія одѣванія, и царица оставила ихъ для отдыха послѣ страшныхъ трудовъ. Царица отправила письма во всѣ концы государства, приглашая вельможъ и народъ узрѣть зятя и будущаго ихъ царя,—она сама уже стара, а „краса красавицъ“ остается безъ мужа. Гости и представители явились съ подарками и привѣтствовали небывалаго героя, прошедшаго трудные пути. Свадьба была отпразднована необыкновенно пышно; на двухъ тронахъ возсѣдали царь Амиранъ и его молодая жена царица, на обѣихъ сіяли изумрудные вѣнцы. Спутникамъ Амира-рана были розданы щедрые подарки; за каждымъ новымъ пиромъ мѣнялась драгоцѣнная посуда и раздаваемые одѣванія. По предложенію царицы, гости отправились на охоту въ сопровожденіи 60 гончихъ и 60 ястребовъ. Охота была весьма удачна. Затѣмъ отправились въ удѣлъ молодой царицы, и тамъ въ новыхъ чудныхъ владѣніяхъ продолжа-

лась свадьба и охота. Амирану были вручены 100 ключей со 100 сокровищницъ. За пиромъ подали изумительные плоды, подобныхъ которымъ нигдѣ нельзя было найти. Старая царица скрывала отъ Амирана, откуда эти плоды: она говорила, что ей поднесли ихъкупцы изъ Индіи. Амиранъ зналъ индѣйскіе караваны и не повѣрилъ. Нѣкто Али вельможа, по настоянію Амирана, заявилъ, что вышеназванный астрологъ Мунаджибъ изъ свиты Бакаджа околдовалъ прекраснѣйшій садъ, гдѣ растутъ эти плоды и откуда выносятся они только рѣкой. Садъ оберегается дракономъ, и никто не можетъ туда проникнуть. Несмотря на слезы невѣсты и просьбы другихъ, Амиранъ приготовился въ бой съ дракономъ. Мѣдныя двери сада оберегались двумя драконами. При приближеніи Амирана и его войска, драконы стали выбрасывать изъ пастей камни и огонь, а ревъ ихъ походилъ на морскую бурю. Выступили мѣдные люди со страшными головами. Амиранъ напалъ прежде всего на большого дракона; Хварешана-царица пролила горько слезы, когда мѣдные люди убили коня подъ Амираномъ и послѣдній пѣшій напалъ на дракона, разинувшаго пасть съ цѣлюю поглотить богатыря. Амиранъ переломилъ надъ дракономъ двѣ сабли, затѣмъ чудовище егохватило за ноги и до колѣна поглотило его. Амиранъ досталъ изъ обуви ножъ и вонзилъ его въ горло дракона; послѣдній выпустилъ богатыря и бросился на Саварсамидзе, котораго съ конемъ вмигъ поглотилъ, но тутъ Амиранъ нанесъ ударъ саблей и перерубилъ его. Маленькій драконъ похитилъ Абанъ Кабанидзе съ конемъ, но его отбилъ Коосъ Косидзе. Убили этого дракона и всѣхъ мѣдныхъ людей. Зашли въ чудный садъ, гдѣ нашли удивительныя деревья.

Амиранъ съ Хварешаной побѣдителемъ возвращается въ Багдадъ. По дорогѣ у него происходитъ бой съ братомъ „краснаго витезя“, Сабуромъ Рабагидзе. Съ этимъ уже вступили въ состязаніе двинувшіяся на розыски Амирана его оставшіеся въ Багдадѣ витези Али-Моамидидзе, Асанъ Бадридзе и Камаръ Камрели. Амиранъ подоспѣлъ къ ихъ битвѣ, побѣждаетъ брата „краснаго витезя“, но не убиваетъ по просьбѣ его войска, такъ какъ онъ одинъ остается въ домѣ родителей. Амиранъ его предупреждалъ, что и братъ его погибъ отъ гордости и потому совѣтовалъ оставить попытку мести. Тотъ не послушался и потерпѣлъ поражение. Конецъ разсказа о чародѣйствѣ: Амиранъ пригласилъ художниковъ и поручилъ имъ нарисовать образъ его и всѣхъ витезей въ томъ домѣ, гдѣ находился портретъ красавицы Хварешаны.

Глава 9-ая. Разсказъ о Сенедвилѣ Дириспанидзе. Разъ эмиръ Мули за обѣдомъ послѣ удачной охоты въ домѣ, подобнаго которому

Саварсамидзе ¹⁾ не видалъ, просилъ рассказать что либо. Нѣкто Омадъ Амадисдзе повѣдалъ о своихъ подвигахъ. Съ равнихъ лѣтъ онъ пѣлъ прекрасно и всѣхъ своихъ сверстниковъ побѣждалъ; тигра, льва и другихъ звѣрей, какъ кошекъ убивалъ. Подросши, онъ вызвался сопровождать караванъ изъ Нисри, бывший въ Багдадѣ, съ цѣлью оберегать его отъ разбойниковъ. Послѣ нобѣды надъ послѣдними, онъ не рѣшился вступить въ бой съ Амраномъ и отправился въ Васри, на который, вскорѣ по его приходѣ, напалъ арабскій царь. Витязь послѣдняго побѣдилъ трехъ лучшихъ богатырей басрскихъ, и за убійствомъ ихъ оставалось сдать городъ неприятелямъ. Но тутъ вызвался въ бой съ арабскимъ витяземъ Омадъ Амадисдзе и сразилъ его. Онъ получилъ большія награды отъ басрскаго владѣтеля и отправился въ путь, по которому онъ встрѣтилъ палатку; въ ней сидѣлъ на тронѣ человекъ, рядомъ съ которымъ сидѣла красавица, какъ солнце. Отъ него онъ потерпѣлъ поражение и побѣдитель исчезъ, а побѣжденный двинулся далѣе. Встрѣтилъ онъ всадника, который самъ въ себя вонзилъ ножъ, откъавшись отъ боя, а въ гнѣвѣ на другаго путника безъ вызова пустилъ коня и повалилъ его, объяснивъ ему, что онъ испытываетъ свои силы. Путникъ назвалъ Амадисдзе достойнаго ему соперника— Сенедавале Дариспанидзе. По пути къ нему онъ встрѣчаетъ пастуховъ, за ними табунщиковъ Дариспанидзе, которые пьютъ вино за своего витязя. Они его упрасиваютъ, чтобы онъ не убивалъ Дариспанидзе, а другой путникъ, одѣтый въ золото, сказалъ Амадисдзе, что нѣтъ богатыря равнаго Дариспанидзе. Отецъ его Дариспанъ также отличался геройствомъ, и по его смерти, врагъ Парсанъ Рабашанидзе отнялъ у малолѣтнаго сына его много городовъ и имѣній. Подросши, Сенедавале узналъ объ этомъ отъ матери и вызвался себѣ возвратить потерянные владѣнія. Онъ разбилъ замки своего врага, взялъ ихъ города, сразилъ слона, на которомъ сидѣли 12 воиновъ и побѣдоносно возвратился домой.

Разъ къ нему приходятъ послы отъ береговыхъ жителей Индiи просить помощи противъ единорога. Жители приняли его съ восторгомъ и показали ему единорога, втрое превосходящаго слона, но онъ его убилъ, какъ kota. Рассказавъ этотъ подвигъ Омаду Амадисдзе, путникъ напрасно удерживалъ его отъ состязанiя съ Дариспанидзе. Прибыли въ городъ, богатый и чудный. Здѣсь онъ встрѣтился съ Дариспанидзе, которому онъ объяснилъ, что ищетъ случая примѣнить свои богатырскiя силы. Послѣ большихъ угощенiй Дариспанидзе вышелъ

¹⁾ Онъ воспитывался въ Персiи, но бывалъ во всей Индiи.

въ бой съ нимъ, сломалъ ему плечо и самъ же приставилъ доктора лѣчить больнаго,

Вмѣстѣ съ Дариспанидзе и его работъ, Омаромъ Абрамидзе, побѣжденный Омадъ Мадидзе отправился добывать для своего побѣдителя дочь царя ченскаго (китайскаго?). По пути они спасли караванъ отъ разбойниковъ, за что въ благодарность купцы указали на женщину Шаосани (черненкья), которая поможетъ имъ по дорогѣ, исполненной разныхъ чародѣйствъ. Шаосани обѣщала Дариспанидзе свое содѣйствіе, если онъ освободитъ ея дѣтей отъ дэви Разиманъ, который мужа и братьевъ ея уже перебилъ. Дариспанидзе приблизился къ крѣпости, гдѣ обиталъ дэви и послѣ отчаянной битвы убилъ его, дѣтей Шаосани освободилъ и ей же отдалъ всѣ сокровища, оказавшіяся въ крѣпости дэви. Шаосани не скрываетъ отъ Дариспанидзе тѣхъ трудностей, которыя ему придется преодолевать по пути къ дочери ченскаго царя. Дариспанидзе и спутники его встрѣтятъ на дорогѣ русло рѣки, по которому отъ крика крылатыхъ мужей пойдутъ бурные потоки; для предохраненія отъ гибели она даетъ ему лѣкарство, которымъ онъ долженъ подмазать ноги и такъ переплыветъ рѣку. Потомъ они очутятся въ непроницаемомъ мракѣ, который можетъ быть разсѣянъ другимъ лѣкарствомъ, врученнымъ Шаосани. Выбившись на дорогу, они попадутъ въ околдованный садъ, съѣденіе плодовъ изъ котораго причинятъ потерю сознанія. Все такъ и случилось. Дариспанидзе перевезъ подъ мышкой Омара чрезъ бурный потокъ, *разстлалъ мракъ даннымъ лѣкарствомъ*, поѣли въ паркѣ плоды, напоминающіе вкусъ дыни, и спутники Дариспанидзе потеряли сознаніе, а на крикъ сторожа нахлынуло войско, которое однимъ Дариспанидзе было перебито. Достигли башня, гдѣ была царица ченская, вывели ее оттуда, посадили на носилки и похитили ее, прежде чѣмъ узналъ объ этомъ ея отецъ. Первый напалъ на похитителя витязь Доразъ, но былъ отраженъ Омадомъ Мадидзе. Вскорѣ и самъ царь съ женихомъ дочери, арабскимъ царевичемъ, погнался за Омадомъ Мадидзе. Но соперникъ послѣдняго былъ убитъ, войско разсѣяно, а богатырь Росадъ съ единорогомъ послѣ страшной битвы былъ пораженъ. Царь, видя такую храбрость своего врага, примирился съ нимъ и съ радостью призналъ его за темъ своимъ. По пути домой Дариспанидзе встрѣтилъ Шаосани, получилъ отъ нея чудныя подарки: платье, блестяще вышитое жемчугомъ и драгоценными камнями, наилучшаго коня и др.; Дариспанидзе взялъ ее на родину, гдѣ былъ восторженно встрѣченъ соотечественниками. Шаосани была одарена и возвращена домой. Амиранъ, выслушавъ этотъ рассказъ, пожелалъ сразиться съ неизвѣстнымъ сопер-

никомъ, раздѣляющимъ съ нимъ славу непобѣдимаго витязя. Со своими вѣрными рабами Амиранъ прибылъ въ богатый городъ Дариспанидзе, гдѣ были приняты очень ласково, нѣсколько времени провели въ веселіи и наслажденіи, при звукахъ пѣнія и музыки, наконецъ, на одномъ пирѣ Коосъ Косидзе подалъ двумъ знаменитымъ витязямъ два кубка витязя и провозгласилъ, что давно приблизился часъ ихъ состязанія. Царица была противъ ихъ боя, но онъ былъ неизбеженъ. Раздѣлили войско на двѣ части, выбрали по 100 коней и стали убивать другъ у друга коней: по парѣ, по 20, 40 и 100. Побѣда оставалась то на одной, то на другой сторонѣ. Наскучило имъ убивать коней, и явилось рѣшительное желаніе кончить бой единоборствомъ. Бой былъ страшный и необыкновенный, конца его нельзя было предвидѣть, поэтому предложили примириться, хотя побѣда видимо осталась за Амираномъ, такъ какъ онъ выбилъ у противника поднятую на него саблю, а Сенедванидзе говорилъ („неправду“), что онъ самъ ее бросилъ. За боемъ послѣдовалъ пиръ, на которомъ Амиранъ и Сенедвалидзе побратались и общались взаимно, въ случаяхъ нужды, помощью. По пути въ Багдадъ Амиранъ повстрѣчалъ великана - витязя Антрикавадзе, который съ „арканомъ“, какъ человѣкъ дивный, вступилъ въ бой съ багдадскимъ героемъ, но самъ потерпѣлъ пораженіе, а войско его было разсѣяно. Въ палатѣ его нашли неисчислимое богатство, которое, подѣливъ между собою, спутники Амирана привезли съ собою на родину.

Глава 10. Разсказъ о Мзечабукъ („Юношѣ-солнцѣ“). Во время одной охоты Амиранъ убилъ двухъ львовъ. Видѣвши павшихъ царей звѣрей вѣкій „черный человѣкъ“ сталъ горько плакать. Его привели къ Амирану и попросили сказать, почему онъ плакалъ. „Я Раибъ,—началъ онъ,—воспитывался въ Аравіи плѣнникомъ. Подростки, я присоединился къ тремъ арабскимъ разбойникамъ, которые наводили ужасъ на торговые караваны. Разбогатѣли мы замѣчательно, зиму проводили въ долинѣ, а лѣто въ горахъ. Разграбили мы разъ удачно одинъ караванъ и возвращались къ своей стоянцѣ, какъ замѣтили, что двое напали на одного изъ членовъ каравана и безжалостно его изрубили. Мы догнали ихъ, освободили раненаго и излѣчили его. Онъ, по нашей просьбѣ, объяснилъ, что въ качествѣ путеводаителя общался караванъ провести благополучно, но такъ какъ надежда его не исполнилась, то ему и отомстили такъ жестоко. Онъ остался съ нами и указалъ намъ на табунъ лошадей, который можно было бы угнать безнаказанно. Когда мы съ новымъ табунномъ, во главѣ новаго проводника, направились въ путь, то насъ догнали четыре всадника и спросили, зачѣмъ мы угнали чу-

жой табунъ. Не получивъ отвѣта, одинъ изъ этихъ четырехъ всадниковъ, Мзечабукъ, напалъ на насъ и сталъ рубить. Оказалось, что раненный человекъ прибѣгъ къ хитрости и указалъ на табунъ Мзечабука, чтобы побудить его къ мести. Я присоединился къ Мзечабуку и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ на охоту. Мзечабукъ убиваетъ чудовище— „левъ-человѣкъ“ („ломкаци“¹⁾) и освободилъ отъ его вторженія въ страну *Кекела*. Ему сообщаетъ Абрамъ проводникъ къ чудовищу, что у воспитанника его, хозарскаго царя *Хвасро*, есть дочь-красавица, которую онъ хочетъ выдать только за лучшаго витязя. Онъ приводитъ его по трехдневному пути въ страну хозарскую, но здѣсь уже оказались другіе „голіаѳы“ — *Гомаръ Газнели*, *Ордаварели*, *Мосоръ Надиридзе* во главѣ *Имариндо*¹⁾. За ними прибыли съ войсками *Дорать Дилами* и *Амаръ Яшанели*. Съ послѣдними Мзечабукъ входитъ въ дружбу, и вмѣстѣ подходятъ къ вратамъ города. Здѣсь взаимно обмѣнялись визитами Мзечабукъ и *Имариндо*, стали проводить весело время на пирахъ, на которыхъ представитель хозарскаго царя одарялъ витязей цѣнными одѣянiями и вещами. Изъ этихъ витязей Мзечабукъ былъ лучшій стрѣлокъ, *Имариндо*—первый ратоборецъ, *Ордаверели*—выдающійся пѣвецъ, *Дорать Дилами*—отличный ѣздокъ, *Мосоръ Надиридзе*—превосходный охотникъ, *Амаръ Яшанели* — не имѣющій соперника въ игрѣ въ шахматы. За продолжительными веселiями начались въ присутствіи царя состязанiя: въ первомъ бою участвовали *Амаръ Яшанели* и *Мосоръ Надиридзе*; бой остался нерѣшеннымъ. Во второе состязаніе вступили *Дорать Дилани* и *Ордаверели*, причемъ второй отказался продолжать бой и тѣмъ призналъ себя побѣжденнымъ. Третій бой начали *Гомаръ Ганзели* и *Омаръ Яшанели*, послѣдній оказался убитымъ первымъ. Тогда съ побѣдителемъ вступилъ въ единоборство Мзечабукъ и сразилъ его первымъ же ударомъ въ шлемъ. За своего сотоварища вступился *Имариндо*, и произошло три боя его съ Мзечабукомъ, длившіеся каждый разъ съ утра до вечера. Послѣдній бой кончился торжествомъ Мзечабука, который отказался убить своего противника, а послѣдній въ сознаниі благодарности просилъ побратимства у побѣдителя. Разъ, когда новые друзья сидѣли вмѣстѣ, пришелъ *Абрамъ* и горестно заявилъ, что красавицу, дочь хозарскаго царя, похитили враги и увезли въ страну чаръ, куда нѣтъ возможности проникнуть. Мзечабукъ вызвался ее сыскать, хотя всѣ его отговаривали, а проводники согласились его сопровождать только до извѣстнаго пункта, а потомъ Мзечабукъ предоставлялся собственной участи.

¹⁾ *Имариндо* нынѣ въ Грузіи замѣнилось именемъ *Амириндо*.

Вступивъ въ страну чаръ, Мзечабукъ встрѣтилъ шесть черныхъ всадниковъ, а за ними войска, которыя называли одно имя Ибада-Абаши. На другой день они очутились на берегу кровавой рѣки, оказавшейся потокомъ крови изрубленнаго великана, Ибада-Абаши. Въ одной рукѣ онъ держалъ саблю, а въ другой узду коня. Мзечабукъ огорчился, что не могъ догнать убійцъ витязя, а Мосиръ Надиридзе пожелалъ отвести чуднаго коня павшаго героя. Но послѣдній привсталъ и саблей нанесъ смертельный ударъ коню, чтобы онъ никому не достался. За этимъ подвигомъ герой палъ замертво, а Мзечабукъ со спутниками двинулся далѣе. По пути ночью поочереды караулили другъ друга: сперва Дарать Димашиа, за нимъ Мосаръ Надиридзе: обоимъ пришлось вести борьбу съ напавшими на нихъ врагами; когда же сталъ стражей Мзечабукъ—никто не покушался дѣлать нападенія. За то на другой день встрѣтилъ онъ вышеназванныхъ шесть черныхъ всадниковъ и вступилъ съ ними въ жаркій бой. Разсѣявъ враговъ, они *приблизились къ озеру*, обладающему чудесными свойствами: пришли пять человѣкъ, *выкупались въ немъ и обратились въ львовъ*; за ними вошли въ озеро пять драконовъ и приняли образъ людей; пришли еще пять человѣкъ, погрузились въ воду и превратились въ птицъ. Когда всѣ эти поразительныя преобразованія свершились, то Мзечабукъ заключилъ, что все это дьявольское навожденіе, спутники же его были объаты страхомъ. Когда насталъ другой день, то на тѣхъ пяти львахъ подѣхали пять человѣкъ и вступили съ однимъ Мзечабукомъ въ страшный бой. На помощь къ нимъ подоспѣлъ еще кто-то, возсѣдающій на драконѣ и пускающій стрѣлы съ большимъ крикомъ. За нимъ слѣдовало войско, которое было разбито Мзечабукомъ. По окончаніи битвы, Мзечабукъ съ улыбкой встрѣтилъ своихъ спутниковъ, отъ страха отказавшихся ему помогать въ боѣ съ чудовищами, и вмѣстѣ съ ними приблизился къ крѣпости, у подножья которой былъ разведенъ прекрасный садъ. Здѣсь какой-то человѣкъ черпалъ воду, на вопросъ путниковъ—кто онъ, тотъ отвѣчалъ, что онъ рабъ убитаго Ибада-Абаши, и пригласилъ ихъ въ крѣпость къ старухѣ. Послѣдняя ласково приняла Мзечабука и просила къ столу закусить. Вдругъ за спиной Мзечабука показались два воина съ обнаженными саблями, но Дарать Дилами вскочилъ и убилъ обоихъ для спасенія своего лучшаго товарища-витязя. Старуха въ огорченіи встала и крикнула; на ея призывъ нахлынуло къ крѣпости войско, но Мзечабукъ, Дирить и Мосоръ, занявъ три двери, вступили съ все увеличивающейся массой въ продолжительный бой и остались побѣдителями, лишь по убіеніи старухи.

Миновавъ эту мѣстность чарь, путники вошли въ новую околдованную страну. Здѣсь предъ ними показался прекрасный домъ, гдѣ былъ накрытъ роскошный столъ. Опасаясь чарь, путники отказались ѣсть, но за ними *влетѣли птицы изъ озера, приняли образъ людей и поплы выставленныя яства.* ¹⁾ вошелъ какой-то человекъ и спросилъ, почему Мзечабукъ уступилъ приготовленные для него яства этимъ незнакомымъ лицамъ, послѣднiя за такое оскорбленiе убили его, и когда Мзечабукъ за него заступился, то тѣ крыльями захлопали ему въ лицо и въ ту же минуту очутились у вратъ хозарскаго царя. Все это такъ быстро произошло, что Мзечабуку и его спутникамъ представлялось сновидѣнiемъ. Тотъ же Абрамъ сказалъ имъ, что нужно было убить прежде всего тѣхъ крылатыхъ людей. Мзечабукъ немедленно прибылъ обратно къ тому же дому; птицы влетѣли, упали и остались въ безчувственномъ состоянiи. Дорать Дилами приложилъ къ нимъ копье, рукоятка котораго была сожжена огнемъ, отдѣлившимся отъ птицъ. Птицы прибѣгли къ коварству: если бы приложили руки, то самъ Мзечабукъ со спутниками были бы объаты пламенемъ. Отдѣлавшись отъ нихъ, витязи вышли изъ дому и напали на кладбище, гдѣ всѣ мертвые привстали и приглашали къ себѣ путниковъ. Они испугались, но ничего не отвѣтили. Вырвавшись на свободу, они вступили на дорожку среди двухъ скалъ. Дорогу эту занималъ огромный драконъ, изъ пасти котораго исходило пламя. На крикъ дракона нахлынуло войско: на чудовище напалъ Мзечабукъ, а на войско его спутники. За гибелью дракона появился тигръ и крылатые люди на коняхъ, которые также были сражены. Миновавъ эти опасности, они приблизились къ крѣпости, гдѣ жила дочь хозарскаго царя. По дорогѣ къ ней они очутились предъ страшной скалой, подъ которой находилась пещера, охраняемая войскомъ. Мзечабукъ ворвался туда, а спутники бѣжали. Разбивъ войско, герой похитилъ красавицу и вернулся къ сотоварищамъ, которые уже оплакивали его, считая его погибшимъ. Хвосро, хозарскiй царь, видя такого мужественнаго героя, охотно выдалъ за него дочь свою, отпраздновалъ свадьбу роскошно и возложилъ на нихъ царскiе вѣнцы. Всѣ радовались, что такой храбрый и щедрый царь вступилъ на хозарскiй престолъ.

Разъ во время охоты къ Мзечабуку подошли шесть витязей и привѣтствовали его. Онъ отвѣтилъ имъ ласково и по просьбѣ ихъ взялъ съ собою. Нѣкто Али предостерегалъ Мзечабука отъ этихъ незнакомыхъ людей, которыхъ онъ слишкомъ приблизилъ къ себѣ. Для

¹⁾ Ср. съ повѣстью объ Александрѣ Македонскомъ.

испытанія Мзечабукъ посылаетъ въ одну крѣпость, которой будто бы овладѣлъ его рабъ, отказавшійся ему повиноваться. Тѣ изъѣвили готовность привести непокорнаго подданнаго, а самъ предупредилъ ихъ, вошелъ въ крѣпость, надѣвъ маску, отразилъ ихъ мужественно, говоря: что пусть самъ Мзечабукъ овладѣетъ крѣпостью. Увѣрившись въ ихъ вѣрности, онъ вмѣстѣ съ этими новыми витязями и прежними сотоварищами (Мосоръ и Дорать) отправился на охоту. Съ Мосоромъ онъ спалъ въ одной палатѣ. Напали на нихъ шесть витязей и убили Мосора, а Мзечабукъ, смертельно раненый, напалъ на одного изъ измѣнниковъ и положилъ его на мѣстѣ. Умирая, Мзечабукъ просилъ Дата призрѣть его сына, оставивъ попытку мести. Народъ горько оплакивалъ своего любимаго витязя, а мать его, пришедшая на похороны, вызвала еще больше слезъ и печали. Такъ кончилъ рассказъ Дорать Дилами о Мзечабукѣ. Амиранъ былъ тронутъ коварнымъ убійствомъ непобѣдимаго героя и вызвался искать крови съ убійцъ.

Глава 11 я. Рассказъ о мести. Амиранъ послалъ къ Сенедвале Дариспанидзе сказать, что мать Мзечабука проситъ достойныхъ витязей отомстить за коварное убійство ея сына. Дариспанидзе принялъ предложеніе своего собрата и назначилъ ему свиданіе въ странѣ Газали. Произошла страшная битва: Дорать Дилами убилъ Махоть Газанели, Али-Надибадзе, Амиранъ и Сенедвале вступили въ бой съ Хорозаномъ Хіасели и Устарамаломъ Асурастанели (Ассирійскимъ?); бой продолжался до вечера, а на другой день онъ возобновился и кончился торжествомъ первыхъ. Побѣдители овладѣли всѣмъ сокровищемъ побѣжденных и вернулись домой ¹⁾.

Глава 12-я. Рассказъ о вступленіи Амирана въ Балхи. Какой-то человекъ разъ въ полѣ подаль Амирану „маленькую записку“ отъ царицы Балхской, въ которой она просила немедленно помощи противъ Валхама Камидзе убившаго царя страны и овладѣвшаго ею всецѣло. Царица предлагала въ жены дочь свою, если только освободить ея единственный городъ отъ осады непріятели. Амиранъ съ 100 воиновъ и витязями немедленно отправился въ Балхи, пробился черезъ непріятельскій строй въ городъ царицы и поднялъ павшій духъ населенія. Отпраздновавъ свадьбу, герои принялись за истребленіе враговъ: самъ Амиранъ перебилъ въ одинъ день 500 человекъ,

¹⁾ За одиннадцатой главой слѣдуетъ глава „меатотиметъ“, т. е. 14-я, но эта ошибка должна быть приписана переписчику, такъ какъ Саварсамидзе въ началѣ своего разсказа заявилъ индійскому царю, что подвиги Амирана будутъ изложены въ 12 главахъ.

на другой день Саварсамидзе сразилъ 300 человекъ, на третій день Абанъ-Кабанидзе 250 человекъ, на четвертый - Али Камадидзе убилъ 200 человекъ, на пятый день Асаль Бадридзе—160 человекъ. Страхъ объялъ лагерь неприятелей. Валхамъ Кабанидзе, для успокоенія воиновъ, вызвалъ Амيرانа въ бой: два дня онъ продолжался, по остался нерѣшеннымъ. Тогда по 6 витязей съ обѣихъ сторонъ должны были закончить состязаніе: побѣда осталась за витязями Амيرانа. За ихъ пораженіемъ Валхамъ вызвалъ въ третій бой, который кончился его убійствомъ. Враги были разсѣяны, Амيرانъ провозглашенъ царемъ, и началось общее веселіе и торжество. Оно отравлялось только вторженіемъ Гамазь-дэви, который ввергалъ населеніе въ слезы и трепеть. Отъ Амيرانа царица скрывала существованіе этого чудовища. Въ одну ночь поднялась трѣвога вслѣдствіе нападенія, а на другой день одна женщина дерзнула заявить Амيرانу, что единственнаго ея сына дэви разрубилъ своимъ мечемъ. Амيرانъ разгнѣвался, что ему не говорили о чудовищѣ, подобныхъ которому онъ не разъ истреблялъ. Треть чернымъ воинамъ велѣно было дать знать, когда дэви вторгнется въ городъ. Онъ не далъ долго ждать: верхомъ на драконѣ съ саблей въ рукахъ эви вступилъ въ городъ. Амيرانъ выѣхалъ на встрѣчу. Завязался бой: въ разинутыя пасти дракона Амيرانъ всадилъ мечъ и убилъ его, а дэви отрубилъ голову у коня героя; бой продолжали пѣшіе и кончился пораженіемъ дэви. Радость распространилась по всему городу, всѣ прославляли Амيرانа, и слава о немъ дошла до самыхъ отдаленныхъ царей. „Такого-то героя пережилъ я, Саварсамидзе“, закончилъ свой рассказъ старецъ. Индійскій царь поблагодарилъ его, одарилъ щедро и по его желанію возвратилъ его на родину.

„Амيرانъ - Дареджаніани“ я изложилъ по рукописи „Общества распротр. грамотности среди грузинъ“¹⁾. Памятникъ переписанъ на синей бумагѣ почеркомъ гражданскимъ и заключаетъ 316 стр. in 8°. Переписанъ онъ неизвѣстнымъ труженникомъ въ 1825 г. апрѣля 19 дня. Въ концѣ читается: „Завершилось геройское сказаніе Мосе Хонели.

¹⁾ Въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ хранится подъ № 59, переписанный въ С.-Петербургѣ въ 1818 г. Иоанномъ Хмаладзе, „Амيرانъ-Дареджаніани“, начинающійся и оканчивающійся такъ же, какъ и рукопись Общества грамотности. Д. Чубиновъ напечаталъ въ „Грузинской хрестоматіи“ 4-ю главу изъ этой повѣсти (Спб. 1863). Ср. по рукописи стр. 41 и слѣд.

Внемлите читающіе! Аминь*. Конѣцъ разсказа не даетъ отвѣта о загадочной его смерти. Амиранъ въ разсказѣ выставляется мягкосердечнымъ и честнымъ воиномъ, который отвращается отъ крови, ищетъ мира, почитаетъ власть и любитъ сиротъ. Онъ добръ и не гордится своей силой; вступаетъ въ бой лишь по необходимости, въ интересахъ защиты страны. Помимо храбрости онъ располагаетъ къ себѣ всѣхъ своимъ великодушіемъ и остроуміемъ. Преувеличенное восхваленіе одинаково расточается предъ всѣми разсказчикомъ: часто приходится слышать, что „такого-героя“ или „такой битвы“ никогда не бывало. Безконечныя состязанія героевъ въ присутствіи царя и горожанъ составляютъ также принадлежность грузинскихъ героическихъ повѣстей. Изъ-за красавицъ эти состязанія сопряжены съ крупными препятствіями, которыя благополучно, какъ въ сказкахъ, героями отдѣльных главъ устраняются. Весь разсказъ идетъ отъ имени Саварсамидзе, соратника (раба) Амираана. Слѣдовъ христіанства въ повѣсти не замѣчаемъ, и слово „аминь“ въ концѣ ея, вѣроятно, является позднѣйшимъ прибавленіемъ переписчика. Связь же Амиранъ-Дареджаніани съ устнымъ сказаніемъ объ Амиранѣ замѣтна всего ярче въ началѣ разсказа, гдѣ упоминаются трупъ Амираана съ письмомъ въ рукахъ, борьба его съ чернымъ и красными витязями, съ чернымъ, бѣлымъ, краснымъ драконами, съ Бакбакъ-дэви, исканіе Амираномъ невѣсты, по злему указанію женщины. Болѣе же подробный разборъ и сопоставленіе его съ устнымъ сказаніемъ откладываемъ для II части.

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 41. Объ Амиранѣ. См. „Сбор. мат. для опис. Кавказа“ вып. XVIII, Тифлисъ, 1894, стр. 378—381.

Къ стр. 42 et sq. Упомянутое о Ростомѣ находимъ у Ш. Руставели, поэта XII в. См. изд. 1846 г., стр. 25, строфа 198. О Ростомѣ же Удинская сказка въ Сбор. мат. для опис. Кавказа. VI в.

Къ стр. 66. О грузинскомъ пѣвнѣи *Г. Садзачеловъ* „Нов. Обзор.“ № 3061.

Зурабъ, арагвскій Эриставъ, по народнымъ историческимъ пѣснямъ (къ стр. 58—63).

Во времени царя Георгія Блистательнаго (1318—1346) горцы были свободны отъ феодаловъ, подчиняясь одному царю. Подъ вѣдѣніемъ арагвскаго и всанскаго эриставовъ были правители ущелій: хевисъ-бери, хевисъ-тави, цихисъ-тави. Горцы, строго говоря, были независимы, благодаря естественнымъ условіямъ страны и управлялись собственнымъ обычномъ правомъ. Суровая природа выработала изъ горца безстрашнаго и отважнаго воина:

Мужъ долженъ имѣть желѣзное сердце,
А латы деревянныя,
Глаза озирающіе, какъ коршунъ
И грудь соколиную ¹⁾.

Такой характеръ горцевъ внушалъ царямъ мысль осторожно относиться къ нимъ. Самъ Ираклій, „герой-героевъ“, не покушился на ихъ свободу. Одинъ только арагвскій эриставъ, Зурабъ, попытался въ XVII в. сломить ихъ гордость. Горцы на времянесли тяжелое иго. До сихъ поръ они вспоминаютъ съ омерзѣніемъ эпоху Зураба:

„Зурабъ опозорилъ страну:
А матерей заставилъ плакать,
Растегнулъ у женщинъ платье
И ущипнулъ (дерзко) за грудь“.

¹⁾ *Иверія*, 1888, 238 и 241. Н. Урбелли.

По грузинской летописи Эривастъ Нугзаръ овладѣлъ Хеви и Мтиулетіей, относительно же Пшаветіи и Хевсуретіи тамъ не находимъ свѣдѣній. По народнымъ пѣснямъ, однако, можно заключить, что Зурабъ сынъ Нугзара, пытался покорить своей власти и эти послѣднія области, но тщетно. Дѣдъ Нугзара былъ простой дворянинъ азнауръ изъ сел. Вапати на р. Ліяхвѣ. Царь Свимонъ I пожаловалъ крѣпость Ванатскую дѣду Нугзара, когда послѣдній взялъ ее у возмущившагося противъ царя ванатскаго владѣтеля. Затѣмъ склонивъ на свою сторону ксанскаго эриваста, „ванатскій азнауръ“ напалъ на Тектурманидзе и Дчармеули и овладѣлъ ихъ помѣстьемъ—Базалети, а Свимонъ пожаловалъ ему арагвское эривастство. По смерти новаго Базалетскаго помѣщика, одинъ изъ его незаконорожденныхъ сыновей перебилъ своихъ законорожденныхъ братьевъ и только одинъ молодой племянникъ его, Нугзаръ, уцѣлѣлъ. Это было время шаха Аббаса, когда царская власть ослабѣла, а феодалы усилились. Тогда-то Нугзаръ, арагвскій эривастъ, овладѣлъ Базалети и покорилъ мтиульцевъ, хотя они подчинялись ему мало. По смерти Нугзара, эривастомъ долженъ былъ сдѣлаться старшій сынъ его Баадуръ, но Зурабъ отправился къ Аббасу, получилъ эривастство, изгналъ брата и самъ овладѣлъ Базалети. Покоривъ Мтиулетію, Зурабъ протянулъ руку къ Пшаветіи и Хевсуретіи. Война возникла между Зурабомъ „прославившимся и сначала востонавшимъ у шаха“ и съ „горными львами“. Первая битва произошла при сліяніи Пшавской и Хевсуретской Арагвы; на открытой полянѣ Зурабъ нападаетъ на нихъ со стороны Мтиулетіи. Изъ ущелья Ликоки, занятый отдѣльнымъ родомъ, выступилъ „отрядъ соколовъ“, перебившій у Зураба множества дворянъ, кровь которыхъ образовала непереходимую Алазань, а вороны растаскали трупы азнауровъ. Пшавы—„орлы горъ“ близъ дер. Матура истребили у Зураба—„да будетъ имя его проклято“—войско, собранное въ теченіе 7 мѣсяцевъ. Первый походъ такимъ образомъ былъ неудаченъ. Горцы стали сами разорять эривастскіе владѣнія въ отищеніе, окрашивая кровью пески и траву. Зурабъ тогда напалъ на нихъ уже со стороны Хеви и ворвался въ окрестности Рошки; тогда то „расплакались крѣпости“, просятъ его хевсуры уйти, обѣщая ему бегара (дань). Зурабъ же не довольствовался бегарой, желалъ ихъ подчинить полной своей власти. Возобновилась война близъ селъ Гудани въ Бегенъ-гори, признаннаго нынѣ народомъ святымъ мѣстомъ, п. ч. здѣсь подъ камнемъ покоится герой Мамука Калиндаури. Здѣсь возжигаютъ свѣчи, слѣзаютъ съ коней и кланяются ему, освободителю отъ вторженія Зураба. Побѣдивъ войско послѣдняго, Мамука всадилъ въ землю камень (межу), переступившіе чрезъ который на себя примуть грѣхъ

пашекъ; пало такъ много народу, что изъ крови убитыхъ могло мельничное колесо вертѣться. Послѣдствіемъ битвы былъ отказъ Зураба подчинить хевсуровъ — неповорныхъ, имѣющихъ во главѣ „свѣтлаго Калундаури“.

Зурабъ причинилъ много неприятностей и пшавамъ. Онъ осквернилъ ихъ сватыню Лашарисъ-джвари, срубивъ „старый дубъ“ послѣдняго. Дубъ вершиной, по мнѣнію народа, связывался съ помощью золотой цѣпи съ небесами и охранялся ангелами—хранителями пшавскихъ воиновъ. Послѣ святотатственнаго поступка Зураба, обмазавшаго дубъ кровью кошки, чтобы срубить дубъ, ангелы улетѣли, знаменуя этимъ гибель страны. Зурабъ, вскармливая ячменемъ съ долины своего коня, не привыкшаго къ горному ячменю, неуклонно стремился сломать Лашарисъ-джвари, и достигъ цѣли. Но царь Теймуразъ убиваетъ возгордившагося и усилившагося Зураба, тестя знаменитаго Георгія Саакадзе. Царь предъ тѣмъ отдалъ за него дочь свою Дареджану, чтобы съ его помощью покорить Кахетію и Карталинію, но потомъ Зурабъ опять переспелъ на сторону царя Свимона, называвшаго эристава своимъ отцомъ. Но царь ошибся жестоко: Зурабъ снялъ съ него голову и поставилъ въ подарокъ своему тестю. Послѣ этого, конечно, Теймуразъ мало довѣрялъ своему зятю. По пѣснямъ послѣдній былъ приглашенъ царемъ въ Сапурцле. Онъ является съ свитой приближенныхъ воиновъ. Здѣсь его угощаютъ плодами, напитками, пѣніемъ и музыкой; усыпляютъ и во время сна наносятъ ему смертельные удары Элумъ Тугумишвили при участіи моурава—правителя тушинъ, Барамъ Сашкашвили и др. Пшаво-хевсурскія жены могутъ спать теперь спокойно, а мать Зураба горько оплакиваетъ его, приговаривая: кто убилъ тебя Зурабъ, кто лишилъ тебя главенства въ Карталиніи (по смерти Саакадзе), когда я думала, что нѣтъ храбрѣе тебя никого! Жена его, сестра Теймураза, тоже жалуется, а царь, вступивъ въ Душетъ, выдаетъ ее за имеретинскаго царя Александра, но здѣсь Дареджанъ надоѣлъ гоми (просо итальянское) и вспоминаетъ кахетинское вино.

Къ стр. 85. Сказка Объ Очо-вочо См. „Сбор. мат. для опис. Кавказа“ в. XVIII, отд. III, 361.

Къ стр. 109. Когда Ной выпустилъ изъ ковчега коршуна послѣдній не вернулся, за что былъ проклятъ Ноемъ. Вѣчно мучимый жаждою, коршунъ летаетъ съ тѣхъ поръ надъ водою и жалобно кричитъ: „мцкуріа“ (жажду).

Къ стр. 110. „Кто былъ кади“, *Иверія*, 1894, 189.

Къ стр. 137. Заговоръ названъ по ошибкѣ противъ *смаза*, слѣдуетъ читать противъ болѣзни ногтей. Заговоры см. еще „Сб. мат.“ в. XVIII, отдѣлъ III.

Къ ст. 165—178 (изъ Рукописи церков. музея № 153).

По выходѣ изъ рая, Адамъ и Ева, разыскивая въ теченіе 7 дней пищу, горько плакали. Они рѣшили 40 дней каяться, чтобы удостоятся благоволенія Божьего. Ева въ рѣкѣ Тигрѣ до шеи погрузилась въ воду, а Адамъ направился къ р. Иордану, которому онъ жаловался со слезами, что животныя имѣютъ пропитаніе, а онъ его лишенъ. По истеченіи 12 дней, дьяволъ пришелъ къ Евѣ и отъ имени Адама привелъ ее изъ рѣки къ нему. Увидѣвъ второе прегрѣшеніе жены своей, Адамъ сталъ горько плакать, онъ сталъ упрекать дьявола, что онъ вынужденный по ея винѣ томиться на землѣ. Дьяволъ отвѣтилъ, что виновникъ его паденія Адамъ. По сотвореніи перваго человѣка, по подобію Божьему, ангелы получили приказаніе поклониться ему. Но дьяволъ отказался почтить созданіе моложе и меньше себя и вмѣстѣ съ 6 единоплеменными ангелами Самоэль былъ низвергнутъ. Адамъ сталъ каяться въ рѣкѣ, а Ева стала его славить, что онъ преступилъ заповѣди. Она направилась къ востоку, гдѣ за три мѣсяца до рожденія Каина стала страдать отъ болей. Слышалъ Адамъ ея стоны къ Иорданѣ, началъ молиться Богу о дарованіи ей облегченія ¹⁾). Послалъ ему Господь арх. Михаила съ сѣменами, а Евѣ 12 ангеловъ, которые научили родить и назвали младенца Каиномъ, такъ какъ онъ будетъ истребителемъ добра. По истеченіи 8 лѣтъ родился у нихъ на восточной сторонѣ сынъ Авель. Ева видитъ зловящій сонъ, какъ Адамъ пьетъ кровь Авеля ²⁾).

По наущенію двухъ дьяволовъ Каинъ убиваетъ, несмотря на мольбы, брата своего острымъ камнемъ. Въ утѣшеніе у Адама рождается Сейтъ и 30 сыновей и 30 дочерей ³⁾). Когда прошло 930 лѣтъ впалъ въ болѣзнь Адамъ. Онъ приказываетъ собраться въ шалашъ, имъ сдѣланный всѣмъ своимъ дѣтямъ и внукамъ. На вопросъ Свѣа о болѣзни Адама сначала самъ послѣдній рассказываетъ, а потомъ Евѣ приказываетъ рассказать, какъ они жили въ раю подъ покровительствомъ 12 ангеловъ, но пали и изгнаны изъ него. Слѣдуетъ хожденіе Свѣа въ рай за елеемъ милосердія для больнаго отца, но на ихъ воззваніе у рая Богъ послалъ арх. Михаила сказать, что елса имъ невозможно получить.

¹⁾ Ср. у меня стр. 265, гдѣ передается грузинская версія „рукописанія Адама“.

²⁾ Въ греч. текстѣ такой сонъ Ева видитъ предъ убіеніемъ Авеля, а въ славянскомъ сонъ видитъ Адамъ до рожденія Каина и Авеля. *Порфирьевъ*, 36.

³⁾ Адамъ и Ева живутъ 18 л. и 2 м. на востокъ, пророчесвенный сонъ Евѣ, убіеніе Авеля, рожденіе Свѣа, 30 сыновей и 30 дочерей, болѣзнь Адама. См. *Порфирьевъ*, 37.

Но придетъ Христосъ и креститъ на Иорданѣ народъ водою и елеемъ, когда исполнится 5500 лѣтъ ¹⁾.

По смерти Адама спустились ангелы, воскурили оніміамъ, помазали его елеемъ, облекли и предали его погребенію, а за нимъ такимъ же образомъ Авеля, который оставался непогребеннымъ, а душу ихъ Господь возвелъ въ третія небеса. Господь запечаталъ гробъ Адама и запретилъ 6 дней прикасаться къ нему. Ева горько плакала и просила Господа не разлучать ее съ Адамомъ. По окончаніи молитвы, она испустила душу. Спустились три ангела и положили ея плоть рядомъ съ Адамомъ —Этотъ отрывокъ заимствованъ нами изъ пергаментной рукописи Тифлис. церковнаго музея. Памятникъ писанъ мелкимъ хуцурі (церковными буквами) на 375 стр. in 8°. Принадлежимъ Давидо—Гареджійской пустыни. Въ концѣ памятника читаемъ: Господи продли дни... (имя соскоблили), по приказанію котораго написано сія книга. На послѣдней страницѣ приписано *мхедрули* (гражданскими буквами): эту книгу гражданскими буквами переписалъ іеромонахъ Стефанъ. Другія приписки не важны. На 161 стр. текста при изложеніи исхода евреевъ изъ Египта читаемъ приписку: „здѣсь не доставало слова“, что указываетъ на болѣе древній подлинникъ. Книга представляетъ краткій обзоръ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи.

Содержаніе ея: созданіе прародителей и время отъ нихъ до Христа; переводъ библій; переселеніе израильтянъ въ Египетъ. О созданіи Адама; изъ философовъ; изъ философіи Платона. Ученіе Іоанна Златоуста: объ усопшихъ и плакальщикахъ; видѣніе грѣшниковъ Павломъ; ²⁾ бесѣда І. Христа съ разслабленнымъ; о бѣдномъ Лазарѣ и богачѣ; о страхѣ Божьемъ и покаяніи; о терпѣніи и переселеніи въ тотъ міръ; его же о покаяніи; его же о столпничествѣ.

На 54 стр. послѣ приведеннаго отрывка читаемъ: книги эти наз. *апукрофи* ³⁾. Чтеніе (книга) для проповѣдниковъ (учителей) а не каждаго мірянина, не для невѣжественныхъ, а для мудрыхъ людей“.

Переводъ св. отца нашего Ефрема о созданіи неба и земли, о смерти Адама и погребеніи его на Голгоѣѣ. *Ἰωάννης βαρσοῦργραφος* περὶ τοῦ Ἀδάμ.

¹⁾ Это мѣсто заимствовано изъ Евангелія Никодима. *Порфирьевъ*, 38.

²⁾ Ср. *Sextus Iulius Africanus und die Byzantische Chronographie* von Heinrich Gelzer. Leipzig. 1880.

³⁾ См. Сбор. груз. рукоп. XVIII в. изъ библ. *Чубинова* № 106. Книга эта по гречески наз. апокрифъ, сказанный св. Ефремомъ или его переводъ созданія неба и земли.

За рассказомъ о созданіи міра, начиная съ воскресенья по библіи, слѣдуетъ повѣсть о сотвореніи Адама въ шестой (пятницу) день изъ четырехъ стихій холоднаго и теплаго, мокраго и сухого. Отъ Адама исходили лучи, какъ отъ солнца, и далъ онъ имя всѣмъ животнымъ. Взялъ его Господь въ эдемъ, усыпилъ, взялъ одно ребро и создалъ ему жену, Еву. Обрадовался Адамъ и провелъ съ нею въ раю 3 часа, какъ говоритъ *Мосе Цицикели*. Далъ намъ заповѣдь на древшѣ жизни, изъ котораго былъ врестъ Спасителя. Слѣдуетъ рассказъ объ изгнаніи изъ рая, о собираніи Адамомъ золота, ладана и мвра, которые онъ относитъ въ пещеру, названную имъ сокровищницей¹⁾. Рождаются Каинъ и сестра его Ліуду, Авель и сестра Кальмана (у Порфирьева дочери Адама—Азара и Асуама). Каинъ не доволенъ назначеніемъ въ жены Кальману, и желаетъ красивѣйшую Ліуду, отданную Авелю. Рожденіе (Сеита); убійство Авеля. Рожденіе Сеита и женитьба его на Кальманѣ, сестры Авеля. Рождается у нихъ Энохъ, а у послѣдняго Каипана, которая рождаетъ Малалаенъ. При смерти Адама въ 930 г. они собираются при прародителѣ. Адамъ завѣщаетъ имъ бальзамировать и предать его погребенію, не сближаться съ потомствомъ Каина и прославлять Бога. Умеръ Адамъ въ мартъ мѣсяцѣ. Сеитъ и его потомки поселились на горѣ, гдѣ былъ погребенъ Адамъ. Они не сѣяли и не знали заботъ. Гласъ ангеловъ былъ слышенъ, такъ какъ небо было на разстояніи 30 парсаховъ (парасаниговъ, что указ. на переводъ грузинскаго текста съ греч. языка). Сеитъ благословилъ Эноха и назначилъ правителемъ, заповѣдавъ чтить могилу Адама. Ум. Сеитъ въ 1012 г. августа 17, во вторникъ.— Ламекъ убиваетъ Каипа: Энохъ умеръ 905 лѣтъ.

Къ стр. 165. Абукурова, можетъ быть даетъ намекъ на Абукура и Балавари. См. *Hommel*. Prinz und Derwisch. Munchen, 1890, стр. 137 и 146.

Къ стр. 169. Господь повелѣваетъ Ною построить ковчегъ въ 300 локтей въ длину и 50 шир.

На стр. 209. наз. рукописи читаемъ, на 19 году царствованія кесаря Тиверія былъ распятъ Христосъ въ 5500 г. Благовѣщеніе Богородицы случилось въ воскресенье. Введеніе во Храмъ Соломона въ четвергъ, въ день пятницы 1 апрѣля, въ 15 день луны пришелъ Христосъ принять страданіе для насъ. Возложенъ вѣнокъ терновый. Въ день пятницы созданіе Адама, съ слѣдующую пятницу Адамъ даетъ имена собравшимся животнымъ. Въ 5-ую пятницу Ева приблизилась къ запретному дре-

¹⁾ Эти подробности отсутствуютъ у Порфирьева, оп. с. 245—6.

ву, а Христосъ взошелъ на древо жизни. Въ 6-ую пятницу Адамъ сталъ нагъ, а Христосъ нагимъ распятъ на Крестѣ. Въ пятницу Адамъ умеръ и вошелъ въ царство небесное. Въ пятницу Адамъ и Ева согрѣшили и въ пятницу получили прощеніе и т. д. Кровь и вода изъ прободеннаго ребра Христа омыла лобъ Адама, погребеннаго подъ воздвигнутымъ для распятія Спасителя вѣстомъ хитонъ его былъ связанъ на небесахъ ¹⁾).

Къ стр. 193. См. объ Абрагѣ еще L'Eroubna d'Edesse. Histoire d'Abgar et de la prediction de Thaddée, trad. sur le manuscrit unique de la bibliotheque impériale de Paris par Emine. Въ Collection des historiens de l'Arménie par V. Langlois I, 317—331.

Дополненіе въ „Хожденію Богородицы по мукамъ: (стр. 200). Въ 1893 л. въ Кембриджѣ вышла книга Textes and Studies contributions to biblical and patristic literature edited by. J. Armitage Robinson B. D. Fellow of Christ's college Cambridge norrisian professor of divinity Vol. II № 3. Aprocrypha anecdota by montague Rhodes James M. A. Отзывъ объ этой книгѣ въ „Byzantische Zeitschrift“ подъ ред. К. Крумбахера, 1894, III, 2, 421—4.

115—126 стр. посвящена Ἀποκάλυψις τῆς ἀγίας Θεοτόκου. Онъ начинается Ἡμελλεν ἡ παναγία Θεοτόκος παρεῦεσθαι πρὸς τὸ ἔρος τῶν ἐλαίων τοῦ προσεύχεσθαι προσευχομένης δὲ αὐτῆς πρὸς κύριον Θεὸν ἑμῶν εἶπεν.

Къ духов. стихамъ (къ стр. 229 et sq.).

I. Христосъ.

Былъ Я въ небесахъ со свѣтомъ,
Отъ свѣта принялъ локъ,
На землѣ никто не зналъ,
Сыномъ Адама воплотился.
Окружили меня соблазнами,
Но Я остался побѣдителемъ,
Создалъ Я пѣвчихъ
И далъ Свой образъ священнику—
И свои сердечные запросы
На бѣломъ (?) показатъ.

¹⁾ Ср. Хожденіе Богородицы по мукамъ у меня стр. 200. Мы переведемъ „Видѣніе Павла“ на русскій языкъ въ другое время, такъ какъ рукопись была вытребована въ Тифлисъ. Ср. Хожденіе игумена Данила объ омовеніи лба Адама кровью и водою изъ ребра Христа,

Построилъ два дома —
 Одинъ сладкій, другой горькій,
 Разрушилъ горькій домъ,
 Сохранилъ его четверть,
 Посадилъ туда царя Ирода,
 Банна-братоубійцу,
 Рядомъ съ нимъ Іуду —
 Продавца Спасителя.
 Выпить смола и выливается,
 Кругомъ пылаеть геена,
 Тамъ лежитъ кончикъ языка
 Не чтящаго родныхъ сына ¹⁾.

Къ стр. 256. Легенда о грѣшной матери, приведенная проф. Сумцовымъ, передаемъ, что монахъ или апостоль Петръ хотѣлъ вытащить изъ ада свою грѣшную мать посредствомъ стрѣлки лука. Грѣшныя души уцѣпились за грѣшную мать; она стала отбивать ихъ ногами, но и сама оборвалась въ адъ („Кіев. Старина“ 1894, IV).

Къ стр. 272. *Было три брата* ²⁾, одинъ пастухъ, другой земледѣлецъ, третій находился въ распоряженіи первыхъ двухъ. Пастухъ имѣлъ обыкновеніе по воскресеньямъ изъ благочестія отпускать рабочихъ домой и самъ становился стражемъ своего стада. Разъ онъ видитъ, что одна овца отдѣлилась отъ стада и куда-то направилась. Слѣдуя за нимъ, пастухъ увидѣлъ большую яму, въ которую упала за недѣлю голодный волкъ, а нынѣ онъ лакомился живой овцой. Врагъ выкопалъ эту яму въ надеждѣ, что пастухъ погонитъ стадо, туда упадутъ овцы, которыми онъ намѣревался воспользоваться. Гибель одной овцы спасла цѣлое стадо и пастухъ, благодаривъ Господа, вытащилъ волка изъ ямы, не желая причинить *зла за зло*. Разказалъ онъ объ этомъ братьямъ, и вскорѣ отъ нихъ выдѣлился, роздавъ все доставшеся состояніе бѣднякамъ. Жена очень огорчилась такимъ распоряженіемъ мужа, который ее успокаивалъ упованіемъ на Господа: если Онъ не забылъ волка въ ямѣ, то тѣмъ болѣе не забудетъ Онъ ихъ. Когда жена все же пригнала двухъ буйволовъ изъ дома своихъ родныхъ, то мужъ отказался отъ нихъ. Буйволы паслись на свободѣ недалеко отъ ихъ дома и во время жары купались въ озерахъ. Разъ жена видитъ, что буйволы откопали камень, который прикрывалъ кладъ золота и серебра. Она предлагаетъ мужу взять кладъ, но тотъ отвѣчаетъ, что если Богъ

¹⁾ *Иверія*, 1888, 87. Запис. въ Карталиннѣ Ап. Годердзашвили.

²⁾ *Джеджили* 1891, III. Кабалдзе.

хочетъ, то Самъ принесетъ его на домъ. Считая его сумасшедшимъ, жена съ своимъ сосѣдомъ ночью направляется въ кладу и къ удивленію, вмѣсто золота находятъ въ кувшинахъ змѣй и лягушекъ. Сосѣдъ, оскорбленный обманомъ и, видя въ поступкѣ сосѣдки злой умыселъ, оплатилъ тѣмъ, что кувшинъ съ змѣями и лягушками доставилъ тайкомъ въ деревню и бросилъ ей избу, желая сдѣлать мужа съ женою достояніемъ этихъ гадъ. Утромъ жена видитъ, что кругомъ въ избѣ разсыпаны жемчугъ и драгоценные камни. Мужъ сповоино отвѣтилъ, что это достоинъ милости Господа, Онъ самъ знаетъ.

Три нищихъ и Христосъ ¹⁾. Христосъ встрѣтилъ трехъ нищихъ и спросилъ ихъ, о чемъ каждый изъ нихъ желалъ бы просить Бога. Первый пожелалъ, чтобы камни на берегу рѣки обратились для него въ стадо барановъ. Другой предпочелъ просить Бога о превращеніи кустарниковъ въ виноградный садъ, а третій скромно ограничился нужнымъ для плуга числомъ быковъ. Желанія ихъ исполнились и они разбогатѣли. Разъ I. Христосъ въ качествѣ нишаго посѣтилъ ихъ. Первый изъ бывшихъ нищихъ велѣлъ бросить ему ненужную шерсть, второй Ему несъѣдобный виноградъ подалъ, а третій принялъ радушно, умылъ ноги и угостилъ отъ души. Господь наказалъ первыхъ двухъ тѣмъ, что бараны обратились снова въ камни, виноградный садъ въ кустарникъ, а третьяго благословилъ, сдѣлавъ его хозяиномъ и виноградника, и стада барановъ.

Къ стр. 283. Какой-то царь прижилъ съ царицей Тамарой сына. Мальчикъ былъ кормилицей отнесенъ въ лѣсъ. Здѣсь она отрѣзала ему мизинецъ. По прошествіи трехъ недѣль, она пришла въ лѣсъ и увидѣла, что ребенка кормить лань своими сосками. Черезъ три мѣсяца она опять нашла лань возлѣ ребенка. Онъ выросъ и возмужалъ. Молва объ его красотѣ дошла до царя. Царю представила ребенка. Мамка бывшая при этомъ замѣтила, что на его рукѣ не достаетъ мизинца и тотчасъ вспомнила о побочномъ сынѣ царя, брошенномъ ею въ лѣсу на произволъ судьбы. Изъ питомца лани вышелъ знаменитый и богатый Багратъ (?). („Сбор. мат. для опис. Кавказа“, вып. XVIII стр. 318—2).

Къ стр. 314—315 („о дняхъ добрыхъ и злыхъ“) „Сказаніе про рокомъ Азономъ (Эздрой?) о томъ, что въ каждомъ мѣсяцѣ два дня каината“ (дурныхъ): въ январѣ 4 и 9; въ февралѣ 6 и 9; въ мартѣ 6 и 15; въ апрѣлѣ 3 и 10; въ маѣ 3 и 20; въ іюнѣ 18 и 27; въ іюлѣ 4 и 20; въ августѣ 6 и 17; въ сентябрѣ 3 и 20; въ октябрѣ

¹⁾ *Джеджили* 1890, I.

3 и 15; въ ноябрѣ 8 и 15; въ декабрѣ 3 и 24. Въ эти что сдѣлаешь, все окончится въ несчастью; рожденный несчастенъ, свадьба неудачна. См. еще „Сбор. мат. для опис. Кавказа“, вып. XVIII, отд. III, 275.

Къ стр. 324. Алексѣй человекъ Божій. Ср. *Arthur Amind. La légende syrique de saint Aexis l'homme de Dieu. Paris, 1889.* Объ этомъ же *Hommel* и *Weisslovits. Prinz und Dervisch. Ein indischer Roman enthaltend die Jugendgeschichte Budda's. München, 1890, стр. 145.*

Сохранились указанія въ различныхъ рукописяхъ, книгахъ и каталогахъ о существованіи на грузинскомъ языкѣ слѣд. еще апокрифовъ:

1. Жизнь Адама (въ Давидо-Гареджійской пустыни).
2. „Небротіани“ или книга Эноха.
3. Плачъ Адама по-загнагорійски въ Спб. публичной библиотекѣ.
4. „Пренія І. Христа съ дьяволами изъ рукописей Месхишвили въ библиотекѣ Общества распространенія грамотности среди грузинъ“. Въ одномъ „Карабадини“, составленномъ Алмасханомъ Гургенидзе, (располагая персидскимъ оригиналомъ) рассказывается о важности теплоты крови для жизни и прибавляется, что по этому вопросу (предмету) повѣствуетъ мудрый врачъ Елизбаръ авторъ „Разлуки души съ тѣломъ“. („Дрозба“ 1885, 95). Относительно этого же апокрифа П. Квицаридзе писалъ мнѣ въ 1893 г., что одинъ знакомый рассказалъ ему содержаніе большой рукописи о „разлукѣ души съ тѣломъ“. Рукопись эта погибла, по словамъ г. Квицаридзе, во время пожара.

5. „Мцкемса“ 1893, 7 сообщаетъ о „Цвѣтѣ (розѣ) рая“, рукописи, переписанной съ древняго подлинника въ 1794 г. въ Давидо-Гареджійской пустыни. Ср. каталогъ „Общ. распротр. грам.“ I, 162.

6. Св. Евѣимій упоминаетъ, что на грузинскій языкъ были переведены сочиненія Оригена, которыя Церковью не признаются. По этому же вопросу находимъ слѣд. свѣдѣнія въ припискѣ къ одному Евангелію (1033 г.) местійской общины въ Сванетіи: если кто ограбилъ церковь, если кто лишить свободы человекъ или обидитъ священниковъ, если кто поймаетъ священника или женщину, если кто продастъ человекъ въ Осетію, если подожжетъ домъ, да будетъ проклятъ онъ, домъ его, вся его житница, пища и жетье и на землѣ и въ загробной жизни. Да будетъ онъ вмѣстѣ съ Ростаномъ и Орагине (т. е. Несторъ и Оригенъ). „Условіе это принято всѣми обществами, входящими въ составъ „Хеви“ (ущелья). См. *Путешествіе епископа Григорія, Поти, 1893.*

7. Въ одномъ памятникѣ, какъ пишетъ мнѣ О. Д. Жорданія, пе-

речисляются различныя народности въ числѣ ихъ: дидойцы, лезгины, джиги, русскіе, падчици (печенѣги?), грузины, абхазцы, сваны, мингрельцы и др. За ними слѣдуютъ: одноглазы, нагоправедники ¹⁾, карлики, псиголовы, морскіе люди, дэви, гогъ-магогъ, тушины, явобиты и др. Такимъ образомъ, на ряду съ историческими народами называются сказочныя и вымышленныя племена.

8. „О семи небесахъ“, рукопись, заключающая гораздо больше, чѣмъ объщаетъ заглавіе.

9. „Слово о второмъ пришествіи“ — рукопись, начинающаяся: „явятся варвары, которые суть турки и плѣнятъ всю страну“. Покажется: 1) царь-орелъ послѣ господства персовъ и грековъ; 2) царь-волъ; 3) царь-серпъ; 4) царь-нищій; 5) царь-патріархъ; 6) царь-женщина.

10. „Вопросъ Соломона и отвѣта Зирахія“.

11. „О сотвореніи неба и земли, какъ объ этомъ писано въ книгѣ Ефратъ“.

12. Слово Діонисія Ареопагита о сотвореніи рая и Адама.

13. О сладости рая и вѣсти о раѣ.

14. Вопросъ и отвѣты свв. Василия и Григорія.

15. Слово о Мелхиседекѣ рукопись Георгія Ломіашвили („Иверія“, 1893, 28). Ср. *Веселовскій*. Разысканія, III—V, 42 et sq).

16. Испытаніе Маріи жрецами.

Грузинскія народныя сказки и игры, собранныя Бебуръ Б. Ти-флисъ, 1887. Объ играхъ см. еще *Джеджили*, I, 1893. Сказки о Таріелѣ мы разберемъ въ связи съ поэмой Ш. Руставели „Барсова кожа“.

Изъ рукописи церковнаго музея № 153.

Стр. 222. Вслѣдъ за краткимъ изложеніемъ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта (Рождество Христово, избіеніе младенцевъ. Воскресеніе Христово и др.) слѣдуетъ съ киноварью: *Изъ сочиненій философовъ*. Начинается словами: нѣтъ продолжительности во времени; все (совершающееся) есть наставникъ въ мудрости. Принятіе пищи умѣренно согласно съ природою. Дѣйствуй внимательно въ жизни своей и ищи источника для вѣчной жизни... Царь тотъ, кто имѣетъ власть надъ страстями вредными для души... Сокровищница всѣхъ благъ — любовь божественныхъ заповѣдей и служеніе имъ. Слѣдуетъ толкованіе заповѣдей... Бога прославляй, а людямъ дѣлай добро... Исцѣленіе

¹⁾ Существуетъ въ переводѣ разсказъ „о нагошудрецахъ“ *Цагаремъ* „Памятники на Синаѣ“ стр. 237. Ср. мою статью объ Александрѣ Македонскомъ и Сербская Александрія. Жур. Мин. Нар. Пр. 1893, сентябрь.

язвъ души важнѣе, чѣмъ лѣченіе язвъ тѣлесныхъ, ибо муки душевныя силнѣе мукъ тѣлесныхъ. Научи людей дѣлать добро, а зло они сами умѣютъ.

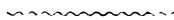
Стр. 243. Изъ философіи мудреца Платона.

Радость твоя—искренность сердца; радости мірскія—цари мірскіе, творящіе справедливость и міръ. Стѣсненіе тѣла есть сердце испорченное отъ болѣзни. Стѣсненіе міра — цари творящіа несправедливость, всяческое злое и нечестіе. Цари—время. Если цари хороши и время хорошо, а если цари злы, то и время зло. Цари суть тѣлесные боги—воспитатели души.

Присланная изъ церковнаго музея рукопись № 173 (вм. № 174), заключаетъ Хронграфъ Георгія Мниха (монаха, *Mónaxos*) хотя мхедрули—приписка гласитъ, что это Небродіати). № 173 in. fol. съ миниатюрами—Псалмы Давида на пергаментѣ.

Прислана была еще рукопись № 178 изъ того же музея вмѣсто рукописи XI в., заключающей „Дѣтство Христа“. № 178 представляетъ житіе Григорія Богослова—на бомбицинѣ писана хуцури.

Метафрастъ X- -XI в. Книга, написанная Іосифомъ Аримаеѣйскимъ, ученикомъ І. Христа и разсказъ о построеніи церкви, сущей въ Іерусалимѣ, въ святомъ градѣ Богородицы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе I—II.

Грузинскій языкъ 1—2.

Народная словесность: I. *Обряды и тѣсни*. Святочные 5—7. Новогодиѣ 7—13. Весенніе 13—14. Масляничные 14—15. Кееноба 15—16. Пасхальныѣ 16—17. Свадебные 17—18. Бытовыя пѣсни 18—19.

II. *Героическія тѣсни*. Амيرانъ; версія шавская 20—27. Сванетская 27—34. Барталинская 34—40. Амيرانъ и Амбрій 40—41. Амيرانъ и Рокани 41. Двойственный характеръ Амрана 42—43. Ростомъ; версія сванетская 43—45. Шавская 45—47. Сравненіе съ иранскимъ Рустемомъ 47—50. Имеретинская версія 50—52. Тушинская пѣсня о Ростомѣ 52. Этеріани 52—54. Пѣсни о Тиландзе 54—56. Пѣсни объ Арсенѣ 56—57. Поэма о Солазѣ 56—58.

III. *Историческія тѣсни*. Пѣсни объ Иракліи 58—60. Пѣсни о Тамарѣ 61—63. Пѣсни объ царяхъ Арчилѣ, Вахтагѣ и Эривастѣ арагвскомъ 61—62.

IV. *Лирическія тѣсни*. Эротическія 63—66. Полевыя 66—67. Хороводныя 68—70. Мусульманскія пѣсни 70—72. Армянскія 73—74. Пѣвцы 74—76.

V. *Сказки*. Мифологическія сказки 76—79. Легендарныя сказанія 79—80. Сказанія о змѣяхъ и дѣвахъ 80—88. Сказки о соловьѣ, живой водѣ 88—94. Обь оборотничествѣ 94—98. О вѣдьмахъ 98—102. Бытовыя сказки 102—105. Животный эпосъ 105—110. Сказки о красотѣ, долѣ и пр. 110—118.

VI. *Пословицы*. Мѣстныя пословицы 118—119. Историческія 119. Бытовыя 120—121. Поговорки 121—122.

VII. *Загадки*. Мѣстныя 126—128. Сказки въ загадкахъ 122—125.

VIII. *Заговоры* 125. Противъ града 126. Сглаза 127—128. При выдергиваніи зуба 128. Противъ рожистаго воспаления 128—129. Противъ испуга 129—132. Заговоръ противъ сглаза изъ Карабадини 133—134. Представленія о болѣзни 135—136. Лихорадка 136. Мигрень 136. Чирей 136—137. Чесотка 137—138. Сванетскіе заговоры 138—142. Оспа и корь 142—143. Колера 143.

Словесность мнимая. Древніе памятники грузинской письменности 145—155. Центры просвѣщенія въ древней Иверіи 155—164.

I. *Апокрифы*. Убійство Авеля 165—168. Благовѣщеніе ангела о рожденіи Сеты, построеніе Ноемъ ковчега и потопъ 168—170. Соломонъ и рыболовъ 170—175. Дѣвица и юноша (къ Бесѣдѣ 3 святителей) 175—182. Абрамѣянъ 182—184. Пѣснь объ Іовѣ 184—186. Успеніе Пресв. Богородицы 187—192. Посланіе царя Авгаря къ І. Христу 193—200. Хожденіе Богородицы по мукамъ

200—212. Заповѣдь І. Христа, данная папѣ Римскому Сильвестру 212—214. Плачь Богородицы въ Великій четвергъ 215—216. Вопросы св. Елизаветы І. Христу 216—217. Молитва Богородицы въ святымъ 217—222. Бесѣда Григорія просвѣтителя съ ангелами 222—226. Рай и драгоценныя камни 226—228.

II. *Духовныя стихи.* Стихи о загробной жизни 228—229. Библейскіе мотивы 229—231. Бесѣда души съ тѣломъ 231—232. Мученическая кончина св. Маринны 232—234. Ницій и Иоаннъ Креститель 234—237. Стихи о св. Георгіи 235—247. Повѣрія и иллюстраціи, связанныя съ св. Георгіемъ 247—251. Стихи о св. Георгіи и пророкъ Іліи 251—254. Стихи о св. Георгіи въ литературной обработкѣ 254. Стихи о дѣвахъ (Бопала и Яхсартъ) 254—255. Стихи о Соломонѣ 255. Стихи о праведникѣхъ и грѣшникѣхъ 256.

III. *Легенды.* Легенда о Самоулѣ 256—257. Сотвореніе міра; версія Кахетинская 257—260. Пшавская 260. Сванетская 260—262. Карталинская 262—264. Армянская сага о происхожденіи огня 264—265. Рукописаніе Адама 265—266. О головѣ Адама 266. Сотвореніе человѣка 266. Соломонъ Мудрый 266—268. О происхожденіи князей отъ дочерей Ноя 268—269. Легенда объ І. Христѣ и Иоаннѣ Крестителѣ 269—270. Три брата (св. Георгіи и Спаситель) 270—272. Христосъ въ образѣ пшцаго 272—273. Легенда объ угодности всѣхъ религій предъ Богомъ 273—274. Долгъ Бога 274—275. Бѣднякъ (доля) 275—276. Объ озерѣ Палеостемѣ 276—277. Источникъ въ Ахталѣ 277. Кахетинская долина 277—278. О монахѣ 278. Воронья башня 278—281.

Историческія легенды. Шота Руставели 281—282. Царица Тамара 283—292. Александръ Македонскій 293—294. Царь Вахтангъ Горгасланъ 294—295. Доглауръ 295—299. Шахъ Аббасъ и Хорешана 299—302. Царь Леванъ 302. Кайхосро Вачнадзе и царь Иракаліи 303. Почему въ Грузіи такъ много красавицъ 303—304.

IV. *Суевѣрныя и гадательныя книги.* Каландоба 304—305. Лѣчебникъ 305—306. Барабадия 306—310. Лунный календарь 310—315. Громникъ 315. Хиромантія 315—318. Сонникъ 318—319.

V. *Житія святыхъ.* Житіе Андрея Салоса 320—323. Житіе блаженнаго Іоанна 323—324. Алексѣй—человѣкъ Божій 324—326. Житіе св. Георгіи 326—329.

Приложеніе. Амиранъ—Дареджаніани 330—352,
Дополненіе и поправки 352—364.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слдустъ.</i>
7	4 снизу	ор. cit.	Разысканія въ области рус. дух. стиховъ.
10	2 „	Этюды	Осетинскіе этюды.
41	2 „	Erganische и пр.	Spiegel...
48	4 „	такъ какъ о	такъ какъ.
65	4 „	послѣ	полѣ.
92	17 сверху	побѣдниковъ	побѣжденныхъ.
115	20 снизу	сварская	аварская.
154	17—20 „	Хронографы...	Хронографы заключали всеобщ. исторію, переведены въ раз- личное время и послужили источникомъ для хронографа...
—	3 „	Амартола	Амартолъ.
162	7 сверху	Ареопагъ	Ареопагитъ.
203	18 снизу	Пресвятая	Пресвятая,
216	8 „	Елисавета	Елизавета.
224	19 „	древнѣе	раньше.
262	9 сверху	грузинской	карталинской.
268	5 снизу	О происхожденіи князей	О происхожденіи князей отъ Ноя.
272	3 сверху	утонутыми	утопавшими.
282	3 „	себя	для себя.
299	8 снизу	Грузіи	Грузію.
305	14 „	звуки	буквы.

